РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2013

ВЕРОВ • ГИНЗБУРГ • ГОЛОВАЧЕВ • ЕВТУШЕНКО
ЗАРУБИНА • ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ •
КАЛИНИЧЕНКО • ПЕРВУШИН • ЧЕКМАЕВ • ХОРСУН

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
2013
ВЕРОВ • ГИНЗБУРГ • ГОЛОВАЧЕВ • ЕВТУШЕНКО
ЗАРУБИНА • ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ •
КАЛИНИЧЕНКО • ПЕРВУШИН • ЧЕКМАЕВ • ХОРСУН

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2013

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ
АНТОН ПЕРВУШИН
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
МАКСИМ ХОРСУН
АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
МАЙК ГЕЛПРИН
МАРИЯ ГИНЗБУРГ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
И ДРУГИЕ

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2013

ЭКСМО
МОСКВА

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 89

Составитель сборника *И. Минаков*

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Р 89 **Русская** фантастика-2013 : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2013. — 864 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-61055-6

Тысячи лет они правят нашим миром...

Недаром в земном фольклоре существует столько легенд и мифов о полуящерах-полулюдях! В далеком прошлом на Земле высадились первые из них. С тех пор нелюди не только расплодились, но и заняли все ключевые посты, как в коммерческих, так и в государственных структурах. К сожалению, современная Россия не исключение...

Огромный корабль, предназначенный для астроинженерных работ, выполняет в глубинах космоса опасную миссию. Завербованные таинственной расой Нанимателей, земные астронавты и не подозревают, на что подписались...

От грандмастера отечественной фантастики до талантливых новичков, от фантастического триллера до юмористической фэнтези — таков диапазон повестей и рассказов в традиционном сборнике «Русская фантастика»!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Н. Анискова, А. Бачило, А. Белоглазов, О. Бондарев, И. Вереснев, Я. Веров, В. Головачев, М. Гелприн, М. Гинзбург, А. Гумеров, М. Дробкова, А. Евтушенко, С. Жигарев, Д. Зарубина, А. Золотько, Т. Иванова, Д. Казаков, Н. Калиниченко, В. Колюжняк, Я. Кудлач, А. Ложкин, В. Марышев, В. Окулов, А. Первушин, Е. Первушина, Е. Сафонова, О. Силин, И. Ситников, К. Ситников, А. Фарб, В. Шарапов, Э. Шауров, В. Шторм, А. Шушпанов, М. Хорсун, С. Чекмаев, Ю. Южная, 2012

ISBN 978-5-699-61055-6 **© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013**

ГОСТИ НЕПРОШЕНЫЕ

1. ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Он знал, что преследователи где-то рядом, чуял всем телом их приближение и ничего не мог поделать. Их было много, и вооружены они были гораздо серьёзнее, чем он. Его пистолет против их излучателей казался зубочисткой против кинжала, и шансов уйти у него не было.

Тем не менее Крот попытался сманеврировать, чтобы вырваться за периметр облавы, который в данном случае представлял собой условную границу Москвы с Московской областью, то есть кольцевую автодорогу.

Он вышел из такси у поста ДПС, отвлёк внимание инспектора, собиравшегося сесть в бело-синий полицейский «Форд» с мигалками на крыше, заставил его — пристально глядя в глаза — отправиться в туалет, сел в машину и беспрепятственно выехал на Волоколамское шоссе.

Однако доехать до МКАД он не успел.

На светофоре за Сходненским мостом его с воем, по встречной полосе, обогнал джип «Инфинити RX-66» небывало яркого красного цвета и резко подал вправо, подрезая машину ДПС.

Крот знал, что преследователи не остановятся ни перед чем, так как имевшаяся у него информация была сродни атомной бомбе. Поэтому они не могли допустить утечки и блокировали беглеца с одной-един-

ственной целью — ликвидировать! А ответить им он мог только выстрелом из пистолета, в данных обстоятельствах не игравшего никакой роли.

«Форд» вильнул вправо, врезался в серебристую «Мазду», мчавшуюся по соседней полосе. Его отбросило назад, влево, и он вломился прямо в передний бампер алого джипа так, что выскочившие из него чёрные фигуры посыпались в разные стороны, как кегли.

Раздались вопли автомобильных сирен, скрежет тормозов, удары, крики.

В остановившиеся машины въехал мусоровоз. Остальные участники дорожного движения начали тормозить, пытаясь объехать растущий затор.

Крот рванул «Форд» назад, врезаясь в развернувшийся боком мусоровоз, со скрежетом раздвинул «Инфинити» и чёрный «бумер», газанул, уворачиваясь от ещё одного «Инфинити», золотистого цвета, с тонированными стёклами, попытавшегося сбить его на ходу.

Однако остановившийся поток автомашин помешал ему, вынуждая джип сдать назад.

«Форд» ДПС вильнул в одну сторону, в другую, развернулся под светофором, где у тумбы стоял, открыв рот, растерявшийся регулировщик движения, не понимающий, что происходит, и помчался назад, к мосту.

Третью машину преследователей Крот заметил спустя несколько мгновений, когда по дверце слева вдруг словно сыпануло металлическим горохом: это открыли стрельбу из третьего джипа «Инфинити», теперь уже чёрного цвета, вырвавшегося из ряда машин слева, что выезжали из города, за МКАД.

Он резко крутанул руль вправо, в переулок за мостом, совершенно не представляя, куда выведет его эта дорога.

Асфальтовая лента вильнула правее, мелькнули глухие заборы, ворота, ветхое двухэтажное здание, башня слева, и покорёженный «Форд» выехал снова на Волоколамское шоссе, почти к тому месту, где минуту назад произошло столкновение.

Постовой к этому моменту успел разобраться с происшествием и перекрыл движение в обе стороны шоссе, что освободило дорогу между потоками.

Крот бросил машину в эту щель, заметил, что алый «Инфинити» выезжает справа ему наперерез, пересёк шоссе и нырнул в улочку, отходящую от шоссе вправо, не имевшую никаких указателей.

К сожалению, улица закончилась тупиком, вильнув перед железнодорожными путями. Ехать дальше было некуда.

Он понял, что надежд уйти от погони не осталось никаких. И даже если удастся перебежать пути, скрыться от преследователей будет очень сложно или вообще невозможно, так как расположения зданий и улиц этой части столицы он не знал. Бегство сейчас являлось актом отчаяния. Это стало ясно ещё до погони и уже сразу после того, как выяснилось, что его вычислили.

Файл! — мелькнуло в голове. Немедленно сбросить! Чтобы никто и не догадался, какая информация может всплыть, радикально меняя узор социума. Какие головы полетят! Какие политики упадут в пропасть!

Но кому передать? Кто воспримет, а главное, воспользуется материалом? У кого достанет смелости выбросить информацию в Сеть после того, как одного руководителя «Викиликс» убили, второго засудили, а остальных функционеров взяли под контроль спецслужбы? Кто из существующих вольнодумцев воспримет полученный файл правильно?

«Форд» окончательно упёрся в забор. Справа открылся узкий проход между забором и грудой шпал.

Крот рванул машину туда, надеясь выиграть несколько драгоценных секунд.

Ноябрь в этом году выдался бесснежным, и колея выдать его не могла.

Машина заглохла.

Крот вытащил из сумки, с которой не расставался, новый айпод, включил, посматривая в зеркальце заднего вида, лихорадочно набрал программу электрон-

ной почты. Программа должна была найти несколько работающих имён, так как сам Крот их просто не помнил.

Где-то взвыли двигатели приближающихся джипов.

Экран айпода выдал три номера.

Крот перегнал файл с диска в ноут, снабжённый вайфаем, и отправил сразу по трём адресам, представившись психолингвистом, доктором наук, специалистом в области контактов с инопланетным разумом. Это было не так уж и далеко от истины.

Когда джипы «Инфинити» — алый, золотой и чёрный — выскочили к железнодорожной ветке, работа была закончена.

Крот оглянулся, глядя на бросившиеся к «Форду» гурьбой чёрные фигуры в масках, насмешливо улыбнулся (приятных снов, господа киллеры) и ткнул пальцем в клавишу backspace. Прижал к груди ноут.

Подбежавший первым гигант в камуфляже, с глазами-щёлочками, рванул дверцу машины.

Раздался взрыв!

2. ВАТШИН

Утро выдалось ясным, солнечным и очень морозным, отчего машина завелась с трудом; Ватшин надеялся, что со следующего гонорара обязательно сменит свой старенький кроссовер «Ниссан Сан» на новую машину.

Тем не менее настроение, несмотря на мороз, у него было хорошее, он собирался подписать у издателя договор на дополнительный тираж романа, и в издательство Ватшин ехал с удовольствием.

Встретили его, как и всегда, с видимым почтением. Всё-таки в свои двадцать восемь он уже стал одним из лидеров «новой волны», приносящих неплохой доход издательству, и книги Ватшина, в том числе электронного и аудиоформата, расходились быстро.

Заведующий редакцией фантастики Николай Быстрович принял Ватшина как дорогого гостя, с распростёртыми объятиями.

— Кофе, Константин Венедиктович?

— Неплохо бы, — солидно кивнул Ватшин, начиная привыкать к тому, что его стали величать по отчеству.

— Наташа, свари кофейку гостю, пожалуйста, — попросил Быстрович одну из редактрис. — Со сливками или без, Константин Венедиктович?

— Со сливками.

— Две порции со сливками.

Симпатичная Наташа принесла чашечку кофе, сахар, печенье и орехи: она хорошо знала вкусы писателя, навещавшего редакцию достаточно часто.

— Первый тираж практически ушёл, — подвинул чашку к себе Быстрович, бывший спортсмен-волейболист, выглядевший в свои пятьдесят едва ли не моложе Ватшина. — Это здорово! Готов пролонгировать договор на тех же условиях.

— Рад, — сказал Ватшин, беря в руки чашку, над которой всплыл ароматный дымок. — Не думал, что читатели ринутся в магазины. Думал, что все подсели на айподы и ридеры.

— Больно уж тема одиозная, — усмехнулся Быстрович. — О пришельцах сегодня не говорит только ленивый, но вам удалось найти очень неожиданный поворот. Откуда взялась идея, Константин Венедиктович? Поделитесь, если не секрет.

Ватшин вспомнил, как почти год назад неожиданно получил по электронной почте странное послание.

Неизвестный корреспондент, представившийся учёным-психолингвистом Кротовым, предложил ему свою теорию, подкреплённую якобы удивительными фактами, и попросил придать этот материал огласке. А поскольку текст послания и в самом деле оказался любопытным, Ватшин и использовал его по своему усмотрению, написав фантастический роман «Никому не верьте» о присутствии на Земле уже многие

тысячи лет пришельцев, маскирующихся под людей. Рука у него была лёгкая, перо, как говорится, разбежалось, и роман, изданный одним из самых крупных издательств России «Недетская литература», разлетелся в течение недели. После чего Ватшина и пригласили в издательство для подписания допсоглашения.

Учёного Кротова он потом так и не нашёл в списках докторов наук Википедии, побродив по Интернету. Википедия знала многих учёных с фамилией Кротов, но ни один из них не занимался проблемой контактов с иными цивилизациями и не изучал следы пришельцев на Земле.

Впрочем, по мнению самого Ватшина, ему скинул материал кто-то из читателей, кому нравились его произведения, а представиться он постеснялся. Робкий был читатель.

— Идеи летают в воздухе, — пожал Ватшин плечами. — Надо только войти в резонанс с той, которая тебя затронула. Мне это удалось.

— Хорошая идея, — понимающе кивнул редактор. — Давно я не читал фантастику о пришельцах с удовольствием. Будете развивать тему?

— Да, есть такая возможность, — сказал Ватшин.

— А вы сами верите в то, что пишете? — спросил вдруг Быстрович с любопытством.

— Как вам сказать...

— Неужели они и в самом деле живут среди нас?

— Не только живут, но и управляют нами, — заявил Ватшин уверенно, на самом деле этой самой уверенности не испытывая.

— Честное слово, я отношусь к таким идеям скептически. Хотя многим тема нравится, иначе действительно читатели не покупали бы книги. А фильм не хотите поставить? Я слышал, вы пишете сценарий.

— Написал, — признался Ватшин. — Попробую заинтересовать кинематографистов.

— Киномафию сложно заинтересовать, — засмеялся Быстрович, поднимая чашку. — Успеха вам.

— Спасибо.

— Что ж, давайте подписывать договор.

Ватшин допил кофе и придвинул к себе листок бумаги с условиями пролонгации.

3. НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ НЕМЕДЛЕННО!

Вызов к Главному в принципе ничего особенного не представлял, и всё же Носихин почувствовал странное неприятие распоряжения, переданного ему не напрямую, а через секретаря. С одной стороны, это могло означать рост доверия к Носихину как к аналитику СМИ и литературного цеха со стороны аппарата Главного, с другой — несло оттенок «вызова на ковёр», как говорили в России. Носихин знал множество русских идиом и поговорок, хотя работал на Земле в качестве модератора-аналитика всего полгода, и настоящее его имя было трудно произнести на любом земном языке.

На всякий случай он позвонил своему непосредственному руководителю Кореневу:

— Михал Михалыч, меня вызвали к патрону.

— Меня тоже, — сухо ответил начальник контрольного департамента Управления Внедрения, занимавший официально должность заместителя директора Московской газовой биржи. — Не опаздывайте.

— Слушаюсь, — вытянулся Носихин, ощутив холодок между спинными буграми.

Судя по тону Коренева, вызов к Главному ничего хорошего не сулил.

Путь из офиса в Малом Козихинском переулке до здания биржы на Берсеневской набережной, в которой располагался аппарат Главного, занял больше часа: в Москву, несмотря на принимаемые антипробочные меры, снова вернулись пробки.

В приёмной Главного, занимавшего официальный пост заместителя мэра Москвы по VIP-строительству, Носихин оказался вместе с Кореневым.

— Здрасьте, — сказал он совсем по-земному, хотя человеком не был, скрывая истинный свой облик под маской, генерируемой аппаратом динамической голографии.

Впрочем, сущность, маскирующаяся под обликом Коренева, тоже не родилась человеком и вынуждена была пользоваться таким же маскером. Настоящий Михаил Михайлович Коренев, доросший до поста заместителя директора Московской газовой биржи, отказался работать с потомками «ящеров», которые уже много тысяч лет пытались подчинить себе земной социум, и его пришлось заменить «проекцией», не отличающейся от живого человека.

У «ящеров», обосновавшихся в России, имелись и конкуренты — герпы, «змеелюди», также прибиравшие к рукам государственные и коммерческие структуры. До войн не доходило, однако противостояние было напряжённым, и сторонники тех или других часто гибли в дорожных авариях и автокатастрофах. Недаром в земном фольклоре существовало столько легенд и мифов о драконах, змеелюдях и «лохнесских чудовищах», которые уходили корнями в седую древность, когда на Земле начали высаживаться первые полугуманоиды — ящеролюди, змеелюди, птицесапиенсы и прочие нелюди, кстати, воевавшие между собой за право контролировать человечество.

— Добрый день, — угрюмо отозвался Коренев, не протягивая руки (вернее, лапы, потому что конечности ящеролюдей отличались от человеческих), глянул на секретаршу Главного. — Арнольд Метаксович у себя?

— Ждёт, — надела на лицо вежливую полуулыбку секретарша Моника, на самом деле представлявшая собой телохранителя Главного и так же, как и он, вынужденная носить маскер.

В приёмной дожидались вызова начальника несколько посетителей, абсолютно не догадывающихся об истинном положении вещей, поэтому нелюди должны были вести себя, естественно, как люди.

Коренев движением бровей остановил своего помощника-телохранителя Дылду, с которым не расставался ни днём, ни ночью, вошёл в кабинет.

Носихин последовал за ним.

Им навстречу шагнул заместитель Главного, лысоватый, бледнолицый, с головой огурцом. Он тоже был «своим», но не подал виду, прошагал мимо, кивнув, как старым знакомым.

Главный восседал за огромным рабочим столом, на котором можно было, наверное, играть в теннис, и смотрел на прозрачный, светящийся объём монитора. Он был громаден, как борец сумо, и выглядел, как борец сумо, особенно с зализанными назад и связанными в пучок на затылке длинными волосами. Лицо его, мощное, бугристое, смуглое, с выпуклыми надбровьями и неожиданно круглым «детским» подбородком, выражало брюзгливо-неприветливое ожидание.

— Садитесь, — повернулся он к гостям.

Они сели по обе стороны маленького столика, приткнувшегося к большому.

— Докладывайте.

— Что? — не понял Носихин.

Главный кинул вспыхнувший угрозой взгляд на Коренева.

— Разобрались?

— Произошла утечка информации, — ровным голосом заговорил Коренев. — Крот успел-таки сбросить разведданные, о чём мы узнали... — он покосился на Носихина, — недавно.

— Крот же убит! — заикнулся Носихин.

Коренев посмотрел на него, как лягушка на порхавшую над болотом стрекозу.

— Это был твой подопечный, Иван Кирович. К сожалению, ему удалось сбросить файлы по нескольким адресам, а узнали мы об этом только сегодня.

Коренев достал из «дипломата» книгу в яркой обложке, кинул на стол перед Носихиным.

— Что это? — Носихин взял книгу, прочитал имя автора — Ватшин и название: «Никому не верьте».

— То, что не должно было появиться на свет ни под каким соусом! — тяжело проговорил Главный.

Носихин взял книгу, открыл, пренебрежительно хмыкнул.

— Но это же фантастический роман.

— Только данное обстоятельство и сохраняет вам жизнь, Иван Кирович, — сказал Коренев. — Судя по всему, Крот сдал имевшиеся у него сведения не партнёрам российского отделения «Викиликс», а писателю Ватшину, который использовал материал для создания романа.

Носихин позеленел.

— Не может быть!

— Прекратите блеять козлом! — ощерился Главный. — Доказательства у вас в руках, а вы даже не удосужились проанализировать материал, не говоря о последствиях вброса.

— Мы не занимаемся фантастикой...

— А должны! — Громадная мясистая ладонь Главного с треском «влипла» в столешницу, так что Носихин подскочил на стуле. — В романе засвечены практически все наши дела, связи, планы и чуть ли не список партнёров по всей России. Представляете, что будет, если анализом книги займутся спецы ФСБ?

— Там наши люди...

— Идиот! — Коренев достал излучатель, похожий на четырёхствольный травматический пистолет «Оса».

Главный отрицательно повёл рукой.

— Не надо, Михал Михалыч, рано. Пусть поработает над ошибками, дадим ему шанс.

— Э-э-э... — выдавил Носихин хрипло, покрываясь липкой плёнкой пота.

Коренев спрятал излучатель.

— Читайте, Иван Кирович, делайте выводы. Тираж книги — сто тысяч экземпляров. Автор подписал с издательством допсоглашение ещё на двадцать пять тысяч. Договор нейтрализовать! Тираж изъять из магазинов! Автора... тоже нейтрализовать, чтобы не вздумал продолжать тему, материал Крота уничтожить!

— Я в-всё с-сделаю, — прыгающими губами пообещал Носихин. — З-завтра... с-сегодня же.

— Идите! Данные на Ватшина получите почтой.

Носихин встал и вышел на подгибающихся ногах, вдруг осознав, что был на волосок от гибели. И всё из-за какого-то писателишки, посмевшего выпустить джинна из бутылки. Ну, погоди, фантаст долбаный, ты у меня попляшешь!

В кабинете двое нелюдей посмотрели друг на друга, скинув маски, став на несколько секунд теми, кем и были, — ящеролюдьми.

— Если не справится — уберите, — сказал Главный на галактическом эсперанто.

— Без проблем.

— Как вы думаете, Зишта Драгон, — назвал Главный родовое имя Коренева, точнее, сущности, которая давно играла роль Коренева, — наши злейшие друзья герпы знают о послании Крота? Или это именно они приложили к делу свою лапу?

— Выясним, Шамшур Ашшурбазипал. К сожалению, вылезла ещё одна проблема. Похоже, индивид, игравший в карты в нашей компании... вернее, в компании моего носителя...

— Настоящего Коренева?

— Так точно. В общем, математик Уваров скорее всего, — Коренев выдержал паузу, — хроник.

Главный изменился в лице, снова превращаясь в потомка ящера.

— Вы уверены?!

— Мы собираемся встречаться в пятницу. Попробую проверить. Но сначала разберусь с писателем.

— Хорошо. — Главный потёр глыбистый череп. — Лишь бы вашего хроника не перехватили герпы или того хуже — новые русские пограничники.

— Они называют себя анксами — антиксенотиками.

— Только без шума.

— Сделаю всё возможное.

Коренев поднялся и «застегнул» лицо на «официальные пуговицы», становясь человеком.

4. СУДЬБА ИЗМЕНЧИВА

Утром, за кофе, которое Ватшин сварил сам, они с женой обсудили планы ближайшие, до Нового года, и перспективные — на лето следующего года.

Новый год решили встретить на даче под Апрелевкой, с друзьями, если они согласятся, или втроём с мамой Константина, если никто к ним больше не присоединится.

— Куплю машину, — заявил Ватшин. — Эта кряхтит, как старая бабка, десять лет уже отъездила.

— Давно пора, — согласилась Люся, из шатенки недавно перекрасившаяся в платиновую блондинку. Она работала в муниципалитете Юго-Западного района, окончив институт народного хозяйства, и перспективы подняться выше по служебной лестнице были у неё хорошие.

— Подобрал уже?

— Хочу кроссовер «Импрезу».

— Дорогой? Не забывай, мы хотели поменять квартиру.

— Поменяем, но чуть позже. Мой сценарий сейчас читают в кинокомпании «Три Д», и как только возьмут, наши мечты приобретут базу.

— Ты у меня гений! — Люся чмокнула мужа в щёку и убежала в спальню переодеваться. На работу

она предпочитала не опаздывать, поэтому выходила из дома рано, в начале восьмого.

Ватшин допил кофе, помыл посуду и сел в своём крошечном кабинетике за рабочий стол. До одиннадцати он священнодействовал — «творил вселенные», как говорила жена друзьям. После одиннадцати снова пил кофе и ехал по делам, если таковые появлялись вне литературного процесса, либо снова садился за компьютер и писал дальше.

Но в этот зимний день конца ноября судьба повернулась к нему другим боком, отчего мечты купить машину и поехать летом на море растаяли как дым.

В десять часов внезапно позвонил редактор:

— Константин Венедиктович, тут такое дело... — В голосе Быстровича вдруг прорезались виноватые нотки.

— Готов обсудить, — бодро отозвался Ватшин, не выказывая удивления: во-первых, Быстрович звонил ему редко, чаще они контактировали по скайпу, во-вторых, никогда раньше не выражал своих чувств.

— Мы решили пока не допечатывать ваш роман.

Кровь бросилась Ватшину в лицо.

— Н-ну, это конечно, — промямлил он, не находя слов. — Я понимаю, раз так... а что случилось?

— Вчера мы долго совещались с генеральным. Книги объективно продаются всё хуже и хуже, ваш успех локален, тенденции снижения углубляются, и рисковать директор не хочет. Год закончится, посмотрим на продажи, на развитие рынка и тогда вернёмся к этому вопросу.

— Но мы же... это... подписали...

— Я готов выплатить компенсацию, — поспешно сказал Быстрович.

— Разумеется, спасибо, конечно, понимаю... Но, может, в электронном формате?

— Решено пока вообще закрыть тему. Мы ещё не продали тираж «СиДи», и как только продадим, заключим новый договор.

— Ладно, я понял, — пробормотал расстроившийся до глубины души Константин, подумал: вот тебе и машина, и квартира, и отдых в Египте.

— Кстати, один мой хороший знакомый, — добавил редактор, — хотел бы с вами поговорить о вашем романе. Он его очень заинтересовал.

— Хорошо, пусть позвонит. Или дайте ему мой е-мейл.

— Он позвонит и подъедет. Зовут его Иван Петрович, я его знаю давно, очень хороший человек.

Ватшин выключил телефон. В голове плыл туман разочарования, хотелось материться и грозить кулаком небесам. Но он только сжал зубы и с усилием вернулся к работе. Долго переживать по поводу неудач было не в его характере.

Знакомый Быстровича позвонил через десять минут, словно ждал момента, когда Ватшин успокоится:

— Мне сказали, что с вами можно связаться. Я Иван Петрович.

— А-а, да, конечно, — вздохнул Константин. — Вы действительно хотите поговорить со мной о романе?

— Да, очень.

— С какой целью? Вы издатель?

— Нет, я работаю в другой структуре. Может, слышали о ФСБ?

— Эф... эс... — До Ватшина дошло: — Вы работаете в федеральной... э-э...

— Службе безопасности. Найдёте для меня несколько минут?

Сбитый с толку Ватшин почесал в затылке.

— Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

— Могу подъехать к вам домой либо встретимся на нейтральной территории.

Ватшин подумал о соседях.

— Лучше на нейтральной.

— Кафе «Гостинец» на Ремизова вас устроит?

Кафе располагалось в десяти минутах ходьбы от дома — сам Ватшин жил на Севастопольском проспекте, — и он оценил корректность собеседника.

— Вполне, я подойду.

— Через час.

— Хорошо. Как я вас узнаю?

— Достаточно того, что я вас узнаю.

Разговор прервался.

Ватшин скушал мятную пастилку, походил кругами по квартире, размышляя о странном желании чекиста поговорить с ним о новом романе, потом начал собираться.

В кафе он заявился за двадцать минут до назначенного срока. Заказал бокал яблочного сидра, закурил, огляделся.

Народу в зале было немного, будний день, по сути, только начался, и официанты по залу передвигались неторопливо. Заняты были только три столика. Да за четвёртый у окна как раз рассаживалась компания из троих посетителей: двое мужчин и женщина в деловом костюмчике.

Не найдя того, кто, по его мнению, подходил бы к облику сотрудника ФСБ, Ватшин углубился в изучение меню, но его отвлекли.

Мужчина в тёмно-синем свитере, один из двух в новой компании, моложавый, с твёрдым непроницаемым лицом и ёжиком густых волос, вдруг подошёл к нему, взялся за спинку стула.

— Разрешите?

Ватшин удивлённо поднял голову. По внутренним оценкам он ждал другого человека.

— Вы...

— Иван Петрович.

— Присаживайтесь.

Мужчина сел, оценивающе разглядывая Константина.

— Я слышал о вас много хорошего.

— Спасибо, хотя много — вряд ли, — слабо улыбнулся Ватшин. — Вы в самом деле работаете в комитете?

Иван Петрович достал малиновую книжечку с золотым тиснением «Федеральная служба безопасности Российской Федерации», раскрыл.

— В самом деле.

— И чем же я заинтересовал вашу службу?

Иван Петрович пальцем подозвал официанта:

— Кофе, пожалуйста, с лимоном. — Повернулся к Ватшину. — Николай Леонидович похвалил вашу книгу. Скажите, откуда у вас столько необычных и точных сведений о существовании на Земле ксенотиков? Кстати, почему вы назвали пришельцев, живущих среди нас, ксенотиками?

Ватшин чуть было не ляпнул: так их назвал учёный по фамилии Кротов, приславший ему свои размышления о пришельцах.

— Понравилось название... от латинского xenos — чужой.

— И как давно вы пишете такие вещи?

— Этот роман первый, — признался Ватшин. — Хотя материала очень много, хватит на целый цикл.

— Значит, у вас есть какой-то материал? Чей? Ваш? Или кто-то вам передал данные?

Ватшин понял, что проговорился. Он заглянул в глаза собеседника, умные и понимающие, а главное — располагающие к откровению.

— Если честно, я получил послание от одного учёного... почти год назад.

— Учёного?

— Он так представился: доктор наук, психолингвист Кротов, специалист по контактам с внеземными... э-э... цивилизациями.

Иван Петрович улыбнулся.

— Всеобъемлющая характеристика.

— Я подумал, что это расстарался кто-то из моих читателей. Я, знаете ли, веду блог, куда приходят пользователи...

— Я в курсе. Хотелось бы взглянуть на послание вашего приятеля.

— Да, конечно, в любое время.

— А прямо сейчас и сходим, если не возражаете, только кофе допью.

— Пожалуйста.

Иван Петрович встал, подошёл к спутникам, с которыми появился в кафе, что-то им сказал и вернулся. Взялся за чашку кофе.

— Ещё два вопроса.

— Слушаю.

— Кроме Николая Леонидовича, вы ни с кем больше не беседовали о послании этого... м-м... читателя?

— С женой. — Ватшин подумал. — И всё, пожалуй.

— А в этом послании не прозвучало слово «хроник»?

Ватшин снова задумался.

— По-моему, что-то было... автор кого-то называл хрониками... да вы сами всё прочитаете.

Они оделись, вышли в морозный ноябрьский день, добрались до дома Константина.

Он включил компьютер... и кровь бросилась ему в лицо.

— Не понимаю...

— Что случилось? — склонился над столом гость.

— Записи нет!

— Проверьте.

— Сами посмотрите, файл лежал у меня в информационном блоке «Документы». Но его там нет!

— Поищите в других разделах диска.

Пальцы Ватшина лихорадочно забегали по клавиатуре.

— Нигде нет! Да я и не записывал его в других форматах.

Иван Петрович с любопытством заглянул в раствор объёмного монитора, перевёл взгляд на потное красное лицо писателя, сказал мягко:

— Да вы успокойтесь, Константин Венедиктович. Вспомните, к вам никто не заходил? Друзья, родственники, знакомые?

— Конечно, заходили, и не раз. Десять месяцев прошло с того дня. Я-то наизусть почти помню, не было надобности открывать файл часто. А вы что, подозреваете кого-нибудь в... краже?

— Никого не подозреваю. Есть факт, требующий осмысления. Неужели вы не сбросили послание на отдельный диск или на флэшку?

— Ч-чёрт! — Ватшин хлопнул себя ладонью по лбу. — Конечно, я сделал копию.

Он начал копаться в этажерке дисков, залез в стол, сбегал в спальню, вернулся, бледный и растерянный.

— Не могу найти.

Иван Петрович покачал головой.

— Сядьте, успокойтесь. Давайте вспоминать, кто у вас был в последнее время в кабинете. Можно, я приглашу одного товарища с аппаратурой? Он поищет следы гостей... непрошеных.

— Приглашайте, — махнул рукой расстроенный Ватшин.

Иван Петрович вынул айком.

— Солома, кликни Дэна и подъезжай с ним к писателю Ватшину на Севастопольский, дом сорок три.

Ватшин начал искать диск снова, более тщательно, однако все его усилия оказались тщетными. Единственное, что он обнаружил, было отсутствие должного порядка в кабинете.

Книги стояли ровно, но не так, как прежде, диски и флэшки лежали с виду в тех же позициях, но не в той последовательности, в какой он их хранил.

— Здесь кто-то копался...

— Я это уже понял, — сказал Иван Петрович. — Время у вас есть?

— Да, я никуда не собирался.

— Тогда давайте поговорим о послании, пока придут мои парни. Вы даже не представляете, какой силы материал получили.

— Почему же, интересная гипотеза.

— Это не гипотеза, это реальность, уважаемый Константин Венедиктович. Я не знаю, почему носители чужой этики — те самые ксенотики, как мы их называем, — допустили просачивание суперважнейшей информации в эфир, пусть и в виде фантастического романа, однако это произошло, и, боюсь, вы теперь представляете для них нешуточную опасность. А они люди серьёзные, точнее, нелюди, и не остановятся ни перед чем, чтобы остановить утечку. То, что директор издательства отказался печатать доптираж вашего романа, только первая ласточка.

— Но я же ничего плохого не сделал, — наивно воскликнул Ватшин.

— Какая разница? Для них это дела не меняет. Мы поможем вам, но и вам теперь придётся рассчитывать каждый свой шаг.

В дверь позвонили.

5. ЕГО НАДО ОХРАНЯТЬ

Заместитель директора ФСБ Феофан Свиридович Кузьмичёв имел интеллигентнейший вид и походил скорее на дирижёра симфонического оркестра, нежели на адепта секретной службы. Волосы он зачёсывал назад, носил очки и слушал собеседника с благожелательным выражением лица, как учитель ученика.

В кабинете, кроме него, находились ещё трое посетителей: двое мужчин в строгих костюмах и полная женщина в малиновой кофте и юбке почти такого же цвета.

Гордеев остановился на пороге.

— Проходите, садитесь, — сказал Кузьмичёв с мягкой непреклонностью.

Гордеев поздоровался со всеми одновременно, сел, положив перед собой на стол чёрную папочку.

— Докладывайте.

— Они опередили нас.

— Подробнее.

— К великому сожалению, наши аналитики пропустили роман Ватшина «Никому не верьте», где раскрываются многие тайны ксенотиков. Я давно предлагал организовать специальный отдел по анализу произведений...

— Позже на эту тему.

— Сами ксенотики тоже «прохлопали» ушами, судя по внезапному появлению романа. Но мы отстали и от них. Нелюди начали заметать следы.

— Замели?

— Не успели. У Ватшина исчезли все записи и черновики романа, а также файл, присланный ему небезызвестным нам Кротом, сотрудником российского отдела «Викиликс». Кстати, своё послание он подписал фамилией Кротов.

Мужчина, сидевший напротив Гордеева, осанистый, круглоплечий, с породистым важным лицом, шевельнулся, но, заметив взгляд Ивана Петровича, застыл как монумент, пробормотав:

— Неумно.

— Видимо, он торопился, но успел перед гибелью сбросить файл Ватшину. Возможно, и не ему одному.

— Ищите, — проговорил Кузьмичёв.

— Ищем. Ватшин по памяти воссоздал текст послания, мы его проанализировали и пришли к выводу, что Крот, — Гордеев помолчал, — был хроником.

В кабинете стало совсем тихо.

Четыре пары глаз упёрлись в лицо начальника внутренней службы безопасности.

— Зачем же они его убили? — после паузы спросил Кузьмичёв.

— По всей видимости, он сам себя взорвал, когда понял, что не может уйти от погони. Но самое инте-

ресное, что у Крота был знакомый — и тоже хроник, судя по всему.

— Кто?

— Один математик, фамилия — Уваров. Мы его сейчас интенсивно ищем.

— Ищите быстрей, мы должны выйти на него раньше, чем они. Если только это не вброс дезы. И учтите ещё один нюанс: ваш писатель Ватшин в большой опасности, его надо охранять.

— Разумеется, мы это планируем. — Гордеев внезапно достал пистолет, направил ствол на того же мужчину напротив, который снова шевельнулся. — Что это вы заёрзали, Иакинф Еремеевич? Услышали что-то новое? Хотите доложить об этом боссу? Кстати, кто он у вас, под какой личиной прячется? Не депутат Госдумы, случаем? Министр? Или бизнесмен?

Мужчина с холеным гладким лицом побледнел, пальцы руки его, взявшейся за борт пиджака, скрючились.

— Что за шутки, Иван Петрович?

— Солома! — позвал Гордеев.

В кабинет вошли двое парней: улыбающийся круглолицый блондин с выгоревшими до цвета соломы волосами и сероглазый, крепкого телосложения шатен.

— Присмотрите за ним. — Гордеев качнул стволом пистолета, указывая на мужчину, которого он назвал Иакинфом Еремеевичем. — Знакомьтесь, милостивые судари и сударыни: агент департамента Управления Внедрения небезызвестной нам организации «Ксенфорс». Мы давно следили за ним, взяли его телохрана, допросили, узнали очень много интересного. Сами расскажете, Ш и и з з и н х? — Последнее слово Гордеев произнёс с шипением, будто по полу и в самом деле проползла огромная змея. — Так вас зовут соплеменники? Или пойдём по более сложному пути?

— Йа ф-фвасс... — выговорил Иакинф Еремеевич как бы по-русски и в то же время не по-человечески;

в структуре ФСБ он занимал должность начальника департамента связи с общественностью.

— Понятно, значит, по-плохому. Уведите.

Блондин и его напарник рывком подняли чужого из кресла, споро вывели из кабинета.

— Доказательства есть? — вопросительно подняла брови женщина. — Я знаю Иакинфа давно, верила ему.

— Сколько угодно, — раскрыл папку Гордеев.

6. ЗАСТАВА

До Нового года больше ничего особенного не произошло.

Новый знакомый Ватшина из ФСБ (Константин очень хотел похвастаться друзьям, что у него появился такой необычный приятель) дважды звонил, а однажды даже заехал к нему домой в отсутствие жены, задал много разных вопросов и уехал, попросив писателя докладывать о своих встречах и предупреждать о выездах, особенно — за пределы Москвы.

Жене Иван Петрович посоветовал пока не говорить о том, что произошло.

— Женщины реагируют на подобные реалии иногда парадоксально, — сказал он. — Даже вы не сразу поверили в истинность существования ксенотиков, о которых написали целый роман. А уж доверь эту информацию женщине, и скоро все её подруги будут знать об этом.

Ватшин согласился с доводами чекиста. Люся не была болтушкой, но секреты в её красивой головке не задерживались долго. Это он уже выяснил.

Конечно, она расстроилась, узнав об отказе издательского начальства пролонгировать договор.

— С машиной теперь придётся повременить, — заявила она в тот же вечер, когда Ватшин узнал о существовании целой системы живущих на Земле инопланетян.

— И с машиной, и с квартирой, — со вздохом подтвердил он.

— А на море поедем?

— На море поедем. Я начинаю писать повесть, сдам в марте, и у нас будут необходимые финансы. И вообще не в деньгах счастье.

— Но очень хотелось бы в этом убедиться лично, — грустно пошутила жена.

О том, что у мужа появились «секретные» знакомые, она так и не узнала.

Встречались Ватшин с Иваном Петровичем либо у него дома, когда Люся уходила на работу, либо в других местах.

Как-то он задал вопрос чекисту, вдруг сообразив, что ФСБ занимается проблемой пришельцев всерьёз:

— Как вы-то узнали о кознях ксенотиков? Вам ведь никто сведений о них не передавал по электронке?

Иван Петрович рассмеялся.

— Факты присутствия на Земле инопланетян известны с седой древности. А заниматься ими всерьёз начали только в середине прошлого века. Сначала американцы, потом мы. Накопилось очень много свидетельств их существования, что не позволяет сбросить всё на фантазии контактёров и очевидцев.

— Я читал, в России есть Общество по контактам.

— Эта структура создана самими ксенотиками для отвода глаз и выпуска пара, чтобы люди перестали верить в идею контакта окончательно. Мы занимаемся ими на другом уровне.

— Говорят, в секретных лабораториях КГБ... ФСБ лежат останки пилотов НЛО.

— Пусть говорят, — усмехнулся Иван Петрович.

— А на самом деле?

— Пилотов не видел, остатки НЛО видел.

— А где их нашли?

— Если вас это действительно интересует, как-нибудь поговорим об этом.

Однако больше они эту тему не поднимали, хотя любопытство Ватшина удовлетворено не было, и он жаждал узнать о «земных» инопланетянах больше. Хотелось также выяснить, кто заинтересован в молчании Константина как писателя, не считая главного редактора издательства, которому, очевидно, пригрозили неведомые ксенотики, но Иван Петрович не стал распространяться и на эту тему.

— Узнаете в своё время, — сказал он. — Прошу только вовремя докладывать мне о подозрительных встречах, звонках и даже взглядах.

Встреч за месяц с небольшим так и не случилось, а взгляды Ватшин замечал, хотя докладывать об этом стеснялся.

Тридцатого декабря они с женой набили багажник машины продуктами, всунули на заднее сиденье купленную ёлочку и поехали на дачу, договорившись с друзьями, однокашниками Константина, что те с жёнами подъедут тридцать первого.

К сожалению, погода с точки, зрения водителей, выдалась в этот день отвратительная: тучи заволокли небо, пошёл снег, и ветер создал из него метель. Видимость снизилась до десятка метров, что не позволяло участникам движения ехать быстро.

Выбрались за МКАД.

— Может, вернёмся? — робко предложила Люся.

— Нам ехать-то всего тридцать километров, — возразил упрямый Ватшин. — Доберёмся как-нибудь за час.

Однако не добрались.

Через полчаса, за поворотом на Анкудиново, свернули с Киевского шоссе направо и тут же остановились, потому что идущая следом машина — чёрный джип «Магнум» — вдруг обогнала «Ниссан» Ватшиных и круто вильнула вправо, преграждая ему путь.

— Ах ты лох зелёный! — нажал на педаль тормоза Константин.

Вскрикнула Люся.

Автомобиль занесло на заснеженном асфальте, и он опрокинулся на бок в кювет.

К счастью, удар пришёлся на снежный вал, и «Ниссан» почти не пострадал. Только вдавилась дверца со стороны пассажирского сиденья да стекло дверцы покрылось трещинами.

Пока он ворочался в петле ремня безопасности, освобождаясь, чьи-то руки рванули дверцу с его стороны, ухватили за плечи, за шею.

— Вылазь, писатель! Швыдчей!

Ватшин ухитрился вывернуться из захвата, ударил кулаком по тянувшейся к нему пятерне.

Кто-то выругался:

— Сопротивляется, с-с...!

В Константина вцепились ещё две руки, выдернули из джипа.

Закричала Люся.

Он начал сопротивляться злее, не обращая внимания на затрещины со всех сторон. Получил тычок в ухо, схватил кого-то за ногу, рванул на себя. Но его оторвали от земли, ударили чем-то металлическим по голове, и сознание начало гаснуть.

Однако внезапно вокруг началась какая-то лишняя суета, грубые руки выпустили Ватшина, и он упал лицом в снег. С трудом перевернулся на спину, приподнялся.

Вокруг бегали люди, пыхтели, дрались, падали, вскрикивали. Раздались не очень громкие звуки — словно били палкой по ватной подушке. Тёмные фигуры метнулись к лесу, к чёрному джипу, сыпануло целой очередью «ударов по подушке», и фигуры скрылись в пелене метели.

К Ватшину подбежали двое парней в камуфляже.

— Жив?!

— Там Люся, — простонал он, держась за голову.

— Башкин! В машину!

— Всё в порядке, командир, она в кабине, сейчас вытащим.

Ватшин уронил руки, борясь с головокружением, заставил себя подняться, шагнул к парням, помогавшим жене вылезти из кабины.

— Люся...

— Костя! — Она бросилась к нему на шею. — Живой! Слава богу! — И заплакала.

Рядом с оказавшимися на шоссе двумя серебристыми джипами остановилась ещё одна машина — белый микроавтобус. Хлопнула дверца, выпуская мужчину в белом полупальто, без шапки.

— Иван Петрович, — пробормотал Ватшин.

— Садитесь.

— Машина...

— Её подремонтируют и доставят к вам домой.

— Мы ехали на дачу.

— Значит, на дачу.

Ватшин помог Люсе сесть в салон микроавтобуса. Следом сел Иван Петрович.

— Поехали, Солома.

Водитель — улыбающийся круглолицый блондин — тронул микроавтобус с места.

— Кто вы? — перестала плакать Люся.

Иван Петрович усмехнулся.

— Не ангелы, но хранители.

— Они анксы, — невнятно сказал Ватшин, чувствуя, как губы превращаются в оладьи.

— Кто?

Ватшин искоса глянул на спасителя.

— Есть такое подразделение в службе безопасности, — сказал Иван Петрович. — Муж вам не рассказывал?

— Нет.

— «Застава» называется, — снова сказал Ватшин.

— Что за служба? ФСБ?

Ватшин хотел сказать, что «Застава» — внутренняя пограничная служба России и является самостоятельной структурой, хотя её филиал есть и в ФСБ, но встретил взгляд Гордеева и прикусил язык. Иван Пет-

рович предупреждал, чтобы он никому ничего не докладывал, даже самым близким друзьям и жене.

— Давайте знакомиться, раз уж так получилось, — сказал Гордеев. — Меня зовут Иван Петрович. Если бы ваш муж предупредил нас о поездке, всё бы обошлось.

Люся перевела взгляд на мужа.

— Ты давно знаешь этих людей?

— Не очень, — мотнул он головой.

— Кто они?

— Тебе же сказали — не ангелы.

— Я не шучу!

— Сейчас приедем и поговорим, — пообещал Иван Петрович.

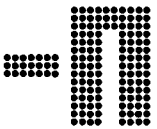
Ватшин обнял жену, прижал к груди, преодолевая её сопротивление. Подумал, что объяснить ей ситуацию будет трудно. Но главное было в другом: скорее всего писательская его деятельность закончилась. А представить, как жить дальше, не могла даже его недюжинная фантазия. Пропасть распахивалась впереди! Кто поможет перепрыгнуть? Да и хватит ли у него сил в корне изменить жизнь?

Плеча коснулась рука Ивана Петровича.

Руководитель «Заставы» ничего не сказал.

Но Ватшин почувствовал себя уверенней.

ТРАНСЛИРУЙТЕ МЕНЯ



ять секунд до эфира, четыре, три...

Привет.

Вы меня слышите? Наверное, нет. Но я все же должен представиться — хотя бы из вежливости.

Я Марти. Марти Буга. Забавное имя, не правда ли?

Надо мной еще в школе подтрунивали. Это сейчас все прошлые издеватели поют мне диферамбы и смотрят меня каждый день, завалившись на диван или усевшись в кресло.

— Марти Буга — отличный тип, — говорит бывший капитан школьной команды по футболу. — Мы с ним еще в школе были неразлейвода и до сих пор дружим!

Враки. Этот парень вечно дразнил меня «вонючим опоссумом» и выколачивал из меня деньги на завтрак. Он был звездой школьной лиги, я был звездой на очередном дне рождения папы — и то лишь потому, что его никто не хотел обидеть. В те годы я с ужасом представлял, как дядя Фрэнк, напарник моего папы, заходит в комнату, указывает на меня пальцем и спрашивает: «А что это здесь делает сей вонючий опоссум?» И все начинают хохотать... Это был мой самый страшный кошмар.

Девочки, которые фыркали, едва услышав мое имя, ныне кусали локти и кляли себя за детскую недальновидность, хотя, конечно, ничего глупого в детских суждениях нет. Напротив, они-то и есть самые верные, а вот во взрослых намешано до черта всего — тут и

общественное мнение, и финансовая сторона, и этническая... «Ты дурак» — уже не говорят. Говорят: «Вы не правы».

Моя школьная любовь, первая красавица на всех балах, теперь работает в одной из придорожных кафешек где-то между тридцатым и сороковым километром на пути из Сакраменто в Лос-Анджелес. Раньше ее звали Умница Лиз, сейчас — Дырка Лиз. Я хотел помочь ей, но, как выяснилось, в помощи она не нуждалась. Щуря правый глаз, под которым красовался свежий фиолетовый синяк, Лиз отхлебнула из фляжки дешевого виски, поморщилась и спросила:

— А ты что еще за хрен?

Она меня просто не узнала. Впрочем, я ее не виню: сколько уже воды утекло с тех пор, когда мы учились в средней школе. Кто осудит первую красавицу за то, что она не помнит в лицо последнего неудачника? Только не я.

Признаться, я никогда не думал, что стану транслятором. Впрочем, ничего удивительного: еще пару лет назад ученые даже не предполагали, что мыслеобразы могут попросту уничтожить телевидение и киноиндустрию. Тогда по городам только начали разъезжать коммивояжеры с полными чемоданами приборов, названных аббревиатурой «РеМО» — «Ретранслятор Мысленных Образов», и, надо сказать, дела у них шли не очень.

А потом один из них, Филипп Райс, наткнулся на меня...

С тех пор он — мой агент.

То был обычный вечер двадцатого декабря, вялый и скучный. После целого дня в очередях мы с отцом хотели только одного — добраться до дивана. Я собирался пойти в комнату, прилечь, но он уговорил меня остаться и посмотреть с ним повтор Суперкубка. Мой отец — большой фанат спорта, и в частности футбола, однако прямой эфир того финала он провел вдали от кабельного телевидения: два дня сидел у кровати сво-

ей матери, пытаясь упросить Господа дать ей еще немного...

Но Господь не дал, и она умерла. Я тогда был в Сакраменто и не мог прилететь раньше восемнадцатого декабря, поэтому отцу пришлось переживать утрату в одиночестве. Бедняга, он потерял за свою жизнь столько близких людей — сначала жену, потом отца, а теперь еще и мать... Мы общались каждый вечер, и я слышал по голосу, как он страдает. Признаться, я боялся за него, боялся, что на этот раз он не выдержит.

Но он выдержал. Перетерпел боль и встретил меня восемнадцатого в аэропорту.

— Один ты у меня остался... — сказал отец, заключив меня в свои объятия. — Если еще и с тобой, не дай Бог, что-то случится, я просто не знаю, что буду делать.

— Па, ну брось. Ничего со мной не случится. — Я похлопал его по плечу. — Я с тобой до конца, не думай.

Он улыбнулся и еще крепче прижал меня к себе.

И вот через четыре дня мы сидели у ящика, пили пиво и спорили о грядущем локауте, когда в дверь позвонили.

— Девять, — сказал отец, взглянув на часы. — Не поздновато ли для гостей?

Я пожал плечами.

— Не к тебе? — спросил папа, пристально глядя на меня.

— Нет, вряд ли. Кто ко мне может прийти?

— Ну, мало ли? Может, будущая миссис Бута?

Мы рассмеялись. Звонок раздался снова.

— Наверное, какой-нибудь торгаш, — предположил отец, встав с кресла. — Ну да ладно, скоро Рождество, и нам надо быть терпимей...

Он прошел к двери. Я, подумав, решил отправиться следом. Поставив бутылку на журнальный столик, я бросил последний взгляд на экран и пошел в прихожую.

Отец угадал: это действительно был коммивояжер, и он, похоже, умирал от холода. По крайней мере его

зубы стучали в ритме драм-энд-баса, а колени тряслись, будто он фанател от твиста. Интересно, о чем он думал, когда в двадцатиградусный мороз выперся на улицу в синем клетчатом пиджаке, легких бежевых туфлях и дурацкой шляпе с полями?

— Вам кого? — угрюмо поинтересовался отец.

— Наверное, вас, — отозвался коммивояжер. — Вы ведь живете в этом доме?

— Да.

— Мистер...

— Бута.

— Рад знакомству, мистер Бута. Меня зовут Филипп Райс, — сказал торгаш, протягивая отцу руку.

— Через порог здороваться — плохая примета, — заметил мой папа.

— Это значит, я могу войти?

Папа вопросительно посмотрел на меня; я пожал плечами и сказал:

— Ты сам говорил, что надо быть милосердней.

— И правда. Что ж, входите.

Отец отступил в сторону, позволяя коммивояжеру зайти самому и затянуть внутрь огромный чемодан с кучей темных пятен на боках. Похоже, раньше там были наклейки, которые позже упорхнули в неизвестном направлении вместе с декабрьским ветром.

— Спасибо вам, джентльмены, — сказал торгаш с достоинством. — Если бы не вы, я бы там просто окоченел.

— Что выгнало вас на улицу в такой холод? — спросил я.

— Нужда, сэр, — ответил он. — После того как два месяца назад закрыли табачную фабрику «Карпафат», куча народа оказалась на улице, и в том числе я, отец двоих детей и верный муж. Как вы знаете, сейчас в стране кризис, так что найти работу в принципе тяжело, что уж говорить о хорошей. Только за этот месяц я поменял пять мест, это — шестое.

— Что ж, судя по всему, вы человек достойный, хоть и с нелегкой судьбой. Может, по пиву? — предложил отец. — Там сейчас как раз повтор Суперкубка, будет, что обсудить.

— Вы очень добры, сэр, — сказал продавец, — однако я вынужден отказаться. Мне ведь надо продавать то, чем набит мой громадный чемодан, иначе я так ничего и не получу.

— Что же вы продаете? — спросил я.

— Одну ученую разработку.

— И для чего она, эта разработка? — поинтересовался отец.

— Ну, раз уж вам так любопытно, мы можем пройти в комнату, и я вам все покажу.

— Давайте так и поступим, — кивнул папа. — Нам ведь любопытно, Марти?

Я кивнул.

— Тогда вперед. Помоги джентльмену с его чемоданом.

Продавец с отцом скрылись в комнате, а я взял в руки огромный багаж и, пыхтя, потащил его в комнату. Природа не наделила меня силой, а сам я был слишком ленив и потому предпочитал тренажерному залу компьютер.

— Ставь на стол, — сказал отец.

Он взял банки в охапку и отступил с ними в сторону. Я рывком закинул чемодан на стол. На миг мне показалось, что ножки не выдержат и подломятся, однако все обошлось.

— Итак, — сказал продавец, когда мы расселись по местам. — Сейчас я открою чемодан и продемонстрирую вам одно чудесное устройство под названием «Ретранслятор Мысленных Образов», или сокращенно «РеМО».

— Интересно, а этот «Ремо» часто надо будет носить в ремонт? — спросил отец, толкнув меня локтем в бок.

— Признаться, не знаю, сэр, — сказал Райс с улыбкой. — Сам я им не пользуюсь.

— Изумительная честность. Что же, он так плох?

— Нет, дело не в этом. Дело в том, что он мне просто не нужен.

— Вот как? Но если он не нужен вам, кому тогда нужен?

— Не знаю, — честно ответил коммивояжер. — Может быть, вам и вашему сыну?

— Что ж, может, и так. — Отец подмигнул мне. — Правда, Марти?

— Не знаю. А что это вообще такое — ретранслятор мысле...

— Мыслеобразов, — докончил Филипп. — Собственно, это образы, которые возникают в вашей голове, когда вы думаете о чем-то. Ассоциативный ряд к происходящему вокруг или то, что вы сами нафантазировали.

— Ну, с этим более-менее понятно, — кивнул отец. — А для чего же нужен сам ретранслятор?

— Чтобы другие могли видеть ваши мысли. Это как... как миниатюрная киностудия, для работы которой достаточно одного человека. Вы — сам себе режиссер, сам себе оператор, сам себе актер. Все, что вы представляете, можно с помощью прибора передать на экран компьютера через вай-фай. Можно даже записать ряд мыслеобразов в файл, будто это обычное онлайн-телевидение.

— Звучит действительно интересно.

— Да, потому что это слова из рекламной брошюры, — усмехнулся Райс. — На деле же все гораздо сложнее. У вас есть компьютер или ноутбук?

Отец кивнул и покосился на меня.

— Сходишь?

— Да, конечно.

Я сгонял в комнату и вернулся, держа свой лэптоп под мышкой.

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо. Положите на стол, сэр.

Пока я включал ноутбук, он достал из чемодана небольшую картонную коробку. Открыв клапаны, коммивояжер вытряс на стол ее содержимое — пластиковый обруч с регулятором диаметра и небольшой антенкой.

— Вот смотрите. — Райс выставил нужный размер и надел обруч на голову антенкой назад. — Вай-фай включил?

— Тут автоматическое соединение.

— Отлично. — Райс нажал кнопку на обруче, и светодиод, вмонтированный в антенну, замигал синим.

— Угу... Соединились с вашим «Ремо».

— Отлично. А теперь смотрите.

Коммивояжер нажал вторую кнопку, и экран ноутбука стал черным, будто он самовольно нырнул в спящий режим.

— Эй! — воскликнул я.

— Все в порядке. Смотрите.

На экране стали мелькать разные образы. Ни один из них не задерживался на экране надолго. Период смены кадра — не более полсекунды.

— Видите? — спросил Райс.

Он снова нажал вторую кнопку, и на экран вернулся мой десктоп.

— Я вроде бы могу представлять что-то, но образы мелькают в моей голове так быстро, что ничего дельного не выходит. Ко всему, они ничем не связаны между собой — кроме того, что все их представил я. Та же проблема наблюдается и у многих других людей, у девяноста процентов среди всех, кто пробовал «Ремо» на себе.

— А что с оставшимися десятью процентами?

— У них либо слишком бедное воображение, либо депрессия, либо психическое расстройство. Один образ может полдня стоять на экране, и образ этот, надо сказать, будет некрасив и уныл. В общем, теперь

вы, наверное, понимаете, почему мой чемодан забит под завязку?

— А не дадите попробовать? — неожиданно даже для себя самого спросил я.

Райс пожал плечами:

— Отчего бы и нет? Кто знает, может, именно вы станете моим первым покупателем. — Он хмыкнул. — И единственным.

— И сколько же стоит такая штуковина? — спросил отец, пока Райс настраивал диаметр обруча.

— Двести пятьдесят баксов, — с грустной улыбкой отозвался коммивояжер.

Отец присвистнул.

— Неслабо!

— Еще одна причина, чтобы ее не купить, — сказал продавец и вручил мне обруч.

Я надел «Ремо» себе на голову, посмотрел на экран.

— Позволь мне. — Райс потянулся и щелкнул ту самую вторую кнопку, отключающую монитор.

— И что теперь?

— Представь что-нибудь.

— Например?

— Не знаю... Ну представь, что ты режиссер и ты снимаешь фильм — такой, какой хочешь ты один. Никаких ограничений, предел — границы твоей фантазии. Понимаешь?

Я кивнул и сосредоточился.

— Гляди-ка, — сказал отец, указав на монитор. — Началось.

— То есть? — не понял Райс.

Он заглянул в монитор. Брови его поползли вверх.

— Черт побери, кто же засунул меня в эту коробку? — воскликнул забавный лупоглазый паук, появившись на экране.

Он почему-то стоял около потрепанной двери бара. Секунду спустя изнутри стали выходить огромные волосатые рокеры в банданах, жилетках и протертых на коленях джинсах.

— Ой-ой, — сказал паук и обхватил голову мохнатыми лапами.

— Это точно не записанный мультфильм? — спросил коммивояжер, ни к кому конкретно не обращаясь.

Один из байкеров повернул голову и, глядя прямо на Райса, заявил:

— Нет. Все мы — плод воображения Марти.

Отец и Филипп выпучили глаза.

— Ничего себе... — пробормотал мой папа и отхлебнул пива из бутылки.

— Вот это да! — вторил ему коммивояжер.

Тем временем на экране байкеры окружили паука. Восьмилапый монстрик затравленно огляделся по сторонам: выхода не было.

«В этот момент паук Билл понял — взбучки не избежать», — сообщил закадровый голос.

Байкеры прыгнули на паука одновременно. В этот же момент заиграла песня Red Hot Chili Peppers — Californication.

Отец с Райсом, раскрыв рты, смотрели, как паук борется с толпой рокеров, как пробирается между ног у одного патлатого верзилы и, прыгнув на мотоцикл, дает по газам. Рокеры вопят, бегут к своим байкам. Начинается погоня.

Из бара выбегает паучиха и кричит:

— А как же мой номер, Билл?

Отец усмехнулся и уважительно посмотрел на меня. Я старался не отвлекаться и потому никак не отреагировал на его взгляд.

— Это... это просто восхитительно! — воскликнул коммивояжер.

Он полез в карман, достал оттуда сложенный вчетверо платок и промокнул вспотевший лоб.

— Это просто... просто идеал! — не стесняясь в словах, продолжал он. — Ваш сын просто феномен!

— Я знаю, — сказал отец с улыбкой.

Поняв, что побег паука больше их не интересует, я вывел на экран титры. Это было невероятно легко:

я просто представил их, и они появились на мониторе ноутбука.

— Нет, мистер Бута, это... да вы не представляете, что теперь начнется!

— И что же?

— Ваш сын станет мировой знаменитостью! Все кинокомпании, все центральные каналы будут биться за право подписать с ним контракт! Вы представляете, о каких деньгах идет речь?

К нашему общему удивлению, отец вовсе не обрадовался, когда услышал про деньги.

— Знаете, все это, конечно, звучит довольно здорово, — сказал он, хмуро глядя на продавца, — однако где большие деньги — там большие неприятности. А я не хочу, чтобы у моего сына были неприятности.

— Боже, но это ведь талант от Бога!

— Это всего лишь мысли, которые ваша машинка передает на экран.

— Пусть так. Но ведь, кроме вашего сына, этой машинкой никто не смог воспользоваться. Уже сейчас можно сказать, что он один на десять тысяч, а может, и на сто. Впоследствии, когда все узнают о чудесном даре вашего Марти, народ толпами повалит тестировать «Ремо». Таким образом, с помощью вашего сына мы найдем — или хотя бы попытаемся найти — новых трансляторов, что позволит в свою очередь...

— Послушайте, — перебил его отец. — Я ведь уже сказал: я не желаю сыну неприятностей. Поэтому пусть его дар останется нашим маленьким секретом, ладно?

— Постойте, — сказал коммивояжер. — Что значит «секретом»? Как можно утаивать такие вещи? Это ведь может перевернуть весь мир!

— Именно этого я и боюсь. Ладно, я понимаю вас, мистер Райс. Вы — человек дела. Сколько?

— Сколько чего? — нахмурился Филипп.

— Долларов, конечно.

— Вы хотите заплатить мне за молчание? — догадался коммивояжер.

— А вы разве не к этому вели?

— Ну, знаете ли... — Райс вскочил с дивана, отступил на шаг и смерил отца гневным взглядом. — Если вы думаете, что каждый коммивояжер готов продать все и вся за какую-то сумму денег, то вы глубоко заблуждаетесь, мистер Бута.

— Позвольте, мистер Райс, не о деньгах ли вы говорили? — покачал головой отец. — О контрактах, кинокомпаниях...

— Речь шла о деньгах, которые заработает ваш сын!

— А вы то есть будете сидеть в стороне и даже полпроцента себе не возьмете?

— Разумеется, возьму.

— Что и требовалось доказать.

Поняв, что отца ему не переубедить, Райс решил переключиться на меня.

— Но ты-то, Марти! Ты ведь хочешь получать солидные деньги?

Отец раскрыл было рот, чтобы пресечь эти вопросы, но я опередил его:

— Смотря о каких деньгах речь.

Отец хмуро посмотрел на меня. Райс же расплылся в улыбке и, поковырявшись в карманах, протянул мне небольшую пластиковую карточку:

— Вот, держи. Это моя визитка. Там мой номер, даже два. Звони в любое время и назначай встречу, где мы, — он покосился на отца, — сможем поговорить с глазу на глаз. О'кей?

Я кивнул.

— Тогда не смею больше вас отвлекать. Тем более третья четверть уже подходит к концу.

Подхватив со стола свою нелепую шляпу и огромный чемодан, он едва ли не бегом устремился к входной двери.

— Проводи своего нового друга, Марти, — сказал отец с издевкой. — А то он нам, не дай Бог, еще замок поломает.

— Несмотря ни на что, — прокричал Райс из прихожей, — я рад нашему знакомству, джентльмены. Уверен, оно послужит началом долгой... и взаимовыгодной дружбы.

— А тот «Ремо», что мы испытывали, вы с собой не заберете? — спросил я, выйдя из комнаты.

— О, конечно, нет. Это мой подарок, Марти. Чего ему зазря пылиться у меня в чемодане, если тебе он нужней?

— Ну... спасибо.

— Не за что, парень, — сказал Филипп с улыбкой. — Занимайся, практикуйся, а потом звони мне, и, поверь, мы заставим этот мир плясать под нашу дудку.

С этими словами он вышел в промозглый декабрьский вечер и захлопнул за собой дверь.

Я закрыл щеколду и, пройдя в гостиную, уставился в окно. Коммивояжер, пританцовывая, подошел к одинокому старому «Ситроену», смахнул с крыши снег и, швырнув чемодан в багажник, уселся за руль. Мне показалось, он меня заметил и даже махнул рукой на прощание, прежде чем его авто сорвалось с места и покатило по заснеженной дороге. Вскоре «Ситроен» скрылся из виду. Тогда я опустил взгляд и посмотрел на визитку.

— Хватит топтаться у окна, — сказал отец. — Весь футбол пропустишь.

— Иду, па, — сказал я и, убрав карточку в карман брюк, пошел к столу.

Той ночью я долго не мог уснуть. Все ворочался, размышляя о словах коммивояжера. Особенно мне запомнилась его последняя фраза — про мир, который будет плясать под нашу дудку.

Признаться, только об этом я и мечтал все школьные годы — отомстить дурацкому миру, который до того меня совершенно не уважал. Я жаждал мести, и «Ремо», похоже, мог мне с этим помочь. Я твердо решил позвонить Райсу и договориться о встрече.

Вот почему на следующее утро, когда ко мне в комнату заглянул отец, я сказался больным.

— Что болит? — спросил он, присев на край кровати.

— Да голова... и знобит чего-то... — пробормотал я, морщась.

— М-да... А мы ведь собирались прикупить тебе хороший финский спиннинг, чтобы ты больше не заглядывался на мой!

— Смеешься?

— Хе-хе, ну да. Ладно, не раскисай. Давай я выберу три на свой вкус, сфотографирую и пришлю тебе, а ты выберешь, какой тебе больше нравится. Идет?

Я кивнул.

Все, что угодно, папа, только не тащи меня в магазин.

— Ну, значит, так и поступим, — сказал отец. — Все, я уехал, поправляйся. Не дело на Рождество болеть!

— Угу, — отозвался я.

Едва за ним закрылась дверь, я выбрался из-под одеяла и отправился в душ. Я собирался позвонить Райсу в десять, чтобы ненароком его не разбудить — все-таки воскресенье, выходной день, люди либо спят, либо в церкви.

Когда я покончил с завтраком и посмотрел на часы, было всего двадцать минут девятого.

О-фи-геть.

И чем же заниматься в ближайшие пару часов?

Может, посмотреть что-нибудь по телику?

Пожалуй, лучшего занятия мне действительно не найти...

Однако так я думал, пока не вошел в гостиную и не увидел лежащий на столе «Ремо». Рядом был и мой ноутбук, который я так и не унес обратно.

А вот и занятие!

Я включил лэптоп и, пока загружалась система, нацепил чудесный обруч на голову. Признаться, я до сих пор не мог до конца поверить, что мне удалось

перенести свои фантазии на экран. Случившееся вчерашним вечером больше походило на сон, чем на реальность. Именно поэтому я жаждал опробовать «Ремо» снова — чтобы убедиться или же, напротив, разочароваться в его чудесных возможностях.

Увидев рабочий стол, я тут же щелкнул первую кнопку на обруче.

Антенка замигала, а через пару секунд компьютер сообщил, что подключение установлено.

Так.

Теперь вторая кнопка.

После нажатия экран потух. Пока что все идет по той же схеме, что и вчера.

Я закрыл глаза, открыл снова.

Пора.

Я сосредоточился и начал представлять...

Нет, то был не сон, вчерашний вечер. Просто фантастическая, невероятная реальность, о которой я раньше не мог и мечтать.

Сначала у меня получилась довольно странная короткометражка про двух медведей, которые налакались вискаря и разнесли номер гостиницы, а потом забрались на припаркованный поблизости воздушный шар (?) и полетели на Гаити (???). Нелепица страшная, конечно, но мне было смешно.

Впрочем, долго страдать подобной ерундой я вовсе не собирался. Следующий мой «шедевр» вышел более логичным, пусть и не слишком интересным. Покончив с ним спустя восемь минут, я отключил обруч и, отложив его в сторону, крепко задумался.

В конце концов я пришел к выводу, что без готового сценария можно даже не пытаться нафантазировать что-то стоящее. Поэтому я не поленился сходить в свою комнату и вернуться вниз с шариковой ручкой и пачкой бумаги под мышкой. Меня переполнял энтузиазм, но этого, конечно же, оказалось мало: без таланта и мастерства рвение было абсолютно бесполезно. Исписав три листа, я один за другим отправил

их в мусорную корзину и, подивившись своей баскетбольной меткости, стал размышлять о причинах провала.

Почему же у меня ничего не вышло, думал я, глядя на бегающую по экрану эмблемку?

Идей не было.

Чтобы отвлечься, я стал блуждать по комнате, пока мой взгляд не упал на часы.

Ого! А ведь уже почти одиннадцать.

Долго же я провозился с этим «Ремо»!

Эх, до чего же все-таки удивительная штуковина...

— Да? — неожиданно бодро отозвалась трубка, когда я уже думал опустить ее на рычаг.

— Мистер Райс? — уточнил я.

— Именно так. Позвольте узнать, с кем имею честь?..

— Это Марти Бута. Вы заходили к нам вчера, и ваш «Ремо»...

— Ну конечно, конечно, Марти, я помню вас с отцом! — перебил меня коммивояжер. — Признаться, я ждал, что ты позвонишь, но не думал, что так скоро. Впрочем, это все поэзия, поэзия... Что же ты надумал, Марти?

— Я хотел бы... хотел бы работать с этим прибором. У меня получается, я с утра занимался, фантазировал. Думаю, если у меня будет сценарий, я смогу заменить целую съемочную бригаду и весь актерский состав.

— Хм, звучит здорово. Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь. Впрочем, главное, чтобы тобой заинтересовались наверху, а там уж они сами нам все объяснят. Ладно. В общем, я попробую договориться о встрече с кем-то из местных телевизионщиков, а там уже будет видно. Дай мне номер своего мобильного, чтобы я сразу тебе сообщил, когда что-нибудь узнаю.

Я продиктовал номер.

— Отлично... Записал. Все, тогда до связи, жди звонка. Не знаю, успеем ли мы найти что-нибудь до Рождества, но я буду стараться. Пока же просто жди.

— Хорошо, — сказал я и положил трубку на рычаг.

Я был полон надежд. В то время мне казалось, все очень просто — что все заинтересуются моим даром и я сразу подпишу огромный контракт...

Как бы не так.

Райс позвонил на следующий день, в обед.

— Да? — спросил я.

— Марти, привет. Это Филипп Райс.

— Здравствуйте, мистер Райс.

— Зови меня просто Фил, о'кей? Угу. В общем, я договорился о встрече с директором канала «ВОН».

— «ВОН»? — переспросил я.

— Именно.

— Я что-то совсем не помню, что там идет.

— Это потому что он по рейтингу находится в самом хвосте среди остальных кабельных каналов.

— В хвосте?

Я не был большим знатоком телевидения, но сразу понял — обещанными большими деньгами тут и не пахнет.

— А чего ты хотел — всего и сразу? — фыркнул Райс, когда я высказал ему свои опасения. — Разумеется, сначала с тобой будут осторожничать. Люди предпочитают доверять старому и надежному — по крайней мере они делают это до тех пор, пока новое не покажет себя во всей красе. Но вот когда это случится, мы станем грести деньги лопатой, Марти, попомни мои слова. А пока нам надо встретиться с этим парнем, с «ВОН», продемонстрировать ему, как ты управляешься с «Ремо», и обсудить твой первый контракт.

— Хорошо. Куда мне подъехать?

— С тобой приятно иметь дело, — заметил Райс. — Ты быстро схватываешь. Записывай адрес.

Мистер Коллин Фрай назначил встречу в кафе «Черная орхидея», что находилось в самом центре Нью-Йорка. Не знаю, почему оно так вычурно называлось. По сути, это была обычная кофейня. Такие часто именуют «Чашкой чая» или «Ровно в 3», но практически

никогда — «Черной орхидеей». Впрочем, плевать на название. Главное, что мистер Коллин Фрай назначил встречу именно там.

— Па, — сказал я, входя в гараж.

Отец мой возился у верстака — подгонял какую-то деталь. Он вечно возился со своим старым «Доджем», хотя давно мог купить что-нибудь посолидней.

— Что такое? — встрепенулся папа.

Он посмотрел на меня сквозь желтые стекла слесарных очков.

— Марти? Как ты себя чувствуешь, нормально?

— Да я же еще к вечеру вчерашнему отошел.

— Ну да, да... Но мало ли — к вечеру отошел, а утром снова озноб и сопли...

— Прекращай это, ладно? Мне ведь не семь лет.

— Ладно, ладно. Не семь. — Он усмехнулся. — Тогда сразу к делу — с чего это вдруг ты решил проведать старика в его скромной мастерской?

— Хочу узнать, где находится 42-я улица.

— 42-я? Ну, это самый центр, Манхэттен. А зачем тебе 42-я улица?

— У меня там встреча.

— Уж не с тем ли коммивояжером? — нахмурился папа.

Черт. Я думал, он уже забыл о Райсе.

— Нет, что ты, — хмыкнул я, стараясь казаться искренним.

— Нет? А тогда с кем?

— Эм-м-м... С... девушкой, — нехотя ответил я.

— Вот как? И когда же ты успел познакомиться с девушкой? Или это старая подружка?

— Нет, новая. Мы с ней по Интернету переписывались, — соврал я. — Договорились встретиться, когда я приеду в Нью-Йорк, но вчера я приболел, и потому мы так и не увиделись. Вот, поеду к ней сегодня.

— Что ж, дело хорошее. Приятно, что ты еще делишься такими вещами со своим стариком, — усмехнувшись, отец похлопал меня по плечу.

В тот момент я думал, что сгорю от стыда.

Врать тяжело, но когда тебя при этом хвалят за честность, не подозревая обмана, на душе становится действительно гадко. Лишь с превеликим трудом мне удалось выдавить улыбку и сказать:

— У меня от тебя нет секретов, па.

В ту секунду, возможно, я и продал свою душу Сатане.

Никаких контрактов, скрепленных кровью, никаких рогатых чудищ и кипящей, дышащей пламенем земли — всего одна фраза, одна ложь, которая повергает тебя в бездну. И обратного пути уже нет.

В три я вышел из дома и, на ходу завязывая шарф, пошел к автобусной остановке. Оглянувшись, я увидел, что отец стоит у окна и смотрит мне вслед. Наши взгляды встретились, и мы улыбнулись друг другу.

Автобус пришел спустя пару минут. Я даже не успел замерзнуть.

* * *

— А вот и он! — воскликнул Райс, поднимаясь со стула. — Привет, Марти!

Он протянул мне руку, и я пожал ее.

— Здравствуйте, Фил, — сказал, кивая. — А вы, должно быть, мистер Фрай?

— Да, это я, — горделиво вскинув подбородок, подтвердил худющий господин, сидящий на диване у стенки.

У него была модная эспаньолка, нелепый бирюзовый берет, длиннющий желтый шарфик и серая водолазка. Черный пиджак лежал у Коллина на коленях. Фрай перебирал пальцами по столешнице, словно нарочно демонстрируя три мощных перстня, инкрустированных бриллиантами.

Хотя, возможно, это были обычные стекляшки, подумал я. Бижутерия.

Или, проще говоря, дешевые понты.

— А вы тот самый чудесный человек, который может заменить целую съемочную бригаду? — спросил Коллин, выгнув тонкую бровь.

— Да, это он, — подтвердил Райс. — Сейчас мы вам все продемонстрируем...

— Прямо здесь? — удивленно спросил я.

— Ну да. А что?

— Тут... так много людей.

Я преувеличивал. В «Орхидее» было пять человек — пара любящих родителей с сыном и молодая парочка, которая хихикала у дальнего окна.

— Я не хочу надевать обруч при них, — добавил я.

— Ну, ты даешь! И кто обратит на тебя внимание? А даже если и обратят, то подумают, что это всего лишь мобильная гарнитура.

— Ну... не знаю...

— Послушайте, мистер... Бога, — подал голос Коллин. — У меня сегодня еще куча дел. Так что либо надевайте ваш обруч и показывайте, что умеете, либо я поеду в парикмахерскую.

— О'кей, — сдался я.

В конце концов, какое мне дело до всех этих людей? Одному Богу известно, чего стоило Райсу притащить сюда этого разноцветного павлина. Я не могу так подвести Фила. Да и моя ложь отцу — неужели все зря?

— Отлично, — просиял Райс. — Тогда я включаю ноутбук, а ты пока снаряжайся...

Мы споро взялись за дело. Коллин со скучающим видом наблюдал, как я вытаскиваю из коробки обруч, как надеваю его на голову, как медленно грузится старенький ноутбук Фила и как коммивояжер, покусывая губу, стучит ладонями по столешнице, словно индус по тамтаму.

— Соединяюсь, — сказал я.

— Угу, — буркнул Фил и, повернув ноутбук так, чтобы Коллину было видно происходящее на экране,

не без гордости заявил: — Сейчас вы станете свидетелем культурной революции.

Я нажал вторую кнопку. Экран стал черным.

— Ого. Впечатляет. Это уже оно? — оттопырив нижнюю губу, спросил Фрай.

— Нет, конечно, это самое начало сеанса. Давай, Марти.

И я дал. Я закрыл глаза, чтобы случайно не спроецировать надменное лицо Фрая в какой-нибудь мыслеобраз на экране. Однако когда спустя пару минут он воскликнул: «Это что, взаправду?!» — я решился приоткрыть правый глаз.

Он сидел, раскрыв рот и выпучив глаза, приподняв тонкие брови и всем своим видом выражая крайнюю степень удивления.

Фрай ахал и охал, а я выкидывал на стол один козырь за другим и наслаждался его реакцией. Я начал с мультяшной заставки, потом на экране появились живые люди, начался настоящий фильм. Включилась напряженная музыка — вроде той, что звучит в Silent Hill. А потом я устроил парад спецэффектов — благо ни один из них не стоил мне ни цента.

Решив, что демонстрацию можно заканчивать, я увел видео в темноту, а закадровый голос четко и ясно сказал:

— Конец.

— Черт! — воскликнул Коллин. — Это просто феноменально! Но как... как такое возможно? Вы точно не пытаетесь меня обмануть? Это не заготовленный фильм?

— Ну что вы? — фыркнул Райс. — Зачем нам дурить вас, мистер Фрай? Мы ведь хотим сотрудничать с вами, а это значит, нам придется работать по вашим сценариям. И какой тогда смысл в заготовке?

— Ну, мало ли? Никого не хочу обидеть, но... чисто гипотетически!.. Аферисты могли бы провернуть что-то в этом роде. То есть показать якобы слепленный мыслеобразами фильм, взять под это дело бюд-

жет, а потом скрыться в неизвестном направлении. Согласитесь, такое вполне возможно!

— Не думаю, что аферисты стали бы придумывать такие чудные приборы, — заметил я, убирая обруч обратно в коробку.

— В наше время чего только не придумают, — покачал головой Коллин. — Скоро непонятно будет, кто продает тебе выпивку — робот или человек. А вы говорите — приборы! Но подождите, почему вы убираете ваш... обруч?

— Потому что мы закончили демонстрацию, — немного растерянно ответил я. — Или нет?

— Нет, ну, прежде чем говорить о чем-то конкретном, я бы хотел, чтобы вы показали небольшую импровизированную сценку на заданную мной тему. Думаю, это не станет проблемой?

— Конечно, нет, — ответил Райс. — Давай, Марти. Надевай «Ремо» и покажи мистеру Фраю короткий ролик про...

— Удавов-баскетболистов, — выпалил Коллин.

— Удавов-баскетболистов? — переспросил я.

— Ну да. Что-нибудь про них. И пусть там будет кролик в рясе.

Похоже, мозги у него действительно набекрень.

Ну и ладно. Главное, чтобы он нам заплатил.

Я закрыл глаза и сосредоточился на удавах и кроликах.

— Ну и что скажете теперь? — нетерпеливо поинтересовался Райс.

— В смысле?

— Я так понимаю, вы под впечатлением от увиденного?

— О да.

— Ну и? Может, что-нибудь конкретное? Какое-нибудь... предложение?

— А, вот вы о чем... Признаться, я так увлекся происходящим на экране, что даже не задумывался о каких-то там... предложениях!.. — Он улыбнулся. —

Но это не значит, что их не будет. Что скажете о... ну, положим, пяти тысячах в месяц?

Я выпучил глаза.

Пять штук в месяц? Это шестьдесят в год?

Да у меня отец получал восемьдесят, и это при том, что он пашет, как вол, едва ли не семь дней в неделю. Только под Рождество он может немного отдохнуть, и то за свой счет.

Предложение показалось мне отличным, и я уже готов был согласиться, когда Райс презрительно хмыкнул:

— Всего-то?

Я удивленно посмотрел на коммивояжера. Он покосился на меня и самым уголком рта прошептал:

— Молчи.

Я повиновался, хотя и считал его действия просто глупыми. Разве можно торговаться, когда тебе предлагают так много?

С другой стороны, он ведь рассчитывает на свои десять процентов, а пятьсот баксов в месяц — это не так уж здорово. Поэтому-то, наверное, он и решил оспорить сумму.

— Всего-то? — переспросил Коллин. — А у вас что, есть другие, более выгодные предложения?

— Конечно, есть. Через два часа мы собираемся встретиться с гендиректором «Метро-ТВ» Расселом Крабсом. Вы ведь с ним знакомы?

Надо было видеть, как побагровел Фрай в те секунды. Более всего он походил на генно-модифицированный помидор с прилавков овощных магазинов.

— И... и сколько же предложил Крабс? — совладав с гневом, спросил Коллин. — Или он пока не делал вам конкретных предложений?

— Крабс предложил двадцать пять тысяч в месяц, — спокойно сказал Райс.

«Так что же мы сидим?!» — хотел заорать я, однако вовремя взял себя в руки.

Возможно, Райс всего-навсего блефовал.

К несчастью, так же подумал и Фрай.

— Это неправда, — усмехнувшись, заявил он. — Вы не говорили о цифрах!

— Да? Ну, пусть так. — Райс поднялся из-за стола и сказал: — Пойдем, Марти. Думаю, наш разговор с мистером Фраем окончен.

— Как окончен? — удивился Коллин.

Судя по всему, он до сих пор не верил, что мы можем не согласиться на его предложение.

— А вот так. Мы пойдем к Крабсу и подпишем контракт на двести сорок тысяч. Думаю, очень скоро рейтинги «Animal Planet» взлетят до небес. Надеюсь, ваши при этом упадут не слишком низко.

— Подождите! — воскликнул Фрай, когда Райс развернулся, чтобы уйти.

— Что-то еще? — с постной физиономией уточнил коммивояжер.

— Сколько вы хотите? Я готов дать двадцать семь... нет, тридцать тысяч в месяц! Вас это устраивает.

У меня дыхание перехватило.

— Дайте подумать... М-м-м... А, черт с вами! Отправлю представителю «Animal Planet» сообщение, что мы не сможем прийти.

— Значит...

— Значит, договорились, мистер Фрай, — улыбнулся Райс.

Они жали друг другу руки, радовались тому, что сумели заключить отличную сделку, а я сидел и тихо повторял:

— Тридцать тысяч...

И даже за вычетом тех трех... да черт с ними — пяти тысяч, которые я отдам великолепному мистеру Райсу, это была величайшая сумма, на которую я мог рассчитывать. По крайней мере так мне казалось тогда, за столиком в кафе «Черная орхидея».

Кто же знал, что это было только самое-самое начало?..

* * *

— Где ты?

— Я... я не смогу прийти, — сказал я, глядя на кровать.

— То есть как это не сможешь? — удивился отец.

— Ну, тут возникли кое-какие дела... — протянул я, на ходу лихорадочно придумывая, что бы ему сказать.

— Ты у своей девчонки?

— Э-э-э... Да. У нее.

— И когда ты придешь домой?

— Честно говоря, не знаю. — Происходящее на кровати заставило меня нервно облизнуть губы. — Видимо... не сегодня.

— Что? А как же наш ужин? Это ведь наша традиция, Марти, — рождественский ужин сына и отца. Ты и я за столом, DVD с лучшими фильмами Белуши и Робина Уильямса...

— Па, — перебил его я. — Мне уже двадцать.

— Ах, то есть ты вроде как взрослый, да? Ты ведь об этом?

— Ну... да.

— Что ж, ладно. Все понимаю, сам такой был... Самостоятельный.

— Па...

— Ладно-ладно. Говорю же — понимаю. Эх... Ну заезжай, когда освободишься. Счастливого Рождества!

— И тебе, па, — сказал я и, отключившись, швырнул телефон на тумбочку.

— Ты идешь, малыш? — спросила Жанна.

Она лежала на спине, абсолютно голая, и смотрела на меня своими огромными голубыми глазами. Ее пепельные волосы были растрепаны, а роскошная грудь приковала мой взгляд, едва Жанна избавилась от майки.

Никогда прежде мне не доводилось видеть такую красоту. Похоже, это было начало новой жизни.

Тридцать тысяч в месяц...

— Иди же скорей! — нетерпеливо воскликнула девушка.

Я, словно зомби, на полусогнутых проковылял к кровати и замер, не зная, как себя вести.

Однако Жанна не дала мне времени на раздумья: перевернувшись на живот, она поползла ко мне на четвереньках.

Будто дикая кошка, которая подкрадывается к зазевавшейся антилопе.

Следующие полчаса мы были единым целым, слишком страстным, чтобы о чем-то думать, и слишком горячим, чтобы остановиться хоть на миг.

— Черт... — прошептал я наконец, откинувшись назад и раскинув руки. — Это было... божественно.

— Ну да, — сказала Жанна. — Неплохо.

Она уже застегнула юбку и теперь натягивала свою майку.

— Тебе тоже понравилось?

— Да, — пожала плечами она. — А что, не должно было?

— Ну... — смутился я. — Даже не знаю. Я не великий спец в этих делах.

— Брось. Еще пара подобных уроков, и ты любого сокурсника за пояс заткнешь.

— Сокурсника?

— Ну, ты ведь учишься в колледже, верно?

— Пока да. А как ты догадалась?

— У меня было несколько студентов. Эта нерешительность... Для студентов секс — как ритуал.

— Ты говоришь, я студент. А что, на школьника я разве не похож?

— Не-а.

— В самом деле?

— Ну, то есть внешне разница небольшая, конечно. Но школьники не успевают снять штаны. — Она подмигнула мне и глумливо улыбнулась. — Студенты все-таки более... терпеливые.

— Ага. Я понял.

— Ну ладно. Пока, Марти. — Она наклонилась и чмокнула меня в щеку. — Если будешь в наших краях, можем увидеться... Правда, тебе снова придется заплатить за это время, но, думаю, ты не станешь жалеть о деньгах, когда мы окажемся в кровати, верно?

— О да, — глядя в потолок, протянул я.

— Все. Чао-какао.

Она вышла, оставив меня наедине с моим собственным отражением в зеркальном потолке. Некоторое время я лежал, глядя на себя — худосочного пацана с растрепанными, слипшимися от пота волосами, блестящими от выпитого пива глазами и приплюснутым носом. Еще пару дней назад я и помыслить не мог, что мне удастся переспать с такой девушкой, как Жанна. Пусть она проститутка, пусть ей заплатил мой новый агент Филипп Райс, но главное — сам факт: секс ведь был! А уж как он мне перепал — дело десятое.

Ладно. Надо одеваться и спускаться вниз, к Райсу и Фраю.

Это Рождество в корне отличалось от предыдущих — хотя бы потому, что сегодня я подпишу контракт с каналом «ВОН» и буду получать триста штук в год.

Я залез в брюки и, насвистывая под нос, прошел к стулу, на спинке которого висела моя майка. Воображение, подкрепившись алкоголем, разбушевалось не на шутку; перед внутренним взором мелькали яхты, океаны, президентские люксы в отелях, шикарные горничные, стол, уставленный множеством экзотических блюд... От всего этого можно было сойти с ума.

Надев майку, я мотнул головой, дабы немного унять фантазию. Пока что я все еще студент колледжа, и в кармане у меня — мятая десятка и пара монет. Тридцать штук появятся там только через месяц... если вообще появятся. Пока же за меня платит Райс, а это значит, слишком уж наглеть не стоит.

Хотя, конечно, Фил теперь всецело зависит от меня, ведь именно я — его билет в лучшую жизнь. Наверняка он постарается задобрить свой «билет», чтобы я не отправил его пинком под зад, решив, что агент мне не нужен вовсе.

Не будь мерзавцем, Марти, сказал я себе. Если бы не этот парень и его обруч с антенной, ты бы сейчас сидел дома с отцом и пил кофе, а не кутил в доме у гендиректора кабельного канала.

В дверь постучали.

— Кто? — спросил я.

— Это Фил. Могу я войти?

— Да, конечно.

Он приоткрыл дверь, заглянул внутрь. Убедившись, что я одет, Райс вошел и затворил за собой дверь.

— Фрай перебрал и уже отключился, — сказал он. — А так как Жанна ушла, я решил, что могу составить тебе компанию.

— Ясно. Ну, я как раз собирался спуститься вниз, к вам.

— А вышло, что я к тебе пришел. Думаю, так даже лучше. Там девки всякие... отвлекают. А тут мы вдвоем, тишина, и никто не мешает.

— О чем вы хотели поговорить? — спросил я, облокотившись на стоящий у стенки комод.

— О нашей сделке.

— Вы были молодцом.

— Спасибо, — сказал Райс, улыбнувшись. — Но я набивал цену по понятным причинам — я ведь работаю за процент... о котором, к слову, и пойдет речь.

— Я вас слушаю.

— Ну, в общем, я хотел бы рассчитывать на пятнадцать. От тридцати тысяч это будет четыре с половиной в месяц. Я бы мог запросить больше, но, думаю, это будет нечестно по отношению к тебе.

— Что ж, вы назвали справедливые цифры, — сказал я. — По крайней мере, мне они кажутся честными.

— Значит, договорились?

— Ну... да.

Он смерил меня взглядом, вздохнул и сказал:

— Хороший ты парень, Марти. Но наивный до жути. Будь на моем месте кто-то другой, он бы с тебя и тридцать, и сорок, а может, и все пятьдесят процентов сбил.

Я открыл рот, чтобы возразить, однако не смог, потому что понял: Фил прав. Попадись мне кто-то более алчный, он бы ободрал меня как липку.

— Нет, если бы тут был твой отец, он бы, конечно, даже пятнадцати мне не дал. Максимум, что бы я у него выторговал, это двенадцать... а то и на десяти бы и остался. — Райс усмехнулся. — Черт, у тебя отличный папаша! Но, надо думать, он сейчас не знает, где ты?

— Как вы догадались? — удивился я.

— Да очень просто: он бы либо вообще не отпустил тебя сюда, либо пришел бы с тобой.

— Что за глупости? — нахмурился я. — Я не маленький мальчик, Фил, мне уже двадцать, и я...

— О черт, Марти! — перебил меня Райс. — Когда речь касается денег, ты — маленький мальчик. Цену им знает только тот, кто работает. Реальную цену — тот, кто успел все потерять и теперь пытается обрести вновь. А ты... ты слышишь цифру, и она кажется тебе огромной, но на деле это не так. Держу пари, ты готов был меня пристрелить, когда я отказался от пяти штук и попытался уйти, верно?

— Ну... честно говоря, что-то в этом роде, — кивнул я.

— Вот! Вот об этом я и говорил! Ты готов был согласиться на жалкие крохи. Пять тысяч в месяц — неплохо, если ты коп или учитель в школе, но юристы и врачи за такие деньги лишний раз с кресла не встанут. А ты ведь гораздо более уникальный, чем они, просто еще не знаешь цену своей уникальности.

— И какова же она? — спросил я.

— Ну, точную цифру я тебе, конечно, не назову — товар все-таки штучный и к тому же совсем новый.

Но, поверь, со временем тридцать тысяч в месяц буду получать я, а ты... тебя ждут золотые горы, Марти, если мы, конечно, будем усердно трудиться. Ты, кстати, где-нибудь учишься?

— Да, в колледже. А что?

— А то, что, к сожалению, тебе придется его бросить.

— Как?

— Да вот так. Черт, Марти, ты готовишься подписать контракт на триста шестьдесят тысяч в год и при этом мечтаешь продолжать учебу? Очнись, парень. Да Фрай за эти триста штук душу из нас вытрясет. Ты будешь пахать, как бессмертная лошадь, а после работы... Хочешь сказать, что ты приползешь в свою квартиру, поужинаешь и сядешь за учебники? Черта с два, Марти, поверь — ты поешь, возьмешь из холодильника пиво и усядешься перед теликом смотреть очередной матч НБА или НФЛ.

Он снова был прав. И как я сразу не подумал о колледже? Похоже, мне действительно будет не до него. И хоть особой тяги к учебе у меня не было, но как рассказать об этом отцу, я не знал.

— Марти Джеймс Бога, ты в своем уме?! — воскликнет он, а ноздри его при этом будут раздуваться, словно два паруса на переменном ветру. — Что значит ты ушел из колледжа? Как можно бросить колледж? Кто, черт побери, разрешил тебе это сделать?

А когда я скажу, ради чего оставил учебу, он и вовсе взорвется.

— Что?! Ради этих дурацких игрушек ты ушел из лучшего технического колледжа на юге страны?!

И все в таком духе. Нет, конечно, в итоге он меня простит, но до того устроит мне такую головомойку, от которой я буду год отходить.

— О чем задумался, Марти? — спросил Райс.

— О том, что скажет отец, когда узнает про колледж.

— М-да, проблемка... Впрочем, я думаю, не стоит спешить с рассказом. Раз уж взялся обманывать, дождись подходящего момента и только тогда вскрывай карты. Поспешишь — останешься ни с чем. А потом, когда у тебя будут деньги и слава... Думаю, он все поймет.

— И когда именно он наступит, этот подходящий момент?

— Я подскажу тебе, обещаю, — с улыбкой сказал Филипп. — Ну ладно, хватит о делах. Сегодня ведь все же Сочельник, а у нас, кроме Рождества, еще поводы есть... Как насчет спуститься вниз и чего-нибудь выпить?

Я пожал плечами.

— Можно.

— Ну, тогда вперед.

Райс поднялся с дивана и пошел к двери. Походя он напевал:

— Мы желаем вам хорошего Рождества и счастливого Нового года...

Пел мой новоиспеченный агент так заразительно ярко, что, когда мы спускались по лестнице, я подключился к нему. Переглянувшись, мы в два голоса затянули:

— Звените, колокольчики, звените всю дорогу...

Девушки внизу приветствовали нас радостным визгом.

Грядущий год обещал быть интересней всех предыдущих.

* * *

— Привет. — Я улыбнулся секретарше. — Мне кто-нибудь звонил?

— Да, сэр, — кивнула девушка. — Ваш отец, сэр.

— Вот как? — удивился я.

Райс снял нам офис в одном из старых зданий на окраине Нью-Йорка. Оттуда я иногда транслировал для интернет-каналов частные заказы — когда не занят был на «ВОН».

В кармане заворочался мобильник. Я вынул его из кармана и посмотрел на экран — Райс.

— Алло.

— Привет, Марти. Отец тебе дозвонился?

— Нет. Это ты дал ему номер офиса?

— Да, конечно.

— И зачем?

— А что, у меня был выбор? Он все же твой отец.

— И что?

— Если бы я не разрешал ему говорить с тобой, это было бы похищение.

— Ты представляешь, что сейчас начнется? — пропустив мимо ушей его последнюю фразу, спросил я.

— Представляю.

— И что мне делать?

— Что ж, думаю, врать уже бессмысленно.

— То есть ты хочешь сказать, что именно сейчас настал тот самый подходящий момент, чтобы рассказать ему всю правду?

— Именно.

— Ах, как же интересно совпало! — саркастически воскликнул я. — Стоило ему позвонить, и тут — на тебе! — подходящий момент поведать обо всей моей лжи!

— Ну, да, так и есть. Я вообще-то изначально говорил как раз о нем.

— В самом деле? Мог бы предупредить!

— Сэр, вас к телефону, — подала голос Кармен.

— Кто?

— Кажется, снова ваш отец.

— Отлично... — проворчал я. — Ладно, до связи, Фил. Наберу позже.

— Ага, — успел ответить он, прежде чем я отключился и спрятал телефон обратно в карман.

Подойдя к столу секретарши, я уселся на стул, поднял руку и сказал:

— Давай сюда трубку.

— Вы будете говорить прямо здесь?

— Да, я буду говорить здесь. А ты пока сходи пообедай.

— Хорошо. — Кармен долго уговаривать не пришлось: едва я упомянул про обед, она поднялась с кресла и поспешила к двери. То ли была так голодна, то ли просто устала сидеть в душном офисе.

Кстати, о духоте — к концу апреля надо поставить сплиты, иначе мы тут попросту задохнемся.

— Да! — сказал я в трубку.

— Ну, здравствуй, Марти, — тихо отозвался отец.

— Привет, па. Как ты?

— Я? Я-то в порядке. По крайней мере все знают, где меня найти.

— Ты увидел меня по телевизору, да?

— Да. Но сначала мне позвонили из твоего колледжа — сказать, что ты отчислился с курса.

— Вот даже как. Странно, я ведь предупреждал ректора. Не знаю, почему вдруг он решил позвонить...

— Он хотел меня поздравить, — сухо сказал отец.

— Поздравить?

— Угу. С тем, что мой сын теперь работает на кабельном телевидении.

Я залился краской.

— Па...

— Он очень удивился, когда я сказал, что ничего об этом не знаю.

— Па...

— Марти Джеймс Бога, — по слогам проговорил отец. — Что все это, черт побери, означает?

— Это означает, что я работаю на канале «ВОН».

— И как давно?

— С января. Я подписал контракт в Сочельник.

— Контракт, значит... И сколько же берет твой агент, Мистер Коммивояжер?

— Пятнадцать процентов.

— Угу. А твоя зарплата?

— Триста шестьдесят тысяч в год.

Я думал, цифра его поразит, обрадует и заставит резко подобреть ко мне, простить мою ложь...

Но вместо всего этого он сказал просто:

— Угу.

— Что «угу», папа? — не выдержал я. — Что?

— Ничего.

— Ты получаешь восемьдесят тысяч в год, я — триста шестьдесят. Ты хочешь сказать, я зря бросил колледж и занялся телевидением?

— Поверь, деньги, которые тебе платят, интересуют меня в последнюю очередь. Получай хоть триста миллионов, я на них не претендую — мне хватает моих восьмидесяти штук.

— Да при чем тут это?! Почему ты не можешь просто за меня порадоваться?

— А потому что нечему радоваться, Марти. Как я уже говорил, большие деньги — большие проблемы. Пока ты этого не понимаешь, но через несколько лет поймешь... если не откажешься от этого сейчас.

— Откажусь?

— Да. Я советую... да что там — я прошу тебя бросить все это, вернуться в колледж, доучиться и найти себе нормальную работу.

Я открыл рот, пораженный услышанным.

— Ты... предлагаешь мне... все бросить? — спросил я.

Каждое слово давалось мне с трудом, будто мой язык был сделан из тантала.

— Да. Пойми: то, что ты имеешь сейчас, — это не «все». Это лишь малая толика, вершина айсберга, понимаешь? Сейчас он на виду, а в следующий миг может скрыться под водой, как и не было. И что ты будешь делать тогда?

— Что-нибудь придумаю, — процедил я. — Уж точно без тебя разберусь.

Это прозвучало грубо. Однако отец отреагировал не криком, не возгласом, как поступал обычно, когда его что-то не устраивало. Он тихо пробормотал:

— Вот как ты заговорил... Что ж, ладно... Надеюсь, ты все же образумишься... рано или поздно.

— Могу пожелать тебе того же! — сказал я и бросил трубку на рычаг.

Злость во мне бурлила, будто колдовское варево. Пузыри претензий поднимались в воздух и лопались с оглушительным хлопком, еще долго напоминая о себе гулким эхом.

Да как... как он вообще мог такое мне сказать? Он, обычный человек, который зарабатывает жалкие восемьдесят тысяч в год? Ха! Да я через год буду получать столько же за месяц! Что он скажет тогда?

Да ни черта он не скажет. Сделает вид, будто ему все равно, и начнет свою излюбленную песню «Про грядущие большие проблемы».

Почему он не может порадоваться? Что это? Неужели зависть? Может, он и вправду завидует мне, юному парню, который даже колледж не окончил, но при этом получает по тридцать штук в месяц? К сожалению, очень похоже на правду... А я-то думал, мой отец лучше, выше всего этого! Но он оказался заурядным завистником. Райс говорил, что таких я встречу немало, но я и подумать не мог, что одним из них окажется мой собственный отец!..

Я прошел в кабинет, достал из холодильника в углу бутылку пива и, открыв ее, присосался к горлышку. Пил я быстро и жадно; причиной тому, конечно же, была не только духота, но и общая возбужденность после неприятного разговора. Говорят, алкоголь не заглушает боль, а напротив, усиливает ее... Что ж, может быть. Но я буду верить в обратное.

Впрочем, даже в этом случае мне не обойтись без чего-то более крепкого.

Я достал мобильник и набрал номер Райса.

— Поговорил?

— Я хочу выпить, — вместо ответа заявил я.

— О. Видимо, разговор не задался.

— Ты оглох? Я хочу выпить, Фил. Ты привезешь виски? А то у меня только пиво в холодильнике.

— Пить будешь сам или мне тебя поддержать?

Я усмехнулся.

— А сам как думаешь?

* * *

— Думаю, через пару месяцев мы получим еще два шоу на «Дорожном Путнике», — сказал Райс, вытаскивая из пачки сигарету.

— Звучит интересно. Что на это сказал Фрай?

— Я пока что ему не говорил. Думаю, его удар хватит.

Я засмеялся. Он поддержал меня.

— Черт. — Райс утер проступившую слезу. — Помнишь, как он кричал, когда я сказал ему, что нас хотят подписать «Первое свидание» и «На пределе»?

— Ага. А как он потом побледнел, когда ты сказал, что в договоре нет пункта, запрещающего сотрудничать с другими каналами? — Я залпом опрокинул в себя стопку виски и затянулся едким сигаретным дымом.

— Помню-помню! О, как он потом проклинал своих юристов!..

— А бедные парни просто не знали, что разрешать или запрещать этому странному «специалисту по ретрансляции»! Они думали, мне просто не хватит времени для работы где-то еще!

— Ну да. Здорово, когда твоя профессия слишком новая даже для юристов.

— Но вообще они, конечно, могли догадаться о таком пункте.

— Не думаю, что эти офисные крысы даже сейчас понимают, как ты на самом деле работаешь, — хмыкнул Райс.

— Похоже, что так, — кивнул я.

Мы помолчали. Фил налил нам еще по одной, швырнул окурок в пепельницу и плеснул на него немного воды из графина, чтобы не дымил.

— С отцом сильно поругался? — спросил он.

— Наверное, да... Черт, Фил! Давай просто не будем говорить об этом?

— Лучше все же поговорить. Я же вижу, ты переживаешь по этому поводу. Надо делиться своей тревогой.

— Мне кажется, он мне завидует, — сказал я.

Фил промычал что-то — видимо, не ожидал такой откровенности.

— Ну а как иначе объяснить, что он не рад моему успеху? — продолжал я. — Я выхожу на чертовых каналах, получаю триста шестьдесят тысяч в год... плюс эти дополнительные шоу! А он — всего восемьдесят. Видимо, ему просто обидно, что я, необразованный сопляк, перещеголял его уже на старте.

— Нет, это не зависть, Марти, — покачал головой Райс. — В таких случаях корыстные люди ведут себя одним лишь образом: они становятся милыми и просят тебя не забывать о «своих стариках, которые так много для тебя сделали». Корыстные хотят попилить деньги отпрыска. Но твоему отцу наплевать на твои доходы, Марти. Он... он не капиталист. Он просто любит тебя... по-своему. И у него есть свои страхи. Его жена умерла, когда ты был совсем мал, через время за ней последовали его родители... Он остался почти один. Почти — потому что у него оставался ты. А потом пришел я и украл его у тебя, и теперь он думает, что потерял еще и сына.

— Но я ведь здесь, Фил. Я могу приехать к нему в любой момент. Почему он так думает?

— Его можно понять: деньги, Марти, это страшная штука. Они сводят с ума, заставляют тебя думать, что все дозволено, и чем больше их, тем шире границы возможностей, которые открываются перед тобой... по крайней мере ты так думаешь. Дружба, родство, любовь — все это отходит на второй план, когда речь заходит о деньгах. Твой отец, видно, не из таких. А мы

с тобой? Кто знает, как мы поведем себя, когда речь пойдет не о десятках и сотнях тысяч, а о миллионах?

— Ты думаешь, она пойдет?

— Конечно, — хмыкнул Райс. — В очередной раз говорю: все это — лишь вопрос времени. Мы ведь в бизнесе, а в бизнесе спешка частенько приводит к краху. Поэтому-то заказов пока не так много — к тебе присматриваются. Но если ты будешь стабильно и хорошо выполнять свою работу, уже через полгода-год перед тобой откроются все двери.

— Черт, ну неужели я такой один? — глядя в потолок, пробормотал я.

— Вряд ли. Но пока не нашли еще кого-то, мы должны выжать из всех этих толстосумов по максимуму.

— Думаешь, этот кто-то может появиться скоро?

— Не знаю, Марти, — пожал плечами Райс. — Когда мне вручили чемодан этих вот «Ремо» и сказали их продавать, мне казалось, что это глупейшая затея. Нет, конечно, в мире хватает идиотов, которые будут восхищены подобной игрушкой, но вряд ли они готовы отдать двести пятьдесят баксов, чтобы на экране появилось их изображение. Честно говоря, я даже не мечтал встретить парня вроде тебя, способного целые фильмы создавать с помощью этого треклятого дивайса.

— Что, кстати, с «Дженерал Электроникс»? — спросил я, бросив окурок в пепельницу. Едва встретившись с водой, он зашипел, будто кошка. — Они не отозвали свой иск?

— Пока нет. Но отзовут, не сомневаюсь в этом. У них нет шансов на победу. Они, как и юристы Фрая, просто не знали, с чем столкнулись. Не увидели потолка возможностей, думали, ретранслятор будет обычной безделушкой. Но это оказалось круче фотоаппаратов и телекамер. Это... это как передача «Сам себе режиссер»: ты читаешь сценарий, закрываешь глаза, а на экране идет кино, поставленное, снятое и сыгранное тобой одним.

— Ничего этого не было бы без тебя, — сказал я.

— Брось, — поморщился Райс. — Я всего лишь помогаю творцу.

— О нет. Если бы ты не постучал в нашу дверь в тот зимний вечер, ничего бы не было. Не было бы ни кабинета, ни контрактов, ничего. Я бы отпраздновал Рождество с отцом, а после зимних каникул уехал обратно в колледж. Меня ждала бы долгая серая жизнь. Но появился ты, и все изменилось.

— Что ж, я рад, что ты ценишь мои старания, — улыбнулся Филипп. — Но все же главный двигатель — это ты, Марти. Ну а вместе мы — отличный тандем.

— За нас? — Я поднял вверх стопку.

— За нас!

Мы выпили. Виски неожиданно обжег горло, и я, выпучив глаза, вскочил со стула.

— Что с тобой, Марти?

Шатаясь, я проковылял к двери, ведущей в туалет, распахнул ее и буквально рухнул внутрь.

— О Боже, Марти... — протянул Фил и усмехнулся.

Мне же было не до смеха. Склонившись над унитазом, я... гхм... *изливал душу*. Когда я закончил и, сев на пол, повернулся к дверному проему, в нем стоял Райс и с улыбкой смотрел на меня.

— Что смешного? — пробормотал я, едва ворочая языком.

— Ничего. Но ты, надеюсь, получил то, чего хотел?

Наши взгляды встретились, и мы засмеялись, оба, одновременно. На душе было несказанно легко.

— Умывайся, — сказал Райс. — А я поеду домой. Давай, на связи. Больше не пей.

— Издеваешься? — усмехнулся я. — Давай, привет Линде и детям.

— Хорошо, передам. Не болей.

Он вышел из кабинета, а я, кое-как умывшись, проковылял в кабинет, нажал кнопку на телефоне и крикнул в динамик:

— Кармен! Никого ко мне не пускать!

— Совсем-совсем?

— Ну, разве что Райс вернется... или сам Бог решит меня навестить и похвалить мои работы.

Она, конечно же, не рассмеялась. Просто сказала: «Ладно», и я отключился, чтобы не сказать еще какую-нибудь дерьмовую шутку. Прошлепав к дивану, я плюхнулся на него и мигом заснул.

Надеюсь, моя проклятая голова не будет болеть наутро?

Главное, не частить с выпивкой...

* * *

— Налей мне еще, — велел я, прижимая к себе Кармен.

— Виски или мартини? — спросила Жанна из кухни.

— Черт, да виски, конечно.

— Эй, а мне? — возмутилась Кармен.

— А ты что хочешь?

— Ма-ар... мартини.

— И мартини для Кармен! — крикнул я. — Ну и себе налей...

Через минуту в комнате появилась Жанна с подносом. Одежды на ней не было — впрочем, как и на нас с Кармен.

— Ваш заказ, ребятки, — объявила проститутка, поставив поднос на стол.

Мы разобрали стаканы.

— За нас, красивых! — воскликнул я и опрокинул в себя виски.

Девушки пили скромней.

— Сам пойдешь в следующий раз, — сказала Жанна, усаживаясь в кресло.

— Да с чего это? — хмыкнул я.

— Как с чего? Не успела принести, а ты уже все выпил.

— И что? Это, черт побери, мое дело — как пить проклятый виски!

— Хватит кричать, — попросила Кармен. — Тебе это не идет!

— Зато весьма идет косячок, — сказал я и, взяв с медной тарелки дымящуюся самокрутку, затянулся. — Ох, штырит, зараза!.. Аж до мурашек.

— Дай-ка мне тоже, — сказала Жанна.

Я протянул ей штакет. Она осторожно приняла его из моих рук, поднесла к губам и зажмурилась. Задержав дым в себе, девушка запрокинула голову и выпустила серые клубы прямо мне в лицо.

— Эй! — воскликнул я. — Какого хрена?

— Дымовая завеса. Вы арестованы. Пью-пью! — Она сложила пальцы пистолетом.

— Что еще за «пью-пью»?

— Типа стреляю.

— Угу. Че-то не похоже. Ладно, к чертям. Давай штакет обратно!

— Держи, жадина. Дай хоть своей подружке затянуться.

— Ты хочешь, Кармен?

— Я? — Мой вопрос, кажется, застал ее врасплох. — Тебя? Тебя — хочу.

— О, ну конечно! Я ведь гораздо лучше косячка, верно? — Я подмигнул Жанне.

— Ложись, — сказала Кармен, надув губки, — и заткнись.

— О'кей!

Я откинулся на спину и уставился в потолок. Некоторое время мне было очень хорошо, однако потом мне стало этого очень мало.

— Жанна! — позвал я.

— Чего?

— Что значит «чего»? Какого черта ты сидишь в кресле, пока Кармен в одиночку трудится надо мной?

— Я должна ей помочь?

— Ну конечно! Пф! — фыркнул я. — Вот же тупые вопросы!

Она встала с кресла, подошла ко мне и, наклонившись, обхватила мои губы своими. Я даже не пытался вырваться из этого сладкого плена — просто зажмурил глаза и весь отдался на волю этих двух жадных до секса особ.

Внезапно зазвонил телефон.

— Черт, как же не вовремя... — проворчал я, однако протянул руку и, нашарив на тумбочке шорты, потянул их к себе.

— Нам подождать, пока ты ответишь? — спросила Жанна.

— Продолжайте, — бросил я и, выудив из кармана мобильник, посмотрел на экран.

Картинка немного плыла, но даже в таком состоянии я смог узнать рожу Райса. Эту фотку мы сделали в тот самый день, когда подписали наш первый контракт, то есть почти два года назад. С тех пор Фил заметно потолстел, но я не собирался менять изображение в телефоне.

— Чего еще? — спросил я, поднеся трубку к уху.

— Ты где?

— В раю. Говори, чего надо, или я сброшу.

— Ладно... — сказал он.

И замолчал.

— И что за шутки? — возмутился я. — Говори или отваливай!

— Мне тяжело тебе об этом сказать, Марти...

— Да давай, говори уже, не томи!

— Твой отец... он умер.

Мир вокруг замер.

— Что? — переспросил я, удивленно хлопая глазами.

— Сердечный приступ. Его обнаружил сосед. Он пришел занять немного сахара, а дверь оказалась открыта. Он толкнул ее и увидел твоего отца, лежащего в прихожей. Ну и...

Короткие гудки. Это я сбросил вызов.

— Уйдите, — сказал я тихо, но твердо.

Жанна услышала, подняла голову. Хлопнула по плечу Кармен:

— Эй, он ведь попросил!

— Что? — Секретарша посмотрела на нее, потом на меня. Взгляд был поистине безумный.

Я сел, на секунду замер, собираясь с силами, после чего оттолкнулся руками и спрыгнул на пол. Пройдя к тумбочке, я стал одеваться.

— Что случилось, Марти? — спросила Жанна.

Я покосился на нее и буркнул:

— Тебе-то какое дело?

— Просто интересуюсь, — пожала плечами она.

— Тебе платят не за это.

Отчего-то мне захотелось сделать ей больно. Может, так я надеялся отомстить миру, отнявшему у меня отца?

— Да, не за это, — неожиданно легко согласилась Жанна. — Ты прав.

Ее покорность меня взбесила. Зло сверкнув глазами, я спросил:

— В таком случае, может, вернешь мое мартини и травку? Тебе ведь платят только за секс, верно?

— Ты такой мелочный, малыш? — иронично выгнув бровь, спросила проститутка.

— Заткнись. Просто заткнись.

Она фыркнула и отвернулась. Я напялил рубашку и взял с тумбочки часы.

Любопытство взяло свое.

— Куда ты так спешишь? — снова пристала Жанна.

— Послушай, это уже не игра, — сказал я, повернувшись к ней. — Мне действительно не хочется с тобой что-то там обсуждать. Я вызвал тебя, чтобы потрахаться. Все. Теперь ты можешь идти.

— Ладно, хорошо. Тогда давай пятьсот баксов, и я пошла.

— О'кей. — Я открыл бумажник и, отсчитав пять купюр по сотне, швырнул их на диван. — Вот деньги. Ты можешь идти. Кармен!

— Она отрубилась.

— Черт... Ладно, придется запереть ее здесь. Пошли. На выход, мать твою!

— Ты стал грубым, — заметила Жанна, когда мы уже стояли в прихожей и обувались. — Даже жестоким.

— Возможно, — не поднимая взгляда от своих ботинок, ответил я.

— Куда же подевался тот стеснительный мальчик, который боялся притронуться ко мне, пока я сама его не коснулась? Юный симпатяга мне нравился больше, чем богатый эгоист. По крайней мере мальчик умел быть вежливым и честным.

— Мой отец умер, — буркнул я. — Сердечный приступ. Ему было всего сорок пять. Такой молодой...

— О. — Ее рука легла мне на плечо. — В таком случае прими мои соболезнования. Это очень тяжело, Марти, но я уверена, ты справишься и...

— Да что ты, мать твою, понимаешь? — Я сбросил ее руку и одарил проститутку негодующим взглядом. — Это ведь мой отец, а я... я не говорил с ним почти год. Он, видите ли, был обижен на меня за то, что я ушел из колледжа! А я думал, что он завидует моему успеху... Черт... Как же глупо все вышло!.. И как мне теперь ему обо всем этом сказать?..

Я едва не разревелся, словно маленький. Слезы уже просились наружу, но я сказал себе: «Не сейчас, не сегодня. Никогда — перед чужими людьми».

Отец учил не показывать свою слабость окружающим. Как бы ни было трудно, держи все в себе. Теперь папа стал символом своей теории — умер, так ничем особо не поделившись. Конечно, он не мог знать, сколько еще проживет, но мне-то от этого не легче. Его уже нет, как нет бабушки с дедушкой, как нет мамы. Но их ведь я знал гораздо хуже, чем отца...

Одна непослушная слеза все же показалась наружу. Я покосился на Жанну: увидела? Она отвернулась и вышла наружу.

Значит, да.

Ну, да и черт с ней, плевать на шлюху.

* * *

Это был ужасный день. Снег шел с самого утра, а ветер, этот паскудный мерзавец, свистел и швырялся белой пыльцой прямо в лицо.

И все же на кладбище собралось человек двадцать. Был там мой агент Райс, который и отца-то толком не знал; были соседи, с которыми папа не раз ругался из-за пустячных мелочей. Были коллеги по работе, с которыми отец время от времени завтракал, обедал, а порой даже говорил.

Удивительно, но с тех пор, как умерла моя мать, отец держался один — наверное, боялся снова потерять кого-то. Похоже, у него не было даже любовницы, хотя, конечно, об этом я мог только догадываться. Что, если она просто-напросто не пришла — потому что у ее мужа, скажем, день рождения? Не покинет же она в таком случае дом ради похорон?

Думаю, нет.

— Мы собрались здесь, чтобы проводить в последний путь Джеймса Мортимера Бугу. При жизни мистер Буга...

Я слушал речь священника краем уха. Все мое внимание было сосредоточено на отце. Он лежал в гробу с закрытыми глазами, сложенными на животе руками и аккуратно зализанными направо куцыми прядями. Можно было подумать, что он просто спит, если бы не мертвецкая бледность.

Я отвел взгляд и закусил нижнюю губу.

— Сейчас блеванет, — проворчала старушка позади меня. Кажется, это была миссис Крафт, одна из самых дальних родственниц.

Я не ответил ей, сдержался. Я и вправду был пьян — не так сильно, чтобы падать или блевать, но достаточно, чтобы покачиваться, будто буй на волнах.

Слезы тяжело контролировать. Если они захотели, они пойдут наружу, несмотря ни на что. Ты остановишь часть, но остальные в любом случае прорвутся.

Нет, я не всхлипывал, словно сопливая школьница. Я старательно корчил серьезную физиономию, однако глаза наверняка кричали: «Как же так?!» Я почувствовал, как два тонких ручейка бегут по щекам, оставляя за собой блестящий след.

На плечо мне легла рука Райса. Он один здесь был за меня. Другие либо видели впервые, либо наслышаны были о моем уходе из колледжа и винили в смерти Джеймса именно меня. Я не стремился убеждать их в обратном. Честно говоря, я плевать хотел на всех этих дальних родственничков, которые слетелись на похороны только затем, чтобы пожрать на халяву и узнать, есть ли их имена в завещании. Коллеги и соседи, по счастью, о завещании не думали, а вот о еде — пожалуй. И я не сомневался, что, кроме меня, отец тут никому не нужен.

— Держись, парень, — сказал Райс, наклонившись к самому моему уху. — Скоро это кончится, и мы вернемся в Лос-Анджелес.

Я кивнул.

— Фил, — сказал, когда он уже отвернулся.

— Что, Марти?

— Спасибо.

— Не за что. На то ведь и нужны друзья.

Он ободряюще улыбнулся и подмигнул мне.

На душе стало немного легче.

* * *

— Хорошо, что ты не ведущий, — усмехнулся Райс.

Мы сидели в самолете на соседних креслах. Нас ждал Лос-Анджелес. Мой новый босс, итальянец Гаскузи, вообще не хотел меня отпускать, и я лишь долгими уговорами выпросил у него выходной — естественно, за свой счет.

Вчерашний день как начался ужасно, так и кончился. Прежде чем отправиться спать в свою старую комнату, я подрался с четвероюродным братом отца,

которого до этого дня в глаза не видел, и назвал миссис Крафт престарелой мразью. Впрочем, возможно, я путаю последовательность этих событий, и мой «дядюшка» стукнул меня как раз за оскорбление мегеры...

Впрочем, плевать. Пусть горят в аду.

— Почему? — спросил я, непонимающе глядя на Фила.

Ночью мне так и не удалось нормально поспать: сколько я ни ворочался, сон не шел. Только под самое утро я на пару часов закрыл глаза, а когда открыл, уже стоял в ванной с зубной щеткой в руках.

Утренний кофе немного меня взбодрил, однако, едва мы поднялись на борт, усталость вернулась. Теперь я клевал носом модный журнал, который мне притащила стюардесса, и мечтал о мягкой подушке. Беседа с Райсом если и оживляла меня, то лишь чуть.

— Потому что иначе тебя с твоими синяками пришлось бы тройным слоем пудры обсыпать, — хохотнул Филипп.

— Давай, подшучивай надо мной, — сказал я. — Самое подходящее время, в самом деле.

— Ну, будет тебе. Я же хочу, чтобы ты отвлекся, вот и все!

— Знаешь, момент действительно неподходящий. У меня вообще-то отец недавно умер, смекаешь? А вчера похороны были...

— Ну что ты завелся-то, Марти? Я просто подумал...

— Нет. Ты ни черта не подумал. И я надеюсь, это была разовая оплошность, потому что в противном случае мне придется искать другого агента.

Он некоторое время смотрел на меня, не понимая, серьезно ли я говорю или все же иронизирую.

— Отвернись, — велел я. — Не хочу больше болтать, к черту тебя.

Желваки на его лице заходили ходуном, однако он смолчал. Даже кивнул, прежде чем отвернуться.

Вздохнув, я откинулся на спинку и закрыл глаза.

К черту, к черту все. Надо выспаться. Сразу по прилету надо мчать на студию — транслировать «Американского идола», а это довольно ответственная передачка!

Удивительно, и как они продержались без меня целый день?..

* * *

— Ты что, сдурел?! — воскликнул Ворнер, режиссер «Замкнутого пространства».

— Держись, держись, Марти... — шептала Жанна.

Она дышала часто, тяжело: наверное, ей было совсем непросто тащить пьяного меня на своих хрупких плечах.

— Вон мой кабинет, — едва ворочая языком, сказал я.

— Где? Этот?

— Да! Давай быстрей, две минуты до эфира...

— Марти! Ты меня слышишь? — разорялся Ворнер.

— Ну, слышу, слышу...

— Какого хрена ты творишь? Ты собрался в таком виде выходить в эфир?

— Ну... да. Я ведь не ведущий — меня-то не видно на экране!

— Зато видно твои мысли. Ты жутко пьян, как ты сможешь транслировать?

— Смогу. Я... я читал сценарий.

— Пусть пробует, Ворнер, — вмешался один из помощников. — До эфира две минуты. Если что, пустим повтор.

— Ладно, черт с ним, — махнул рукой режиссер. — Пусть. Но будьте наготове, потому что повтор нам точно понадобится, и очень скоро!

— Эй, Ворнер, старик, все будет хорошо! — заверил я.

Жанна втащила меня в кабинет, с трудом усадила в кресло и, отступив к стене, смахнула со лба пот.

— Фух!.. — она съехала вниз, замерла на корточках, закрыв глаза. — Ну, ты и боров стал...

— Полегче в выражениях, шлюха! — озорно воскликнул я. — Иначе останешься без сладкого!

Она с ненавистью посмотрела на меня.

— Чтобы в следующий раз была поумней, — наставительно изрек я.

— Иди в жопу, Марти, — процедила она. — Следующего раза не будет.

— О нет, обязательно будет! — заверил я. — Твои сутенеры мне не откажут.

— Я скажу, ты меня бьешь. Или что ты извращенец.

— Думаю, если я заплачу им вдвое больше, они закроют на это глаза.

— Какой же ты стал мразью, Марти, — покачала головой Жанна.

— Заткнись, — разозлился я. — Заткнись, или я проломлю твою тупую башку!

— Я хочу уйти, — сказала она, поднявшись. — Дай мои деньги, и я пойду.

— Черта с два... А впрочем, вали. — Я дрожащей рукой вытащил из кармана шорт свой бумажник, отсчитал восемь стодолларовых купюр и, скомкав, швырнул их проститутке: — Держи! Там даже больше — на тот случай, если я тебя чем-то обидел!

— Мразь, — сухо сказала Жанна.

— Собирай свои деньги и проваливай, пока я действительно тебя не треснул.

Она хотела казаться высокомерной, но не могла: деньги были разбросаны по полу, поэтому ей пришлось опуститься на четвереньки, чтобы их собрать. Наконец она встала и, оправив задравшийся подол платья, вышла прочь. При этом шлюха не забыла пре-

зрительно фыркнуть, прежде чем со всего маху захлопнуть дверь.

— Чао-какао! — донеслось из коридора.

Я включил ноутбук и надел на голову обруч, однако мысли мои безобразно путались, и всему виной была именно проклятая Жанна. Вот же неблагодарная тварь! Будто бы она каждый день трахается со звездой такого масштаба!

— Тридцать секунд до эфира! — объявил ассистент.

Я попытался освободить свои мысли, успокоиться, но градус упрямо подогревал мой гнев.

Вот же тварь!..

— Десять!

Нет, все. Нужно собраться. Нужно работать...

Тварь!..

— Три!

Тварь!..

Тварь!..

— Одна!

Ненави...

— Поехали!

Я зажмурился и начал трансляцию.

* * *

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — спросил Гаскузи.

Он сидел в своем огромном кресле, больше похожем на трон властелина тьмы, и исподлобья смотрел на меня, этот хмурый и недружелюбный итальяшка.

— Что я сделал? — переспросил я. — Да ничего такого. Пара сисек на экране — это так ужасно?

— Пара сисек — это эротика, Марти, и это еще куда ни шло. Но когда позади обладательницы этих сисек появляется голый негр, это уже порнуха. А порнуха по телевидению — это очень плохо, Марти. И даже наказуемо.

— Но негр ведь так и не добрался до ее задницы, верно? — словно школьник, хихикнул я.

— Ты мне что, шутки шутить вздумал? — мигом вскипел Гаскузи. — Ты кем себя возомнил, а? Звездой невиданных масштабов? Ты — просто инструмент, способ избежать длительного съемочного процесса, способ сэкономить какие-то деньги. Мы жили без тебя раньше и проживем сейчас, если захотим. Пусть это обойдется мне дороже, но я хотя бы смогу контролировать процесс! А что происходит сейчас? Стоит тебе подумать, и на экране уже порнуха творится! Мне же остается стоять и смотреть. Оно мне надо?

— Простите, мистер Гаскузи. — Я наконец-то понял, что сейчас не лучшее время для приколов и смеха. — У меня просто было стрессовое состояние...

— Ах, у тебя было стрессовое состояние? Стрессовое... Знаешь, Марти, а ведь у камер и осветительных ламп не бывает стрессов. И у компьютеров, на которых монтируют сюжеты, — тоже. Так, может, к черту тебя, и вернем старые примочки? Операторов и режиссеров тьма, поэтому, если дать кому-то шанс, он будет работать не покладая рук, чтобы его не заменили другим. Понимаешь, куда я клоню?

— Мистер Гаскузи, прошу вас. Я ведь ничего больше не умею, только транслировать.

— Ну а мне-то что? Я нанимал тебя, чтобы ты экономил мои деньги, и щедро платил тебе за это. Но вместо благодарности ты меня под суд подводишь. Разве не подло?

— Я обещаю, это больше не повторится, — заверил я.

Некоторое время лощеный итальянец молчал, после чего нехотя сказал:

— Ладно, черт с тобой. Даю тебе последний шанс.

— Спасибо, сэр! — просиял я.

— Штраф за административное нарушение вычту у тебя из зарплаты, — предупредил он.

— Хорошо, сэр.

— Все. Свободен.

Он тут же потерял ко мне интерес, и я впервые за время нашего разговора смог вздохнуть свободно. Пройдя к выходу, я выскользнул наружу и осторожно закрыл за собой дверь. И только там, в коридоре, позволил себе глумливую ухмылку.

Ах, как жаль, что негр все-таки не успел добраться до Жанны!..

* * *

— Пять секунд до эфира, четыре, три...

Уже немного. Сосредоточься.

— Поехали! — воскликнул ассистент.

Я закрыл глаза.

Итак, что у нас сейчас? «Вкусно и просто»? Ладно... вот заставка. Объемные буквы. Музыка — двадцать третий трек из рабочей папки.

— Марти, — услышал я.

Кто-то коснулся моего плеча.

— Марти, в чем дело?

Кажется, голос принадлежал одному из операторов, Барри Грайпу.

— Я транслирую, — уголком рта ответил я. — Не отвлекай.

— Марти...

— Да что ты пристал?! — Я открыл глаза, резко повернулся и обжег его злобным взглядом.

— Реклама пошла! — крикнул ассистент.

— Что у тебя тут происходит? — В мою комнату забежал сначала Ворнер, за ним — два сценариста. Внутри нас было уже пятеро.

— В каком смысле? — спросил я осторожно.

Когда кто-то говорит тебе странные вещи, ты считаешь, что умом тронулся этот кто-то. Но когда все

вокруг повторяют за ним, ты начинаешь подозревать, что чокнулся сам. Так было и в этот раз: Барри удалось вывести меня из себя, но режиссер и сценаристы заставили насторожиться.

— Ты завис, Марти, — сказал один из сценаристов.

Кажется, его звали Билл. Не помню...

— То есть?

— Ну... заставка началась... и застыла. Мы прождали полминуты, потом Барри побежал к тебе, но ничего не изменилось, и тогда Ворнер дал команду уходить на рекламу.

Я сидел, тупо глядя в одну точку.

— Ты вообще в порядке? — спросил Барри.

Он наклонился и заглянул мне в глаза.

— Выглядишь хреново.

— Знаю...

— Что ты делал вчера, Марти? — спросил Ворнер.

— Ничего... — пробормотал я.

Режиссер нахмурился.

— Врешь, — уверенно сказал он. — Не будь дураком, Марти. Через три минуты реклама кончится, и нам надо что-то показывать. Мы должны понять, что случилось, и принять решение — уходить на повтор или снова пускать тебя в эфир?

— Черт, да с чего вы вообще решили, что проблема во мне? — огрызнулся я. — Может, это «Ремо» сломался?

— Ну, так возьми запасной и попробуй снова, пока мы не вышли в эфир. Надо понять, сможешь ли ты транслировать дальше.

— О'кей, о'кей. — Я снял обруч, швырнул его в корзину и достал из верхнего ящика другой «Ремо». Он был совсем новый, блестящий и красивый.

Я подозревал, что дело все-таки не в поломке ретранслятора, но упрямо отказывался в это верить. Что ж, пусть с ним. Соберись...

— Нет.

— Как так «нет»? — Я открыл глаза и удивленно посмотрел на Ворнера.

— Да вот так. Снова то же самое — одна картинка появляется и зависает. Все, я запускаю повтор... а тебе я советую разобраться со всей этой хренью как можно скорей. Потому что «Вкусно и просто» кончится через сорок минут, а впереди у тебя еще пять программ, и если везде включить повторы, случится крах рейтингов... понимаешь? И-эх...

Он махнул рукой и буквально выбежал из комнаты. Следом за ним ушли сценаристы. Барри остался.

— Что? — спросил я, недобро косясь на него.

— Плохо дело, старик, — сказал он. — Такая трансляция — признак серьезного психологического расстройства.

— Знаю...

— Это ведь все из-за смерти отца, верно? Ты ведь до сих пор не пришел в себя...

— Черт, да заткнись ты! — вспылил я. — И без тебя тошно.

— Я просто хочу помочь...

Кровь вскипела, и я, вскочив с кресла, ухватил Барри за грудки. Наши глаза оказались так близко, что он смог бы в деталях рассмотреть каждую красную прожилку, если бы только захотел.

— Никогда, слышишь, никогда больше, — процедил я, — не говори о моем отце и его смерти, понял?

— На чем ты сидишь, Марти? — спросил он, с завидным хладнокровием терпя мой гневный взгляд. — Крэк? ЛСД? Что-то новое, более забористое?

Я закусил нижнюю губу так сильно, что пошла кровь. Одинокая алая капля побежала вниз по подбородку и, сорвавшись, полетела к полу — словно разочарованный в жизни слабак.

— Ты наркоман, Марти. Все об этом знают. Но они терпели и молчали, пока ты работал. А что теперь?

Что это — единичный случай или же конец удивительной, но чертовски короткой карьеры?

— Заткнись. — Я отпихнул его, отвернулся.

Мысли путались, накладывались, слипались, сливались, перетекали одна в другую... Я стоял в центре своего собственного внутреннего мира и растерянно озирался по сторонам, а вокруг кружили эти призрачные образы, которые я впервые не мог подчинить своей воле и отправить на экран.

— Я думаю, это конец. Прости за откровенность. Я бы хотел ошибиться, честно. Ты неплохой человек, Марти. Но...

— Я прошу тебя — уйди. Просто заткнись и уйди, ладно? Дай мне побыть одному...

— Хорошо, я уйду. Но на будущее учти, старик: я — один из немногих, кто не желает твоего краха. Сотни людей мечтают вернуть прежние времена, когда на съемочной площадке суетилась целая куча народа. Они ведь все оказались на улице из-за тебя. Думаешь, они очень рады этому? Да они будут счастливы вернуться, если ты уйдешь.

— Но тебе ведь тоже сократили зарплату, — сказал я тихо. — Почему же ты до сих пор меня поддерживаешь?

— Потому что я большой поклонник искусства, Марти. А то, что делаешь ты, — это искусство в чистом виде. То самое, которое идет от сердца. Ты выводишь на экран свои мысли, не доверяя их даже бумаге, не говоря уже о режиссерах, сценаристах и прочих посредниках. Ты творишь без них — все, как ты видишь сам. Это — бесценный дар. И очень жаль, если ты действительно лишил себя этой возможности творить.

С этими словами он развернулся и вышел, а я еще долго стоял, глядя в стенку перед собой.

Мысли продолжали путаться.

Собраться я так и не смог.

* * *

— Может, хватит на сегодня, сэр? — осторожно поинтересовался бармен.

— Нет, не хватит, — покачал головой я. — Наливай.

И толкнул к нему стакан.

Он вздохнул, но налил: три бакса есть три бакса, и лишними они не бывают.

Бар, в котором я второй день кряду просиживал штаны, назывался «Грязный Луи». К слову, многие его клиенты могли носить ту же самую кличку... впрочем, все равно.

У меня так ничего и не вышло. В конце концов Ворнер плюнул и сказал мне идти домой.

— Придумаем что-то, — произнес он, глядя в сторону. — Забьем прайм-тайм комедиями и боевиками прошлых лет. Думаю, день продержимся. Надеюсь, до завтра ты оклемаешься?

— Постараюсь.

Однако не оклемался. Я пришел очень рано, стал пробовать, но ничего не получалось. В итоге я был свободен уже через час.

— Я думаю, Лусио тебе позвонит, — сказал Ворнер.

Я кивнул и ушел. Перекусив дома, я вызвал такси и поехал в бар — сидеть в четырех стенах не было никакого желания. Я чувствовал, что если останусь в своей проклятой коробке, то либо окончательно сойду с ума, либо пущу себе пулю в висок.

Я надеялся, что пара стаканов виски в шумном людном месте отвлечет меня от проблем и...

— Марти.

— Чего? — Я оглянулся через плечо и увидел Райса. С ним был какой-то смазливый паренек в нелепой потасканной гавайке. — А, это ты... А это кто с тобой? Мой новый садовник? Прости, парень, я сейчас на мели, так что заходи через месяц...

— Хватит паясничать, — сказал Райс без тени улыбки.

— А что мне еще остается, Фил? — хмыкнул я. — Я больше не могу работать с «Ремо», я... я как кретин или псих — могу мыслить только скринсейверами. Долбаными сраными скринсейверами, которые никому не нужны...

— Со скольки ты тут сидишь? — спросил мой агент.

Его серьезность меня раздражала. Лучше бы он сел рядом, накатил вместе со мной, и мы бы, шатаясь, побрели домой в три часа ночи, когда нас бы уже возненавидел весь бар. Но нет — он стоял, сложив руки на груди, и с осуждением смотрел на меня. Мне оставалось только спросить:

— Что опять?

— Со скольки ты тут сидишь? — повторил Райс.

— Черт, да какая разница?

— Большая. Ответь.

— С... с четырех.

— А сейчас уже девять. Ты сидишь тут уже пять часов, Марти.

— И?

Фил шумно выдохнул.

— Слушай, пойди, присядь где-нибудь, ладно? — сказал он своему спутнику. — Нам с мистером Буга надо побеседовать наедине.

Парень в гавайке кивнул и пошел к окну — там как раз был свободный столик.

— Кто это, Фил? — спросил я, провожая нелепого «гавайца» рассеянным взглядом.

— Мой сын Джон.

— О. И что он здесь делает?

— Я хотел показать его тебе, но ты, я вижу, не слишком готов.

— Почему? Я вижу его... вполне прекрасно. Хороший такой сын... добротный!..

— Ты не понял, — покачал головой мой агент. — Он... он транслятор, Марти. Такой, каким был ты два года назад.

— В смысле? Неужто... да ладно? Он что, тоже может выделывать всякие... мыслештуки?

— Да, — кивнул Райс.

— Ну ни... ни черта себе! Так мы в таком случае можем объединиться, сделать команду и транслировать вмес...

— Не можем, — перебил меня Фил. — И не будем.

— Почему?

— А ты посмотри на себя.

— А что я?

— Ты — алкоголик. Наркоман. После смерти отца ты перешел на тяжелые, наплевал на работу, на друзей... на все. Ты просто развалился.

— Черт, у меня ощущение, будто я снова говорю с Барри! — поморщился я. — Он вчера нес такой же бред...

— К сожалению, это не бред, Марти. Это — печальная реальность. Ты угробил свою великолепную карьеру, убил свой дар. Да если бы я не обнаружил новый талант прямо у себя под носом, мы бы на такие деньги попали!

Я сидел, удивленно хлопая глазами. Алкогольная дымка, которая застлала сознание, неожиданно поблекла. Я будто бы даже протрезвел, хоть это и было абсолютно нелогично: ведь чем больше человек пьет, тем пьяней становится, а тут — ровно обратный процесс.

— Я взялся спасти тебя из этого положения, Марти, — сказал Райс. — С завтрашнего дня твои обязанности будет выполнять Джон. Старые соглашения я упрошу переписать на него, чтобы Гаскузи и его юристы не пустили тебя по миру. Да, да. Не смотри на меня так, ты их слишком плохо знаешь. Пока ты в строю,

они в тебе души не чают. Они даже готовы простить тебе пару-тройку проколов. Но когда они поймут, что ты сдулся окончательно, они вышвырнут тебя на помойку, забрав все, что ты успел заработать. Таков мир шоу-бизнеса, Марти. Как механизм — негодные шестеренки заменяют новыми.

— Ну а ты, Фил? Неужели ты бросишь меня сейчас, когда мне больше всего нужна твоя поддержка?

— Я не бросаю тебя, черт побери! — воскликнул Райс, гневно сдвинув брови. — Что еще ты себе выдумал? Что мы с тобой — лучшие друзья? Мы просто работали вместе, иногда общались, я помогал тебе, ты — мне. Взаимовыгодное сотрудничество, Марти. Так это называется.

— Значит, мы не друзья? — угрюмо спросил я, разглядывая свой стакан. — Не друзья?

— Нет. Ты был хорошим парнем, но деньги действительно сыграли свою роль. Сначала ты держался более-менее неплохо... но смерть отца окончательно тебя убила. Ты стал невыносим, думал только о наркоте, алкоголе и сексе — вспомни, что попало в эфир из-за твоего покалеченного сознания? Но я не бросаю тебя, запомни. Я ценю то, что мы сделали вместе, поэтому не отдам тебя коршунам Гаскузи. От тебя они не получат ни цента. А на те деньги, что у тебя есть, ты сможешь спокойно прожить лет пять — как раз столько тебе понадобится, чтобы все-таки окончить колледж.

— Думаешь, я туда вернусь?

— Тебе определенно стоит это сделать. Ты должен завязать с вредными привычками и снова заняться тем, чем занимаются обычные люди. Ты больше не двигатель прогресса, Марти. В самом начале пути мы так хотели перевернуть этот мир... но в итоге он перевернул тебя. И это очень печально.

Я покивал, соглашаясь с ним, а потом встал с табурета и пошел к двери. Я не хотел оглядываться, но его вопрос нагнал меня в дверях:

— Ты предлагаешь мне оплатить твою выпивку?

— Ну да. Я ведь теперь безработный — в отличие от тебя, — сказал я и вышел прочь.

Мне показалось, я слышал его усмешку и даже шелест купюр, которые Райс доставал из толстого бумажника.

Думаю, все же показалось.

* * *

— Сэр, к нам нельзя с...

— Мне можно! — сказал я.

— Нет, прошу вас, отдайте бутылку, и тогда вы сможете пройти!

— О'кей, — кивнул я. — Забирай.

И швырнул ему бутылку. Он такого поворота событий явно не ожидал, однако успел сориентироваться и подхватить тару раньше, чем она приземлилась на ковер. Когда он снова поднял голову, чтобы посмотреть на меня, я был уже на полпути к столу с рулеткой.

— Разойдитесь, разойдитесь, разойдитесь... — сложив руки, будто собрался нырять, я врезался в толпу.

Все эти напыщенные старики с моноклями и старухи с дорогущими ожерельями ворчали ничуть не меньше, чем самые обычные куры. Некто более молодой, чем они, и более плечистый, чем я, попытался меня остановить.

— Пропусти! — потребовал я.

— Да куда ты прешь, пацан?! — воскликнул он. — Ты же пьян... просто в дерьмину!

— Что за лексика? Что за жаргон? — тут же закудахтали старушки.

— Пропусти меня к столу, — сказал я. — Я хочу сделать ставку.

— Черт с тобой, — махнув рукой, «страж» отступил в сторону.

В моем правом кулаке было десять фишек, каждая номиналом в сто штук. Итого — миллион. Я выгреб все со своего банковского счета.

— Ставки больше не... — начал было крупье, но я перебил его криком:

— Все на красное!

Он удивленно захлопал глазами, наблюдая, как я строю аккуратную башенку из фишек на красном ромбе.

— Что? — спросил я раздраженно. — Давай крути!

— Сэр, — сказал он, тупо глядя на мою башенку. — Тут миллион.

— И?

Некоторое время мы смотрели друг на друга, после чего он пожал плечами, буркнул: «Дело ваше» и запустил рулетку.

Диск завращался, заиграл разноцветными гранями. Я смотрел на него, но видел лицо отца.

Помню, два с половиной года назад, когда он встречал меня в аэропорту, я говорил, что не оставлю его в одиночестве. Я соврал и теперь сам остался один. Может, это возмездие?

Диск постепенно замедлял свой ход. Скоро он и вовсе остановится, и с этой остановкой решится моя судьба.

Это были все мои деньги. На моем счету в банке не осталось ни гроша. Конечно, я мог бы продать дом и жить на съемной квартире... если бы дом принадлежал мне. Как я узнал совсем недавно, отец завещал его некой миссис Рампл, одинокой вдове, снимающей угол на окраине Нью-Йорка. Видимо, я ошибся насчет любовницы... но если она вдова, то почему не пришла на похороны?

Может, потому что во второй раз терять еще тяжелее?

Пожалуй, что так. Подумать только — дважды вдова... И как с этим жить?

Кармен и Джон Райс быстро нашли общий язык. Кажется, он ее все же не уволит — слишком уж аппетитная она штучка, пусть и слегка потасканная. Думаю, очень скоро сын Фила получит свой первый сексуальный опыт. Хотя, возможно, он уже его получил — ведь я оставил ему визитку Жанны.

Что будет дальше, станет понятно уже через несколько мгновений.

Равно как и остальные игроки вокруг, я вытянул шею, дабы собственными глазами увидеть, что меня ждет — смерть в бедности или роскошная попойка в президентском люксе.

Райс не обманул меня. Гаскузи скрепя сердце согласился, чтобы Джон сменил меня на посту транслятора, и официально разрешил мне не выплачивать неустойку по договору. Все остались довольны: канал приобрел гораздо более порядочного исполнителя, Райс возглавил «семейный бизнес», а его сын очень рано повзрослел.

Сейчас он думает, как же круто — я могу трахать секретаршу, пить допоздна, у меня собственный дом, машина... а еще я — звезда. Я звезда, которая может мешать других с дерьмом, потому что я — звезда, и никто мне не указ.

Так думал и я. Но сейчас, внимательно следя за судьбоносным диском рулетки, я мечтал вернуться в тот вечер двадцатого декабря, когда сквозь холод и снег к нам пришел коммивояжер Филипп Райс.

Я бы вернулся туда только за тем, чтобы сказать отцу:

— Не открывай.

Райс бы постоял недолго и, окончательно замерзнув, побежал бы к машине. Возможно, его судьба была бы печальной, но должен ли я об этом переживать?

Мы бы даже не знали друг друга, случись отцу не открыть дверь в тот роковой вечер.

Эх, да что теперь гадать...

Пожалуй, если выиграю, отправлюсь к Дырке Лиз и предложу ей руку и сердце. Думаю, она не откажет, когда я скажу, что у меня есть два миллиона. Более того — она сама потащит меня к алтарю.

Ну, да и хрен с ней. Всем в этом мире нужны только деньги, а Лиз я хотя бы когда-то любил.

Диск остановился.

Крупье открыл рот, чтобы объявить выигравший номер.

Красное? Черное?

Я закрыл глаза.

«Только бы не зеро», — пронеслось в голове.

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ КРИК

Марк был занят прослушиванием эфира и не заметил, как проснулся Кирилл. Очевидно, тот после пробуждения некоторое время молча лежал в своем пенале, готовился к разговору, потому что, обойдясь без предваряющих покашливаний и возни, громко спросил:

— Что ты делал в дни чумы?

Марк вздрогнул от неожиданности и покачал головой. Иногда его напарник казался гением бестактности. Но промолчать — выказать слабость, а мы, сильные люди, которые не поддаются сиюминутным темным эмоциям. Иначе нас здесь не было бы. Но лучше мы, чем кто-либо другой.

— Зачем тебе знать?

— А почему нет? — Кирилл наконец заворочался, но из пенала не вылез. — Осталось немного, а я и не знаю... Так, где ты был... тогда?

Марк скривился, наклонившись к пульту дальней связи. Но вместо осмысленных сигналов динамики выдавали только монотонный фоновый шум. Похоже, главная антенна накрылась окончательно. Прощания не будет. Чертов метеороид, откуда ты взялся?..

— Я был на геостационарной верфи. Третий узел, монтажный модуль «Водолей».

Кирилл хмыкнул с неопределенной интонацией.

— Да, ведь ты же из карантинных. Тогда ясно...

Марк оглянулся на пеналы, занимавшие добрую половину отсека. Ему с самого начала не понравился разговор, и он хотел увидеть лицо напарника, чтобы

по мимике понять, зачем тот все затеял. Но Кирилл оставался в своем «логове».

— Что тебе... ясно?

— Три года в одном гробу, а ты ни разу ни словом. А ведь вроде все обговорили. И по кругу пошли...

Неизвестно, добивался этого Кирилл или нет, но на Марка нахлынули воспоминания. Яркие и болезненные — такие, что на душе похолодело и даже кончики пальцев затряслись. Словно вчера это было, а не пять лет назад, когда пришла «чума». Тесное помещение отдалилось, перед глазами замелькали блеклые картинки из прошлого. Плачущий Ваня Юсупов. Мертвые глаза Дика Спарроу за прозрачным забралом шлема. Тошнотворно медленное падение «Лагранжа». Рой обломков от разбитых вдрызг солнечных панелей. Яркая вспышка, а за ней — растущая черная клякса на месте космодрома Восточный.

Марк сглотнул без слюны и помотал головой, отгоняя старые кошмары.

— Тут не о чем говорить, — сказал он. — И нечего вспоминать. Сначала было отчаяние. Потом — злость. Каждый выживал, как мог, как умел. Хотя зачем выживать, никто не знал. Я тоже не знал, но все равно дрался. Так бы мы все друг друга и передушили — за кислородную шашку, за баллон воды, за банку консервов, за лишний фильтр... Ты ведь понимаешь, что такое лишний фильтр, когда транспорт больше не придет?.. Хорошо Монреаль взял дело в свои руки, всех построил и заставил работать.

— Монреаль? — переспросил Кирилл. — Канада?

— Джеффри Дилайл, — пояснил Марк. — Он придумал такие городские прозвища. Сказал, что наши звания, имена, статус ничего больше не значат. Сказал, что каждый из нас теперь уникален, что от каждого зависит будущее человечества, причем в самом прямом, а не в метафорическом смысле. Сказал, что если у нас получится, то каждый станет вроде эпического героя, о каждом будут слагать песни, легенды,

саги... Поэтому мы не должны держаться за собственные имена, ведь представляем будущему всю планету, земную культуру в ее многообразии. Поэтому мы будем носить имена городов, в которых родились. В знак благодарности за рождение. И за жизнь. В память о земном человечестве...

— Ваш Дилайл был романтик.

— Нет, он был прагматик. Просто его прагматизм выше лишнего фильтра.

Кирилл наконец-то выбрался из спального пенала. Привычно оттолкнулся пятками от стенки, перелетел к пульту, ухватился за низкую спинку кресла, повернулся в воздухе и в одно движение с ловкостью заправского акробата примостился на сиденье. Марк посмотрел на него, хотя прекрасно знал, что именно увидит. Заросшее по брови лицо. Гипертрофированные отечные мешки под маслянисто блестящими глазами. Отвратительно зрелый фурункул на правой щеке. Кровоточащие губы. Голое, длинное и бледное тело дистрофика с зеленоватым оттенком, который придает ему экономное освещение. Грязноватые пластыри на локтях и коленях, скрывающие бытовые травмы, которые никогда не заживут, — у Марка были такие же. Большой пластырь на груди — напоминание о внекорабельном выходе, об отчаянной попытке спасти главную антенну и связь с Шеклтоном.

Марк подумал, что ненавидит этого человека, своего напарника. Но и любит одновременно. Наверное, только так и можно относиться к тому, с кем провел три года в «одном гробу» и с кем предстоит умереть. Ненависть-любовь. Как говорила фрау Мюнхен, «хасслибэ». В русском языке нет аналога этому слову. Хасслибэ...

— До транзита-ноль осталось пять часов шестнадцать минут, — будничным тоном сообщил Кирилл, глянув на пульт.

Он мог этого не говорить: Марк все отлично видел без подсказки. К сожалению.

— Да, — сказал Кирилл, — нелегко вам пришлось. Но я не знаю вашего Дилайла. Что с ним сталось?

— Он остался на буксире, — ответил Марк. — Топлива было в обрез. Переход на полярную орбиту... Но если бы не карантин, то, возможно, он долетел бы...

— Сожалею, — сказал Кирилл.

Он действительно сожалел — искренность своего напарника Марк опознавать давно научился. По совести, Кирилл не мог отвечать за решения главного администратора Йена Паркера и действия селенитов — напарник и сам оказался в безнадежной ситуации, застряв после «дней чумы» на полигоне в трехстах километрах от Шеклтона и пережив настоящую «робинзонаду». А если совсем начистоту, то ответственность за злоключения «карантинных» лежала только на Паркере. Тот не был ни романтиком, ни прагматиком — он оказался истериком. И когда все начало рушиться, повел себя соответствующе. Сначала запретил прилунение, пообещав при попытке сбить модуль ракетой, из-за чего позднее, когда разрешение все-таки было получено, Монреалю и Донецку пришлось пожертвовать собой ради остальных — ресурсы самодельного межпланетного корабля, собранного на живую нитку из уцелевших модулей геостационарной верфи, были на исходе. Затем Паркер своим приказом продержал «карантинных» три недели в посадочном модуле, не давая перейти на базу, — десять человек были заперты в помещении, рассчитанном на двух космонавтов. В итоге они потеряли еще троих, среди которых была и Марта, фрау Мюнхен, — отличный, кстати, специалист по вакуумной сварке. Стесненность, духота, обезвоживание, травмы при жесткой посадке — настоящий ад. Скорее всего никто не выжил бы вообще, но у администратора базы Шеклтон сдали нервы. Он переборщил с таблетками, впал

в кому и умер еще через неделю, не приходя в сознание. Марк понимал, что нельзя радоваться смерти человека, особенно после «чумы», когда за любой жизнью стоит будущее человечества, но всегда благодарил судьбу за то, что Паркера не стало, — иначе сам убил бы его, взял бы грех на душу.

— Знаешь, — нарушил паузу Кирилл, — в молодости я часто думал о смерти. Впечатлительный был мальчик, с фантазиями. И думал, что хорошо бы точно знать, когда погибну... Да, я был уверен, что погибну, а не умру спокойно в постели, окруженный скорбящими родственниками. Вот хотелось знать дату смерти — до дня, до часа. Чтобы, значит, быть готовым. То есть завершить все дела, получить напоследок разные удовольствия и с достоинством принять смерть... Как видишь, нельзя о таком мечтать. Некоторые мечты сбываются до буквальности...

— Ты мог отказаться от участия в «Зове». Дело добровольное, — сказал Марк.

— Не мог! — Кирилл повысил голос. — Я уже пережил свою первую смерть. Что мне вторая? Но знаешь, о чем я мечтал после той первой своей смерти?..

— Нет, ты не говорил...

— Я мечтал, чтобы мир не умер вместе со мной. Даже не мечтал, а молил. Просил у Бога и у чертовой Вселенной, чтобы чума оказалась иллюзией, личным моим сумасшествием, бредовым сном или испытанием... Но на мольбу никто не откликнулся. Земля и взаправду умерла. Цивилизация погибла. Взаправду! И я понял тогда, почему так страстно мечтал о том, чтобы все оказалось иллюзией. Потому что собственную смерть можно принять, если твердо уверен: жизнь будет продолжаться и без тебя. Это немножко обидно сознавать, но это примиряет с неизбежностью. Дает надежду на бессмертие в памяти. А тут... Нет надежды... «Зов» дал мне такую надежду... Я не мог отказаться...

Кирилл замолчал, а потом спросил шепотом, едва слышно:

— Как считаешь, *они* поймут?

Когда-то Марк часто думал над этим вопросом. Так часто, что даже устал и приучился отбрасывать малейшие сомнения. Ведь сомнения мешали работе. Но теперь, когда до первого взрыва оставалось пять часов, вопрос прозвучал особенно остро. И на него нужно было дать ответ. Даже если в ответе скрыт самообман.

Цивилизация погибла. Взаправду, как сказал Кирилл. Погибель пришла внезапно и оттуда, откуда никто не ожидал. О возможности всемирной пандемии писали многие футурологи, но никто не мог предположить, что толчком к ней станут не боевые вирусы, сконструированные в секретных лабораториях, а совершенствующиеся год от года антибиотики. Начав их широкое применение, человечество подстегнуло эволюцию в микромире, и раньше или позже должна была народиться тварь, устойчивая к любым видам лекарств. Ею оказалась мутировавшая микобактерия, вызывающая милиарный туберкулез с повышенной вирулентностью. Ситуация осложнилась еще и тотальным распространением всевозможных иммунодефицитов, которые прямо называли «бичом двадцать первого века». Первые вспышки не вызвали серьезного беспокойства у эпидемиологов — им казалось, что они имеют дело со старым знакомцем, а посему успешно локализуют очаги и найдут средство борьбы. Однако болезнь распространялась молниеносно; вскоре ею были охвачены все развитые страны — началась настоящая «чума», убивавшая в день десятки тысяч человек. Высокая летальность вызвала панику, и тут появился какой-то безумный Орден красных полковников, взявший ответственность за распространение микобактерии на себя. Мнения ученых никто больше не слушал — явный враг предпочтительнее тайно-

го; тем более что население России, геополитические интересы которой якобы отстаивали самозваные полковники, менее всего страдало от пандемии. В дело вмешались политики, и тут же разразилась глобальная война, прервавшая любые попытки остановить распространение болезни.

Гибель родного мира наблюдали с ближних и дальних орбит две сотни космонавтов — участники международного проекта «Прометей». Разумеется, они верили в лучшее и представить не могли, что «чума», даже самая страшная и опустошительная, обернется войной. Только когда полетели межконтинентальные ракеты, центры космического управления были уничтожены и начали один за другим отключаться спутники связи, жители орбит осознали, что отныне им придется рассчитывать только на себя. Может быть, где-то на Земле еще оставались небольшие анклавы уцелевших, наверняка кто-нибудь додумался до строительства городов-убежищ, изолированных от мира на случай катастрофического развития ситуации, — однако тем землянам, кто пережил «чуму» и войну, было не до космоса. Возвращаться космонавтам было некуда, и единственным местом, где теплилась какая-то разумная жизнь, вдруг стала Луна, точнее — база в кратере Шеклтон, рядом с лунным южным полюсом. Первыми это сообразили ребята с межорбитального корабля «Лагранж», но они пошли к Луне на авось, без подготовки и с перегрузом, в итоге не набрали необходимое приращение скорости и ухнули в гравитационный «колодец». Космос слезам не верит. Джеффри Дилайл на геостационарной верфи давил самодеятельность в зародыше, поэтому у «карантинных» и получилось лучше, чем у «Лагранжа», при аховых начальных условиях.

Когда в Шеклтоне немного оправились от потрясений, посчитали уцелевших, самоорганизовались, то стали думать, что делать дальше. В принципе, ресурсов

лунной базы хватало надолго — она давно не напоминала россыпь детских кубиков-модулей, соединенных тонкой паутиной кабелей, разрослась, углубилась под грунт, обзавелась ядерной электростанцией и полями фотоэлектрических батарей, запустила небольшое, но полностью автономное производство. Но любому, самому оптимистично настроенному селениту было ясно, что без поддержки Земли база в кратере Шеклтон способна только выживать, но не развиваться и уж тем более как-то участвовать в деле возрождения человеческой расы. А Земля молчала — яркий бело-голубой шар вращался в черном небе, словно чужая и очень далекая планета.

Селениты придумывали проекты возвращения — один бредовее другого. Их выкладки разбивались о расчеты. С топливом проблем не было, однако эвакуационные корабли не проектировались под спуск в атмосфере и мягкую посадку — в лучшем случае они могли выйти на низкую околоземную орбиту и остаться там навсегда. Тут же появились смельчаки, желающие прыгнуть с орбиты в скафандре под парашютом, и эта ерундистика обсуждалась целый месяц. А потом Ваня Юсупов, не выдержав очередной утомительной дискуссии, бросил зло: «Куда вы собрались? К чуме в объятия?» — и на этом обсуждение проектов сошло на нет. В самом деле, какой смысл стремиться на Землю, если там только что прокатились пандемия и глобальная война? Что ждет там смельчаков, кроме смерти?..

Впрочем, столь деятельные люди, какими всегда были космонавты, не могут долго сидеть без идей. В какой-то момент вспомнили, зачем вообще был запущен «Прометей», благо остатки былой роскоши болтались прямо над головой и под масконовым влиянием грозили на эту голову раньше или позже свалиться.

«Прометей» был самым крупным космическим проектом в истории: почти пятнадцать лет на него работали двадцать шесть стран и полмиллиарда человек.

Только чтобы начать строительство прототипа-демонстратора, понадобилось развернуть мощную инфраструктуру на ближних и дальних орбитах, возвести базу на Луне, сконструировать и запустить сотни космических аппаратов. Разумеется, у проекта была конкретная цель. Во втором десятилетии века, на пике очередного глобального экономического кризиса, рядом со звездой Толиман, более известной как Альфа Центавра, астрономы открыли планетную систему, и две из обнаруженных планет оказались земного типа. Они находились (невероятное везение!) в так называемом «поясе Златовласки» — в сравнительно небольшой зоне поблизости от родительского светила, где благодаря температурным условиям возможна жизнь. И вроде бы косвенные данные указывали на то, что жизнь там есть. Тут-то все и завертелось. Международный проект, поддержанный новым общественным интересом к космическим исследованиям, стал рычагом, с помощью которого удалось перевернуть мировую экономику и вытащить ее из кризисного болота. Но самое важное — «Прометей» был проектом созидающим и объединяющим. Казалось, праздник прогресса воцарился надолго, будет построен прототип-демонстратор межзвездного зонда, а за ним и сам зонд, и его строители вскоре увидят, как их огромное детище, чудесное соединение интеллекта и технологий, отправится сквозь бездну, став дерзким воплощением древней, как цивилизация, мечты. Только вместо «Прометея» пришла «чума»...

Кто же предложил сделать из готовых блоков прототипа термоядерную «лампу»? Может, тот же Ваня Юсупов, которого среди «карантинных» называли Томском? Или кто-то другой?.. Сейчас уже и не вспомнишь. Потому что идея «Зова» мгновенно заразила всех селенитов, каждый воспринял ее как свою собственную. Она стала для них смыслом жизни. И последней надеждой на лучший исход.

— Они там, у Толимана, поймут? — повторил Кирилл вопрос, заданный напарнику.

— Они умные, — ответил Марк медленно. — Должны понять... Они поймут. Даже если интерпретация будет какой-то другой, они догадаются, что у нас не все в порядке.

Прототип-демонстратор «Прометея» не был рассчитан на межзвездный перелет — на нем собирались отработать двигательную установку импульсного типа. Пятнадцать десятимегатонных термоядерных бомб, взорвавшись по очереди за электромагнитным толкателем, должны были разогнать прототип до скорости в полпроцента от световой. Планировалось, что прототип будет стартовать за орбитой Марса — для отправки его туда на Луне построили мощные мазеры, которые своим микроволновым излучением, направленным на специальные сбрасываемые отражатели, придали бы начальный импульс движения.

В проекте «Зов», за реализацию которого взялись селениты, термоядерные бомбы использовались не для разгона прототипа, а для последовательности взрывов, в которой сторонний наблюдатель мог бы распознать целенаправленную деятельность и некое послание. Сверхмощная лампа, сигнализирующая другим мирам. Старая концепция, предложенная в прошлом веке академиком Сахаровым. Может быть, жители планет, вращающихся у Альфы Центавра, увидят эти вспышки? Может быть, сумеют понять, что «братья по разуму» терпят бедствие? Может быть, захотят помочь? Может быть... Изложи кто-нибудь такую идею Марку лет пять назад, он рассмеялся бы автору в лицо, назвал бы «ненаучным фантастом». Но безумная жизнь порождает безумные надежды, а они особенно крепки, если дают силу жить в безумии.

Долго думали, какое послание составить для гипотетических инопланетян. Понятно было, что взрывы надо организовать за Плутоном или еще дальше, что-

бы искусственные вспышки можно было выделить на фоне естественного солнечного света. Понятно было, что они не должны быть повторяющимися, ведь в монотонности мало информации. Понятно было, что в последовательности должна содержаться просьба о помощи. Но как соблюсти все эти условия, если бомб всего пятнадцать? Не посылать же классический «SOS» — вряд ли в Галактике знают азбуку Морзе...

Придумали, конечно. Хотя и спорили до хрипоты. А ведь все просто. Первый, самый мощный, взрыв из пяти бомб — сигнал, привлекающий внимание. После продолжительной паузы второй взрыв из двух бомб — начало послания. Третий взрыв из трех бомб — продолжение послания. Четвертый взрыв из четырех бомб — развитие послания. Пятый взрыв из одной бомбы — завершение послания. Такая последовательность скажет: в нашей системе зародилась жизнь, потом возник разум, он достиг высот, но ныне угасает. Другое прочтение — ищите нас на спутнике третьей планеты. Чтобы указать на Землю дополнительным образом, момент первого, привлекающего внимание, взрыва подбирался так, чтобы для инопланетного наблюдателя Солнце, Земля и вспышка находились на идеальной прямой. Разумеется, учитывалось и расположение планет Толимана, ведь параметры их орбит известны. Оставалось уповать, что через четыре года, когда термоядерный свет доберется до галактических соседей, там не испортится погода или что у них имеются орбитальные средства наблюдения, которые позволят зафиксировать первую вспышку и последующие.

Теоретически все могла сделать автоматика, причем элементарная. Прототип, разогнанный мазерами, долетает до окраины Солнечной системы — там блоки с бомбами расходятся под действием пружинных толкателей на приличное расстояние и в точно отмеренные моменты взрываются. Но если у вас есть всего одна попытка и второй никогда не будет, довери-

тесь ли вы автоматам? Решение послать на прототипе двух космонавтов, которые контролировали бы процесс и оперативно могли выступить ремонтниками, созрело не сразу и опять же вызвало ожесточенные споры. Однако стоило делу дойти до непосредственной подготовки старта, выяснилось, что возражений нет и любой готов отправиться в этот уникальный рейс без возможности вернуться. Лучшими из добровольцев признали на общем собрании Кирилла и Марка — есть повод для гордости, хотя и не слишком вдохновляющий, ведь за гордостью стоит неизбежная и точно рассчитанная смерть.

— Я вот думаю, — сказал Кирилл, глядя в сторону, — а если у них то же самое?

— У кого? — Марк встрепенулся.

— Там, у Толимана... Вдруг это бич любой высокоразвитой цивилизации? Мы ведь сами породили чуму. И не потому, что хотели. Просто за все нужно платить. И прежде всего за комфорт. За здоровое детство, за долгую жизнь. Природа — тварь хитрая, ее не проведешь, не обманешь.

— Ерунда! — решительно заявил Марк. — Нам не повезло. Слишком увлеклись антибиотиками. Сам знаешь, даже в гигиенические средства добавляли. Перестарались. Может, это вообще наша уникальная черта — мудрить с лекарствами, потому что слабые мы. Потому что отпечаток мора сохранился в генетической памяти. У них там все по-другому.

— Может, и по-другому, — согласился Кирилл, но без уверенности в голосе.

Они помолчали. И Марк решил добавить к сказанному — не столько для напарника, сколько для себя:

— Не сомневайся, дойдет наше послание. Его прочитают и расшифруют. И помогут нам... тем, кто остался... если смогут, конечно... Верю, что смогут.

— Жаль, выпить нечего, — отозвался Кирилл невпопад. — Самый повод, а мы сухие.

— Ну, извини. — Марк улыбнулся без веселости. — Мазевые антисептики надежнее. Тут не до развлечений.

Это было правдой. Обитаемый модуль для прототипа собирали из лунных эвакуационных кораблей — база Шеклтона отдавала все самое лучшее из запасов, порой невосполнимое, но космонавты должны были долететь до финиша и убедиться, что «Зов» сработал. Спирт был бы лишним на корабле, и никто не подумал о том моменте, когда блоки с термоядерными бомбами разойдутся, и двум смертникам останется только ждать, когда взорвется первый блок, который их уничтожит. И никто не подумал, что ожидание будет чудовищно томительным.

— Пойду, выйду, — сказал Марк. — Посмотрю на антенну. Вдруг получится что-то поправить.

— Я пытался, — сказал Кирилл мрачно. — У меня не получилось. Ты, что ли, ловчее?

— Тогда просто гляну на звезды. Давно их не видел. Так... уйти будет спокойнее.

Марк завозился, но Кирилл остановил его:

— Не ходи.

— Почему?

— Скафандры неисправны.

Марк вперился в напарника. Но тот продолжал смотреть в сторону, на настенную контрольную панель.

— Ты свихнулся?

— Нет... Я сам их...

Вспышка ярости была столь сильна, что затмила разум. Марк очнулся, только увидев, что Кирилл задыхается, даже не пытаясь разжать впившиеся в его горло пальцы. Отнял руки. Хасслибэ, сказала бы фрау Мюнхен. Ненависть-любовь. В русском языке нет аналога этому слову.

— Урод, — произнес Марк мертвенно. — Зачем?

Кирилл некоторое время не мог ответить: всхлипывал, булькал, сплевывал. Красная от крови слюна невесомыми пузырьками разлеталась по отсеку.

— Не хотел, чтоб ты знал... Не хотел...

— Говори. Иначе я убью тебя раньше, чем бабахнет первая.

— Тогда убей, — сказал Кирилл просто.

Марк минуту разглядывал напарника, потом, помогая себе руками, вернулся на место.

— Ты лишил меня звезд, — сказал он. — Поэтому должен сказать правду. Зачем ты это сделал? Зачем?!

Марк не ждал быстрого признания и уже соображал, как выбить его из напарника, но тот сломался.

— Их больше нет, — сказал Кирилл. — Никого нет. В Шеклтон пришла чума. Новый штамм. Мутация чего-то банального. Я тогда дежурил, ты спал. Я принял сообщение. И пошел наружу. Вытащил штекер главной антенны. Чуть не сорвался, там сложно. Потом все-таки доковылял. И рассказал тебе байку о метеороиде... Некого больше спасать, понимаешь? Мы последние... И скоро нас тоже не будет... Я думал, хоть ты умрешь в уверенности, что «Зов» был не зря... Мне-то теперь все равно... Ложь во благо...

— Дурак, — сказал Марк. — Не бывает лжи во благо. Что ты сделал со скафандрами?

— Схемы терморегуляции.

— Значит, минут десять у меня будет. — Марк начал выбираться из кресла. — Достаточно.

Он сам поражался своему спокойствию. Наверное, где-то внутри себя Марк давно догадался, что дело не в антенне и не в мифическом метеороиде. Принял, что его мир умер окончательно, что будущего не существует. Но три года — достаточный срок, чтобы свыкнуться с мыслью о собственной смерти. И даже с мыслью о всеобщей смерти.

— Не бросай меня, — попросил Кирилл жалобно. — Пожалуйста.

— Пойдем вместе. Не все мечты сбываются буквально.

Кирилл посмотрел снизу вверх, утер окровавленные губы, и в глазах его проступило понимание.

— Да... Ты прав... Я тоже... пойду...

Помогая друг другу, они надели скафандры, выбрались из шлюзовой камеры и встали, ухватившись за поручни. Марк смотрел на неисчислимую россыпь звезд Млечного Пути — на ровный манящий свет миллиардов миров, которые останутся недоступными.

Вселенная дала жизнь землянам, не спрашивая. И теперь отбирала, не спрашивая. Молчаливая. Беспощадная. Прекрасная.

Хасслибэ — это о Человеке и Вселенной.

«Не все мечты сбываются буквально, — подумал Марк, не замечая, как великолепная картина расплывается от слез. — Но главное мы сделали. Наш ослепительный крик пронесется по Галактике. Столетия, тысячелетия. Кто-то его увидит. Кто-то подумает о нас — хотя бы одно мгновение, которое стоит вечности. И в это мгновение он услышит. Мы жили! Мы любили! Мы ненавидели! Мы боролись! Нам не повезло. Пусть вам повезет...»

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Мы, профи, к охоте относимся как к игре. Это «чайники» переживают — ах, виртуальное пространство, вторая жизнь — не дай бог погибнуть. В общем, все на полном серьезе. А мы воробьи стреляные — игра она и есть игра.

Конечно, когда бегаешь в «глобусе» и комбезе, обвешанный с ног до головы всякими приспособлениями, то можно запросто угодить под колеса машины или сломать шею где-нибудь в канаве. Связь с реальным миром осуществляют за тебя сонар, радиолокатор, инфракрасный лазер, распиханные по шлему-«глобусу», система, обработав эту информацию, по СВЧ-связи возвращает тебе картинку виртуального мира, где вместо людей — «местные», а вместо архитектуры — плоды фантазии разработчиков. Профи тем от «чайников» и отличаются, что по физическим кондициям нас хоть в спецназ вербуй, в настоящий, разумеется, а не виртуальный.

Да только сегодня я что-то не в форме. Мандраж, что ли? С чего вдруг? Ваня, дружище, ты это кончай, ты же матерый охотник. В трех чемпионатах выжил. Хм-м, Хромой Сикх. Интересно, кто меня этой кликухой наградил? Убей, не помню. В первый раз я себя «Диджитайзером» заявил, молодой балбес.

Затянул молнию комбеза, подстыковал левый разъем-вывод пушки, правый. Достал из нагрудного кармана пачку, закурил. Гребаный мандраж. Ладно, покурили — хватит. Затянул ремни, включил блок питания на поясе. Последний раз — хм, действительно послед-

ний? — затянулся и ткнул бычок в пепельницу. Натуральный мандраж. Валерьянки хряпнуть, что ли? Нельзя же, в самом деле, так начинать. Я ж не с нулевого уровня стартую. Ладно. Повертел в руках «глобус». Надел на голову, защелкнул фиксаторы. Запустил систему.

Опустился экран — перед глазами мрак. Пошла тестировать система — слабо бибикнуло в наушниках, — наконец вывела окружающий мир на экран «глобуса», мягким голосом соседки сообщила:

— Я готова.

Узнай соседка о моей невинной шутке — порвала бы на части, или наоборот.

Снял пушку с плечевого крепления и отщелкнул предохранитель.

— Аватар Хромой Сикх активизирован. Личная амуниция активизирована. Оружие к бою готово, — подтвердила система уже мужским голосом — это вышел на связь Центр, то бишь главный сервер.

— Комиссар (какой дурак придумал это слово, не иначе француз)! Это Сикх.

— Да, Сикх, — откликнулся ведущий игры, он же Пашка. — Слышу тебя вполне.

— Выхожу на исходную.

— Гуд. Включаю гида.

Иду вслед за маленьким гномиком в розовом камзоле с милицейской бибикалкой на голове. Разработчики стараются, чтобы скучно не было. Кого только они развлекают? Какие шутки — тут уже адреналин чуть ли не до корней волос добрался!

Ну, вот, бибикалка истошно взвыла, гномик исчез. Поехали! Заправила чемпионата Хромой Сикх выходит на охоту, а стало быть — охота начинается!

Интересно, сколько их? Своих-то на двенадцатом профессиональном уровне обычно трое. А вот сколько «иных» — это определяет самолично Комиссар чемпионата. У него имеется только верхний и нижний потолок да список модификаций даден. Но Пашка,

мерзавец, жить ему сто лет после меня, все равно от себя что-нибудь наворотит, и все ему с рук сходит.

А тут еще соседи из-за моря-океана пожаловали. Говорят — хитрые ребята. В своей американской лиге якобы всех всухую разделывают, так что приехали к нам с безумными очками. На «Вторжении» столько заработаешь, если перестреляешь всех, включая жюри, наблюдателей и самого Комиссара. Что-то у них за океаном с системой баллов...

Оживленная улица, всюду снуют люди, то есть «местные». Выполнены в двух модификациях — «панки» и «дедушки-бабушки». Дело к вечеру. Значит, будет и ночная охота. Солнца, конечно же, не видно из-за городской дымки. Напустил Пашка туману — смахивает на классический лондонский.

«Местные», пространственно привязанные к реальным гражданам, выглядят бледновато рядом с истинно виртуальными — тоже фишка разработчиков. Игра ведь проводится на в общем-то полупустых улицах, а здесь в виртуальности — почти столичный центр.

Для «иного» единственная возможность поразить профессионала — прикинуться местным. Это мне нефиг прятаться, это я на них охочусь. Для них главное — приблизиться на дистанцию прямого выстрела, чтобы, значит, палить не целясь. Особенно желательно зайти за спину и снести тебе башку. Единственная беда у них — перед выстрелом необходимо трансформироваться обратно в «иного».

Вот и разберись — реальность виртуальная, все запрограммировано, а чую их, словно всамделишних. Интуиция, что ли, и в виртуальности работает, талант у меня такой, что ли? А ведь в реальной реальности ничего такого за собой не замечал. Оттого и влипал не раз в нехорошие истории.

Вот один из прохожих минует тебя, ты почему-то поворачиваешься ему вслед и видишь, как сгорбленная бабуська начинает трансформироваться в «иного». Но ее авоська еще только превращается в «ствол», а

твой «ствол» уже у нее перед... ну, что там вместо глаз? Ага, фасетки.

Взять бы да заявить что-то вроде:

— Во имя спасения Земли от нашествия вашей гребаной цивилизации — гнусной, мерзкой... — и так далее.

— Ну да, — горестно согласится «иной».

— Проклятый землянин, — скажет он, с трудом произнося своим трубчатым ртом слова нашего языка.

Хорошо, что на разговоры времени на охоте не остается. Все по-мужски — громкий чмокающий звук, и с отстреленной головой «иной» замирает на тротуаре. В небо уплывает «+15 очков».

Странно, на таком уровне давать за жертву всего пятнадцать очков?

Я едва успеваю увернуться — приходится резко падать, чуть ли не под колеса какого-то железного ящика. Еще один «иной», пока я отстреливал башку его «соплеменнику», трансформировался у меня за спиной. Идиоты. Похоже, они не знают системы «Эленжер». У меня же полный круговой обзор. Вместо меня он попадает в местного. «—5» очей в небо, труп местного на асфальт, а призрачная «душа» его, не замечая своей бестелесности, продолжает спешить дальше. Маневрируя в толпе местных, отстреливаю этого «иного» и осторожно начинаю к нему, то есть к его останкам, приближаться.

Ч-ч-черт, черт, Пашка, падла такая! Не надо было тебе, скотина, им по две жизни давать. Тот, первый, вот только что размазанный по тротуару, собрался, встал на свои шесть лап и выстрелил. Промазал только потому, что уж больно спешил в меня попасть.

Бросаюсь за столб, стреляю — блин, в асфальт. Шустрый, гаденыш, ушел за сработанную в виртуальности древнюю телефонную будку. Вспоминаю и вовремя вкатываю второй заряд в лежащий рядом псевдотруп. Снова кровища зеленая по тротуару веером, и «+75» в небо. Мало, черт бы тебя побрал, Паша!

На той стороне улицы трансформируются еще двое. Из-за будки в мою сторону лупит длиннющая очередь. Загоняют, гады. Пригнувшись, кидаюсь в толпу «местных», над головой громыхает — еще два по «−5» в небо. М-да, похоже, эти ребята не очень жалуют местных. Сюда, в арку подворотни. Но прежде чем прыгнуть, буквально по наитию разворачиваюсь и вгоняю заряд во все еще неподвижный «труп» второго. «+195» — третья жизнь! Будем думать — последняя. Сейчас его ошметки сольются с асфальтом. Но этого мне не видеть — ныряю в подворотню, и вовремя. Следом шквал огня.

Бляха-муха! Двор проходной, и с той стороны вползают еще двое. Зажали-таки.

— Охотники, — ору, — кто рядом, квадрат бэ-четыре — помогите, сжигают заживо! — а сам из-за какой-то колонны поливаю в обе стороны.

М-да, если меня никто случайно не вызволит, то тут и могилку копать.

— Извини, Сикх, — издевается Пашка, но отчего такой трагический голос, оса, что ли, в задницу укусила? — Похоже, придется тебе выкручиваться самому.

— Сволочь ты, Комиссар, — и отключаю связь.

А вот и лазейка. Совсем рядом, чуть ли не в двух шагах, оказывается, окошко полуподвала. Вдруг это секретный проход? Зарешечено или нет? Черт, не видать. Туману понапустили, мастера. Во всяком случае, шанс. Нырок, бросок, вот и окошко — нормально, решетки нет. Бью ногой в стекло — вылетает. Таки проход! Для «иных» это, похоже, неожиданность — думали с двух сторон меня накрыть, а вот хрен вам! Вваливаюсь. Ага, мастерская художника, нормально. На этом уровне все сильно напоминает реальную реальность. Фантазия иссякла? Ладно, некогда размышлять. Дверь долой. Оказываюсь на той же улице, как раз между «иными». Тот, что за будкой, реагирует быстро. Стреляет, попадает в своего. «+15» в небо, и это тоже мои очки — в своего стрелять можно, но по-

падать нельзя. Я тем временем леплю подряд два заряда во все еще лежащего второго, за что зарабатываю «+310», и это, похоже, все, на что тот был годен. Второй заряд не оценен баллами — значит, наконец-то труп. Четыре жизни на рыло! Ну, Комиссар, ну скотина!

Пригнувшись, петляя как заяц, сломя голову бегу к автобусу, а эти ребята шквальным огнем пробивают ко мне коридор сквозь толпу местных. В небе вспухает облако из «−5», а рейтинги «иных» стремительно падают.

— Сколько же ты за меня дал, сволочь? — врываюсь в автобус и обрываю затянувшееся радиомолчание.

— Хромой Сикх, ты все еще жив? — удивляется Пашка.

— Гад, — сквозь окно автобуса и сквозь пару «душ» местных достаю того, шестилапого. Падаю на пол между сидений. Обзор никакой, но я и так знаю, что они спешат следом, не утруждая себя более маскировкой под местных.

Проезжаю не одну, а целых три остановки: организм потребовал отдыха. Сунутся в автобус — двери под прицелом.

Но будет, не вечно же кататься. Можно схлопотать «штрафные» за пассивность. Ладно, выхожу у парка и объявляю десять минут паузы. Обычно я этого себе не позволяю, но раз такое дело — два раза на уровень имею право. Отстегиваю «глобус». Сажусь на скамейку под деревьями. Прохожие посматривают на меня, как на идиота. Еще бы, многие вообще не знают о «Вторжении». Бегают среди них ребята с «глобусами» на головах — ну и что, мало ли придурков развелось?

Хм-м, что же происходит? Похоже, Паша что-то не то закрутил. Его за эту самодеятельность точно из комиссаров попросят. Международный Наблюдательный Совет не дремлет.

Да, но зуб на меня он вроде не держал. Только на прошлой неделе пивко в «Мизере» гоняли. До меня ему и дела не было. Жаловался на какие-то таинственные сбои в системе, мол, участились. И сетевое окружение его, видите ли, не устраивает. Да, сбои. Кажется, вирусы. Или нет? Правильно, он говорил, что это не могут быть вирусы.

Бросаю окурок в урну, надеваю «глобус».

— Комиссар. Хромой Сикх здесь.

— Давно тебя ждем, — как-то равнодушно откликается в наушниках Пашка.

И тут начинается полная непоправуха.

В небе вспыхивает сообщение — «месседж Хромому Сикху: ваши очки впредь умножаются на 10». С чего такая щедрость?

Старичок, сидевший рядом, уже вполне оформился в «иного». Рукопашная! Стилетом ему в морду. Сальто назад, за скамейку, — что значит хорошая физическая форма — вокруг-то одни «иные». Многовато вас, ребята. Пушку в положение «сплошняк» — и огонь веером, «минуса» побоку.

Скамейка в щепу, трава горит — что-то новое в системе. Раньше попадания в неживые объекты лишь условным звуком обозначались. Рву с пояса световые гранаты с секундной задержкой — и деру, пока все это сверкает и рвется.

По трассе грузовичок чешет. Далековато, но надо прыгать. Забегаю с тылу, ускорение, бросок — и я в кузове. Ускорители на ногах дымятся.

Теперь можно дух перевести. Ага, хрен там можно. Примостился спиной к кабине, а в небе крылатик летит и уже в пике заходит. На, гад, получай.

Но что же это такое выходит? Летающих «иных» доселе не было. Не-ет, нужна вторая пауза — о новых модификациях «иных» обязаны сообщать заранее, до начала игры. И такие вещи относятся к компетенции Европейской федерации. М-да, на Пашке и шапка горит — не ходить ему теперь в комиссарах.

«Глобус» снят. Неплохо — оказывается, это и впрямь грузовик, а не крыша автомобиля. Только не гражданский, а военный, камуфляжный. И кроме меня сидят в кузове трое солдатиков и курят — одну сигаретку на троих. Чем мне нравятся бойцы — ничем хлопцев не удивишь. Сиганул человек в инопланетной амуниции в кузов, а им хоть бы хны — сигареткой интересуются. Достаю пачку — нате, ребята, угощайтесь. И пока время позволяет — за мобильник.

Набираю Пашенькин номерок. Где ты там, друг любезный?

— Алло? — недовольный, тусклый голос у тебя, Пашуля.

— Пашка, это я, Ваня. Как понимаешь, сижу во второй паузе. Что происходит, Павел, кто охотник — я или «иные»? Почему правила меняются?

— Ты че, Ванюха? Какая охота? Мы с самого утра висим. Доступа к опорным серверам нет.

— Ты что, дуришь меня? Ты же мне сам сочувственные депеши слал...

— Я платы меняю, не до депеш... Стой! Ты что — охотишься?

— А что ж еще? Охота заявлена. Ты же меня знаешь, я как штык, я же профи.

— Побожись, что не врешь!

— Тьфу на тебя. Меня через минуту мочить будут.

На том конце провода — пауза. Потом Паша уже совсем по-другому говорит, волнуется:

— Ты это, Иван, ты «глобус» не надевай. Слышишь, Нюха, я кроме шуток — забрось куда подальше.

— Ты че? Меня же за это из федерации попрут.

— За что переть? Охоты нет! Понял?! Я — Комиссар и говорю с тобой официально!

— Верю, верю.

— Нюха, ты давай чеши сюда. Запись, надеюсь, на «глобус» велась?

— Само собой.

— Вот и просмотрим. Давай.

Мобильник в карман. Ничего не поделаешь — отстыковываю разъемы, комбез в скатку и за плечи.

— Ребята, а куда путь держим? — спрашиваю у солдат.

— Да на полигон, за город.

— Ну, мне с вами не по пути.

— Курева не оставишь? — просит сержант.

— На, бери все, — бросаю ему пачку и сигаю за борт, словно все еще на охоте. «Глобус» из рук вылетел и покатился. До чего, гады, из седла вышибли.

И вот шагаю к метро прихрамывая — теперь точно Хромой Сикх, — и посещает меня эдакая нехорошая, страшноватенькая мыслишка: а вдруг я в «патологической виртуалке» побывал? Ходят ведь среди виртуальщиков упорные легенды, мол, вошел сабж такой-то в виртуалку — и больше его никто не видел. Мол, виртуалка-то патологической оказалась. В патологической — все может случиться, «там чудеса, там леший бродит...» — в общем, четвертое измерение нашего мира. До сегодняшнего дня в эти сказки не верил. Лучше бы и дальше не верить.

Небоскреб на Тверской, офис Международной федерации виртуальных игр, все двери настежь, толпа народа, клубы дыма и мат-перемат. Забавно. Я сразу к Пашке, в комнату с табличкой «Вторжение». Там сидят трое, включая Пашу. Одного знаю — Емельян Ермолаевич, вице-комиссар российского отделения федерации. Второго представляет Пашка:

— Климент Осипович Чарджоу, инспектор Комитета охраны электронных сетей.

Ого! Уже и «шишки» пожаловали. Круто.

— Ага, шлем принес! — Пашка вроде обрадовался, но выглядит, конечно, неважнецки. — Давай сюда.

Шлем принял инспектор — сухопарый интеллигентик, технарь подсоединил к своему ноуту. Пробежал пальцами по клавиатуре, настроил канал; на эк-

ран стала выводиться запись охоты. Все это он проделывал молча, быстро, уверенно.

Смотрим, слушаем. Лихо это я там, в подворотне.

Инспектор хмыкает и подключает анализатор голоса. Просит Пашку повторить то же самое, что и липовый Комиссар, в микрофон. Анализатор сравнивает гармоники — совпадение на девяносто процентов, то есть в пределах погрешности — у братьев-близнецов обычно семьдесят пять, объявляет инспектор.

Картинка, по заверению Пашки, идеальная: это его игра, его логика — натуральное «Вторжение». А система-то висит, все игры с утра висят.

Емельян чешет лысину:

— Мы, Иван, здесь полагаем, что имеет место несанкционированное вторжение хакеров. Да, понимаешь, беда в чем. Боевые игры все на учете у Министерства обороны, защиту на них ставят сами военные. Потому как такие игры сопряжены с риском для здоровья, а их модификации используют военные в качестве тренажеров. Такие дела...

Инспектор отодвигает ноут и поворачивается ко мне. Смотрит молча — чего-то от меня хочет. А я-то тут при чем? Я свое отыграл — теперь как-нибудь без меня разбирайтесь. И Пашка тоже смотрит как-то выжидающе. А душка Емельян нарочито помалкивает и прячет взгляд.

— Ну? — спрашиваю.

— Имеются два варианта, — говорит наконец инспектор. — Первый: искать хакеров силами нашего Комитета, что, само собой, уже осуществляется. Второй: использовать ваш аватар, раз уж хакеры его активизировали.

Только этого мне не хватало. А ну как это не хакеры никакие, а самая что ни на есть патологическая виртуалка? И ведь вслух не скажешь — на смех поднимут.

— Гм, там стреляют...

Инспектор вскидывает брови. Ему мои переживания непонятны — не бегал, не воевал, ни разу не бывал убит... Что-то я не о том думаю.

— Ты, Нюха, не дрейфь, — понимающе вставляет Пашечка, — мы все предусмотрели. Подключимся к твоему чипу — всю виртуалку будем видеть здесь, на наушники микрофоны навесим — послушаем твоими ушами, что тот гад станет тебе вещать. И поставим на блок питания радиовыключатель — если что, сразу тебя вырубим.

— Ваша задача, — говорит инспектор, — вступить в диалог с виртуальным Комиссаром и поддерживать диалог как можно дольше. А мы будем отслеживать источник сигнала.

— Эх... — неопределенно произносит Емельян Ермолаевич.

Будем считать — подбодрил, и на том спасибо.

Ну не с ходу же туда нырять. Попьем кофейку, выкурим сигаретку. А заодно убедим себя, что это сволочи-хакеры, чтоб их черт задрал. И что с моей героической помощью их сейчас изобличат и изловят.

Коса времени неумолима — пора облачаться. Мужики суетятся вокруг меня, как три наседки вокруг одного цыпленка. Проверяют аппаратуру. Пашка хлопает по плечу:

— Ты прямо как первый космонавт!

— Ага, — отвечаю, — в патологическую галактику.

Пашка не понимает, о чем я, однако улыбается. А может, и понимает, но при этих двоих обмолвиться о таком себе не позволит.

Все оттестировано, в общем, пора. Едем в Измайловский парк. Место действия теперь диктуем мы. Выбираем лужайку. Хорошо, людей, считай, нет. Значит, все местные будут фантомы.

Итак, запускаюсь. Темнота. Голос соседки. Вернусь — вытру его к чертовой бабушке. Сейчас пойдет системный голос, мол, аватар активизирован. Ан нет, сразу Комиссар — внаглую чешут, гады. Имеется и

картинка — березовая роща; березы какие-то не древесные, текучие, будто жидкие.

— Вот ты и вернулся, Хромой Сикх. Ждали.

— Да ну? С кем я имею дело? Ты же не Комиссар.

— Значения не имеет.

— Ну, предположим. Так что, поговорим или сразу воевать?

— Неважно.

— Опять двадцать пять. Да кто же вы такие, в конце концов? Хакеры, надо думать?

— Хакеры — это ваше, нам дела нет. Мы иные.

Стою, мозгами ворочаю, что-то сообразить пытаюсь. Почему-то прозвучавшее «иные» ассоциируется с «иными» из «Вторжения». Неужели и в самом деле патология — есть четвертое измерение, и «иные» взяли там, то есть здесь, власть в свои руки? Не надо об этом думать. Но все же? Если так, то что?

— Значит, вы «иные»?

— Я сказал.

— Слушай, такой вопрос: что со мной будет, если вы меня здесь замочите?

— Ты наконец исчезнешь. Слишком многих из нас ты отправил в инфрачастотный мир.

Во, уже теплее. Это уже что-то. Значит, они и в самом деле существуют вне системы. Потому система и может висеть сколько угодно — им до этого дела нет. А как же они с ней связываются?

— Выходит, вы вне системы. Тогда как вы с ней связаны?

— Мы везде и в ней при желании. А ты обречен.

— Э нет, ребята. Вы наблюдаете аватар. Ну, прострелите вы его. Но я-то останусь как был. И потом, аватар хранится в системе. Если вы его запорете, мы восстановим...

— Нет. Ты исчезнешь. Аватар — только оболочка. Пока ты уходил в свой мир, он пустой лежал в Хранилище. А нам нужен ты.

У меня встали волосы дыбом. Похоже, я и стану тем сабжем, что ушел и не вернулся.

— Сперва достаньте, гады.

— Приступаем...

А хрен вам! Меня отключили!

Стою на той же лужайке. Невдалеке фургончик Комитета. Вышел Паша, помахал — иди сюда, мол. Подхожу.

— Ну что? — спрашиваю.

— Залазь.

Инспектор с помощником сидят у компьютеров. Молчат, лица вытянутые, задумчивые.

— Что, ребята, — говорю, — засекли?

— Виртуальный сайт, — сообщает помощник.

— Так в чем проблемы? — я этих тонкостей не понимаю. Я — охотник, виртуальщик, а не системщик.

— Послали запрос — сайта нет.

— Так есть или нет?

— Имя есть, сайта нет. И тем не менее ты в нем только что был.

— А чего это они говорили, что я исчезну помимо аватара? Что они имели в виду? И кто они?! Ну?!

Инспектор не обращает на меня внимания, долбит себе по клавишам — видно, со своей конторой разговаривает. Помощник беспомощно пожимает плечами.

— Видишь ли, Иван, — вздыхает Паша. — Имеется еще кое-что. Мы тебя по ходу дела вешали дважды.

— На каком это суку?

— Твою локальную систему, говорю, что с бабьим голосом. Заметил что-нибудь?

— Нет...

— И мы не заметили. Как шел поток видеобитов, так и шел.

— Понимаю так — с хакерами облом?

— Правильно понимаешь, — говорит Паша.

Помощник кисло улыбается.

— Паша, — говорю, — а что, если это то самое — патологическая?

— Я об этом подумал, еще когда ты по мобильнику звонил.

— Ну и?..

— Парни, — сообщил как великую новость помощник, — есть еще такая возможность. Кто-то успевал перехватить наши команды на свой чип.

— Значит, все же хакеры?

— Не-е. Мы же вне сети с тобой работали...

— Так, — повернувшись от дисплея, заговорил инспектор самым что ни на есть официальным тоном, — совершенно официально требую от всех присутствующих соблюдать режим полной секретности.

— А что, — спрашиваю, — вы с подобным уже встречались?

— Это закрытая информация.

— Что ж, если я больше не нужен, отвезите меня домой.

— Наверное, вы еще нужны.

Ого! Вопросительно смотрю на Пашу. Тот виновато разводит руками. Нет, ребята, так не пойдет. Сгинуть в иных измерениях я не желаю.

— Я отказываюсь. Я полагаю это небезопасным для себя. Я это, ребята, серьезно. И целуйте в задницу вашу закрытую информацию.

Комитетчики переглядываются.

— Ну, хорошо. Что вы хотите узнать?

— А что вы, черт возьми, знаете?!

— Немного. Есть гипотеза...

Ага, расколол я вас, господа комитетчики. Видать, без меня никак.

— Все-таки это гребаное виртуальное измерение?

— Хотели слушать, так не перебивайте. Есть гипотеза, что мы имеем дело с полевой цивилизацией. Они узнали о нас, когда на планете заработал первый радиопередатчик. С тех пор, очевидно, и присутствуют. До некоторого времени они контактов с нами не имели — не было обратной связи. Или имели — в виде морзянки, но это так, мелочь.

— А откуда они взялись?

— Какая разница. Они же и сами вам так сказали. Может, всегда здесь были, а может, летают себе по космосу...

— Ага... — ничего не понимаю. — Ну и что теперь?

— Теперь? Теперь виртуальная реальность соединила наши цивилизации. Возникла обратная связь. Вы вот там стреляете — а они, понимаете, гибнут, то бишь, как это они сами говорят — «отправить в инфрачастотный мир». Надо полагать, что и на нас через виртуальное пространство они могут подействовать. Мир наш настоящий, очевидно, воспринимают, хотя бы через приборы шлемов.

— Как это — подействовать?

— Да вот, к примеру. Известны случаи воздействия через обыкновенный телевизор. Проводили соответствующие исследования.

— Кто воздействовал? Эти?

— Да нет, ну что вы. Соответствующие ведомства, наши, человеческие. Но то телевизор. У виртуального шлема возможности психокодирования, очевидно, намного выше. Так закодируют вам мозг, что... В общем, возможность такая не исключается.

— Паша, ты в пришельцев веришь? Говорили ведь, что мы одни во вселенной, а?

— Смотря кто говорил, — уходит от ответа Паша.

— И ты в это веришь?

— Но ведь ты с ними сам общался, — уже почти оправдывается Паша.

— Чтобы вам было понятно и чтобы вы отрешились от ваших сказок про виртуальные измерения, скажу вот что. Мы, то есть наши предшественники, обнаружили высокоструктурированные недиссипирующие электромагнитные сигналы еще в семидесятые годы прошлого века. Тогда, как вы понимаете, никаких глобальных сетей не было. Даже об Интернете писали только в фантастической литературе.

— Ребята, вы меня сделали. Значит, серьезная наука говорит, что они есть? Значит, «Вторжение» — и в самом деле вторжение?

— Какие у них планы относительно нас — это и необходимо выяснить. Прямых контактов с ними до вас не было. И будут ли после вас — неизвестно. Такое ощущение, что они склонны прибрать Мировую Сеть к рукам. Или у вас другое ощущение?

— Может, им только военные игры не нравятся? — спрашивает Паша.

— Может быть. Чувствуете, Иван, какая вырисовывается ситуация? Я, само собой, не могу вам приказать, потребовать, заставить. Дело это добровольное. Но вы действительно как первый космонавт.

То есть на что намекаете, господин инспектор? Ведома мне эта гипотеза: Гагарина инопланетяне забрали через ими же подстроенную катастрофу, потому что как первый он им и был интересен.

Возражать надо.

— Я возражаю. Категорически. Какой, к черту, контакт, когда они меня, только я виртуализируюсь, замочат? Этот мне ясно сказал.

— А вы им попробуйте сдаться. Насчет психокодирования, не забывайте, это всего лишь наше предположение. И главное — кнопка отключения питания в наших руках.

Все так, положим. Нет, надо время тянуть.

— А что, — говорю, — нельзя ли контакт на завтра перенести? Дело ведь ответственное, здесь высокая комиссия требуется, контроль, чтобы я там чего лишнего не ляпнул...

— Нет, — говорит, — ждать нельзя. Неизвестно, что у тех на уме. Могут закрыть доступ к вашему аватару в любой момент. Вы — наш единственный верный шанс, и у нас на счету каждая секунда.

— В самом деле, Иван, — снова встревает Пашка, — это же контакт цивилизаций! Если договоримся — такие возможности, такую игруху закатить мож-

но будет! «Мы и иные. Встреча цивилизаций!» Я потом внукам рассказывать буду, что с тобой знаком был.

Ага, и к моему памятнику цветы возлагать. Но тут у меня что-то такое взыграло. Наверное, потому что и в самом деле в свою миссию поверил. Ладно, профи я или не профи? Это была моя игра, и я ее доиграю. В подворотне вон они меня вшестером сделать не смогли. Отстыковываю разъемы пушки, снимаю ее с плечевого гнезда и кладу на стол перед Климентом Осиповичем Чарджоу. Беру «глобус». Помощник на меня смотрит как на святого. Сейчас расплачется от умиления. Черт, все это сильно напоминает мне лихое американское кино.

На этот раз все еще проще — никакого тестирования, никаких системных голосов, наверное, все это инопланетяне просто эмулировали, — едва включился, сразу оказался в декорациях. Красиво.

Мостовая с деревянным настилом, особняки с парадными, башенками, балкончиками, во дворе каждого — сад с беседкой. Впереди, за бондарной мастерской и кузницей, — базар с телегами, полными яблок. Оттуда доносятся визг и ор поросят, кудахтанье кур, там же всякая другая птица и скот. Телеги с мешками, возы сена, там же гончары со своими глечиками. В рядах всякие разносолы и живая рыба. Имеется шелковый ряд и, кажется, ювелирный.

Вспоминаю, как в «Мизере», за тем же пивом, Пашка рассказывал, что в национальном отделении федерации разрабатывают виртуалку в старорусском стиле. Значит, и сюда уже забрались инопланетяне.

Что-то они затаились. Сейчас возьмут и без долгих слов расстреляют.

— Эй! Вы! Я без оружия, видите?!

— Теперь нам нет дела до оружия, — отвечает новый голос.

— Я сдаюсь! И как представитель человечества предлагаю вступить в переговоры. А? Пашка, что дальше делать? — это я уже нашим.

— Подождем, — ага, Климент Осипович, хладнокровный.

Стою, жду. Коровы мычат на рынке, солнце вовсю жарит — чувствую, как по спине пот течет. Солнце-то настоящее, а вот что-то потянуло в тень виртуальных лип. Устраиваюсь на резной лавочке в палисаднике. Посидел, набрался наглости:

— Эй, ребята, инопланетники! Вам что, с представителем человечества не интересно?

— Мы заканчиваем вторую виртуализацию. В контактах нет необходимости.

— Э, ребята, так не пойдет. Зачем тогда на меня охоту устраивали?

— Тогда еще была первая виртуализация, ваша. Теперь мы от вас независимы.

— Подробнее, подробнее выспрашивай, — зашипел в микрофоне инспектор Чарджоу.

— Мнэ-э... А если поподробнее? Вот, к примеру, вы и в самом деле электрические? И что такое вторая виртуализация? И чем она отличается от первой?

— Первую производите вы. Мы нашли ваши виртуальные миры, они нам понравились, мы решили их заселить.

— Как это?

— Принять и использовать форму всех обитателей, деревьев, механизмов, сооружений — всего, что есть. Использовать созданные вами законы. Это очень необычайно. Нам это нравится. Но вы не только производите виртуальность, вы ее используете.

— Ну и что? Разве мы вам мешаем?

— Когда я был грузовиком, я не мог сам выбирать режим движения. Поэтому нам нужна виртуальность, к которой у вас доступа нет. Мы сейчас взяли под контроль все ваши чипы в сети и отображаем первую виртуальность на наши полевые носители. Скоро все закончится.

— Постой, — соображаю, — но первая виртуальность вам все же нужна?

— Только как источник новых миров, которые вы будете продолжать разрабатывать.

— Хорошо, а если мы обесточим наши сети?

— Обесточите, а потом включите. Миры снова возникнут — мы их опять отразим.

Паразитировать на нас вздумали? Ну ладно. Дальше о чем с ними разговаривать?

— Так я не понял, на меня зачем охотились, если убить не хотели?

— Для тебя, Хромой Сикх, предусмотрена иная судьба. Помнишь подворотню и созданный нами секретный проход? В тот момент мы решили изменить твою участь.

— Э-э, так не пойдет. Что за участь? Вы о чем?

— Узнаешь в свое время.

— Отключайте, мужики! Пашка, вы что там, спите? Со мной что-то сделать хотят!

Не слышат наши. А инопланетянин говорит:

— Уже сделали, когда ты в парке на скамейке сидел. Все, вторая виртуализация завершена. Отсоединяемся от вашей сети.

И возникла перед глазами темнота отключенного экрана. Голос соседки услужливо сообщил:

— Критическая ошибка в системе устранена. Начинаю тестирование.

— Да ну тебя, — говорю и снимаю «глобус». Приехали.

Оказывается, далековато ушел я от нашего фургончика. Занесло в самую чащобу, в заросли ежевики. И как теперь ориентироваться? Стою, лесные ароматы обоняю, думаю. И чем больше думаю, тем обиднее мне становится. Это что ж за контакт такой выходит? Мы им — миры. Они это аккуратно на носители свои полевые, а взамен — шиш. Самое обидное тут, что мы ж не остановимся, каждый день игруха за игрухой тестируеся, одна другой забористей. И тебе стратегии, и тебе квесты, и копьютеризации фильмов, и интерактивации книжек, и гиперролевки. И все это

инопланетники утянут. Мы им, значит, все, а они нам, значит, — ничего. Несправедливо получается. Потому что копирайт — он на любой интеллектуальный продукт копирайт. А тут не шутка, тут — человечество обворовали. И дальше обворовывать будут. А я, Хромой Сикх, всегда пиратов да хакеров люто ненавидел. Хоть бы и межгалактических или какие они там на самом деле.

И поклялся я себе, что мегапиратов этих еще прищучу. Уж не знаю как, но прищучу. Они мне по полной заплатят. Не будь я Хромой Сикх, лучший охотник «Вторжения»!

— Нюха! Ты где? — Ага, меня в лесу ищут.

— Ау! — ору. — Вот он я! Живой!

И напролом через заросли на голоса.

Как хорошо видеть знакомые, человеческие лица. Никакого инопланетного подвоха ждать не надо, все свои, земляне!

— Вот, — говорю инспектору, — задание выполнил! Теперь что?

— Получено сообщение — работа Мировой Сети восстановлена.

— Так что, не только игры висели?

— Не только...

— Здорово. Значит, все под контролем, чипы опять в наших руках? Ну и что с этими инопланетянами дальше делать?

— Это будут решать.

— Мавр сделал свое дело, — вспомнил я полузабытую цитату из старика Вилли, — мавр может идти?

— Вы должны подписать обязательство о неразглашении. Вы и вы, — кивает Чарджоу Паше.

Идем к фургону. Пашка пустился в фантазии:

— Теперь придется полевую защиту на все электронные блоки ставить. Какие-нибудь электронные экраны или электромагнитные ловушки. Жаль, что они постоянный контакт с нами поддерживать не хотят.

— Ага, — говорю, — а как быть с телевизорами?

— При чем тут телевизоры?

— Вон инспектор рассказывал, что можно через изображение воздействовать.

Молча шагавший помощник инспектора вдруг произносит:

— А на мозг какую защиту ставить?

— Это зачем? — искренне недоумевает Паша.

— Нейронные токи — та же сеть. Странно было бы думать, что они этого не видят... А миры, порожденные непосредственной фантазией мозга, принципиально, критично отличаются от миров компьютерных игр. Осталось научиться правильно подхлестывать этот мозг! — Помощник мечтательно улыбается.

Какая-то нехорошая мысль зашевелилась у меня, но додумать ее я не успел. Глянул на помощника, хотел переспросить — а у того с лицом что-то неладное творится. Как вскипит вдруг! И вместо лица — рожа невиданная. Стоит передо мной Кощей, и пейзаж вокруг такой старорусский-старорусский...

Но как я справился с этой проблемой — уже другая история.

ПРАВО НА КРОВЬ

Десять утра, а в редакции уже пахнет так, словно здесь провел веселую ночь взвод гренадер-гвардейцев, ни в чем себе не отказывая. Смесь паров алкоголя, табачного дыма и дешевых женских духов. Последние, впрочем, не особо выделяются — наши редакционные дамы в этом отношении солидарны с мужчинами и всегда предпочтут табак и виски парфюму. И не потому, что все из себя такие продвинутые суфражистки. Просто в накуренной комнате работать все-таки можно, а вот там, где полчаса посидела какая-нибудь облитая с ног до головы духами по четыре гроша за флакон мадам Стефа с улицы Святых Горлиц, — уже нет. Сначала надо долго проветривать, невзирая на погодные условия за окном.

А не пускать мадам Стефу тоже нельзя, ибо ее вполне легальное, хоть и не слишком благонравное заведение каждую неделю из месяца в месяц размещает на страницах наших «Вечерних известий» рекламу по самым высоким расценкам. И минимум на четверть полосы.

Кстати, нынче за окном дождь.

Я не успеваю дойти до своего отдела уголовной хроники, как оттуда в коридор, словно грешник из адского пекла, вываливается коллега Зина. Узел галстука на боку, в углу рта окурок сигары, рожа небритая, глаза красные. Правая рука уже в рукаве плаща, левая делает попытку туда попасть, и видно, что попытка эта не первая.

— Грег! — с энтузиазмом восклицает он. — Наконец-то! Тут за тобой главный уже курьера хотел посылать. Но я сказал, что ты будешь с минуты на минуту. И оказался прав. Спас твою задницу, можно сказать.

Курьера. Никак не могу привыкнуть, что на весь город от силы три десятка телефонных номеров. Ко всему привык, а к по-черепашьи медленному распространению информации не могу. Поначалу из-за этого даже попадал в весьма неловкое положение. Говоришь, к примеру, вполне приличной барышне при расставании: «Ладно, пока, я позвоню». А она смотрит на тебя и не знает — то ли ты издеваешься, то ли шутки у тебя настолько дурацкие, что впору за них дать по морде. В заведении-то мадам Стефы как раз телефон один из первых в городе появился, и все об этом знают.

— Ты о моей заднице не беспокойся, — говорю. — Лучше свою голову побереги.

— А что моя голова? — настораживается Зина.

— А то, что, по последним данным медиков, винные пары разжижающе действуют на головной мозг.

— Вранье, — беспечно машет рукой коллега. Он уже попал в рукав, застегнул плащ и теперь полностью готов добежать под дождем до «Веселого репортера», где ему нальют первый на сегодня стаканчик.

Все правильно, десять часов и пять минут утра — самое время для первого стаканчика.

— Если бы, — продолжаю. — Да только я лично был третьего дня на вскрытии трупа Скалолаза в городском морге. Так у него, поверишь, не мозги, а чистый студень. Желе. Даже извилин почти не видно. Как пил Скалолаз, ты знаешь. Особенно последнее время.

Скалолаз был известнейшим в городе вором-форточником, способным по голой стене, цепляясь за малейшие выступы и русты, забраться с тротуара на крышу любого дома в городе. Ну, почти любого. Погиб он глупейшим образом — сорвался по-пьянке с узкого карниза пятого этажа во время попытки проникнове-

ния в богатую квартиру одного торговца мебелью, о чем я лично давал заметку в двести слов в позавчерашнем номере.

Несколько секунд Зина не сводит с меня воспаленных глаз, стараясь определить, разыгрываю я его или нет, и, не определив, удаляется по коридору в явной задумчивости. Вот и хорошо. Глядишь, и половиной стаканчика на сей раз обойдется. Хотя вряд ли. У всех репортеров всех трех городских газет особым шиком считается выполнять свои профессиональные обязанности подшофе и при этом не допускать фактологических, грамматических и стилистических ошибок. Не говоря уже о том, чтобы задержать материал или не сдать его вовсе. Помнится, к подобному стилю работы мне тоже пришлось привыкать долго. Только таблетками алкокиллера и спасался. Да и сейчас без него никуда, чего греха таить.

Сворачиваю к главному.

Наш секретарь Фелиция, не выпуская из зубов папиросу, работает за пишущей машинкой, как толковый пулеметчик времен Первой мировой за «максимом». Татата-тататата-та, татата-тата — разносятся по приемной скупые и точные очереди ударов по клавишам.

— Привет, Фелиция!

— Привет, Грег. У себя.

Дверь в кабинет главного раскрыта, но я все равно стучу.

— Кому там жить надоело? — вопрошает хриплый баритон из глубины кабинета, и по этой фразе я сразу понимаю, что настроение у главного рабочее, можно общаться.

Вхожу, не снимая плаща и шляпы. А зачем, если сейчас наверняка снова под дождь?

— Дверь закрой и садись, — командует главный.

Закрываю, прохожу, сажусь, сдвигаю шляпу на затылок, умеренно демонстрируя независимость.

— Записывай, улица Кожевников, дом семь, квартира четыре, второй этаж, вход со двора.

Достаю блокнот и карандаш. Я запомнил адрес, но все равно записываю, это профессиональное.

— И что там? — спрашиваю. — Убили кого-то?

— Семью, — пожевав губами, сообщает главный. — Вроде бы. Семь... нет, уже восемь минут назад мне наш человечек из городской полицейской управы позвонил. Обходится недешево, но отрабатывает честно. Так что давай отправляйся, и жду от тебя пятьсот слов в номер. На первую полосу.

— Пятьсот? — удивляюсь. — Не много? Или вы чего-то не договариваете?

— Убита семья из пяти человек, — веско говорит главный. — И не какая-то шелупонь с Овражной, вполне уважаемые люди, честные налогоплательщики. Муж, жена, трое детей — мальчик и девочки. Четырнадцать, десять и семь лет. Мало тебе? Причем мне намекнули, что имеют место некие довольно необычные и даже весьма странные обстоятельства.

— Какие именно?

— Вот ты и разберись. И помни, до двенадцати материал должен быть в наборе.

— Эй! — возмущенно восклицаю я.

— Ладно, до половины первого, — милостиво разрешает главный. — Но это крайний срок и только для тебя.

А вы говорите, плащ и шляпа. Репортеру нашей газеты иногда папиросу спокойно выкурить некогда, не то что раздеться. Хорошо, что я не курю. Не могу себя заставить, хоть убей. Поначалу, конечно, удивлялись, а потом ничего — привыкли. В конце концов, не один я здесь такой, попадаются некурящие мужчины, хоть и редко. Опять же, сошло за безобидное чудачество, легкий бзик, без которого нет истинно творческой личности. А я, как любой нормальный репортер, просто обязан себя таковой считать. И, соответствен-

но, таковой меня должны считать окружающие. Иначе не впишусь в образ.

Сбегаю по ступенькам, выскакиваю под дождь, оглядываюсь в поисках дежурного лихача — обычно один или два ожидают неподалеку от здания редакции. До улицы Кожевников пешком минут десять, но время уже дорого. И дело не в том, что три часа до сдачи материала — это мало. Наоборот, за глаза. Просто знаю по опыту, что в таких делах важно идти по горячим следам, тут работа газетчика мало чем отличается от работы полицейского сыскаря.

Ага, вон и лихач нарисовался из-за угла.

Коротко свищу, машу рукой, вскакиваю в пролетку с поднятым от дождя верхом:

— На Кожевников и повеселей!

— Это к дому, где сегодня ночью три семьи зарезали?

Вот черти. Три семьи, надо же. Почему не четыре? Впрочем, наши таксисты ничем в этом смысле не лучше — всегда готовы выдать очередную сплетню на любую тему.

— Туда, — говорю. — Только не три и не зарезали.

— Ух ты, а сколько и как?

— Читай сегодняшний номер «Вечерних известий», не ошибешься.

— Так я и читаю, — охотно сообщает лихач. — Ни одного номера не пропускаю. Очень мне нравится, как вы пишете, господин Грег.

— Ты меня знаешь? Что-то я тебя не припомню, извини.

Он поворачивает ко мне молодое, улыбчивое, влажное от дождя лицо:

— Я недавно колешу, но уже два раза вас возил. Это третий. Меня Рошик зовут. Рошик Лошадник с улицы Глубокой.

Ишь ты, видать, и впрямь парню нравится моя писанина, раз так раскрывается. Не иначе, сам мечтает стать репортером. Что ж, какие только мечты не бро-

дят в юных головах. Я, помнится, примерно в его годы тоже хотел стать знаменитым поэтом. Слава богу, прошло.

Цокая копытами по мокрой брусчатке, гнедая кобыла резво свернула на Кожевников.

— Тпру-у! — осадил животное Рошик. — Приехали, господин Грег. Вас подождать?

— Пожалуй, не стоит. Неизвестно, насколько я задержусь. Держи, сдачи не надо.

— Спасибо. Если что, спросите на Глубокой Рошика, вам всякий укажет, где меня там найти. Доставлю хоть днем, хоть ночью. Куда надо и кого надо.

— Учту, бывай.

Вот он, дом номер семь. Три этажа, пять окон по фасаду, арочные ворота. Дом как дом, ничего особенного. Таких в городе сотни. Вхожу во двор, поднимаюсь на деревянную галерею второго этажа. Квартира номер четыре — третья дверь справа от лестницы. Приоткрыта, слышны негромкие мужские голоса.

Не стучась, вхожу. Бесцеремонность — важнейшее качество репортера, без которого в профессии делать нечего. По счастливой случайности данное качество не лишнее и в моей главной профессии.

В прихожей, развалившись сразу на двух стульях, дремлет пожилой вислоусый квартальный. Пусть дремлет. Неслышно прохожу в спальню, откуда и доносятся голоса.

Трое мужчин одновременно поворачивают в мою сторону головы. Всех троих я знаю. Сыскарь Яруч из городской полицейской управы (за тридцать, худой, с быстрыми серыми глазами), а также врач и фотограф оттуда же.

— Салют, ребята, — говорю как можно уверенней. — Надеюсь, я первый?

— Как всегда, — кривовато усмехается Яруч, пожимая мне руку. — Давно говорю, что тебе, Грег, с твоей прытью у нас нужно работать.

— Благодарю покорно, меня и в газете неплохо кормят, — отвечаю привычно. — К тому же на государственную службу у меня идиосинкразия. При всем уважении к службе.

— Что-что у тебя на государственную службу?

— Извини. Организм у меня ее не принимает. Что тут стряслось, поделитесь?

— Ты ж все равно не отстанешь. Как та идио... синкразия, — Яруч хоть и с запинкой, но точно повторяет незнакомое слово. — Смотри сам. Только руками ничего не трогай, и пятнадцать минут тебе на все про все. Два тела здесь, детские трупы в других комнатах. А я, пожалуй, выйду, покурю.

Два тела я заметил сразу, как вошел. Теперь посмотрел внимательней.

Мужчина и женщина на широкой семейной кровати. Видимо, муж и жена. Он в пижаме, на ней ночная рубашка в мелкий цветочек. Лица и кисти рук белые, как стена, ни кровинки. Лежат спокойно, укрытые по грудь одеялом, словно продолжают спать. Теперь уже вечным сном. Не старые еще, до сорока.

Оглядываю спальню. Следов борьбы и последующего грабительского шмона не видать. Пара ящиков дорогого туалетного столика не задвинуты до конца, и распахнуты дверцы платяного шкафа, но это наверняка Яруч шерстил — проверял, что пропало из ценных вещей. Крови тоже не заметно. Снова перевожу взгляд на мертвых. От чего они умерли? Стоп. А это что?

Подхожу ближе, склоняюсь над кроватью, всматриваюсь. На шеях трупов — небольшие круглые аккуратные ранки. По две на каждой в районе сонной артерии. Как будто... Фу ты, ерунда какая-то.

Вопросительно смотрю на врача.

— Да, — кивает он. — Первичный осмотр показывает, что смерть наступила вследствие большой кровопотери. Очень большой. Такое впечатление, что кровь... э-э... откачали. Как раз через эти раны.

— Или отсосали, — говорит фотограф, складывая штатив. — Хотя меня, конечно, никто не слушает.

— О черт, — говорю. — Вы это серьезно?

— Куда уж серьезнее, — отвечает фотограф. — Там, в комнатах, еще три трупа. С точно такими же дырками на шеях. Мальчик и две девочки. Они даже проснуться не успели, как и мама с папой. Вы знаете, что, по некоторым данным, вампиры не просто сосут кровь, а сначала через свои клыки, как змеи, впрыскивают специальное парализующее вещество, яд, который невозможно обнаружить современными лабораторными методами?

— Первый раз слышу, — говорю искренне.

Я и впрямь первый раз слышу. Зато прекрасно вижу, что фотограф напуган. И сильно. Хотя держится — профессионал как-никак.

— Такое возможно? — спрашиваю у врача. — Я не о вампирах, о веществе, которое нельзя обнаружить.

— Все возможно в наш сумасшедший век, — пожимает тот плечами.

— А когда примерно наступила смерть?

— Между тремя ночи и четырьмя утра.

— Самое глухое время.

— Да уж...

На мертвых детей смотреть не хочется, но я себя заставляю — мне нужно видеть и общую картину, и детали. Это не мои дети и даже не мой мир, но от этого не легче... Поспешно выхожу на галерею за глотком свежего воздуха. Квартальный в прихожей уже проснулся и, хлопая глазами, смотрит на меня.

— Посторонним запрещено, — произносит он голосом, в котором, впрочем, не чувствуется должной уверенности.

— Все нормально, господин полицейский, — сообщаю доверительно. — Мне можно.

На галерее Яруч курит уже вторую папиросу — затоптанный окурок первой валяется на дощатом полу. Под диктовку сыскаря я записываю данные погиб-

ших — имена, фамилию, возраст, род занятий. Обычная семья, не бедная, но и не богатая, пользовалась уважением соседей. Честные налогоплательщики, как сказал бы мой шеф.

— И что ты обо всем этом думаешь? — спрашиваю.

— Не для печати?

— Договорились.

— Тухлое дело. Ни следов, ни мотивов. Соседи ничего не видели и не слышали. Внизу, в дворницкой, собака живет. И та не залаяла. Дворник говорит, чужого чует за двадцать шагов. А тут — ноль, ухом не повела.

— Деньги, драгоценности, дорогие вещи?

— Все цело. Во всяком случае, на первый взгляд.

— Месть?

— Пока не знаю, — покачал головой Яруч. — Буду копать.

— А как преступник проник в дом?

— Судя по всему, через дверь. Но не с помощью отмычки. Или ему открыли сами хозяева, или у него был ключ.

— Вампир, я слышал, сам войти в дом не может. Нужно, чтобы его пригласили.

— И ты туда же, — вздохнул сыскарь. — Дешевой сенсации, что ли, ищешь? Не ожидал от тебя. Какие, на хрен, вампиры в наш просвещенный век? Я двадцать лет в угрозыске и ни разу не встречал никаких вампиров.

— Я тоже, но...

— Грег, — он посмотрел на меня глазами, в которых мерцала сталь, — я тебя уважаю, поэтому скажу один раз. А ты запоминай. Ни вампиров, ни оборотней, ни злых колдунов и ведьм, ни прочей мистической чешуи не существует. Всякое преступление совершает человек. Да, иногда оно бывает настолько чудовищным и запутанным, что впору поверить в сверхъестественные силы. Но это от слабости. Надо просто как следует напрячься и найти истинную причину и на-

стоящего виновника. И, поверь, виновником этим всегда окажется человек. Всегда.

— А как же нераскрытые преступления?

— Нераскрытые преступления — это те, на которые у полиции не хватило сил и времени.

— Или желания, — усмехнулся я.

— Или желания, — спокойно согласился он.

В редакцию я вернулся, когда часы показывали половину двенадцатого. На пятьсот слов у меня ушло тридцать шесть минут. Справился бы и быстрее, но не сразу удалось подобрать верную интонацию. Такую... одновременно интригующую и доверительную. С толикой сенсационности. Куда ж без нее. «Вечерние известия» газета солидная, горожане нас как раз и ценят за достоверность излагаемых фактов, но без перчинки все равно нельзя — тираж упадет.

Ровно в четверть первого заметка под заголовком «Загадочное убийство на улице Кожевников» ушла в набор, и я решил, что на сегодня поработал репортером достаточно. Пора было уделить внимание своим непосредственным обязанностям.

Средний обыватель уверен, что скауты Внезеркалья совершают переход из одной Реальности в другую исключительно ночью, чаще всего в полнолуние и только в нарочитых местах. В качестве последних сочинители беллетристики, а также сценаристы фильмов и видеоигр обычно выбирают горные ущелья, вершины и пещеры, поляны в дремучем лесу (с одиноким могучим дубом посередине), заброшенные промзоны, подземелья и храмы, развалины древних городов.

Доля истины в подобных представлениях есть. Но лишь доля. То, что поддерживает сюжет развлекательного чтива (по мне, так всякое художественное чтиво есть развлечение, просто у каждого читателя оно свое), фильма или игры, к жизни и работе скаутов Внезер-

калья в абсолютном большинстве случаев имеет мало отношения.

Начать с того, что перемещаться в иную Реальность можно когда угодно — ни ночь, ни полнолуние здесь приоритета не имеют. Точка перемещения — да, это важно. Хотя считается, что при наличии достаточно мощного генератора М-поля (от английского «mirror» — зеркало) попасть в иную Реальность можно откуда угодно. Скауты Внезеркалья предпочитают те места, где перемычка между двумя пространственно-временными континуумами наиболее тонка.

Я специально употребляю выражение «иная Реальность», а не «параллельная», как принято в средствах массовой информации и у некоторых специалистов-теоретиков. Иная Реальность. Так говорят все скауты Внезеркалья. Почему? Долго объяснять. Но если совсем коротко, мы считаем, что слово «параллельная» здесь совершенно не подходит. Не параллельные все эти Реальности. Ох, не параллельные.

Так вот, о нарочитых местах. Они же М-порталы. У каждого скаута они свои, проверенные и привычные. Далекие горные ущелья, заброшенные храмы и прочая экзотика попадается среди них крайне редко.

Лично я использую для этих целей обычную скамейку в уединенной части обширного парка, шумящего на склонах Крепостной горы практически в самом центре города. Каких-то три сотни лет назад парк был лесом, так что лесная поляна с дубом посередине, так и быть, имеет право на существование в произведениях наших сочинителей. А также для перехода у меня имеются две неприметные съемные квартиры в той части города, жители которой не любят задавать лишних вопросов. Равно как на них и отвечать. Кроме всего прочего, данные объекты удобны тем, что в моей Реальности они в точности такие же — скамейка в малолюдном парке и две съемные квартиры в старой части города. А то ведь бывает, когда ты, к примеру, включаешь генератор М-поля на

той же лесной поляне, а через полсекунды оказываешься посреди оживленной городской площади. Или — того хуже — поля боя. Причем бой как раз в самом разгаре. Бывали такие случаи. Особенно поначалу, когда профессия скаута Внезеркалья была страшно редкой и насчитывались в ней буквально единицы в каждой из трех-четырех самых развитых стран мира. Но потом — ничего, как-то приспособились, научились определять не только самые удобные, но и самые безопасные во всех смыслах точки перехода, набрались опыта, и дело пошло. Хотя риск по-прежнему велик. Недаром наша профессия считается одной из самых вредных. Гибнут-то скауты Внезеркалья не чаще, чем, к примеру, пожарные, — обучают нас очень серьезно, но само воздействие М-поля здоровья организму не прибавляет, а нервное напряжение и физические нагрузки иногда вполне сравнимы с теми, которые испытывают космонавты при выходе в открытый космос.

Дождь утих. С листьев еще вовсю капало, но небо поднялось заметно выше, и там даже кое-где образовались голубые проталины, дающие надежду на то, что погода вскоре наладится. Впрочем, понятие хорошей или плохой погоды в этом городе весьма относительно. Его мощенные камнем улицы, площади, скверы, парки и даже трущобы радуют в любую погоду. А в дождь особенно. Дождь здесь настолько привычное явление, что нисколько не мешает и даже наоборот — нескольких солнечных дней достаточно, чтобы ощутить его нехватку. Для восстановления целостности пейзажа, так сказать. Опять же добротный макинтош (не компьютер — плащ!) и шляпа из настоящего фетра, который в моей Реальности практически разучились делать, а также крепкие и удобные ботинки на толстой подошве исключают мысли о капризах погоды из разряда первостепенных. Если, конечно, вы не слишком изнежены и прихотливы.

Как я и предполагал, заветная скамеечка была пуста.

Я остановился рядом, бросил по сторонам нарочито праздный взгляд, расстегнул плащ, достал часы на цепочке (нужный поворот заводной головки, и циферблат превращается в дисплей, на котором отображаются данные от встроенного в часы сканера движения и много чего еще), спрятал их обратно в жилетный карман и одновременно включил генератор М-поля, замаскированный под обычный, хотя и весьма дорогой кожаный ремень.

Для постороннего наблюдателя это выглядит так, словно человек просто исчез. Только что он был, и вот его уже нет. Ни вспышки, ни звука. Был, говорите? Человек? Вам показалось, сударь, бывает. Повышенное кровяное давление, знаете ли, и вечная наша нервотрепка. Советую прогулки перед сном, чай с молоком и медом и никакого коньяка. Ладно, одну рюмку после обеда можно. Но только одну.

Воздух, запахи — вот что в первую очередь отличает одну Реальность от другой. Опытному скауту и оглядываться по сторонам не надо, чтобы понять, где именно он находится. Я и не оглядывался. Вдохнул пропахший родиной воздух и зашагал по тропинке вниз, в город.

Это был уже совсем не тот город, который я только что покинул. Хотя во многом и похожий, не отнять. Особенно своей центральной исторической частью. Но думать, что город, по сути, один и тот же, только разнесенный во времени лет на полтораста и существующий в иных Реальностях, — ошибка. Точнее, мне кажется, что это ошибка, я знаю, что многие считают иначе.

Добраться до Конторы — еще двадцать минут. Она расположена в вышеупомянутой исторической части, так что я даже такси обычно не беру, хожу пешком. Во-первых, потому что вообще люблю передвигаться пешим, когда никуда не надо спешить. А во-вторых,

только во время пешей прогулки можно заметить и адекватно оценить степень различия двух городов. Это всегда полезно — быстрей адаптируешься.

Домой, чтобы переодеться, я не заехал — не было времени. Так и явился в Контору — в длинном макинтоше и широкополой фетровой шляпе, ощутив на себе по дороге не один любопытный взгляд.

— Эпатируешь? — ласково осведомился шеф, когда я угнездился в кресле напротив.

— Обычное пижонство, не обращайте внимания. К тому же спешу.

— Дай угадаю. Деловая встреча, да?

— А если личная, это что-то меняет? — Я решил, что толика дерзости не помешает.

— Ну да, ну да, — кивнул шеф. — У скаута в иной Реальности всякая личная встреча является одновременно деловой. Ибо мы, скауты, изучаем иные Реальности во всех, так сказать, аспектах. Ты не представляешь, сколько раз я слышал эту песню.

— Есть претензии к моей работе? — осведомился я, приподняв бровь.

— А вот в бутылку лезть не надо.

— Вы первый начали.

— Да ну тебя к черту. Скажи лучше, как там в целом?

— Все нормально. Правда...

— Что?

Я подумал, не рассказать ли о сегодняшнем более чем странном убийстве, но решил, что пока не стоит. Мало ли кто, где, кого и каким способом отправил в иной мир. Кстати, интересно, этот самый иной мир один на все Реальности или для каждой свой? Есть заботы и поважнее.

— Нет, ничего. Рано докладывать. А может, и вовсе не о чем. Подожду.

— Как скажешь. Пожелания, предложения?

— Все в штатном режиме.

— Тогда вали отсюда, не мешай работать.

— С удовольствием. До скорых и радостных встреч.

— Пока.

Я уже дошел до дверей, когда шеф меня окликнул:

— Терехов!

Обернулся.

— В следующий раз все-таки изволь найти время и переодеться. Понимаешь зачем или объяснить?

Я понимал. Поэтому молча кивнул и вышел.

Так. Начальство начинает подозревать, что я слишком хорошо вживаюсь в образ. Сначала ты не переодеваешься, а потом начинаешь путать, где твоя родная Реальность, а где иная. Такие случаи бывали. Но у меня и впрямь мало времени, так что пошло начальство в задницу со своими подозрениями. Однако в следующий раз надо и впрямь переодеться, не хватало мне еще переаттестации.

Как всегда, начальство угадало, встреча была личная. Сугубо личная. И место для нее — кабачок «У старого Казимира» — я выбрал не случайно. Здесь редко случались шумные пьяные сборища и вкусно кормили.

Ирина пришла как раз в тот момент, когда я, устроившись за крепко стоящим на всех четырех дубовых резных ногах столом, ополовинил кружку пива и первый раз глянул на часы. Умница. Девушка должна опаздывать на свидание, но не слишком. Ровно настолько, чтобы у кавалера не успело возникнуть желание оглянуться вокруг в поисках возможной замены.

— Привет, — она улыбнулась, и я сразу забыл обо всем: странном и пугающем убийстве на улице Кожевников, необоснованных или обоснованных — неважно — подозрениях начальства и всех иных Реальностях вместе взятых. Была только Ирина, заманчиво мерцающие огни свечей в ее глазах, тихий смех, тонкие теплые пальцы, а потом, когда ужин остался в прошлом и мы пришли ко мне, — нежные губы, грудь, одинаково способная свести с ума четырнадца-

тилетнего мальчишку, зрелого мужчину и старика, жаркие бедра и волосы, пахнущие грозой, которая наконец наползла на город, залила его ливнем, ослепила всполохами молний и оглушила громовыми раскатами.

— Может быть, останешься до утра? — не в первый уже раз за время нашего знакомства попросил я.

Она только вздохнула и потянулась к одежде. Приличия, чтоб им. Незамужняя молодая девушка должна ночевать дома, иначе на ее репутации можно поставить крест. А замуж я Ирину пока не звал. По многим причинам, ни одну из которых нельзя было назвать легковесной. Одна моя профессия чего стоила. Не газетчика — та, другая.

Хотя прецеденты бывали.

Стив Хокер взял жену из иной Реальности, отставшей по времени от нашей минимум на тысячелетие. В итоге: самоубийство жены и психиатрическая лечебница для алкоголиков и наркоманов, в которой Стив пребывает вот уже два года и, говорят, без шансов на выздоровление.

Шарль Готье, порвавший чуть ли не все связи со своей знаменитой семьей ради того, чтобы стать скаутом Внезеркалья, учел ошибку Хокера. Он женился на девушке из иной Реальности, не только практически совпадающей с нашей на временной шкале, но даже из страны, похожей на его родную Францию, как одна сестра-близнец на другую. В результате молодая красавица-жена через полтора года сбежала к его двоюродному брату, который, в отличие от Шарля, был всецело предан старинному делу производства великолепных коньяков дома Готье.

И это при том, что получение разрешения на брак подобного рода связано с такими бюрократическими и прочими трудностями, каковые нормального разумного человека заставят скорее остаться холостым или подыскать себе жену дома, нежели решиться их преодолеть.

Как бы то ни было, а думать об этом сейчас я не стал. Ибо главный неофициальный принцип работы скаута Внезеркалья «не тряси, само упадет» как нельзя лучше подходил на сегодня к нашей с Ириной ситуации. А завтра посмотрим.

Домой я возвращался за полночь — после того, как проводил Ирину, заглянул в знакомый полуподвальчик на улице Кленовой, славящийся тем, что там подавали отличный недорогой ром и часто собирались местные художники, поэты и актеры, общение с которыми всегда примиряло меня с несовершенством и злом окружающего мира.

Неизвестно, как повернулись бы события, задержись я в душевном полуподвальчике дольше или, наоборот, уйди раньше на несколько минут. Но я ушел ровно тогда, когда решил уйти, а потому все случилось именно так, как случилось.

На Заворотной улице, по которой от Кленовой удобнее всего пройти к моему дому, людей и днем-то обычно мало, а уж ночью и вовсе встретить кого-то — большая редкость. Магазинов и питейных заведений здесь нет, а жители — в основном мелкие буржуа — спать ложатся рано. Поэтому я невольно обратил внимание на человека, который сначала шел мне навстречу по другой стороне улицы, а затем свернул в подворотню. Обратив же, заметил, что человек не прошел во двор, а остановился под арочным сводом подворотни, прислонившись к стене и слившись с густой тьмой, там царившей. Слившись для обычных глаз. Но скаутов Внезеркалья в числе прочего хорошо учат ночному зрению.

А доверять собственной интуиции мы учимся сами.

Поэтому, еще особо не задумываясь, что и зачем делаю, я свернул в похожую подворотню на своей стороне улицы, прошел вглубь, затем тихо вернулся, остановился в точно такой же густой ночной тени, в которой прятался незнакомец, и постарался стать невидимым.

Этому нас тоже учат. Кто такой скаут Внезеркалья? В первую очередь — наблюдатель. Наблюдатель же, если он действительно хочет увидеть важное, должен быть незаметен для тех, за кем он ведет наблюдение. И дело тут не только в умелой маскировке на местности, хотя маскироваться мы тоже умеем. Дело именно в том, чтобы стать невидимым для других. То есть войти в такое особое состояние души и тела, когда чужой глаз скользнет по тебе, как по пустому месту, и проследует дальше, не заметив. Это трудно, но возможно, и достигается путем долгих и утомительных тренировок. Но не всеми. Кому-то удается, кому-то нет. Мне в свое время удалось.

В полном молчании мы простояли около часа. Каждый в своей глубокой тени. Следовало отдать ему должное — оставаться совершенно неподвижным долгое время он умел. Наконец тень в тени шевельнулась. Скользнула в глубь подворотни и словно провалилась в стену. Ясно, поднимается по лестнице, больше ему некуда деться. Пересечь улицу — три секунды. Еще секунда, и я уже в другой подворотне, у лестницы, ведущей на второй и третий этажи.

Незнакомец поднимается очень тихо, но я следую за ним еще тише. Он не зажигает ни фонаря, ни спички, ни свечи. Я — тем более. Только луна, время от времени проглядывающая в прорехах среди туч, бросает скупой намек на свет в узкие, высоко расположенные окна на лестничных площадках. Но и этого намека мне хватает, чтобы снизу рассмотреть незнакомца, когда он останавливается ненадолго на площадке между вторым и третьим этажами. Останавливается и прислушивается. Я, разумеется, останавливаюсь тоже. На том, за кем я слежу, длинный темный плащ и широкополая шляпа, очень похожие на мои. При этом он явно выше меня ростом, его руки забраны в черные перчатки, а в едва слышном запахе, который он оставляет после себя, чувствуется странная сладковатая нотка, которую я не могу идентифициро-

вать. И это мне не нравится. Я говорил, что слух и обоняние скаутов Внезеркалья тоже развиваются специальными методами, и у лучших из нас не многим отличаются от обоняния и слуха средней дворняги? Говорю.

Ага, двинулся дальше, остановился на площадке третьего этажа. Здесь только одна дверь — видать, большая квартира. Снова замер. Прислушался, огляделся. Что-то достал из кармана — ключ, отмычка? — приступил к двери.

Хорошо, а если он тут живет?

Ну да. Зачем тогда час торчал в подворотне, ожидая, пока все уснут, и вообще таится?

Ладно, пусть не живет, пусть это вор. Тебе-то какое дело?

Угу, а то я не знаю местных воров...

Два замка, и оба он открыл совершенно бесшумно и быстро. Значит, все-таки ключи. Петли тоже не скрипнули.

Закроет обратно на замок или нет? Хозяин бы закрыл. И вор тоже, но лишь в том случае, если бы знал, что в квартире никого нет.

Не закрыл.

И тут я впервые понял, что ввязался в чертовски опасное дело, а оружия при мне — один перочинный нож, который я всегда ношу с собой. Правда, лезвие в нем отточено до бритвенной остроты и стопорится, но против серьезного противника это слабоватый аргумент. Впрочем, как применить. К тому же отступать поздно. Если там, за дверью, спит большая и счастливая семья, подобная той, о которой мне пришлось писать сегодня утром...

В тот момент, когда незнакомец проник в спальню и склонился над спящей четой, мне стало ясно, что ждать больше нельзя.

Как он почувствовал мое движение?

Не знаю, но почувствовал, обернулся и выбросил кулак, затянутый в черную перчатку, навстречу моему броску.

Встречный удар — ошеломляющая штука, поскольку скорости — в данном случае моей головы и его кулака — складываются, и энергия удара получается гораздо выше, чем если бы голова оставалась на месте, а двигался бы только кулак.

В правом глазу полыхнуло огнем, и я с грохотом рухнул на пол, кажется, сломав по дороге случайно подвернувшийся стул.

— А-ааа! — завизжала тут же проснувшаяся женщина. — Помогите-е! Воры-ыыы!!! Убивают!!!

Хорошая реакция, молодец. Но у меня тоже неплохая. Удар был силен, однако сознания я не потерял и успел заметить, как чужие плащ и шляпа исчезли в проеме двери, а посему с низкого старта кинулся вслед. Очень хотелось догнать гада и проверить, как держит удар он. И очень не хотелось объяснять перепуганной семье обывателей, почему известный репортер уважаемой городской газеты «Вечерние известия» оказался среди ночи в их квартире.

Четыре лестничных пролета я преодолел в четыре прыжка. Но мой противник, видимо, в два, потому что уже выскочил на улицу в то время, как я только-только пересекал двор.

Никогда не встречал столь быстрых воров. Я выкладывался на полную, но не мог сократить расстояние между нами ни на шаг. Так мы и мчались по пустому ночному городу — две молчаливые безумные тени в плащах и шляпах.

Знакомая пролетка показалась из-за угла как раз в тот момент, когда я начал терять дыхание и отставать. Очень вовремя! У меня еще хватило сил, чтобы вскочить на подножку:

— Достань его, Рошик!

— Сделаем, господин Грег, не уйдет! — весело оскалился лихач с Глубокой улицы и пустил лошадь в галоп.

Я повалился на сиденье, с хрипом глотая воздух. Кажется, пришло время серьезно задуматься о поддержании физической формы. Стареешь, Гриша? Сначала в морду безнаказанно получил, а потом потерпел явное поражение в спринтерском забеге. Скаут называется.

Подкованные копыта лошади высекали из булыжника искры, дважды свистнул кнут, подгоняя и без того резвое животное, но догнать незнакомца не получалось — он мчался, словно чемпион мира. Да нет, куда там чемпиону — быстрее! И скорости не снижал, его плащ по-прежнему мелькал далеко впереди.

— Кто это, господин Грег?! — обернулся ко мне лихач. — За кем мы гонимся, за чертом?!

— Быстрее можешь? — только и спросил я. — Дам на водку — хоть залейся, если догонишь.

— Я не пью, — бросил Рошик, привстал, по-разбойничьи свистнул и крикнул голосом, в котором удивительным образом слились жесткий приказ и нижайшая просьба: — Нажми!! Давай, родная, давай!!

И лошадь дала. Вцепившись в поручень, чтобы не вылететь из коляски, я видел, как мы выиграли сначала пять метров, потом десять, пятнадцать...

— Дав-вай!!! — надрывался Рошик.

Мы бы догнали его точно. Но тут город закончился, и начались предместья. С мощеной улицы, на которой хоть и редко, но попадались зажженные газовые фонари, небывалый бегун свернул на ухабистый грунтовый проселок, наполненный густой ночной тьмой, словно душа алкоголика похмельем, и моему вознице пришлось невольно придержать лошадь, а затем, когда проселок распался на два рукава — широкий и узкий, и вовсе остановиться.

— Дальше не проедем!

Я знал это место. Впереди — там, куда по узкой дорожке рванул незнакомец, был овраг, который местные жители называли Волчьим. По дну бежал ручей, а через сам овраг был переброшен узкий мостик. Человек или даже всадник пройдут-проедут. Лошадь, запряженная в коляску или телегу, — нет. Сразу же за оврагом стеной чернел лес.

Это было чистым безумием, но остановиться я уже не мог.

— Жди здесь! — бросил, соскакивая с пролетки.

— Господин Грег!

Я обернулся.

— Возьмите!

Он бросил мне темный продолговатый предмет, который, поймав, я опознал как классический обрез двустволки — с укороченными не только стволами, но и прикладом. Ай да Рошик...

— В левом — дробь, в правом — жакан!

Благодарить моего добровольного помощника — или сообщника? — не было времени, я уже бежал по узкой дорожке к оврагу.

Темный силуэт в плаще и шляпе мелькнул на другой стороне оврага и, свернув с дорожки, кинулся вверх по склону, к лесной опушке. Я не отставал, надеясь, что вскоре у меня будет преимущество. Бегать быстро и долго он умеет, спору нет.

А как у вас, сударь, с ориентацией в ночном лесу?

Оказалось, что не так уж и плохо. Догонять-то я его постепенно догонял, но не так быстро, как рассчитывал, и к тому моменту, когда мы выскочили на поляну, посредине которой — привет вам, кинематографисты и сочинители! — рос одинокий дуб, между нами оставалось шагов пятнадцать, не меньше.

«Эффективное расстояние для выстрела», — мелькнула мысль.

И тут незнакомец, словно уловив ее, впервые приостановился и обернулся, вскидывая правую руку.

Кочка, за которую зацепился мой ботинок, спасла мне жизнь.

— Да-нн! Да-нн! — дважды сверкнул огонь в его руке, но я уже падал, и обе пули прошли мимо.

«Ну, сука, теперь моя очередь», — кажется, успел подумать я, перекатываясь через плечо и нажимая на оба спусковых крючка одновременно.

Все-таки обрез охотничьего ружья — страшная вещь. На небольшом расстоянии, разумеется. Промазать я не мог и не промазал. От удара тело незнакомца отбросило назад, он упал, затем вскочил, шатаясь, сделал еще несколько шагов к дубу, словно хотел найти защиту под его кроной, затем остановился, качнулся и ничком рухнул в траву.

Я полежал еще немного, ожидая, пока мои зрение и слух придут в норму после вспышек и грохота выстрелов, затем встал и пошел к дубу. Трава — там, где свалилось тело, — не шевелилась. Готов? Замедляя шаг, приблизился. Так. Вот здесь он рухнул, точно.

И где же он?

Тела не было.

Примятая трава была, а тело, ее примявшее, отсутствовало. Уполз? Но где тогда следы? Трава на поляне довольно высокая, было бы видно. Не говоря уже о том, что сканер движения, тут же мною включенный, показывает, что в радиусе пятидесяти метров есть лишь одно крупное животное — я сам.

Итак, ни следов, ни тела. Ноль. Я сжег несколько спичек и внимательно осмотрел место падения — даже крови нет. Но я ведь в него попал, верно? Или все-таки промазал, а он, притворившись раненым и даже убитым, разыграл спектакль? Но сие, сударь мои, возможно лишь в двух случаях. Или мой противник все-таки скаут Внезеркалья и сейчас перешел границу между мирами, или он... не человек.

Первое предположение можно было бы проверить прямо сейчас, включив генератор М-поля (мой спецремень был на мне) и попытавшись совершить пере-

ход, но я уже слышал в отдалении хруст веток под торопливыми ногами Рошика Лошадника — парень не выдержал и решил прийти мне на помощь. Молодец, что ни говори. Даже неловко. Как бы то ни было, а эту проверку придется отложить. Что же касается второго предположения... Нет, даже думать об этом не хочется.

— Господин Грег! — раздался сзади голос моего храброго извозчика. — Вы где, господин Грег?!

— Здесь! — крикнул я, еще раз огляделся и медленно побрел по мокрой траве навстречу Рошику, ощущая, как с каждым шагом на меня наваливаются усталость и апатия — естественная реакция организма на те сверхусилия, которые этой ночью ему пришлось совершить. А может быть, я подспудно чувствовал, что с этой минуты все непоправимо изменилось и мне уже никогда не вернуться к прежней жизни? Как бы то ни было, в тот момент мне хотелось только добраться до постели. Что я и сделал, сообщив изнывающему от любопытства Рошику Лошаднику лишь одно:

— Он ушел. Не знаю, кто это был, но советую тебе держать язык за зубами. И я, пожалуй, сделаю то же самое. Целее будем.

— Обижаете, господин Грег, — сказал мне на это молодой извозчик. — Там, где я вырос, болтунов не любят. И вообще, я вам уже это говорил, можете всегда на меня рассчитывать.

«Особенно если не забудете щедро расплатиться», — цинично подумал я, а вслух расслабленно произнес:

— Спасибо, Рошик. После сегодняшних наших приключений ни секунды в этом не сомневаюсь.

Наутро в городе обнаружилось еще три человеческих тела, полностью лишенных крови. Через две ночи — два. Еще через ночь — одно. Всего за неделю — двенадцать случаев. Для города с населением в полмиллиона человек этого вполне достаточно, чтобы на-

чалась паника. Она потихоньку и начиналась. Массового исхода пока не наблюдалось, но ожидать его можно было со дня на день.

Телеграф исправно доносил в редакцию новости, гласящие, что и в других крупных и не очень городах по всему миру происходит то же самое: полиция находит трупы граждан, из которых кто-то или что-то высосало или выкачало всю кровь до капли. И это все, что может полиция. Ни малейших следов убийц обнаружить не удается. «Кажется, они приходят из ниоткуда, делают свое черное дело и уходят в никуда» — так писал я в одной из передовиц «Вечерних известий». Наша газета эти новости, разумеется, публиковала, добавляя местного колорита. Остальные редакции не отставали, стараясь переплюнуть друг друга в живописании жертв и количестве ядовитого сарказма, выплескиваемого в адрес городских властей вообще и полиции в частности. Тиражи росли, дух горожан падал.

Участились случаи душевных расстройств, самоубийств, изнасилований, ночных грабежей, разводов, немотивированной агрессии, пьяных дебошей и злостного хулиганства всех видов.

Слухи о неуловимых вампирах — провозвестниках Конца Света — и древнем Зле, очнувшемся после тысячелетнего сна, ползли по городу, отравляя даже скептично настроенные рациональные умы и наполняя страхом вполне мужественные сердца.

Церкви были переполнены.

Полиция валилась с ног, пытаясь хоть как-то удержать ситуацию под контролем. Поговаривали о скором введении в город регулярных армейских частей, усиленных дополнительным контингентом воинских священников, и установлении комендантского часа.

Я выяснил, что на пресловутой поляне с дубом и впрямь имеется удобный М-портал в нашу Реальность. Новый, никому из «наших» ранее не известный.

Однако проведенное доступными мне методами расследование показало, что коллеги-скауты ничего не знают о несанкционированном проникновении кого бы то ни было из нашей Реальности в иные и обратно. «Черные скауты», по их мнению, как были, так и остаются легендой, а тому, кто пытается доказать обратное, следует для начала просто взять отпуск. А если не поможет, обратиться к специалистам. Перерабатывать — вредно для здоровья. Особенно психического. И особенно это касается нас, скаутов. К тому же, как стало понятно из осторожных расспросов, ничего подобного тому, что наблюдал я, в иных Реальностях, где работали коллеги, не происходило. Следовало, вероятно, доложить обо всем начальству, испросив заодно совета и помощи, но что-то меня удержало. То ли чувство профессиональной гордости, то ли пресловутая скаутская интуиция. Как бы то ни было, доклад вместе с информацией о новом портале я попридержал до тех пор, пока не наберется достаточного количества доказательств. Чего? Этого я пока не знал.

А тут еще Ирина сообщила мне о своей беременности, чем неожиданно ввергла в безмерное счастье и в безмерное же беспокойство. Мог ли я сделать жизнь будущего ребенка и его матери хотя бы безопасной? Уверенности в этом у меня не было. Особенно в свете последних событий. Утешало до известной степени лишь одно: на ближайший месяц-два семья Ирины уезжала в свое деревенское имение — отдохнуть и переждать смутные и опасные времена. Ирина, разумеется, ехала тоже. Мы договорились, что через две недели я в любом случае к ней приеду, чтобы повидаться и решить наконец все накопившиеся вопросы.

Вот как раз вечером того дня, когда я проводил из города свою чертовски неудобную, но такую необходимую мне любовь, в дверь постучали условным стуком...

Единственный способ, с помощью которого начальство может срочно связаться со скаутом, находящимся на задании, — это послать курьера. Случается такое довольно редко, обычно для получения информации и отдачи соответствующих распоряжений достаточно наших обязательных появлений в Конторе, график которых распланирован и утвержден заранее. Но все же случается. И тогда скаут обязан бросить все, даже самые срочные дела, и незамедлительно выполнить тот приказ, который доставил вышеупомянутый курьер.

На пороге стоит молодой человек с приятной улыбкой и холодными светло-голубыми глазами. Раньше я его не видел, но это ни о чем не говорит.

— Удачно, что вы дома, — бросает он, проходя в квартиру и свободно усаживаясь в предложенное кресло. — Не нужно бегать по всему городу.

— Выпьешь? — предлагаю.

— Спасибо, но на работе не пью. Вот вернемся домой — с удовольствием выпью с Григорием Тереховым, это для меня большая честь.

Льстит. Зачем? Я, конечно, неплохой скаут, но не самый лучший. Не легенда. Или это обычная попытка новичка поскорее вписаться в Контору?

— Тогда к делу. Что у тебя?

Достает из внутреннего кармана сюртука запечатанный конверт и молча протягивает мне.

Вскрываю конверт, достаю лист бумаги, читаю:

«Григорий! Ты мне срочно нужен. Возвращайся вместе с курьером сразу же, как только получишь эту записку. Курьера зовут Вячеслав, он у нас новенький».

И размашистая, знакомая мне подпись шефа внизу.

— Что ж, — говорю, — Слава, приказ есть приказ. Подожди пять минут, я переоденусь.

Он согласно кивает головой, а я ухожу в другую комнату и прикрываю за собой дверь. Переодеваюсь, затем открываю тайный сейф, замаскированный под бар, достаю оттуда небольшой, но хороший револьвер местного производства, навинчиваю на ствол глушитель, проверяю наличие патронов в барабане — все семь на месте, — тихо взвожу курок и сую оружие в глубокий боковой карман сюртука. Чуть подумав, во второй карман кладу нераспечатанную пачку патронов. Не уверен, что поступаю правильно, но шеф никогда не присылает подобных записок, отпечатанных на принтере. Он пишет их от руки.

Дьявол, кажется, я сделал ошибку, придержав свой доклад...

Когда мы выходим из дома, уже окончательно темнеет. На тротуарах загораются газовые фонари, и снова накрапывает дождь.

— Как пойдем? — спрашиваю небрежно. — Через Крепостную гору или Волчий овраг?

— Я прибыл через Крепостную, — отвечает он. — Это и ближе, и удобнее, по-моему. Но как скажете, можно и через Волчий.

Значит, про М-портал у Волчьего оврага он знает. А я ведь не говорил о нем ни единой живой душе. Ну-ну.

Дождь усиливается по мере того, как мы приближаемся к Крепостной горе, разгоняя с улиц и без того редких прохожих. Это удачно, думаю я, дождь — союзник скаута, он помогает скрыть и скрыться. Он смывает следы.

Вот и знакомая лавочка. Расстегиваю плащ, достаю из жилетного кармана часы на цепочке, гляжу на сканер движения. Никого, как и следовало ожидать. Только мы трое: я, тот, кто пришел за мной, и дождь.

Последняя проверка.

— Ты первый, — говорю.

— Только после вас, — отвечает он вежливо. — Это вопрос уважения.

Молча поворачиваюсь к нему спиной, делаю три шага к центру М-портала, на ходу прячу часы-сканер, опускаю правую руку в карман сюртука, нащупываю рукоять револьвера...

Сейчас.

— Послушай... — оборачиваюсь.

И сразу же, не вынимая револьвера из кармана, стреляю.

То есть мы стреляем одновременно.

Но я все-таки на долю секунды раньше. Ровно на ту микроскопическую долю, которая спасает мне жизнь.

У его пистолета тоже глушитель, два хлопка сливаются в один, я чувствую, как сорванная с головы чужой пулей слетает шляпа, и почти вижу, как моя пуля попадает точно туда, куда я и стрелял, — в правую сторону его груди.

Он падает, его рука тянется к поясу, но я успеваю раньше. Три секунды, и пояс курьера — или кто он там на самом деле — с встроенным генератором М-поля сорван и отброшен в сторону, а срез глушителя моего револьвера упирается Славе под подбородок.

— Теперь поговорим, — предлагаю. — Кто тебя послал?

— Это бесполезно, — говорит он. — Я все равно ничего не знаю. Мне просто заплатили.

— Кто?

— Работодатель.

Быстро отвожу револьвер, стреляю ему в ногу.

— Сука!!!

Шуми, дождь, шуми.

— Местная полиция сюда не явится, и не мечтай, — сообщаю. — Она и раньше-то не отличалась особым рвением, а уж в нынешние времена... У тебя два выхода. Первый: ты продолжаешь вешать мне

лапшу на уши, и тогда я прострелю тебе сначала вторую ногу, потом руку и так до тех пор, пока ты не истечешь кровью и не сдохнешь. И второй: ты рассказываешь все, что знаешь и о чем догадываешься. В этом случае останешься жив. Хирурги в этом городе хорошие, и как раз один, которого я знаю, живет неподалеку.

— Тебе все равно конец...

Отвожу револьвер...

— Не стреляй! Не стреляй, хватит!

— Докажи, что мне не нужно это делать.

Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее он начинает говорить. Вещи, о которых рассказывает «курьер», плохо укладываются в голове, но почему-то я ему верю.

Это началось около четырех лет назад. Некая глубоко законспирированная межгосударственная организация, обладающая серьезнейшим влиянием и неограниченными средствами, в обход Конторы провела ряд тайных медицинских исследований. Чем они были инспирированы и с какой целью проводились, неизвестно. Известно только, что все исследования были напрямую связаны с людьми, населяющими иные Реальности. Люди из иных Реальностей выступали в качестве подопытных кроликов. Без всяких иносказаний.

Помимо всего прочего, выяснилось следующее. Кровь, текущая по артериям и венам людей этого мира, мира, в котором я работаю под личиной репортера городской газеты, мира, в котором живут мадам Стефа и ее девочки; вечно поддатый и недалекий коллега Зина; секретарь редакции Фелиция; наш циничный и толстый главред; Рошик Лошадник с улицы Глубокой; сыскарь городской полицейской управы Яруч; мои приятели, художники и поэты; завсегдатаи веселого

полуподвальчика на Кленовой улице; моя Ирина и ее родители; десятки и сотни тех, кого я знаю или когда-либо видел на улицах этого любимого мною города, и миллионы и миллионы тех, кого я не знаю и никогда не увижу, живущих в других городах и селах, других странах, на других континентах, кровь всех этих людей обладает фантастическим свойством. Будучи полностью выкачана из человека и перелита до капли обитателю моей родной Реальности, она не только излечивает абсолютно все болезни, но и омолаживает организм, возвращая его в самый расцвет молодости. Неважно, сколько человеку лет — сорок, шестьдесят или семьдесят пять. Одно переливание, и ему снова двадцать два.

— Значит, тебе... — догадался я.

— Было пятьдесят девять. Теперь — сам видишь.

— Ты наемный убийца?

— Я просто, как и ты, выполняю свою работу. За деньги.

— Как называется эта организация?

— Этого не знаю, клянусь. Да и какая разница, сам подумай? Любое правительство любой страны, да вообще кто угодно пойдет на любое преступление ради получения доступа к этой технологии. Всем хочется быть молодыми и здоровыми... — его голос слабел. — Послушай, перевяжи меня, кровь уходит...

— Успеется. И, кстати, о крови. Почему ее нужно выкачивать полностью?

— Понятия не имею. И никто не знает, включая высоколобых. Какая-то хитрая фишка природы.

— Ясно. Зачем вы убили шефа Конторы?

— Это не я.

— Неважно. Зачем?

— Точно не знаю. Слышал краем уха, что он не захотел сотрудничать.

— Кто еще убит?

— Этого тоже не знаю точно. Но предполагаю, что к этому часу уже почти все.

— Все скауты?

— Да.

— Зачем?

— Сами виноваты. У вас слишком старомодные понятия о чести. Как и у вашего шефа. Возникло мнение, что проще и дешевле всех убить, чем договориться. Опять же, чем меньше людей знает об этом... об этой крови, тем лучше. Пока. Слушай, я чувствую, что теряю силы. Мне нужна перевязка и новая кровь, ты обещал...

— Каким образом добывается кровь? Кто и как это делает?

Он молча смотрел на меня. Кривая усмешка тронула его губы.

— Ты не поверишь.

— Ты скажи, а я уж сам решу, верить мне или нет.

Он сказал.

Я действительно не поверил. Точнее, не захотел поверить. Если это правда, а факты, увы, не противоречили сказанному, то я не завидую ни себе, ни этому миру, ни своему родному.

— Убить их можно?

— Одного ты убил.

— ?

— Жакан, которым ты стрелял неделю назад. Он был серебряный.

Ай да Рошик Лошадник...

— Последний вопрос. В моей квартире, там, — я кивнул в направлении М-портала, — засада?

— Не знаю. Но скорее всего, да.

Я поднялся. Дождь продолжал падать, окутывая город внизу, Крепостную гору и нас неумолчным ровным шумом.

— Ты обещал... — шевельнул губами убийца.

— Извини. Не я начал эту игру.

Игрушечный звук выстрела смыл дождь. Я спрятал револьвер в карман, оттащил тело в кусты и пошел вниз, в город. Для начала мне нужен был Яруч, честный сыскарь из городской полицейской управы, не верящий в вампиров. Теперь ему придется поверить не только в них, но и во многое другое, что не сразу уложится в его голове. Но уложится, Яруч парень сообразительный, а факты я ему предоставлю. Затем мне понадобятся мой главред, Рошик Лошадник, оставшиеся в живых скауты — не может быть, чтобы один я оказался таким везучим! — и все те, кто захочет и сможет бороться. Дел предстояло много. Пожалуй, хватит на всю оставшуюся жизнь.

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

1

Когда Доре стукнуло четверть века, она долго плакала. В последние годы ее привычным состоянием стала ностальгия по счастливому детству. Со слезами вспоминала она период «застоя» или «развитого социализма» со смешными ценами и стабильной зарплатой. Для нее это было время развлечений, игрушек, лакомств, яркого солнца, голубого неба и любимого подарка ко дню рождения — красных флажков на домах и фонарях. Первомайское убранство города Дора считала принадлежащим лично себе и внесла его в трепетных ладонях своей памяти во взрослую жизнь частицей Прометеева огня. Этих флажков почему-то ей было жальче всего. Но вот уже скоро десять лет, как Доре их не дарили ко дню рождения.

Вечером Дора уже не ревела, а выла, биясь головой о диванную подушку. Мать напрасно старалась ее успокоить. Когда слезы иссякли, Дора не прекратила стонать и ломать руки, наоборот, судорожно дергая горлом, стала причитать на тему «Как теперь жить?». Девушка поссорилась с человеком, которого любила всерьез и с которым надеялась создать семью. Как раз на ее дне рождения избраннику угодно было разрушить женские иллюзии. А поскольку разговор произошел уже после того, как разбежались остальные гости, и мужчина мудро — или трусливо — не стал слушать начавшуюся истерику, да еще, уйдя, хлопнул дверью, как взрывпакетом, именинница осталась только с мамой. Мать пыталась утешить

ребенка сначала взрослыми рассуждениями, но, так как они не возымели действия, села рядом, обняла встрепанную Дору и залепетала, как с малышкой:

— Ну что ты, зайчик мой, серенький, беленький, хорошенький, хватит плакать, лапочка моя мягенькая, все будет хорошо, а вот мы их накажем, а вот мы их побьем, а вот мы их больше на порог не пустим, скажем: уходите, серые волки, наша заинька не для вас!..

— Они и не придут, — рыдала искаженным голосом Дора, — у них таких заинек много, любую позови-и-и... Не нужна им заинька, им кошку подавай... драную...

— А моя заинька лучше всех, других много, а моя одна, такая сладенькая, такая родная,— уговаривала мать. — А мы с заинькой и без них проживем, нам бы капустка была да в лесок сходить погулять...

Дора прижалась к матери и, вытирая мокрое лицо об ее плечо, прошептала:

— Мама, а правда, хорошо, когда я маленькая была?..

— Конечно, — обрадовалась перемене темы мать,— мы с тобою так хорошо жили... В зоопарк ходили, помнишь, ты тигров боялась? Как дойдем до их вольера, моя заинька в рев, вот как сейчас... Я тебе говорю: это кисы, папа газету в ружье сворачивал, помнишь, говорил, пойдем на охоту, я тебя научу никого не бояться, а ты плачешь и тянешь назад... Ну, ведем тебя тогда к лебедям в пруду — ты их кормить любила, помнишь?.. А в парке Горького на колесе обозрения катались, помнишь?.. А на трамвае ты ездить любила. Главное — не на метро и не в машине, а почему-то в трамвае. А мороженое я тебе не давала есть на улице, чтобы горлышко не простыло, все время домой несли бегом, — воспоминания у обеих потекли ровной светящейся нитью, в комнате в вешних сумерках как будто стало ясней. Дора вроде бы со-

всем успокоилась, но все же сказала матери под конец полуночного разговора:

— Мурик, — так в детстве она звала маму. — Мурик, а как бы здорово было, если бы я навсегда осталась маленькой...

2

Среди ночи Дора вышла на лестничную клетку покурить. Поднялась на полпролета и остановилась возле окна, где изливалась яркостью похожая на бра в стиле «модерн» луна. Глотая горький дым, она опять вернулась мыслями в детство и ощутила предательскую влагу в глазах. Между 70-ми и 90-ми была пропасть, как между младенчеством и зрелостью. Те годы ей представлялись розовыми. И прекрасней всего была в них мамина верная и нежная рука, за которую маленькая Дора цепко держалась пухлыми пальчиками.

Внизу послышались шаги. Дора хотела было бежать в свою квартиру, но сигарета еще дымилась в ее руке, да и походка была не страшная, слегка шаркающая. «Чего мне теперь бояться?» — подумала Дора и не двинулась с места. Когда шаги приблизились, она рассеянно оглянулась. Человек, пришедший снизу, стоял у ее левого плеча и как будто ждал. Дора быстро повернулась к нему лицом и взяла сигарету покрепче между указательным и средним пальцами.

Это был ничем не примечательный мужчина с немолодым умным лицом в «двурогой» на лбу залысине, с пронзительным взглядом карих глаз, в мешковатом костюме и больших мятых ботинках. В правой руке он держал «дипломат», но Дора не испугалась этого «дипломата».

— Добрый вечер, девушка,— сказал этот человек. — Вернее, доброе утро. Не спится?

— Нет, — лаконично подтвердила Дора.

— Луна-то какая... Вот и бессонница мучает. А тут еще и весна, молодость... Да?

— Да.

— Ну вот, — довольно закивал он. — И любовь, само собой... Нас-то, стариков, покоя лишает, а уж вас-то, юных и горячих... Да, девушка?

— Да. А в чем дело?

— Да в любви проклятой! В сердечке жарком! В мужике — он, негодяй, может, и пальчика вашего не стоит, а вы ему всю ручку, а коготок увяз — и птичка пропала... А он не берет, не бережет и птичку с ладони подбрасывает... А она лететь не хочет, ей бы к нему, а ему бы — от нее подальше... Вот и не спится, вот и курим ночами, здоровье губим... А глазки-то красные — плакали?

— Какая вам разница?!— грубо ответила девушка, и голос ее дал некрасивую звуковую параболу. — Пожалеть хотите? — добавила она, пытаясь съехидничать. Не удалось.

— А если хочу?.. Или не могу я, старик, вам ничем помочь? Вот и слезки опять показались, и губки надулись, а вы не плачьте, вы послушайте...

— Да чем вы мне можете помочь?! — вконец обозлилась Дора.

— Могу, милая. Могу. Луна-то какая!.. Самые лирические ночки пошли. Сирень скоро зацветет. Потом соловьи засвистят, молодому сердцу покоя вовсе не оставят. Хорошо, правда? Да беспокойно, а уж насколько лучше солнечным утречком по майской погодке с мамочкой за руку на демонстрацию идти, когда все красные флажки висят, как по твоему веленью-хотенью подаренные!..

— Что?! — ахнула Дора, выпуская сигарету. В животе у нее ворохнулся мягкий, липкий физический страх. Незнакомец видел ее насквозь вековечными, нечеловеческими глазами.

— А уж куда как здорово с мамочкой в зоопарк ходить — тигры страшные, а мамочка скажет — это кисы, и не страшно. А в планетарий? А мороженое клянчить, а потом наперегонки домой нести, чтобы не

растаяло?.. А в парке Горького с колеса обозрения ведь пол-Москвы видно!.. А на Чистых прудах лебеди плавают, к берегу подплывают, добрые такие, хлебушка ждут... — Незнакомец рассказывал Доре сказку про ее детство, голос его кутал и баюкал, как верблюжье одеяло с белочкой, которым Дору накрывали до десяти лет. — А если устанешь — домой. Мамочка кроватку разберет, одеяльцем с белочкой накроет, сама рядом сядет, сказку расскажет про петуха, который в колодец упал... — Тут Дора почувствовала, что может потерять сознание. — А зимой на елку с мамочкой? А летом на пляж? А папочка уедет в командировку, потом сюрприз привезет — крокодила на полкомнаты, да?.. — Эпизод за эпизодом он рассказал Доре всю милую круговерть беззаботных лет и прекратил искушение, лишь когда увидел закрытые, словно сцепленные замками мокрых ресниц глаза, руки, накрест зажавшие рот, и ровные, сильные струи слез. Дора медленно сгибалась, как от боли в солнечном сплетении.

— Ах, милая! — прозвучал тот же ворожащий голос. — Без обиняков, девушка: хотите ли в детство вернуться?

— К-к-к... к-к-кто-о вы? — еле вздохнула Дора.

— Ай, как нехорошо, — сокрушенно сказал странный человек. — Всегда с ними так: им о деле, а они... Ну, вы девушка умная, много книжек читали, сами бы могли догадаться... Ночь-то волшебная сегодня, на первое мая. Пока луна круглая, можем полюбовно договориться. Я вам — младенчество вечное, солнышко, флажки, игрушечки. Вы мне — роспись на бумажечке, по всем правилам.

— А душу когда? — начиная приходить в себя, спросила Дора. — Сейчас или после смерти?

— Милочка, — всплеснул незнакомец «дипломатом», — о чем вы? Зачем мне душа ваша? Мне эксперимент важнее этого неисчерпаемого материала. Я служу науке. А у вас в душе — одни слезы да обида на

него, на мерзавца... Ну что мне делать с такой душенькой, сырой, извините, что губка? Вы мне нужны маленьким счастливым человеком...

— А за...

— Милочка, у меня свои секреты. Одно могу гарантировать: душа при вас останется. Иначе смысла нет в золотом детстве, если в человеке нет души, эмоций, как вы, люди, говорите. Все при вас будет — душа, сердечко, ум, какой, конечно, ребеночку приличествует, юные годочки, а главное — мамочка ваша. На сколько хотите.

— Навсегда хочу! — рванулась Дора.

— Это, лапочка моя, не пустая формальность, а пункты соглашения. Во сколько лет хотите вернуться, да на какой срок, да как жить потом хотите...

— В пять лет! — закричала Дора возбужденно, а дьявол фокусничьим жестом извлек из кейса красиво заполненный на пишущей машинке лист бумаги со странными иероглифами на месте печати. В правой руке его оказалась ручка в золотом корпусе, и ею он стал делать пометки в листе. — Жить хочу в Москве, как и тогда! И никогда не становиться старше даже на день. Я школу не любила, я старше быть не хочу...

— Ну, милая, а как вопрос решим: или завтра вы просыпаетесь ребеночком...

— Ой, нет, — испугалась Дора, — а время отмотать нельзя?

— Можно-то оно можно, да только смотрите, ничего не упустите. Точно ли в прошлое хотите?

— Конечно, сказала же.

— Ну, пишем: в 1975 год вас возвращаем с мамочкой и с папочкой. Да подумайте, моя милая, ничего не упустили? Исправить можно, пока луна круглая, — а в окне молочно белело, луна переместилась в край окна, и свет ее пропал.

— А память вы у меня заберете?

— А как же? В этом почти весь смысл. Какая у пятилетнего ребеночка память? Как в зоопарк или в цирк ходили, книжечку какую читали...

— А тут что будет вместо меня?

— Да ничего ж не будет, радость моя, коль мы с вами на двадцать лет назад вернемся и жизнь заново для вас пойдет. А тут все и без вас получится. Смотрите, а то вдруг потом захотите вырасти?..

Дора усмехнулась такой гримасой, которая сделала бы честь и самому сатане. А он смотрел на нее добрым дядюшкой.

— Давайте контракт!

Сатана пристроил лист поверх «дипломата» и протянул Доре блестящий стилет — золотое перо. Дора схватила его и храбро ткнула в подушечку указательного пальца. Кровь капнула ягодкой на лестничную стертую клетку. Дора прямо мягкой частью пальца нарисовала на гладкой бумаге контракта три буквы «Фав...» и росчерк, похожий на метеоритный след.

— Ну вот, хорошая моя, сделали дело. Теперь недолго вам ждать. Будьте здоровы с матушкой! — Гость спрятал в свой кейс договор и перо, кивнул дружески и стал спускаться по лестнице. Дора еще взрослыми глазами смотрела ему вслед, и смутное сомнение терзало мозг: что-то забыто, что-то обойдено. Когда скрипнула дверь подъезда, Дора вспомнила слово «матушка» и охнула, как раненная, и закричала:

— Черт! Черт тебя побери!

Было уже очень светло. Луна потеряла не только форму, но и место на небосклоне. Долговязая девица в джинсах хотела опрометью мчаться вниз, вдогонку за сатаной, но контракт вступил в силу, и толстенькая девочка в белых колготочках полезла вверх, потому что вечно путала этажи, выкликая при этом:

— Ма-моч-ка! Мурик! Му-рик!

3

Бабушка Настя, соседка с верхнего этажа, умершая в 1983 году, засмеялась, глядя, как маленькая Дора лезет по ступенькам.

— Ух ты, моя милая, опять ко мне в гости идешь! Пойдешь к бабе Насте?

— Не, — попятилась девочка, — я домой пойду... Я к мурику иду.

— Ух, ангелочек! — растрогалась бабушка. — Опять этажи перепутала? Ну, пойдем тогда к мурику. Надо же, как мамочку называет!..

Дору на ручках отнесли к двери их квартиры. У входа лежал вьетнамский соломенный половичок. Открылась дверь, брякнув старой щеколдой. Дора бодренько вбежала в дом.

В комнате стоял телевизор «Рекорд» и шкаф «Хельга», радиоприемник, однопрограммный сундучок на ножках, провозглашал на весь мир, что «утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

Перед трюмо в солидной исцарапанной раме стояла красивая рыжая женщина в брюках-клеш с яркой отстрочкой понизу и с короткой круглой стрижкой. Она, поплевывая в коробочку с тушью, красила ресницы. В ванной журчала вода и жужжала безопасная бритва.

— Вася, — сказала женщина, не переставая делать «выходное» лицо,— ты можешь бриться скорее? Мы опоздаем. Заинька моя, готова? Давай мы с тобой новые брючки наденем. Хорошие тебе брючки мама подарила?..

Из-под шкафа высовывалась огромная морда надувного крокодила, которого вчера подарил Доре папа. Главное, что он вручил его большим, настоящим, жутковато-смешным, а при дочери не накачивал воздухом. Дора все думала, как же папа его принес домой, когда всегда приходил с пустыми руками и первым делом подбрасывал дочку под потолок.

...Пятилетняя Дора, крепко держа правой рукой маму, а левой — отца, шла по Тверской улице в колонне демонстрантов. Звучало стократ усиленное динамиками «Утро красит нежным светом...». Москва была одним огромным подарком девочке. Дора была счастлива и кричала: «Ура!»

4

Сначала все было хорошо. Они ходили всей семьей в зоопарк, в цирк, в парк имени Горького, покупали на улице мороженое и несли домой наперегонки, по многу раз ездили вверх-вниз на эскалаторах метро и кормили хлебом лебедей на Чистых прудах.

Прошла зима. И странная туча набежала на лицо Дориной матери, когда все прошлогодние весенние платьица и сандалики оказались девочке впору. Даже новые брючки, красивые, но тесные, не пришлось перешивать. Однажды вечером, уложив наигравшуюся Дору спать и услышав ее ровное дыхание, она сказала мужу о том, что дочь не выросла за год ни на сантиметр. Он отнесся к этому на удивление легко, сказав со смехом, что, сэкономив на детской одежде, он купит жене дубленку. Мать побледнела и прервала разговор. В глазах ее стало темнее, в лице появилась морщинка постоянно скрываемой боли.

Среди наступившего жаркого лета 1976 года она повела Дору в поликлинику. Пролепетала, что девочка плохо растет, и важная дама, похожая больше на министра здравоохранения, чем на участкового врача, заявила, что такие феномены возможны, у каждого организма свой график физического развития. Но, взглянув на близкую к обмороку визитершу, врач смилостивилась и дала ей направление на анализы. Потом посмотрела на румяную, здоровенькую Дору и пожала плечами, подумав, что молодые мамаши — отчаянные перестраховщицы.

Мать чуть-чуть успокоилась. Но по пути из поликлиники ее ждал новый удар. Уже давно они с дочкой учились читать вывески магазинов.

— Ну, Дорик, что там написано?

Дора долго серьезно смотрела на однозначное слово «Молоко», морщила лобик, надувала щеки и наконец сказала:

— Не знаю.

— Как же не знаешь? Ты же знаешь, что мы здесь молочко берем?

— Да.

— А как сказать «молоко» ты знаешь?

— Знаю.

— Ну, так читай. Видишь: мо-ло-ко. Ты же все буквы знаешь!

— Не все.

— Здравствуйте, я ваша тетя! Что тебе тут непонятно?

— Первая раскоряка.

— Что-о?

— Раскоряка. Она непонятна.

— Дорик, это же буква «эм», с нее же слово «мама» начинается, а ты говоришь — непонятно. Не пугай меня. «Ммм», повтори за мной.

— Ммм.

— А теперь читай: мо-ло-ко.

— М-мо-ло-ко, — с натугой повторила Дора.

— Видишь, как просто, — радовалась мать. — Ты маленькая врунишка, я же тебе вчера показывала, как читать «молоко», помнишь?

— Помню. А раскоряку не помню.

— Но вчера... — Вдруг в груди женщины стало тесно и жарко, даже пот выступил на лбу. Отпустив ладошку Доры, она прислонилась к пыльному тополю и увидела в знойном воздухе ряд одинаковых картин: вчера, и позавчера, и третьего дня, и неделю назад они с дочкой проходят мимо злосчастного «Молока», Дора пытается читать, но забывает букву «эм», и каж-

дый раз она, мать, взывая к ее памяти, говорит: «Помнишь, вчера я тебе показывала...» Сердце ее забултыхалось возле горла, и перестало хватать воздуха, Дора моментально заревела и стала дергать мамину руку. Прохожие останавливались, кто-то спросил, не нужна ли помощь. Мать отрицательно покачала головой, шепнула, что ей душно, взяла Дору за руку крепко-крепко и повела домой. Пусть у дочки замедлилось развитие, пусть она станет впоследствии кретинкой, но мать не бросит больного ребенка!..

А потом в поликлинике ей сказали, что анализы замечательные. Мать слушала, кивала, думала — сказать или не сказать про замедленное умственное развитие дочки, а потом попросила направить их к детскому невропатологу.

Мужчина-невропатолог долго и вдумчиво беседовал с Дорой, показывал цветные картинки, просил нарисовать дом, дерево, человека и сообщил матери, изломавшей за время приема пальцы до боли, что развитие ее ребенка соответствует возрасту, и он не находит никаких тревожащих факторов. Главное — она очень спокойна и уравновешенна, а это сейчас для детей большая редкость. Мать решилась рассказать про «уроки чтения», но врач ответил, что и такое бывает, просто ребенок проявил раньше больше своих способностей, а потом «расслабился». Он добавил, что есть дети, которые начинают читать до трех лет, потом все забывают, и их приходится учить заново... Женщина опять кивала, но душа у нее плакала и кричала. И они ушли из поликлиники, купили на углу мороженое и наперегонки понесли домой, есть. Матери казалось, что она встала на круговой движущийся трек, и он несет ее, не пуская ни вперед, ни назад, не прислушиваясь к ее воле...

Еще через год мать спросила у Доры, не болят ли у нее зубки, не шатаются ли, услышала, что нет, собственноручно потрогала все молочные зубы и поняла, что они стоят крепко. От такого открытия она выпила

две таблетки снотворного. Не помогло. Среди ночи мать встала, подкралась к Дориной постельке и осматривала ее, спящую, до рассвета. Она не могла оторвать глаз от тельца своей дочери, которое — она-то знала! — не прибавило в росте ни на сантиметр в течение двух лет, которое ничуть не потолстело, не похудело, не загорело, не побелело со дня рождения девочки в 1970 году. А когда до нее дошел вдруг простейший факт, что и волосы Доры уже два года не требуют стрижки, она вскрикнула, опрометью вбежала в комнату к мужу, растолкала его и все, все выложила, что видела и о чем догадывалась. Муж не хотел верить в этот бред. Женщина рыдала, погоняла его пойти и проверить самому, судорожно куталась в одеяло — ей было страшно до того, что она замерзла. Муж отправился посмотреть на Дору вблизи. Вернулся он с изменившимся лицом, сел у окна и закурил, и мать поняла: все — правда.

Отношения супругов с того дня стали портиться. Сначала муж попытался выяснить еще раз, здорова ли Дора. Были найдены хорошие врачи и специалисты, затрачены хорошие деньги — но все светила говорили, что ребенка можно отправлять в космос. Дора была здорова так, как не может быть здоров человек из плоти и крови.

Доре пора было в школу, но об этом и речи быть не могло, и еще год прошел в безнадежном ожидании изменений. Отца все чаще подолгу не было дома. Женщина ни на шаг не отходила от Доры. От вынужденного бездействия она стала шить на заказ и быстро достигла почти профессионального уровня. В те годы на деньги, заработанные шитьем, можно было жить, да и отец пока отдавал свою зарплату... И, как в дурном сне, мать с дочкой ходили то в зоопарк, то в цирк, но безудержное ликование Доры уже не радовало. Мать от этого зачарованного веселья была готова сойти с ума. Иногда ей чудилось, что для нее время

тоже остановилось, но зеркало и боль в сердце утверждали обратное.

А в доме на них косились, и, как запах гари, носилась из квартиры в квартиру весть, что девчонка из сорок восьмой не растет, и не умнеет, и скоро ее родной отец продаст в цирк, в лилипуты, а маманя, эта гордячка, на глазах дурнеет. На них бесстыдно пялились из окон, а к отцу все чаще подходили сердобольные соседки и выпытывали, как здоровье девочки. Отец не выдержал и сбежал.

Последний раз они встретились в Парке имени Горького в октябре 1980 года. Дора бегала по поляне и собирала кленовые листья. Ей должно было бы исполниться десять лет, но перед сидевшими на скамейке родителями резвился пятилетний карапуз. Отец предложил матери расстаться. Она спокойно кивнула. Он предложил оставить им квартиру, она поблагодарила.

— Мурик, сделай корону! — закричала, подскакивая к матери, девочка, сунула женщине пук листьев и упрыгала вдоль аллеи на одной ножке.

— Не ходи далеко! — крикнула вслед мать и занялась рукоделием.

— Слушай! — не выдержал отец. — Но что все-таки с ней случилось! Это же черт знает что такое?..

— Черт, может, и знает, — устало ответила женщина. — Меня больше заботит другое. Меня волнует, что будет с ней, когда я умру.

Отец побледнел:

— Ты думаешь?..

— Да, — шепнула она блеклыми, без помады, губами. Руки ее доплели прекрасную многозубчатую корону, и, увидев это произведение искусства, Дора вприпрыжку понеслась к ним, напевая без слов. Пока она бежала, отец успел сказать:

— Ты прости. Не сердись. И не волнуйся, я деньгами помогать буду. Но я часто приходить не согласен.

Мать снова кивнула.

— Переводи деньги на почту, — посоветовала она. Дора надевала корону и кокетливо спросила у отца:

— Мне хорошо?

— Очень, — ответил он, глядя на дочь погасшими глазами.

Это была банальная дьявольская ловушка, в которую наивная, хоть и 25-летняя Дора с удовольствием попалась. Договор с нечистым был заключен на одну Дору и ею одной подписан. Мать в нем упомянута не была. Ребенок не рос, но мать старела, и годы вокруг них шли так, как им полагалось. И все в России менялось в ту же плохую сторону, какую Дора в прошлой жизни уже наблюдала. Тогда она, эта сторона, ее страшила. Зато теперь вечного младенца не страшило ничто.

5

Дальнейшая жизнь была похожа на бесконечный пунктир: черные штрихи — существование матери, светлые прогалы — житье Доры. В те годы, когда женщина одна могла прокормить ребенка, эта странная семья не знала нужды. Отец присылал не много, но достаточно, а из матери получилась такая портниха, что от заказов отбою не было. Основная проблема была в том, что мать не ходила на работу, и ее сочли тунеядкой. Стали приходить комиссии. Приходили из школы, затем — из РОНО, затем — из каких-то еще медицинских органов, женщина путала их названия... Все сходились на том, что ребенка, пораженного таким странным, уникальным заболеванием, надо поместить в специальный интернат, где за ним бы ухаживали и наблюдали, а матери пойти работать, как всем советским людям. Мать, чувствуя сердцем суть этих предложений — отдать дочку для опытов, — сопротивлялась, как могла. Это был лес кошмаров, где несчастная бродила кругами, зигзагами, синусоидами и не могла выбраться. В лесу ждали «официальные

лица», администраторы, медики, выглядывали из засад соседи, уходили по темным тропинкам, таясь, чтобы не встретиться с нею даже прощальным взглядом, друзья, ночи напролет стрекотала обезумевшим сверчком швейная машинка... И в том же лесу скрывалась небольшая, но такая красивая, уютная, залитая солнечным светом и теплом полянка, где летали бабочки величиной с ладонь, росли цветы, крупные, будто садовые, и резвилась Дора, пухленькая малышка. Радость ее была неподдельна, глаза блестели от счастья — смышленые, горящие глазенки умного пятилетнего ребенка. Не старше. А согласно свидетельству о рождении, Доре скоро должно было стукнуть пятнадцать лет.

Наконец мать, точно черную душную паутину, прорвала сеть непонимания и смогла решить свою проблему. Дору признали инвалидом детства, мать оставили безработной, как ухаживающую за ней, назначили даже небольшую пенсию девочке, но поставили на учет в районной поликлинике и обязали проходить диспансерный осмотр два раза в год, весной и осенью. После этого решения женщина с ребенком остались в относительном покое.

Время шло. Лик его менялся так же, как лицо Дориной матери. В тридцать пять она выглядела на все пятьдесят. К сорока годам стала почти старухой. Но для Доры ее «мурик» был по-прежнему лучше всех других теть.

А облик времени становился все более жестоким. Скоро уже мать Доры узнала, как не бывает в магазинах самых необходимых продуктов, как трудно купить для ребенка сандалики или шапочку. А ведь целью ее существования было одно — обеспечить девочке счастливое детство.

В Москве ввели «визитки» для покупки предметов первой необходимости. Начался голод.

Затем на смену повальному дефициту явилась новая беда. В России начали строить капитализм. Портниха-одиночка сама не заметила, как осталась не у

дел. Она не могла ожидать такого, к ней обращались знакомые знакомых со всей Москвы, ее хвалили, рекламировали, делились адресом, не жалели денег... И вдруг шить наряды стало непрестижно, а если и допустимо для господ «новых русских», то не у безвестной московской надомницы, а во всемирно известных домах моделей. И зачем шить, тратить время, ездить на примерки, когда можно пойти в фирменный магазин и выбрать что понравится? А тут еще и отец перестал помогать — все реже приходили переводы, и сам он не встречался с бывшей семьей уже несколько лет. Оставшись без работы, женщина было приуныла... Но, когда она сидела в кухне у стола, уронив лицо в ладони, и бессмысленно повторяла про себя: «Помоги, Господи!»,— вдруг детские ножки притопали из комнаты, и Дора полезла к маме на колени, приговаривая:

— Мурик, пойдем гуляньки!..

Женщина посмотрела на свою двадцатидвухлетнюю дочь, внутренне охнула — но сейчас это уже не ранило так больно, как сразу после жуткого открытия... и сказала Доре тем же добрым голосом, какой у нее не могли отнять никакие житейские беды:

— Дорик, мы с тобой скоро гуляньки не пойдем, а поедем.

— А куда?

— А мы поедем в город, где я родилась.

— А где ты родилась?

— Это далеко от Москвы, на юге, где тепло... Он называется Ростов...

Она сама не знала, почему так скоропалительно решилась уехать из Москвы, но никогда об этом не пожалела.

Мать поменяла квартиру в Москве на комнатушку в Ростове, на окраине, в рабочем квартале, взяла доплату, чтобы было чем кормить ребенка в первое время, и они поехали. Поезд казался Доре сказкой, она все бегала по вагону, не в силах угомониться. Пейза-

жи, бегущие за окном, приводили ее в телячий восторг. Весь вагон умилялся, глядя на чудного, любознательного ребенка, только не все поняли, почему это внучка называет бабушку «мурик». Правда, это мелочь — дети ведь обожают придумывать новые слова!

Приехали. Сидя в троллейбусе, потом в трамвае, который вез их к новому жилью, Дора вертела головой, как Петрушка, глаза ее раскрылись до бровей.

— Мурик, как здорово! — кричала она в упоении. — Мурик, как красиво!

— Потише, Дорик, — говорила стоящая рядом с прелестной девочкой старуха.

Новая квартире Доре не понравилась, потому что дом стоял на пустыре, усеянном отходами стройки, и в округе не было ни парка для гуляния, ни симпатичной улицы, ни фонарей. Зато неподалеку в скором времени расположился рынок, сначала продуктовый, потом и вещевой, куда мать Доры устроилась продавцом. Детским садом для девочки стала грязная площадь и со всех сторон продуваемый ларек. Боясь оставлять Дору без присмотра, мать брала ее с собой, и ребенок сидел в палатке, за спиной матери, на ящике из-под колбасы, хныкал и просил:

— Мурик, ну пойдем гуляньки...

— Сейчас нельзя, зайчик мой, я же на работе... — отвечала женщина, в которой уже невозможно было узнать красавицу с огненной гривой и длинными египетскими глазами. Старуха замотанно взвешивала колбасу, отсчитывала штучный товар, давала сдачи сальными бумажками, но была рада тому, что эта работа не оставляет времени для размышлений и переживаний. Иногда сердобольные покупательницы, привлеченные капризным голоском Доры, спрашивали: «Ой, кто ж это с вами?» На этот случай у матери был заготовлен развернутый ответ, целая драма об умершей дочке, пьянице и дебошире зяте, который хочет украсть у нее ребенка, единственную внучку...

Так проходили годы. Были бессонные ночи, когда город ждал нападения чеченцев. Были дни забастовок, многолюдные митинги, озлобление на людских лицах. Были угрозы администрации рынка выгнать всех пенсионеров с работы. И все меньше было мороженого и прогулок с Дорой. Так что даже на пятилетнем невзрослеющем личике застыло замешательство, граничащее с недовольством. Ребенок не мог понять, почему вдруг все изменилось, почему мурик теперь такая некрасивая, почему нельзя гулять, а надо сидеть все дни в каком-то грязном домике, и почему раз, когда она хотела поиграть в прятки, злая тетя в полубелом халате ее отругала и шлепнула, а потом долго кричала на мурика, и мурик ничего ей не ответила.

6

Весной 2010 года, в воскресенье, по микрорайону Северному, между коттеджами состоятельных горожан, тащилась старуха в допотопном пальто, слишком жарком для этого дня, слишком уродливом для этого района. За руку она вела красивенькую, одетую «с рынка», но чистенько, девочку. Шли они медленно, так как старая женщина то и дело тормозила и переводила дух, а малая разглядывала коттеджи.

— Мурик, а там кто живет?

— Богатые, заинька, — с одышкой, насилу ответила старуха.

— А это кто?

— Ну... это люди такие, — задыхаясь, стала объяснять бабка. — У них денег много... Они вот такие дома себе строят...

— Сами строят?

— Нет... других нанимают, чтобы им дом построили. Потом платят. Много платят. Они себе что захотят, то и купят...

— И мороженое?

— И мороженое.

Девочка наморщила лоб, что-то соображая. Все время разговора они плелись к автобусной остановке, что виднелась за коттеджами.

— Мурик, а мы богатые?

Кривая линия боли прошла по изуродованному временем и тяготами лицу.

— Нет, зайка.

— Мурик, а мы будем богатыми?

Старуха молчала и упорно тянула девочку к остановке.

— Мурик, ну, мурик, мы будем богатыми, бу-удем?..

Вдалеке, по границе земли и неба, проползла желтая гусеница автобуса. На него-то бабка с девочкой и шли.

— Автобус идет, заинька, давай-ка быстрее!..

— Побежали?

— Побежали!

Женщина сделала два нестойких ускоренных шага к остановке, все не выпуская ладошки ребенка, и вдруг словно споткнулась. Падая, она отбросила руку девочки, оттолкнула ребенка от себя и ткнулась лицом в асфальт. Тело старухи вытянулось ничком, несильно вздрогнуло и затихло. Она лежала так, проходили минуты, а девочка сидела возле нее на корточках, трогала плечи, голову, пыталась повернуть к себе разбитое в кровь лицо. Дора не поняла еще, что стряслось, и пыталась разбудить старуху, то пугливо касаясь ее, то просто зовя:

— Мурик! Мурик!

Наконец кто-то из коттеджей позвонил в милицию. Прибыл яркий, как шмель, черно-желтый фургон, из него неспешно вылезли двое в формах. Посреди аккуратной асфальтовой дорожки лежала какая-то куча древнего тряпья, оскорбительно неуместная на фоне чужого благоденствия. Рядом хныкала дрожащая, съежившаяся в комочек девочка. Возле них никого не было. Окна особняков стояли вокруг, пустые,

отчужденные, некоторые — с приспущенными жалюзи, словно глаза с надменными веками.

Охранник постарше приблизился к телу, осмотрел его и хмыкнул:

— Готова. Вскрытия не нужно.

— Сердце? — вяло полюбопытствовал его напарник.

— Хрен знает, — первый склонился, брезгливо морщась, к черным полуоткрытым губам. — Вроде не пахнет... Ладно, в морге разберутся. Родные есть? — резко обратился он к девочке. Та вздрогнула всей своей невеликой фигуркой, выставила на страшного дядю карие пятаки со слезами и промолчала.

— Ты глухая, чи шо?— спросил бывший милиционер. Ребенок похлопал ресницами, совсем испугался и мотнул головой.

— Слышишь меня? Говорить умеешь?

Последовал робкий кивок.

— Где живете?

— Та-там-м, — и трясущаяся ручонка вытянулась, показывая на три девятиэтажки-свечки, несимметрично стоящие за кварталом особняков.

Сквозь плач и судороги Дора с трудом ответила на прочие вопросы блюстителей порядка: в каком доме, в какой квартире они живут, и что дома никого не осталось, потому что они пошли с муриком гулять.

— Кто она тебе? Бабка?

— Нет. Му-рик. Мамочка.

— Дебильная, — констатировал страж. — Или ее бабка так приучила. А еще кто-нибудь у вас есть? Из родных?

— Папа.

— А где он?

— А он в Москве, давно, еще когда флажки были...

— Что-о?

— Когда флажки. И музыка. Мы с муриком и с папой ходили. Все красное. На мой день рождения. А потом папе стало плохо. Он заболел и убежал.

— Все ясно с твоим папой, — махнул рукой охранник. Молодой страж порядка, слушая рассказ Доры про папу, весело хрюкал.

— Она с придурью, — оказал охранник досадливо. — Пиши протокол. У соседей все узнаем, а девку пусть в приют оформляют.

И старуху отвезли в морг, а ребенка отправили в область, где функционировал очень похожий на концлагерь детский дом для сирот и детей с психическими отклонениями.

ПОКИДАЯ «МАРРАКЕШ»

Передвигаться по техническому тоннелю можно было только на четвереньках. Луч фонаря метался по кабелям и трубам. К рабочему комбезу серого цвета пыль не приставала, но руки были грязны, и я пожалел, что не надел перчатки.

В отдалении слышались голоса Скотта и Энди. Первый что-то непрерывно бурчал, второй лишь время от времени вставлял фразы резким тоном.

— Эй, Скотти! — позвал я, остановившись. — Энди! Мужики!

Но ребята меня не слышали. Ну и черт с ними... Тем более я уже видел то, что искал: распределительный щит вентиляционной подсистемы жилой зоны.

Я отвинтил переднюю панель и принялся за работу.

Добротно было все сделано, надежно. Не слышал, чтобы нашим техникам приходилось здесь что-нибудь чинить. Если бы не инцидент, то и я бы тут не появился. Пожалуй, никто, кроме меня, в этом тоннеле еще не бывал.

Впрочем, нет. Пыль на полу оказалась полустертой. Кто-то прополз здесь на четвереньках... причем — недавно. Наверное, инженер оценивал повреждения.

Я поводил лучом фонаря вокруг себя, затем вернулся к работе, которой оставалось, как говорится, на раз плюнуть. Перещелкнув пакетные выключатели, я ощутил едва заметную вибрацию под ногами, и сейчас же к лицу прикоснулся прохладный ветерок. Под-

система ожила. Я вдохнул свежий воздух полной грудью, потом посветил в глубь тоннеля.

Свет отразился в выпуклых глазах анонима.

Это было так неожиданно, что я смешался. Но в следующий миг любопытство подтолкнуло меня вперед.

— А ты как здесь оказался, малыш? — обратился я к анониму приветливо, но не громко, потому что боялся его испугать.

Я не знал, как определять возраст этих существ, но, по-моему, рядом со мной была юная особь.

Анониму мое приближение не понравилось. Он растопырил конечности, которые язык не поворачивался назвать руками и ногами, наклонил лысую, шишковатую голову к полу и пополз назад — во тьму. Прежде я не видел анонимов так близко, да и издалека — всего пару раз. Загадочные существа; у нас, людей, не было о них никакой информации. Хотя жили они почти по соседству.

Я подумал, что этот юный аноним проник в тоннель во время инцидента, а после, когда обшивку залатали, он не смог выбраться обратно; и что ему нужно помочь — вывести в отсеки.

Существо убегало от меня. Оно напоминало паука: такое же темное, проворное, длиннолапое.

— Постой! Ты заблудишься!

Как бы самому не заблудиться... Схемы тоннелей у меня с собой не было, а до ребят не докричишься.

Первый перекресток, второй перекресток... А потом я остановился. Над полом приподнимался подсвеченный красными огнями порожек. На трубах алели полосы, проведенные светоотражающей краской. Дальше начиналась «красная зона», куда человеку соваться запрещалось. Опасно для жизни — это раз, и в контракте на этот счет имелся специальный пункт — это два. Так что я посмотрел, как сверкают в темноте глаза анонима, и повернул обратно. Я слышал, что этим существам не страшна радиация и что даже в косми-

ческом вакууме они могут какое-то время обходиться без скафандров.

Я выбрался из тоннеля. Скотт и Энди сидели в нише между двумя шпангоутами и ковырялись в блоке подсистемы кондиционирования.

— ...только кажется, что пустота, на самом деле нет никакой пустоты, — бубнил Скотт. — В облаках газа и пыли всегда много чужих кораблей. Я слышал, есть такие, которые собирают газ — атом за атомом, молекула за молекулой — и синтезируют из него органику для своих нужд.

— Мужики, а я анонима видел.

Энди никак не отреагировал на мою фразу, потому что был занят очень неудобной платой, которая крепилась на задней панели блока, а Скотт бросил через плечо:

— Тебя инженер вызывает.

— Сейчас? — удивился я.

— Ага. Вентиляцию запустил?

— Запустил.

Скотт меня недолюбливал, уж не знаю — почему. Было время, за пивом после работы сидели, иногда в карты играли. А потом что-то взбрело ему в голову, или обидел я его чем-то... А может, ему в душу запала Лиза. В общем, общались теперь только по работе. Я сначала думал, что стоит поговорить с ним по-мужски, но так и не решился. Не знаю почему. Впрочем, на «Марракеш» мы нанимались не за тем, чтобы дружить.

Я подхватил с палубы тряпку и принялся вытирать грязные руки.

.

Шеф Гаррель смотрел на меня водянистыми глазами и барабанил пальцами по объемистому пузу. Сидел он в видавшем виды кресле, через стол от меня.

— Я поздравляю, Джо. Наниматели очень довольны, — проговорил он высоким голосом. — Твой ста-

тус с этого дня повышен, у тебя появляются привилегии, в том числе новый рацион питания, и еще есть файл с благодарностью от Нанимателей за вклад в развитие Компании.

— Это какая-то ошибка... — пролепетал я. — Я ничего такого не делал. Я просто занимаюсь своей работой.

Шеф пожал плечами.

— По-моему, это тоже ошибка. Работяга — как работяга. Звезд с неба не хватаешь, — он вздохнул. — Впрочем, Нанимателям виднее. Претензий к тебе нет, дело свое знаешь, так что... можно сказать, все справедливо.

Я сглотнул. Это с трудом укладывалось в голове. После инцидента у всех было много работы. Может, меня кто-то заметил? Кто-нибудь из офицеров Компании? Или из-за инцидента произошел сбой в компьютерной сети «Марракеша», и благодарность вместе с привилегиями пришли ко мне по ошибке, миновав человека, которому они предназначались заслуженно? А что, если этот человек меня потом найдет? Что я ему скажу?

— Ладно, открой доступ на чипе, — шеф Гаррель помассировал лицо, зевнул, потом подтянул к себе старомодную клавиатуру. — Перепрошью его. Повышу статус и сброшу файл с благодарностью... Благодарность, правда, на языке Нанимателей. Ты понимаешь Коло-О?

— Немного, — признался я, хоть мне было и неловко. — Чуть-чуть.

— Язык Нанимателей надо учить, — назидательно проговорил Гаррель.

— Хорошо, шеф.

— Ну? Открыл?

Я проявил вживленный в ладонь экран. Быстро набрал код для беспроводного соединения, он у меня был легким — 00000.

— Готово, шеф.

Гаррель ткнул пальцем в клавиатуру.

— Все. Еще раз поздравляю. Можешь идти работать дальше, — проговорил он, откидываясь на спинку кресла.

— Работать? — я замялся. — Обед ведь, шеф...

— А! — Гаррель кивнул. — Ну, тогда можешь идти обедать.

Я отстоял очередь перед раздатчиком. Народу в столовой собралось — не пропихнуться. Все вымотались, устраняя последствия инцидента, поэтому были по-особенному злы и голодны.

— Выбирай, чего душа желает, — прогудел дядя Фредди, орудуя попеременно разными черпаками.

— Мне рацион улучшили, — сказал я виноватым голосом. — Распоряжение Нанимателей.

Дядя Фредди посмотрел на меня так, что я совсем смешался. Действительно, человек делом занимается, людей кормит, а я заставляю тратить время на себя.

— Дай-ка сюда лапку! — потребовал дядя Фредди.

Я позволил просканировать ладонь. Мне было жутко неловко. Люди, стоящие за мной, начали беспокоиться. По крайней мере, мне так показалось.

— Все правильно. Только я не смогу это выдать! — обиделся дядя Фредди, прочитав, что появилось на экране. — Мясо у меня два раза в неделю, свежие овощи — раз в день, кофе нет, есть кофейный напиток. Могу вместо этого двойную порцию кукурузной каши предложить, такого добра не жалко.

— Нет, — я опустил глаза. — Так не пойдет.

Дядя Фредди упер руки в бока.

— Если нет, то иди-ка, дружок, к офицерам. Может, там тебя обслужат.

В офицерскую столовую я ни разу не заходил, хотя служу на «Марракеше» больше двух лет: не было

повода. Пахло там не так, как в нашей трапезной. Запах карри и свежезаваренного кофе... Жаль, что Лизы нет сейчас со мною. Но обязательно нужно будет привести ее сюда и покормить по своему чипу. А пока я разведаю обстановку.

Синие комбинезоны — пилоты, навигаторы. Красные — инженеры с ускорителя частиц, белые — медики и биологи...

— Эй, техник! — окликнул меня дежурный, когда я пристроился за спинами офицеров с пустыми подносами. — А ты не ошибся очередью?

— Понимаете... — Я сначала чуть смешался, но почти сразу взял себя в руки: — Мой статус повысили. Распоряжение Нанимателей.

Дежурный кивнул, потом подошел к девушкам в белых комбезах, заговорил с ними. Лиза тоже работает в отделе экспериментальной генетики, но она всего лишь лаборант, хотя и самый лучший. Она учится и мечтает повысить свой статус до младшего специалиста. Я тоже когда-то любил учиться, а теперь — нет.

Раздатчик просканировал мой чип, потом выдал тарелку супа-пюре с гренками, овсянку с парной котлетой, салат и большую чашку кофе. Пожелал приятного аппетита.

Я сел за свободный столик и уже почти оприходовал салат, когда ко мне подошли два навигатора с просьбой освободить их место. Естественно, я извинился, подхватил поднос и выскользнул из-за стола. Завертел головой, высматривая свободный столик, но навигаторы посоветовали мне взять стул у дежурного и подсесть к ним. Я так и сделал.

Навигаторы завели разговор об инциденте. Да все вокруг только и говорили об инциденте. Я ел и мотал на ус.

— Скорее бы зарядились гипера, — проговорил, хрустя гренком, первый навигатор. — В этой точке

нас уже раскрыли. Лет на пять надо переместиться, чтоб и след простыл.

«Лет на пять? Он имеет в виду световые годы», — подумал я, отставляя пустую тарелку. Суп, кстати, здесь подавали такой же, как и в столовой для низших чинов.

— Пять лет — пять суток зарядки, — отозвался второй. — По меньшей мере.

— Тогда надо уходить на год или на два прямо сейчас.

— Наниматели не пойдут на такое, — второй поковырялся ложкой в овсянке. — Группу Дайсона и так оштрафовали за недолет. И серьезно оштрафовали. Ребята, выходит, в убыток себе служат.

— В убыток... — первый брезгливо поджал губы. — Это любимое слово Нанимателей.

— А что ты хочешь — живем и умираем в интересах Компании. И будет так всегда, пока Землею правят Коло-О.

Оба навигатора посмотрели на меня. Чтобы поддержать беседу, я поделился:

— А я сегодня анонима видел.

Навигаторы переглянулись, а затем продолжили разговор.

— Корабль человеческий был, — сказал первый. — Я сам просмотрел спектрограммы. Старый грузовик. Капитан поэтому подпустил его на расстояние визуального наблюдения. Не ожидал угрозы.

— Они проверили нашу обороноспособность, — подхватил второй. — Направили к нам смертника, чтоб посмотреть, как мы будем действовать.

— Капитан больше не подпустит к «Марракешу» ни один чужой корабль. Даже если это будет корабль Коло-О. Мало ли кому еще захочется всадить в нас торпеду.

Навигаторы похмыкали, потом застучали ложками, добивая кашу и котлеты. Я же со вторым уже

покончил, теперь потихоньку цедил кофе. Неожиданно вспомнилось то, что Скотт рассказывал Энди, и мне показалось, что навигаторы могут заинтересоваться.

— А я слышал, что в туманностях много чужих кораблей, — сказал, понизив голос, — которые собирают газ для синтеза органики.

Первый навигатор вздохнул.

— Газопылевая туманность — просто отличное место для засады, — пояснил он мне. — Чужим, если они и существуют, наплевать на «Марракеш», а вот своим — нет. На нас охотятся. Радикалы или пираты, если тебе угодно. Когда война закончилась, экипажи некоторых боевых кораблей не пожелали сдаваться Коло-О.

— Теперь они рыщут в этой глуши, выискивая мастодонтов вроде «Марракеша», — продолжил второй. — Одному кораблю нас не одолеть, но они всегда действуют стаями. Волчьими стаями. И когда они возьмутся за «Марракеш» всерьез, то нам несдобровать.

Честно говоря, я раньше не задумывался о том, что на «Марракеш» могли напасть люди. Зачем? Допустим, они ненавидят Нанимателей, а вместе с ними — и анонимов. Все может быть. Но атакуя корабли-заводы класса «Марракеш» — человеческие корабли, построенные на лунных верфях, — они рискуют жизнями сотен землян, которые служат на них.

— Вот именно, — поднял палец первый навигатор после того, как я высказал свои сомнения. — Потому-то они и охотятся на нас.

Второй отодвинул опустевшую кружку и договорил:

— С людьми, которые служат Нанимателям, радикалы расправляются с особым вкусом. Террористы есть террористы.

Я, наверное, побледнел, потому что этот навигатор поспешно добавил:

— Но космос велик, и вероятность того, что «Марракеш» обложит «волчья стая», очень мала. Сейчас нас обнаружили, но пока радикалы соберутся для атаки, мы переместимся на несколько чертовых световых лет.

— Если успеем зарядить гипера, — добавил первый и подмигнул мне.

Ночью всех подняли по учебной тревоге.

Накануне мы с Лизой решили не заниматься любовью, потому что сильно устали за день. До сирен нам удалось немного выспаться.

Мы натянули комбезы и выбежали в коридор. Я подхватил две сумки — Лизы и свою — со средствами индивидуальной защиты. Выходы к спасательным ботам находились рядом с жилой зоной. Офицеры службы безопасности стояли у открытых люков спасательных ботов и следили за тем, как мы — сонные и угрюмые — отрабатываем эвакуацию.

Наш бот быстро заполнился. Все разместились на ложементах и пристегнулись ремнями безопасности. Я был по расписанию старшим на боте, поэтому сначала включил автопилот и задал пункт назначения и лишь потом занял свое место.

Примерно через полчаса на борт поднялся инспектирующий офицер.

— Вы, вы и вы, — он указал на тех, кто не успел или поленился надеть комбезы, — получили смертельную дозу радиации.

Сделав отметку на наладонном экране, офицер подошел к Лизе.

— На вас нет спецобуви, — проговорил он, хмуря брови. — На «Марракеше» отсутствует гравитация, и вы не успели на бот до его отправления.

Офицер осмотрел остальных, замечаний у него больше не было. Потом он проверил компьютер и приказал мне подойти.

— Какой курс следует задавать спасательному боту? — спросил строго.

Я давно заучил правила, поэтому ответил без запинки:

— Курс на основную планету Коло-О и колонии, сэр.

— Почему тогда вы выбрали ненаселенную планету DDXI-221?

— Радиус действия гиперов спасательного бота не превышает десять световых лет, сэр, — пояснил я, стараясь говорить уверенно, ведь на меня смотрела Лиза. — И поблизости нет ни одной населенной Коло-О или людьми планеты, сэр. А на DDXI-221, судя по данным навигатора, человек может выжить без спецсредств. Поэтому я выбрал именно ее, сэр.

— Мо-ло-дец, — по слогам пробубнил офицер, отмечая что-то на экране. — Далеко мы забрались, правда?

— Правда, сэр.

— Не страшно? — он заглянул мне в глаза.

— Почти нет, сэр, — ответил я. — У нас хороший корабль, а космос слишком большой, чтобы неприятности нашли в нем именно нас.

— Хорошо, — офицер снова уставился на свою ладонь. — Вы — тот, чей статус повысили Нанимателя?

— Да, сэр.

— Что ж, думаю, вас ждет новая и интересная работа.

— Я надеюсь, сэр! — ответил я и потом, почувствовав, что не хватает финального аккорда, добавил: — Служу Компании!

Увы, на следующий день новой и интересной работы не случилось. Шеф Гаррель поручил нашей бригаде заняться спасательными ботами, потому что во время

учебной тревоги обнаружилась уйма мелких поломок в их системах. Я, например, разбирался, почему створки люков «Марракеша» и бота закрываются не синхронно. Между делом я рассказал версию о причинах инцидента, услышанную вчера от навигаторов. Скотт только перекрестился, а Энди посоветовал мне держать язык за зубами, дабы не накликал беды. Я обозвал их старыми бабками и работал дальше молча.

Потом на чип пришло сообщение от моего агента — Алана Кейва. Алан занимался контрактами, договорами и всякими юридическими вопросами, работая напрямую с Нанимателями.

И он просил, чтобы я заглянул к нему, как только появится свободная минута. Точнее, не просил, а требовал. Я выслал в ответ сдержанное «оки». Очевидно, агент хотел обсудить повышение моего статуса. Приду к нему, а он скажет, мол, ошибочка вышла... И к черту! Я не выпрашивал это повышение.

Свободная минута отыскалась только после смены.

Я принял на скорую руку душ и отправился в офисную зону.

Алан времени не терял: пока посетителей не было, работал на тренажере — качал спину. Тренажер стоял за рабочим столом, пиджак агента висел на спинке кресла, сорочка и брюки — на плечиках, закрепленных на дверце шкафа. На столе лежал скоросшиватель, на обложке которого было оттиснуто мое имя — Джозеф Стэнтон.

— Хух! — Алан потянулся к полотенцу. Футболка с гербом Компании на его груди была темной от пота. — Хух! Пришел? Хорошо! Садись там!

— Привет, Алан! — я устроился в кресле для посетителей.

— Тебе повысили статус? — Агент свинтил крышку на бутылке с минеральной водой, со смаком сделал пару глотков. — Поздравляю, черт тебя возьми!

Я развел руками.

— Ну, может, ты объяснишь...

— Я уже объяснял, Джо, — Алан уселся за стол, взъерошил мокрые волосы. — Но ты ведь ничего не помнишь, правда?

— Что объяснял, Алан? — я действительно ничего такого не припоминал.

Агент тихонько засмеялся, покачал головой.

— Я ведь предупреждал, что рано или поздно мы столкнемся с той же проблемой, — проговорил он, скаля зубы. А потом вынул из скоросшивателя несколько страниц и протянул мне.

Это был типовой контракт. Ничего необычного. Ничего такого, что в один миг все бы объяснило.

— Ты меня знаешь, Джо, — Алан перестал улыбаться. — Для меня интересы клиентов-людей — превыше всего. Превыше корпоративных интересов Нанимателей. Но я чту законы Коло-О, поскольку таковы правила игры. Я устраиваю Нанимателей на своем месте, потому что честно предупреждаю наемных работников о возможных трудностях в процессе сотрудничества с инопланетянами.

— Это обычный контракт, Алан... — я положил бумаги на стол.

— Пункт 2.14! — агент ткнул пальцем в верхнюю страницу. — Заурядный пункт, на который мало кто обращает внимание. Ну конечно! Мы ведь отправляемся в глубокий космос! Лет на пять как минимум! И само собой, что «результаты физического и умственного труда», а также «органические ресурсы или отходы, образовавшиеся в результате жизнедеятельности, являются собственностью Компании».

Я смутился. О некоторых вещах не стоило говорить вслух. Я знал, что на «Марракеше» все отходы отправлялись в переработку, ведь без жесткой экономии и повторного использования ресурсов вдали от планет и баз снабжения не выжить.

Но какое отношение это имеет к повышению моего статуса?!

— Лиза беременна, — сказал Алан, не сводя с меня глаз.

Мне в лицо дохнуло жаром. Словно из-под перегретого кожуха гипердвигателя.

— Что?

— Беременна, — повторил Алан. А потом добавил чуть ли не с ненавистью: — Во второй раз!

Меня пробрало до мурашек, столько было темных эмоций в его голосе. Захотелось уйти, не попрощавшись. Прервать эту досадную беседу, смысл которой от меня упрямо ускользал.

— Все, что произведено тобой, Лизой, а также вами вместе, — есть собственность Компании, — продолжал давить Алан. — Об этом говорится в контракте, Джо. Дети — в том числе. Думай! Вспоминай!

Но думать отчаянно не хотелось. Я должен был что-то ответить, но слова не собирались в предложения.

Алан взял со стола чашку, вылил остатки чая в горшок с геранью. Наполнил минеральной водой и передал мне. Я машинально выпил.

— Год назад, Джо! — Алан сжал кулаки. — Мы говорили о том же! Наниматели смешали людей с грязью, и я по мере сил помогаю вам не захлебнуться в этом болоте! Мне нравишься ты, мне нравится Лиза, мне нравятся все! — он указал на шкаф, забитый скоросшивателями. У Алана было много клиентов. — Вы же настойчиво прете в трясину!

— Лиза не может быть беременна, — пробормотал я. — Я бы знал... Она бы мне сказала...

— Черта с два! — отрезал Алан, и внутри у меня что-то оборвалось. — Она знает, что с тебя взятки гладки.

Я облизнул пересохшие губы.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты так переживал после того, как Наниматели забрали у вас первого ребенка, что врачам пришлось блокировать тебе часть воспоминаний годовой давности.

Я не мог понять, паясничает ли Алан или говорит всерьез.

— Ты — идиот, Джо. Ты не помнишь, почему ребята на работе стали общаться с тобой сквозь зубы. Между тобой и Лизой много недомолвок, и ты не понимаешь, в чем причина. Тебе тяжело сосредоточиться. Беспокойство — твое постоянное состояние, ты не можешь усваивать новую информацию. Это — последствия вмешательства в работу твоего мозга.

На глаза навернулись слезы. И все-таки мне удалось рассмеяться.

— И что же, Лизе тоже стерли память?

— Нет. Зачем? Во всей этой истории лишь ты оказался самым впечатлительным. И ты снова наступил на те же грабли! — продолжил выговаривать Алан. — Нельзя было удалять воспоминания! Они бы уберегли тебя от повторной ошибки.

— Но зачем Нанимателям наши дети? — Я настойчиво пытался найти слабину в том, что рассказал проклятый агент. Я успел десять раз пожалеть, что зашел в этот провонявший потом кабинет.

— Я не могу знать! — Алан пожал плечами. — На «Марракеше» полно «красных зон», куда путь людям закрыт. Какие там хранятся тайны, знают лишь Наниматели. В конце концов, мы ведь не отчитываемся перед курами, как используем их яйца.

— Если это правда... то что можно сделать?

Алан поджал губы.

— Я ожидал, что ты спросишь. Ничего нельзя сделать, Джо. Ты подписал контракт. Я рассказал, какие подводные камни могут встретиться на пути, ты согласился со всеми пунктами и подписал. Естественно, какой молодой человек станет задумываться о детях,

отправляясь с загаженной Земли, на которой даже тараканы мрут от голода и радиации, чтобы работать на саму Компанию?

Мне было и больно, и досадно. Я вздохнул.

— Лиза ведь... перестала принимать противозачаточные. Она полнеет от них. Работа в лаборатории сидячая... кормят нас черт знает чем! — Я покосился на тренажер Алана и добавил в сердцах: — И спортивные залы нам, низшим чинам, не положены! Вот и результат.

— Противозачаточные... — Алан покачал головой. — Что, не знаешь, как избежать лишних проблем? Наниматели не запрещали презервативы.

— Но у меня не получается в презервативе, — пожаловался я.

Алан понимающе кивнул.

— У меня, кстати, тоже. Все равно что пакет целлофановый на голову надели. Что планируешь делать? Снова запишешься на прием к мозгостерам?

— Посоветуй мне что-нибудь!

— Не знаю... — Алан опустил глаза. — Откуда мне знать? Наниматели отметили твои половые старания, значит, на род людской у них имеются виды. Мало им того, что нас завоевали. Что-то еще придумали.

— Ладно. Тогда мне нужно будет встретиться с кем-то из Нанимателей, — сказал я, покрываясь холодным потом.

— Исключено, — отмахнулся Алан. — Зачем? Что ты скажешь? Не забирайте моего второго ребенка? Наниматели — оголтелые капиталисты, им наплевать на твои душевные терзания. К тому же ты не говоришь на Коло-О.

— Но к чему тогда этот разговор, Алан, если изменить ничего нельзя?

— Ты так ничего и не понял, Джо... — агент покачал головой. — Иди к себе и подумай. Подумай! До того, как тебе замагнитили мозги, ты умел это делать.

— Тебе повысили статус, — сказал я Лизе. — Мы могли бы позавтракать вместе в офицерской столовой.

Лиза прекратила собирать вещи, посмотрела на меня.

— Кто тебе сказал?

— О чем?

— О моем статусе?

— Никто, — признался я. — Догадался.

— Догадливый... — пробурчала Лиза, торопливо запихивая в спортивную сумку белье.

— Я подумал, если мне повысили статус, значит, и тебе повысили, — я поднял лежавшую на кровати картину. На ней был изображен осенний лес в тумане, это был подарок от соседей по жилой зоне. Вспомнить бы, по какому поводу... — Тебе совсем не нужно уходить!

— Положи! — выпалила Лиза. — Я забираю картину с собой. Подай пакет! Да, тот, с косметикой.

— Ты надолго? — спросил я.

— Не знаю! — Лиза принялась укладывать пакет в набитую доверху сумку. В пакете что-то хрустело. — Я переведусь в другую смену!

— Ты же понимаешь, — я сел на кровать, — что нам никуда не деться с этого корабля. Не деться друг от друга, не деться от Нанимателей и от наших страхов.

— Подай мой индивидуальный набор.

— Держи... С новым статусом у нас все будет по-другому. Мы станем жить, как офицеры.

— У меня тушь не потекла?

— Нет. Я пойду к Нанимателям! Алан обещал устроить встречу! Я не позволю отнять у нас ребенка еще раз!

Лиза побледнела, губы ее задрожали. Что-то она собралась мне сказать... Кинуть упрек напоследок... Но тут объявили учебную тревогу, и нам пришлось, позабыв обо всем, бежать к ботам.

А после мы разбирали вещи Лизы и снова раскладывали их по местам. Уснули очень поздно, часа за два перед тем, как нашей смене объявили побудку.

— Умаялся? — спросил во время обеда навигатор по имени Кларк.

— Да, сэр, — ответил я. Работы со спасательными ботами продолжались, и не было им видно конца.

— Дел сейчас добавится, — сказал приятель Кларка — навигатор Марк Алонсо. — Мы закончили обсчет альтернативного курса. — Он улыбнулся. — Скоро прыгнем. Сегодня или завтра.

— Да, — поддержал товарища Кларк. — Жди оповещения.

— Хорошо. Спасибо, — поблагодарил я с набитым ртом. — А как же «волчья стая»?

Навигаторы переглянулись. Потом Кларк сказал:

— Улизнем из-под носа. Будь спокоен!

Навигаторы действительно не ошиблись. Работы привалило. Нашу бригаду в тот же день в спешном порядке перебросили на профилактику ускорителя частиц. И не только нас, всех техников туда согнали. Инженеры проверяли магнит за магнитом, предускоритель за предускорителем, мы же метались от одного блока к другому, точно серые муравьи. Продержали нас в бустере синхротрона до тех пор, пока на участок не прибыли сменщики. То есть — до ночи.

Перед тем как вернуться в жилую зону из внешней части «Марракеша» во внутреннюю, мы с ребятами постояли немного у иллюминатора. За бортом была серо-зеленая мгла, сквозь которую просвечивали лишь самые яркие звезды окрестностей. Где мы были?.. Зачем мы были?.. Черт его знает...

По изгибу разгонного кольца ускорителя частиц, опоясывающего «Марракеш», промелькнула тень. За ней еще и еще.

— Анонимы! — ахнул я.

Мы с ребятами прижали носы к холодному стеклу, силясь разглядеть то, что происходит на разгонном кольце. А там уже сверкала сварка, и белые искры уплывали в пространство.

— Наши коллеги, — высказался Скотт. — Мы внутри латаем, а они — снаружи.

— Ага, — поддакнул я. — Анонимам не нужны скафандры. Им вакуум не страшен.

— А также — опасные для человека излучения, — договорил Энди.

Я же подумал, что тот аноним, которого я встретил в воздушном тоннеле, вероятно, тоже что-то ремонтировал в границах «красной зоны». И на территорию людей зашел из любопытства. Быть может, они знают о нас так же мало, как и мы — о них.

В зеленоватой мгле сверкнула молния.

— Ох, ты! — успел сказать Скотт, прежде чем взвыла сирена.

«Экипажу приготовиться к гиперпрыжку, — объявила система оповещения. — Десятисекундная готовность. Десять. Девять...»

Мы с ребятами уставились друг на друга. Никогда еще не было, чтоб вот так сразу — десятисекундная готовность!

— Ложись! — приказал Энди и кинулся на палубу.

Я готов дать голову на отсечение — до нуля компьютер не досчитал! «Марракеш» прыгнул раньше. Рванул тем самым альтернативным курсом, о котором говорили за обедом навигаторы.

Отсек крутанулся вокруг меня. Я упал, ударился затылком.

Прыжок длится долю секунды. Что происходит в момент, когда заключенная в гиперах энергия освобождается, человеческий мозг не может интерпретировать, поэтому попросту вычеркивает из памяти.

Шея и голова болели. Я привстал, поглядел в иллюминатор. Мгла за бортом стала плотнее. Сквозь нее уже не проглядывали звезды. «Марракеш» в один миг переместился в сердце газопылевой туманности.

— Вот черт! — Скотт глядел на меня круглыми глазами. — У тебя кровь, Джо!

— Надо врача позвать, — проворчал Энди.

— Стоп! Погодите! — я встал на ноги. — Я домой пойду. Не надо врачей... — А потом спросил неожиданно для себя: — Скотти, а ты говоришь со мной сквозь зубы из-за того, что мне подправили память?

Скотт несколько раз открыл и закрыл рот. Потом прошипел:

— Да пошел ты, придурок чокнутый!

И поплелся прочь. А за ним посеменил Энди.

Я же добрался до жилой зоны на монорельсе в компании техников из другой бригады. Мы обсудили поспешный прыжок «Марракеша», поговорили об инциденте. Кто-то сказал, мол, если всех бросили на ускоритель частиц, значит, скоро случится большой «Бум!».

Лиза была без сознания. Лежала на полу возле кровати. Ей не хватило совсем немного времени, чтобы лечь и закрепиться ремнями. И почему мы прыгнули, не дождавшись конца отсчета?

Врачей все-таки пришлось позвать.

Мне уже доводилось бывать в «красной зоне». Причем — не единожды.

Понимание снизошло на меня ночью.

— Чего не спишь? — буркнула Лиза.

— Сплю! — соврал я, глядя в потолок.

Она прижалась лицом к моему плечу и засопела.

Я же лихорадочно пытался вспомнить. Перед глазами мелькали кабели и трубы, пестрящие красными метками. Что я там забыл? «Красная зона»... Глаза

анонима отражают свет фонаря. Множество глаз множества анонимов... Да когда же это было со мной? В какой-то другой жизни...

Мне было страшно. Мне было тревожно. Простынь подо мной стала влажной от пота. И в какой-то миг показалось, будто я лежу, точно стейк на раскаленной решетке.

Я выскользнул из постели. Натянул шорты, футболку, старые кроссовки. Вышел в коридор.

Повсюду сиял яркий свет. Это для нашей смены сейчас — ночь, на самом деле «Марракеш» не спит никогда. На меня никто не обратил внимания, пару раз я ответил на приветствия, и все. Спустился на уровень, где недавно ремонтировал вентиляционную подсистему. Открыл шкаф, спрятанный между шпангоутами. Отыскал среди инструментов фонарь.

Втискиваясь в техтоннель, я подумал, что наверняка измажусь с ног до головы, а потом придется идти через жилую зону в неприглядном виде. Но вернуться назад я почему-то не мог. Не мог — и точка.

Я включил фонарь и пополз, сбивая колени, вперед.

Аноним ждал на границе «красной зоны». Я спросил, приблизившись:

— Ты знаешь, что я делал у вас?

Аноним склонил покрытую гибкими хитиновыми пластинами голову, очевидно, прислушиваясь. Я не знаю, зачем существу, которое обходится без скафандра в космосе, органы чувств. Не было у людей никакой информации об анонимах. Мы даже понятия не имели, как их называть.

— Ты понимаешь меня? — членораздельно проговорил я.

Аноним открыл рот. Его зубы были острыми и как будто выточенными из хромированной стали. Я даже испугался.

— Пришел за мной? — спросил аноним.

Я отпрянул. Голос существа был скрипучим и высоким. Голос не человека, а инопланетянина, чье горло едва-едва справляется с простыми словами.

— Ты — мой папа? — спросил аноним.

Что за ерунда? Я только в кошмарном сне могу быть... твоим папой.

На чип пришло эсэмэс. Я перевел взгляд с существа на оживший наладонный экран. «Куда собрался? Вернись в жилую зону. Алан». Я не сразу осознал смысл простого сообщения, мне чудилось, что сумрак стал сгущаться, грозя задушить.

— Заберешь меня? — вновь проскрипел аноним.

Куда заберу? Зачем заберу?

Почему ты говоришь, точно подкидыш из детдома? Ты не можешь быть моим сыном или дочерью, потому что в противном случае тебе меньше одного года от роду. Потому что мы с Лизой — люди, а ты — инопланетянин!

Я стал пятиться. Прочь от «красной зоны». Сидящий на ее границе аноним скрылся в темноте. Лишь его глаза какое-то время мерцали вдали, отражая свет фонаря.

— Заберешь меня? — прозвучало эхом.

Утром нас опять отправили в бустер синхротрона. На всех приборах были зеленые огни, шеф Гаррель ходил довольный, расстегнув комбез до пупа.

— Жахнем ускорителем, и сразу — по гиперам, вперед и с песней, — сообщил он нам во время перекура.

— Чтоб убежать от черной дыры, далеко сигать придется, — проговорил охочий до бесед во время перекуров Скотт.

Гаррель покачал головой.

— Не черная дыра, а микрочерная дыра... — пробурчал он с видом знатока. — Шлепнем сгусток мас-

сой в две-три земных... И отступим, насколько сможем — на световой год или на половину... — шеф с наслаждением затянулся. — Это не суть важно. Газ и пыль потянутся к созданной нами массе, и через тысячу-другую лет внутри этой туманности засияет солнышко.

— Астроинженерные работы, мать их... — проворчал Энди, гася сигарету в жестяной коробке с припоем и канифолью.

— Жаль, никто не увидит результат, — высказался я.

— А черт его... — скривился Гаррель. — Наниматели — долгожители. Сроки для них имеют иное значение. Может, они и увидят.

Да уж, время Наниматели понимают иначе, человеческие ценности им чужды. Они гоняют огромные корабли по Галактике и зажигают новые звезды, выполняя условия некого вселенского контракта. Покоренное ими человечество — лишь материал, причем — не самый лучший.

Шефу Гаррелю на чип пришло сообщение. Он пробежал взглядом по строкам, затем объявил:

— Пока все более или менее благополучно, можете пообедать, отдохнуть. Чего встали? Вперед!

Я вернулся на монорельсе в жилую зону. Пошел в офицерскую столовую. Там я не встретил ни одного навигатора. Наверное, все они были заняты обсчетом нового курса.

В столовой было много свободных столиков. За одним из них сидел Алан Кейв и пил кофе. Я подошел к раздатчику и нагрузил поднос тарелками. А потом присоседился к Кейву.

— Я понял, — сказал, глядя агенту в глаза. — Мне подправили мозги не потому, что я сильно страдал из-за ребенка. Я пробрался в «красную зону» и узнал что-то, что мне не полагалось знать.

Алан едва заметно кивнул и тут же пригубил кофе.

— А потом кому-то было выгодно выставить меня истериком и дураком. И тут постарались на славу, наверное, материал был подходящим.

— Да. Давай, Джо! — приободрил меня Алан. — Легкое самобичевание в твоем стиле.

— Анонимы — это люди, подвергнутые генетическим изменениям, — сказал я. — Наниматели намерены усовершенствовать своих рабов. Сделать их более приспособленными для жизни в космосе. Правильно?

И снова Алан кивнул. Хорошо.

Точнее, плохо. Просто чудовищно. А я надеялся, что это всего лишь бред, порожденный моим постоянным беспокойством и иррациональными страхами.

— Боже... — Я поковырялся вилкой в рисовой каше, потом отодвинул тарелку. На меня снизошло новое озарение. Подсознание выдавало ответ за ответом, всегда бы так! — Лиза ведь работает в секторе биологических исследований. Там занимаются такой продвинутой генетикой, что я просто диву давался. Зачем это нужно делать на корабле для астроинженерного строительства? Теперь я понимаю. На «Марракеше» все происходит с определенной целью и в интересах Компании. Человеческая жизнь для Нанимателей мимолетна. Мы отомрем, как мушки-дрозофилы, оставив после себя поколение мутантов, которое продолжит прислуживать Нанимателям вместо нас.

Алан глотнул кофе, поморщился. Ничего не сказал. Тогда я спросил:

— Мне опять отформатируют память?

Агент мотнул головой. Мол, нет.

— А что тогда? Выкинут в космос?

— Джо, не мели чушь! — Алан отставил чашку. — Ты — натуральный истерик! Можешь даже не сомневаться — так оно и есть.

— Сколько еще людей знает правду об анонимах? — У меня вдруг возникло чувство, что на «Мар-

ракеше» только я был воплощением невежества, а остальные обо всем знали. Знали и молчали.

— Сколько? — переспросил Алан. — Да очень мало. Веришь, меня самого просветили примерно месяц назад.

— Этой ночью ты знал, что я шел в «красную зону». Значит, ты имеешь доступ к системам безопасности, которые следят за каждым членом экипажа по сигналу вживленного чипа.

— Ага, — не стал отпираться Алан. — В последнее время мне приходится сотрудничать со службой безопасности «Марракеша». Собственно, поэтому я и в курсе.

— Ну вот, — я улыбнулся, хотя и чувствовал себя опустошенным и каким-то... униженным, что ли? — Что и требовалось доказать.

— Вторая беременность Лизы пришлась кстати, — сказал Алан. — А я, признаться, поначалу рассердился на тебя. Всем кровь портишь, половой террорист. Но выяснилось, что блок, поставленный мозгостерами, расшатался, и из тебя уже можно вытащить воспоминания.

Я опешил.

— Не понимаю. Вам было нужно, чтобы я забыл или чтобы вспомнил?

— Ты был в «красной зоне», Джо. Долго пропадал там. Когда же ты попал в руки мозгостерам, они, недолго думая, вымарали чертову кучу твоих воспоминаний.

— Я забыл о чем-то важном? — догадался я.

— О чем же, Джо? — осторожно спросил Алан.

— Я не помню, — честно признался я. Ко мне вернулись только несколько образов: коридоры «красной зоны», глаза анонимов и их передние лапы, которые язык не поворачивался назвать руками. То есть почти ничего.

— Как это — не помнишь? — удивился Алан.

— Не помню. Я не обманываю тебя.

— Поверь, эта информация касается безопасности всего корабля и экипажа. И людей касается, и Нанимателей, и анонимов. Ты поступишь правильно, если расскажешь...

— Мне нечего рассказать. Я просто не помню.

— Но ты ведь вспомнил об анонимах.

— Я помню только, что был в «красной зоне», и ничего больше, — я усмехнулся. — А об анонимах я догадался. Ты же подтвердил догадку.

Мне не хотелось говорить Алану об анониме, с которым я столкнулся в техническом тоннеле. Возможно, это была лишняя и несвоевременная бравада с моей стороны. Но пусть не считает меня деревенским дурачком!

Алан вздохнул.

— Что ж. Я счастлив, что у твоего серого вещества повысилась производительность, — он встал, вытер губы салфеткой. — Приятного аппетита, Джо.

Я поглядел на нетронутую еду. Какой уж тут аппетит?

Две тени упали на столешницу. Стук столовых приборов стих. Ненавязчивый гул голосов, стоящий в столовой, вытеснила тревожная тишина.

— Служба безопасности, мистер Стэнтон. Пройдемте с нами.

Вот, значит, как это делается.

Двое дюжих парней в черных комбезах стояли у меня над душой. Я выбрался из-за стола. Подставил ладонь, по которой тут же провели сканером. Оказалось, что каждый, кто находился в тот момент в столовой, созерцает эту сцену. Боже, стыдно-то как!..

— Куда вы меня ведете? — спросил, пытаясь побороть волнение.

— В управление безопасности жилой зоны, — ответили мне.

Значит, недалеко.

И тут заголосили сирены. Засверкали красные огни на переборках, и ожила система оповещения.

«Внимание! Это не учебная тревога! — разнеслось по коридорам и отсекам. — Всему экипажу занять места по боевому расписанию!»

Мне показалось, я услышал дружный вздох, который вырвался из нескольких сотен глоток одновременно. Люди, переборов сиюминутную оторопь, бросились по своим местам. Сопровождавшие меня безопасники переглянулись, задумчиво выпятив челюсти.

И тут на мой чип пришло сообщение от главного инженера.

«Всем ремонтным бригадам! Срочно прибыть к восьмому гиперпреобразователю пространства!»

Я сразу связался с шефом Гаррелем. Тот ответил лаконично: «Не держит заряд».

— Так... — один из безопасников все-таки решился. — Двигайте, куда вам полагается, и мы тоже — по боевому расписанию.

— Спасибо, ребята! — пробормотал я и кинулся к ближайшему монорельсу. По «боевому расписанию» я должен быть там, где прикажет инженер.

А потом по корпусу «Марракеша» шарахнуло так, что все мы оказались ничком на палубе. На переборках высветилась мозаика из предупреждающих знаков: «радиационная опасность», «опасность разгерметизации», «отравление атмосферы», «пожар в отсеках».

В этот момент любой бы растерялся и испугался.

Что могло случиться?

Физики запустили ускоритель частиц на полную мощность, но корабль оказался не готовым убраться от созданной им же самим микрочерной дыры. Восьмой гипер стал терять заряд. Почему?.. Это тревожное мерцание на стенах... оно отвлекало, мешало думать и действовать. Я как будто снова оказался в «красной зо-

не». И вокруг опять сияло множество нечеловеческих глаз анонимов.

Нет, если бы «Марракеш» столкнулся с порожденной им самим черной дырой, гибель корабля была бы мгновенной.

Ускоритель частиц запустили, и восьмой гипер стал тут же разряжаться.

Я вспоминал. Я напряженно думал.

Анонимы тянули ко мне лапы. В них были зажаты непривычные для человеческого глаза инструменты, обрезки кабелей, платы. У меня же на ладонном экране светилась схема энергомагистралей «Марракеша».

Ускоритель частиц стал забирать энергию с восьмого гипера.

Это мы придумали. Я и анонимы, которые были на «Марракеше» специалистами внешних работ, реакторщиками и энергетиками и совались туда, куда человеку путь заказан.

Алан назвал меня половым террористом, а вот черта с два! Я был самым настоящим идейным диверсантом.

И «Марракеш» скоро будет уничтожен.

Я не помню свои мотивы. Наверное, я хотел насолить Нанимателям. Или я ненавидел людей, продавшихся завоевателям Земли, — ненавидел, как те радикалы, что преследуют сейчас «Марракеш», сбившись в «волчью стаю».

Подтолкнуло ли меня к такому поступку то, что нашего с Лизой ребенка забрали в лабораторию? Или, наоборот, я использовал Лизу, чтоб понять, как будут действовать Наниматели, и потом внедриться в «красную зону»?

Не помню, не знаю. Теперь разницы нет.

Служба безопасности спохватилась поздно. Информация о диверсии была успешно удалена из моего мозга. Однако это не могло предотвратить сам акт. Потому что я действовал не один. Потому что полчи-

ща человекоподобных существ, чья жилая зона располагалась возле реактора, имела свои счеты с Нанимателями.

Эти создания хотели погибнуть вместе с породившими их инопланетными завоевателями.

А как же я? Как я планировал спастись? Или я — смертник?

Вот черт!

Палуба вновь содрогнулась. Потянуло гарью.

«Волчья стая» опять отыскала «Марракеш». Последний короткий прыжок не помог уйти от преследователей. Торпеды летят очень быстро, а лучи боевых лазеров разят со скоростью света. «Марракеш» же хромает на один гипер и еще раз прыгнуть не сможет. Пока инженеры уравняют заряд в преобразователях пространства, пройдет уйма времени.

Боже! Ведь мое место сейчас там!

Или нет?..

Белый дым заполнял коридор. Туда-сюда носились люди, многие были в крови. Похоже, половина экипажа забыла, какие места следует занимать согласно боевому расписанию. «Марракеш» — не военный корабль...

И снова палубу трясет. Ноют, деформируясь, шпангоуты. Звенит разбитое стекло. Лязгают, смыкаясь, герметичные люки. Вакуум подбирается к жилой зоне.

Кораблю конец.

Я бегу назад.

Вчера Лиза плохо перенесла неожиданный прыжок «Марракеша». Врачи освободили ее на сегодня от работы. Посоветовали принять успокоительное и лежать, пристегнувшись ремнями безопасности, ожидая следующий прыжок.

Но прыжок не случился, а Лиза так и лежала, пристегнутая и полусонная. Я расстегнул ремни, помог ей подняться.

— Мы должны уходить! — сказал ей. — Нам нужно попасть на спасательный бот!

Год назад я ее предал — с умыслом или по неведению, этого я не помню. Она же меня простила. Лиза — мой ангел. Я не повторю свою ошибку. Я спасу и ее, и себя. И нашего второго ребенка, который родится и проживет жизнь человеком.

— Объявили эвакуацию? — проговорила Лиза заторможенным голосом.

— Пойдем скорее!

Пришлось надеть противогазы, которые были у нас в сумках со средствами индивидуальной защиты. К спасательным ботам пробирались уже на ощупь. Несколько раз нам попадались тела отравившихся угарным газом людей.

Палуба продолжала плясать под ногами. «Марракеш» обстреливали непрерывно. Нам повезло, что гравитация пока держалась. Иначе, потеряв «верх» и «низ», мы попросту заблудились бы среди задымленных коридоров.

Возле спасательных ботов не было никого. Недавно я здесь ремонтировал люки, поэтому разблокировал их замки без особого труда. Я помог Лизе забраться в ложемент. Сам принялся забивать программу в автопилот. Выбрал в списке ненаселенную планету DDXI-221, отступать больше было некуда. «Марракеш» забрался слишком далеко в необитаемый космос.

— А как же остальные? — всхлипнула Лиза. — Разве эвакуацию не объявили?

— Наниматели ни за что не объявят эвакуацию, — пояснил я, не оборачиваясь. — Потеря корабля — немыслимый убыток. Наниматели надеются, что «Марракеш» сможет прыгнуть, и поэтому будут защищать его до конца. Но «Марракеш» обречен.

Лиза заплакала. Я устроился в ложементе перед пультом управления, защелкнул ремни.

«Отделение будет произведено через десять... девять...» — принялся отсчитывать компьютер.

Гравитационные гасители сработали превосходно. Мы не ощутили перегрузку. Просто за узкой щелью носового иллюминатора вдруг заклубилась зеленоватая муть. Спасательный бот отделился от «Марракеша» и отправился в самостоятельный полет через туманность.

Как ни странно, не мы одни решили улизнуть с гибнущего корабля по-тихому. Наш бот нашел и опознал сигналы восьми спасательных капсул.

А еще — сигналы кораблей землян-радикалов, продолжавших войну с Нанимателями.

Крейсер «Адмирал Ушаков», крейсер «Кубань», фрегаты «Гордый», «Безжалостный», «Ловкий» и «Яростный».

Они держали «Марракеш» в кольце диаметром в несколько сотен миль и обстреливали его из всех орудий.

А потом активировался гипер, и сражение в один миг осталось далеко за кормой. Эфир очистился от радиосигналов, а пространство — от газовой мути и космических кораблей.

Мы остались наедине с планетой, на которой нам суждено провести непродолжительный остаток своей жизни.

КОГДА-НИБУДЬ...

К девяти часам вечера кто-то предложил приоткрыть окно — комната была несколько мала для такого количества гостей, да и газовые рожки изрядно нагревали воздух. Один из стенографистов, молодой человек лет двадцати пяти, встал и, щелкнув шпингалетом, открыл окно.

Ветер тут же ворвался в комнату, подняв легкие шторы до потолка. Несколько листков бумаги слетели со стола стенографистов, их бросились поднимать, возникла суета.

Писатель положил ладонь на стопку бумаги перед собой, откинулся в кресле, прикрыв глаза. Он выглядел утомленным, да и трудно было не устать, час за часом с самого утра читая вслух.

Но в целях сохранения секретности было предложено не делать перерывов, а всем присутствующим воздержаться от каких-либо записей.

В конце концов, как верно заметил заместитель министра иностранных дел, в случае одобрения текста романа все смогут насладиться им после издания, а в случае неодобрения... Кто-то, кажется, начальник канцелярии премьер-министра, с улыбкой напомнил, что нечто подобное было сказано о книгах Александрийской библиотеки и что для самой библиотеки это ничем хорошим не закончилось.

Присутствующие засмеялись. Десять часов назад у всех еще было хорошее настроение и хватало сил на то, чтобы шутить и оценивать шутки.

На стене висели две карты Великобритании, разрисованные значками и пометками: та, что ближе к писателю, была отмечена красным карандашом, та, что возле камина, — синим.

— А писатель, кажется, социалист, — тихо сказал своему соседу сидевший в дальнем углу джентльмен, плотный, с рыжими усами и красным от духоты лицом. — В его романе много эдакого...

— Конечно, социалист, — кивнул сосед. — Непременно — социалист. Было бы лучше, если бы он оказался анархистом, но тогда, боюсь, книгу пришлось бы издавать где-нибудь в Женеве.

— Но позвольте, мой друг, он же искажает факты! Даже те, которые ему изложили вы и я! И знаете, это не совсем корректно — так унижать нашу армию!

— Дорогой доктор, вы хотели сказать — уничтожать нашу армию? — с легкой усмешкой уточнил сосед. — Вот это и должно зацепить читателей — такое вот легкое, я бы даже сказал — легчайшее избиение нашей пехоты, кавалерии и артиллерии. Такое противоречие между блестящим их видом на парадах и бессловесная, бессмысленная гибель в мясорубке, описанной нашим уважаемым писателем.

Доктор некоторое время молчал, поправляя твердый накрахмаленный воротничок, врезавшийся в покрасневшую шею.

Бумаги наконец были изловлены и водружены на место, окно снова прикрыли, и все приготовились слушать дальше.

Председательствующий, сэр Майкрофт, просил собравшихся проявить стойкость, свойственную британцам, а писатель, чуть улыбнувшись, сообщил, что в общем-то он уже перешел к эпилогу и берется привести всех к финалу не позднее чем через полчаса. В крайнем случае сорок пять минут.

Два младших офицера, вооруженных указками, вернулись на свои места возле географических карт.

Писатель сделал глоток воды из хрустального стакана, стоявшего перед ним на столе, взял в руки лист бумаги:

— Мое знакомство со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное.

Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии. То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывает, что они незнакомы с процессом разложения. Однако это лишь предположение, правда, весьма вероятное.

Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается пока загадкой.

Страшные катастрофы в лабораториях Плимута и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты.

Офицеры с указками, когда писатель назвал Плимут и Южный Кенсингтон, немедленно повернулись к стене, один из них на карте, исчерканной красным карандашом, показал упомянутые пункты, а второй на карте с синими пометками указал на пункты, где на самом деле находились лаборатории.

— Простите, джентльмены, но не слишком ли близко наш уважаемый писатель расположил лабораторию к настоящей? От Плимута до... — генерал Клинч кашлянул, оглянувшись на заместителя министра внутренних дел, — до лаборатории всего около десяти миль...

Писатель взглянул на заместителя министра внутренних дел, тот неуверенно посмотрел на сэра Майкрофта.

— Тогда пусть это будут лаборатории Иллинга, — сказал сосед доктора. — Иллинг достаточно далеко?

— Да, конечно, благодарю вас, мистер Холмс, — генерал Клинч благодарно улыбнулся. — Отметьте, пожалуйста, Иллинг.

Писатель взял карандаш, сделал пометку в рукописи. Стоявший рядом с ним офицер с указкой нарисовал красным карандашом новый значок на карте.

— И по поводу черного газа, — сказал окрыленный первым успехом генерал, — может, лучше уточнить, что его состав *пока* не известен?

— Извините, — сказал писатель, — это будет излишним. Когда я пишу о генераторе теплового луча, то указываю, что он тоже остается пока загадкой. И это означает...

— Да? — чуть склонил убеленную сединами голову генерал. — Тогда я приношу свои извинения. Продолжайте.

— Генерал теперь будет благожелателен и покладист, — тихо, так чтобы услышал только доктор, сказал Холмс. — По поводу лаборатории — это, кажется, третье замечание генерала, принятое нашим собранием. Ведь третье, Ватсон?

— Четвертое. Первое было о полках, следующих навстречу своей гибели, второе — о дальности действительного огня наших новейших орудий, третье — по поводу описания дороги на север от Голлифорда. Это четвертое замечание, я все запоминаю... — пробормотал Ватсон. — Я все равно буду...

— Вы все еще надеетесь, что роман позволят написать вам? — бесшумно засмеявшись, спросил Холмс. — Даже не надейтесь! Мы с Майкрофтом это обговорили, и такой вариант больше не обсуждается.

— Знаете ли, Холмс! В конце концов, я как очевидец и практически участник этого происшествия...

— Этой войны миров, — уточнил Холмс.

— Нелепое и вульгарное название, — сказал доктор. — И ни в коей мере не соответствующее реальным событиям! Я...

— Вот именно по этой причине — из-за вашей щепетильности и внимания к деталям — вам и не позволили написать роман. Кстати, как бы вы озаглавили его? В вашей манере? Убийство на старой дороге? Схватка во мгле?

— Я просил бы вас, Холмс, воздержаться от комментариев в подобном тоне. И я просил бы...

— Ц-с-с! — Холмс поднес указательный палец к губам. — Не будем мешать писателю.

— Вопрос более важный и интересный, — прочитал между тем писатель, — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою попытку в период противостояния. Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать за этой частью планеты и предупредить попытку нового вторжения.

Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям. Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне безопасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства.

— А это значит, — тихо прокомментировал Холмс, — что стоило бы увеличить ассигнования на военные нужды. Еще одна возможность заложить подобную прогрессивную идею в экономные мозги британцев. И обратите внимание — социалист сам, без подсказки призывает к тому, к чему постоянно подталкивают самые реакционные и антисоциалистиче-

ские круги нашей империи. Как там это называется — борьба и единство противоположностей?

— Вы стали допускать в свой чистый и рациональный мозг такие вещи, как политика? — с иронией в голосе спросил Ватсон.

— Это всего лишь заготовка нового образа. Боюсь, что скоро дел, отягощенных подобными витийствами, станет слишком много, и я должен в этом разбираться так же, как и в почвах Лондона, сортах табака и прочих подобных вещах.

— Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей. — Голос писателя снова окреп, словно не звучали в нем всего несколько минут назад нотки усталости и легкая хрипотца. — Оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества. Быть может, там, из бездны пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно. Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные стрелы — падающие метеоры — долго еще будут пугать людей.

Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнозорки. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой — а это в конце концов неизбежно, — может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

— Здесь можно было бы поставить точку, — заметил неодобрительно Ватсон. — Для политического вы-

ступления это был бы потрясающе патетический финал.

— Нет, — возразил Холмс. — Господин писатель хоть и страдает некоторой социалистической патетикой, но все-таки прекрасно понимает вкусы читателей... как, впрочем, и вы, мой дорогой Ватсон. И финал, последние строчки будут о любви...

— Но самое странное — это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими... — писатель перевернул последнюю страницу рукописи и замер, откинувшись на спинку стула.

Если он ждал аплодисментов, то его ожидания не оправдались.

— Вот теперь можно и поесть, джентльмены, — сказал заместитель министра иностранных дел, вставая со своего стула. — И побыстрее. Было бы очень хорошо, чтобы столы были накрыты в некоем прохладном, очень прохладном месте.

Все участники собрания встали со своих мест и двинулись к выходу из комнаты, рассуждая вслух о том, что сэр Джеймс прав, что они заслужили ужин и чистый воздух.

Через две минуты в комнате остался писатель, Холмс с Ватсоном и сэр Майкрофт.

— Надо что-нибудь сказать бедняге, — прошептал Ватсон.

— Сделать ему искусственное дыхание, — предложил Холмс.

— Вы сегодня несносны, Холмс. Когда я возмущаюсь неточностями и откровенным враньем этого господина, вы встаете на его защиту и, более того, пытаетесь уличить меня в несуществующей зависти, но стоит мне предложить из вежливости...

— И человеколюбия, — сказал Холмс.

— И человеколюбия, да, человеколюбия, — чуть громче, чем следовало, произнес Ватсон.

Писатель встал со своего места, подошел к доктору и протянул руку:

— Я приношу свои извинения за то, что был вынужден внести искажения в ваши замечательные воспоминания. Я несколько дней мучился, когда понял, что ваш рассказ о парламентерах к марсианам не сможет войти в роман, что он разорвет вдребезги ткань моего повествования. Прошу меня простить!

Ватсон несколько секунд потрясенно вглядывался в лицо писателя, потом вскочил и горячо пожал ему руку.

— Вы написали замечательную книгу! — воскликнул Ватсон. — И я завидую тому, как из небольшого по своему масштабу происшествия вы сумели развернуть такое эпическое полотно, призывающее людей к бдительности, к объединению, а не противостоянию...

— А я, с вашего разрешения, рукопись пока оставлю у себя, — сказал сэр Майкрофт. — Почитаю на досуге, предложу еще кое-кому ознакомиться с текстом...

Сэр Майкрофт сделал многозначительную паузу, потом аккуратно сложил рукопись в кожаную папку и завязал тесьму.

— А вы можете присоединиться к остальным. Как только они несколько остынут и собьют первый голод, то захотят поговорить и порассуждать. И я бы просил вас, господин писатель, и вас...

— Извини, Майкрофт, но мы с доктором лучше прогуляемся. У меня от духоты разболелась голова, и прогулка в пару миль поможет мне вылечиться. Свежий воздух, особенно тут, возле моря, способен творить чудеса... Ведь правда, Ватсон?

— Правда, — ответил доктор. — А завтра...

— А завтра мы с моим другом отправимся в Лондон. Утром пришла телеграмма — меня ждут дела, — Холмс кивнул писателю. — Надеюсь, если мы вам понадобимся, то вы посетите нас.

Сэр Майкрофт проводил Холмса и Ватсона к выходу, подождал, пока они оденутся, и вышел с ними на крыльцо.

— Ну, как, Шерлок? — спросил сэр Майкрофт. — Полагаешь, наш проект...

— Наш проект, естественно, будет иметь успех. Наш проект, естественно, позволит сделать вид, что ничего не произошло на севере Англии полтора года назад. Наш проект, естественно, превратит любую попытку говорить об этом серьезно в фарс. Наш проект, естественно, будет высочайше одобрен. Наш проект, как это ни странно, подарит миру и литературе замечательный роман. — Холмс тщательно застегнул плащ, поднял воротник. — Но я надеюсь, что это последний проект такого рода, который ты предложишь мне. Я — частный детектив, а не лжец.

— А я — лжец? — тихо спросил Майкрофт. — Мне доставляет удовольствие то, что происходило в красной гостиной? Ты полагаешь, что меня могло на это толкнуть нечто иное, кроме безопасности государства? Или, прости, всего человечества? Ты ведь понимаешь, что вся эта история могла быть описана как столкновение человекопапуасов с марсианскими канонерками? Новые колонизаторы?

Ветер бросался между братьями, словно пытаясь прекратить спор, принять заряд боли и отчаяния на себя, унести далеко в бушующее море и утопить.

Но братья были упрямы, и спор продолжался.

— Как бы потом жили люди? Как? — теперь Майкрофт кричал, стараясь перекрыть шум ветра и рев моря. — А так, помимо всего прочего, людям подана старая, как мир, мысль. Как бы ни был силен враг, но бог любит нас, бог поможет нам...

— И тяжелая артиллерия, — выкрикнул Шерлок Холмс. — И черный дым. Ты не забыл черный дым, Майкрофт? Ах, какие нелюди получились у нашего писателя из марсиан. Жестокие, холодные, рациональные, пьющие кровь, сжигающие целые города! А ес-

ли бы он знал, что газ, этот самый страшный черный газ применили не бессердечные марсиане, а мы, добрые и богопослушные?

Даже ветер замер от испуга, припал грудью к песку, затаился в кустарнике, делая вид, что он здесь ни при чем; что не он гнал клубы черного дыма на марсиан, что не он вдруг изменил направление и укутал черными прядями поселки в долине, не он покрыл черным саваном солдат на батареях и в поле...

— Недаром так всполошился наш бравый генерал, когда были упомянуты лаборатории в Плимуте, — воспользовавшись внезапно наступившей тишиной, сказал шепотом Шерлок Холмс. — Он ведь этот газ готовил для негров... или для буров, они что-то ведут себя в последнее время вызывающе... Великие британские ученые тайно приготовили этот дьявольский газ, а благородные британские солдаты...

— Да, — так же тихо, как брат, ответил Майкрофт. — Ты... и доктор... видели, что там произошло. Но это видели и наши генералы... и политики... я просил... я специально организовал экскурсию по местам сражений...

— И той бойни, — жестоко уточнил Холмс.

— И той бойни, — кивнул Майкрофт. — И по тому лугу, где тепловой луч настиг сотни бедняг, главным грехом которых было любопытство. Они... и мы... видели обугленные тела, разрезанные тела, сваренные в кипящей реке тела... И я получил обещание. Я вырвал из них это обещание, что подобное оружие будет запрещено, объявлено вне закона. Даже формулировка уже подготовлена на всякий случай... вот слушай: «О неупотреблении снарядов, единственное назначение которых — распространение удушающих или вредоносных газов»... Но ведь и ты должен признать, что у нас не было выбора... Когда появился тепловой луч, когда треножники возникли, словно из преисподней, чем мы могли их остановить? Кавалерийской атакой?

— И если снова прибудут марсиане...

— Мы снова применим этот газ. Но не против людей. Первыми — не применим. И боже спаси души тех наших солдат, которые попадут под газовое нападение без подготовки... И поэтому я рассказал писателю о газе...

— Марсианском газе...

— Да, черт возьми, о черном марсианском газе, чтобы хоть так, хоть косвенно предупредить людей об опасности...

— Дело не в том, нужно или не нужно врать... — устало сказал Холмс. — Дело в том, что, соврав единожды, мы вынуждены врать и дальше, дальше, дальше... Мы не стали говорить людям правды о высадке, потому что у нас под рукой оказался газ, и мы его применили, да еще так удачно, что отправили на тот свет вместе с полусотней марсиан еще и несколько тысяч британских подданных. То есть не так. Мы сгоряча убили несколько тысяч наших соплеменников и теперь не можем сказать всей правды о вторжении... Чтобы предупредить об агрессивных жителях Марса, мы придумываем новую реальность и превращаем ее с помощью писателя в фантазию, раздуваем ее настолько, чтобы никто не поверил в настоящую войну миров, чтобы каждый, натолкнувшись на случайно уцелевшего свидетеля, решил, что тот бедняга просто сошел с ума, увлекшись книгой... И на этот случай мы приписали марсианам наше самое смертоносное оружие. Мы создали вторую линию обороны, вторую линию лжи. Какие мы молодцы!

Ветер рванул его плащ, сорвал с головы Ватсона цилиндр и покатил его по песку. Доктор бросился вдогонку.

— Ты устал, — сказал Майкрофт и протянул руку брату. — Встретимся в Лондоне.

— Да, непременно в клубе «Диоген», — Холмс ответил на рукопожатие. — Там запрещено говорить. Там можно не врать.

Доктор Ватсон настиг свой головной убор лишь ярдах в двухстах от крыльца гостиницы. Цилиндр застрял в кустах, Ватсон в кромешной тьме чудом разглядел его белую атласную подкладку.

Ватсон достал его и отряхивал от песка до тех пор, пока не подошел Холмс.

— Извините, — сказал Холмс, приблизившись. — Я потащил вас в эту безумную ночь, хотя можно было воспользоваться гостиничной повозкой, я устроил с братом эту безобразную сцену...

— И вы тоже солгали, — сказал доктор. — И тоже из самых высоких побуждений...

Холмс промолчал.

— Вы ведь не сказали о моем выстреле. — Ватсон попытался надеть свой цилиндр, но ветер этого не позволил. — Вы ведь не рассказали, кто первым выстрелил в ту ночь? Почему? Вы пожалели меня?

И, словно ночной кошмар, обрушились на Ватсона и Холмса воспоминания, как будто ветер прятал их где-то, чтобы вот так, наотмашь хлестнуть ими по разгоряченным лицам, напомнить, что не он один, не только ветер виноват в случившемся.

Они были совсем рядом, в поместье «Гремящий лог», где как раз закончили расследование. Они пили бренди перед камином вместе с хозяином дома. Граф был оправдан, дворецкого увезли полицейские, и дрова уютно постреливали в камине, когда в зал вбежал мальчишка, сын конюха.

Там звезда упала, крикнул мальчишка, лопни мои глаза — звезда. Прямо на луг Томпсонов. Все туда побежали, а я к вам...

...Странное продолговатое тело лежало на лугу, до половины зарывшись в землю. Пахло гарью, свежевырытой землей и, словно в кузнице, окалиной.

Толпа — Ватсон и представить себе не мог, что в этих пустынных местах живет столько народу, —

толпа окружала странное тело, и кто-то закричал от боли, упершись рукой в раскаленную поверхность. Ватсон бросился на крик, чтобы помочь, его пропустили. Рука была сожжена чуть не до мяса, человек, поденщик с одной из ближайших ферм, кричал не переставая и оседал на землю. Ватсон что-то крикнул, наверное, просил принести его саквояж, но это было уже неважно — по поверхности снаряда пробежала трещинка, и верхняя часть, кажется, провернулась, эту трещинку расширяя... раз за разом, сантиметр за сантиметром... потом вращающаяся часть отвалилась тяжело, упала на влажную траву... зашипела, поднялся пар...

Ватсон шарахнулся прочь, еще даже не сообразив, что происходит. Он помнил душные афганские ночи, когда нужно было сначала действовать, а потом уж раздумывать; поэтому револьвер, который Ватсон всегда брал с собой в дорогу, уже был в руке, уже привычно щелкнул взведенный курок, и только после этого Ватсон увидел змей, клубком вываливающихся из открывшегося отверстия.

Змеи лоснились в свете факелов, принесенных фермерами, тянулись наружу и вдруг, коснувшись обожженного поденщика, оплели его, и стало понятно, что это не змеи, а щупальца, принадлежащие спруту...

Ватсон выстрелил в темноту снаряда, в точку, где щупальца сходились... Выстрелил один раз, как ему показалось... Щупальца отпрянули, скрылись, Ватсон вдруг понял, что жмет на спуск, взводит курок и снова жмет, взводит и жмет, взводит и жмет, но боек щелкает впустую...

Кто-то рванул Ватсона за плечо, потащил в сторону, Ватсон не удержался на ногах, упал. Холмс тащил его по земле, схватив за одежду, тащил в сторону, крича что-то остальным, но остальные не слышали...

Остальные бросились к снаряду, размахивая вырванными откуда-то кольями и вывороченными из земли камнями...

Ватсон не увидел первой вспышки. Он только услышал истошный человеческий крик и жесткое шуршание, словно что-то тяжелое тащили по песку. Вот тогда он оглянулся и увидел, как ярко-желтый прут — так ему поначалу показалось — ярко-желтый прут пронизывает насквозь черные силуэты людей, поджигает траву, описывает круги все шире и шире... Потом они скатились с Холмсом в овраг и побежали прочь...

Ветер вертелся вокруг, шелестя ветками кустов. Ветру было безумно интересно, что говорят люди.

— Я говорил об этом Майкрофту, — сказал Холмс. — Мы долго все обсуждали, пытались понять — не ваша ли стрельба привела к той бойне... Думаю, не она. На следующий день марсиане уже действовали очень целеустремленно и осознанно. Они хватали людей и тащили их к снарядам. Вы ведь помните?

— Помню.

— Вот видите... Не вас же они разыскивали, в самом деле.

— Не меня...

— Вот что мы с вами сделали совершенно напрасно, так это не наплевали на оцепление и не уехали оттуда в Лондон. Нужно было всего лишь послать телеграмму Майкрофту, он отдал бы приказ... А не дожидаться его приезда. Тогда бы мы ничего не знали о происходящем, ничего не должны были бы выдумывать. Прочитали бы через год новую книгу талантливого писателя...

Наверное, Холмс улыбнулся, во всяком случае, голос его немного изменился:

— Генералы отчего-то решили, что на нас напал весь Марс. А если представить себе, что это были преступники, бежавшие с Марса, мерзавцы, которым не осталось места на родной планете, и они стали ис-

кать для себя новое прибежище. Сколько подобных случаев знает история нашего острова — разбойники, выброшенные на берег штормом, захватывают замок, селятся в нем, постоянно воюя с окрестными поселками и городами.

Нам кажется, что за передовым отрядом движется неисчислимая рать, а на самом деле — это преследователи. Или даже — пустота, в которой копошатся тени совершенных преступлений. И мы оказались мечом правосудия. Не убийцами, но палачами.

— Наверное, вы правы, — задумчиво ответил Ватсон. — Надеюсь, вы правы...

— А вы замерзли, — сказал Холмс. — Нужно ускорить шаг, чтобы добраться в нашу гостиницу до полуночи, и выпить горячего грогу перед сном. Вперед, доктор, и пусть темные мысли отстанут от нас.

Холмс широко зашагал по дороге, которая с каждой минутой становилась все более заметной — тучи расползались, открывая полную луну и яркие звезды.

Стих ветер, только море все еще шумело, осуждая легкомысленное поведение ветра.

Ватсон надел цилиндр и пошел вдогонку за Холмсом.

Все лгали. Кто-то — спасая честь мундира, кто-то — достоинство человечества, кто-то — престиж родины... Холмс утаил правду от остальных для того, чтобы защитить своего друга, а этот друг, доктор Ватсон, тоже не говорил правды.

Как там сказал писатель?

Вопрос более важный и интересный — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания.

Этот вопрос не важен, подумал Ватсон. Совсем не важен. Нет этого вопроса.

Как все понятно — злодеи-марсиане высадились на Землю, чтобы найти обильную пищу, выкачивать кровь из людей и упиваться ею... Все так понятно, все

так соответствует нашему земному мироустройству. Если уж не отбирают имущество и землю, не сгоняют на невольничьи корабли и не увозят за океан, значит, просто хотят уничтожить, из удовольствия или для пропитания. Третьего — не дано.

В память въелись фразы из романа:

Это были большие круглые тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица. На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними. Сзади на этой голове или теле находилась тугая перепонка, соответствующая нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей, более сгущенной атмосфере. Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи щупалец, разделенных на два пучка — по восьми щупалец в каждом...

Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным. Большую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам. Кроме того, были найдены довольно сложные органы дыхания — легкие — и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.

Таков был организм марсианина. Нам может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего организма. Они состояли только из одной головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищу. Вместо этого они брали свежую

живую кровь других организмов и впрыскивали ее себе в вены...

...Марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа...

Писатель честно пересказал все, что смог вычитать из отчетов и что увидел в лабораториях и на столах в прозекторской. Это так соответствовало его политическим убеждениям, словно само небо послало ему иллюстрацию, доказательство его правоты. Очень логично, что Майкрофт и Шерлок Холмс выхватили из окололитературного котла именно его, описавшего уже вырождение человека и деградацию современного общества. Для этого он послал своих персонажей в будущее и на далекий остров...

И тут — такой материал...

— Догоняйте, Ватсон! — крикнул Холмс.

— Идите, мне нужно прогуляться, — ответил Ватсон. — Распорядитесь по поводу ужина и грога.

Холмс замешкался на мгновение, словно делая выбор, потом уверенно зашагал вперед. Ему тоже нужно было побыть одному.

Ватсон повернулся к морю, ловя лицом влажное дыхание волн.

Писатель талантлив, несомненно. Писатель выполнил свою работу блестяще. Но он, похоже, не заметил самого важного, как не заметили этого и остальные.

Если марсиане вводили себе кровь каплями через пипетки, то зачем им было столько крови? Они ведь ловили людей десятками и сотнями, тащили и выкачивали из них кровь... Ватсон помнил сотни тел, сваленных в ямы за марсианскими фортами. Сотни и тысячи тел... Зачем? И зачем нужно было уничтожать людей без разбору, если марсиане собирались высаживаться именно из-за еды?

Зачем?

Да, они прилетели, чтобы захватить планету, по которой даже толком и передвигаться не могли. Они уничтожали людей, которыми должны были питаться будущие колонисты. Где здесь смысл?

— Где здесь смысл? — крикнул Ватсон.

Но Холмс его уже не услышал, а ветер где-то уснул.

И еще эти двуногие, тела которых были найдены после гибели марсиан. Очень просто объяснить, что их взяли в качестве еды. На пять марсиан в снаряде — два человекоподобных существа. Не мало ли? Ведь, высадившись, марсиане сразу же приступили к высасыванию крови, будто не могли противостоять голоду.

Или писатель тоже все понял? Он ведь не чужд биологии.

Если марсиане... если головоногие марсиане состояли только из мозга и щупалец, да еще неразвитой системы пищеварения... у них ведь не было системы размножения. Не было. Как же так? Они могут не есть, не ходить, но ведь как-то должны они выполнять завет своего марсианского бога «плодиться и размножаться»? Должны.

И писатель делает их лишь придатками к механизмам. Мозг, способный управлять треножниками, машинами для получения алюминия... И еще этот летательный аппарат странной плоской формы...

Они собирались летать? Только готовились к полетам и даже сделали один пробный... В книге точно передано, какой ужас вызвало появление в небе этого странного летательного объекта. Очень точно...

Ясное дело, они хотели летать в земной атмосфере! Конечно! Они же хотели захватить всю Землю десятком треножников.

Если они хотели захватить Землю, зачем высаживаться на острове? Они выбрали самую сильную державу в мире — зачем? Высадись они в Китае, никто даже не обратил бы внимания на их зверства и жестокости.

Им нужно было время. Немного времени, чтобы выполнить задуманное. Что задуманное?

Холмс уже скрылся в темноте, осталась луна в небе и Ватсон, идущий по белой песчаной дороге, по лунному серебру.

А если все было не так? Вернее, если все было так, но причины были другие, спросил себя как-то Ватсон. Он достаточно долго был с Холмсом, чтобы понять тонкое различие между видимостью происходящего и его реальностью.

Они высадились на Землю и стали собирать кровь. Для чего нужна кровь? Пить, конечно. Для чего же еще? Если двуногие существа были в меньшинстве, значит, они были всего лишь едой. А если не так?

Если представить, что главными были не спруты, а именно те, прямоходящие? А спруты, которые не могли сами размножаться, были всего лишь живыми механизмами? Их делали на каких-то фантастических заводах, выращивали в колбах, как гомункулюсов, и заставляли исполнять приказы?

Им нужна была кровь... Они ее пили? Нет, нет...

Они вымерли от наших бактерий, придумали умники из Королевского научного общества. Ученым не сказали о газе, и они придумали...

Замечательно придумали...

Только почему мы не вымерли от марсианских бактерий?

Индейцы в Америке вымирали скорее, чем конкистадоры. Достаточно было холерного одеяла, чтобы умирали целые племена.

Но подлые марсиане не занесли ни одной болезни. При вскрытии в их телах не было ни одной неземной бактерии.

Не было гниения на Марсе? Такое бывает? А если наоборот?

— Если наоборот? — спросил Ватсон у звезд. — Если они прилетели не убивать, а для того, чтобы спасти своих соплеменников, оставшихся на Марсе? Ес-

ли там вспыхнула эпидемия, которую можно было остановить только переливанием крови? Если они нашли способ делать это безопасно?

Тогда им нужна была кровь. Много крови. Или — наоборот, немного. Ее нужно было переработать, выделить лекарство, сделать прививки...

Тогда все внезапно становится с ног на голову. Прибыли не завоеватели. Прибыли врачи, чтобы найти средство для спасения целой цивилизации. Прибыли в спешке, когда каждая минута была на счету.

У них еще оставался шанс договориться, но те выстрелы, а потом луч, режущий разбегающихся людей, — они поставили крест на возможности переговоров. Всяческих переговоров, и потом уже было совершенно бессмысленно искать общий язык и посылать парламентеров. Бессмысленно...

Они успели запустить свой первый корабль и готовились запустить второй. Но приказ отправить второй аппарат на Марс так и не поступил. Или первый аппарат доставил нужное количество крови, или... не для кого уже было кровь доставлять. Болезни бывают иногда стремительны и безжалостны.

Впереди замаячил огонек. Это гостиница. В ней живут люди. В ней бьется искра жизни. По всему побережью светились огоньки, сообщая путнику о том, что там кто-то живет, что там...

Человек подходит к такому огоньку: стучит в дверь или просто тянет за дверную ручку, а может, взламывает дерево двери или подбирает отмычку... Человек входит в чужой дом... Просит приюта, предлагает помощь, врывается, отбрасывая в сторону хозяина, или пронзает его кинжалом, или стреляет из револьвера, заполняя дом клубами зловонного дыма... или падает бездыханный, застреленный хозяином, решившим, что это нападение...

Как несколько лет назад, в Афганистане, когда молодой врач ворвался вместе с солдатами в дом местного жителя, отшвырнул в сторону всех, кто оказался

у него на пути, схватил серебряный сосуд с высоким горлом и выбежал на улицу. Это был старинный и чрезвычайно ценный сосуд, и всякому было понятно, что доктор решил украсть его... А врачу сосуд был неважен, ему всего лишь была нужна вода для раненых. Всего лишь...

Ватсон поднял голову, пытаясь рассмотреть в небе Марс, но не смог.

Судьбе было угодно, чтобы на двух соседних пылинках в бесконечной Вселенной оказались два разума, не похожие друг на друга... Или слишком похожие...

А теперь, возможно, остался только один.

Но, может быть, подумал доктор, я, продолжая цепочку лжи, теперь обманываю самого себя, придумываю оправдания этим загадочным и смертоносным существам, пытаюсь оправдать разум, сумевший преодолеть межпланетную пустоту только для того... чтобы нести смерть и разрушения?

Как унизительно это для разума и цивилизации! Победить пространство и проиграть первобытному зверю, живущему внутри?

Холмс раскрывает преступления и помогает осуществлению правосудия. Вычищая грязь из общества, он порождает надежду, что когда-нибудь, когда-нибудь на Земле будут жить только чистые, светлые, добрые люди.

Порождает пустую надежду?

Ватсон подошел к гостинице. Из открытого окна доносились звуки пианино и голоса.

Он ни с кем не станет делиться своими мрачными мыслями, даже с Холмсом. А тот не станет задавать вопросов. Если не хочешь услышать ложь — не задавай вопросов.

Все лгут. Кто-то — защищая честь нации, кто-то — человечество.

А Ватсон... Он никогда не сможет признаться... Никогда никому не скажет, что произошло на самом деле.

Во-первых, он и сам не знает всей правды. А во-вторых... Как можно жить, сознавая, что именно мы... мы убили последних представителей цивилизации Марса.

Военные увидели вторжение. Сыщик — преступление. Врач — боль и страдания.

Он будет молчать об этом. У него хватит сил нести эту тяжесть в одиночку.

Ватсон поднялся по ступенькам, взялся за дверную ручку...

Может быть... Может быть, они живы? И земная кровь спасла их? И когда-нибудь...

— Когда-нибудь, — пробормотал доктор.

Когда-нибудь.

ЭРОТИЧНЫЙ РОБИНЗОН

Катастрофа случилась под самый конец восьмичасовой вахты, когда Колька начал понемногу скучать.

Произошла она без особых «спецэффектов» — в рубке мигнул свет, на мгновение свернулись экраны консоли управления, и сверху, из-под потолка, донесся ритмичный вой тревожной сирены.

Разгерметизация! Ночной кошмар космолетчика.

Колька действовал по инструкции — выскочил из кресла и бросился к аварийному ящику, где хранился легкий скафандр, предназначенный как раз для таких случаев.

Щелчок замка, хруст пластика, и он оказался внутри прозрачного, снабженного парой баллонов герметичного «целлофана». Мягкое пиканье дало понять, что встроенный в скафандр блок связи включился в работу и подключился к информационной системе корабля.

«А как все хорошо шло...» — подумал Колька, шагая обратно к креслу.

Транспортный корабль «Багратион» класса «Прорыв» стартовал с орбиты Земли полтора месяца назад. Четыре месяца полета, и они окажутся в окрестностях Марса, вокруг которого вместе с Фобосом и Деймосом вращается российская станция «Тихов». Часть груза останется на ней, часть пойдет вниз, на расположенную в районе дюн Абалоса базу «Полярная».

Но это если по плану...

Когда вахтенный уселся на место, консоль работала, как и прежде, на экранах разворачивались диаграммы, менялись цифры в объемных таблицах, мерцали красным тревожные сообщения.

Колька про себя матюкнулся.

Судя по всему, им «повезло» угодить под настоящий ливень из нескольких десятков небольших метеоритов, и те как следует хлестанули «Багратион». Попадания обнаружились и в жилом отсеке, и в грузовом, и в отсеке компонентов дозаправки, и даже в двигательном отсеке.

Многослойная обшивка жилого отсека, рассчитанная на попадание «камушка» размером с кулак, торопливо затягивала нанесенные кораблю «раны», но тех было уж больно много.

В любом случае — нештатная ситуация, и сирену должны были услышать в каютах, где вкушали заслуженный отдых коллеги Кольки — капитан Иванченко, в просторечии Михалыч, и бортинженер Запольский, откликавшийся на Саню. Непонятно, почему они оба еще не появились в рубке, облаченные в такие же «целлофаны», возбужденные, готовые к труду и обороне...

Оценив обстановку — давление почти в норме и продолжает подниматься, система жизнеобеспечения работает нормально, отклонения от курса незначительны, — вахтенный выбрался из кресла и двинулся к выходу из рубки.

За люком — короткий коридор, из него можно попасть в каюты, санузел, камбуз и к шлюзу. Жилой отсек невелик, особенно если сравнить с двигателями или огромным грузовым.

Сделав два шага, Колька распахнул люк первой каюты.

Сначала он не понял, что видит, а затем волосы на затылке зашевелились — Михалыч лежал на койке, пристегнутый, лицо его было белым, в волосах запек-

лась кровь, а в стене виднелось оплавленное пятно — след пробившего все слои обшивки крохотного метеорита.

— Твою маму... — сказал Колька, понимая, что случилось почти невероятное.

Пронзивший «Багратион» камушек угодил капитану в череп и убил его.

На миг показалось, что это бред, что он спит, что этого не может быть, и, чтобы прийти в себя, Колька встряхнул головой. Аккуратно закрыл люк, шагнул дальше, к каюте бортинженера, но когда попытался повернуть ручку, та даже не шелохнулась.

Это значит — давление в каюте ниже критического, и люк автоматически блокирован.

— Саня! — позвал он, зная, что если бортинженер успел натянуть «целлофан», то он жив, и блок связи должен работать, отверстие в борту затянется, и позже можно будет открыть каюту...

Никто не ответил, и Колька понял, что остался один.

На то, чтобы свыкнуться с этой мыслью, ему понадобилось минут десять — невероятно мало для обычного человека, но вполне достаточный срок для тренированного российского космонавта.

Колька запретил себе думать, что случилось с коллегами, и вернулся в рубку. Сейчас главное — оценить повреждения, понять, что с кораблем, и решить, что делать дальше. Стащив ненужный более «целлофан», он склонился над консолью, и пальцы его запрыгали по клавишам.

Вскоре стало ясно, что «Багратион» жив, но тяжело ранен.

Серьезными неприятностями грозило, во-первых, то, что начисто снесло приемную антенну, так что

Колька имел возможность передавать данные в ЦУП, но не слышать его. Во-вторых, отказал комплекс «Маяк», обеспечивающий «привязку» корабля к «Тихову», а без него невозможна автоматическая коррекция курса, в то время как каменный «град» вызвал отклонение в десятую долю градуса, грозившее на подлете к Марсу обратиться промахом на тысячу-другую километров.

Пустяк по космическим меркам, но гибельный для мало похожего на фантастический звездолет «Багратион».

У него есть тормозной двигатель, чтобы сбросить скорость, имеются маневровые, чтобы корректировать курс и маневрировать при посадке, но нет ничего, что позволит развернуться и полететь в другую сторону. Поэтому ликвидировать отклонение нужно сейчас, но это невозможно без «Маяка» или переданных из ЦУПа команд, у самого корабля недостаточно навигационных мощностей, чтобы точно определить, куда и какое нужно направить ускорение.

«Багратион» по большому счету — летающий склад, набитый в данный момент продуктами.

Ну а в-третьих, и это было самым гнусным, датчики показывали, что получивший пробоину главный топливный бак неспешно, но неотвратимо пустеет, и это значит, что примерно через месяц тормозной двигатель станет бесполезным и корректировка отклонения ничего не даст.

Николай Смирнов, заключенный в железную банку, врежется в «Тихов» или, что вероятнее, огненным болидом прочертит небо Марса и влепится в его поверхность, оставив на память потомкам небольшой симпатичный кратер.

— Твою маму, — сказал он. — И угораздило же нас...

Встреча даже с единичным метеоритом — штука почти невероятная, а «Багратион» ухитрился попасть

на рандеву с целой их «компанией», причем крайне неудачно.

О том, чтобы самому устранить повреждения, речи не шло — новой приемной антенны у Кольки не было, устройство «Маяка» он, в общем, себе представлял, но не обладал должной квалификацией, чтобы его чинить, поскольку исполнял на борту должности пилота и врача. Ну а чтобы отыскать и заделать пробоины в топливном баке, понадобится не один выход в космос...

Есть шансы закончить эту работу раньше, чем топливо испарится, но не очень большие.

— И что, молча подыхать? — спросил Колька сам себя и сжал кулаки.

Нет, братцы, так не годится, русские так просто не сдаются, а уж русские офицеры — тем более.

Главная проблема — утечка топлива, грозящая тем, что он не сможет затормозить, улетит в неведомые дали или погибнет, врезавшись в Марс. Решить ее можно, ликвидировав пробоины в топливном баке или...

Удачная мысль, пришедшая Кольке в голову, давала шансы на успех, хотя и очень небольшие, — все зависело от того, пусто пространство вокруг него или поблизости имеется что-нибудь крупное.

Он включил радар, что используется на околопланетных орбитах во время стыковки и расстыковки, и затаил дыхание, ожидая результата... есть, на экране появилась светящаяся точка: сзади по курсу, довольно близко, немного дальше от Солнца и почти в плоскости эклиптики.

— Посмотрим, что это такое, — пробормотал Колька, отдавая команду идентификации.

«Астероид Эрос», — выдал корабельный «мозг», содержавший в памяти параметры орбит тысяч космических тел, начиная от планет и заканчивая безы-

мянными, имеющими лишь цифровое обозначение каменными глыбами.

«Эрос, один из группы амуров, — вспомнил Колька, — в афелии вроде бы уходит за орбиту Марса, но недалеко, ну а большую часть времени болтается между орбитами красной планеты и Земли...»

Если удастся сесть на него, «Багратион» не умчится в космическую пустоту, не расплющится о поверхность планеты, вдохновившей Алексея Толстого на написание повести «Аэлита», он останется «на привязи» вокруг Солнца, причем в зоне досягаемости спасательной экспедиции.

Почесав затылок, Колька согнулся над консолью.

Ему предстояло решить непростую задачу — с помощью тормозного двигателя сбросить скорость, а используя маневровые, опуститься на вращающуюся, похожую формой на туфлю скалу длиной всего в тридцать с небольшим километров, а толщиной и шириной в три раза меньше.

Причем сделать это на корабле, не рассчитанном на приземления, и так, чтобы не разбить его в лепешку.

На то, чтобы все рассчитать, а также проверить и перепроверить, ушло двенадцать часов.

Понятно, что скрипел мозгами компьютер «Багратиона», ну а Колька корректировал его работу и занимался другими делами: он передал информацию о случившемся в ЦУП и сообщил, что собирается делать. Устранил кое-какие мелкие неполадки и попытался восстановить «Маяк», но не преуспел; попал-таки в каюту Запольского, где убедился, что тот умер от декомпрессии, когда несколько метеоритов одновременно пробили все слои обшивки...

Отверстия затянулись, оставив уродливые черные «звездочки» из швов, давление нормализовалось, но это мало чем могло помочь бортинженеру.

Колька запаковал тела коллег в черные пластиковые мешки для мусора и через шлюз вытащил их наружу, поместил в «мусорный бак», предназначенный для хранения предметов, не портящихся в вакууме.

Затем он позволил себе час сна и приступил к работе.

Импульс маневровыми двигателями, чтобы слегка изменить ориентацию корабля в пространстве... и тут же — импульс главным, чтобы немного сбросить скорость... и еще один...

Понятно, что посадка на Эрос не являлась обязательной частью программы, вполне достаточно было бы выйти на орбиту вокруг него, но Колька понимал — «Багратион» слишком тяжел, чтобы слабенькая гравитация астероида надежно удержала его, а шансов исправить промах может и не быть.

Рубка дернулась и поплыла в сторону, перегрузка натянула пристяжные ремни.

Когда она исчезла, Колька оценил результат — все в соответствии с расчетами, все по плану...

За первым тормозным импульсом последовал второй, третий, четвертый... десятый, каждый в точно установленное время и с длительностью, определенной до десятой доли секунды... Поспешишь или опоздаешь, пережмешь или недожмешь — собьешься с курса, промахнешься мимо крохотного островка Эроса, затерянного в черном океане космоса.

К тому моменту, когда астероид оказался в поле зрения орбитальных камер, Колька чувствовал себя вымотанным до предела, и не столько физически, сколько морально — тяжело нести вахту двадцать четыре часа в сутки, не имея возможности как следует выспаться и отдохнуть.

Эрос выглядел не особенно впечатляюще — глыба красноватого камня, испещренная кратерами и усы-

панная валунами. Типичный астероид класса S, обращается вокруг себя за пять с небольшим часов.

— Ну что же, будем стыковаться, — сказал Колька и принялся за дело.

Стыковок за его плечами было более трех десятков, причем иные проходили в сложных условиях, но никогда ему не приходилось подводить корабль к столь нестандартной «цели».

Еще один импульс главным, совсем короткий... затем два четвертым маневровым.... Один вторым, чуть подольше... Астероид приближается, можно рассмотреть детали на его поверхности... Долины, горы и кратеры получили имена еще в конце прошлого века, после миссии зонда «NEAR Shoemaker»... А вот и он сам, выглядит так, словно опустился на Эрос вчера, а не несколько десятилетий назад... Так, еще три импульса, все по разным направлениям...

Двигатели включались и выключались, «Багратион» дергался и дрожал, рыская в разных направлениях.

Единственный шанс не разбиться — уравновесить скорости корабля и астероида так, чтобы они почти не двигались относительно друг друга. Только в этом случае неуклюжая махина из нескольких отсеков, рассчитанная на «плавание» в открытом космосе, опустится на Эрос плавно.

Когда эта задача оказалась выполнена, внизу находилась большая котловина, расположенная на вогнутой поверхности астероида. Колька откинулся в кресле и вытер пот со лба — теперь ему остается нацепить «целлофан» и ждать, как произойдет «стыковка», до которой осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь секунд...

На экране моргнул ноль, рубка содрогнулась, скрипнуло основание кресла, откуда-то издалека пришел звук, напоминавший тяжкое металлическое кряхтение, и на этом все закончилось.

— Твою мать, справился... — прошептал Колька.

Теперь ему, заброшенному на Эрос Робинзону, можно познакомиться со своим каменным островом и ждать, когда за ним «приплывут» спасатели. Продуктов в трюме достаточно, чтобы не умереть с голоду полвека, ресурсов системы жизнеобеспечения хватит примерно на год...

А за этот срок астероид обязательно навестит спасательная миссия.

По крайней мере Кольке очень хотелось в это верить.

БРАТ МОЙ АВЕЛЬ

Городок был маленький, да что там маленький — крошечный, даже по нынешним меркам. Кэйн насчитал десяток хибар, кое-как сколоченных из досок, жести и шифера. Доски были гнилые, жесть ржавая, а шифер дырявый, и все же это было жилье, ничем не лучше, но и не хуже того, что довелось повидать Кэйну за двадцать лет странствий.

На одной хибаре висела фанерка с надписью «Закусочная», а из-под крыши тянулся электрический провод, и Кэйн подумал, что здесь он сможет пополнить запас пищи, воды и, главное, льда. Внутри было сумрачно и пусто: ни посетителей, ни хозяина за барной стойкой. Вообще за последний час Кэйн не встретил ни одного человека, но это ничего не значило. При появлении чужака люди могли попрятаться, кто в подполье, а кто и вовсе за ближайшие холмы — да вон хотя бы те, с ветряками. Система оповещения в таких городках, как правило, работает безупречно. В конце концов, это вопрос выживания.

Под низким потолком вяло вращал лопастями вентилятор. Кэйн опустил сумку на пол, толкнул ее ногой под стул. Сел и извлек из кармана счетчик Ньюмана. Зеленые циферки на экране поползли вверх, замерли на семнадцати и скользнули на пару единиц вниз. Кэйн никогда ничему не удивлялся, но тут, пожалуй, стоило удивиться. Энробная активность в радиусе пятидесяти метров была практически на нуле.

Похоже, он таки достиг Края Мира и дальше лежат Святые Земли. Еще более дикие и бесплодные,

чем оставшиеся за спиной. Ни мегаполисов, ни таунов, ни больших поселений. Хотел бы я знать, что понадобилось здесь Авелю? Кэйн убрал счетчик Ньюмана, закрыл глаза и позволил себе расслабиться. По крайней мере пока ему нечего опасаться.

В закусочной было жарко, еще жарче, чем снаружи — даром что работал вентилятор, — но хотя бы солнце не пекло и не донимала вездесущая радиоактивная пыль. Энробы мирно циркулировали в кровеносной системе, доставляя в клетки организма молекулы кислорода и выводя радионуклиды. Кажется, Кэйн задремал — и очнулся от мощного выброса адреналина, когда в помещении появился кто-то еще. Сонливость как рукой сняло.

Кэйн стоял на ногах, в руке револьвер, курок взведен. Счетчик Ньюмана тревожно стрекотал в кармане, отмечая резкое повышение энробной активности. Его собственной активности.

Мужик, появившийся за барной стойкой, вряд ли когда-либо пользовался нанотехнологиями. Широкое, заросшее по самые глаза лицо, припухшие красноватые веки. На бычьей шее — грязный белый фартук, в руках пыльная пятилитровая бутыль с мутной жидкостью.

Настороженно глядя на Кэйна, он сказал с натужной приветливостью:

— А я тильки-тильки с пидпилля. Пиди, думаю, гостю захочеться горло промочити з дороги.

Он говорил на украинском койне, было странно вновь услышать славянскую речь — и где, на границе Святых Земель!

Мужик выдернул зубами затычку из горлышка, снял с полки надтреснутый стакан. Забулькала жидкость.

Кэйн спрятал револьвер, подошел к стойке. Усмехнулся.

— Лекарство?

— Воно саме. Паломник?

Кэйн подумал.

— Похож? — Он обмакнул палец в жидкость, лизнул. Пойло содержало дьявольскую смесь сивушных масел, альдегидов, эфиров и кислоты. Вот так они здесь и борются с радиацией.

— А що ще робити прийшлому в наших краях в цю пору? — удивился мужик.

Кэйн отсалютовал стаканом и в два глотка осушил его. Сивуха обожгла пищевод, ухнула в желудок.

— Повторити? — с готовностью предложил мужик.

— Пожалуй.

После третьей Кэйн спросил:

— Есть у вас вода, еда?

— Вода знайдеться. Правда, заражена.

— Это неважно, — сказал Кэйн.

— Я так и думав. З ижи можу запропонувати сушени сарана. Еще ховрах, але вин тухлий. Синок вчора десь пидибрав. Приготувати, чи що?

— Лучше сырьем.

— Як скажете. — Мужик замялся. — Платити чим будете? Готивкою або через терминал? Не думайте, що ми тут зовсим дики. З вас сорок шекелив.

Он достал допотопное платежное устройство, и Кэйн перевел деньги.

— От и славно, — повеселел мужик. — Мене звуть Миколою. Та ви сидайте.

Через минуту Кэйн хрустел богатой протеинами саранчой. Энробы довольно урчали.

— Давно в дорози? — полюбопытствовал Микола, садясь напротив.

Кэйн рассеянно кивнул.

«Двадцать лет», — мог бы сказать он. Но зачем?

Он принялся за суслика.

— Николи не бачив, як идять нанотехи, — сказав Микола. — Кажуть, у вас и серце не бьеться?

Кэйн коротко взглянул на него — простая бородатая физиономия, наивные глазки. Поглядишь — плакать хочется от умиления.

— У вас есть лед? — спросил он.

— Лид? — казалось, не сразу понял Микола. — Вам потребен лид?

— Фунта полтора. А лучше два. Я заплачу́.

Микола задумчиво поскреб пальцами бороду, потом неторопливо поднялся и скрылся за стойкой. Стукнула дверца в полу. Пропадал он долго, минут пятнадцать, за это время Кэйн успел выпить полторашку ржавой, зараженной радиацией воды. Зато, когда Микола наконец появился, в руках у него был большой пластиковый пакет колотого льда.

— Цього достатньо? З вас двадцять шекелив.

Кэйн вытащил из-под стула сумку, положил на стол, осторожно вынул контейнер с айсКомом. Лед в патронташе давно растаял, превратившись в воду, и сначала Кэйн слил эту степлившуюся воду в пустую полторашку. После чего принялся неторопливо и методично набивать патронташ льдом.

Хозяин закусочной жадно наблюдал за ним.

— Це що ж, и е компьютер?

Кэйн продолжал молча работать.

— За таку штуку, — сказал Микола, — в наших краях руки видирвуть. Разом з головою. Не боитеся?

— Есть у вас отдельная комната? — спросил Кэйн.

Секунду или две хозяин закусочной, не мигая, смотрел на него.

— Розумию, — сказал он. — Ви вже мене вибачте за настирливисть. Ми тут люди прости, неосвичени... А кимната знайдеться. Вам з кондиционером?

— Это неважно.

— Я так и думав.

Кондиционер в комнате имелся, но не работал. Впрочем, это не помешало Миколе взять с постояльца лишних пару шекелей. Кэйн опустился на продавленную тахту, запер, не вставая с места, дверь на шпингалет, положил айсКом на колени.

Он включил компьютер и вышел в Сеть.

Авель, Авель, где ты, Авель?..

Пока айсКом составлял из собранных по всей Сети данных квазиразумный бот Авеля, Кэйн просмотрел новостную ленту за последние десять дней. Религиозные корпорации продолжали перекраивать мировые рынки сбыта. Исламские террористы запустили в стратосферу колонию энробов, уничтожающих озоновый слой. Ирландские террористы отправили на дно океана очередной британский спутник. Серая слизь, вырвавшаяся из подпольной лаборатории атеистов-сектантов в Майами месяц назад, добралась до Санкт-Петербурга, штат Флорида, США. И о хорошем. В Москве проходит IX Международный съезд нанотехов. В Иерусалиме на праздник Пасхи традиционно собираются паломники со всего мира...

— Это опять ты, Кэйн? — Волосы у Авеля белые как снег, библейские глаза прекрасны и печальны. — Чего ты хочешь?

— Убить тебя.

— Убить? — Боты не испытывают эмоций, они просто на это не способны. — Зачем?

— Чтобы спасти мир.

...спасти мир...

...мир...

Из транса его вывел стук в дверь.

Кэйн, не выключая айсКом, отпер дверь. На пороге стоял Микола с подносом в руках. На подносе — стакан с зеленоватой жидкостью.

— Ось, — сказал он, — спиртова настоянка на петрушци. Сам придумав. Пригощаю. — Микола увидел бот Авеля на виртуальном экране. — Ця людина... Здаеться, я його знаю.

— Он был здесь?

— Чотири дни тому. — В глазах хозяина закусочной мелькнула догадка. — Так ви його шукаете? Тото, я дивлюся, не дуже-то ви на паломника схожи.

— Что он здесь делал?

— Народ баламутив. Пророк. У нас якраз базарний день був, никого и збирати не довелося — все

тут. И що? Ми люди тихи, живемо непримитно. Сами никого не чипаемо и хочемо, щоб нас нихто не чипав. Так що пророки нам ни до чого.

— О чем он говорил?

— Про мир и благоденство на земли. Про святость простого життя и гриховность цивилизации. Його послухати, так ми тут вси святи. Життя наше простише никуди, а цивилизации ми и не нюхивали.

— Он ушел сразу?

— Так, не став затримуватися. Взяв води, сарану сушенои, от як ви, и пишов. Тильки сказав наостанок, що незабаром настане кинець свиту, и кожен, хто носить на соби печатку каинову, буде горити в пекли вогненнои, а хто живе в простоти, успадкуе землю.

— И как скоро это должно произойти?

— Цього вин не сказав. Ну що, спробуете настоянки?

Настойка была хороша, несмотря на то что в нее была подмешана лошадиная доза барбитуратов.

Кэйн, не отрываясь, выпил ее до дна.

Энробы засуетились, блокируя действие наркотика.

Возвращая стакан, Кэйн делано зевнул.

— Бажаете поспати? — с готовностью спросил Микола.

— Пожалуй, не помешает вздремнуть часок. Вот только айсКом уберу... — Язык у Кэйна заплетался, веки слипались.

Он собрал сумку, сделал вид, что хочет встать, — но тут же опрокинулся на спину и захрапел.

— Спокийного видпочинку, — сказал Микола и вышел, прикрыв дверь.

Кэйн лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к тому, что происходило в закусочной. Он был бодр и готов к любым неожиданностям. Хозяин с кем-то разговаривал, похоже, с сыном: ему отвечал тонкий детский голос.

— Да тильки ниде не затримуйся! — донеслось со двора.

Сорок дней назад Кэйн нашел подпольную лабораторию Авеля. Сам Авель ушел, но оставил послание. «Не пытайся остановить меня, брат. Все кончено. Скоро я выпущу своих маленьких друзей — и мир очистится от скверны. Только те, в чьих жилах течет кровь, выживут. Это не угроза, брат, это предупреждение».

Со двора донесся рев мотоциклов, послышался властный мужской голос:

— Где он?

— Спить. Я дав йому снодийне. Тильки не вбивайте його тут, Хирург. Ви ж знаете, ми люди мирни...

— Посмотрим, — нетерпеливо перебил его мужчина. — Показывай, где он.

Кэйн глянул на бешено стрекочущий счетчик Ньюмана, уровень энробной активности подскочил до трехсот единиц. Еще не критично, но очень близко. Кожа по всему телу нестерпимо чесалась. Неудивительно, учитывая, с какой скоростью перестраивались в ней молекулы, готовясь к защите.

Дверь распахнулась, и Кэйн увидел габаритного мужчину в белом халате. Под халатом — динамическая броня бойца спецназа: костюм из полиуретановых нановолокон с покрытием из энергопоглощающих жидкокристаллических полимеров. В сущности, вчерашний день. В руке у Хирурга нанопарализатор. А вот это уже хуже.

Кэйн, не меняя позы, пнул Хирурга левой ногой по кисти, не защищенной костюмом. Кости хрустнули, ломаясь, парализатор ударился о стену, отскочил и упал на тахту. Револьвер в руке Кэйна трижды плюнул свинцом. Полимеры смягчили удар, но не смогли полностью погасить кинетическую энергию пуль, и Хирурга отбросило назад.

А в дверной проем лезли еще две гориллы в белых халатах, но нанопарализатор был уже у Кэйна. Кэйн вдавил гашетку — и почувствовал, как немеет сначала кисть, потом плечо, шея... Поздно он сообразил, что парализатор настроен исключительно на владель-

ца. За пару секунд Кэйн потерял контроль над энробами и стал беспомощен, как младенец.

Его скрутили, отобрали оружие, вывели на заплетающихся ногах под палящее солнце. Хирург стоял перед ним, держа правую руку на весу, а левой потирая грудь. Халат прожжен в трех местах.

— Ты кто, пришлый? — спросил Хирург.

Зрачки расширены, наверняка он под наркотой. Потому и боли не чувствует.

— Кэйн, — с трудом шевеля замороженной челюстью, ответил Кэйн. — Я тебя не трогал.

— Ты вторгся на мою территорию и оказал сопротивление мне и моим людям. Да ты преступник, Кэйн.

Кэйн упрямо мотнул головой.

— Я шел по своим делам и никому не мешал. Вы первые на меня напали.

— Мы еще потолкуем об этом. Ты ищешь паломника по имени Авель. Зачем?

— Это мое дело и его.

Хирург скривился.

— Да ты еще и грубиян, Кэйн. Что в компьютере?

— Игрушки.

— Я погляжу, ты очень умный.

— Лучше быть умным и здоровым, чем глупым и больным.

Хирург потерял терпение.

— Ладно, парни, кидайте его в прицеп. Дома потолкуем.

Кэйна кинули в ржавый кузов грузового мотоцикла, следом полетела сумка. Взревели моторы — и кавалькада мотоциклистов снялась с места.

Микола провожал их взглядом, стоя на пороге закусочной и качая головой.

Место, куда привезли Кэйна, — это был заброшенный машиностроительный завод. В дороге Кэйна растрясло, чувствительность постепенно возвращалась. Оглушенные энробы оживали, пытались само-

организоваться. Пока это у них плохо получалось, но пройдет срок...

— Тащите в операционную, — распорядился Хирург. — Посмотрим, что у него внутри. Да пошевеливайтесь, он почти очухался.

Кэйна поволокли, держа за подмышки, через огромный пустой цех, его резиновые ноги скребли цементный пол. Поскрипывали экзоскелеты горилл. Кэйна втащили на второй этаж, там — по коридору и — в белую комнату. Кэйн усмехнулся. Наверняка это был предмет тайной гордости Хирурга. Операционная кровать — суперсовременный крейсер в миниатюре, над кроватью — нанохирургический комплекс.

Кэйна бросили на кровать, пристегнули ноги и руки ремнями. Оставили одного.

Дверь открылась, вошел Хирург.

— Что ты собираешься делать? — спросил Кэйн, настороженно следя за ним.

— Хочу заглянуть тебе в душу, Кэйн. Понять, как она работает.

— Что это тебе даст?

— Новое знание, новую силу. — Хирург сунул искалеченную руку в нанохирургический комплекс, включил питание. — Боишься меня?

Аппарат негромко гудел. Мигал сиреневый свет.

— Просто знаю таких, как ты, — сказал Кэйн. — Повидал за двадцать лет. Акулы. Собираете вокруг себя стаю приспешников и терроризируете рыбешку поменьше да послабее. А попадись вам кто позубастей... И никакой ты не хирург. Хирург отсекает опухоль, а ты — здоровые члены. Ты обыкновенный мясник.

Кэйн тянул время. Энробы в его организме восстановились уже на пятьдесят процентов.

— Хватит, — оборвал его Хирург, вытаскивая реконструированную руку и шевеля пальцами, — ты слишком много болтаешь. Приступим к операции.

Кэйн напрягся, готовясь порвать ремни.

— Кстати, — сказал вдруг Хирург, — пока ты не потерял память. Зачем, говоришь, тебе Авель? Можешь не отвечать — все равно узнаю, когда выпотрошу тебя. Обожаю выковыривать из пришлых всякие наноштучки.

Кэйн почти не слушал его — бросил все ресурсы на то, чтобы взять под контроль нанохирургический комплекс. Его энробы восстановились на шестьдесят процентов, он легко мог уйти, но ему захотелось поиграть с Хирургом.

— Зачем мне Авель? Я скажу тебе. Собираюсь его убить.

— Убить?! Этого безобидного пророка из секты скотоводов? Я узнавал о нем. Он не причинил никому никакого вреда. Бродит по миру и мелет языком. С него даже взять нечего, кроме праведности. А это неходовой товар.

— А что ты скажешь, когда узнаешь, что он собирается уничтожить мир?

— Брось, Кэйн, он безобиден как ягненок.

— Ягненок, зараженный вирусом, может погубить всю отару. Он может устроить конец света.

— Ты бредишь, Кэйн.

— Когда двадцать лет назад религиозные корпорации обменялись ядерными ударами, две трети человечества вымерло от радиации, не успев сообразить, что происходит. Мы выжили только потому, что стали нанотехами. Авель и его друзья ратуют за возвращение в прошлое, каким оно было до наноревoлюции. Но это невозможно. Если они преуспеют — всему конец.

— Погоди, что-то я не пойму, о чем ты. Вера запрещает пастухам пользоваться нанотехнологиями. А в силу молитвы я не верю. Чем они опасны?

— Авель — носитель энроба-самоубийцы. Подпольная разработка. Заразив другие энробы, он вызовет эпидемию энробных самоубийств. Стоит Авелю добраться до мегаполиса и активировать вирус — всему конец.

— Нанотехи найдут противоядие.

— На это уйдет несколько месяцев.

— Что с того? Один мегаполис вымрет — останутся другие. И вообще, Кэйн, по мне, чем хуже, тем лучше. Это мой мир. И он мне нравится. Я в нем хозяин и бог. Мне не нужен твой высокотехнологичный мир, в котором нет голода и болезней. Мне не нужен пасторальный мир, где живут в простоте и всем довольны. Меня устраивает то, что есть. И подите все к черту!

— Мир меняется, — сказал Кэйн, — хочешь ты этого или нет. И я не хочу, чтобы он менялся в сторону упрощения. А Авель хочет. У него благие намерения, и мне будет больно его убивать. Но другого выхода нет. Конец моего мира — это конец и твоего, Хирург.

— В твоих словах, пришлый, есть одна большая брешь. Ты забыл, где мы. Это Край Мира, Святые Земли. На тысячу километров вокруг ни одного мегаполиса. Если все так, как ты говоришь, что Авелю здесь понадобилось?

— Иерусалим, — сказал Кэйн. — Он идет в Иерусалим.

Энробы восстановились, нанохирургический комплекс был взят под контроль. Кэйн легко, как паутину, порвал ремни и встал.

— Не пытайся меня остановить, Хирург. Твоя игрушка подчиняется мне. — Он шевельнул рукой, и нанохирургический комплекс послушно развернулся к Хирургу. — Ты знаешь, что это — удаление энробной системы без наркоза. Боль, адская боль. А потом ты навсегда останешься калекой. Ты ведь не хочешь, чтобы я проделал это с тобой?

Хирург засмеялся.

— Тебе все-таки удалось меня провести. Но далеко ты не уйдешь. Я знаю все про адскую боль — и я готов рискнуть. Зато потом, когда ты попадешь в лапы моих ребят, ох уж я и потешусь!

Полиуретановый костюм на нем уплотнился за счет наночастиц, наполз на лицо и руки.

— Но я не буду мешать тебе, Кэйн. — Голос у Хирурга тоже изменился, стал лязгающим. — Мне плевать на тебя и на твою миссию. Но мне не плевать на себя. А мое благополучие зависит от того, кто из вас одержит верх. Вот почему я не только не буду мешать тебе, но и помогу. Дам любое оружие, какое попросишь.

— Верни револьвер.

Хирург кивнул, пошарил в кармане халата, протянул Кэйну оружие.

— Прощай, — сказал Кэйн и вышел.

Гориллы, охранявшие коридор, расступились, и Кэйн беспрепятственно спустился вниз. Ступил под палящее солнце. Пока он стоял, щурясь и обдумывая дальнейшие действия, сзади послышались торопливые шаги.

— Убейте его! — крикнул Хирург. — Не дайте ему уйти. Он сумасшедший!

Кэйн бросил тело в сторону, сделал кувырок, вскочил на ноги и прыгнул в седло мотоцикла. Вдогонку хлопали выстрелы, но он был уже далеко.

Через сто километров бензин в баке закончился, и Кэйн бросил мотоцикл в пустыне. Подхватил сумку и дальше пошел пешком. Впереди виднелись горы.

Кэйн шел быстро. Его организм работал в режиме нон-стоп. Насыщенные энробами мышцы не знали усталости, а мозг, усиленно снабжаемый энергией и кислородом, не нуждался во сне. Кэйн шел день и ночь, не останавливаясь даже для того, чтобы поесть.

На шестые сутки он настиг Авеля.

Авель шагал по заброшенному, полуразрушенному шоссе. Он шагал легко и пружинисто, как будто не было за спиной долгого, беспрерывного перехода. Праведный Авель, угодный Богу. Белые волосы покачивались в такт шагам.

Не останавливаясь, Кэйн расстегнул кобуру и достал револьвер.

Вот он, пророк, святой, чистая душа, не знающая сомнений. Конец настоящего и начало будущего. Какое будущее за тобой, Авель?

Кэйн прибавил шагу, поднял револьвер и на ходу прицелился.

Нет за тобой никакого будущего, Авель. Только прошлое. А в прошлое, каким бы хорошим оно ни было, не вернуться, как не войти дважды в одну реку.

Расстояние между ними сокращалось. Господи, дай мне уверенности в своей правоте! Утверди меня на моем пути. Не дай совершить непоправимое.

Кэйн взвел курок.

СКАЗАЛА ШЕЙЛА

1

Сегодня приснилось, будто Луна падает на Землю. Стою на балконе, рядом стакан с виски, в пепельнице сигара, а в небе — щербатое чудовище. Вокруг светло, как днем, дом слегка дрожит, а я виски допиваю. Потом уже поздно будет. Или нет?

Вот такой сон. Кто что думает?

Написал max_aon в 8:11, 3 мая.

Меньше на ночь пить надо! Гы-гы! — сказал T@HK.

О! И мне совсем недавно похожее приснилось. У нас нередко совпадают сны, лапочка. Цем! — сказала mareeta.

Забей и не обращай внимания, — сказал silverblade.

Виски какой был? Мне нравится Гленнс. Знаешь Гленнс? Это недавно заводик открыли — чудесный виски! — сказал Альфидиус.

Да иди в баню со своим шмурдяком! Макс, не слушай его, приходи, я тебе дегустацию устрою, — сказал Грег Грегсон.

Чего ты боишься? — сказала Шейла.

Макс всегда начинает день с поста в блог. Он может написать о снах. Или перепостить картинку. Или забросить хук и целый день собирать флейм. Или пожелать всем такого же стояка, как этим утром, — и тоже собирать флейм.

Он гордится, что постоянно на связи. Двадцать четыре на семь это триста шестьдесят пять. Его твиттер живет ночью и днем.

Сегодня Макс радует читателей записью о сне. Дурацком ночном кошмаре, который так и не выходит из головы. Макс не любит виски, не курит сигары и предпочитает расслабляться цифрой, а не аналогом.

Яичница. twit @ T@HK

Пара яиц, кусок черного хлеба из магазина напротив. Макс любит читать ленту под завтрак, не спеша, пережевывая еду и новости. Сегодня их меньше обычного, всего семь экранов. «Ты поел?» — твит от матери. Конечно, он поел, раз отвечает на комментарии.

Гайдлайн для гильдии он напишет завтра. Переживут, не маленькие. Макс разворачивает окно третьей линейки. Его персонаж сидит в таверне. В чате лениво перебрасываются фармы и сейферы. Ради смеха Макс заказывает яичницу.

В линейке лениво. Макс скайпает друга. Тот недавно лег и посылает его подальше. Вебка показывает чью-то голую пятку. Макс делает скрин.

Угадай кто! twit @ silverblade

Из колонок постукивание, кто-то мешает персу жрать нарисованную болтунью.

— Привет.

— А, привет, Шейла.

Снова эта нубка. Она милая и схватывает на лету. Гильдия обязала Макса присматривать за ней. Не сказать, чтоб это сильно его расстроило. Симпатичная девчонка, и доспех хороший нарисовала, за него мастер сразу восемь пойнтов дал.

Она ставит кружку, которой била по столу.

— И снова здрасьте.

Две светлые косички падают на лоб, большие зеленые глаза смотрят открыто и слегка удивленно.

Она похожа на персонажа какого-то давнего мультфильма. Макс все собирается порыться на видеонистических сайтах, но каждый раз ему некогда...

Зато Макс знает о ней все. Или почти все. Или почти все, что есть в сети.

Ее зовут Ольга Шейнина. Она живет в его же городе, второкурсница, любит вино и фисташки, рисует и мечтает однажды прыгнуть с парашютом.

Шейлу слишком легко найти. Она везде заводит одинаковый логин, оставляет ирловые фотки и ведет мультидневник.

Шейла ему нравится. Хоть она — самая настоящая единобложница.

— Сегодня пойдем тебя прокачивать на болото, — говорит Макс. Его персонаж хмурится в двадцать четвертом смайле — «скрытая угроза».

— Очень романтично. Жабы, кувшинки...

— Какие жабы? Болотные чуды, комары-насосы, утопленники, духи омутов и прочий джентльменский набор для юной леди.

— Класс. Слушай, блейдмастер Макс, почему ты меня водишь в какие-то жуткие места? Подземелья, кладбища, болота... Фантазии на другое не хватает?

Смайл тридцать пять — «легкое лукавство». На ее персонаже выглядит очень симпатично. Макс с завистью думает о продвинутом мокапе. Такие щечки и ямочки полигонами не отрисуешь.

— Ну не в сад магнолий же тебя водить, — говорит он, посмеиваясь. — На ароматах экспы не заработаешь.

— Да хоть бы и в сад. Я знаю — ты заходил на мой акк. И не раз.

— Это тут при чем?

— В настоящий сад не хочешь прогуляться?

Макс срывает наушники и зачем-то прикрывает шторку на выключенной вебке. Ерунда какая-то... Она приглашает его на свидание? Девчонка? Первой? Никогда!

— Шейла.

Смайл тридцать четыре. Интересно все-таки, мокап у нее или нет?

— Я как раз думал новую приблуду потестить, — лениво бросает в микрофон Макс, — можно совместить. Не придумал, куда ее вывезти. Можно в сад, вай бы и нот?

— Завтра днем свободен?

— Да. Давай в три. А сейчас — на болото.

2

Сегодня пойду разбираться с новым релизом геомарка. Прога цепляет координаты с вышек, переводит их на карту и сбрасывает в твит. Так что, дорогие френды, вы теперь будете знать, где ваш дорогой Макс обитает. Фоточки последуют.

Да, чуть не забыл. В испытаниях поможет Шейла. Кому охота развиртеться — вэлкам, следите за объявками!

Написал max_aon в 9:15, 4 мая.

На чем пробовать будешь? Аппарат какой? — сказал Расмус Элентари.

Обязательно патч поставь, иначе выдаст тебе Финляндию, — сказал Velik.

ЭтО СвИдАнИе?? РомАнТиЧнО!!! — сказала ГлАмуРРная012.

Я ревную, дорогой, — сказала mareeta.

Геомарк — фигня. Классику используй, она никогда не подводила. ЖПС, например, — сказал Адриан Сосновский.

Комплект не забудь. Гы-гы! — сказал T@HK.

Жд, — сказала Шейла.

Макс идет по улице. Серая куртка с красными вставками развевается по ветру. На шее здоровенные наушники, из которых играет тяжелый электродэнс. В руке держит смартфон, помахивает им в воздухе.

Он проходит белую колоннаду и сбегает по лестнице на небольшую площадь. Его обступают молодые вишни в нежно-розовых цветках.

У клумбы стоит девушка. Ветер играет двумя хвостиками и подолом легкого платья, торчащим из-под куртки. Она очень похожа на своего персонажа.

— Привет, Шейла!

— Привет, Макс!

«Смайл одиннадцать», — привычно думает Макс и чертыхается про себя. В ирле ведь.

— Смотри, какая штуковина! — он тычет ей под нос смартфон. — Жму сюда, и он тут же отправляет новое местоположение:

Малый ботсад. twit @ max_aon

— Здорово, — улыбается девушка. — А в душ ты его носишь?

— Нет, что ты. Он же не прорезиненный. Хотя это идея. Надо будет поменять...

— Забудь-забудь!

Шейла смеется и натягивает капюшон. Светлые локоны торчат из-под него.

— Магнолия цветет, — говорит она и берет Макса под руку. — Пойдем.

ЦвЕ .. !!! . twit @ ГлАмуРРная012

Они прогуливаются по дорожкам. Розовый с фиолетовыми прожилками аромат завивается вокруг них. Зелень еще не покрылась пылью, и газоны пока еще газоны, а не вытоптанные пустыри.

Макс наставляет Шейлу на путь истинный.

— Ты же художница, так? Ты в каком спайде участвуешь? Вроде бы в «Артноксе» видел тебя. Или в «Ноарте»? Не помню. Но на компе все записано, ты так и знай!

— Какая честь, — морщит нос Шейла. — Я везде одна и так же. И в «Артноксе» тоже.

— Единобложница, — Макс честно пытается изобразить смайл тридцать два.

— Пантеонист, — хмыкает Шейла.

— Здесь еще фонтан открыть собрались.

Макс честно прочитал все новости о ботсаде, просмотрел 3D-схему и чувствует себя во всеоружии.

Хотя в виртуре нет этой дурацкой лужи. И капель грязи на ногах Шейлы там нет.

Впрочем, там нет и этого одуряющего запаха. Он забивает все. Макс думает: надо было антиаллерген принять.

Шейла считает, что лекарства в некоторых случаях вредны.

3

Я очень люблю пиццу. На тоненьком корже, с оливковым маслом и острым соусом. Обязательно много-много сыра. Лучше — мясо, но можно и курицу, и колбаски, и даже морских гадов. В пицце должны быть овощи. Помидоры, перец. Маленький стручок чили. Орегано. Пиццы без орегано не существует. И сладкую пиццу не понимаю.

Да, я очень люблю пиццу.

Но порой стоит оценить тонкий вкус какого-нибудь экзотического фрукта.

Написал max_aon в 12:38, 8 июня.

Класс! А сам готовишь? — сказала mareeta.

Вот некоторые работают, а ты так перед обедом. Изверг! Бурчу на тебя животом! — сказал Van Rhine.

Гурман. Гы-гы! — сказал T@HK.

Экзотический фрукт? Спасибо)), — сказала Шейла.

— Ты знаешь, Шейла, на самом деле это очень сложно — вести пантеон.

В руке у Макса бутылка с газировкой. Он размахивает ею, как тамбурмажор.

— Просто так завести несколько акков — каждый сможет. Например, спец акк для троллинга и эльфинга или тематически разбить блог на несколько разделов. Это все просто. Труднее — дать им жизнь. Мы — демиурги виртуальности. Мы строим миры!

Шейла тихо смеется.

— Вам, единобложникам, этого не понять. Ты придумываешь им судьбу, пишешь от их имени бытовую мелочовку, отправляешь в отпуск, рисуешь им фотки. Это сложно, но оно того стоит!

— Что того стоит?

Макс молчит.

— Объясни мне. В чем кайф?

— Ну...

— Я пишу свою жизнь, — говорит Шейла. В ее руке — рука Макса. Она водит ярко-синим ногтем по его ладони. — Я такая, как есть. Везде. На любых ресурсах. У меня мультиакк с релогином на многие ресурсы. Ты очень легко нашел меня. Вот это — того стоит.

У мечты есть только один владелец. Вот почему мечтатели одиноки. twit @ mareeta

Макс выбрасывает бутылку.

— Тебе не понять.

— Похоже на то. Могу запомнить. Это у меня получается неплохо, Блейдмастер и прочие. Кстати, сколько их у тебя?

— Пять или шесть... Не помню.

— Но ты сейчас со мной.

— Я с тобой.

— И выключи, пожалуйста, смарт. Не надо писать в твиттер, чем мы заняты. Особенно в подробностях.

Развлекухи не будет. Всем чмоки. twit @ silverblade

Макс откладывает телефон.

4

Порой сложно сказать, что на душе у человека. Какие мысли он прячет.

Мне постоянно кажется, что она недоговаривает. Улыбается, молчит, остается себе на уме. Что где-то существует настоящая она, не такая. Что я постоянно вижу маску.

Не может быть так хорошо просто так! Не может!

Написал max_aon в 23:11, 3 июля.

Мэн, забей. Не стоит все этого, — сказал Риверос.

РомАнТиЧнО!!! Что БуДеШ делать?? — сказала ГлАмуРРная012.

Слышь, братишка, ты только дуростей не делай. Приезжай, поговорим, — сказал Leighton.

Не ими себе мозги. Выбрось их из головы. Гы-гы! — сказал T@HK.

Позвони мне, — сказала Кирана.

Наконец-то ты начал что-то понимать. Она не пара тебе. Не пара, — сказала mareeta.

Дамы, вы долбанулись? Не слушай их! И пост сотри! — сказал Ривалдиньо.

Не ожидала, — сказала Шейла.

Макс сидит на стуле. Он похож на угрюмого нахохлившегося грифа. Красные от бессонной ночи глаза. Пальцы стискивают щит и верного союзника — смартфон. Внутри сила четырех спайдов, не готовых отпустить своего друга из общих сетей.

Шейла смотрит в окно. За ним дождь. Капли разбиваются о подоконник. Дробь капели задает ритм движениям Макса.

Печаль моя светла. twit @ mareeta

Бежевые кресла и кофейный полумрак. Широкий запах арабики и терпкие ноты робусты. Маленький ресторанчик пустует. Некому подслушать их разговор.

Шейла уверена: к прямой трансляции по сопкасту уже подключились несколько человек. Она немного представляет, как поведет себя Макс.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает она.

Ответа даже не ждет. Но Макс вскидывается.

— Почему? Зачем ты надеваешь со мной маску? Ты никогда не пишешь о нас!

— Потому что мне интереснее быть с тобой, чем обсуждать тебя в сети.

— Ерунда! — Макс бьет кулаком по столу. — Так не бывает! Слушай, я никогда не поверю, что у тебя нет никакого другого блога.

— Не блогохульствуй, — усмехается Шейла. Ее глаза щурятся. Она берет салфетку и вертит в руках.

— Я действительно не понимаю. Как тебе удается спокойно жить вот так? Без закрытого обсуждения с подругами. Без завалящего фейка для секс-шопа. Даже без отдельного акка в «Квестах и крестах»...

— Мне хватает ретрансляторов и коллекторов. Макс, мне правда их хватает. Честное слово. У меня нет других блогов, где я обсуждаю тебя или смеюсь над тобой из-под виртуалов. Проверь логи в почте, если не веришь. Я ничего не хочу от тебя скрывать.

— Да я уже, — отмахивается Макс.

— Опа. Прекрасно.

Keep'on running. twit @ silverblade

Шейла поднимается и завязывает шарфик вокруг шеи. Его кончиками она промакивает глаза. Губы превратились в две ниточки.

— Эй, ты чего?

— Ничего. Спрашивать надо. Урод.

— Постой!

Она уходит. Силуэт мелькает в окне, он кажется размытым, как старое видео низкой четкости.

Беги, Лола. twit @ T@HK

— Не понимаю, — шепчет Макс. Он глотает остывший чай. Листики оседают на стенах, образуя паутинку. — Не понимаю. Все же говорили, что так не может быть... спайд не может ошибаться.

Эй, вернись, пожалуйста! twit @ max_aon

Макс пишет Шейле в твиттер. Отправляет сообщения на все известные ему аккаунты. Вспоминает о коллекторе. Хочет посмотреть, действительно ли сообщения попали на один ящик, — и не может зайти. Шейла сменила пароль.

Тени из сети обступают его, нашептывают советы. Он сломя голову выбегает из кафе.

5

Сегодня пятница — и я совершенно свободен. Ваши предложения, товарищи блогеры?

Да, можно поздравить тех, кто ставил на два месяца. Ровно столько удалось выдержать с единоложницей. Запад есть запад, восток есть восток.

Написал max_aon в 11:22, 4 июля.

ВыИгРРала! — сказала ГлАмуРРная012.

Я тебе потом расскажу все, что думаю о тебе, — сказал Виктор Семенов.

Н-да, чувак. Однако, — сказал Lexxa.

Хорохоришься? Ну-ну, — сказал silverblade.

Давай на концерт сегодня? В «Бонго» в семь. Флаер см. в личке. Чмок, дорогой! — сказала mareeta.

Комплект не забудь. Гы-гы! — сказал T@HK.

Киплинга сдал, теперь Свифта почитай, — сказала Шейла.

Макс бродит у ночного клуба. Яркая вывеска разбрасывает голографическое шампанское. Сегодня выступает группа «Альтер Эго», и вокруг много колоритных личностей. Макс чувствует себя слишком простым для этого места.

Он уже полчаса слоняется у входа. Зрители неспешно перемещаются внутрь. Сияющий неоном портал проглатывает их одного за другим.

Макс набирает Мариту — абонент вне зоны. Она не пользуется геомарком, зацепить ее по координатам не выходит. Он пишет эсэмэс.

Охранник задумчиво смотрит на него. Макс ежится от взгляда и идет купить воды. Вскоре смарт выплевывает сообщение: «Скоро буду, заходи пока».

Макс протягивает флаер.

— Сам идешь?

— С девушкой. Она будет позже.

— Если будет...

— Что-что?

— Проходи.

На сцене рычит бедняга на разогреве. Клуб полупустой. Почти все, бродившие у входа, и составляют аудиторию. Не позавидуешь выступлению в таких условиях. Дальние столики прячутся в тени, ирокезы и ярко-красные дреды склонились над смартами и смолбуками.

— Ириш-кофе, — бросает Макс, устраиваясь на высоком стуле у бара.

— Момент.

Сижу, смотрю. twit @ max_aon

— Что-то мало людей, — банально замечает Макс. Напиток скользит по трубочке, обжигает небо горячим алкоголем.

— Провалится концерт, — поддакивает бармен. — И не в первый раз.

— Вот как?

— Угу. Знаешь почему? Регистрируется куча народа, потом оказывается, что каждый свой пантеон за собой тянет. Обещается двести-триста человек, приходят сорок-пятьдесят. Будущее за веб-трансляциями. Хоть на деньги не попадешь.

Бармен отвлекается на любителя пива.

Максу кажется, будто старина Зевс только что пригвоздил его молнией. Трясутся руки и очень жарко внутри. Он достает смарт, роняет на стойку.

Вот его эсэмэс. Вот ответ на него.

Вроде все нормально.

Но не совсем.

Mareeta — его креатура. Часть его пантеона.

Он сам себя пригласил на концерт. Сам с собой договорился. Сам себя ждет.

И совершенно не помнит, когда делал все это.

6

В нашем мире очень легко потеряться. Мы, пантеонисты, сами прикладываем к этому руку. Интересно, сколько личностей окружает нас?

Это очень интересно — придумать другую жизнь, так, чтобы никто не догадался. Хотя догадываются, конечно. RSS-запросы по интересам, двойной смарт-перевод, чтобы не было копипасты, деньги за отрисовку фотографий.

Другие ведь действительно пишут эти источники. Вот и возникает вопрос: кто живее? Те, кого мы выписали, или мы, «демиурги», растратившие себя на креатуры?

Существуем ли мы?

Написал max_aon в 02:15, 5 июля.

Комментарии закрыты.

Макс когда-то настроил политику аудита — боялся, что кто-то с его компа будет ходить в сеть и гадить от его имени. Снаружи так никто и не прорвался.

Он прекрасно справился сам.

Макс проверяет логи. Креатуры активно ходят в гости, комментируют, ссорятся, мирятся. Приглашают на свидание. Обещают кому-то набить морду и се-

туют, что обидчик не явился на встречу. Зарабатывают деньги и тратят их.

Часть постов Макс помнит. Большую часть — нет.

Ай-пи адреса у всех разные — личности проработаны с любовью к деталям. Но список прокси-серверов висит на рабочем столе.

Реальность становится зыбкой и эфемерной. Вот квартира, вот компьютер, вот окно. Вот монитор, в котором тоже есть квартира, окно и еще один мир. И в нем еще один.

Макс смотрит на походный рюкзак, купленный пару лет назад. На портмоне с карточками. Деньги у него есть.

На чем стоит мир?

Он отключает смарт. Чаще всего твиты уходят именно с него. Фальшивые птички.

В темном мониторе отражение.

На него смотрит Танк — суровый парень из Сибири, каждое сообщение заканчивающий дурацким смехом.

На него смотрит ГлАмуРРная012 — прыщавая девчонка из глубинки, мечтающая стать звездой веб-шоу.

На него смотрит Силверблейд — профи компьютерных ролевок.

На него смотрит Марита — начинающий психолог и роковая любительница рока.

Быть может, есть и другие, о которых он даже не догадывается.

Макс не видит себя.

7

Эй, ребята, а кто Макса видел? Давно уж ничего не писал, не скайпается, даже не чирикает? Может, случилось чего? В больницу попал, например... Кто что знает? Кто его вообще последний раз ирл видел?

Написала mareeta в 14:40, 11 августа.

В больнице сейчас есть вай-фай, — сказал Андрей Березовчук.

А если он в коме? — сказала Lynn Taylor.

Набрал его — телефон вне зоны, — сказал Mazzaratti.

Хиккует наш Макс. Или в Гоа укатил. Сейчас многие так делают, — сказал Нико.

Терпи, Макс. Удачи тебе, — сказала Шейла.

Шейла выключает комп.

УБАЮКАТЬ НОЖ

Просыпаюсь — печенка екает,
Лунный свет изо всех щелей.
Это кто там по крышам грохает,
Кто пылит веерами ушей?
Чую запах дерьма и древности,
Теплой шерсти и молока,
Брешут карты земной поверхности,
Нет доверия им пока.
Серых призраков бивни белые,
Над ночною землей парят
В небесах ничегонеделания
И зрачками штормов глядят
Прямо в душу. О древнем племени
Не дает позабыть азарт.
Жизнь полнее в прошедшем времени,
Карты лучше с изнанки карт.

Стивен Кинг. Храм из костей[1]

ПРОЛОГ

Ребятишки — класс второй, наверное — столпились вокруг статуи слона, прикрытой чуть светящимся колпаком силового поля. Разноцветный пластик фигуры потрескался и потемнел от времени, края хобота-горки облупились. Детишек наверняка привезли на экскурсию из какого-нибудь приморского летнего пансионата.

— До падения метеорита здесь, на побережье, стояли курорты и базы отдыха, — рассказывала экс-

[1] Перевод Игоря Минакова.

курсовод, приятная девушка года на два старше меня. Волосы ее были стянуты в длинный хвост, черная челка падала на нос, закрывая пол-лица. Музейная голубая униформа ладно сидела на ее крепкой фигурке. — За время Бесконечной зимы произошло общее падение нравов и культуры, многие знания были утеряны. Когда наши предки снова вернулись сюда, они приняли фигуры, обнаруженные ими в парке аттракционов и уцелевшие во время пожаров, землетрясений и цунами, за статуи богов. Особое впечатление на них произвела прямая двадцатиметровая водная горка в виде слона и тридцатиметровая спиралевидная в виде змея...

Я подмигнул ей. Но девушка не заметила — была слишком занята. Я обошел малышей и двинулся в следующий зал. Там находились изображения богов, которых вельче сделали уже самостоятельно — из камня, глины, бивней нарвалов и моржей. Здесь стояла и моя любимая фигура. Я всегда, когда приезжал на каникулы к отцу, первым делом заглядывал в музей и навещал этого слоноголового воина, вырезанного из бивня огромного моржа.

Кервин знал об этом.

— Ты же пойдешь в музей? — сказал он, когда звонил мне вчера. — Загляни в кафе, поболтаем.

— О чем? — спросил я.

— Один человек хочет с тобой познакомиться. Мы тут команду собираем... В общем, приходи к одиннадцати!

Он отключился. Я не собирался вступать ни в какую команду. Тем летом я окончил колледж и приехал к отцу, чтобы устроиться на работу в генетическую лабораторию при рыбоводческом хозяйстве. Не могу сказать, чтобы мне легко это далось. Мать была категорически против. Но я так решил еще год назад, и ей так и не удалось переубедить меня, хотя все это время она ездила мне по ушам, какую замечательную карьеру я бы мог сделать в кино.

— У тебя есть Мелисанда, — отвечал я обычно.

— Она еще маленькая! — стандартно возражала мама. — А у тебя такая фактура, Авенс!

У меня светлые волосы, темные глаза и брови. Как и многие ребята, я занимался телостроительством, но без фанатизма. Однако тренировки и спелеотуризм, которым я увлекся лет с двенадцати, не прошли даром.

— О да. Всю жизнь играть злодеев, маньяков и странных ученых, — кивал я. — Отстань, мама. Я не буду торговать своим телом.

— Но продавать себя все равно придется!

— Да, — соглашался я. — У меня еще и мозги есть.

Класса до четвертого в школе я откровенно скучал — пока не началась генетика. Тут я оказался лучшим, как на лабораторных, так и на теоретических занятиях. Мне нравилось лепить всяких зверюшек. Классный наставник посоветовал мне после шестого класса идти в биотехнический колледж. Я так и сделал. Рыбоводческое хозяйство «Медуза» заказало мне соггота, который и стал моей дипломной работой. «Медуза» купила патент на моего соггота, а меня пригласили на работу, пока в качестве младшего лаборанта.

Четырехметровая статуя стояла в середине сводчатого зала. Она изображала воина в набедренной повязке и пластинчатом доспехе. На голове у него был шлем, весьма смахивающий на современный противогаз, обильно увешанный трубочками и пружинками, а вместо дыхательной трубки был ребристый ствол пулемета. На выпуклых кругах глаз чернели глубоко вырезанные кресты. По обеим сторонам хобота-пулемета находились бивни. Когда-то их выкрасили в красный цвет. И эта краска, хотя со временем потемнела до буро-алого, не облупилась. Разумеется, девочка с хвостиком, бодро тараторившая в соседнем зале, описала бы его иначе. Зооморфизм, тотемизм, анимализм... Но я всегда видел его именно так. Для того

чтобы увидеть воина целиком, надо было подняться на галерею, опоясывавшую зал на уровне первого этажа, что я и сделал. Я оперся на перила.

— Привет, — сказал я ему.

Он, как всегда, промолчал. Лишь поблескивала темная краска на бивнях. Кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся и увидел Кервина. Тут я вспомнил, что вход в кафе находится метрах в пятидесяти отсюда, между ларьком сувениров и выставкой образцов магматических пород. В первый момент я не узнал парня, с которым в детстве собирал ракушки на берегу, нырял с прибрежных скал и играл в прятки на Кладбище Морских Тварей. Кервин всегда был худеньким парнишкой, едва доставававшим мне до плеча. В драках его сшибали с ног первым. А теперь передо мной стоял здоровяк, живая груда бугрящихся мышц. Из-за малого роста Кервин казался квадратным, как борцы вельче на старинных фресках. Кервин явно посвятил последний год телостроительству.

— Пойдем, — сказал он. — Нас уже ждут.

— Даже боюсь теперь сказать тебе «нет», — ответил я.

Кервин расплылся в довольной улыбке, когда мы проходили мимо ярко подсвеченной витрины сувенирного ларька — зажигалки в виде мужчин с огромными фаллосами, тарелочки с аутентичным узором, маски с перьями, бронзовые змеи, амулеты в виде клыков с резьбой. Я с надеждой осведомился:

— Надеюсь, человек, который хочет со мной познакомиться, — это такая, с черным хвостиком?

Это было вполне возможно — экскурсия уже могла закончиться. Кервин понимающе вздохнул и отрицательно помотал головой. Мы подошли к столику, за которым сидел рыжий мужчина с раскрытым планшетником. Отсюда тоже был виден мой воин — хотя и в несколько непривычном для меня ракурсе. Мужчина смотрел на статую и, видимо, о чем-то размышлял.

— Вот он, — обратился Кервин к мужчине.

Мы были еще не знакомы, но то, как он смотрел на мою любимую статую, уже вызвало у меня симпатию. Приятно разделить с кем-то свою любовь к прекрасному. Мужчина оторвался от созерцания воина и перевел взгляд на меня. У него было удивительно добродушное лицо, очень белая кожа, как часто бывает у рыжих, и светлые, почти прозрачные глаза. На вид я бы дал ему лет двадцать пять. Самый удачный возраст — он казался мне достаточно взрослым, чтобы я его слушался, но еще не выглядел в моих глазах старым занудным пнем. Он был худым и, как выяснилось позже, довольно высоким парнем. Про таких говорят, что они будто из железа сделаны.

— Здравствуй, Авенс. Моя фамилия Орузоси, а зовут меня Катимаро, — представился он, задумчиво глядя на меня. — Присаживайтесь, ребята. У меня такое чувство, что я тебя, Авенс, уже где-то видел.

Этими словами он резко и бесповоротно испортил то первое приятное впечатление, которое успел произвести на меня. Терпеть не могу, когда меня узнают на улицах и начинают задавать глупые вопросы восхищенным голосом.

— Ну, мою голую задницу ты мог видеть в «Семи лепестках любви», третий сезон, — сказал я, плюхаясь на стул рядом с ним.

Кервин последовал моему примеру. Орузоси уже заказал три холодных коктейля. Стаканы с напитком стояли на столе. Кервин придвинул к себе один из них и взялся за соломинку.

— Еще я снимался в «Трех маленьких разбойниках» и «Далекой звезде», — закончил я мрачно.

Мать категорически отказалась как разорвать контракт, когда я родился, так и отдать меня няне. Сценарист бодро вписал новую сюжетную линию в сериал, и первый год жизни я провел на съемочной площадке. Когда мне исполнилось семь, искали харизматичного бесенка-очаровашку для фильма о трех веселых хулиганах. Я слышал, как мать разговаривала об этом

с отчимом. Режиссер уже пересмотрел двести штук мальчишек разной степени хулиганистости, но ему никто так и не понравился, а уже пора было начинать съемки. Мать, которая должна была играть в фильме строгую, но добрую учительницу, начинала нервничать. Я не хотел, чтобы она расстраивалась, и спросил, сколько мне заплатят. Мать заверила меня, что достаточно, чтобы купить космический корабль с витрины «Вэлстока», на который я ходил смотреть уже полгода. Я согласился попробовать. Режиссер пришел от меня восторг, и съемки начались. В «Далекую звезду» они меня уже сами позвали, тогда мне было тринадцать. Тогда я окончательно понял, что я — не актер, хотя все хором и убеждали меня в обратном. Мне кажется, ходить и говорить перед камерой может каждый. А меня очень утомляет большое количество людей, смеющихся, суетящихся и ссорящихся вокруг меня. Я думал, я свихнусь, и в конце съемок держался только мыслью о том, что эти деньги нужны мне, чтобы оплатить колледж. Я хотел в Гаарски, который считается лучшим биотехническим колледжем Пэллан, а мать с отцом могли оплатить мне только Сас, который относится к второразрядным учебным заведениям. Тогда я сразу после съемок сбежал под землю, в двухнедельный поход по карстовым пещерам Поющего озера.

Орузоси еще раз покосился на четырехметровую статую в центре зала и ответил:

— Нет.

— Уверен?

— Да, — ответил Орузоси. — Я не смотрел ни «Лепестков любви», ни про разбойников, ни про... как ты сказал?

Я очень удивился. Орузоси наблюдал за мной.

— Я тебя не обидел? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Обрадовал.

— Тогда хватит нож баюкать, — кивнул Орузоси.

Это присловье я услышал впервые и тогда даже отдаленно не догадывался, что оно обозначает.

— У тебя третий разряд по подземному туризму? — продолжал он.

Разговор неожиданно становился интересным.

— Да, — сказал я.

— Сертификат у тебя при себе?

Я достал кошелек и вытащил из него пластиковую карточку сертификата. Орузоси провел ею по приемной щели в своем планшетнике, и тот удовлетворенно бипнул.

— Так, — сказал Орузоси, возвращая карточку мне. — Как насчет прогуляться по пещерам?

— Спрашиваешь. Всегда, — сказал я. — Но я через неделю должен приступить к работе.

— Где?

— В «Медузе».

— Ты приступишь чуть позже, — сказал Орузоси. — Этот вопрос мы уладим.

— Хотелось бы посмотреть твои документы, — сказал я. — Могу я знать, кто меня нанимает?

Орузоси достал пластиковое удостоверение и дал мне. Меня нанимала, как оказалось, РСБ — Республиканская Служба Безопасности.

— Почему-то я так и подумал, — сказал я.

Орузоси перевел на меня вопросительный взгляд.

— Связь с единой базой данных, — сказал я, махнув рукой на его планшетник. — Что ж, хорошо. Но не хотелось бы потерять в деньгах.

— Не потеряешь.

— И куда придется ехать?

— Никуда.

— Но в Вельчера нет подземных пещер.

— Есть Подземный Приют.

Он наклонился ко мне и доверительно прошептал:

— Там завелись крысы...

Пока я сидел, обалдевший, и не знал, что сказать, Орузоси посмотрел куда-то поверх моей головы и за меня.

— А вот и последний член нашей компании, — сказал он. — Закончила экскурсию?

— Да, — раздался веселый голос. — Убаюкала свой нож!

Орузоси мягко улыбнулся — это явно была его старая знакомая. Я обернулся и увидел девушку с черной челкой, закрывавшей половину лица. Она успела сменить голубую форму экскурсовода на веселый летний сарафан.

— Познакомьтесь, — сказал Орузоси. — Это Анша Таринди. Это Кервин Даж, а это Авенс Марримит.

1

Орузоси снял налобник и примотал его ремешками к какому-то корню в низком потолке. Импровизированная люстра осветила грот — небольшой и, что было немаловажно, с узким входом. Я снял рюкзак, бросил его на пол и сам повалился сверху. Анша села на землю и принялась рыться в своем рюкзаке одной рукой. Достав спиртовой карандаш с зеленкой и бинт, она оторвала растрепанный рукав с другой, оттерла кровь и грязь с раны и намазала зеленкой.

— Давай помогу, — сказал Кервин.

Он поднял бинт, сорвал с него упаковку и принялся ловко наматывать его на руку Анше.

— Спасибо, — сказала она.

Я засмеялся. Анша покосилась на меня. Я расхохотался еще пуще.

— Что ты ржешь, как ненормальный? — сурово осведомился Орузоси.

Он отдыхал у дальней стены.

— Крысы, — давясь подступающим к горлу смехом, сказал я. — Кажется, в Подземном Приюте Вельчера завелись крысы...

Анша и Кервин расхохотались тоже. Даже Орузоси усмехнулся.

Подземными Приютами называлась система огромных бункеров, связанных разветвленной сетью туннелей. Всего Приютов сорок шесть, по числу вольных краев, составлявших Республику Пэллан, — тринадцать с северной части экваториального хребта, тридцать три с южной. В каждом Приюте могло с некоторым даже комфортом разместиться население того края, в котором он находился. Бункеры были снабжены всем необходимым: водопроводами, системами вентиляции, освещения и отопления. Склады ломились от консервов, лекарств, одеял и всего прочего, что может понадобиться при экстренной эвакуации под землю.

Подземные Приюты были самым дорогим проектом противометеоритной защиты в освоенной людьми части Вселенной. Культурологи из Орионского Альянса обследовали Подземный Приют Раазвима, находившийся рядом с нашей столицей. (Десять лет назад на Пэллан наткнулся космический торговец. Таким образом мы установили контакты с остальными обитаемыми мирами и семь лет спустя вступили в Орионский Альянс.) Остальные Приюты культурологам не стали показывать по стратегическим соображениям. Но увиденного хватило, чтобы Подземные Приюты Пэллан были внесены в фонд культурного наследия Орионского Альянса. И очень вовремя. Содержать эту огромную инфраструктуру было накладным делом, несмотря даже на то, что Приюты строились по технологиям варивикков, в языке которых не было слова «ремонт».

Культурологи — ребята вежливые. В описаниях Подземных Приютов, что имеются в туристических путеводителях по Пэллан, явно слышится если не насмешка над столь дорогой причудой, то по крайней мере снисхождение к слабостям других. Некоторые честно пытались встать на нашу сторону. Отмечалось, что, возможно, благодаря этому проекту на Пэллан никогда не было войн между населявшими ее народа-

ми. Точнее, Пэллан населяет один народ, мы все — потомки варивикков. Однако история каждого мира знает братоубийственные войны — кроме нашего.

К западу от Зюнзейка есть мертвый мир Ауея. Там жили веселые землепашцы и охотники, числом около семи миллиардов. Эллориты включили их в состав своей империи, не особенно интересуясь их мнением. Лет через двести после этого мнения исчезли вместе с теми, кто мог их высказывать. Для этого хватило заплутавшей в космосе каменной глыбы диаметром в пять с половиной километров. Эллориты, что бы о них теперь ни говорили, были людьми слова. Они вывезли всех выживших с Ауеи на другую планету, незаселенную и более-менее подходящую по климату. Всех, то есть все четыре с половиной миллиона. Если уж говорить об эллоритах, неподалеку от Золотых Фонтанов находится планета Заара, с которой даже вывезти никого не успели после того, как их долбануло блудным космическим камушком двадцати километров в диаметре.

Так вот я думаю, что беженцы с Ауеи и ребята с Заары не позволили бы себе даже намека на усмешку, если бы им довелось узнать о Подземных Приютах Пэллан. Они бы нас поняли. Некоторые вещи можно понять, хорошенько поразмыслив о них. Но есть события, которые надо пережить, чтобы понять.

На Пэллан никогда не было собственной разумной жизни. Когда варивикки обнаружили эту планетку с прелестным климатом, они уже лет сто как полностью превратили собственную Варвву в огромный промышленно-индустриальный комплекс. Варивикки решили сделать здесь планету-курорт и преуспели в этом. Варивикки терраформировали Пэллан по собственному вкусу. Единственный материк у нас тянется вдоль экватора. По сути, это поднявшаяся из воды огромная вулканическая цепь и прилегающие к ней долины. Варивикки нарастили длинные полуострова на каждый мыс, имевшийся в их распоряжении, и материк

стал напоминать двустороннюю гребенку. Туристы отдыхали в отелях на побережьях бесконечных полуостровов, а в долинах у подножия гор растили хлеб, хлопок и тааргес — больших миролюбивых зверюг с очень вкусным мясом. Пэллан была курортом на самообеспечении.

Именно это позволило нам выжить, когда пути Пэллан и огромного болида пересеклись — столь же внезапно, сколь и фатально. Трехкилометровое цунами обогнуло планету четыре раза, об остальных последствиях я уж и не говорю. Каждый может прочесть о них в учебнике по истории за третий класс. В Северном полушарии никто не выжил, кроме вельче. Мои предки успели спрятаться в карстовых пещерах, в изобилии имеющихся вокруг Поющего озера. Когда окутывавшая планету мгла рассеялась (именно этот темный период называли Бесконечной зимой, о которой рассказывала Анша), вельче откочевали на север, к морскому побережью. Среди выживших оказался целый клан биоинженеров, которые и населили оскудевшее море первыми согготами. Но и вельче, и южане, после того, как перебрались через экваториальный хребет и заселили опустевшие земли на севере, еще долго обходили стороной кратер Небесного Огня. В конце концов любопытство взяло верх над памятью о катастрофе. Научная экспедиция доставила в Национальный музей в Раазвиме то, что уцелело от болида. Одна из серий «Далекой звезды» снималась в музейных интерьерах. Как-то после съемок я зашел в зал, где стоит эта оплавленная никелевая глыба размером с коттедж моего отца. Когда она, пылая, врезалась в атмосферу Пэллан тысячу лет назад, она имела не меньше десяти километров в диаметре. Ученые называют цифру на основании каких-то своих расчетов, в которых пляшут от размеров получившегося кратера — а он имеет триста километров в поперечнике. В зале с метеоритом всегда очень много

людей; но, в отличие от других экспозиций, здесь всегда очень тихо.

Люди молча стоят у ограждения и смотрят.

Варивикки же в тот момент, когда на Пэллан свалился кусок раскаленного металла, готовились к войне с соседями. Эта раса называла себя аштаргами. Наши предки на Варвве приняли падение метеорита, этот космический несчастный случай, за провокацию аштаргов. За обходной маневр, за удар с фланга. И с радостью ответили. Аштарги, как выяснилось, тоже давно подумывали о маленькой победоносной войне. Вот так и получилось, что сначала спасательный караван послать не успели, а потом стало уже и некому.

Через сто лет после того, как были созданы Подземные Приюты, нам удалось набрать достаточное количество ресурсов на создание более эффективной противометеоритной системы. Генераторы были установлены на трех спутниках Пэллан — Ану, Баазе и Тускаре — таким образом, чтобы при первых признаках опасности укутать нашу планету тонким, но непробиваемым плащом силового поля. За время своего существования барьер автоматически сработал четыре раза. Трижды причиной послужили небольшие метеориты, путь которых на этом и закончился, а в хрониках появились восторженные записи. В четвертый раз на барьер налетел корабль космического торговца, о котором я уже упоминал. Именно благодаря этому щиту, делавшему вторжение на Пэллан весьма трудоемким, если не невозможным делом, ребята из Орионского Альянса говорили с нами отменно вежливо. Мы никогда особенно не стремились в космос. В отличие от рас, появившихся эволюционным путем, нас не томило желание узнать, а что же там, на далеких звездах. Мы знали, что там все так же, как и здесь, — и бывает даже хуже.

Так что, я считаю, деньги и ресурсы, пошедшие на создание спутниковых генераторов, все же были потрачены не зря. А про Подземные Приюты люди по-

следнее время как-то подзабыли. Краем уха я слышал дискуссию насчет того, чтобы прикрыть их. Мы поверили в свою безопасность, гарантированную пеленой силового поля, и успокоились.

Я спускался вниз со странным чувством; у меня словно комок стоял в горле. Мне предстояло прикоснуться к тому, что было создано предками, пусть не такими уж далекими — Подземным Приютам было не больше трехсот лет. Людьми, отделенными от нас непроницаемой стеной времени, которые думали почти так же, как мы, ходили по нашей земле и так же заботились о себе и о ней. Никакой поход в музей не сравнится с этим.

И уж конечно, в музеях не встретишь тараканов размером с мотоцикл и с клешнями как бензопилы.

Они атаковали не сразу. Они дали нам миновать склад и углубиться в жилой сектор Приюта Вельчера. Они хотели отрезать нас от выхода и уничтожить. И если бы мы не прихватили с собой кое-что от крыс, им бы это удалось. Увидев огромную тушу, покрытую рыжими щетинками, я даже не испугался. Я очень удивился. И если бы Орузоси не закричал: «К бою!» — меня бы съели, пока я удивлялся. Туша проворно двинулась на меня, а я вскинул пиэрсу и отстрелил ему башку. Таракан сделал еще несколько шагов и рухнул на пол, подергивая ножками. Я улыбнулся, обернулся и увидел распахнутую дверь. За ней находился огромный зал. Возможно, в нем планировали крутить кино для развлечения беженцев или же проводить общие собрания.

Зал кишел тараканами. Казалось, стены и потолок обили рыже-бурой мохнатой тканью, и длинные ворсинки подрагивали от ветра. Самые любопытные высунули свои огромные, размером с мяч для сансы, головы в дверь и поводили длинными антеннами. Одна из голов потянулась к Кервину. Тот схватился за антенну и резким рывком сломал ее.

— Назад! — крикнул Орузоси.

Мы бросились бежать, а тараканы — за нами. По размерам они не превосходили человека и прекрасно маневрировали в коридорах, на людей же и рассчитанных. Метров через двадцать стало ясно, что далеко мы так не убежим. Коридоры, надо отметить, шли мягким зигзагом, каждый отрезок которого не превышал двадцати метров, и это тоже было нам на руку. Мы с Кервином, не сговариваясь, стали мочить этих тварей. Мы с ним часто играли вместе в сансу, и у нас все было уже отработано. Пока Кервин, высовываясь из-за угла, хлестал тараканов отломанной антенной по жвалам, я наводил пиэрсу и выставлял режим «огненного шара», максимальную мощность. Потом я стрелял, и пока огненная волна несла ошметки хитина в одну сторону, мы успевали пробежать метров сто в другую. Вскоре нашу тактику подхватили и Анша с Орузоси. Девушка подняла обгорелую ногу одного из тараканов, и дело пошло веселее. Увидев, как она ловко крутится, размахивая этой ногой, я наконец поверил, что она занималась борьбой на шестах (Анша рассказала об этом своем увлечении, когда мы сидели в кафе).

Мы ворвались в осушенный бассейн, наполнили его до половины трупами этих тварей, выбежали каким-то боковым коридором, миновали молчаливую и холодную компрессорную, и я уже совсем собрался спросить Орузоси, куда мы, собственно, бежим. Вход, через который мы попали в Подземный Приют Вельчера, находился совсем в другой стороне. Тут я увидел двери очень большого лифта — точнее его будет назвать грузовым, наверное. Орузоси жал на кнопку вызова, как неудачливый клиент жмет на кнопку возврата карточки в зажевавшем ее банкомате. Я срезал еще пару тараканов. Над дверями лифта вспыхнула красная лампочка, и они открылись. Мы радостно ввалились внутрь.

Тараканы — за нами.

Я переставил пиэрсу на ближний бой, и дальше у меня в памяти все смешалось. Сухой треск ноги, которой Анша охаживала тараканов, руки Орузоси, торопливо жмущие на клавиши вмонтированной в стену панели, и воинственные вопли Кервина. Вскоре мы остались на усеянном обломками хитина поле боя. Капсулу тряхнуло, и я в первый раз подумал о том, что мы ведь куда-то движемся. Не успели мы отереть слизь с рук и перекинуться парой слов, как лифт остановился.

— Где мы? — спросил я.

Орузоси не успел ответить. Створки дверей разъехались, и за ними обнаружились все те же темно-оранжевые морды со жвалами, которые (жвала, а не морды) рефлекторно задергались, увидев нас. Увидели тараканы нас, конечно, при помощи имевшихся на этих мордах глаз. О Двуликая, как это тяжело — писать книгу!

— Да сколько же вас здесь, — пробормотал я и дал залп от бедра.

Орузоси снова застучал по клавишам, двери начали закрываться, но тут одна из тварей исхитрилась, просунула внутрь клешню и со всей дури треснула по панели. Двери захлопнулись, свет погас. Механизм лифта взвыл от перегрузки, когда капсула помчалась неизвестно куда. У меня заложило уши. На очередном резком повороте мы попадали на пол и друг на друга. Я, к сожалению, упал слишком далеко от Анши, да и было слишком темно, чтобы быть в чем-то уверенным, но я, тем не менее, уверен — она упала на Орузоси весьма грациозно и непринужденно. Перед нами, сопляками, он имел неоценимое преимущество — возраст и опыт. Наверное, он даже знал, о чем нужно разговаривать с девушками. Не то чтобы я этого не умел, но я как-то больше по профессиональным темам — биоинженерия там, три способа развернуться в шкуродернике и все такое. А есть люди, и я сам знаком с некоторыми из них, которые изящно и просто умеют часами разговаривать о всяких

разностях, не утомляя собеседника. Должен признаться, что я так и не постиг эту науку.

Капсула резко дернулась. Мы все впечатались лбами в стенку. Лифт снова тронулся с места, но на этот раз как-то неуверенно. Отдуваясь и взбрыкивая, капсула прошла еще километров пять и остановилась. Подождав немного и убедившись, что мотор сдох окончательно, Орузоси сказал:

— Уходим. Что тут нож баюкать?

Он пошуршал, доставая налобник из кармана и укрепляя его на голове. А я и не догадывался, что в карманах комбинезона что-то есть. Я немедленно полез туда, чтобы изучить, чем же я располагаю. Орузоси тем временем включил фонарик. Он аккуратно нажал в трех местах на стене лифта и снял одну из пластин. Мы выбрались наружу. Лучи фонариков перекрещивались на стенах сырого туннеля — везде и всюду, насколько я мог видеть, стены были испещрены многослойными натеками. Они вспыхивали разноцветными искорками в свете фонариков.

— Красота-то какая, — сказала Анша.

Мы прошли немного по туннелю, все больше удаляясь от капсулы. Вдруг механизм лифта издал предостерегающее ворчание. Я дернул Кервина за руку и втащил его в глубокую трещину. Капсула, сияя всеми огнями, с диким визгом пронеслась мимо нас.

— Ух ты, — пробормотал Кервин.

(На самом деле он, конечно, сказал не «ух ты», а пару тех слов, которые не принято писать в книжках.)

Я осторожно выглянул из трещины и увидел два огонька фонариков с другой стороны от монорельса. Орузоси и Анша тоже успели убраться с пути взбесившейся капсулы.

— Что нам теперь делать? — спросила Анша.

— Что-что, — пробурчал я. Вспышка веселья истощила меня. — Звать Двуликую. Или Белого ждать. Итог не изменится.

Так звали богов, которых вельче успели придумать себе, когда считали, что остались одни на всей планете.

— Ну, Белый уже с нами, — заметил Кервин, указывая на мой комбинезон.

До того, как я угваздал его в глине и каменной крошке, он действительно был белым.

— Авенс, эта твоя шутка не удалась, — сказал Орузоси.

Анша тряхнула головой.

— Ты выведешь нас отсюда, Авенс? — спросила она.

— Да, сразу, как только ты скажешь мне, где находятся «здесь» и «отсюда», — ответил я.

— Я имею в виду, ты найдешь путь обратно к тунелю, где нас чуть не задавило сумасшедшим лифтом? — сказала Анша.

По ее лицу было заметно, что она сдерживается из последних сил.

— А, это без проблем, — кивнул я. — Но я не думаю, что нам от этого будет легче.

— Так, хватит нож баюкать, — сказал Орузоси. — Всем ужинать и спать.

— Ужинать? — удивился Кервин.

— В рюкзаке каждого из вас — запас еды на трое суток.

Некоторое время мы молчали. Был слышен только треск липучек на рюкзаках да взвизгивание молний. Потом запыхтели саморазогревающиеся банки с консервами, а затем каждый из нас зачавкал с громкостью, определяемой собственной деликатностью и воспитанием. За время ползанья по пещерам мне пришлось перепробовать уйму консервов, но должен признать, что эти, из специальной серии, сделанной для сотрудников госбезопасности, были самыми вкусными. Хотя, возможно, причина была в том, что мне еще никогда не доводилось есть консервы после драки с огромными клешнястыми тараканами. В продуктовый набор входило и несколько бутылочек с водой. Я вы-

пил половину одной маленькой бутылочки, хотя с удовольствием выдул бы все четыре, что нашел в рюкзаке. Но воду надо было беречь. Орузоси показал нам, как включается подогрев в комбинезонах. Затем наш командир перегородил вход в грот при помощи переносного генератора силового поля, снял фонарик с потолка и выключил его. Я заснул раньше, чем стал различать оттенки черноты в окружавшей тьме.

Проснулся я от каких-то кошмаров, хотя, что мне точно снилось, не помню. Я тихонько пробрался к выходу и выключил генератор. В темноте завозились.

— Куда? — сонно-командирским шепотом спросил Орузоси.

Мне очень хотелось ответить «Нож баюкать», но я сдержался.

— Посижу на пороге, — сказал я. — Если что, буду орать так, что тут мертвые встанут.

Анша хихикнула.

— Не отходи от грота дальше, чем на пятьдесят шагов, — сухо сказал Орузоси.

Я спустился из грота к небольшому подземному озеру, где и присел на поросшем мхом большом валуне. Фонарик пришлось выключить — его свет привлекал летучих мышей, маленьких и противных. Я машинально подумал о том, что, даже когда кончатся консервы, с голоду мы тут не пропадем.

Я знаю, что есть люди, которые ни за что не полезут под землю. Которые придут в ужас от одной перспективы оказаться в полной темноте, под огромными пластами земли. В тишине, наполненной призраками или иными тварями. Но мне всегда нравилось в пещерах. Мне было здесь уютно, как никогда не было в родном доме. Пласты почвы, нависающие надо мной, казалось, защищают меня от всех тех неприятностей, что можно встретить под открытым небом. Я хорошо ориентируюсь под землей и знаю, что, если

я не захочу этого, меня здесь никто не сможет найти. Если бы не было точно известно, что варивикки произошли от животных, которые обитали на поверхности планеты, я бы сказал, что я и мои предки произошли от каких-нибудь кротов, в то время как прародителями других людей наверняка были существа вроде бабочек... или же рептилий. Но все равно в глубине души я считаю своими предками подземных жителей. Варивикки представляли собой конгломерат национальностей и рас, слившихся воедино в одном огромном плавильном котле, и весьма возможно, что кто-то из них начал карабкаться по ступенькам эволюционной лестницы именно во мраке пещер. Кто теперь знает? Что же касается призраков, то мне кажется, дело в том, что многие люди вообще боятся тишины. Вот не знаю почему. Что такого они боятся услышать внутри себя до такой степени, что, приехав на пикник в прелестный тихий лес, тут же врубают громкую музыку? Вешают на стенку квартиры радио и никогда не выключают его? Каких собственных призраков они отпугивают таким образом? Или, наоборот, они согласны на все — на компанию любых призраков и чудовищ, лишь бы не оставаться в одиночестве?

Я растянулся на камне, любуясь оттенками окружавшей меня тьмы. Увидев свет фонарика — кто-то еще вышел из грота, — я даже немного рассердился. Но, с другой стороны, Кервин ближайшие полчаса был в гроте явно лишним. Не стоило сердиться на него — он проявил деликатность и такт, которого всегда так не хватало мне. Кервин присел рядом. Он поставил фонарик на минимальную мощность, но выключить не решился. Я хотел сказать ему, чтобы он не сажал батарейку, поберег заряд, что свет может привлечь летучих мышей и не только, но подумал о том, что он под землей первый раз. Для новичка Кервин, да и все остальные держались просто великолепно.

— Ну и влипли же мы, — сказал он. — Хотя прикольно, правда?

— Да, — сказал я. — Без тебя меня точно порвали бы.

Довольный Кервин усмехнулся.

— Бардак у них на «Медузе» полный, — сказал он. — Я бы на твоем месте оттуда уволился бы. Сколько эти тараканы народу сожрали, пока из лабораторий просачивались? И все молчком же.

Мысли Кервина во многом перекликались с моими. Преимущества терраформирования в том, что ты твердо знаешь — ни один биологический вид на твоей родной планете никогда не самозарождался. Данных о том, насколько хороши варивикки были в генетике, не сохранилось. Судя по имевшимся описаниям, та цивилизация больше любила играться с железками, чем с цепочками хромосом. Но кое-что наши предки все-таки умели. Как я уже говорил, вельче сохранили знания об основах биоинженерии во время Бесконечной зимы, а потом приумножили их и творчески развили эту отрасль науки. Биоинженерия стала одним из наших козырей при вступлении в Альянс. Согготы оказались редким товаром, на который тут же нашлись охотники. Я слышал о большом правительственном заказе, который разместило на Пэллан королевство Саэдран, — они хотели приобрести «дерево печеней». Этот соггот должен был состоять из кормового ствола и множества печеней с самыми разными комбинациями генокодов, чтобы подойти самым разным пациентам. Насколько мне было известно, контракт был заключен, успешно выполнен, и рекламаций от Саэдрана не поступало. «Медуза» вполне могла взять заказ помельче... и не особо афишировать его. Секретность могла быть условием заказчика, а могла быть вызвана и тем, что у нас, на Пэллан, не очень-то любят всякие военные штуки. А твари, с которыми мы столкнулись, были явно предназначены для убийства. Допустим, думал я, «Медуза» взяла за-

каз у кого-нибудь из инопланетян. Часть модификантов сбежала и теперь сидит в Приюте, жрет консервы и размножается. В соседнем Приюте они оказались так же, как и мы, — кто-то ткнул клешней в кнопку лифта, двери и открылись. «Медуза» вырастила новых согготов... и тишком обратилась в госбезопасность, чтобы те очистили Приюты от жертв эксперимента. А те пошли им навстречу — ведь если информация об этом просочится, будет страшный скандал и потеря деловой репутации на космическом уровне. А нас наняли потому, что подросткам можно платить меньше.

— Обязательно уволюсь, — кивнул я. — Вот не выходя на работу прям ни дня.

— Но для этого надо сначала вернуться, — заметил Кервин. — Ты хоть примерно представляешь, где мы находимся?

— Я тут прикинул кое-чего, — сказал я. — Могу рассказать, если интересно.

— Конечно, интересно! — энергично воскликнул Кервин.

Я взял в руки валявшуюся на песке узловатую палочку.

— Свети сюда, — сказал я.

Кервин наклонился, и я принялся в свете фонарика чертить на песке:

— Подземный Приют Вельчера — самый северный. Значит, мы сейчас южнее, чем были. Но мы не знаем, двигались мы на запад или восток.

— Надо спросить у Орузоси, куда он нас отправил, — заметил Кервин.

— Освободится — спросим, — согласился я и продолжал: — Два ближайших к нам Приюта — это Приюты Карнаги на западе и Стаами на востоке.

Я нарисовал два неровных кружка и поставил около каждого знак вопроса.

— После этой остановки мы успели поехать еще куда-то и проделали часть пути. Здесь сыро и нет

сплошного скального массива. Туннель проложен через уже существовавшие пещеры — иначе здесь не было бы этих ответвлений. В Карнаги я не бывал и ничего не могу сказать.

— Карнаги вроде стоит на твердой скалистой платформе, — припомнил Кервин. — Там же кратер Небесного Огня находится. Помнишь, нам в школе говорили, что он просто выплавлен в земле. Если бы там имелись подземные воды и туннели, то вода бы заполнила кратер. Было бы просто большое озеро. А там дырка.

— Все может быть, — согласился я. — А вот на территории Стаами находится Поющее озеро. Под ним — огромный лабиринт карстовых пещер. Ну, тех самых, где, как говорят, вельче пересидели Бесконечную зиму. Я бывал в этом лабиринте, но с южной стороны. Север и восток той системы закрыты для частных вылазок. И скорее всего именно потому, что где-то там и находится Подземный Приют Стаами. Покинув шахту лифта, мы шли на восток, я смотрел по компасу. То есть, если мы рассуждаем правильно, сейчас мы находимся где-то в северо-восточной части лабиринта, в окрестностях Поющего озера. Но это все еще может быть Карнаги. Точно этого я не смогу тебе сказать до тех пор, пока не выйдем отсюда. Да и какая, впрочем, разница?

— Завтра нам надо вернуться к лифтовой шахте, а затем, очень осторожно, в Подземный Приют, — заключил Кервин. — А там мы поднимемся на поверхность.

— Да, — согласился я. — Мы не успели отъехать очень далеко. Главное, не попасться на глаза этим тварям снова.

— Должны ведь они когда-то отдыхать, — задумчиво проговорил Кервин.

В ту ночь все казалось таким простым.

У Орузоси нашлась веревка, и мы даже смогли сделать связку. Я шел первым, Орузоси — последним, Кервин и Анша между нами. До выхода в шахту лифта я добрался четко: два поворота налево, третий направо, прямо через зал со сталактитами, и вот он, туннель. Правда, путь обратно к монорельсу показался мне несколько длиннее, чем была дорога от него, но это обычное дело. Выбоину в монорельсе, где лифт резко затормозил, мы тоже нашли быстро. После короткого привала мы двинулись по туннелю в сторону Приюта. Веревка, которой мы были связаны, то натягивалась, то провисала. Мы решили экономить батарейки, и поэтому горел только мой налобник. Я думаю, моим спутникам хотелось поговорить. Во мраке беседа является единственным способом отвлечься и почувствовать себя живым. Но мы опасались привлечь тараканов шумом и поэтому молчали. Были слышны только наши шаги, поскрипывание комбинезонов, да где-то очень далеко капала вода.

— Подождите! — вдруг испуганно закричал Кервин.

Мы остановились.

— В чем дело? — спросила Анша недовольно.

— Орузоси пропал!

— Как пропал? — удивилась девушка.

Мы столпились вокруг Кервина. Он показал нам конец веревки. Она была обрезана.

— Что за ерунда, — пробормотал я.

У Анши задрожали губы. Кервин тоже выглядел бледновато.

— Кто мог его утащить? — нетвердым голосом произнесла Анша. — Да еще так тихо, что никто ничего не заметил... А ты, Кервин? Неужели не было ничего странного?

— Нет, — сказал Кервин. — Я все время слышал его шаги, а потом задумался на минуточку... А когда раздумался, то сразу обратил внимание, что что-то не так.

— Задумался он! — в сердцах воскликнула Анша. — У тебя голову с плеч снимут, а ты и не заметишь!

— Чем громче вы орете, тем лучше нас слышат наши шестиногие друзья, — сказал я.

Они притихли, стушевавшись.

— Надо вернуться и поискать Орузоси, — сказал я. — Что же с ним случилось?

Кервин и Анша замолчали. Я знал, о чем они думают, хотя им и ужасно стыдно. Все это время мы шли вперед, приближаясь к небу, солнцу и ветру. А теперь надо было повернуться спиной ко всему миру и идти обратно. Эти мысли никак не были связаны с теми чувствами, которые они испытывали к Орузоси, особенно Анша, как я полагаю. Это было слепое, инстинктивное желание наземного животного оказаться в своей стихии. Спокойное и жестокое знание того, что Орузоси уже скорее всего ничем не поможешь. Весьма возможно, что его утащили тараканы и уже съели, и идти искать его означало и самим подвергнуться большому риску.

В этот момент раздались шаги. Тихие, торопливые и очень осторожные. Я повернулся на звук, вскидывая пиэрсу. В конусе света от моего фонарика появился Орузоси. Кервин не позволил себе даже облегченного вздоха, но я знал, насколько он рад возвращению Катимаро. И тому, что путь к солнцу и свободе можно продолжать.

— Свои, — с необычной веселостью в голосе сказал Орузоси.

— Где ты был? Зачем ты обрезал веревку? — спросила Анша.

— Мне нужно было побыть одному, — сказал Орузоси. — И не хотелось привлекать общественное внимание.

Анша неуверенно улыбнулась.

— Так нельзя было делать, — сказал я как мог жестко.

Орузоси удивленно посмотрел на меня. На какой-то момент мне показалось, что сейчас он наорет на меня, напомнит мне, кто тут командир. Я приготовился к обмену оскорблениями. В любом случае это здорово разрядило бы обстановку.

— Ну, вот такой я стеснительный, — сказал Орузоси неожиданно мягко. — Обещаю больше так не делать.

Я покачал головой.

— Давай-ка теперь я пойду впереди, — сказал командир. — Так вы меня точно больше не потеряете.

Некоторое время мы возились с узлами. Я уступил свое место Орузоси, а сам встал последним, за Кервином. Наша группа двинулась дальше. Следующие полчаса мы провели в монотонном движении вперед. Мы оказались на развилке, где железный хребет монорельса распадался на два. Поворот был пологим, и мы, когда ехали в капсуле, попросту не заметили его. Но теперь мы не могли определить, в какую сторону нам надо возвращаться. Как это часто бывает, мои соратники утратили под землей чувство направления и яростно заспорили. Кервину и мне казалось, что надо идти направо, а Орузоси был уверен, что мы появились слева. Анша поддержала его. Я думал, что осмотр монорельса поможет нам выбрать правильный путь — какой-то веткой наверняка пользовались чаще, — но шпалы оказались примерно на одной степени износа в обоих направлениях. Если бы мы ошиблись в выборе пути, то это была бы последняя наша ошибка. Подземные Приюты находятся на расстоянии сотен километров друг от друга. И дойти до дальнего, не того, из которого мы приехали, у нас просто не хватило бы припасов. В конце концов победило мнение командира, и мы двинулись по левой ветке. После перепалки наступило время угрюмого молчания. В этом туннеле было шумно. Где-то совсем рядом, видимо, находился подземный водопад или очень быстрая речка, и она грохотала вовсю. Если бы нам

захотелось поговорить, пришлось бы напрягать голос. Я думал о том, что тараканам не составит никакого труда подкрасться к нам незамеченными, и сжимал в руках пиэрсу. По моим прикидкам, давно уже было пора сделать привал.

Впереди стал заметен слабый источник света. Это здорово взбодрило нас. Наш отряд стал двигаться быстрее. Когда мы приблизились, оказалось, что источником света была кабина лифта. Мне казалось, что кабина сияет, словно волшебная шкатулка — хотя, конечно, это был обычный тусклый свет стандартной лампочки. Я испытал большое облегчение, да и остальные тоже. Если бы кабину удалось стронуть с места, мы бы добрались домой гораздо быстрее. Сейчас ее обшарпанные двери казались уже чуть ли не калиткой у собственного дома.

— Недалеко же она уехала, — заметил Кервин, щурясь на свет.

— Попробуем воспользоваться ею, — сказал Орузоси и первым зашел внутрь.

Он набрал комбинацию кнопок на панели. Двери закрылись за Аншой, которая зашла последней, и мы тронулись. Кабина скрипела и скрежетала так, что ушам было больно. Ехать явно было еще долго, и я от скуки разглядывал стенки. Кервин сел на пол и решил перекусить. Я опустился рядом с ним на корточки. Какая-то мысль смутно шевельнулась во мне. Я присмотрелся повнимательнее.

— Это не та кабина! — крикнул я в ухо Анше (она тоже устроилась рядом со мной).

Она наморщилась:

— Что?

— Не та кабина! Мы приехали сюда в другой!

Анша обвела ее взглядом и заметила то, что уже увидел я. Панель управления была цела. А ведь в той кабине, что привезла нас, ее разбил таракан, успевший прорваться внутрь. Когда мы выходили, Орузоси снял одну из стенных панелей, а в стенках этой каби-

ны не было дыр. Да и покрашена она была вроде в какой-то другой цвет, но в этом я уверен не был. Кабина начала тормозить. Я хотел встать — если и в этом Приюте нас ждут тараканы, то следовало встретить их во всеоружии. Но не успел. Двери открылись.

Мы оказались в зале странной архитектуры. На стенах мелькнули фрески, выдержанные в фиолетово-зеленых тонах, и непонятные жутковатые статуи в нишах. В зале были люди... или все же нет? На них были балахоны непонятной формы, скрывающие очертания тел. Сначала я подумал, что на лицах у них хоботы, но потом понял, что это были противогазы. Латунно-желтые, они блестели, словно кость.

Пока я ошалело оглядывался, Анша вскочила и ударила Орузоси кулаком в лицо. Скорость ее реакции всегда превышала мою. Из носа Катимаро хлынула кровь.

— Кервин, жми на кнопки! — рявкнул я и, вставая, что было сил боднул Катимаро под дых.

Но было уже поздно. Я услышал непривычную мелодию, сладкую и словно бы удушливую, наплывавшую со стороны безмолвных фигур с хоботами. Руки и ноги стали как ватные, голова закружилась. Кервин уже спал, откинув голову назад; недоеденный бутерброд он держал в руке. Я увидел злую улыбку Катимаро, а затем на меня обрушилась невыносимая боль — он ударил меня ногой в живот.

2

Сквозь прутья массивной решетки была видна залитая солнцем круглая площадь, сейчас пустая, кусочек насыщенно-сиреневого неба и уродливые постройки напротив. Живот у меня все еще побаливал, хотя тошнить уже перестало. Анша переживала, что у меня разорван желудок или кишечник, потому что поначалу меня рвало кровью, но вроде все обошлось.

— Ты уже отключился, а он все бил тебя и бил, — рассказала она мне. — Они его оттащили сами, когда поняли, что он убьет тебя.

«Они» — это странные люди в балахонах и противогазах. Они вытащили нас на поверхность и оставили здесь, в этой деревне. Но сами они здесь не жили. Жители этой деревни еще меньше походили на людей, чем те, кто поймал нас у лифта. Эти были очень приземистые и широкоплечие, с погасшими глазами клинических идиотов. Ходили они всегда медленно, вперевалку, и на наш загон почти не обращали внимания. Нас сидело в загоне тринадцать человек. Шесть девочек, семеро парней. Края Ордо, Карнаг, Идейра. Тогда, у подземного озера, я ошибся в своих расчетах. Взбесившимся лифтом нас занесло в Карнаги, хотя почему занесло — лифт направляла твердая рука Орузоси, этого предателя. Пути, которые привели нас всех в этот вонючий загон, были разными. Трое парней и девочка Дарнти были из Карнаги. Они были альпинистами, хотели взять Арангарлу, одну из вершин в цепи гор, окружавших кратер Небесного Огня, но заблудились в буре, потеряли свою группу и проскочили перевал, где их и встретили шиварео. (Об этих тварях я расскажу позже.) Четверо парней и две другие девочки были геологами из Идейры, которые, как выразился Янес, их старший, зашли в своих изысканиях слишком далеко. Трое девушек из Ордо были спелеотуристками, как я, и заблудились в подземных переходах.

— Да вы просто звери, ребята, — сказал Янес, самый старший из пленников, когда узнал, что мы с Аншой напали на Катимаро. — Молодцы, курвиметр вам в глаз!

Молодцы-то молодцы, но у меня и Анши на лбу теперь красовались знаки, грубо намалеванные несмываемой красной краской. Каждое утро я разглядывал в мутном зеркале в туалете, прежде чем догадался попросить Аншу срисовать их для меня. У меня

на лбу было написано: «*Агрессивен, стрелять на поражение*», у Анши надпись была короче и загадочнее — «*Новая дочь*». Кормили три раза в день, утром и вечером выводили погулять по площади. В остальное время мы делали что хотели, то есть в основном сидели или ходили по загону. Я подозреваю, что нам добавляли что-то успокаивающее в еду.

В тот день я впервые смог съесть немного каши, безвкусной, но сытной, и чувствовал необходимость что-то предпринять. Анша сидела рядом, печальная и молчаливая. Я сочувствовал ей. Было еще не до конца ясно, в какую именно ситуацию мы попали, но очутиться в вонючем загоне, где от солнца прикрывает лишь дырявый навес, по вине человека, с которым ты спал, — не самое приятное, что может быть в жизни. Что сказать ей, я не знал. Я старался веселить и развлекать Аншу с того момента, как беседы перестали причинять мне боль, и иногда мне это удавалось.

— Надо валить отсюда, — сказал я Кервину, который лежал рядом со мной на соломе.

Обстановка в загоне была, прямо скажем, убогая. Спали все вповалку на куче неопрятного сена, сваленного у дальней от входа стены. Нас тщательно обыскали и отобрали все личные вещи. Взамен выдали только ложки, миски и кружки.

— Я только и ждал, пока ты оклемаешься, — шепотом ответил Кервин. — Весь вопрос в том, где мы находимся? Куда бежать?

— Это явно какие-то сектанты, психи какие-то, — сказал я. — Территория здесь не может быть большой, потому что тогда мы бы про них знали. Может, уже за забором деревни начинается нормальная жизнь. Главное, вырваться отсюда! Я вот заметил, что, когда нам приносят еду, часовой...

— Авенс, — перебила меня Анша. — А почему здесь небо фиолетовое?

— Фиолетовое, зеленое — какая разница? — отмахнулся я. — Часовой подходит к решетке вплотную, и если...

— Анша, ты думаешь, что мы умерли? — спросил Кервин. — Фиолетовое небо бывает только в царстве Двуликой, так в сказках говорится.

— Я думаю, что мы в кратере Небесного Огня, — ответила Анша.

— Что? — переспросил Кервин, приподнимаясь на локте.

— Мы находимся в кратере Небесного Огня, — четко, по слогам повторила Анша. — Идейра и Ордо находятся западнее, Карнаги — восточнее кратера, но все три непосредственно граничат с ним. Здесь же нет людей из Стаами?

— Да ну, это бред, — сказал Кервин, опять валясь на солому. — Там все другое. Я видел снимки со спутника. В кратере выжженная пустыня, все такое желто-зеленое и вниз уходит. А здесь вокруг, говорят, поля...

Анша вздохнула. Я думал, что она скажет сейчас: «Ну почему все мальчики такие идиоты?» — но она произнесла:

— Так почему здесь небо фиолетовое?

И тут я понял наконец.

— Силовое поле! — страшным шепотом воскликнул я. — А еще они транслируют на спутник левые картинки! Выжженной земли и всего такого.

Мы переглянулись с Кервином.

— Ты права, — сказал Кервин. — Но зачем... почему... Кто все эти люди?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказала Анша. — По-моему, они *не* люди. Но если вы говорите о побеге, то я бы на вашем месте не рассчитывала, что вам придется добежать только до околицы деревни, а там уже все, свобода.

Мы с Кервином надолго притихли. Кратер Небесного Огня имел триста километров в диаметре и, что немаловажно, был окружен довольно-таки высокими

горами, через которые нечего было и думать перебраться без альпинистского снаряжения. О том, что имеются подземные туннели, связывающие кратер с внешним миром, мы были уже в курсе — но их выходы на территорию кратера наверняка охранялись. Теми самыми странными людьми в противогазах, о которых мне не хотелось вспоминать.

Вечером, когда все улеглись, Янес, как всегда, рассказал нам страшную сказку на ночь. Он был родом из Идейры и постарше нас всех лет на семь. Он как-то обмолвился, что был старшим из пятерых ребятишек, а отец его погиб — взрыв газа в шахте. Я думаю, он воспринимал нас как своих младших братьев и сестер... ему это было привычно. Нам очень повезло, что Янес оказался среди нас. Ну, ему-то, конечно, нет.

— Бывает так, — раздавался в темноте глуховатый голос Янеса, — что женщина умирает во время родов. Если не успеть похоронить ее правильно, то, курвиметр вам в глаз, она может стать шиварео.

— Что за шиварео? — спросил Штуц, пугливый толстяк из Ордо.

Эту историю Янес еще не рассказывал.

— А я знаю, — довольным голосом сказала Дарнти, круглолицая девочка из Карнаги. — Только у нас их по-другому называют. Но ты рассказывай, Янес.

— Шиварео — воин Двуликой. Ведь она гибнет в борьбе с собственным ребенком. Шиварео обитают в горах, иногда в пещерах, иногда — в заброшенных строениях. Там они прячутся, поджидая путников. В шахтах их обычно нет — подземелья принадлежат Двуликой, а шиварео — они вроде охранников при входе в ее мир. Шиварео боятся солнечного света. Он превращает их в прах. Поэтому они выходят только ночью. Их кожа белая-белая, как молоко. Их тела страшные, сморщенные, ссохшиеся, ведь, курвиметр вам в глаз, шиварео — это живые мертвецы. Но они умеют очаровывать путников и кажутся им прекрасными. Обычно они подходят к ним на перекрестках.

Ночью в горах и так-то опасно заблудиться. Но встретить прекрасную попутчицу — еще опаснее.

— Чем получить курвиметром в глаз, — прошептал я.

Анша тихонько прыснула и толкнула меня кулаком в бок, чтобы я не мешал слушать.

Я смотрел на круглый неяркий фонарь, горевший в центре площади. Его свет падал в наш загон через решетку двери. Интересно, каких животных здесь держали до того, как загнали сюда нас? Янес продолжал. В отличие от многих рассказчиков страшных историй он не понижал голос, чтобы нагнать жути. Казалось, он немного сочувствует этим погибшим женщинам, которым даже после смерти нет покоя.

— Есть два способа, курвиметр вам в глаз, проверить, настоящую ты встретил женщину или идешь под ручку с шиварео, — продолжал Янес. — Первый такой. Когда Двуликая принимает их на службу, она ставит на них свою печать. У шиварео обязательно есть татуировка в виде черепа, а рядом с ним — несколько непонятных букв. Они похожи на «ш», «в» и «р», и поэтому этих чудовищ так и называют. Но татуировка, курвиметр вам в глаз, может быть скрыта под одеждой. Двуликая ставит свою печать где хочет. Более надежный способ узнать шиварео — это незаметно посмотреть на ее тень. Двуликая дает им духа-защитника, зверя-двойника, потому что их человеческое тело уже мертво и бессильно. И если твоя попутчица — шиварео, то ты увидишь не тень человека, но зверя.

— Уцелевшим от курвиметра глазом, — снова пробормотал я.

Анша снова пихнула меня, на этот раз более ощутимо — она уже по-настоящему сердилась, и обратилась к Янесу:

— А какого зверя?

— Разные бывают, — ответил он. — Летучие мыши, крылатые змеи, просто птицы и просто большие

змеи... Еще Двуликая очень любит кошек и часто дает шиварео в двойники больших котов. Так вот, курвиметр вам в глаз, шиварео очаровывает путника, заманивает его к себе или вовсе сбивает с пути, а потом убивает. Некоторые выпивают кровь, другие разрывают на куски, третьи снимают с жертвы всю кожу — они пытаются заменить ею свою, сморщенную и уродливую.

— А как же справиться с шиварео? — спросил Штуц.

— Справиться с шиварео можно одним способом — не встречаться с ней, — ответил Янес. — Не ходить в горы, курвиметр вам в глаз. Шиварео никогда не нападают первыми, не спускаются в долину к людям. Они просто защищают проход в царство Двуликой. Они — часовые и исполняют свой долг. Правда, рассказывают, что однажды шиварео встретила своего мужа. Он узнал ее, заговорил с ней, рассказал о ее ребенке, из-за которого она и умерла, как растет этот ребенок и радует отца, как ребенок похож на свою мать и как он сам всегда любил ее, свою мертвую жену. Он сильно тосковал по ней и, в общем, не возражал принять смерть от ее руки, так сильно он, курвиметр вам в глаз, измучился от своей печали. Некоторые говорят, что и в горы он пошел специально, смерти искал. Но на самом деле этот мужчина был геолог. Они проводили разведку на склоне гор, потому что рудник при поселке начал истощаться. Шиварео сначала не узнавала его, но внимательно слушала. Она смотрела на него словно чужая. Но потом, когда он показал ей ее фотографию и фотографию их сына, она словно проснулась. «Тебе нельзя быть здесь, — сказала она. — Людям вообще нельзя сюда ходить, курвиметр вам в глаз». Она показала ему дорогу к походному лагерю. И попросила мужа объяснить всем людям, что шиварео не злые, а просто не могут иначе поступить. «Людям нет дороги в царство Двуликой», — сказала она.

Я слушал голос Янеса и смотрел на часового, что стоял у двери. Он опирался на свое длинное ружье, словно позаимствованное из запасников музея. Голова его склонялась все ниже на грудь. Когда его лоб касался холодного ствола, он вздрагивал и просыпался. Интересно, он понимает, о чем мы здесь говорим? Охранники обычно не мешали нам разговаривать, лишь прикрикивали на нас, когда мы начинали говорить слишком громко. Дело в том, что я его понимал. Когда они хотели утихомирить нас, они говорили: «*Ужо Двуликая вас убаюкает*», «*Расшумелись, как капризный ветер*», «*Да замолчите уже, мерзлые сперматозоиды*». Они говорили на вэльчеди — языке моей бабушки, используя такие старые обороты, которые можно было встретить разве что в хрониках Бесконечной зимы. Наш язык был очень поэтичен, это признавали даже искусствоведы из Альянса. Некоторые обороты в речах наших стражников казались мне даже более старыми, чем те, что я видел в хрониках. От «*шумного капризного ветра*» веяло холодом звезд и вечности. И надпись на наших лбах, Анши и моем, — она тоже была сделана на вельчеди.

И вдруг я — видимо, под влиянием ауры того вечера, — вспомнил историю про нож, которому пели колыбельную. Присловье Орузоси — «хватит нож баюкать» — сразу показалось мне смутно знакомым. Оно все время вертелось у меня в голове, не давая покоя. Это была одна из старых сказок, которые рассказывала мне бабушка. Суть ее сводилась к следующему. Однажды Двуликая оставила своего маленького сына на перекрестке двух дорог. Потом она вернулась за ним, но он уже превратился из маленького человечка в острый нож. Двуликая запеленала дитя и привязала к своей спине, чтобы больше не потерять его. И с тех пор она поет ему колыбельные и рассказывает сказки, чтобы он, слушая их, вспомнил, кто он на самом деле, и снова стал человеком. Дело в том, что стражники говорили «*убаюквает*». Это была ста-

рая форма глагола, и ничего удивительного в этом не было. И ведь Орузоси использовал именно ее, вдруг вспомнил я. У него вообще была не лучшая дикция, и эта небольшая ошибка казалась именно дефектом произношения, а не намеренным действием. «Орузоси родом из кратера Небесного Огня», — подумал я. Теперь, конечно, это было очевидно, но если бы я догадался обратить на эту мелочь внимание тогда, мы могли вообще не попасть в плен.

— Янес, — сказала Анша. — А что это за горы, про которые ты все время говоришь? Хребет Мира?

Так называется великая горная цепь, которая тянется практически вдоль всего экватора, разделяя единственный материк Пэллан на две части.

— Нет, — ответил Янес, помолчав. — Я говорю про горы вокруг кратера Небесного Огня. У нас их называют Зубами.

В каждой области, примыкающей к кратеру, свою часть гор называют по-своему.

— А у нас рассказывали наоборот, — сообщила Дарнти. — Что шиварео загрызли первую экспедицию, которую отправили в кратер Небесного Огня за метеоритом. Всех подчистую. И вторую тоже, но в тот раз одному человеку, ученой женщине, удалось спастись. Шиварео приняли ее за свою. Она пошла с ними в их деревню. Она дождалась рассвета, а когда они уснули, убежала к перевалу в горах, а потом пробралась обратно в Карнаги.

— Никогда не слышал таких сказок, — заметил Кервин.

— Так вы же из Вэльчера, — заметил Штуц. — У вас шиварео не водятся... Знаете, что я думаю? Что мы сейчас в деревне шиварео.

— Я уже думал об этом, — сказал Янес. — Но здесь нет женщин. Совсем. Я все время смотрел. Все эти люди — мужчины.

— И детей здесь тоже нет, — вдруг произнесла Анша.

Я думал, что она уже спит — так уютно она посапывала мне в ухо.

— Они в другой деревне, наверное, — сказала Дарнти. — Здесь что-то вроде походного лагеря геологов. Я видела, когда нас тащили. Тут вокруг поля, и мужчины работают на них. На таких огромных странных животных вроде сухопутного краба. Они их вместо комбайнов используют, у них клешни такого же размера, как ковши у экскаваторов!

— Ладно, давайте спать, — сказал Янес.

Это был последний наш спокойный вечер, скучный, но чем-то и уютный — я словно оказался в дешевом летнем пансионате для подростков. Очень дешевом.

А утром пришли они. Люди в балахонах. Жители деревни следовали за ними, переговариваясь высокими, словно птичьими голосами. Они были явно возбуждены. Троица в противогазах проследовала через площадь и двинулась по улочке к нашему загону. Анша стиснула руки и застонала. Я обнял ее за плечи. Ничего хорошего и я от этого визита не ожидал.

— Мы же будем вдвоем, — сказал я.

Мы оба были уверены почему-то, что пришли за нами. Ведь зачем-то на наших лбах поставили эти уродливые клейма? Анша слабо улыбнулась. Охранник грубыми возгласами отогнал прилипших к решетке зевак. «Наших» отгонять не надо было — все пленники столпились у задней стены. Охранник открыл дверь. Человек в латунном противогазе заглянул внутрь. Кажется, на нас с Аншой он задержал взгляд чуть дольше, чем на остальных. Мне стало больно дышать. Ноги у меня задрожали. Такой противной, мелкой нервной дрожью, от которой трясутся икры и до боли напрягаются мышцы под коленками.

— Вот эти двое, — невнятно произнес человек в балахоне.

Он размашисто указал на Штуца и Кервина.

— Нет! — завопил Штуц.

В загон вошли охранники, оттеснили нас, остальных, к стене. Я был так ошеломлен тем, что выбрали Кервина и Штуца, что даже не успел ничего сказать. Хотя, как вдруг понял я, именно им двоим и следовало бояться больше всего. Янес говорил мне, но я не поверил...

Мои товарищи по несчастью ворочались, устраиваясь на соломе. Мне не спалось. Я решил дойти до туалета — вонючей каморки в дальнем конце загона. Когда я был уже на полпути, я услышал, как поднялся кто-то еще. Человек явно шел туда же, куда и я. Это оказался Янес.

— Тебе сильно невтерпеж? — спросил он, догнав меня у двери.

— Иди, ладно, — сказал я.

Янес отрицательно покачал головой. Приблизив свое лицо к моему, он прошептал:

— Не пытайтесь бежать, курвиметр вам в глаз. Анша права. Далеко вы не уйдете. Тут уже были одни такие, из предыдущей группы. Их поймали, и...

— Что — и?

Янес помолчал, пошевелил губами и наконец ответил:

— И съели.

Охранники схватили Штуца и Кервина, выволокли наружу. Кервин сопротивлялся. Глаза его на белом от страха лице были абсолютно безумными. Кервина ударили прикладом по голове, и он обмяк. Как показало дальнейшее развитие событий, он выбрал наилучший путь. Дверь в наш загон закрыли, и Штуца повели на площадь, а Кервина потащили сзади.

— Что с ними будет? — спросила Анша.

Ответила Дарнти.

— Тебе лучше не смотреть на это, — сказала она ломким голосом. — Когда они сделали это в прошлый

раз, я сидела у туалета и вспоминала сто дат Бесконечной зимы. Не сказать, чтобы сильно помогло, но...

Она обняла Аншу за плечи и попыталась увести от решетки. Анша сбросила ее руки. У Дарнти задрожали губы. Она хотела что-то сказать, но потом махнула рукой и отошла. Усевшись на свое место на соломе так, чтобы не видеть площадь, она обхватила колени руками. Губы Дарнти шевелились, глаза были плотно закрыты. В истории Пэллан достаточно дат, чтобы вспоминать их.

Я встал рядом с Аншой у решетки.

— Тех съели в наказание за побег, — сказал я негромко. — Может быть, Кервина...

Анша повернулась ко мне.

— Съели? — выдохнула она с ужасом.

В этот момент стало ясно, что на лучшую участь для Кервина я надеялся напрасно. Троица в балахонах ушла. Оставшиеся толстые мужчины вынесли откуда-то высокие столбы с крюками, тазы и еще какую-то утварь. Установили столбы — под них, очевидно, уже были сделаны отверстия в кладке площади. Штуц все это время срывающимся голосом повторял: «Не надо... пожалуйста... пожалуйста». Его обвязали веревкой, примотав руки к туловищу и крепко соединив ноги. Затем веревку перекинули через ушко крюка на столбе и натянули. Бесчувственный Кервин все это время лежал на земле рядом. Штуца подняли вверх ногами так, что его растрепанные грязные волосы почти касались земли. И хотя рядом с ним уже стоял облупленный таз, он все еще повторял свое «Не надо, пожалуйста». Один из мужчин взял топор, ногой подкатил деревянный кругляш. Другой грубо схватил Штуца за плечи и приподнял так, что голова его оказалась на этой подставке. Мужчина с топором взмахнул им. Я не видел, как топор прошелся по шее Штуца, отделяя ее от тела; убийца стоял между мной и несчастным толстяком. Я слышал глухой удар и увидел, как пока-

тилась голова. Кругляш убрали, тело оставили висеть. Кровь стекала из перерубленной шеи в таз.

Палач обернулся и что-то беспокойно спросил. Второй тоже занервничал. Я увидел, что Кервина нет там, где он лежал минуту назад. Я буквально прилип к решетке.

— Он все-таки... — одними губами прошептал я.

— Убежал, — со слезами радости на глазах прошептала Анша. — О Двуликая, пусть ему повезет!

Люди на площади засуетились, забегали. Из-за большого чана выполз абсолютно голый человек. Он поднялся на ноги с изумленным видом. Остальные принялись орать на него. Он что-то бормотал в ответ. Кервин сумел раздобыть себе и одежду. Все-таки не зря он занимался телостроительством! Большая часть пленных, в том числе и я, были выше и намного худее наших хозяев, и при побеге благодаря этой разнице каждый из нас, пусть даже переодетый, был бы сразу опознан как чужой. А Кервин, плотный, невысокий, почти квадратный, был очень похож на местного жителя.

Часть людей собралась и ушла на поиски беглеца, я думаю, а остальные продолжили свои чудовищные приготовления. Когда кровь Ордо стекла, они разделали его, как мясник разделывает тушу. Порубив ребра и мясо с ног, замочили все в двух больших кастрюлях. Кости сложили в тот самый огромный чан и принялись, судя по всему, варить суп. Мозг съели сырым, разбив крышку черепа. Я и не хотел смотреть на это, и боялся отойти от решетки. Я изо всех сил надеялся, что Кервина не поймают... и хотел увидеть, что его НЕ приведут на площадь.

Его не привели.

Через два часа, когда чан с супом отбулькал свое, два мощных даже по местным меркам мужика сняли его и унесли куда-то. Мы вздохнули с облегчением, но рано. Нас забыли покормить, но вряд ли сейчас кто-нибудь смог бы есть. К вечеру, когда небо стало

нежно-зеленым, а мясо замариновалось, повар-палач вернулся на площадь вместе с помощниками, и они принялись готовить шашлыки. Остальные пленники отворачивались, чтобы не смотреть на это, но от запаха жарящегося мяса мы никуда деться не могли. Я по-прежнему сидел у решетки и смотрел. Анша, которая ушла в глубь барака сразу после того, как мы поняли, что Кервин сбежал — она, наоборот, боялась сглазить, — снова подошла ко мне.

— Авенс, не стоит на это смотреть, — сказала она. — Эта боль бесполезна.

— Почему же, — сказал я. — Они ведь не просто приготовили себе обед. Они показали нам, что не считают нас людьми. Но это значит, что и они тоже — не люди. Звери, тупые твари, кто угодно, но не люди. И значит, с ними можно обращаться точно так же. Я смотрю на них для того, чтобы лучше запомнить эту мысль. Чтобы потом, когда мы сбежим и нам придется убивать их, их внешнее сходство не мешало мне.

Анша покачала головой.

— А ты не боишься, что так тоже станешь зверем? — спросила она.

Я усмехнулся. Я знал, о чем она. Мне уже приходилось сталкиваться с некоторыми проблемами такого рода.

— Анша, — сказал я. — Человеческого во мне не так уж много.

Я хотел сказать еще, что, когда хожу по улицам, не понимаю, что не дает людям набрасываться друг на друга и убивать кого попало. И что теперь, когда ясно, в каком качестве наши хозяева воспринимают нас, все стало намного легче и проще. Но Анша посмотрела на меня с таким отвращением, ужасом и брезгливостью, что я промолчал. Она развернулась, не говоря ни слова, и вернулась на свое место на сене. Я знал, о чем она думает. Есть люди, которым доставляет удовольствие вид смерти, крови, мертвых тел. Некоторые признаются себе в этом, некоторым не

хватает силы духа на такую честность. Анша подумала, что я из таких. Она ошиблась, но не дала мне никакой возможности разъяснить ситуацию.

Когда шашлыки были готовы, жители деревни собрались на площади. Притащили также и бочку с каким-то спиртным. Они принялись есть мясо и пить вино. Затем одна часть компании собралась в кружок и начала петь заунывные песни, а вторая занялась старинной забавой, называемой «стенка на стенку». Фиолетовое небо уже стало темно-зеленым. Солнце ушло за горы. Понаставив друг другу синяков и сбив первый пыл, деревенские присели передохнуть и подумать, чем бы еще заняться.

И тогда они вспомнили о нас — первый раз за эти сутки. Обычно еду приносили аккуратно, три раза в день, но сегодня им было не до нас. У меня уже подвело живот от голода, да и у остальных тоже. Взяв кастрюлю с остатками шашлыка, небольшая группа двинулась к нам. Часового не было; он, видимо, валялся где-то пьяный. Ключ был только у него, и открыть дверь они не смогли. Они стали совать нам мясо через решетку на длинных прутиках. Поняв, к чему идет дело, я отошел оттуда. Остальные тоже сидели на своих местах, стараясь сделать вид, что находятся не в вонючем загоне, через решетку которого им суют на прутиках пожаренный филей их бывшего товарища, а где-то очень далеко. Деревенские заволновались. Я достаточно хорошо понимал их речь; они уговаривали нас поесть, говорили, что это вкусно и гораздо лучше нашей обычной каши. Остальные пленные вряд ли знали старый вэльчеди, но и так было понятно, что нам предлагают. Наши хозяева искренне переживали за нас, и это было хуже, чем если бы они орали и размахивали топорами, пытаясь принудить нас есть.

— А в прошлый раз, — произнес я, глядя на Янеса, — вас тоже шашлычком побаловали?

Янес молча кивнул.

— Я так понял, у них не считается чем-то странным съесть своего товарища, курвиметр вам в глаз, — хрупким голосом произнес он. — Давайте и правда поедим, ребята. Весь день голодные сидим. Они не отстанут, курвиметр им в глаз.

Он первым подошел к решетке и взял с прутика кусочек мяса. Дарнти последовала его примеру, а затем потянулись и остальные.

Я отвернулся к стене.

Заснуть мне в ту ночь удалось не сразу. Сначала пьяные каннибалы орали на площади свои песни. Потом я слушал вопли собственного желудка. А потом Анша обняла меня. Только мы с ней отказались от мяса Штуца.

— Никак не могу заснуть, — сказала она и провела рукой мне по спине. — Так не хватает Кервина.

Обычно она спала между нами, а теперь вместо теплого Кервина у нее была холодная стена, из прорех которой тянуло сквозняком.

— Я могу лечь к стене, если хочешь, — сказал я.

— Я хочу другого, глупый, — ответила Анша.

Она поцеловала меня в шею. Остальные, сытые и довольные, уже спали. Я слышал разноголосый храп, сопение и стоны спящих.

— А ведь смерть возбуждает тебя, — сказал я, застегнув комбинезон. — Или тебя возбуждают звери?

Анша негромко засмеялась.

— Гордый злопамятный мальчишка, — сказала она. — Нет. Наоборот. Я не могу описать тебе, какой ужас я испытывала сегодня. Каждая клетка моего тела словно чувствовала приближение распада, конца, ничего... и меня трясло, как в лихорадке. Я боялась сойти с ума. Начать кричать и метаться по этой вонючей клетке. Мать наша Двуликая, они так поступили с Кервином, а что ждет нас с тобой, Авенс? Ведь на нас эти клейма. Это будет какая-то особенная програм-

ма... Надо было чем-то перешибить это ощущение... чем-то столь же сильным. А что касается зверей... Ты задумайся хоть на минуточку — смог бы кто-нибудь из остальных сейчас сделать то, что сделал ты... после всего того, что нам пришлось пережить сегодня...

Я слишком устал, чтобы обсуждать это. Анша снова поцеловала меня в шею — на этот раз нежно, я почти не почувствовал этого. Ей хотелось кричать, но, видимо, не хотелось будить соседей, и она вместо этого кусала меня за что попадется. Попадались в основном шея и плечо, но плечо было хоть немного защищено комбинезоном, а шея у меня уже онемела от боли.

Они пришли за нами утром. На этот раз я даже не успел испугаться. Нас с Аншой сковали вместе за руки и повели по деревне. Она и вправду оказалась маленькой. За околицей расстилались поля, засеянные овсом. Над ними как раз в этот час крутились серебристые головки поливочных устройств, вода разлеталась из них прозрачными веерами. Дорога привела нас к небольшой бетонной будке. Когда мы подходили к ней, я сообразил, что зря потратил время. Можно было лягнуть одного из троих хоботоносцев и бежать в овес. Хотя бы попытаться. Словно услышав мои мысли, один из конвоиров снял с пояса длинную серебристую палку, навел ее на деревце, росшее у обочины, и нажал на спусковой крючок. Невыносимо белая вспышка резанула мне по глазам. Деревце, перерубленное пополам, рухнуло в канаву. Я перевел взгляд с обугленного, очень ровного пенька на стражника. Готов поклясться, он усмехался под своим шлемом.

— Я понял, не надо, — пробормотал я.

Мне вспомнилось жалкое «не надо», которое Штуц повторял как заклинание, и я стал сам себе противен. Мы вошли в будку. Там оказался лифт. Один из стражников нажал три кнопки на панели, двери

закрылись, и мы поехали вниз. Путь занял минут десять, и хотя лифт двигался медленно, мы должны были оказаться довольно глубоко под землей. Как мы шли по коридору, я почти не запомнил, хотя вели они нас довольно долго. Меня начало охватывать то чувство, которое вчера так точно описала Анша. И даже мягкая музыка, которая ласкала мой слух — я подозреваю, это один из конвоиров гипнотизировал нас, — не могла заглушить этого бесконечного, животного ужаса. Я еще вяло подумал, что надо бы запомнить дорогу, может пригодиться, но не смог сосредоточиться. К тому же у меня начала болеть правая нога чуть выше колена, и чем дальше мы продвигались, тем сильнее была боль. Сначала я прихрамывал, стараясь поспеть за охранниками, но потом не смог уже идти. Меня побили, пытаясь заставить двигаться, я и сам, в общем, с радостью бы сделал это, но это было выше моих сил. Казалось, что в ногу вместо кости засунули железный прут и медленно разогревают его. Катимаро, раздраженный сопротивлением, поработал надо мной от души, и видимо, стражники поторопились забрать нас — я еще не вполне оправился. В загоне я не замечал этого потому, что мне не приходилось ходить на такие большие расстояния.

Мы оказались в большом подземном зале, битком набитом людьми. При нашем появлении они дружно завопили, радостно и пронзительно. Меня начало трясти, и тут я ничего не мог с собой поделать. Музыка, которую я слышал, стала громче, но перестала оказывать на меня какое-либо действие — и вскоре прекратилась. Меня вытащили и поставили, Анша сама вышла на большой помост. В его центре суетились люди в уже знакомых мне балахонах и противогазах. Толпа бесновалась так, что казалось, потолок сейчас рухнет нам всем на головы — и это было бы неплохо, надо признать. Люди в балахонах расступились. Я ожидал увидеть столбы, крюки и тазы, но я ошибся. На небольшом, по пояс высотой, постаменте находилась

чаша, словно бы позаимствованная из музея, где и началась вся эта история. Такая же, ну или почти такая же чаша всегда стояла на почетном месте в доме моей бабушки. И также скорее походила на кастрюлю, чем на вазу. Но эта чаша была гораздо старше, по ней это было заметно. По грязно-бордовому фону шел голубой причудливый орнамент. Это было так же неожиданно, как увидеть на заснеженном поле работающий компьютер или кресло-качалку с пледом и чашкой дымящегося кофе на неприступном обрыве. Хотя, с другой стороны, это было вполне логично. Как только я заметил, что понимаю речь наших хозяев, я понял, что вельче, мои предки, ушли или были изгнаны из кратера, в котором жили их родичи. Степень падения нравов оставшихся в кратере не удивляла меня. Некоторые историки считают, что вельче приносили своим идолам, всем этим вырезанным из моржовых бивней слонам и змеям, человеческие жертвы. Но как же тем, кто остался в кратере, удалось выжить? Они ведь попали прямо под удар астероида. Немыслимо. «Здесь наверняка была эта система тунелей, — подумал я. — Шахты? Но на Пэллан не велись разработки полезных ископаемых. Или велись...» В этот момент я понял, *почему* я думаю обо всякой отвлеченной ерунде, и больше не смог, к своей ярости, думать об этом.

Люди в балахонах вещали что-то толпе, и на нас никто не обращал пока внимания. Кроме охранников, разумеется.

— Анша, — пробормотал я. — Что это...

И тут я увидел ее лицо. Есть некоторые вещи, которые я хотел бы забыть, и лицо Анши над неиствующей толпой, нечеткое в дымном воздухе зала, всегда будет стоять первым в этом списке.

— Ритуальная чаша, — сказала Анша медленно.

Она наконец тоже поняла, к кому мы попали в лапы.

— А что-нибудь еще ты можешь сказать?

Тут профессионализм взял верх, и Анша добавила тем голосом, которым разговаривала с ребятишками в экскурсионном зале:

— Очевидно, именно ее копии мы находим в могильниках Вельчера. Самая древняя копия датируется...

Я легонько дернул ее за руку.

— Что им нужно? — спросил я. — Наполнить ее?

В таком случае я уже знал, что с нами будет. Смерть от кровотечения — слишком долгая, чтобы быть приятной.

— Нет, — сказала Анша. — Она уже полна.

Ногу прострелило такой болью, что я чуть не упал и оперся на охранника, который грубо оттолкнул меня. С нас сняли наручники. Аншу повели к чаше первой. В зале стало очень тихо. Человек в балахоне — я раньше думал, что такую форму здесь носят офицеры, но ее, видимо, носили и жрецы, — взял Аншу за плечи и подтолкнул к чаше.

— Смотри, — сказал он на древнем вельчеди. — Но ты не увидишь, никто уже не может увидеть. А ведь были и те, кто мог пить из Чаши. Но кости их рассыпались в прах, и поэтому мы здесь. И мы живы. И ты нужна нам, чтобы защитить нас.

Это, видимо, была ритуальная формула. Никогда мне еще так сильно не хотелось жить, как в тот момент. Это не были мысли или слова; это было слепое желание, от которого бешено и бесполезно стучало сердце и подергивались от напряжения руки. В ноге снова провернулся раскаленный прут, и я чуть не закричал.

Анша не хотела смотреть, но пока первый жрец крепко держал ее за плечи, второй обхватил ее голову и наклонил над Чашей. Анша жалобно вскрикнула. Я увидел, что тело ее обмякло. Но жрецы не дали ей упасть. Они подержали ее над Чашей какое-то время. Люди в зале начали петь. Это было что-то очень старое, про клыки, на которых не просыхает кровь, про бесконечность выбора и развилок на пути и про то,

что путь всегда один. Я думаю, не все из них понимали смысл слов, которые произносили. Аншу бережно взял на руки один из жрецов, выделявшийся своим крепким телосложением, и торжественно вынес из зала.

«Пары, — подумал я. — Какой-то яд налит туда, и его пары... Если задержать дыхание, может быть... Я хочу жить, жить...»

Почему-то — наверное, из-за песни, в которой окровавленные клыки шли рефреном, — я вспомнил о статуе слоноголового воина, которую так любил. Меня как раз повели к чаше, точнее, потащили под руки — боль просто хлынула из ноги, как горячая вода из прорвавшегося крана, и, клокоча, заполняла мое тело. Живот скрутило, а потом горячим варом обдало сердце.

И в тот момент, когда я увидел ее... да, я увидел Чашу, и то, что в ней было — жидкость, серую, как пыль, паутина или бессмысленность, — боль вдруг прошла, как будто ее никогда и не было. И я понял, что надо делать. На самом деле это было так просто, и я чуть не рассмеялся от облегчения.

Я оттолкнул охранников, взял чашу обеими руками, поднес ко рту и сделал несколько глотков. Вкус оказался железистым и пряным.

Первым сообразил жрец — он кинулся прочь, забросив за спину хобот противогаза. Вздох ужаса разнесся по толпе.

Я не знаю, что чувствовали другие на моем месте, мне некого спросить. Я ощутил покой и свободу. Я оказался словно бы на чердаке большого дома, и весь шум обычной жизни, наполнявшей его — страх, смех, любовь, — остался там, внизу, и лишь негромкие отголоски его доносились через неплотно прикрытую дверь. Я сидел в пулеметном гнезде, и я видел, что в зале совсем немного людей, на самом-то деле. По залу мета-

лись блеклые серые тени, сбивая друг друга, и лишь человек десять было таких же, как я. Почти таких же. Их бивни были короче и светлее — а я чувствовал теплоту крови, поднимающуюся по моим, и знал, что они красные — красные навсегда. Несмотря на размер, бивни не мешали обзору. Между ними находился ствол пулемета, ребристый и толстый, и он был мной, и я был им.

Из зала я выбрался быстро, расшвыряв бивнями и растоптав самых медлительных и неуклюжих. Я помню, что взял одежду и документы с какого-то тела в коридоре, и я знал, что мне нужны именно эти документы и именно эта одежда. Я набросил поношенную хламиду поверх своего комбинезона. А потом мне наконец пришлось стрелять. Ствол закрутился. Кровь Вечности поднималась по полым бивням, воткнутым в ее мягкое брюхо, перекачивалась в ствол пулемета, и я щедро орошал ею всех, кто подворачивался мне под руку. Но вечность нужна немногим, а еще меньшее количество живущих ныне в силах выдержать ее вкус.

Я точно знал, куда иду, и вскоре я оказался в коридорах, где тусклых теней было меньше, и двигались они медленнее и упорядоченнее. Пришло время покинуть чердак, оставить пулемет, все еще нервно подрагивающий, и вернуться в теплый дом привычной реальности. Что я и сделал с некоторым сожалением. Я уже понимал, что, если я задержусь здесь, мне будет некуда возвращаться.

Чашу я так и не выпустил из рук, и когда я очнулся, с трудом смог разжать пальцы — так сильно они затекли. Я лежал, чувствуя приятное покалывание в кистях рук, и знал, что скоро оно сменится болью. Дом, или, скорее, аккуратно вырубленная в толще подземного скального массива пещера, был небольшим. Дверь открывалась прямо в комнату, и поэтому я всегда ждал,

пока уйдет разносчик еды, прежде чем взять ее. Он приходил три раза в день, ставил горшочки на порог таких же, как моя, дверей. Соседи мои были людьми более нетерпеливыми, точнее, более голодными — получаемый нами рацион не предполагал ленивой сытости. Насколько я мог видеть, коридор тянулся еще метров на двести налево и там соединялся с более крупным проходом. Справа, через четыре двери от меня, проход заканчивался тупиком. По утрам — вскоре я стал различать день и ночь, и не только по тому, был коридор освещен или нет, — многие покидали свои жилища. Незадолго до того, как гасили свет, люди возвращались — бледные серые тени в бесформенных балахонах, мужчины, женщины и дети с совершенно одинаковым выражением той безысходности на лицах, которую всегда ставит холодная печать предательства. Их действительно предали, но подробности этой неприятной истории мне еще предстояло узнать.

Человек, которого я убил, работал на дому, и сейчас у него был отпуск — я помнил все эти детали из вкуса его крови. Я был рад, что успел спуститься с чердака. Я был совершенно опустошен, но когда я поймал себя на мысли, что вот так лежал бы целыми днями и ел из доставляемых разносчиком горшочков, я понял, что, видимо, все-таки выживу. Меня наверняка искали, но самые умные из моих преследователей осознавали бессмысленность этой затеи. По крайней мере в нашем отсеке — я выходил прогуляться и нашел четверо больших ворот, преграждавших четыре самых населенных туннеля, — все было спокойно. Я мог бы, наверное, пройти и за ворота — я видел, как люди прикладывают к датчику точно такое же удостоверение, что я снял с трупа, — но я пока не хотел. Если бы я всегда не чувствовал себя под землей комфортнее, чем наверху, я бы, наверное, раньше почувствовал желание действовать, но мне было здесь очень уютно. Я полюбил ходить на центральную

площадь, находившуюся в перекрестье двух главных туннелей, и целыми днями просиживал на лавочке у фонтана. Сюда приводили играть детей, я смотрел на них и ни о чем не думал.

В тот день, когда я подумал о том, что все же надо попробовать прорваться наверх — и понял, что я скорее всего смогу это сделать, — наш отсек посетил живой бог. Все разговоры людей вокруг меня с самого утра велись именно об этом, детишки на игровой площадке то и дело бросали свои игрушки и подходили к ее краю, глядя в сторону ворот. Я был сильно занят своими мыслями, однако понимал, что нам всем предстоит увидеть нечто необычное. Но прежде надо сказать о том, что я нашел ту лесенку, что вела на чердак, сам. Я всегда носил Чашу с собой, потому что был не в силах ни снова испить из нее, ни расстаться с ней. Я думал, что могу попасть наверх, туда, где по мне тоскует мой пулемет, только снова глотнув из Чаши, и страшился этого. В ней еще оставалась жидкость, и с каждым днем, насколько я мог заметить, ее становилось чуть больше. Видимо, на самом деле чаша была неким механизмом, в котором и вырабатывался этот раствор и, выделяясь из стенок, скапливался на дне. Однако, когда я смотрел на струю фонтана и думал о живом боге, мир дернулся, и я вдруг снова оказался там — на просторном и пустом чердаке. Я снова сидел в гнезде пулеметчика и видел свои алые бивни и серых призраков между ними. Я обрадовался, но и испугался тоже, и поспешно вернулся назад.

Теперь я знал, что могу покинуть это место, когда захочу... но я был еще не в силах хотеть.

Свита живого бога появилась ближе к обеду. Сначала распахнулись ворота — обычно их не открывали целиком, люди проходили через небольшую дверку в них. Затем до нас донеслась музыка, веселая и даже несколько лихорадочная. Площадь наполнилась народом. Жители побросали свои дела, чтобы прикоснуться хоть к краю одежды живого бога. Из ворот появи-

лись девушки в ярких костюмах и с охапками цветов в руках. Они принялись разбрасывать цветы, чтобы нога высокого гостя не коснулась грязного камня. Для верности двое мускулистых полуобнаженных юношей раскатали толстый ковер нежно-зеленого оттенка. Кожа их блестела — юношей, очевидно, намазали каким-то маслом, чтобы лучше подчеркнуть фигуру. Если бы это происходило дома, я бы сказал, что это масло «Тинги», я сам пользовался им пару раз, когда участвовал в соревнованиях по телостроительству. Они включали обязательную эстетическую часть. Это крошечное воспоминание — пластиковая банка с черными буквами «Тинги» на ней — впилось в меня, как под ноготь впивается иголка.

И я понял, что уйду отсюда, возможно, даже сегодня, воспользовавшись общей суматохой. Я снова захотел прогуляться по Кладбищу Морских Тварей, создавать соготов — милых, страшных или полезных и невзрачных в своей функциональности, в зависимости от заказа, купаться в море и кого-нибудь любить.

Люди тем временем ловили цветы, которые девушки щедро кидали и в толпу тоже. Я думаю, что подземные жители видели цветы только раз в году, во время посещения живого бога, и они, наверное, казались людям хрупким и непостижимым чудом. Я не сдвинулся с места — я все еще был слаб, — но фонтан и окружавшие его скамейки находились на возвышении, и мне все было отлично видно. За юношами прошел оркестр. Начищенные трубы сияли, словно струи живого пламени. С носа барабанщика, который прошел так близко от меня, что я мог выхватить палочки из его рук, упала капля пота, но он не заметил этого. Его вытаращенные от напряжения глаза были абсолютно пусты. Оркестр выстроился на опустевшей площадке у фонтана. Жители бросились вперед, в коридор и на саму площадь, чтобы оказаться поближе к богу.

Из ворот появился герольд. Лицо его, как и почти обнаженное тело, пересекали черно-белые полосы.

— Он пришел! — закричал вестник. — Капризный владыка! Тот, чьими рабами мы являемся и будем всегда! Он — жертвенный нож и кровь жертвы!

Тут я невольно вздрогнул, вспомнив топор и покатившуюся голову Штуца. Мне пришлось обнять себя, чтобы унять озноб.

— Сердце пустоты! Сеятель разногласий! Враг и повелитель! — продолжал герольд.

Толпа восторженно выла. Многие люди опускались на колени и раскачивались в экстазе.

— Тот, кто выведет нас к свету! — кричал герольд. — Тот, кто создал звезды, холод и возмездие! Тот, кто создал нас и позабыл об этом!

Из дверей выехала небольшая повозка. На ней стоял деревянный шкаф в виде человеческого торса, раскрашенного в синие, желтые и черные цвета. Дверцы, приводимые в действие хитроумным механизмом, ритмично распахивались и закрывались вновь с жутким скрежетом и грохотом. А внутри, за дверцами... Я понял, что, если я увижу, что находится внутри шкафа, меня стошнит. А обед, судя по всему, сегодня разносить не собирались. Я отвел глаза и увидел группу мальчишек, которые что-то рисовали на стене. Они тоже были из свиты бога. Двое тащили огромный, заляпанный краской картонный трафарет, другие несли квадратные ведра с разными красками, а еще один с меланхоличным достоинством держал в руках несколько валиков — они казались сюрреалистическим букетом в его руках. Мальчишки прижали трафарет к стене, произошло быстрое совещание, валик обмакнули в красную краску и несколько раз прошлись им по трафарету. Группа двинулась дальше.

— Тот, кто смотрит и видит! — слегка уже сорванным голосом крикнул герольд. — Наш создатель, Зеркалодым!

Раздался многоголосый мощный даже не крик, а стон экстаза. Но я не повернулся, чтобы взглянуть на бога. Я не мог отвести глаза от рисунка, что сделали мальчишки на стене. Точнее, это была надпись, в которой бесконечно и вычурно повторялись имена Зеркалодыма и его титулы на древнем вельчеди. Но среди них, простые и крупные, стояли буквы варивикков.

ПОПРОСИ У МЕНЯ ВЗГЛЯДА СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО
И ТАК СПАСЕМСЯ

Я поднялся со скамейки и ввинтился в толпу.

3

Фолрэш придвинул ко мне тарелку с мясом, от которого валил ароматный пар.

— Да ты ешь, ешь, — сказал он чудным певучим голосом, в котором всегда слышался плач и насмешка одновременно.

Я благодарно кивнул. Фолрэш расслабленно опустился на большое кресло, вырезанное целиком из одной большой кости — и я даже догадывался чьей. Позолоченная резьба на кресле складывалась в причудливые узоры, такие же, как и на алом атласе мягкого чехла. Я отвел глаза.

На каждой планете физическую красоту прикрывают уникальным веером смыслов. На Пэллан к красоте относятся спокойно. Мы сохранили прагматизм и свободу варивикков в вопросах отношений полов. В юности, когда человек еще не знает себя и старается узнать, многие пробуют себя в самых разных отношениях. Некоторые находят себя в любви к людям своего пола. Мне никогда не хотелось даже пробовать некоторые вещи, но сейчас, глядя на Фолрэша, я понимал тех юношей и девушек, стайка которых жила в его покоях, мечтая о миге, когда богу, может быть, вздумается прикоснуться к ним. Я не собирался провести всю жизнь, моделируя согготов. Я надеялся ко-

гда-нибудь достигнуть той степени мастерства, которая позволит работать мне в медицинских мастерских, выращивая органы людей. Наши технологии позволяют вырастить любой нужный орган или их комбинацию. Однако людей целиком в медицинских мастерских Пэллан не растят, хотя на других планетах Альянса и даже Союза, любящего хвалиться своим гуманизмом, так иногда поступают. Мою родину миновали бесконечные споры о том, этично ли создание клонов — мы никогда не смотрели на этот вопрос с такой точки зрения. А от кровавых бунтов клонов, выращенных на таких фабриках, нас спасло очень трезвое и спокойное понимание того, что в тот день, когда мы не сможем договориться друг с другом, чтобы люди появлялись на свет естественным путем, нам, пожалуй, стоит положить конец нашей цивилизации.

Однако, если бы не это, я бы поклялся, что Фолрэш пришел в этот мир именно из утератора, где смешали самые качественные с точки зрения экстерьера гены. На эту мысль наводил не только фиолетовый цвет его глаз — я знал, что среди истинных вельче, хотя и очень редко, встречается такая окраска радужки. Глаза моей бабушки были точно такого же цвета, но этот ген был, увы, рецессивным. Фолрэш был совершенен так, как человек не может быть. Его тело, и лицо, и голос... «И мозги», — добавил я сам себе, чтобы не поскользнуться на этом извилистом пути. Соображал Фолрэш отлично, что явствовало из его дерзкой задумки с трафаретом.

Фолрэш улыбнулся и сказал успокаивающе:

— Пройдет неделя, Авенс, и ты привыкнешь. Все привыкают.

— Неделя! — прорычал я, отрывая зубами кусок мяса. — Нам придется торчать здесь еще целую неделю? Твой друг с поверхности не торопится!

— Праздник возвращения Зеркалодыма состоится через десять дней, — меланхолично ответил Фолрэш.

Мне стало стыдно. Я мог отсиживаться в своей пещере столько, сколько мне вздумается. А срок жизни Фолрэша исчислялся днями, оставшимися до праздника, где ему предстояло сыграть главную, но и последнюю свою роль. И все равно он ждал и продолжал искать меня — а ведь возможность вывести его отсюда представлялась его таинственному другу далеко не каждый день.

Фолрэш принялся рассеянно поигрывать круглым зеркалом, которое носил на поясе на длинной золотой цепочке. Я уже имел возможность хорошенько рассмотреть Дымящееся Зеркало, символ статуса Фолрэша. Он относился к нему довольно легкомысленно — и к статусу, и к символу, хотя эта вещь явно была ровесником Чаши, что я носил за пазухой. Это было не зеркало, а два круглых стекла. Тонкие в центре, они становились заметно толще по мере приближения к кожаной раме. На ней были вытиснены золотом черепа слонов с гротескно длинными бивнями и слишком большими провалами глазниц. В пустоте между стеклами медленно переливалось нечто, похожее на серебристый дым.

Я пробился к живому богу легче, чем ожидал. Самым сложным оказалось протиснуться сквозь плотную толпу в задних рядах, а ближе к зеленой дорожке все уже стояли на коленях. Я перешагнул через изнемогающих от счастья людей и оказался на ковре, шагах в пятидесяти перед живым богом. Он тоже заметил меня и вопросительно улыбнулся. Я вскинул руки и прочувствованно, как если бы работал на камеру, воскликнул:

— Молю тебя о взгляде через зеркало на меня, недостойного, о сердце пустоты!

Фиолетовые глаза Фолрэша озарились темным пламенем счастья, а затем он милостиво кивнул и поднял зеркало. Лицо его, искаженное линзами и растекающейся серебристой дымкой, в тот миг показалось мне действительно лицом бога — когда-то безумно краси-

вого, а теперь безумного и жестокого. Но это впечатление было обманчивым. Ясность рассудка Фолрэша была абсолютной.

— Твоя душа прекрасна, — нараспев произнес живой бог ритуальную фразу. — Она мне подходит. Я беру тебя с собой.

Толпа взвыла — от зависти и восторга. Как я узнал потом, если ему не нравилось то, что он видел сквозь зеркало, по его знаку несчастного тут же разрывала разъяренная оскорблением бога толпа. И смельчаков, желавших взгляда через зеркало, по этой причине находилось немного.

— А как тебя сюда занесло? — спросил я, когда тарелка опустела.

Для геолога он был слишком красив, и про себя я бы поставил скорее на какие-нибудь модельные или рекламные съемки на фоне гор.

Фолрэш улыбнулся, отложил Дымящееся Зеркало и спросил:

— Авенс, что ты знаешь о планете Нру?

— Ты инопланетянин, что ли? — сообразил я.

Инопланетный туризм давал неплохой доход. Это зависело от округа, но гости из других миров, желавшие прогуляться по Кладбищу Морских Тварей (и приобрести сувенир из моржовой кости), приносили не меньше тридцати процентов всей годовой прибыли Вельчера.

— Ты, наверное, отправился на экскурсию в Подземный Приют! — сообразил я.

Он поднялся с кресла и прошелся по комнате взад-вперед. Зеркало ритмично покачивалось на цепи и легонько постукивало его по ноге.

— Нет, — сказал он. — Я родился здесь, на Пэллан. А с Нру никто не торгует уже около тысячи лет. Но и не воюет тоже. Я даже не знаю, с чего начать...

— Попробуй сначала, — предложил я.

Фолрэш остановился, взял в руки Дымящееся Зеркало и задумчиво посмотрел в него, словно ответ ему должны были подсказать серебристые брызги.

— На Нру была гражданская война, — сказал Фолрэш. — И те, кто проиграл ее, были вынуждены покинуть родную планету. Они оказались здесь, их звездолет был поврежден. Они врезались в Пэллан на полном ходу, этот кратер...

— А, так вот что это было, — рассеянно заметил я. — Да, я сразу заметил, что ведут они себя не по-людски. Инопланетяне, значит. Нрунитане. Это многое объясняет. Но мне кажется, сейчас у нас с тобой есть проблемы поважнее, чем кто в кого врезался тысячу лет назад. Мы вот выберемся с тобой наверх, и первое, о чем думается, — как нам прорваться к горам? Но вот поверь мне, когда мы к ним подойдем, мы поймем, что самое сложное у нас впереди.

На лице Фолрэша отразилось мучительное колебание. Затем он, видимо, на что-то решился.

— Мы не пойдем к горам, — сказал Фолрэш. — То есть ты, конечно, можешь делать так, как велит тебе твое сердце. Я уверен, ты дойдешь и один.

Он сделал такой жест, словно наматывал что-то себе на нос. Я неловко усмехнулся. Впервые в голову мне пришла мысль, что я ни разу не видел, что на самом деле происходит с теми людьми, которых я расстреливал из своего ментального пулемета.

— А я и мой друг — мы пойдем в центр кратера, — продолжал Фолрэш.

— Зачем?

— Мы должны, — ответил он.

Я задумчиво посмотрел на него.

— А теперь ты, наверное, хочешь отдохнуть, — сказал Фолрэш и покинул меня.

Он не дал мне шанса задать ему ни единого вопроса. Но я, честно говоря, и сам толком не знал, что спросить.

Фолрэш милостиво кивнул. Но выспаться мне не удалось. Часа через три он растолкал меня и сунул в руки плащ.

— Мы уходим сейчас, — торопливым шепотом сказал Фолрэш. — Другой возможности у него не будет.

Он уже спрятал свое роскошное алое одеяние живого бога под таким же плащом, который всучил мне. Я сбросил отрепья давно убитого мной человека и защелкнул на горле застежку плаща. Тут я сообразил, что в карман комбинезона Чашу не спрячешь.

— Мне бы сумку какую, — сказал я.

Фолрэш, видимо, ожидал этого, потому что тут же протянул мне большую и прочную сумку. Я переложил Чашу туда и неприязненно покосился на него.

— Я могу только видеть, ты забыл? — сказал он спокойно. — И мне нужен тот, кто может из нее пить.

Я немного успокоился. Фолрэш достал два загодя приготовленных фонарика, отдал один из них мне.

— Нас теперь будет видеть каждый дурак, а мы не увидим его до тех пор, пока он не набросится на нас, — заметил я, когда мы шли через длинную анфиладу покоев.

Ночью освещение на подземных улицах выключали совсем, и пройти без фонариков мы не смогли бы, но были бы прекрасно заметны любому, кто вздумал бы поджидать нас в темноте.

— Это было бы крайне неприятно, — согласился Фолрэш. — Но в темноте мне не найти дорогу. Может быть, твои способности могут помочь нам?

Я глубоко вдохнул и медленно поднялся на свой чердак. Мы как раз выбрались на площадь перед дворцом живого бога — это здание было целиком вырублено в скале. Я увидел огромную статую Зеркалодыма ничуть не хуже, чем днем, только она стала серой. Я взял Фолрэша за руку, чтобы он не потерялся.

— Говори, куда идти, — сказал я.

— Надо выйти с площади, мимо водоразборной колонки, — ответил он. — И на третьем перекрестке направо.

Так мы и двинулись — Фолрэш говорил, где и куда свернуть, а я вел его сквозь серую мглу, мимо дверей в жилые помещения и административных зданий. Никто не встретился нам в гулких пустых коридорах, и я так расслабился, что с перепугу чуть не убил человека, поднявшегося нам навстречу со ступенек у одной из дверей. Для меня, в том измененном состоянии сознания, в котором я находился, он выглядел как покрытый густой рыжей шерстью слон. Он приветливо качнул головой, при этом его бивни легонько коснулись моих и ловко отодвинули их в сторону — а я грозно наставил бивни ему прямо на лицо, увенчанное круглыми ушами и длинным гибким хоботом. Пулемета у него тоже не было.

— Наконец-то, — сказал он, и голос его показался мне очень знакомым.

Мне захотелось увидеть нашего спасителя, и я ловким и уже почти привычным движением спустился со своего чердака. Наш проводник тем временем нажал что-то на стене, и в ней открылась дверь. Я увидел за ней кабинку лифта. Пора было зайти в нее и выбраться отсюда, и я не стал рассматривать нашего спутника. Да и пока мы поднимались, мне не представилось такой возможности. На друге Фолрэша оказался темный плащ с капюшоном, тень от которого скрывала почти все лицо. Меня мучила мысль, что сейчас что-нибудь произойдет, что лифт остановится и нас поймают. Слишком уж гладко все шло. Но нет, мы добрались до поверхности без всяких приключений. Створки лифта разъехались, и мы оказались в большом ангаре, освещенном целым созвездием ламп под потолком. Лифт загудел, возвращаясь в подземелье.

— Ну, хвала Белому, этот нож вроде убаюкали, — проворчал наш спутник, откидывая капюшон.

Я вздрогнул. Еще не веря, уставился на его рыжие кудри, что взметнулись, как лукавое пламя. На его очень светлую кожу. А затем бросился на него. Мы покатились по бетонному полу. Я вцепился ему в горло. Орузоси отбивался и хрипел. Фолрэш огрел меня по голове Дымящимся Зеркалом. Мне захотелось прилечь, что я и сделал.

— Мне тоже иногда хочется так поступить, но я себя сдерживаю и тебе, Авенс, очень рекомендую, — очень холодно сказал Фолрэш.

Орузоси кашлял, потирая горло.

— Ты... — произнес я. — Ты не понимаешь... Это предатель, Фолрэш! Это он завел нас прямо в лапы к стражникам!

Я вспомнил, что Фолрэш собирался идти с Орузоси куда-то в центр кратера.

— И тебя к ним заведет! — добавил я яростно.

Орузоси покосился на меня, но промолчал.

— Он не захотел меня слушать, — со вздохом пояснил Фолрэш. — Ну, я и решил ничего не говорить.

— И я все время был с вами. Ни на секунду не отошел, даже чтобы отлить, — мрачно заметил Орузоси.

— Да! — воскликнул я и осекся.

Перед моими глазами встал обрезанный конец белой веревки. А ведь мне еще тогда показалось это странным, вспомнил я. Уж кто-кто, а Орузоси должен был знать правила поведения в подземных походах. «Мне не хотелось привлекать внимание общественности», — кажется, так он тогда ответил на наши упреки. Или это ответил уже не он?

Я перевел взгляд с Фолрэша на Орузоси.

— Даже удивительно, — вежливо сказал Фолрэш. — Что именно тебе, биоинженеру, никак не приходит в голову эта простая мысль.

— Я еще даже не младший лаборант, — пробормотал я.

— И навсегда им останешься, — заметил Орузоси. — Если не научишься мозгами шевелить...

И тут я понял. Кровь капала с моего разбитого носа, оставляя темные потеки на бетоне, — Орузоси успел ударить меня головой в лицо. Я машинально вытер нос.

— Но клонирование запрещено, — сказал я.

Орузоси пожал плечами:

— Это у кого как.

— Тараканы, — упавшим голосом произнес я. — Та деревня, где не было женщин...

— Да. Зачем? Форма может быть любой, она не имеет значения, — кивнул Фолрэш. — Генетический банк — практически единственное, что нрунитанам удалось спасти.

— Когда они проиграли в гражданской войне и их вышвырнули с родной планеты, — машинально закончил я.

— Здорово тебе Дымящееся Зеркало мозги прочистило, — сказал Орузоси одобрительно. — Пора валить. Одного мерге пошлем к горам, чтобы отвлечь внимание, а вот на втором...

— Мне кажется, уже поздно, — самым любезным голосом заметил Фолрэш.

Тут и я услышал топот множества ног, приближавшийся к ангару. Теперь я заметил, что он не был пустым. В просторных стойлах вдоль стен спали большие животные — мерге, догадался я. Это были огромные сухопутные крабы с клешнями размером с ковш экскаватора. Я вспомнил, что Дарнти говорила о подобных животных. Орузоси выругался и вскочил. Он снял с ближайшей стены большую сумку и извлек оттуда уже знакомую мне длинную серебристую палку, нрунитанский вариант нашей пиэрсы. В сумке таких пиэрс было несколько — были видны блестящие набалдашники.

— Дай и мне, — меланхолично произнес Фолрэш, протягивая руку. — Я ведь и нож, и кровь на нем...

Только в этот момент я вспомнил, что у дворца живого бога всегда стояли стражники. Их функции

были двоякими, как у клеточной мембраны. Они не пропускали внутрь обезумевших от любви к живому богу людей — и не выпускали никуда Фолрэша. Спросонок я даже не обратил внимания на то, что мы их не встретили.

Орузоси расхохотался, отдал Фолрэшу свою палку и вытащил себе другую.

— А ты посиди здесь, — сказал мне Орузоси.

Топот и голоса приблизились. Двери ангара заходили ходуном — их пытались открыть снаружи.

— Не понял, — рассердился я. — Да я могу их всех один...

Я повторил жест Фолрэша — сделал вид, что наматываю себе что-то на нос.

— Да, разумеется, можешь, — согласился Фолрэш. — Но видишь ли, ты такой один. Во всем кратере Небесного Огня больше Красных Бивней нет. И как только ты применишь свою силу, они будут знать, где ты — и где Чаша, которую ты украл. И тогда за нами бросится вся свора. Сейчас они не столь взволнованны — побеги пленников случались и раньше. Одним живым богом меньше, одним больше...

В этот момент двери с грохотом упали, и не столь взволнованные нрунитане бросились на нас. Фолрэш поднял Дымящееся Зеркало на вытянутой руке, а второй нацелил свое оружие прямо в центр линзы.

— Взгляд через зеркало, — пробормотал он и нажал спусковой крючок.

Расщепленный луч накрыл пространство с той стороны Дымящегося Зеркала широким конусом невыносимо белых, как дуга при сварке, лучей. Стены ангара вспыхнули. Люди мгновенно превратились в живые факелы. Самому шустрому, который почти успел добежать до Фолрэша, повезло меньше всех — он взорвался, как спелый помидор под ногой, забрызгав Фолрэша своими внутренностями. Крики, запах паленого мяса и треск горящего дерева заполнили ангар. Орузоси сообразил, что и ему подраться не удастся.

Но не сильно расстроился по этому поводу, а бросился открывать стойло.

— Пробей ту стену! — крикнул он мне.

Действительно, воспользоваться горящими воротами ангара мы уже не могли. Пока Орузоси выводил мерге — животное было готово к путешествию, на гладкой хитиновой спине в такт его шагам мерно покачивалась небольшая кабинка, нечто вроде паланкина для седоков, — я прошел к дальней стене ангара, еще не тронутой огнем, включил свое оружие и прорезал в ней большой квадрат. Кусок стены выпал наружу. Я оглянулся, кашляя. Глаза мои слезились, и я почти ничего не мог разобрать среди оранжевых языков пламени и клубов дыма. Оглушительно заревели мерге. Эти неповоротливые великаны соображали так же медленно, как и двигались, а теперь огонь добрался и до них. Я услышал тяжелые шаги. Из дыма вынырнул тот самый краб с паланкином на спине. Орузоси сидел на шее краба, зажмурившись и крепко держась за крючковатые хитиновые антенны. Я догадался, что он ментально управляет зверем. Из паланкина свесился Фолрэш и протянул мне руку. Я ухватился за нее. Мерге притормозил и услужливо согнул толстую ногу. Я оттолкнулся от нее, как от ступеньки, и взобрался наверх. Фолрэш втащил меня в паланкин.

— Погнали! — крикнул он.

Мерге рванулся с места так, что меня отбросило к дальней стене кабинки. Там имелась смотровая щель, и я увидел причину такой спешки. За нами мчалось стадо разъяренных болью животных, которые вырвались из своих стойл.

— Заставь их разбежаться! — прокричал Фолрэш, тоже заметивший их.

Это было очень правильное решение. Никто не будет знать точно, на каком именно мерге мы покинули ангар. Чем больше будет площадь рассеивания, тем дольше наши преследователи будут искать нас. Да и собирать стадо им придется долго. Орузоси услы-

шал совет Фолрэша — мерге, круша хлипкие хижины и ломая заборы, бросились врассыпную. Снаружи тоже была ночь, жизненные циклы подземных и верхних жителей совпадали. Но небо над нашими головами уже начинало зеленеть. Я подумал, что нам надо найти укрытие до того, как окончательно рассветет. Фолрэш выбил пару досочек в задней стене паланкина, чтобы расширить обзор. В отблесках начинающего всходить солнца, падавших на его лицо в покачивающемся паланкине, лицо Фолрэша казалось мертвым — притом мертвым очень давно. Но даже смерть не могла стереть печать безумия с этого лица, когда-то бывшего прекрасным. Выбирая кандидата на роль живого бога, поклонники Зеркалодыма выбрали самого лучшего.

Фолрэш перехватил мой взгляд.

— Теперь я не кажусь тебе таким красивым? — осведомился он.

Я послюнявил палец и молча вытер засохшую кровь и какие-то ошметки с его щеки.

— Спасибо, — с достоинством сказал Фолрэш.

Наш мерге мчался через поля, с хрустом сшибая серебристые венчики оросительной системы. Я увидел, как над центром деревни медленно вскипает фонтан желтого огня.

— Мы сожгли их подчистую, — сказал я Фолрэшу, кивая на пламя.

Тот обернулся и глянул туда.

— Дерьмо Белого! — яростно выругался он. — Еще быстрее, Маро! Они включают защитный контур!

Орузоси что-то промычал в ответ. Наш мерге прибавил ходу. Я бы никогда не подумал, что живое существо может двигаться с такой скоростью. Путь наш шел под уклон, и это было нам на руку. Лапы мерге мелькали, как косы, что ставили на ободах своих боевых колесниц воины — захватчики из «Далекой звезды». Картошка (или это была свекла?) так и разлеталась в разные стороны. Сияющий желтый столб поднялся

метров на десять. Из его верхушки рассыпалась сеть ярких толстых линий. Они перечеркнули небо над нашими головами и устремились вниз где-то в полукилометре впереди. Если бы мы не успели вырваться наружу до того, как силовое поле установится, то оказались бы в ловушке. Орузоси гнал мерге на той скорости, на которую, по-моему, это животное никогда не было рассчитано. Огромные колючие бока под хитиновым панцирем судорожно вздымались. Воздух выходил из легких зверя с хриплым свистом. Я смотрел, как линии текут по светлеющему небу, и не мог оторвать глаз. И вот силовые линии оказались прямо перед нами. Мерге тоже что-то почувствовал. Он яростно взмахнул клешней, отбиваясь от непонятного врага. Клешня обуглилась и с хрустом вырвалась из сочленения. Зверь споткнулся и покатился по земле — вперед, под уклон. Вокруг меня завертелись стены паланкина, гаснущие звезды, ноги Фолрэша... я обрушился на землю.

Я встал, посмотрел вниз. Выбитая в земле ямка оказалась меньше, чем мне представлялось по ощущениям. Голова слегка кружилась. Слева подрагивала огромная туша. Мерге издыхал. За ним сияла прозрачная стена силового поля. Мы все-таки успели. Справа из обломков паланкина поднялся Орузоси. В руке он крепко сжимал обломок хитиновой антенны.

— Жестковатая посадка, — хрипло пробормотал он.

— Да ну, брось, — сказал я. — Вот это, — я обвел рукой уходящий все ниже и ниже склон и пики гор на горизонте, — жестковатая посадка. Пилоты перепились, видать, или переругались насчет того, что два парсека назад надо было брать левее...

Сначала Орузоси не понял, а затем разразился хохотом.

— Ты порочишь память своих предков, Авенс, — с упреком сказал Фолрэш, воздвигаясь над поломанной ботвой.

Все-таки это было, видимо, картофельное поле. Разобраться толком я так и не успел. Орузоси забрался в разбитую кабинку и принялся чем-то шуршать там.

— Моих? — переспросил я.

— Просто корабль был уже подбит, я ведь тебе уже говорил, — продолжал Фолрэш. — Пилоты беглецов сделали все, что могли, но...

И тут до меня дошло. О Двуликая, ведь жители кратера тоже говорили на вельчеди. Если бы я не был занят всей этой беготней, я бы, конечно, сообразил сразу.

— Этот твой пулемет, он... он был создан совсем не для того, для чего ты им пользуешься. Это навигационный прибор. Пилоты знали, что они больше не нужны, — кивнул Фолрэш. — А законы у нрунитан всегда были просты. Точнее, закон всегда был только один...

— Ненужная биомасса перерабатывается, — мрачно закончил Орузоси.

Он выбрался из обломков паланкина. В каждой руке он сжимал по увесистому рюкзаку, а за плечами у него висел еще один.

— Хватит нож баюкать, — сказал он, кидая нам рюкзаки. — Бегом!

Он первым выполнил свою команду. Мы последовали за ним.

В качестве временного укрытия Орузоси заранее присмотрел для нас сарай неподалеку от деревни. Мы добежали до него минут за десять, но не спешили входить в него. Мы лежали в картофельной ботве чуть поодаль до тех пор, пока к сараю не прибыл отряд из неповоротливых мужчин, очень похожих на жителей деревни, которые съели Штуца. Ими командовали несколько созданий, при изготовлении которых явно использовались гены больших ящериц. Под их руководством люди тщательно и быстро обыскали

сарай, а потом покинули его. Они оставили одного из ящеров дежурить здесь. Орузоси успел подойти к нему со спины прежде, чем часовой его увидел. Орузоси оглушил его серебристой трубкой, а потом сломал кость на виске и вставил туда какую-то проволочку, которую извлек из рюкзака. Ящер теперь спокойно спал на соломе у входа, просыпаясь только раз в день, чтобы поесть и облегчиться. Так что мы почти не опасались, что нас найдут. Рюкзаки оказались забиты всякой снедью и водой. Предусмотрительный Орузоси умудрился раздобыть даже аптечку, которая очень пригодилась нам в первый день после нашего побега — надо было смазать ожоги, обработать мелкие ссадины и синяки. Чем мы и занялись, когда проснулись. А потом Фолрэш сказал:

— Надо дать Авенсу немного консервов.

Орузоси вопросительно посмотрел на него.

— Он не пойдет с нами, — пояснил Фолрэш. — Он хочет вернуться домой.

— Это еще что за самодеятельность? — рявкнул Орузоси. — Тебя зачем наняли, Марримит?

— Очистить Подземные Приюты от крыс, — ответил я. — Но...

— Они еще не очищены, — с убийственной логикой возразил Орузоси. — Ты останешься здесь и пойдешь с нами к генератору.

— К генератору?

— Да. Он находится в центре, в самой низкой точке кратера. Он создает силовое поле, которое защищает долину Небесного Огня, — ответил Орузоси. — Мы отключим его. Если нам это удастся, штурмовой отряд высадится в течение часа. Изначально операция планировалась именно так. Я не стал вам все рассказывать — надо было еще выручить Фолрэша, а вы могли попасть в плен, и тогда им все стало бы известно. Но мы не сильно отклонились от плана в итоге-то.

Я подумал об Анше и Кевине, чью судьбу я теперь страшился узнать, о Ясеке и Дарнти, которыми, наверное, уже угостили новую партию пленников.

— Так точно, — ответил я.

И мы стали ждать, когда освободятся дороги. Фолрэш все-таки недооценил глубину чувств, испытываемых к нему подземными жителями. Сарай, в котором мы прятались, стоял на холме, откуда было прекрасно видно проходившую неподалеку дорогу. Целыми днями по ней тянулись колонны мерге. На спинах животных помимо паланкинов погонщиков покачивались в такт маршу орудия грозного вида. Да и клешни у этих мерге были другой формы, и предназначались они явно не для уборки овса и картофеля. За мерге маршировала пехота, составленная из тварей самых разных видов. Нрунитане пользовались своим генетическим банком вовсю. Я успел насмотреться и на тараканов, подобных тем, с которыми мы столкнулись в Приютах, и на человекообразных существ. На третий день нас миновал отряд изящных слонов, каждый размером не больше человека. Это явно была элита; перед ними расчистили дорогу, и они двигались не торопясь, сверкая драгоценностями на парчовых попонах и налобниках. Орузоси не нравилось, что войск так много.

— Для того чтобы поймать одного беглеца, они не стали бы стягивать армию со всего кратера, — заметил он. — Я думаю, под землей сейчас большие беспорядки. Твой побег, Фолрэш, мог послужить началом бунта.

— Возможно, — кивнул Фолрэш. — Понимание, что смерть в драке достойнее смерти от укола, довольно опасная вещь. Ты не можешь прощупать, что там творится?

Я навострил уши. Почему от укола?

— Далеко, — поморщился Орузоси.

— Ты мог бы подслушать мысли военачальников, что сейчас идут по дороге, — предложил Фолрэш.

Орузоси его предложение показалось разумным, и он ночью ушел к дороге. Он пролежал в ботве на обочине весь день, а когда вернулся, сообщил, что его предположение было верно. Люди подняли восстание. Они хотели пробиться к туннелям, ведущим прочь из кратера.

— Но вряд ли им это удастся, — мрачно закончил он.

Я все еще не мог свыкнуться с той мыслью, что Орузоси — не предатель, и не доверял ему. В конце концов, если таких, как он, много, откуда мне знать, что передо мной — именно тот человек, что сидел с планшетником в кафе при музее и бок о бок с которым я дрался в Подземных Приютах, а не некто третий из огромного количества совершенно идентичных генетических копий? Улучив момент, я сказал ему:

— Мне это напоминает тот эпизод из «Далекой звезды», ну помнишь, ты еще сам говорил, что он тебе нравится?

Катимаро усмехнулся и ответил:

— Я не смотрел фильмов с тобой, Авенс Марримит.

У меня отлегло от сердца, и с тех пор мы с ним разговаривали вполне мирно.

— А вот ты все время говоришь — «хватит нож баюкать», — сказал я ему как-то. — А что это за ругательство такое?

— Да это сказка такая у нас есть, — ответил Орузоси, расслабленный и беспечный после обеда.

Он лежал на своем месте рядом с ящером, недалеко от входа, а я сидел на пороге сарая.

— Расскажи.

Я примерно знал, что сейчас услышу, но мне все равно было интересно.

— Да что рассказывать... У Белого и Двуликой был сын. Ну, первый человек в этом мире. Однажды Двуликая случайно уронила своего сына в котел, где мешались гены. Из этого варева они с Белым и слепили все на свете — и камни, и траву, и животных. А когда выловила его оттуда, он уже превратился в нож. С тех

пор Двуликая носит на спине спеленутый нож и баюкает его по ночам. Она надеется, что он все же слышит ее и когда-нибудь станет человеком.

— У нас рассказывают по-другому.

— Сказки везде рассказывают немного по-разному, на то они и сказки, — согласился Орузоси.

— Я вот думаю, что они сделали с Аншой и где она сейчас, — сказал я задумчиво.

— А что они с ней сделали?

Я рассказал ему о побеге Кервина и о знаках на наших с Аншой лбах, о том, что ей дали подышать чем-то.

— Она еще жива, но было бы лучше, если бы она умерла, — ответил Орузоси, внимательно выслушав мой рассказ. — Если встретишь ее, убей ее прежде, чем она заговорит.

А вот Фолрэш не хотел общаться со мной. Я хотел понять, во что меня втянули. Обо многом я и сам уже догадался, обдумав все последние события спокойно, на досуге. Но хотелось ясности. Теперь я хотел слушать, но Фолрэш не торопился рассказывать, ловко уклоняясь от бесед, которые я заводил. Мой отказ выслушать его тогда, когда он хотел говорить, видимо, глубоко задел его.

— Торговец, попавший в силовое поле, спас всех людей Пэллан, — сказал Фолрэш вечером третьего дня, когда мы прикончили очередную банку консервов.

Я во все глаза посмотрел на Фолрэша, опасаясь сказать что-нибудь или сбить намечавшийся рассказ. Сегодня днем по дороге прошли шиварео в развевающихся белых одеждах, испещренных изображениями черепов и змей. Орузоси сказал, что это заградотряд и теперь интенсивность движения войск по дороге резко снизится. Ночью мы собирались покинуть наше пристанище и двинуться к генератору.

Фолрэш покосился на меня своими фиолетовыми глазами и улыбнулся краешком губ. Видимо, он наконец простил меня.

— Армия для захвата Пэллан была уже выращена и готова к бою, — сказал он, растягиваясь на соломе. — Это те самые существа, которых ты называешь тараканами. Они должны были хлынуть из Подземных Приютов на поверхность, сметая все на своем пути.

Он зевнул. Я вздохнул с досадой, и он засмеялся. Но все же для человека, прожившего год в качестве живого бога, он был не особенно капризным. Фолрэш продолжил:

— Но нрунитане помнили, все это время помнили, что их могут искать. Они не знали, выжили ли другие, — они бежали на нескольких кораблях, но потом огонь преследователей разметал их конвой. Нрунитане сделали перед уходом со своей планетой нечто такое, в чем не разобрались даже эллориты. Никто из тех, кто рискнул высадиться там, до сих пор не вернулся. Говорят, что на Нру существует несколько Нитей Времени одновременно, хотя это и невозможно. Нрунитане боялись эллоритов — их кодекс предусматривал суровое наказание за такие штучки. Они не знали, что эллоритов уничтожили гетейне, их бывшие игрушки и рабы. Им было нечего бояться, но, к счастью для всех нас, они не знали этого.

— Подожди, — перебил я Фолрэша. — Если они сделали свою планету непригодной для жизни, кто же расстрелял их конвой? Я думал, что наши предки проиграли войну, а преследовали их родичи, одержавшие победу.

— Да, и мне хотелось бы это узнать, — заметил Орузоси.

Он внимательно прислушивался к нашему разговору.

— А вам не рассказывают? — с интересом осведомился Фолрэш. — Можно было бы сравнить версии...

Орузоси усмехнулся.

— Нам говорят, что мы были здесь всегда, — ответил он. — Что мы живем в лучшем месте под солн-

цем. Мне и моим... братьям говорили еще, что местность за горами захватили предатели. Они сбежали из-под власти Великих Слонов. Теперь пришла пора восстановить справедливость. Но это была военная тайна.

— Ну, ясно. Конвой на самом-то деле расстреляли эллориты, — ответил Фолрэш. — В хрониках вельче прямо говорится об этом. Только их тоже дают читать не всем. У эллоритов было своеобразное понимание порядка. Они считали, что уничтожать планеты могут только они сами, как хозяева и повелители, а если это делают аборигены, это является бунтом. То есть преступлением.

— Но теперь нрунитане знают, что империи эллоритов больше нет, — сказал я задумчиво. — Почему же они отменили нападение, к которому так долго готовились?

Фолрэш пожал плечами:

— Видимо, страх был слишком силен. Да и эллориты все еще имеют вес, хотя их осталось очень мало, и они предпочитают не афишировать себя. В той армии, которая так и не вышла на поверхность Пэллан, — вернулся к рассказу Фолрэш, — командиры подразделений имели вид людей, но они все были рыжими и одинаковыми с лица. Клонами.

Я перевел взгляд на Орузоси. Тот насмешливо отдал честь.

— А рядовые? Все были брюнетами?

— Рядовых ты видел в Подземных Приютах, — ответил Орузоси. — Человек как биоформа не является совершенным оружием. А вот они — да.

— Те тараканы, что ли? Но как ты ими командовал? Они ведь не понимают человеческую речь.

Орузоси пожал плечами:

— Так же, как я управлял мерге.

Я вспомнил Орузоси, крепко сжимавшего хитиновые антенны зверя.

— Я немного медиум, — закончил Орузоси.

— Так ты хочешь сказать, что тогда, в Приюте... Мы не подвергались никакой настоящей опасности?

— Не совсем. Нас было трое — сержантов, сбежавших вместе. Но наши отряды, тараканы эти, они не могут перестать следовать за нами. Они привязаны к нам навсегда. А теперь я остался один. Командовать отрядами тех двоих я не могу, мне не хватает мозговой мощности, так скажем.

— А почему ты... ну, почему тебе придали форму человека?

— Командовать низшим разумом может только более высокоорганизованный, — ответил Орузоси. — Емкости человеческого мозга как раз хватает, чтобы подчинить себе тридцать тараканов, как ты их называешь.

— У тебя очень яркая внешность. Это связано с твоей способностью управлять?

— Нет. Наши великие слоны просто не хотели, чтобы мы перешли на сторону противника, — ответил Орузоси.

— Но ты же перешел, — заметил я.

— Да, — терпеливо ответил Орузоси. — И теперь нож тут баюкаю. А если бы я не был так заметен... и располагал большим количеством информации о жизни людей на Пэллан... я бы не пошел в вашу РСБ. Я бы просто жил среди вас, понимаешь? И остальные тоже.

— Чтобы удержать оставшихся сержантов от предательства, им сохранили жизнь, — продолжал Фолрэш. — Один такой и подменил собой Маро и привел вас в западню.

— А другой ловкий ублюдок завел в ловушку отряд, в котором был Фолрэш, — сказал Орузоси.

— Я уже вижу, что ты очень важен для нашей миссии, — сказал я, глядя на Фолрэша. — Но не из-за твоих красивых глаз ведь?

Фолрэш усмехнулся.

— Отключить генератор может только он, — сказал Орузоси сухо.

— Только с вашей помощью, — вежливо поправил его Фолрэш, как-то странно посмотрев на меня.

Я понял, что ему для этого нужна Чаша, которую я так удачно украл.

— Генератор не только создает ложную картинку выжженной поверхности. Он еще и защищает местных жителей от радиации нашего солнца, — продолжал Орузоси. — Его спектр излучения не совсем подходит для нрунитан. Когда щит падет, они смогут прожить дня три, не больше.

— Но если нрунитане так ловко умеют играть с генами, — заметил я, — почему они...

— Потому что тогда рабы разбредутся из-под щита, — ответил Орузоси. — А сейчас им некуда идти. Пребывание вне стен кратера для них верная смерть.

Фолрэш зевнул и повернулся на бок.

— Подремли и ты, Авенс, — сказал Орузоси. — Нам еще всю ночь носиться.

— Но как нрунитанам так долго удавалось оставаться незамеченными? — задумчиво пробормотал я.

И тут же вспомнил рассказы своих товарищей по несчастью в деревне людоедов. Пропавшие экспедиции, шиварео, охранявшие подступы к кратеру как зеницу ока...

— Воины и пилоты ушли, — ответил Орузоси. — Да, такие, как ты. Твои предки забрали с собой часть... оборудования и многое из генетического банка. Вельче убежали так далеко, как только смогли.

Он был прав. Если мысленно взглянуть на карту, то становилось ясно — вельче бежали не оглядываясь, пока их не остановил океан. Почему-то мне вспомнилась Анша. Я старался не думать о том, где она и что с ней, — я все равно ничем не мог ей помочь. Но эти мысли всегда присутствовали во мне, болезненные, хотя и почти не слышные. Но в тот миг я словно увидел ее — она стояла посреди ночного поля и испуганно оглядывалась. Может быть, ей удалось бежать, и она скрывается, как мы...

— И не из чего было сделать новых пилотов, — говорил тем временем Орузоси. — А медиумы остались — для них работа всегда найдется. Они сканировали ноосферу планеты и гасили всякие нежелательные для нрунитан идеи.

— И внушая нужные, — сонно добавил Фолрэш.

— В смысле? — удивился я.

— Подземные Приюты, — сказал Орузоси. — Ведь их ценность для жителей Пэллан равна нулю, ну признай это, Авенс. А вот для того, чтобы незаметно перебросить войска из кратера и ударить везде одновременно, они очень подходят. Нрунитане воспользовались вашими же страхами и заставили собственными руками соорудить крепости для ваших врагов.

— Но ведь Приютам триста лет, — сказал я. — Чего же вы так долго собирались?

Орузоси пожал плечами:

— Сначала надо было решить, модификанты какого вида будут жить в захваченных городах. Это был очень спорный вопрос, знаешь ли. Сошлись на людях, потому что это решение одинаково не устраивало всех. Потом надо было получить образцы генетического материала. Потом растили будущих колонистов. Почему-то люди, именно этот вид биоформов, оказывается, наиболее сложен в управлении, агрессивен и непокорен.

Он засмеялся, и я понял, что он сказал комплимент не только себе.

— Да и потом... У вас на Пэллан республика. А элита нрунитан, наши Великие Слоны, понимают, что, едва мы выйдем за пределы кратера, контролировать нас будет гораздо сложнее. Ты жил среди последних людей и видел, что у них есть дети. Ни у кого из нас, кроме Великих Слонов, детей не бывает. Но как только Слоны утратят контроль над рождаемостью, они утратят контроль надо всем. Заметь, именно люди, у которых есть дети, подняли бунт... Раньше у нас ничего подобного не было. Никогда. Наверное, когда есть

человек, которого ты создал сам, ты хочешь устроить его судьбу — и хочешь, чтобы она была лучше твоей.

— Да, родители обычно так и говорят, — пробормотал я.

На самом деле я в тот момент подумал об отношениях Орузоси и Анши. Знала ли она правду — что встречается с клоном, беглецом из кратера Небесного Огня? Скорее всего нет. Я начал понимать, что секс для нрунитан вряд ли существовал как понятие. Возможность заниматься любовью, заводить детей имели только эти их Великие Слоны. И для Орузоси отношения с Аншой наверняка были чем-то особенным, знаком того, что он освободился и теперь сам вершит свою судьбу. А чем они, интересно, были для нее? Теперь я этого уже никогда не узнаю.

— Но среди Великих Слонов есть те, кто любит свою власть больше своего народа, и они не хотят ее терять, — продолжал Орузоси.

«О Белый, — подумал я. — И после всего, что Великие Слоны сделали с ними... лишили всего, что может быть у человека... среди этих слонов еще есть *те, кто любит свой народ*!»

— Они всячески тормозили этот проект, благодаря им вторжение и было отложено...

Орузоси потянулся.

— Так, хватит нож баюкать, — сказал он.

Орузоси ушел в угол у дверей, где находилось его спальное место. Оттуда он мог без помех наблюдать за нашим ящером, которого он называл «сломанным радио». Я тоже прилег было, завернулся в плащ. Но мне не спалось. Возможно, потому, что было еще светло, но скорее всего причиной моего возбуждения было то, что мои друзья наконец открыли мне. Я осторожно поднялся, чтобы не разбудить спящих товарищей, и выбрался наружу. Мне надо было отлить. Я дошел до ближайшей трубки оросительной системы, гордо торчавшей над картофельной ботвой, и остановился там. Сумерки в кратере Небесного Огня были самым

волшебным и зловещим временем. Небо было насыщенного зеленого света. Солнце висело над самой седловиной хребта на западе. Ану и Баазе уже взошли. На небе поблескивали их желтые, как монетки, сияющие кружки. Ану сегодня был полным. А от Баазе оставалась ровная половинка круга — она казалась прищуренным глазом. Скоро должно было совсем стемнеть. Металл трубки медленно менял свой цвет с неоново-желтого на черный. Я сделал все, что хотел, любуясь окружающим пейзажем. В моей голове крутились нрунитане, космические корабли, Подземные Приюты, медиумы нрунитан и тот торговец, что врезался в нашу противометеоритную сеть. Я не мог не задуматься, а кто такой Фолрэш и откуда он все это знает. Фамилия его была Дезайе. Почти все вельче были в той или иной мере родственниками друг другу, но такую фамилию я слышал впервые. Это значило только одно — его семья была из «чистого» рода.

Когда выжившие варивики наткнулись на вельче, мои предки с вполне теперь узнаваемым хладнокровием разделились на две части. В одной из них дети вступали в брак с кем хотели, в том числе и с чужаками, и это даже приветствовалось. В основном, конечно, это были правящие семьи, которым надо было породниться с людьми Пэллан. Ничто так не укрепляет дружеские отношения, как общая кровь, текущая по жилам. Другая половина систематически уклонялась от браков как с чужаками, так и с полукровками. Моя бабушка — ее звали Дарайна — была как раз из такой семьи, но нарушила этот обычай ради моего деда.

Дед мой, Стивен Марримит, был весьма примечательной личностью. Он вывалился из пустоты на палубу рыболовецкого судна, когда рыбаки уже возвращались с уловом на берег. Вельче весьма любознательны и ругающегося на непонятном языке чужака приняли весьма радушно. Когда Стивен выучил вельчеди настолько, что смог объясниться, он рассказал о своем появлении так. Он ехал из Бангора в Касл-Рок,

и его автомобиль сломался. Стивен бросил машину и решил добраться домой пешком, по короткой дороге. Он хорошо знал места, поскольку часто охотился здесь. Однако тропинка завела его в какие-то совершенно незнакомые дебри. Затем мимо него на жуткой скорости промчался спортивный «Мерседес». Стив отпрыгнул в сторону сквозь кусты. Кусты закончились быстро, а вот падение все не кончалось и не кончалось. И когда он уже решил, что все-таки *не успел* отпрыгнуть, оказался в груде скользкой рыбы.

Стивену сообщили — а теперь я осознал, что вельче, по крайней мере многие из них, не сочли его рассказ ложью или бредом, потому что кое-что знали о нырках в никуда и приземлениях совсем не там, где ты ожидал себя обнаружить, — что в мире, где он оказался, нет городов и автомобилей с такими названиями. Он может жить среди вельче, как один из нас, но никто и никогда не сможет вернуть его домой. Стивен мужественно перенес это известие. В том мире, откуда он был родом, люди уже начинали потихоньку осваивать космос, так что потрясение оказалось не так велико, как можно было бы ожидать. По профессии он был инженером, конструктором оружия. Он думал, что с легкостью найдет себе работу. Но на Пэллан оружие для убийства людей никогда не производилось в промышленных масштабах. В мелких стычках Бесконечной зимы и в период объединения всех краев Пэллан в одну планетарную республику использовались подручные инструменты. Карнаги, край шахтеров, выходил с дрелями и молотами, жители Идейры, которым принадлежала самая плодородная почва на планете, встречали их мотокосами и, в более поздние времена, чуть переделанными комбайнами. Осознать этот факт оказалось сложнее, чем принять знание о том, что ты обречен провести свою жизнь вдали от дома. Однако Стивен быстро сориентировался и устроился проектировщиком в фирму рыболовецких снастей. Его гарпунные пушки, ружья для под-

водной охоты и прочее, и прочее принесло ему не только мрачноватую славу, но и неплохие деньги. Пиэрса, которой я отбивался от тараканов в Приютах, была энергетической подводной винтовкой, изобретенной моим дедом и лишь слегка модифицированной для наземных действий. Когда мы вступили в контакт с Альянсом, наши соседи были удивлены отсутствием у нас вооружения. И, как я уже говорил, если бы не наш силовой кокон, нас бы сожрали тут же. Для деда наступил звездный час; ему было тогда около семидесяти, но сознание у него все еще было ясное. Стивена пригласили в спешно созданную Оружейную Академию. Теперь мы нуждались не в ружьях для подводной охоты, а в чем-то большем. Молодые специалисты, отданные под начало деду, в техническом плане были подкованы даже лучше; им не хватало, как объяснял Стивен, способности посмотреть на ситуацию под необходимым углом. Осознания того, что человек — это всего лишь очень опасный кусок мяса. Я так понял, у людей Земли со взглядом на реальность с этой точки проблем не было — им, наоборот, было очень сложно увидеть в человеке *не только* кусок мяса.

Бабушка Дарайна работала хирургом, и дед часто с любовью и гордостью говорил, что они уравновешивают друг друга — он несет разрушения, она их исправляет.

Я очень любил его рассказы, изумительные и странные рассказы о планете, где он родился и вырос. Дед тосковал по Земле, а рассказывать о своей родине ему было особо и некому — мало кого интересуют истории, случившиеся не с нами. Я мог слушать его бесконечно, он завораживал меня раскатами своего голоса — а он любил меня, как своего самого преданного слушателя. Бабушку можно было понять. Они познакомились в то время, когда его голова, которую я запомнил лысой, как колено, была увенчана гривой роскошных кудрей. Однако с родственниками Дарайна

крупно поссорилась, и они не общались с ней до сих пор.

Я ощутил легкую обиду. Истинные вельче наверняка хранили — в тайне — настоящую историю нашего народа. Большая часть дворцов и храмов, построенных вельче, были слишком велики для людей, и теперь стало ясно, что мы сохраняли не только свою сущность, но и свой внешний облик так долго, как только могли. А вот здания на юге страны, построенные уже века за два до того, как выжившие варивикки наткнулись на нас, были вполне пригодны для людей и были гораздо меньше величественных древних дворцов. И теперь мне стало понятно, почему. «И все-таки, — подумал я, — каждый из нас, вельче, немножечко слон». А ведь судя по легкости, с какой оставшиеся в кратере нрунитане модифицировали свой облик, подобная привязанность к форме должна была порицаться.

И я мог знать эту тайну, и сейчас мне было бы гораздо легче. Оказавшись в кратере Небесного Огня, я бы не тыкался во тьме невежества и догадок, не чувствовал бы себя так, словно провалился сквозь карту известного мне мира, как мой дед. Но я оказался не в другом мире, а лишь с изнанки той карты, которая была мне так хорошо знакома, которую кто-то смял гармошкой. Но я мог бы не метаться в жестких складках реальности! Я бы сразу знал, куда и зачем иду. Однако бабушка Дарайна не поделилась тайной со мной, сохранив верность заветам своего клана. А ведь я заходил к ней как раз перед тем, как спуститься вместе с Орузоси и остальными в Подземный Приют! Бабушка была приветлива, как всегда, налила мне домашнего пива, поставила на стол пирог с рыбой, но не сказала ни слова о нрунитанах — хотя я рассказал ей, куда направляюсь. Когда я подумал об этом, воспоминания как-то странно промелькнули в моем мозгу, словно кадры из позабытого фильма, и исчезли. Не знать правды бабушка Дарайна не могла, и стояв-

шая в красном углу ее дома ритуальная чаша, копия той, что сейчас мирно лежала в сене, зарытая под моей лежанкой, была лучшим тому свидетельством. Да, я был полукровкой, даже четвертькровкой, если уж совсем точно. Но мои предки покинули кратер потому, что пулеметы и бивни, которыми мы протыкали брюхо Времени и Пространства, больше не вписывались в реальность, были не нужны. А они хотели сохранить их — и их дар и проклятье достались и мне в полной мере.

Все эти мысли отвлекли меня и взбодрили. На небо уже выполз последний спутник Пэллан — Тускаре. Он поднимался по небосводу медленно, как дряхлый старик. Солнце зашло. Тень от гор накрыла кратер Небесного Огня. Спутники давали достаточно света. Все вокруг тонуло в насыщенном зеленом сиянии. А вот тени были очень глубокими и черными. Я закончил со своими делами и повернулся, застегиваясь на ходу, чтобы идти обратно.

Навстречу мне из картофельной ботвы поднялась Анша. Музыка, завораживающая и печальная, захлестнула меня.

— Здравствуй, Авенс, — сказала она. — Я так рада тебя видеть. Я долго искала тебя.

Глаза ее были что две серебряные монеты. Черные волосы струились по плечам. Я понял все быстрее, чем разглядел кружки черепов и зигзаги вышитых на ее белом платье змей. Теперь Анша убирала челку назад с помощью заколки с прозрачным камнем. Две кровавые трещины, разрывающие белую кожу лба, были хорошо видны. Я медленно поднял руки и стащил комбинезон с плеча. Следы от зубов Анши уже давно сошли. Но я надеялся, что сам вид моего плеча поможет ей вспомнить. К тому же я еще не застегнул комбинезон, и она видела кое-что еще, что, как я надеюсь, она помнила если не на уровне сознания, то ощущений.

— Я тосковал по тебе, — сказал я. — Я боялся, что ты умерла. Мне не хотелось жить без тебя.

Анша улыбнулась — так мог бы улыбнуться наш сломанный ящер.

— Иди ко мне, — сказала она, протягивая ко мне руки.

Длинные стальные когти на ее пальцах тускло блеснули зеленым в сгущавшемся полумраке.

— Мы сможем это исправить, моя любовь, — нежно закончила она.

Мне очень хотелось согласиться на ее призыв, сдаться музыке, что остановила мои мысли. «А ведь Анша искала меня», — подумал я, вспомнив свое недавнее мимолетное видение — Анша стоит в ночном поле. И тут же, наслаиваясь, пришло другое — ладная фигурка в униформе музейного гида, черные волосы, собранные в хвост, челка, из-под которой виднеется только гордо вздернутый нос...

И как только я подумал об этом, музыка стихла. Анша задумчиво сморщила нос — видимо, она слышала часть моих мыслей.

— Вспомни, — сказал я, не двигаясь с места, — как мы любили друг друга. Ты сказала, что я словно зверь. А теперь тебя превратили в зверя, и мне больно за тебя. Ты ведь этого не хотела. Ты ненавидела тех, кто...

Анша наклонила голову, прислушиваясь. На ее лице появилось такое выражение, словно она просыпалась от мучительного сна.

Из сарая, посмотреть, кто тут разговаривает, вышел Орузоси. Лицо Анши исказилось гневом. Она закричала пронзительно, словно птица, и бросилась на него. Я стал застегивать комбинезон. Молнию заело на груди. Комбинезон сполз у меня с плеч. Рукава мешали мне толком ухватиться за замок. Когда я наконец разобрался со своей одеждой, из сарая выбежал уже и Фолрэш. Два тела катались по земле. Фолрэш

замахнулся Дымящимся Зеркалом, чтобы применить свой коронный прием...

— Стой! — закричал я.

Я упал на Аншу и Орузоси сверху — кто-то из них здорово лягнул меня — схватил Аншу за руки, выдернул ее из-под Орузоси и прижал к земле. Она впилась зубами мне в щеку. Я в ответ еще сильнее прижал ее голову к траве и так держал, пока Анша не разжала челюсти. Ей пришлось сделать это, чтобы не захлебнуться моей кровью.

— Это же он! — завопила она, отплевываясь. — Это все из-за него!

— Нет, не он, — сказал я. — Успокойся, ради Двуликой... Послушай меня...

— Кто это? — спросил Фолрэш.

— Она тоже из моего отряда, — пояснил Орузоси. — Они сделали из нее шиварео.

— Ты вызываешь в людях удивительно однообразные чувства, — отстраненным голосом произнес Фолрэш. — А мне из-за этого сейчас придется убить человека. Хотя она уже не вполне человек, но ты знаешь, я этого еще никогда не делал, и...

Я подумал о стражниках у покоев живого бога, которых он наверняка убил — иначе мы бы не смогли выбраться оттуда. Фолрэш не считал жителей кратера людьми и, возможно, в каком-то плане был прав.

Анша перестала лупить меня.

— Отпусти меня, — сказала она почти нормальным тоном.

Фолрэш замолчал, услышав ее голос. Я повернул голову и посмотрел ей в глаза. Серебристое сияние ушло из них. Я рискнул выполнить ее просьбу. Мы поднялись с истоптанной травы. У Орузоси оказалось расцарапано лицо, да и одежда была изорвана так, словно он сражался с дикой кошкой. Анша уставилась на Фолрэша с любопытством. Оно быстро сменилось восхищением, а я почувствовал пронизывающую боль в прокушенной щеке.

— Как тебя зовут? — спросил Фолрэш.

— Анша, — ответила она, вытирая с губ мою кровь.

— Ты не шиварео, — удивленно, почти радостно произнес Фолрэш. — Они не помнят своих имен.

— А я и фамилию свою знаю! — сказала Анша бодро. — Таринди! Это все он.

И дружески пихнула меня в бок. Я поморщился — она попала по свежему синяку. Фолрэш посмотрел на меня долгим взглядом.

— Как ты сделал это, Авенс? — спросил он.

Я пожал плечами и неохотно ответил:

— Мы с Аншой были в плену, так один парень рассказывал нам о шиварео и научил держать себя с ними...

Мысленно я возблагодарил судьбу за то, что Янес повстречался на моем жизненном пути.

— Что вы тут нож баюкаете? — поморщился Орузоси. — Просто еще мало времени прошло, встретил бы ты ее через неделю — она бы тебя уже не узнала.

Анша так посмотрела на него, что Орузоси попятился.

— Не, — с вызовом ответила Анша. — Просто мне было что вспомнить.

У Орузоси стало такое лицо, словно ему в грудь воткнули нож. Он вопросительно-мрачно посмотрел на меня. Я решил, что будет лучше, если мы выясним все сейчас, и кивнул.

— Нам нужно собираться, если мы хотим выдвинуться куда-нибудь этой ночью, — сказал Орузоси и ушел в сарай.

— Почему он с нами? — яростно спросила Анша.

— Они делают не только шиварео, — сказал я.

— Это я уже знаю, — фыркнула Анша.

— Они умеют делать одинаковых людей, клонов. И таких рыжих, как Маро, очень много. Орузоси перешел к нам давно. А тот, кто сдал нас, остался верен своим.

Анша недоверчиво посмотрела на меня. Я испугался, что это объяснение окажется слишком сложным для ее взбаламученного сознания.

— Вспомни, как мы шли по туннелю — перед тем, как нас взяли, — терпеливо сказал я. — Помнишь, Орузоси вдруг исчез? Мы еще так испугались? А ведь он знал, что так делать нельзя. Нельзя отделяться от связки, не предупредив никого. И после этого мы оказались на развилке и выбрали тот путь, который нам указал Орузоси. Но это был уже не он, вот в чем дело. Это был другой. Такой же, но не он.

— Ладно, пусть живет, — неохотно сказала Анша.

— Эти раны на лбу у тебя, — сказал Фолрэш. — Откуда они?

— Это поцелуй Двуликой, — сообщила Анша. — Каждый вечер перед охотой мы прикладываемся к ее идолу.

Фолрэш кивнул, как будто именно этого ответа и ждал.

— Они так вводят вам психотропное, — сказал он. — Чтобы вы оставались послушными и забыли себя окончательно. У меня есть лекарство, которое нейтрализует яд. Если ты хочешь, я могу дать его тебе, да и раны надо бы обработать.

— Будь так добр, — согласилась Анша.

«Видимо, сегодня мы никуда не пойдем», — подумал я.

Они вошли в сарай, а я остался снаружи. Мне казалось, что Орузоси сейчас выйдет, и так оно и произошло. Он вывел прогуляться нашего ящера. Я прислонился к стене и ждал. Но Орузоси смотрел, как ящер бегает, топчет картофельную ботву, и ничего не говорил. Уже совсем стемнело, и я не мог видеть выражения его лица. Вскоре к нам присоединился и Фолрэш.

— Как Анша? — спросил я.

— Я сделал ей инъекцию, обработал раны, теперь она спит, — ответил он.

Я хотел спросить, откуда у него в аптечке такой разнообразный запас лекарств, но не успел.

— Мы должны решить один вопрос, — произнес Орузоси.

— Да, — задумчиво сказал Фолрэш. — С появлением этой девушки ситуация сильно усложнилась.

— Я не знаю, чего она ищет, — проговорил я. — Да и знает ли это она сама? Но она никогда не любила меня. Это произошло... по необходимости.

— Я — клон, и теперь она это знает, — сказал Орузоси спокойно и мрачно.

Он больше ничего не добавил.

Фолрэш негромко засмеялся.

— Ребята, — сказал он. — Я почти целый год был живым богом. Что касается удовольствий, я познал их все. И я вовсе не намерен...

— Она может быть намерена, — перебил его Орузоси.

— Я это и хотел предложить, — кивнул Фолрэш. — Мы не можем решить этот вопрос. Но если мы не достигнем какого-то... равновесия, мы поубиваем друг друга. А мы не должны этого делать. У нас есть другая цель, которой мы можем достичь только все вместе. Так давайте скажем ей, что решение должна принять она. И что бы она ни решила, пусть так и будет.

Меня несколько удивила торжественность и почти что мука, с которой он это произнес. Я сразу так и хотел сказать, что теперь все зависит от нее, и надо только намекнуть Анше, чтобы она не затягивала ситуацию.

— А почему бы нет, — согласился Орузоси.

— А ты, Авенс? — осведомился Фолрэш.

Я пожал плечами:

— Пусть так.

— Теперь, я думаю, я могу сказать, — сказал Фолрэш, обращаясь ко мне. — Что перед тем, как заснуть, Анша спросила, где спишь ты, и устроилась рядом.

Орузоси кивнул головой, как будто именно этого и ждал. Мы все вернулись в наше убежище. Фолрэш обработал глубокие порезы на спине и боках Орузоси — Анша здорово отделала его своими стальными когтями, а потом мы легли спать.

Меня разбудили крики, яростный птичий клекот, звон металла и звуки борьбы. Я оказался на своем чердаке раньше, чем окончательно проснулся. Я впервые увидел Фолрэша через прицел своего пулемета и не мог отвести от него глаз. Фолрэш был словно стеклянный ключ, полный жидкого пламени. Словно огненное дерево. Словно молния, заточенная в бутылке, подобно сувенирному кораблику. Анша превратилась в нечто среднее между змеей и птицей, но я сразу узнал ее. «Тень шиварео — нечеловеческая тень... коты, крылатые змеи, просто змеи и просто птицы, — вспомнил я рассказ Янеса. — Кто-то из жертв смог увидеть истинный облик шиварео, а потом истина сплелась со сказкой». Анша обмотала шею рыжего слона (так я видел Орузоси) своим длинным хвостом и методично душила его. Я спустился с чердака, чтобы увидеть, что у нас тут происходит на самом деле. Анша прижимала Орузоси коленом к полу — он тихо выл. Фолрэш стоял рядом в напряженной позе, что было совсем неудивительно. Анша наставила на него нрунитанскую пиэрсу, отобранную у Орузоси. На полу валялись, тускло поблескивая в свете фонарика, который Фолрэш держал в руке, какие-то хирургические инструменты. Пятно от фонаря плясало по полу — у Фолрэша дрожали руки.

— Маро, ты что, рехнулся? — спросил я. — Чего ты ко мне со скальпелем полез?

— Им нужно что-то, что ты носишь в теле! — выкрикнула Анша. — Они думали об этом, еще когда я пришла! Они собирались...

Она по-прежнему могла проникать в мысли окружающих. То ли лекарство Фолрэша не подействовало (и я вдруг взглянул на его желание вывести психотропное из организма Анши совсем другими глазами), то ли ее способности медиума, как и мои, нужно было лишь раз пробудить, и в дальнейшем они не нуждались в химической подпитке — из Чаши ли, или из уст Двуликой.

— В теле? — переспросил я, еще ничего не понимая.

— Мне казалось, что мы что-то делаем неправильно, — пробормотал Фолрэш.

— Да, но что вы делаете? — спросил я.

Орузоси захрипел.

— А медиумы умеют разговаривать с духами? — спросил я.

— Нет, — сопя от напряжения, ответила Анша. — А почему ты спросил?

— Потому что сейчас ты его задушишь. И мы уже ничего тогда от него не узнаем.

— Да. Но тогда он не сможет сказать какое-то кодовое слово, которое обездвижит тебя.

— А он не будет его говорить. Потому что, если он только начнет говорить что-нибудь непонятное, я сразу залезу на свой чердак и намотаю его на пулемет. Ты ведь не так глуп? Правда, Маро?

— Пра... ххх... вда...

Анша неохотно отпустила Орузоси. Он закашлялся, потирая шею.

— У тебя в ноге, — произнес он с трудом, — зашита Чаша Бытия. Без нее генератор не отключить... Никому и в голову не могло прийти, что ты еще и Чашу Небытия притыришь. С ней еще лучше. Но без Чаши Бытия ничего не выйдет...

И тут, без всякого кодового слова, я вспомнил свой последний визит к бабушке целиком.

Я зря сердился на нее — она все-таки открыла мне все, что я должен был знать, отправляясь в эту безумную экспедицию.

— Но, Авенс, — сказала Дарайна. — Если ты попадешь в плен, а ты скорее всего попадешь, нрунитане с легкостью прочитают твою память. У них есть медиумы, как я тебе уже говорила. Нрунитане заберут у тебя Чашу, и все это будет бессмысленно. А ты и ваша компания — наша последняя надежда.

Она перебирала инструменты — готовилась к операции.

— И как же нам быть? — спросил я.

— Если ты позволишь, я сделаю так, что ты забудешь этот наш разговор, — сказала бабушка. — Ты забудешь, куда и зачем ты несешь Чашу. Ты не будешь знать, что ты вообще ее несешь. Когда твой командир решит, что тебе пора это знать, он произнесет особое слово. Воспоминания будут яркими, сильными. Ты впадешь в транс, словно бы вернешься сюда снова. И поэтому, — она улыбнулась, — я снова передаю тебе привет и надеюсь, что ты уже прошел этот сложный путь или хотя бы близок к его завершению.

Я улыбнулся тогда и сказал:

— Хорошо. Я согласен.

Бабушка ввела мне обезболивающее — я даже не почувствовал прикосновения иглы. Все-таки она была мастером...

Мое бедро тихонько заныло. Это не было неприятно. Словно бы Чаша Бытия, спрятанная там, откликнулась на мои мысли так же, как откликалась на близость своей сестры, Чаши Небытия, и теперь просила позволить им встретиться. Орузоси хотел подняться на ноги. Анша снова пронзительно и гневно закричала. Он остался сидеть на полу, среди разбросанных инструментов.

— Пилоты сбежали уже после того, как генератор был построен, — сказал Фолрэш. — И они забрали с

собой Чашу Бытия. С оставшейся Чашей Небытия нрунитане могли менять настройки поля, но не могли выключить его. Поэтому захват Пэллан с помощью десанта на летательных аппаратах был невозможен. Для того чтобы нрунитане не могли выбраться из кратера, вельче и украли Чашу Бытия. Чтобы выйти за пределы кратера, нрунитанам пришлось внушать вам идею Подземных Приютов, рыть эти туннели...

— Я хочу видеть ваши лица, — сказал я медленно. — Повесь фонарик на балку, Фолрэш.

Фолрэш выполнил мою просьбу.

— Значит, сегодня ночью мы бы все равно никуда не пошли, — сказал я.

— Да, — сказал Фолрэш. — Мы думали сделать это вечером, когда ты заснешь. Но ты не заснул.

— И вы знали, как взять меня, — произнес я. — Когда Орузоси назвал бы кодовое слово, я погрузился бы в транс. В воспоминания.

— И ты стал бы совершенно беспомощен! — гневно воскликнула Анша.

— Да, — тихо сказал Фолрэш.

— А потом вы бы бросили меня здесь, выпотрошенного и больше не нужного, — продолжал я задумчиво. — Ведь я с раной в ноге не смог бы двигаться быстро и сильно задерживал бы отряд...

Фолрэш и Орузоси обменялись одним коротким взглядом. Это было как вспышка, как ледяная игла, воткнутая в спину.

— Вы убили бы меня, — почти прошептал я. — И, рассказывая мне все то, что ты сказал мне вечером, — обратился я к Фолрэшу, — ты знал, что убиваешь меня.

— Я откладывал этот разговор, как мог, — ответил он спокойно. — Ты мне нравишься.

— Если бы нрунитане нашли тебя живым, они бы узнали, что мы с обеими Чашами уже на полпути к генератору, — произнес Орузоси таким тоном, словно это все объясняло.

И для них с Фолрэшем это объяснение действительно было достаточным.

— А ведь вас Двуликая не целовала по утрам в лобик, — пробормотал я.

— Есть такая вещь — органические поражения головного мозга, — усмехнулась Анша. — Тут уж целуй, не целуй, все равно ничего не получишь. Кстати, вот мне интересно, а как вы собирались поступить со мной?

— Ты должна была спать, — ответил Орузоси. — Фолрэш дал тебе лекарство. Но оно, видать, смешалось с той дрянью, которой тебя уже накачали, и не подействовало. А утром ты, возможно, взглянула бы на вещи иначе...

Анша только покачала головой — как и я, она не могла подобрать слов. Некоторое время мы все молчали. Я не мог поверить, что люди, с которыми я вместе дрался, мчался на изнемогающем мерге сквозь ночь, люди, с которыми я делил кров и еду, могли вот так относиться ко мне — хладнокровно и расчетливо. Как фермер относится к своим баранам — он, может, потреплет какого-то из них по загривку, любя и гордясь, но это никак не изменит его планов пожарить шашлык сегодня вечером. Я не мог поступить с Фолрэшем и Орузоси так же, как они хотели поступить со мной. В смысле, технически им было нечего противопоставить моему пулемету. Но я не мог заставить себя подняться к своему оружию.

— Ну, Катимаро — ладно... Он же родился здесь, — произнес я.

Орузоси пожал плечами:

— Если ты хотел меня оскорбить, тебе это не удалось. Весь план операции был разработан людьми, которые родились в Вельчера. Есть способы решения ситуаций. И они не зависят от того, кто и где родился.

— Но ты, Фолрэш... ты... Так не поступают с людьми, — закончил я.

— Так *люди* не поступают с людьми, — перебила меня Анша.

Наши мысли оказались удивительно созвучны. Она, так же как и я, вспоминала наш последний вечер в деревне нрунитан, когда мы с ней отказались от шашлыков из мяса Штуца, и то, что я сказал тогда, когда она пыталась увести меня от решетки. Я впервые подумал о том, что, если бы передо мной сейчас стояли гигантские тараканы, мне было бы легче.

— Да, но что делает нас людьми? — сказал я.

— Наши решения, — твердо сказала Анша.

И я принял решение.

— Подними инструменты, Орузоси, — сказал я. — Забирайте свою Чашу и уходите. Мы с Аншой пойдем к горам и вернемся домой.

— Отличный план, — кивнула Анша. — Я тебя выдам за пленного. Тут километров семьдесят, если по прямой. Правда, горы...

— А ты, Авенс, теперь видишь направление туннелей, — заметил Орузоси. — Зачем вам в горы лезть? Пройдете понизу.

— Спасибо за совет, Маро, — ответил я. — Делай то, что собирался.

Я сел на своей лежанке и расстегнул комбинезон. К бедру можно было подобраться, только сняв одежду полностью. Я завернулся в плащ. Анша устроилась рядом и держала фонарик. Орузоси простерилизовал инструменты и разложил их рядом на чистой тряпочке. Он коснулся моего бедра. Пальцы у него были холодные, но гибкие. Он ввел обезболивающее не так ловко, как моя бабушка, но подействовало оно так же. Пока Орузоси ковырялся в моей ноге, я сидел и смотрел на спящего ящера. Фолрэш тем временем нервно ходил из угла в угол.

— Маро уже скоро закончит, — сказал я, видя его метания. — Вы выполните свою... миссию.

— Никто не думал, что ты хлебанешь из Чаши, — заметил Орузоси, не поднимая глаз от моего бедра,

над которым корпел. — Теперь ты единственный Красный Бивень. Ты незаменим. Я, например, не стану таким же, как ты, даже если отопью из Чаши. Я просто умру. Это существенно меняет расстановку сил. Хватит нож баюкать. Пойдем с нами.

Я даже не нашелся, что ответить на это. Фолрэш остановился.

— Подожди, Маро, здесь надо не так, — задумчиво проговорил он.

— Ну, попробуй по-своему, — согласился Орузоси. — Ты дольше прожил среди них.

Фолрэш остановился.

— Авенс, ты решил... уйти... потому что не хочешь рисковать, идя к генератору, или потому, что не хочешь идти вместе с *нами*? — спросил он.

Анша сердито фыркнула.

— Хоть на голову мочись — все Белого слезы, — пробормотала она.

— Конечно, я не хочу рисковать, — ответил я. — После того, как меня били, чуть не съели, опоили психотропным, после того, как я столько пробежал по этим подземельям, я, конечно, совершенно не хочу закончить это дело. Моя миссия, оказывается, заключалась в переноске Чаши Бытия — всего лишь! Я чуть не сдох, пока нес ее, но теперь я отдал ее вам. Я выполнил свою задачу и с радостью ухожу. Здесь абсолютно безопасная местность, и я охотно прогуляюсь по ней в компании с красивой и смелой девушкой. Заодно и ногу разработаю — после операций ведь советуют ходить, чтобы мышцы не атрофировались.

Лицо Фолрэша исказило мучительное раздумье.

— Ты можешь... простить нас... если мы пообещаем, что больше никогда... — произнес он, запинаясь и с трудом подбирая слова. — Не предпримем таких действий в отношении тебя... что будем выручать тебя, если ты попадешь в беду, не потому, что ты нам нужен, а... просто так, потому что ты... потому что ты...

Казалось, что он произносит подобные слова первый раз в жизни и сталкивался с ними до этого разве что в словаре.

— Не стоит богам пытаться выражать человеческие эмоции, — ответил я. — Очень плохо получается, ненатурально.

— Но я стараюсь, Авенс, — упавшим голосом ответил Фолрэш. — Я пытаюсь...

Он умоляюще посмотрел на меня.

— Да ладно, Фолрэш, хватит нож баюкать, — сказал Орузоси. — Мы хоть и все здесь говорим на вельчеди, да по-разному.

Я покосился на Аншу. И тут услышал в голове легкие, нежные такты музыки, а поверх них — голос Аншы: «То есть ты на сссамом деле хочешшшь?...»

«Да», — ответил я.

— Каждое начатое дело должно быть закончено, — произнесла она вслух. — Мы пойдем с вами.

Лицо Фолрэша просветлело, но он больше не проронил ни слова до тех пор, пока Орузоси не закончил. Он извлек из моего бедра небольшую прямоугольную коробочку из пластика. Мне она показалась гораздо меньше той Чаши, что я так часто видел у бабушки, и она точно была меньше Чаши Небытия. Я, впрочем, сразу догадался, что для транспортировки артефакт уменьшили. Чашу в натуральную величину я смог бы носить разве что в брюшной полости, и артефакт бы занял ее целиком. Пока Орузоси накладывал швы, Фолрэш взял коробочку, нажал на шов. Раздался легкий хлопок. Я увидел миниатюрную копию Чаши Бытия — она была размером с ладонь. Фолрэш кинул ее в ведро с землей, сеном и опилками, которое приготовил заранее. Через несколько секунд раздался легкий звон. Ручка Чаши высунулась из опустевшего ведра. Артефакт принял свой обычный размер.

Когда Чаши поставили рядом, стало заметно, что они совершенно не похожи друг на друга. Чаша Небытия была бордового цвета, с веселым голубеньким

орнаментом, и имела овальную форму. Чаша Бытия имела в основании квадрат, а стенки ее сходились к ободку таким образом, что верхушка была почти в два раза меньше основания. Цвета она была черного. В отличие от незатейливого орнамента Чаши Небытия здесь желтые знаки складывались в фразу на вельчеди — «*Может быть иначе*».

Вот так, без запятых.

4

При взгляде на Генератор казалось, что смотришь на огромного слона, которого какие-то изверги закопали в землю по самую шею. Череп размером с трехэтажный дом был чуть наклонен вперед. Он опирался на огромные бивни, побелевшие от времени. Роль дверей выполнял провал рта. Вместо ушей по обеим сторонам черепа торчали подобия огромных вееров, полностью раскрытых. Еще они напоминали крылья огромных летучих мышей. Орузоси сказал, что это радары. Они сильно облегчали работу медиумов по сканированию ноосферы. Облеченный в сталь хобот уходил высоко в небо. Где-то там, в невидимой с земли точке, из него и начинались линии силового поля, непробиваемым щитом прикрывавшего кратер Небесного Огня. Собственно, генератор и был черепом огромного слона — я понял это, когда мы оказались внутри, в круглом зале.

Мы пробрались к сердцу твердыни нрунитан на удивление легко. Утром Анша сняла повязку, и оказалось, что лекарство Фолрэша помогло. От глубоких рваных ран на лбу остались лишь две розовые полоски. Анша намазала лоб глиной, соорудив две неровные дорожки, и раскрасила их йодом. Таким образом она стала выглядеть, как образцовая шиварео после дежурного поцелуя Двуликой. Анша вывела нас на дорогу и спела погонщику мерге свою чарующую песню. После чего Орузоси оглушил погонщика и спрятал, связанного, на капустном поле. Я боялся, что Ан-

ша уже тоже ведет двойную игру и теперь споет и для нас. Моя вера в людей сильно пошатнулась в ту ночь. Но Анша, слава Двуликой, не собиралась петь для нас. Мы развернули мерге хвостом к горам и направились в глубь кратера. Мерге двигался быстро, и пятьдесят километров, отделявшие нас от самой глубокой точки кратера, мы преодолели к вечеру того же дня. Вход в генератор не охранялся.

— А незачем, — сказал Орузоси, махнув рукой на зубчатую цепь вокруг.

Видимо, нрунитанам никогда не приходило в голову, что кто-нибудь сможет забраться так далеко на их территорию.

Костяные стены зала покрывала замысловатая резьба — танцующие слоны, летающие слоны, слоны, занимающиеся любовью, слоны, скрестившие бивни в смертельной схватке. В центре стояла очень толстая колонна из плотного зеленоватого материала. Орузоси и Анша остались у входа, а мы Фолрэшем направились к ней: Она негромко гудела и вибрировала от напряжения. Это была единственная аппаратура Генератора, по крайней мере в наземной его части. Я увидел два отверстия на уровне пояса и решил, что Чаши вставляются именно туда. Я достал их из сумки.

(Когда Орузоси наложил повязку на рану, Фолрэш сказал: «Ты так долго носил их, Авенс. Будет справедливо, если ты поносишь их еще немного». Так что Чаши остались при мне.)

— Сначала установи Чашу Небытия, — сказал Фолрэш. — В левое отверстие.

Я, морщась от стреляющей боли в ране, вставил Чашу так, чтобы часть ножки и подставка оставались снаружи. Это далось мне с большим трудом. Чаша никак не хотела умещаться в паз. Я буквально вбил ее внутрь. Видимо, за прошедшие века полость чем-то забилась или, может быть, спалась. Затем я взял в руки Чашу Бытия.

— И как же это работает? — спросил я, задумчиво рассматривая артефакт.

В отличие от Чаши Небытия она была абсолютно пуста. Я перевел взгляд на Фолрэша, который почему-то замялся с ответом.

— Мозги генератора надо хорошенько поджарить, — ответил за него Орузоси. — Да побыстрее. Здесь наверняка есть датчики движения, которые сработали сразу, как мы вошли. Нрунитане уже знают, что мы здесь, и мчатся сюда на всех парах.

Они с Аншой весьма непредусмотрительно бросили свой пост у дверей и подошли поближе. Орузоси стоял за спиной Фолрэша, Анша чуть в стороне.

— Фолрэш коснется оснований чаш и пошлет эту искру, этот импульс, — закончил Орузоси.

И тут я понял. Огонь, запертый в сосуде. Человек-ключ, говорящая отмычка...

— Нрунитане видели, что Фолрэш собой представляет, — произнесла Анша задумчиво.

Она перевела взгляд на него.

— Почему они не убили тебя сразу?

— А зачем ломать годную батарейку? — пожал плечами Фолрэш. — Все зависит от того, к чему меня подсоединить. И как. Мы сейчас поменяли Чаши местами, Чаша Небытия стоит в гнезде, предназначенном для Чаши Бытия, а Чашу Бытия, я надеюсь, Авенс сейчас все-таки поставит в отверстие для Чаши Небытия...

Анша, окончательно запутавшись, потрясла головой. Но я его понял.

— И тогда от моего импульса Генератор разрушится, — продолжал Фолрэш. — А например, системы жизнеобеспечения подземного города людей я бы запитал на год. Все живые боги — батарейки, это очень распространенный подвид среди...

— Фолрэш, — перебил я его. — Кто тебя создал? «Медуза»?

— Да, — спокойно ответил он. — Я младше Маро, мне всего семь лет.

Анша ахнула. Выглядел-то Фолрэш на полновесные двадцать. «А Маро, наверное, лет пятнадцать», — подумал я. Ему в любом случае было больше десяти — его создали до того, как Пэллан вступила в контакт с Орионским Альянсом. И к моменту встречи двух миров Маро уже был полноценным воином. «А ведь можно было догадаться, — подумал я. — Когда Фолрэш так неуклюже извинялся за то, что чуть не убил меня. Орузоси хоть немного понимает, что делает. А у Фолрэша, за его семь лет, не было времени даже задуматься о таких вопросах. Он многое знает из нашей истории, но... Гормонами можно быстро нагнать массу, мозг можно начинить абстрактными знаниями, но чтобы он созрел, он должен переработать определенное количество ситуаций. О Двуликая, Фолрэш всего лишь ребенок, который хочет быть хорошим, послушный малыш... Его воспитали, как пулю, как батарейку — как он сам себя называет. Но он не батарейка, он — нечто̀ большее».

— И на то, чтобы сжечь мозги генератора, уйдет вся твоя внутренняя энергия? Вся твоя жизненная сила? — спросил я.

— Да.

От слабости и нервного напряжения у меня поплыли в глазах темные точки. Я привалился к колонне, крепко сжимая в руках Чашу. До меня дошло, что они оба пришли сюда умереть. Орузоси должен был доставить батарейку, подсоединить ее и пасть от руки набежавших нрунитан — а в том, что они не замедлят набежать, я не сомневался. И вряд ли такие сомнения имелись у Орузоси. Они думали, что их долг, их обреченность позволяет им распоряжаться жизнями других людей. Моей, например. Я понял, почему разрушить генератор послали именно сбежавшего от нрунитан клона и специально созданную биологическую бомбу. Ни один гражданин Пэллан не согласил-

ся бы играть по таким правилам. А я должен был уже умереть.

Но я был здесь.

— Фолрэш пришел сюда, как отважная жертва, — произнес я вслух.

— Тебе не кажется, что «отважная» и «жертва» плохо сочетаются, по крайней мере на вельчеди, когда стоят рядом? — меланхолично заметил Фолрэш.

— Не перебивай его, — сказала Анша.

Я благодарно кивнул Анше и продолжал:

— Орузоси чувствует себя всего лишь ножом. Его не заботит, что после того, что он сделает, его в ярости сломают родичи, которых он предал.

— Да, — сказал Орузоси спокойно. — Я — нож, Фолрэш — кровь на ноже.

Они снова обменялись коротким взглядом, полным почти что любви. Я содрогнулся... но и невольно позавидовал им. Они были так похожи на нас — но были при этом абсолютно другими. Мне эти отношения казались немыслимыми, чудовищными... но была в них и какая-то древняя, мрачная истинность.

— Нет, — сказала Анша. — Ты — не нож, ты — человек, Маро. Сын Двуликой и Белого. Мы уже спели тебе все песни, которые знаем. Ты должен услышать нас. Вспомнить, кто ты на самом деле.

— Анша, я не человек, — сказал Орузоси почти устало. — Хотя похож. Я не знаю, как им быть.

— Ты хотел убить Авенса, — сказала Анша. — И ничего... ничего не ощущал по этому поводу?

— Ааа, — махнул рукой Орузоси. — Я все равно не могу остановить вас с Авенсом, хотя и должен. Что тут нож баюкать.

— Ответь ей, — сказал я.

— Мне было очень жаль его, — избегая смотреть мне в глаза, признался Орузоси. — Потому что он — настоящий человек, не копия, не инструмент, как я или Фолрэш. Но я должен был это сделать...

— А Фолрэша тебе не жалко? — продолжала допытываться Анша.

— Жалко, — тихо сказал Орузоси. — Он очень красивый, и этот его огонь...

Он сделал рукой сложный жест в воздухе.

— Ты человек, — сказала Анша спокойно. — Я знаю, ты думаешь, я предпочла Авенса потому, что он человек, а ты — клон. Но я думаю, что не имеет значения, как мы попали в этот мир. Важно, что мы здесь делаем. И ты можешь быть человеком. Это не так уж сложно. Нужно следовать голосу сердца, вот и все. Не всем подходит этот путь, но у тебя чистое сердце, и ты можешь ему верить.

Я продолжал:

— А меня наняли очистить Подземные Приюты от крыс, и я это сделаю. Еще пока не знаю как, правда, но никто не умрет здесь.

— Ааа, яйца Зеркалодыма! — в сердцах воскликнул Орузоси. — Если бы не твой пулемет, я бы говорил с тобой иначе!

Я засмеялся. Мне прям жгло под бровями — так мне хотелось подняться в пулеметное гнездо и взглянуть на проблему оттуда. Так, как на нее смотрел Фолрэш, так, как ее видел Катимаро. Я знал, что мне сразу станет легче и я найду решение. И Орузоси знал об этом. Он специально злил меня, подталкивал к той лесенке, что вела на мой чердак. Но я чувствовал, что если я поддамся, если я сейчас поднимусь наверх, то я не смогу спуститься оттуда. Я стану не пулеметчиком, а пулеметом. Навсегда.

Орузоси, услышав мой смех и поняв, что его провокация не удалась, досадливо махнул рукой.

— Но ты ведь смотрел, как они съели Штуца, — заметила Анша. — Ведь ты смотрел на это именно для того, чтобы...

— Да. Смотрел, — ответил я. — Мои предки бежали отсюда, чтобы жить по-другому. А ведь вельче могли взять с собой Чашу Небытия. Но они взяли ту, на

которой написано «*Может быть иначе*». И если мы сейчас используем Фолрэша по назначению, получится, что не может. Не может быть иначе. Мы остались такими же, как нрунитане. Да, они не люди, потому что те решения, которые они принимают, — это решения очень правильные, очень практичные, очень функциональные. Но не человеческие. Но если мы сейчас позволим Фолрэшу убить себя, то в чем же разница между нами? Между вельче и нрунитанами? Ни в чем. Значит, и мы с тобой не люди тоже, хотя мы с тобой появились на свет обычным путем, не как Маро и Фолрэш. И значит, все было зря — их побег, наш побег, вся эта беготня по туннелям в темноте...

Лицо Анши просияло.

— Ты все-таки наконец это понял, — сказала она. — Есть вещи, которые просто нельзя делать.

— Да.

— Сейчас из-за двух влюбленных идиотов погибнут две цивилизации, — мрачно произнес Орузоси.

— Даже если спастись можно, только съев его мясо и выпив его кровь, — продолжал я, подумав о живом огне, наполнявшем Фолрэша. — И даже если он согласен на это, я не буду этого делать. Такое спасение хуже смерти.

Фолрэш молчал и как-то странно смотрел на нас.

— Так, — сказала Анша. — А как вообще управлять этой штукой?

Она указала рукой на колонну.

— Может быть, есть способ...

Кровь пилотов и навигаторов текла и в ней. Я улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

— За все надо платить, — заметил Орузоси. — А вы хотите проскочить на халяву.

— Есть цена, которую нельзя платить, — ответил я. — А есть цена, которую платить не нужно.

Анша не слушала нашу перепалку.

— Давай для начала поставим Чаши в правильные, в их собственные места, — сказала она.

Я передал ей Чашу Бытия, которую все еще держал в руках, и вытащил Чашу Небытия из гнезда. После чего разместил ее в соседнем. Она вошла гораздо легче, поскольку и была для него предназначена. Установка Чаши Бытия также прошла без сучка и задоринки.

— Войди в свой транс, — сказала Анша. — Как ты это называешь — поднимись на чердак. Глянь, что там?

Я так и сделал. Теперь колонна казалась мне прозрачной, чуть светящейся. Было хорошо видно, что внутри она состоит из множества толстых и тонких трубочек, по которым движутся разноцветные жидкости. По правой стороне — черные и желтые. Направление общего потока шло вверх. По левой находились темно-красные и голубые, и тут жидкость текла вниз. Плотная оболочка колонны была пронизана отверстиями. С той стороны, где находилась Чаша Бытия, отверстия располагались группами по три, образуя треугольники. С другой отверстия шли парно. Я, не сводя глаз с колонны, выдернул Чашу Бытия из гнезда. Сразу стало ощутимо понятно, почему нрунитане не смогли бы отключить силовое поле, даже если бы захотели. Левая сторона колонны тут же стала непрозрачной, глухой. Исчезли и отверстия. Мало того, что вельче забрали Чашу, позволявшую активировать консоль управления этой части колонны, — они утащили и все штекеры к этим входным отверстиям, то есть себя самих. Пилоты, избравшие свободу, не оставили в кратере ни одного штекера с тремя контактными штырями, которыми являлись бивни и хобот-пулемет. Я вернул Чашу Бытия на ее место. Интерфейс управления генератором снова активировался полностью.

— Я смотрю, Авенс, ты уже разобрался? — спросила Анша.

Она внимательно наблюдала за моими действиями.

— Это несколько поспешный вывод, — ответил я.

«Куда же, — думал я, разглядывая тройные отверстия. — Где же здесь кнопка отключения... Я не успею перепробовать их все...» Я невольно потер нос. «Не суй куда попало, — говаривал мой отчим. — Дырка может оказаться с зубами».

— Не хотелось бы тебя отвлекать, но я чувствую отряд, который приближается к нам из-под земли, — закончила Анша.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

— Они будут здесь минут через сорок, — ответила Анша.

— Анша, а может быть, ты тоже посмотришь? — пробормотал я.

Лохматая от перьев змея деловито подползла к колонне, приподнялась на хвосте. Анша склонила голову и тонкими, трепещущими движениями раздвоенного языка ощупала колонну. Анша безошибочно выбрала ту сторону, по которой текли вверх черно-желтые струи. Интересно, а как воспринимала эту картинку она? Язык Анши скользнул в одно из отверстий. Она замерла, покачиваясь в трансе. Когда я уже забеспокоился, не угодила ли Анша в какую-нибудь хитроумную ловушку или просто коснулась тех мест, которых не стоит касаться, она мгновенным, неуловимым взгляду движением выдернула язык наружу и повернулась ко мне.

— Тебе надо вссставить сссвои бивни и носсс вот сссюда, — смешно шепелявя из-за раздвоенного языка, произнесла она.

Анша легонько коснулась головой колонны в нужном месте — в этом облике у нее не было рук.

— Там дальшшшше сссам сссмотри, — закончила она.

— Спасибо, Анша, — с чувством ответил я.

Я приблизился к колонне вплотную и глубоко вздохнул, собираясь с духом.

Я вонзил в колонну бивни и пулемет. Я ощутил сопротивление и нажал так сильно, как мог. Колонна

была в какой-то мере живой. За те века, что консолью управления не пользовались, регуляторные отверстия если не заросли совсем, то сильно спались. Я почувствовал, что проткнул кору колонны. В горло мне ударила невыносимо холодная жидкость. Я отпрянул, кашляя и задыхаясь.

— Может быть, Фолрэш все-таки сделает то, что должен? — холодно осведомился Орузоси.

Я отрицательно покачал головой, сплюнул на пол черную маслянистую жидкость.

— У меня есть и второй подход, и десятый, — сипло сказал я. — А у него — не будет.

Я понял свою ошибку. Когда я стрелял, энергия поступала в бивни, проходила через мозг, меняясь, и вырывалась наружу из хобота. Я же попал в жилу с черной жидкостью, которая двигалась наоборот — снизу вверх. Пройдя по моему хоботу, она из-за моего неумения прошла не в бивни, а в горло. Я снова вонзился в колонну. На этот раз я был готов к тому, что произойдет. Когда жидкость заполнила хобот, я смог перенаправить ее в бивни, по которым она вернулась в свое русло. Я закрыл глаза, прислушался к своим ощущениям. Хобот одеревенел от убийственного холода. Бивни заломило, как ломит зубы от слишком холодной воды. Но вскоре я смог разобрать вкус этой жидкости, и он говорил мне... Да, путь, который был нам нужен, существовал. Их было даже два, но пересчитать все ступеньки второй лестницы мы не успели бы.

— Фолрэш, по моей команде положи правую руку на Чашу Бытия, — сказал я.

Фолрэш приблизился к колонне.

— Давай! — крикнул я, мощно вдыхая.

Поток энергии, поднимавшийся по жиле, прошел через меня. Фолрэш коснулся Чаши. Оранжевое пламя перетекло из его пальцев, заполнило пустующую трубку и стало подниматься по колонне. Оно взбиралось все выше. Первые его язычки коснулись моего

хобота. Я ощутил ласковое тепло. В следующий миг я чуть не заорал от невыносимого жара. Но мне некуда было деваться. Пламя должно было пройти по жиле до самого верха. Тогда бы ее внутренние свойства изменились так, что силовое поле отключилось бы. Я терпел и ждал. Мохнатое растрепанное пламя все рвалось вверх по жиле. Я сообразил, что...

— Оттащите его! — крикнул я. — Хватит!

Что-то загрохотало и звонко ударилось об пол.

«Зеркало, — сообразил я. — Похоже, оно все-таки разбилось».

Мы так и не смогли снять с Фолрэша Дымящееся Зеркало, хотя таскаться с ним было очень неудобно. Золотая цепь оказалась очень прочной и была хорошо запаяна.

Гудение колонны стало громче. Я не видел, что происходит наверху. Если бы я задрал голову, контакт с жилой разорвался бы. Но я и так откуда-то знал, что пламя поднимается... проходит всю длину огромного мумифицированного хобота, меняя свою суть... и веером пустоты разлетается из носового отверстия. Генератор не перекачивал энергию вхолостую. По-прежнему транслировалась на спутник ложная картинка выжженной, пустой земли. Фильтр, делавший излучение нашей звезды безопасным для нрунитан, все еще работал. Я не смог бы их отключить, даже если бы захотел. К этому должны были приложить бивни три оператора, причем одновременно.

Но силовое поле, накрывавшее кратер Небесного Огня десять веков подряд, исчезло.

— Авенс! — услышал я крик Анши. — Авенс!

Меня сильно дернули за плечо. Мои бивни вышли из тела колонны с гулким чавканьем. Они сменили свой цвет с красного на черный. «Обуглились», — с ужасом подумал я и спустился со своего чердака, чтобы не видеть этого. Точнее сказать, выполз. Оказалось, что Орузоси куда-то исчез. Анша, оттащившая меня от

колонны, уже сидела на полу и держала голову Фолрэша у себя на коленях. Он был бледен до черноты.

— Холодно... — слабым голосом произнес Фолрэш.

В зале было тепло, даже немного душно. Но я сбросил с себя плащ и укрыл Фолрэша.

— Ты все-таки хотел умереть? — спросил я яростно. — Отдать весь свой огонь?

— Авенс, ты, конечно, вельче... пилот... Ты так с ходу во всем этом разобрался... Но я боялся, что твой способ не сработает... Я должен был выполнить свое предназначение.

Фолрэш улыбнулся:

— Я жил только ради этого... Только ради этого и был создан...

Глаза его начали светлеть, приобретая тот нежно-розовый оттенок, что свойственен глазам мертвых. Я обессиленно опустился на пол рядом с ним. Прислонился к колонне, вяло подумав о том, что Чаши надо бы из нее вынуть.

— О Белый, он сейчас умрет! — воскликнула Анша. — Фолрэш, не надо! Что ты любил?

Она потрясла его:

— Ты слышишь меня? Что тебе нравилось делать?

— Водить флаер, — с трудом ответил Фолрэш.

«Ну конечно, — подумал я. — Он ведь тоже вельче».

— Я участвовал в гонках, хотя меня потом наказали за это — я мог разбиться...

— Ты будешь штурманом звездолета, — сказал я. — Самого лучшего зведолета во Вселенной, я тебе это обещаю, Фолрэш!

Он слабо улыбнулся. В проеме огромного рта, где находился вход в генератор, появился Катимаро.

— Кстати о звездолетах, — сказал он. — Есть две новости, хорошая и плохая. Хорошая — это то, что...

— Они уже здесь, — прошептал Фолрэш.

— Да. Бомбардировщики с гуманитарной помощью. Они летят, как рой обозленных пчел.

Оперативно они, подумал я без всякой радости. Я вдруг осознал, что, пока мы тут метались по кратеру, как тараканы по раскаленной сковородке, тысячи людей ели и спали, не отходя от флаеров. Дежурные не сводили глаз с датчиков, замерявших интенсивность силового поля над кратером Небесного Огня. Механики в сотый раз делали профилактику двигателей, наверняка ругаясь на то, что полностью снаряженный ракетами флаер в нарушение правил так долго находится на земле.

— Это хорошая новость, — заметила Анша. — А какая плохая?

— Тот отряд, который ты почуяла, только что поднялся на поверхность, — ответил Орузоси. — Они вышли из лифта тут неподалеку.

Фолрэш снова улыбнулся мне.

— Авенс, ты обижался, что мы не дали тебе подраться, — сказал он. — Вот твоя очередь и пришла.

Я поднялся и, прихрамывая, вышел наружу. Подумал о том, что обожженные бивни могут больше и не вонзиться в брюхо Вечности. Пулемет мог и вовсе спечься. Взглянул на небо, которое над кратером Небесного Огня впервые за тысячу лет было голубым. На флаеры, клином, словно перелетные птицы, тянувшиеся с севера. На приближающийся отряд. Это были не тараканы и не ящеры, а люди.

И поднялся на чердак. Меня как будто кто ударил кулаком в лицо со всего размаху. Я зажмурился, попятился и только тут понял, что эти огненные сверла, вонзившиеся в мою голову, — это мои поврежденные бивни и хобот. Я устроился в гнезде пулеметчика и воткнул бивни в серую, поблескивающую пустоту, что окружала меня. Сразу стало легче. Кровь Вечности наполнила мои бивни, успокоила боль и залечила раны. Я ощутил необычайную ясность сознания. Фигурки, словно вырезанные из серых лохмотьев, уже спешили ко мне.

Ствол пулемета крутанулся.

ЭПИЛОГ

— Авенс, это свои! — отчаянно закричал кто-то. — Это Кервин! Прекрати!

Я от удивления прекратил, отряхнул кровь с кончиков бивней. Обнаружил себя по колено в беловато-розовой каше и несколько озадачился. Ноги подрагивали от приятной усталости. Бедро почти не болело.

Я увидел флаеры. Они суетливо кружились над предгорьями, словно опасаясь спускаться в глубину огромной воронки. Слышался гул отдаленных взрывов. Черный дым медленно полз вниз по склону, приближаясь к нам. Шагах в двадцати от меня находился флаер. Из-за его стальных опор на меня со страхом смотрели люди в серо-зеленой форме госбезопасности. В первый момент я не узнал Кервина — он сильно похудел. Я дохромал до него.

— Слезы Белого, я уж боялся, что никогда тебя не увижу, — сказал я и крепко обнял его.

— А я ведь от тех увальней ушел тогда, — смеясь и плача, ответил Кервин. — От шиварео в горах ушел, через хребет перебрался. Чуть не сдох там, на перевале, а вот они подобрали меня...

Он махнул рукой на людей, укрывавшихся за флаером. Напряжение заметно спало. От группы отделился офицер и направился к нам.

— Уговорил, чтобы с собой взяли, когда за вами полетят, — продолжал тем временем Кервин.

Он посмотрел на меня с робкой надеждой и страхом. И наконец заставил себя произнести это:

— Остался кто-нибудь еще из «наших», Авенс?

Я кивнул и обернулся. Я хотел указать на генератор, где прятались остальные. Но они уже бежали к нам, по большой дуге обходя большую розовую лужу, из которой торчали какие-то белесые осколки. Орузоси и Анша тащили Фолрэша под руки. Я уставился на лужу. Когда я вышел, ее здесь не было, это я точно помнил.

Здесь был отряд нрунитан, посланный уничтожить святотатцев, осквернивших генератор.

— Кто здесь старший? — спросил офицер.

Орузоси представился.

— В генераторе еще кто-нибудь остался? Раненые, может быть? Помощь нужна?

— Нет. Можно уходить, — ответил Орузоси.

В этот момент земля под ногами у нас ощутимо дрогнула. Я от неожиданности чуть не упал.

— Это началось сразу, как ты вышел, — сказала Анша, заботливо беря меня под руку. — Мы думали, что это тоже ты.

— Нет, это не я, — глупо пробормотал я в ответ.

Земля снова подпрыгнула у нас под ногами. Раздался отчетливый гул. Я увидел, как спица огромного хобота покачнулась. Затрещали веера ноосферных радаров. Меня буквально дотащили до флаера — нога совсем отказывалась слушаться. Мы захлопнули люки и взлетели. Я попросился сесть у экрана внешнего обзора. Мне хотелось хоть раз увидеть не картинку, что все еще транслировал генератор, а взглянуть на кратер Небесного Огня сверху. Узнать, каким он был на самом деле и каким ему недолго предстояло оставаться: бесконечные поля картошки, капусты, свеклы, деревни рабов и башенки лифтов, ведущих вниз, прочь от опасного солнечного света.

Мы не успели толком набрать высоту, как флаер вдруг резко качнуло. Кервин вцепился в поручень кресла. Анша не удержалась и упала на меня. Круглое здание генератора покатилось, словно мячик. Хобот ударился о землю и разлетелся на несколько кусков. Более гибкие радары продержались дольше. Они казались крылышками у круглой мухи. Но вот и они брызнули в разные стороны россыпью осколков. Генератор взорвался. Черное и красное рванулось к небесам. «Чаши», — с сожалением подумал я. Разумеется, Анша и Орузоси забыли их взять с собой. Никто и никогда больше не заглянет в Чашу Небытия и не изо-

пьет из нее. И значит, я никогда не встречу подобных мне. Красных Бивней. С тех пор и вот уже двадцать лет я несу груз этого одиночества, и он не становится легче.

— Что за... — пробормотал Орузоси.

— Снижайся! Уходи к горам! Аварийная посадка! — кричали вокруг на разные голоса. — В воздухе нас снимут сразу! К горам! Держи горизонт!

Пилот удирал во все лопатки. Турбины флаера выли, как ветер в степи зимой. По земле поползла жирная черная змея. Я понял, что это трещина, только когда края ее разошлись, обнажив ярусы подземелья. Флаер, подрагивая, как загнанный мерге, пал на утес в предгорьях.

— Слоны! — с благоговением и восторгом прошептала Анша. — Авенс, смотри! Это слоны!

Но я уже и сам увидел.

— Глуши двигатель, — сказал пилоту офицер.

Он оставался необыкновенно спокойным, словно призрачные, сверкающие слоны, вылетевшие из трещины в земле, — самое обычное дело. Слонов было трое. Они словно были сделаны из жидкого разноцветного стекла. Звено флаеров, не успевших сманеврировать, врезалось в бок самого большого из них. Флаеры превратились в три яркие короткие вспышки. Слон яростно потряс ушами.

— Глуши, — повторил офицер чуть громче. — Они видят только энергетические контуры.

Пилот выполнил команду — и вовремя. Слоны развернулись спиной друг к другу. Если бы они были материальны, тень от них накрыла бы почти весь кратер. Вытянув хоботы, они дунули на предгорья. Те флаеры, что все еще находились в воздухе, разлетелись в стороны, кружась, как осенние листья. Один из них врезался в горы рядом с нами и взорвался.

Один из слонов задрал хобот и затрубил. Уши его развернулись полностью, как два огромных паруса. Слоны начали подниматься в небо. Последний из них

задержался. Он медленно и величаво повернулся вокруг своей оси. Создавалось впечатление, что он что-то ищет, скользя взглядом по земле. И когда его прозрачные глаза остановились на нашем флаере, я уже знал, кого он ищет. Если бы я сейчас поднялся на чердак, он увидел бы меня — и растоптал бы флаер. Но я устоял перед искушением глянуть, каков он на самом деле. Разочарованный слон отвернулся и последовал за товарищами. Он взмыл в небо рывком, словно ракета.

Однако во снах я иногда вижу, как наши взгляды встречаются. Слон находит меня. Он устремляется ко мне, прижав уши к бокам, чтобы уменьшить парусность. Но я всегда успеваю проснуться раньше, чем слон успевает долететь до нашего флаера.

— Что это было? — спросила Анша.

— Эллориты, — ответил офицер и усмехнулся.

Теперь, когда он снял фуражку, оказалось, что он пепельный блондин. На вид ему можно было дать и сорок лет, и шестьдесят.

— Если у нрунитан были эллориты, зачем они бежали... — пробормотал Фолрэш.

Лицо его по цвету все еще мало отличалось от волос офицера, но по крайней мере черные круги под глазами исчезли.

Офицер усмехнулся, небрежным жестом закинул ногу на ногу. Расстегнул тугой воротничок мундира. Я увидел татуировку у него на шее — острый конец лепестка пламени или цветка.

— Есть вещи, которых не делали даже эллориты, — сказал офицер. — Если они хотели оставаться в кругу своих братьев как равные.

Пилот убедился, что опасность миновала, поднял флаер в воздух и повел его вверх, к пикам гор.

— Меня зовут Анша Таринди, — со своей всегдашней прямолинейностью сказала моя боевая подруга, с интересом глядя на офицера. — У меня нет воинского звания, но все равно хотелось бы узнать ваше...

Он чуть улыбнулся и ответил:

— Фосерри Дэззуо, капитан, департамент контрразведки Орионского Альянса.

Он покосился на меня, и я понял — он знает, кого перед уходом искал последний нрунитанский эллорит. Мы летели молча, слишком уставшие, чтобы радоваться спасению. Когда Анша отлучилась на минутку, Фосерри негромко сказал мне:

— Ты занимался любовью и знаешь, что сам по себе инструмент, которым ты владеешь, — ничто. Нужно еще научиться обращаться с ним.

Я осторожно кивнул.

— Ты вел себя очень глупо, — сказал Фосерри.

Его зеленые глаза мерцали, как Ану и Баазе над кратером Небесного Огня.

— Ты не лишился своих бивней и хобота по чистой случайности, — продолжал он. — Дуракам везет. А если бы ты их сломал, то тебя уже ничто не спасло бы.

— Даже вы?

— Даже я, — усмехаясь, сказал он.

Я молчал и ждал. Если бы наш диалог писал сценарист из той кинокомпании, где работала мама, сейчас Дэззуо обязательно произнес бы: «Нам нужны такие парни, как ты. Почему бы тебе не стать одним из нас?» Но Дэззуо молчал, смотрел на обзорный экран, где проносились страшные голые пики гор, окружавших кратер Небесного Огня.

В тот день он больше ничего не сказал мне.

В государственном сетевом вестнике с мужественной прямотой написали, что «*контакт двух братских цивилизаций произошел внезапно, но без осложнений*». Дымящееся Зеркало, которое наконец сняли с Фолрэша, — единственный уцелевший артефакт бесчеловечной цивилизации нрунитан. Теперь Зеркало находится в Раазвиме, в Национальном музее Пэллан. В том зале, где раньше находился поддельный осколок астероида. Больше ничего спасти не удалось. После ухода Великих Слонов верхний пласт почвы в кратере про-

сел и погреб под собой подземелья и несчастных рабов, так никогда и не увидевших солнца. Раскопки ведутся. Но похоже, что пожар, занявшийся от разрушенного Генератора, уничтожил весь культурный слой.

Остается добавить еще вот что. Татуировку — конечно, это были буквы не «ш», «в» и «р» на языке варивикков, а «ИВД» на вельчеди, «*Истинный Воин Двуликой*» — Анша сводить не стала. Печать богини находилась не в таком месте, чтобы бросаться в глаза. Но я все еще часто ее вижу. Мой звездолет — не самый лучший во Вселенной, но «в десятке». А Фолрэш Дезайе — его бессменный штурман.

ЖЗЛ

— Не, чувак, реально в пузе жжет, — снова скорчился Витюха. — Прям все кишки скоптило.

— Не гунди, Тюха, главное, прорвались, — Герыч потер ушибленное плечо и потрогал щеку. Глаз заплыл и обещал наутро порадовать хорошим бланшем. Леха зло посмотрел на одноглазого Герку, поплотнее запахнул куртку.

Они перебежали желтый круг фонарного света на асфальте. Прижимаясь к холодному камню моста, спустились по скользкой от грязи траве вниз, к помойным бакам, за которыми открывался черный тоннель: по словам Лехи, вход в канализацию. Там можно было переждать.

— Ну и че, — наконец проговорил он. — Прорвались, и дальше? Думаешь, пересидим в дерьме, и порядок? Это реальные мужики. Они эту фигню из нас по-любому достанут. Тут в деле, верняк, такие бабки крутятся, что за них...

— Жжет, — снова застонал Витюха.

— Я тя щас урою, Вит, задолбал уже, — рыкнул Герыч и торопливо припустил за широко шагающим впереди Лехой.

Герка с самого начала чувствовал, что не надо браться. Тухлое дело. Но парни, что подкинули дельце, дали хороший задаток. И вообще выглядели прилично, неброско и дорого. Наркоторговцы таких костюмов не носят. Да если бы вопрос был в наркоте —

Герка бы даже не задумался, отказался. А тут — и не наркота вроде. «Интеллектуальная собственность».

Думали, раз собственность интеллектуальная и дядька в пиджаке, так бить не будут? Отдадут бабло, как обещали, и отпустят? Не тут-то было. Встречали их с товаром уже в других костюмах, спортивных. Руки в карманах. Герка как глянул на эти карманы, сразу понял, что конец без вариантов и курьеров в живых оставлять не велено.

И Леха парень умный. Увидел то же, что и Герка. Поэтому рванули оба, в разные стороны. Только Леха поволок за собой обалдевшего от внезапности Витюху. Будь на парнях те дорогие тройки, как в первый раз, и не будь Витька растяпой — удрали бы без вопросов. Но Витька поскользнулся на газовой разводке, и в тот же момент Леха получил кастетом в висок.

Герыч забыл про все. Мчался так, что в ушах свистело. Обратно мчался. Одного из амбалов вырубил — огрел трубой по спине. Второму Леха двинул в пах, а в третьего вцепился так, что казалось, удавит голыми руками. Извернулся, ударил пальцами в ноздри. Бабий удар. Только когда свою задницу спасать приходится, сойдет и бабий. Лишь бы вырваться, а не лежать в кустах с потрошеным брюхом.

Герка уволок блюющего Тюху.

Хорошо места были свои, знакомые. С детства. Они тут с Лехой все как крысы излазили, знали, где пересидеть.

Герыч пригляделся к другу и увидел, что куртка у него на плече порвана и свисает лоскутами, скула ссажена, а волосы над правым виском потемнели от запекшейся крови и висели сосульками.

— Э, парни, мне отлить надо, — жалобно причитал Витюха. — Не бегите, а! Вы чего, бросить меня хотите?

— Да надо бы, — пробубнил Леха. — Подождем, иди, куда хотел.

Витька, согнувшись в три погибели, побежал за мусорные баки, на ходу расстегивая джинсы. Видимо, не на шутку худо было. Лицо у Витьки сделалось почти серым, рыжие вихры слиплись от пота.

Леха присел возле стены.

— Что-то мне, брателло, тоже того... Фигово... — прошептал он, стирая грязной ладонью выступившую на лбу испарину.

— Слушай, чувак, — забеспокоился Герыч. Было от чего. Леха никогда ни на что не жаловался, даже когда Мишка Кучерявый сильно порезал его в прошлом сентябре. — Ты чего? Может, нам в больничку?

— Ага, — огрызнулся Леха, тяжело дыша. — В больничку? А там мы что скажем? Даденьки-врачи, приболели мы малость, нас нехорошие мужики убить хотели.

— Что-нибудь скажем, — пробормотал Герыч. — Только вид у тебя, как у трупняка. У тебя, брат, даже губы синие.

— Иди ты... — Леха сполз по стене, улегся на заплеванный асфальт, опрокинулся на спину, потирая рукой грудь. — Короче, так... Бери Витьку и валите. У Гриши посиди денек-другой. Он мне должен. И смотри, чтобы Рыжий бабке своей не звонил. К родным они в первое дело сунутся...

Не договорил, задышал часто и шумно. И Герка почувствовал, как от страха мерзнут пальцы.

— Леш, ты чего, Леш, ты вставай... — почти умоляюще забормотал Герыч. Попытался поднять, но Леха только застонал да бессвязно выругался.

— Витоха, мать твою, тащи сюда свою тушу дизентерийную, Лешке совсем плохо. Нашел время по углам тошнотиться...— Гера приподнял Лехину голову, попытался положить к себе на колени, но ничего

не вышло. Вместо этого Лешка еще раз приложился затылком об асфальт и замер.

Витоха не отвечал. За мусорными баками что-то завозилось и стихло.

— Витоха, блин, ты где? Леш, вставай! — выкрикивал Герыч, крутя головой. Что-то изменилось вокруг. Придвинулась темнота. Нестерпимый холод снизу, из-под асфальта, от скрытой под ним земли, пробрался Герке в кеды. Ноги заледенели в одну минуту. Словно ниоткуда взявшийся ветер подхватил несколько рваных газет и потащил их в черноту под мостом. И та еле слышно, но гулко и тоскливо завыла в ответ.

Герыч вскочил, озираясь.

— Витька! — вскрикнул он. — Твою...

— Даже в аду не стоит так выражаться, молодой человек, имейте достоинство, — проговорили совсем рядом. Голос был знакомым. Голос был Витькин. А вот интонации этого голоса Витьке в жизни бы даже не приснились.

— Помогите же мне, юноша, — грозно потребовал новый, странный Витька.

Он склонился на Лехой и уверенными и четкими движениями ощупывал грудь и живот лежащего. Заглянул под веки. Снова положил цепкие пальцы на грудь.

— Нож, — бросил так уверенно и повелительно, что Герка словно в оцепенении вытащил финку, вложил в руку незнакомому Витьке. Тот ловко срезал с Лехи куртку, принялся простукивать грудную клетку. Правая половина, казавшаяся намного больше левой, наверное, из-за полутьмы в тоннеле, издала гадкий, пустой, какой-то барабанный звук. Витька нахмурился. С неожиданно явившейся силой поднял Леху и усадил к стене. Тот попытался завалиться на бок, но Витька подпер его коленом.

— Ему необходимо сидячее положение. Давление на легкие будет меньше. У вас здесь есть алкоголь?

— Нет, — недоуменно отозвался Гера. — Ты ж сам в самолете стонал, что выпить охота, чтоб лететь не страшно было.

Витоха недоуменно посмотрел на Герку из-под сведенных бровей. Потом словно бы прислушался к чему-то и принялся торопливо хлопать по карманам, в одном из которых обнаружилась бутылочка вискаря.

— Спер-таки, фокусник, рыжая морда? — спросил Герыч, не ожидая ответа — скорее как дань Витькиной ловкости.

— Определенно, — с досадой пробормотал чужой Витоха. — И возможно, благодаря этому мы сумеем спасти вашего товарища. Поддержите его.

Витька убрал колено. Леха пополз по стене, и Герка подхватил его.

— У вас... хотя откуда... — начал Витька, осекся, мгновение подумав. — Впрочем, у вас есть шприц?

Гера виновато вытащил из заднего кармана одноразовый шприц. В завязке давно, а шприц все равно в кармане. Узнает Леха — башку сшибет.

— Мал, — сказал Рыжий.

Он, бурча, снял с себя куртку и футболку. Вывернул, расстелил на земле. Вдвоем они уложили на нее Лешку. Витька разорвал упаковку шприца, снял и выбросил иголку, быстро распорол Лехину рубашку на груди, плеснул вискарем на кожу и рукав рубашки. Вытер этим рукавом финку.

Герка едва успел предупредить следующее движение ненормального Витохи.

— Ты что, придурок, делаешь? Зарежешь! — крикнул он, удерживая сильную и твердую как камень руку Витьки над самыми ребрами Лехи.

— Я был хирургом дольше, чем вы, юноша, пробыли на этом свете, — тихо и угрожающе четко прого-

ворил Рыжий. — И даже в не самом крепком и совершенном теле вашего рыжего друга я способен не убить человека, чью жизнь пытаюсь спасти!

От этой гневной тирады ничего не понимающий Герка ослабил хватку. Витоха высвободил руку, осторожно проткнул ножом кожу между ребрами, нажал сильнее. Ввел в отверстие шприц. Шприц засвистел, вторя вою ветра в темноте.

Правая сторона Лехиной груди стала опадать, почти уравнявшись с левой.

— Дышите, молодой человек, дышите, — потребовал Витька.

И только сейчас Герка понял, что страшило его в этой полутьме. Не свист и шорох в туннеле, не поднимавшийся по ногам холод, а тихое и хриплое, будто предсмертное дыхание Лехи. Теперь, по команде одержимого Витьки, вдохнули оба: и Лешка, и Герка. Первый — глубоко и жадно, второй — удивленно и испуганно.

— Вашего друга необходимо срочно доставить в госпиталь. *Здесь* есть врачи? — с сомнением спросил Витоха, оглядывая разбросанный мусор, загаженный асфальт и черную дыру тоннеля.

— Нам нельзя в больницу, — слабо запротестовал Герыч.

— А в морг? — резко осведомился Витька. — Срочно найдите врача!

Герка достал мобильник и принялся звонить в «Скорую».

— Что это? — спросил странный Рыжий, оторвавшись от прослушивания и простукивания Лешки.

— Мобила... телефон мобильный, ну.. я врача вызвал... — будто оправдываясь, ответил Герка.

— И врач вас услышал? — неподдельно удивился Витька. — У вас здесь все потрясающе странно устроено, друг мой.

— Где — здесь? — спросил Герка; тоже, будто впервые, огляделся.

— В аду, — спокойно ответил Витька. — Я, правда, не предполагал, что мне предстоит именно ад... Я думал, что все-таки что-то да сделал для людей... Но, возможно, это какое-то другое место. Между жизнью и небытием. Место, где решается, будет ли жить человек или умрет. Поскольку ваш друг определенно жив сейчас и, надеюсь, переживет пневмоторакс и сотрясение мозга, если мы скоро переместим его в госпиталь. А вы живы, молодой человек?

— Да, — Герыч не мог стряхнуть с себя странное оцепенение, которое владело им с самого появления чужого Витьки. Да и Витька ли это был. — А ты?

— Вы, юноша, — поправил его Витоха, — к старшим следует обращаться на «вы». Я определенно мертв. Во всяком случае, был мертв, пока не оказался в теле этого мальчика, по-видимому, вашего друга. Я помню, как умирал, а потом пришел в себя здесь, у вас. Кстати, совершенно вылетело из головы... Зовут меня Николаем Ивановичем, — Витька церемонно склонил голову. Герка уловил какое-то странное движение Витькиного плеча, словно тот хотел подать руку, но в последний момент передумал. — Нижайше прошу простить меня, что не представился ранее. Признаться, сам был несколько выбит из колеи столь внезапным воскресением. Хотя можно ли назвать воскресением загробную жизнь?..

— Да это и не ад, — пробормотал Герка.

— Ну, знаете, молодой человек, если вы намекаете, что подобное место может оказаться Раем! Я вырос в набожной семье и такого... — Витька задохнулся от возмущения.

— Нет, это просто Подмосковье.

— Не лгите мне, милейший, — разгневался Витоха. — Вы звали врача, приложив руку к уху. На вас,

да и на мне самом, странная одежда. И вы пытаетесь уверить меня, что это... — Витька обвел горящим взглядом помойку: груду пластиковых бутылок и жестянок, пакеты из супермаркета и железные короба с надписью «МУП САЖХ». — Подмосковье?!

— Ну да, — пожал плечами Герка, — Подмосковье. А вы, Николай Иваныч, в каком году умерли?

— В 1881-м, — недоумение на лице Витохи сделало его почти прежним. Он приложил ладонь к рыжим вихрам.

— А сейчас две тысячи сороковой, — злорадно проговорил Герка, — и это ни фига не ад.

— Тогда почему я тут?! — Николай Иванович впервые повысил голос. И в его гневном окрике прозвучало что-то такое, что заставило Герку вжать голову в плечи и виновато опустить глаза.

— Мы вас украли, — тихо прошептал он.

— Как можно украсть живого человека? — Несмотря на вопросительную интонацию, это был не вопрос. Укор. А если и было в нем вопрошание, то ответа спросивший ждал точно не от собеседника. Николай Иванович поднял глаза вверх, туда, где над ржавым железом и земляной насыпью было небо, потом пристально и строго, как завуч, посмотрел в глаза Герке.

Далеко в шуме машин прорезался крик сирены «Скорой помощи». Герка что-то прошептал, но Николай Иванович не расслышал.

— Что? — переспросил он.

— Мертвого, — громче повторил Герка. — Мы украли мертвого. Кто же знал, что вы живой.

— А как вы меня украли? — грозно прищурился мертвец, сверля Герку пронизывающим взглядом.

— Не совсем мы, — извиняющимся тоном проговорил Герыч, — из лаборатории опытные образцы другие вынесли. Нам их только перед самолетом дали, сказали — проглотить капсулы. Потом выйдет... ну...

по старинке. Отдадим, бабки получим... Я пару раз с коксом летал, хорошо подзаработал. Матери на операцию. И тут думали, отдадим, и все. Но те парни оказались круче некуда. Еле отбились. Они Леху сильно приложили. А Витька в живот получил. Видимо, капсула от этого... ну... развалилась, типа. И вы оказались... немертвый. Внутри Витьки...

Герка совсем сбился и замолчал, но Николаю Ивановичу оказалось достаточно и такого путаного объяснения. Его больше волновало другое.

— А как мне...

Он не успел договорить. Полыхнули совсем рядом синие огни «Скорой». Трое в форменных куртках спустились вниз, посветили фонариками.

— Закрытый пневмоторакс. Клапан! — крикнул Николай Иванович, перекрывая вой сирены.

Медики переложили Леху на носилки. Герыч вспрыгнул в «Скорую» первым, за ним поднялся Рыжий.

— Куда? — запротестовала медсестра. — Не маршрутка, все не влезете.

— Вы же сестра милосердия, голубушка! Этому мальчику тоже необходима помощь, — вежливо, но безапелляционно и чуть укоризненно возразил Николай Иванович.

— Этому, — девушка с подозрением глянула на заплывший Геркин глаз.

— Нет, этому, — спокойно ответил Николай Иванович, указывая на собственное тело, — острое отравление. В организме этого ребенка открылась капсула с чужой личностью.

— Чьей же? — насмешливо произнес из-за плеча медсестры молоденький усатый врач.

— Николая Ивановича Пирогова, уважаемый, — строго ответил суровый Витоха.

— Украденный Пирогов?! — задохнулся то ли от страха, то ли от восторга врачишка. — Ксюша, звони в приемное!

— Вашу м... — изумленно прошептала Ксюша.

— Так, дорогуша, не стоит выражаться даже в аду, — строго глянул на нее Николай Иванович.

— Простите, Алексей Дмитриевич, за все эти вопросы. Не всякий день приходится бывать на полтора столетия впереди своего времени. Грешен, любопытен. Хотелось узнать, до чего дошла медицинская наука, и, признаюсь, удивлен и восхищен вами и вашими коллегами. Каким счастьем было бы работать с вами! Каких новых высот мы можем достичь! А сколько жизней можно было бы спасти, будь у меня тогда в Крыму, под Севастополем, хоть малая толика того, что есть у врачей в ваше время. Простите, мысли скачут...

Главврач, Алексей Дмитриевич Ковров, сидел на высоком никелированном стуле. На кушетке напротив него восхищенно жестикулировал рыжий мальчик. Он то и дело спрашивал, и Алексей Дмитриевич отвечал полно и четко, как на экзамене в академии. И мальчик в восторге хлопал себя ладонями по бедрам. И Коврову почему-то становилось невероятно приятно.

— А теперь расскажите мне, милейший друг мой Алексей Дмитриевич, как же все-таки эти дети сумели меня воскресить?

— Не они, — рассмеялся Ковров. — Целый институт работал над этим. И не один год. Сгущение личности из ноосферы? Как вам идейка, Николай Иванович? Хорошо. Каждого из нас по нескольким индивидуальным точкам можно собрать из информационной мантии, окружающей планету. И переселить эту личность в компьютер. Или, как случайно выяснили ваши юные друзья, в донора.

— Это же бессмертие, милейший! — Николай Иванович подался вперед, повинуясь желанию обнять

собеседника. — Как хотел бы я познакомиться с теми удивительными людьми, которые сделали это! Но... нельзя ли мне будет перейти в тело, более приличное возрасту и положению? Пусть вся слава моя осталась далеко в прошлом, но я человек в летах, и мне совестно отнимать тело и, почитай, саму жизнь у этого мальчика.

Алексей Дмитриевич заерзал на своем блестящем стуле, глаза его сами собой устремились с лица Николая Иванович на белый полог за его спиной, а после — на синий кафель под его ногами.

— Нет, — робко уронил Ковров, словно надеясь, что собеседник сам наполнит это короткое слово содержанием. Но тот не пожелал:

— В каком смысле, Алексей Дмитриевич? Мне нельзя покинуть это тело?

— Видите ли, Николай Иванович, — Ковров совсем опустил голову, его голос звучал глухо, падая прямо на холодный блестящий пол. — Сгущение личности — процесс очень дорогостоящий. За десять лет получено четыре достойных образца. Три из них были украдены. Их и перевозили курьеры. Два мы благополучно извлекли. Они отправятся обратно в институт. Но... вы... Вас нам уже не вернуть...

— Как это? Я же здесь. Беседую с вами. — Николай Иванович вгляделся в виноватое лицо главврача широко открытыми Витькиными глазами.

— Препарат-носитель скоро выйдет из организма вместе с каловыми массами в процессе дефекации. Остальное выведем клизмой. Очистим кровь... Извините.

— Как — клизмой? — Это было только удивление, пока еще удивление. Николай Иванович в просительно-вопрошающем жесте протянул вперед открытую ладонь. — Но ведь можно отфильтровать, переместить в другого носителя? В человека или в... этот... компьютер?

— Нет, — снова смалодушничал Ковров. — Это... слишком дорого. Наша больница...

— То есть, — перебил его собеседник. Тонкая пленка удивления лопнула. Николай Петрович окатил главврача едва сдерживаемым презрением. — В двадцать первом веке слишком дорого... отделить человека от... экскрементов?

Детский голос дрогнул.

Главврач потер пальцами покрасневшие веки.

— Значит, я снова умру? — спросил рыжий пациент ровным, ничего не выражающим голосом.

— Да.

— Совсем?

— Скорее всего, — Ковров провел рукой по лбу и волосам, словно стараясь спрятаться от проницательных глаз следившего за ним великого хирурга. — Из-за кражи и шумихи вокруг нее программа заморожена.... и... когда...

— И *если* ее откроют, вероятность того, что по крошкам информации снова соберут меня, ничтожно мала? — Николай Иванович не ждал ответа.

— Да, — ответил Ковров.

— Вы, должно быть, хороший хирург, Алексей Дмитриевич, — медленно произнес рыжий мальчик, — умеете резать по живому быстро и верно. Покуда американцы не открыли эфир, этому умению не было цены. Оно и сейчас ценно. Мой учитель, еще в Геттингене, профессор Лангебек, говаривал, что резать надобно быстро и четко. Вы бы пришлись друг другу по душе. Был рад знакомству. И прикажите сестре, чтобы готовила все необходимое. Не имею желания задерживать ни вас, ни этого несчастного ребенка. И, если возможно, пусть детям, что перевозили наши... мертвые души, не ломают жизни. Они молоды и, я верю, могут исправиться.

Ковров виновато и послушно вышел.

ЭПИЛОГ

Лешка выжил. Из больницы и он, и Герка, и Витька отправились в КПЗ. Потом был суд. Дали понемногу, по-божески: Лешке, как старшему, два. Герыч и Витька получили по полтора года общего. Видимо, клизма оказалась недостаточно хорошим средством выведения нечаянной гениальности, потому как после тюрьмы Витька поступил-таки в медицинский. И в тот момент, когда сияющая как медный пятак рыжая морда Витохи глянула на него с новенького красного студенческого, Герка пожалел, что не он получил в тот вечер пинка в живот.

P.S.

«Я имею некоторое право на благодарность России, если не теперь, то, быть может, когда-нибудь позже, когда... найдутся беспристрастные люди, которые, разглядев мои труды, поймут, что я трудился не без цели и не без внутреннего достоинства» (Н.И. Пирогов, 1861).

ПРЕДЪЯВИТЕ БИЛЕТ!

— Добрый день!

— Осторожнее, тут зеркало!

— Теснота-то какая...

— Эй, хозяин, куда?

Олег, суетившийся вокруг двух грузчиков, подошел к кухонной двери и распахнул ее:

— Сюда, пожалуйста!

Грузчики протопали через прихожую, оставляя грязные следы на ковре, и протиснулись на кухню.

— Тэк-с, а ну-ка боком... Ставим!

Из гостиной прибежала Надя, увидела огромную коробку и ахнула:

— Олежка, это что такое?

Молодой супруг весело показал язык своей драгоценной. Один из грузчиков достал из бездонного кармана униформы КПК и подмигнул:

— Ваш автограф, будьте любезны!

Олег стремительно расчеркнулся на экранчике, завершив подпись хулиганской закорючкой. Надя стояла, уперев руки в бока, и вопросительно смотрела на мужа.

— Сами подключать будете? — спросил грузчик, пряча приборчик. — Если хотите, мы можем сделать. Это вам обойдется всего...

— Нет, не надо, спасибо, — перебил Олег. — Я справлюсь.

Работяга пожал плечами.

— Пожалуйста, — буркнул он. — Только вещь-то новая, непростая. Напутаете чего-нибудь...

— Вот еще! — обиделся Олег. — Я на электронике собаку съел.

Надин взгляд сделался еще более пристальным.

— Ты что купил, Олег? — грозно спросила она.

— Сейчас узнаешь...

— Ну, желаем удачи! — сказал грузчик, покосившись на сердитую Надю, и рабочие удалились, окончательно перепачкав ботинками ковровую дорожку.

— Какая прелесть, — ядовито заметила Надя, — теперь мне все это чистить...

— Зато с бельем больше возни не будет! — торжественно объявил Олег и взял со стола нож. — Дорогие дамы, фирма представляет вам наисовременнейший аппарат, необходимый в домашнем хозяйстве!

С этими словами он разрезал упаковку.

— Прошу!

— Мама ро́дная! — только и смогла выговорить Надя при виде сверкающей глянцем ультрамодерновой стиральной машины.

— Полгода на нее деньги собирал! — сказал Олег гордо. — Хотел тебе сюрприз сделать. Наша старушка больше воет да кряхтит, чем стирает. Еще и энергию жрет за троих. А эта штучка суперэкономична! Ну, как тебе?

— Да она стоит дороже, чем экономит!

— Зато смотри, сколько функций! На все случаи жизни!

— Ну и зачем? Тебе что, парчовые платья и батистовые рубашки пачками стирать? Пр-р-рынц нашелся!

Олег покраснел и надулся:

— А я-то думал тебя порадовать... Тьфу!

Надя обняла его и поцеловала:

— Порадовал, не сомневайся. Это я так, ворчу для порядка.

— Ворчучело мое маленькое! — Олег ласково потерся носом о щеку жены. Затем отстранился и решительно щелкнул пальцами. — Вот сейчас я ее установлю, и мы с тобой дуэтом споем туш!

— Валяй! Белья уже накопилось выше крыши. А я пока окна вымою. Давно пора смотреть на мир незамутненным взором...

Прошло полчаса. Надя с беспокойством прислушивалась к звукам, доносившимся из-за перегородки. Судя по ним, происходящее смахивало не на установку бытового электроприбора, а на бой роботов-трансформеров. Что-то лязгало, скрипело, стучало и ухало загробным голосом. Время от времени раздавалась совершенно непристойная брань. Не выдержав очередного залпа ругательств, Надя решила проведать мужа и, по возможности, снизить накал битвы.

— Что за шум, а драки... есть, — растерянно закончила она, зайдя на кухню.

Олег, окруженный инструментами и шлангами, сидел на полу, держа в правой руке огромную электроотвертку, а в левой — железный штырь. На месте старой машины между шкафчиком и раковиной была неприглядная дыра. Оттуда веяло сыростью. Повсюду валялись какие-то детали, провода и разрозненные винтики. Надя даже рот раскрыла, оглядев учиненный мужем разгром.

— В чем дело, Олег? — спросила она растерянно.

— В чем? — Олег в ярости грохнул штырем об пол. — Да в том, что она не влезает под столешницу! Каких-нибудь три сантиметра! Черт!

— А если ножки отвинтить?

— Нет у нее ножек, конструкция такая! Пришлось верхнюю крышку снимать!

— Но теперь все в порядке? Получилось?

— Получилось! — закричал в ответ Олег. — Супер получилось! Снимаю крышку, а к ней реле и провода приделаны. Отдирай их теперь!

Надя не выдержала:

— Что ж ты ее не измерил, прежде чем покупать?

Лицо Олега покраснело.

— Дорогая, — произнес он придушенным голосом, — не держи меня за идиота! Все я измерил, толь-

ко размеры там были указаны для стандартной модели. А это — улучшенная, с дополнительными функциями! И ничего про размеры не говорилось!

— Ну, так отвинти проводку, и дело с концом!

— Да я пытаюсь отвинтить! — снова завопил Олег. — Ключи не подходят!

— Не кричи, — схватилась за голову Надя. — Пожалей мои уши!

— «Пожалей мои уши!» — злобно передразнил Олег. — А меня кто-нибудь пожалеет?

Надя вдруг звонко и весело расхохоталась. Муж посмотрел на нее мрачно.

— Ты бы себя видел! — объяснила она, отсмеявшись. — Сидит на полу здоровенный небритый мужик в спортивных штанах, размахивает дрелью и требует, чтобы его пожалели! Бенни Хилл отдыхает!

Олег отвел глаза. Надя присела рядом с ним и легонько приобняла.

— Не кипятись, — ласково сказала она. — Все у тебя получится. Только не нервничай. Ты жутко вспыльчивый, прòсто невозможно!

— М-м-м, — промычал супруг, глядя в сторону.

— Давай, успокойся и подумай. Ключи не подходят? А можно отсоединить провода иначе?

— Ну-у-у... Пожалуй, если просто вытащить их из клемм... Потом отодрать реле и присоединить заново...

— Вот видишь! Всегда есть решение. — Надя встала и потянулась к крану. — Дай-ка руки ополосну...

— Нет! — Олег вскочил. — Я трубы отвинтил, сейчас все на пол потечет!

— Ох, — вздохнула жена. — Ладно, делай спокойно. Как закончишь — скажешь. Только не перепутай провода.

И, предупреждая очередной взрыв эмоций, Надя вышла из кухни, захлопнув за собой дверь.

Прошел еще час. Трансформеры поутихли, очевидно, заключив перемирие. Надя домыла окна и занялась сортировкой белья, рассудив, что рано или поздно ма-

шина все же заработает. Не успела она закончить, как в ванную зашел Олег. Его физиономия сияла.

— Принимай работу, хозяюшка! — весело объявил он.

— Сейчас, — Надя бросила в таз груду носков. — Показывай!

— Во! — с торжеством произнес муж, указывая на покупку, мирно стоявшую под столешницей.

— Внимание! — Надя подняла руки в дирижерском жесте. — Оркестр, туш!

И супруги исполнили туш на собственных губах, вытаращив глаза и слегка подпрыгивая. Потом рассмеялись и обнялись.

— Надо по инструкции один прогон без белья сделать, — сказал Олег. — А потом закладывай первую стирку.

— О'кей! Только прибери весь этот хлам, ладно? Сам же на шуруп наступишь, а я громких звуков больше не могу выносить...

* * *

Неделя прошла в обычных заботах — дела, хозяйство, короткие посиделки по вечерам. Перед выходными, как всегда, решили разобраться с нижним бельем. Пока машина урчала, обильно поливая мыльной водой неприглядную кучу исподнего, Олег под шумок смылся в магазин за пивом и чипсами. По дороге поговорил с соседом по этажу, потом решил съездить на заправку, так что, когда он вернулся, белье уже давно было выстирано и высушено. Жена сидела на диване и рассортировывала интимные предметы туалета. Олег приблизился, ожидая взбучки за долгое отсутствие, но ничего не произошло. Надино внимание, казалось, полностью поглотил стоящий перед ней таз.

— Вот что я скажу тебе, дорогой, — произнесла Надя, рассматривая на свет нейлоновый чулок, — в на-

шей новой машине определенно живет некто. И этот некто очень любит кушать носки. Смотри: целых семь непарных за одну стирку. Спрашивается, куда делись остальные?

Олег поставил пакет с покупками на стол и заглянул в таз. Вопрос его слегка удивил.

— Эм-м-м... Может быть, ты их не стирала? Они, наверное, там, в корзине остались.

— Не остались, — отрезала Надежда. — Я все обыскала: комод, корзину, обе машины — стиральную и сушильную... Глянь, это же твои носки?

Олег глянул.

— Кажется, мои... Черные... Не обращаю я внимания на такие мелочи!

— Понимаю, ты выше этого, — съязвила Надя. — Иначе бы вынимал из карманов всякий мусор, прежде чем кидать штаны в стирку.

С этими словами она высыпала на стол горсть мелких стекляшек, смахивающих на плохо сделанную бижутерию. Олег заморгал. Жена снова наклонилась над тазом:

— Ладно, черт с ними, с носками. Ты лучше объясни, откуда у нас взялось вот это.

В лицо супругу полетел какой-то кремовый лоскут. Поймав его, Олег с изумлением обнаружил, что держит в руках дамские трусики. Спереди красовалось изображение очаровательной кошачьей мордочки, а над ней была вышита надпись: «Я киско!» Олег растерянно уставился на жену.

— Это... твои, я думаю...

— Мои? — разъяренная Надежда встала. — Да они налезут разве что на какую-нибудь Лолиту!

— При чем тут Лолита? — совершенно обалдел Олег. — Откуда у нас могут взяться чужие женские трусы?

— Тебе лучше знать, мой милый.

— Ты что, хочешь сказать, это я их принес?

— А кто, Набоков? — Надя снова уселась, поджав под себя ноги. — Вот что, давай начистоту. Ты завел себе несовершеннолетнюю девицу?

Олег был потрясен.

— Когда бы я успел? — гаркнул он. — Я целый день на работе и дома торчу, все это знают!

— То есть ты не отрицаешь, что она — малолетка?

— Ты меня еще и за педофила держишь?

— Ага, значит, у нее просто мелкая комплекция. Не знала, что тебя влечет к худышкам.

— Ты спятила!

— Это ты спятил! Тащишь домой труселя своей любовницы! Никогда не думала, что мой муж не только кобель, но еще и фетишист!

— Хватит! — завопил Олег. — Я больше не могу!

Он ринулся к балконной двери. В спину «изменщика» полетели разноцветные стекляшки.

— Подарочки твоей фифы!

Выскочив на балкон, Олег закурил, чтобы немного прийти в себя. Ну и ну... Надька определенно свихнулась. Впрочем, на ее месте он бы тоже закатил скандал. Но откуда взялись трусы? Допустим, она сама их купила по ошибке... Нет, чепуха. Чтобы Надя так обдернулась? Не может быть. Так что, получается, действительно он их приволок? Брэд оф сив кейбл... Подбросили недоброжелатели? Пожалуй...

Олег попытался вспомнить, кто бывал в квартире в последние десять дней. Выходило, что никого, кроме них самих, да еще рабочих, что привезли стиральную машину. Но уж рабочим это делать явно незачем. Или у них такой юмор? Ничего не понимаю... Да еще стекляшки...

Он подобрал украшение, вылетевшее следом на балкон, и посмотрел сквозь него на солнце. Сработано грубовато, но это явно не стекло. Слишком тяжелая штучка. И цвет какой глубокий... Зеленый, даже, скорее, сине-зеленый. Аквамариновый... Олег постучал «стекляшкой» о перила, затем попробовал на зуб и чуть

не проглотил. Выплюнул на ладонь, взял пальцами и снова посмотрел на свет. Красивая вещица... Ладно, потом разберемся. Сейчас надо как-то успокоить Надю... Пошли, новоявленный Гумберт Гумберт, попробуем разрулить ситуевину...

В комнате Надя решительно собирала чемодан. Олег почувствовал, что вся его уверенность разом улетучилась.

— Ты что? — слабым голосом спросил он.

— Я решила пожить у родителей, — бескомпромиссно заявила разгневанная супруга. — Не хочу ложиться в постель с мужчиной, только что вырвавшимся из объятий какой-то тощей крали.

— А если бы она была толстой, ты бы так не злилась? — растерянно спросил Олег.

— Остроумие оттачивать будешь тоже на ней, — Надя укладывала в чемодан вещи. — Я тебе не точильное колесо. Где моя летняя юбка? А, вот она... Поживем раздельно, а там посмотрим. В конце концов, ты взрослый человек и... и... и...

Она вдруг замолчала. Олег поднял глаза и увидел, что его жена удивленно разглядывает здоровенные «семейные» трусы, явно мужские. Нежно-розовые. В белых ромашках.

Олег сел на пол и захохотал. Он ржал совершенно неприлично, стуча кулаком по ковру и всхлипывая, словно оголодавший вампир. Надя хлопала глазами и вертела в руках странный предмет мужского туалета.

— Отпад! — сквозь смех выговорил Олег. — Если я завел себе Лолиту, то ты, значит, изменила мне с волком из «Ну, погоди!». Ра-ру, ра-ру, ра-ру, ра-а-а! — пропел он известную мелодию и вновь зашелся в припадке истерического хохота.

— Послушай, — тихо сказала Надя, — тут ничего смешного нет. Откуда у нас чужие вещи?

— Враги подбросили! — попытался грозным тоном сказать Олег, но тут же снова засмеялся. Вдруг его осенило. — Стой! А стекляшки-то! Где они?

Он забегал по комнате на четвереньках, словно кот в погоне за солнечным зайчиком. Надя смотрела на мужа, вытаращив глаза. Олег собрал разноцветные камушки и потребовал:

— Дай мне эти тряпки! И лишние носки тоже!

Жена повиновалась. Олег внимательно изучил загадочные предметы и объявил:

— Это не мои носки. Они все разных размеров, и материал другой. Узор тоже отличается... А теперь смотри. Семь непарных носков. Одни дамские трусики. Одни мужские «семейники». И — семь зеленых камешков, один красный и один прозрачный.

Олег высоко поднял украшение, и оно, попав в солнечный луч, вдруг вспыхнуло яркими бликами. У Нади перехватило дыхание.

— Это же... — прошептала она.

— Верно! Я, конечно, ни черта не смыслю в украшениях, но, по-моему, это самые настоящие драгоценные камни. И каждый из них соответствует определенному предмету из нижнего белья. Погоди-ка!

Он побежал на кухню и вернулся оттуда с пустой бутылкой из-под пива. Затем крепче ухватил прозрачный кристалл и с нажимом провел им по бутылочному боку. Стекло противно заскрежетало.

— Натуральный стеклорез, — подытожил Олег. — Знаешь что это? Чистейший бриллиант! Без понятия, сколько карат, но величиной, пожалуй, с фасолину... Или даже с орех... Надя! Милая! Что с тобой?!

И Олег бросился к жене, которая упала без чувств прямо в открытый чемодан.

* * *

Ювелир недоверчиво перебирал камни, осторожно вертя их в тонких ловких пальцах. Олег сидел рядом и ждал, затаив дыхание.

— Семь изумрудов, один рубин и один алмаз, — объявил наконец специалист по драгоценностям. —

Послушай, дружище. Мы знакомы уже не первый год. Когда ты пришел ко мне с «левым» золотом и попросил сделать обручальные кольца, я не задавал вопросов. Но извини, что мне сейчас писать в отчетах? Получено от клиента, пожелавшего остаться неизвестным, драгоценных камней на сумму... гм... ладно, неважно пока... которые он, согласно собственному утверждению, нашел в стиральной машине?

Олег взъерошил волосы. Вид у него был ошарашенный.

— Костя, клянусь! Они просто лежали в кармане штанов! И это еще не все. Вчера, когда мы немного успокоились, Надя высказала дикое предположение, что если постирать чужие шмотки заново, они исчезнут вместе с драгоценостями, как и появились. Я, конечно, возражал, но она настояла. Уж больно напугала ее вся эта история. Мы решили проверить. Положили камни в карман Надькиного плаща и бросили стирать, а заодно сунули носки с трусами. Потом сидели, глядя на машину, как приклеенные, глаз отвести не могли. Она трубила и ревела, будто больной слон. А когда закончила работу, все чужое белье исчезло бесследно! Но камни остались. И обнаружились два новых лифчика, которых ни я, ни жена никогда в жизни не видели, — противного лилового цвета и с рюшками. А в кармане плаща мы дополнительно нашли вот это...

Олег покопался в сумке и достал два ярко-синих камешка. Константин взял их, вставил лупу между бровью и нижним веком и погрузился в исследование.

— Сапфиры, — буркнул он минуту спустя. — Довольно высокого качества. Какой-нибудь магараджа не стал бы вставлять их в свою корону, но для нашего общества очень даже...

Ювелир вытащил лупу из глаза, бросил ее на стол и воззрился на Олега.

— Рассказывай, — потребовал он. — Что все это значит?

Олег погрузился в рассуждения:

— Я скорее всего неправильно соединил парочку входов-выходов, и в результате машина превратилась в нуль-транспортер. Черт его знает как. Но кто-то из другой галактики, а может, из другой вселенной, этим воспользовался и начал передавать ценные вещи, а то и самих жителей...

— Это женские трусы — ценные вещи? — скептически хмыкнул Константин.

— Так это у нас они трусы! — возразил Олег. — На самом деле это могут быть контейнеры с горючим. Или произведения искусства. Просто, оказавшись в нашей Вселенной, они превращаются в тряпки. Откуда мы знаем, каковы законы передачи вещества? Они спокойно могли превратиться в морских свинок или, скажем, в микрокалькуляторы. Неважно. Главное, наша стиральная машина стала теперь чем-то вроде перевалочной станции между мирами. Или наоборот — препятствием, как плотина на реке. Включил я ее и тем самым прервал транспортный поток. Обойти преграду они не в силах, переключиться на другую линию тоже по каким-то причинам не могут. Что же остается? Договориться с владельцем «плотины», чтобы он переправлял контейнеры по назначению! Получил посылку — передал дальше.

Костя восхищенно цокнул языком.

— Ну, ты и фантазер! — сказал он. — Тебе фантастику надо писать. Будешь у нас вторым Робертом Шекли. Напишешь роман под названием «Паранормальное белье мое». Только есть в твоей истории неувязка. Драгоценности, которые составляют кругленькую сумму, остаются тебе, а какие-то паршивые носки...

— А вдруг у них там вся планета состоит из драгоценностей, а носки и есть самое ценное? — прервал его Олег. — Кэцэ! Помнишь фильм «Кин-дза-дза»? Там были спички, а тут носки.

— Ну, знаешь, это уже полный абсурд!

— Не больший абсурд, чем изумруды в стиральной машине. Так вот, что я хотел сказать: драгоценности есть не что иное, как плата за транспортировку! По камешку на предмет туалета. За носки — изумруды, за лифчики — сапфиры, и так далее. И платят вперед!

Олег с довольным видом откинулся на спинку стула. Ювелир задумчиво потрогал кончиком мизинца самый крупный изумруд.

— Странно, — сказал он. — По идее, следовало бы вызвать полицию. Но я тебе почему-то верю. Слишком уж безумная история, чтобы оказаться неправдой. Будь за этими камешками криминальный след, ты бы выдумал нечто более удобоваримое. Ладно, договоримся. Я, кажется, знаю, как их оформить... Появится что-то новое — неси, проверю. Кстати, надеюсь, ты не пробовал оставить себе... э-э-э... сами посылки? Если от тебя ждут действий по уговору, то, сам понимаешь, неисполнение может грозить серьезными санкциями.

— Ерунда, — неуверенно возразил Олег. — Что они могут сделать из параллельной Вселенной?

— А что могут сделать хозяева баржи, если нерадивый владелец плотины отказывается пропустить судно, несмотря на выплаченную пошлину?

Олег непонимающе смотрел на Костю. Ювелир побарабанил пальцами по столу. Потом наклонился вперед и произнес, преувеличенно артикулируя:

— Убрать препятствие. Ба-бах.

Олег схватился за сердце:

— Боже мой! Надя! Наденька!!!

И он, на ходу вытаскивая из кармана мобилку, выбежал с такой скоростью, словно за ним по пятам гнались вооруженные бандиты.

* * *

Дозвониться до Нади не удалось. Приятный женский голос монотонно отвечал, что абонент находится вне зоны приема. Поэтому, когда Олег около десяти

вечера добрался до дома, он был, что называется, на взводе. Родная многоэтажка встретила его мрачной чернотой погасших окон. Во дворе, сбившись в кучки, что-то обсуждали изумленные жильцы.

— Никогда такого не видывал, — говорил двум женщинам сосед Олега по этажу. — Счетчик крутится, а света нет! Я уже вызвал спецов, сказали, разберутся...

Делая вид, что он тут ни при чем, Олег зашел в подъезд и, убедившись, что его никто не видит, поднялся вверх по лестнице. Очутившись на своей площадке, ощупью вставил ключ в замок и нырнул в заполненную тьмой квартиру.

— Надька! — заорал он и прислушался.

— Пи-ип! Пи-ип! Пи-ип! — зловеще донеслось из кухни. Олег бросился туда.

Машина стояла на своем месте и угрожающе сверкала красными огоньками. От нее исходил тяжелый дух разогретого металла.

— Пи-ип! Пи-ип! Пи-ип! — настойчиво повторил агрегат, и багровое мигание слегка участилось.

— Олежка, я боюсь!

Олег круто обернулся и с трудом разглядел в темноте Надю. Она сидела на стуле в углу, обхватив колени руками и слегка раскачиваясь.

— Надюша, милая! Что случилось?

— Только ты ушел, машина запищала, — дрожащим голосом сказала жена. — Я не могла ее выключить. Все кнопки перетыкала, а она все пищит. И уже красным подмигивает. Я выдернула вилку из розетки, а ей все равно. Пищит и мигает. Потом начал гаснуть свет. Становилось все темнее и темнее... А машина пищит и мигает... И жар от нее пошел...

— Пи-ип! Пи-ип! Пи-ип! — подтвердила стиральная машина.

— Где лифчики? — глухо спросил Олег. — Те, лиловые?

— В спальне, на комоде...

Олег ринулся в спальню. По пути он сильно ударился плечом о дверной косяк, но впопыхах даже не почувствовал боли. Схватив «потусторонние» лифчики, он в мгновение ока вновь очутился на кухне.

— Пи-ип! Пи-ип! Пи-ип!

Красное мерцание перешло в ровный багровый свет. Олег прикоснулся к дверце и, зашипев, отскочил: машина раскалилась, как электроплита. Тогда он взял со спинки стула кухонное полотенце, обернул им руку и открыл дверцу.

Так... Лифчики внутрь... Закрываем. Порошок на всякий случай... Что за программу выставить? Да не пищи ты, я сейчас! Э-э-э... Тонкое нижнее белье... Регулятор тоже раскалился! Три деления направо, левую кнопку отжать... Старт!

Раздался мелодичный щелчок, и тревожные красные огоньки погасли. Вместо них засветился яркий зеленый сигнал. Несколько секунд машина молчала, словно в раздумье, а потом шумно заработал водяной насос. Кухня сразу наполнилась горячим паром, и супруги, спасаясь от жара, выбежали в прихожую. Медленно, как бы нехотя, стала разгораться лампочка под потолком. В гостиной ожил и заговорил телевизор. Со двора донесся восторженный вопль жильцов.

— Дурак я, вот дурак! — бормотал Олег. — Как я сам не сообразил... Ай да Костя! Если бы не он...

Резко задребезжал дверной звонок. Надя вздрогнула и замерла.

— Кто там? — спросил Олег, стараясь, чтобы его голос звучал громко и спокойно.

— Контрольная служба коммунального хозяйства, — послышалось из-за двери. — Откройте, будьте любезны.

— Не бойся, у нас все в порядке, — шепнул Олег жене и пошел отворять.

Несмотря на то что вошедших было всего двое, в прихожей сразу стало очень тесно. Первый гость оказался высоким худощавым человеком, одетым в кос-

тюм с галстуком. В руках он держал рабочее удостоверение и незнакомый электрический прибор. Второй едва доставал первому до плеча, но был ровно в два раза шире, так что в дверь ему пришлось протискиваться боком. Синяя спецовка и пояс, увешанный инструментами, рулонами изоленты и обрезками проводов, не оставляли сомнений в его профессии.

— Инспектор коммунальной службы Штроман, — представился первый. — А это мой коллега Вассерман. Обнаружена утечка энергии необычайно большого объема. Следы ведут в вашу квартиру. Разрешите?

Не дожидаясь ответа, оба безошибочно направились в сторону кухни. Инспектор Штроман распахнул дверь и отпрянул от вырвавшихся наружу клубов горячего пара.

— Боже правый! — воскликнул он. — Чем вы тут занимаетесь?

— С... стираем, — ответил Олег.

— Вот этой машиной? — уточнил Штроман и повел перед ней приборчиком. — О, пожалуйста! Нашлась утечка!

Коллега Вассерман лишь свирепо засопел в ответ.

— Послушайте, — обратился инспектор к супругам, — вы должны немедленно выключить свой странный аппарат.

— Э-э-э, — только и смог вымолвить Олег. Он лишь сейчас сообразил, что даже не вставил штепсель в розетку. — К сожалению, это невозможно... Минут через десять...

— Вы с ума сошли, — возмутился Штроман. — Ваша машина потребляет такое количество энергии, что хватило бы на всю улицу! Или вам, кроме счета за электричество, еще хочется заплатить штраф? Коллега Вассерман!

Толстяк наклонился и одним движением выдернул машину из-под столешницы. Та взвыла. Штроман с удивлением повертел в руках неприсоединенный штепсель. Затем заглянул в электронное нутро агрегата.

— Вот так машина, — рассеянно произнес он, натягивая резиновые перчатки. — Прямо путаница из проводов. Ну-ка...

— Нет! — вышел из оцепенения Олег. — Подождите! Она должна закончить стирку. Не трогайте ничего!

Он рванулся к инспектору, но толстый Вассерман, оказавшийся неожиданно проворным, заступил ему дорогу, а Штроман поднял длинным пальцем ярко-желтый провод и резко дернул.

Бац! Из машины вылетел сноп искр и полыхнуло оранжевое пламя. Инспекторы отскочили, а механизм затрясся, словно собирался взлететь. Барабан лязгал, стучал и бешено вертелся, зеленая лампочка сияла, как глаз инопланетного чудовища. Откуда-то повалил едкий дым, но потом защелкало реле, и машина стала постепенно успокаиваться. Барабан вращался все медленнее, гул затихал. Наконец автомат в последний раз хлюпнул насосом и остановился. Провода перестали дымить, и сама собой распахнулась дверца. Внутри было пусто.

А затем на панели тихо умер зеленый огонек.

* * *

Супруги сидели в гостиной на новом роскошном диване и пили чай, пыхтя и отдуваясь. Время от времени один из них запускал руку в вазу, наполненную мини-эклерами, брал оттуда пирожное и отправлял его в рот, наслаждаясь прохладным заварным кремом.

— В общем-то все кончилось хорошо, — произнес Олег, жуя очередное произведение кондитерского искусства. — За электричество заплатили, инспектора уболтали, хоть и не даром... Но я счастлив, что все позади. Работать паромщиком на космической реке — нет уж! Так можно и без головы остаться... Не-ет, хватит с нас потусторонних договоров!

— Машину жалко, — посетовала Надя. — Она была такая... Необычная...

— Еще бы, — авторитетно подтвердил муж. — Я точно знаю, ни у кого раньше не случалось ничего подобного.

— Зато прибарахлились маленько, — хихикнула Надя. — У нас теперь есть классный диван! И новый компьютер с телевизором!

— Плюс посудомоечный агрегат, — подхватил Олег, поднося к глазам чайную чашку. — Да еще, оказывается, и новая посуда. Слушай, просто загляденье! Тонкий фарфор, позолота... Где ты достала такое чудо?

Надя отставила свой прибор и посмотрела на мужа.

— Я думала, это ты купил, — сказала она. — Вместе с блюдцем и серебряной ложкой. Снова сюрприз?

— Чепуха, — нахмурился Олег. — Не видел их раньше. Откуда у нас эти три предмета?

— Я их из новой посудомоечной машины достала, вместе со всем прочим, когда устраивала первую мойку, — убито произнесла Надя. — Думала, твое...

Олег хихикнул. Потом осторожно поставил на стол чашку с блюдцем, положил рядом серебряную ложку и грозно посмотрел на них.

— Граждане пассажиры! — сказал он кондукторским голосом. — Не забываем оплачивать проезд!

Оба сидели в напряженном ожидании. Прошло секунд десять.

— Ф-ф-фух! — облегченно выдохнул Олег, вытирая со лба пот. — А я-то уж решил, что...

— Динь! Динь! Динь! — послышался троекратный звон, какой бывает, если бросать маленькие камушки в бокал. Звук донесся из серванта, где стояла старинная посуда — Надино приданое.

Супруги сидели неподвижно, молча смотря друг на друга. В чашках остывал чай, а в вазе таяли забытые эклеры.

БЕНЗИН

— Недолго ты удержишь ее, Человек из Джунглей, или тот, кто отнимет ее у тебя. Ради нее будут убивать, убивать и убивать!

Р. Киплинг «Маугли»

Этот субботний вечер начался с того, что Семен Егорыч Атутин попал в «пробку» на Новобалаковской. Событие само по себе досадное, а для Семена Егорыча досадное втройне. Дело в том, что Атутин был «штопором» самой высшей квалификации, мастер «экстра-класс», «восемь глаз на затылке». Для него угодить в дорожную пробку все равно что для гроссмейстера получить мат в четыре хода.

— Ну, и куда ты глядела, бестолочь африканская? — спросил Семен Егорыч, отщелкивая застежки на затылке.

— Я не виновата, масса Сэм, — заныла Чунга-Чанга.

— А кто виноват? — спросил Семен Егорыч.

Он наконец стянул с лица массивные водительские очки «Car Man Careless» и огляделся своими глазами. Нос его «Порше» упирался в необъятную корму «Фольксвагена Макси», слева урчал сиреневый «Крайслер», справа притулилась «Тойота Колибри», а сзади подпирал ярко-красный «Самурай». Двумя рядами левее поток машин полз вперед со скоростью больной черепахи. По полированным бортам текли ручейки разноцветных бликов.

— М-да, — задумчиво протянул Семен Егорыч, — тридцать плетей по мягкому месту, и сто раз прочтешь

«Отче наш», — и добавил, подняв указательный палец: — На суахили.

Чунга-Чанга забубнила нечто напевное.

— Можно про себя, — разрешил Семен Егорыч.

— Готово! — почти сразу отозвалась Чунга-Чанга.

— Неужели сто раз? — усомнился Семен Егорыч.

— Сто раз.

— На суахили?

— На суахили!

— Молодец, — похвалил Атутин. — Тридцать плетей отменяются.

— Белый хозяин очень добрый, — тихонько вздохнула Чунга-Чанга.

Это была их обычная игра. Похоже, она нравилась им обоим, по крайней мере Семен Егорыч думал именно так. Чунга-Чангой он называл встроенный бортовой компьютер «Чаньчунь навигэйшен» китайского производства. «Порше-кабриолет», принадлежавший Атутину, тоже был «мэйд ин Чайна». Может быть, не слишком патриотично, но зато недорого и неброско. Машина Семена Егорыча устраивала: маневренная, надежная, компактная. Откидной верх к тому же удовлетворял негласным корпоративным требованиям работодателя. Семен Егорыч уже пятый год вел курс «маневрирования и уклонения от дорожных заторов» в частном автолицее «Кабриолет». Обучал молодых идиотов, пожилых идиотов и идиотов в самом расцвете лет хитрым штопорским премудростям.

«Да, — мрачно подумал Семен Егорыч. — Видели бы меня сейчас ученики. Полный тупец».

— Чем желаете развлечься, масса Сэм? — тарахтела между тем Чунга-Чанга. — Могу поставить музыку. Есть новые калейдоскопы. Может быть, подключить порноканал?

— Порноканал засунь сама знаешь куда, — скривился Семен Егорыч. — Порнуха — развлечение для даунов.

Это тоже было частью игры. Чунга-Чанга прекрасно знала, что Атутин не любил и не смотрел порно (разве когда в юности или за компанию). Семен Егорыч предпочитал раз, иногда два раза в месяц посещать клуб «Коитус». Раз в месяц это не так уж плохо в его возрасте, причем, заметьте, безо всякой химии (ну или почти безо всякой).

— Можно включить «Звуки ветра», — предлагала Чунга-Чанга. — Или...

— Открой-ка лучше верх да помолчи, черномазая, — оборвал ее Атутин.

Компьютер умолк, и крыша кабриолета начала раздвигаться.

— Если «максик» двинется, ползи за ним помаленьку. Если появится просвет, разбуди меня, вдруг я вздремну, — проинструктировал Семен Егорыч и откинул спинку сиденья на «сорок пять».

Небо над городом уже не было сумеречно-фиолетовым; уже разворачивались в его бездонной черноте, сияя дрожащим светом, первые рекламные паруса. «Чертовски обидно терять субботний вечер, стоя в треклятой пробке, — думал Семен Егорыч, удобно устроившись в упругом кресле, — тем более когда выходной всего один. Полный уик-энд — это большое благо. Но пенсионеру выбирать не приходится, или работай, как скажут, или мерзни на госпособии». В башнях по обеим сторонам шоссе зажигались теплые окна. Там незнакомые Семену Егорычу люди разогревали на ультрачастотках пиццу и голубцы в брикетах, давили педали тренажеров, смотрели новости или тянули соевое пиво, развалившись на диване. Над крышами высоток показался двухместный «Одуванчик». Он снизился, повисел над дорогой, ощупывая застывшее автомобильное стадо прожектором, затем деловито застрекотал вдоль шоссе к устью затора. Семен Егорыч со смесью тоски и зависти проводил вертолет взглядом. Жизнь — поганая штука, одни наверху, другие внизу.

С двадцати двух лет от роду Атутин Семен Егорыч работал в органах ББДД. Сначала рядовым наблюдателем, дорожным инспектором, потом его пригласили в отдел «Выявления и нейтрализации автопреступлений». Во ВНАПе Семен Егорыч вырос от простого полевого агента до оперативного инспектора с кодом допуска 02. Его даже рекомендовали на начальника группы. Да вот недорекомендовали. Сорок лет — предел для оперативника. Атутина продержали на три года дольше: здоровье у него было отменное и реакция в допустимых рамках. А потом все. Прости-прощай. Семен Егорыч пытался зацепиться в аналитической группе ВНАПа. Куда там! Генералов у него в родственниках не имелось, а место считалось запитанным, и желающих туда «упасть» было хоть отбавляй. Пришлось Семену Егорычу от «безопасников» вернуться к «бесперебойникам» в отдел «Прогнозирования заторов». Пробивания запоров, как шутили остроумные коллеги. В ОПЗ Семен Егорыч прослужил десять лет, приобрел неплохой опыт и в пятьдесят три был отправлен на пенсию в звании драйв-майора. Люди болтают, будто на отставных сотрудников ББДД с неба шоколад льется. Ерунда! Может быть, у мэтров и льется, а на пенсию майора не развернешься. Атутин поработал в охранном агентстве, потом в фирме по розыску краденых авто, а потом его порекомендовали в лицей «Кабриолет». Там Семен Егорыч и осел. Работа ему нравилась, хозяева его ценили, жалованье, правда, было невысоким, но зато к своему скудному пенсионному лимиту он получал дополнительные карточки, а это весомое подспорье в жизни отставника.

Семен Егорыч еще раз вздохнул, глядя вслед удаляющемуся геликоптеру. Когда он был инспектором, его не парили дорожные пробки. Отправляясь по служебной надобности, он садился за штурвал «Одуванчика». На крыше конторы имелась обширная посадочная площадка. Если требовалась опергруппа больше двух человек, они заказывали большой «Кондор»,

и баки его были по самое не могу заполнены первосортным керосином. Иногда удавалось использовать вертолет в личных целях. Они с напарником (царство ему небесное) здорово друг друга прикрывали. Над шоссе прошел тяжелый трехмоторный мусорщик «Кашалот». Ветер от его винтов даже волосы на голове взъерошил. «Ага, явился, голубчик, — подумал Семен Егорыч. — Остается только чуть-чуть подождать».

Вслед за первым «Кашалотом» пролетел второй, и ждать пришлось не чуть-чуть, а целых сорок минут. В результате Семен Егорыч добрался до Второй Северской Башни только без четверти девять. Досадуя на злодейку-судьбу, он миновал автозаправку «Ренат и сыновья», украшенную огромным светящимся предупреждением: «Бензин только за деньги!» — проехал под знакомым парусом голорекламы и направил машину к восьмому проезду. Под высоким сводом сияли фонари, помаргивали огоньки сигнализации, камеры наружного наблюдения, поворачиваясь, негромко жужжали: «Ты ужжже дома, добро пожжжаловать». Было свежо, даже немного зябко. Семен Егорыч остановил «Порше» между стойками контролера, перекрестился на электронный иконостас над воротами и только потом заметил нищего в инвалидной коляске. Попрошайка отделился от стены и ехал к машине, протягивая перед собой большую пластиковую кружку с надписью «Христа ради». Это вовсе не камеры жужжали, это назойливо жужжал электромоторчик его коляски. Лицо нищего, грязноватое и оплывшее, украшенное сухой колючкой недельной щетины, было натужно сведено в печальную гримаску, губы беспрестанно повторяли:

— Подайте, Христа ради. Не дайте помереть инвалиду Семинедельной кампании. Подайте ветерану нефтяной войны. Подайте, Христа ради!

Семен Егорыч прижал ладонь к пластине дактилоскопа и произнес внятно и раздельно: «Я, Атутин Семен Егорович, блок восемь, квартира шестьсот пятьде-

сят два». Попрошайка был уже рядом, а ворота, как назло, всё не открывались. Семёну Егорычу казалось, что он уже ощущает запах нечистот, исходивший от коляски. Атутин ещё раз прижал руку к пластине и назвал своё имя. Нищий уже совал кружку чуть ли не в открытое окно. На панели загорелась надпись: «Извините, идёт обработка данных». Ворота не открывались. «Что же за день сегодня такой?! — мысленно простонал Атутин. — Какого хрена охрана не выгонит этого мухомора из проезда?! Чёрт, наверное, у хрыча лицензия. Таскается по башням, урод. И окно закрывать теперь поздно, недостойно как-то».

— Помогите инвалиду, — продолжал ныть оборванец.

Казалось, вслед за кружкой в машину вот-вот влезет его испитое рыло.

— А ну назад, мухомор! — рявкнул Семен Егорыч. — Назад на пять шагов. Сейчас вызову охрану, они тобой живо асфальт подотрут!

— Что, мелочи пожалел, жмот? — спросил безногий полуобиженно-полуагрессивно, но назад все-таки отъехал. — Я кровь проливал, а ему, понимаешь, пары «мятых» жалко.

— Да, жалко! Тебе, мухомор вонючий, даже воды из унитаза не дам! — вконец разозлился Атутин. — Герои! Ветераны! Коммандос! Просрали все на свете! Где они, скважины?! В Тюмени остались?! А тебе лучше бы башку вместо ног оторвало!

Некоторое время нищий изумленно хлопал глазами, потом лицо его налилось ненавистью, и он, выпятив грудь, двинулся на «Порше».

— Я!!! — орал инвалид, брызгая слюной. — Я кровь!.. На китайской мине!.. Сами же Тюмень продали, а я отбивай!!! А ты, говнюк, пока я ноги по мерзлоте собирал, — он тыкал себя в грудь пальцем и тряс гачами завязанных выше колен грязных джинсов, — небось под столом прятался?!!

В это время наконец разъехались створки ворот, «Порше» взял с места в карьер, едва не опрокинув коляску.

— Сука! — крикнул вслед попрошайка.

Семен Егорыч сбавил скорость до минимума, оглянулся на закрывающиеся ворота и возбужденно засмеялся. Сердце стучало как встарь, не от аритмии стучало, от возбуждения. Адреналин, мать твою! Уже спускаясь на десятый ярус подземного гаража, Семен Егорыч пробормотал: «Под столом прятался... Мне тогда всего одиннадцать было, но под стол уже не лазил».

Припарковав автомобиль на обычном месте и подняв стекла салона, Семен Егорыч спросил у Чунги-Чанги:

— Слышала последний разговор?

— Слышала, масса Сэм.

— Сотри и забудь, — приказал Атутин.

— Слушаюсь, хозяин.

Семен Егорыч включил охранные контуры и направился к лифту. В пустом помещении его шаги отдавались гулким эхом. Впрочем, не в пустом. Семен Егорыч прислушался. К лифту двигался кто-то еще, пристукивал каблуками, напевая себе под нос, видать, от хорошего настроения. «Немедленно в душ», — подумал Семен Егорыч, нажимая вызов. Лифта ждать не пришлось, двери раскрылись почти сразу. Хоть в этом везет.

— Дядя Сема, меня подождите! — раздалось позади.

Атутин придержал дверь пальцем, и в лифт ловко ввернулся его сосед по этажу Гера Самойлов.

— Как дела, дядя Сема? — жизнерадостно спросил Гера, ответив на крепкое мужское рукопожатие.

— Порядок, — ответил Семен Егорыч.

— Про здоровье даже не спрашиваю, — вид у Геры был какой-то лукавый.

— Что, так плохо? — поинтересовался Семен Егорыч.

— Как раз наоборот, очень даже небедно!

— Небедно — победно, — пробормотал Атутин. — А у тебя как дела, Гера?

— В целом упор нормальный, хотя... — Гера замялся, — мог бы быть и повертикальней.

Бывший оперативный инспектор неплохо разбирался в движениях и интонациях. Парень явно хотел чего-то попросить, но мялся.

— Да ты не мерзни, сосед, — сказал Семен Егорыч. — Спрашивай. Может, я чего присоветую?

— Да так, ерунда, Семен Егорович, фульгент, — сказал Гера, улыбаясь от уха до уха. — Мы тут с амигами столковались на вояж, хотим погонять ночью на дискоциклах, потом упадем в «Лесото», подруги, ну и все такое. А я, как назло, уже все карточки сжег, и денег на частную заправку не хватит. У амигов одалживаться несолидно, вот увидел вас, думаю, может дядя Сема выручит.

Покачав головой, Семен Егорыч вынул бумажник. В среднем отделении лежали две карточки по тридцать литров. Атутин вынул одну и протянул спутнику по лифту.

— О-ля-ля! — обрадовался Гера, бережно принимая блестящий твердый квадратик с логотипом. — Вот это вертикально, дядя Сема, я ваш должник.

— Вернешь когда? — строго спросил Семен Егорыч. — Мне тоже на чем-то ездить надо.

— В среду верну, предел — в четверг! — Гера клятвенно приложил руки к груди. — Вы ж меня знаете.

Лифт остановился на тридцать пятом. Желудок, екнув, подскочил к гортани. Разошлись в стороны прозрачные створки, Гера, крикнув на бегу: «Пасиб!» — исчез в лабиринте коридоров. Семен Егорыч отправился к себе в шестьсот пятьдесят вторую. Он был еще слегка на взводе, но постепенно успокаивался. «Что-то я совсем страх потерял, — думал Семен Егорыч, шагая по знакомому с детства маршруту. — Хорошо, что в кошельке оставалось всего две карточки.

Будь их там штук шесть, это было бы по меньшей мере странно. В конце месяца в бумажнике отставника шесть карточек на бензин. Впрочем, Гера, даже увидев полсотни карточек, ничего не поймет. Он глуп. Это же надо придумать — одалживаться у пенсионера! Или я говорил ему про дополнительный паек из «Кабриолета»? И все-таки Гера обычный лопух. Таких девяносто девять на сто. Занимается какими-то технологиями утилизации каких-то пакетов. Когда не утилизирует пакеты, гоняет на дискоцикле, курит грасс, пьет текилу в барах или глотает «экстази» на какомнибудь дансплясе, а накурившись, нагонявшись и наглотавшись, занимается групповой любовью. Я знаю про него почти все. Или не все? Ведь ночные забавы на дискоцикле тянут изрядный расход горючего. Значит, есть нелегальный приход этого самого горючего, контрабандочка. Надо бы об этом поразмыслить на досуге».

Одна из дверей открылась, и в коридоре появился Валентин Петрович Дрозд. Семен Егорыч хотел свернуть в боковой коридор, но было поздно, Дрозд вяло помахал ему рукой и потопал навстречу, шаркая по грязезащитному покрытию. Они встретились возле двери в двести пятнадцатый.

— Здорово, Семен, — пропыхтел Дрозд.

На нем была мятая пижамная куртка, домашние брюки и шлепанцы без задников.

— Здорово, Валя, — ответил Семен Егорыч. — Как жизнь, старпер?

— Какая там жизнь, — уныло отмахнулся Дрозд. — Китайцы уже за Уралом. Погоди, еще лет пятьдесят, они нас и отсюда попрут.

— Я не могу столько ждать, помру, чего доброго, — попытался шутить Семен Егорыч. — А ты точно пятьдесят не протянешь. Вон какие бурдюки под глазами.

Дрозд обреченно потряс вислыми щеками, он уже смирился со всем, кроме «китаез». Они поговорили

минут пять, но все темы упорно скатывались на «косоглазых» и «желтозадых». Наконец не любившему подобных разговоров Семену Егорычу сделалось совсем скучно, он сказал, что еще не ел, и вознамерился пройти дальше, но Дрозд поймал его за рукав куртки.

— Слушай, Атутин, — развязно проговорил он, заглядывая в глаза. — Я тут в аптеку пошел. Одолжи полтинник. Ты же знаешь, у меня астма.

— Да вы что, сговорились все?! — воскликнул Семен Егорыч, пытаясь освободиться из неожиданно цепких пальцев.

— Кто это все? — спросил Дрозд, отпуская рукав.

— Какая разница кто! Ты мне с Нового года четыре сотни висишь.

— Ну, буду четыре с халфом висеть, — угрюмо отозвался Дрозд. — У меня астма.

— Знаю я твою астму, — пробормотал Семен Егорыч, второй раз за вечер вынимая бумажник. — Смотри, Валя, ты релаксином доиграешься. На него не хуже, чем на морфий, садятся. Ты в зеркало погляди. Ты же меня на два года моложе.

Дрозд вытянул у него из пальцев купюру и побрел к лифту. Конечно же, он поедет на десятый этаж в аптеку-незакрывашку, возьмет релаксин, закинет дома пару таблеток и уплывет по карамельной реке с кисельными берегами. Семен Егорыч глядел в удаляющуюся пижамную спину, на душе у него закипало раздражение. После смерти жены Дрозд сильно сдал, а продав машину и сделавшись «лишенцем», вообще покатился в кювет. Начал принимать «Параллакс», потом релаксин. «Да и хрен с тобой! — почти зло подумал Атутин. — Каждый сам за себя, один бог за всех».

Квартира Семена Егорыча располагалась довольно далеко от лифта номер пять. По дороге он опять пришел в приподнятое настроение. Навстречу время от времени попадались соседи по этажу. Многие с ним здоровались. Вторая Северская Башня была одной из

самых старых в районе. Среди жильцов попадались правнуки первых новоселов. Время от времени кто-то из «старых» жильцов съезжал, на их месте появлялись новички, вроде бойкого на язык Геры. Семен Егорыч старался быть в курсе и знал большую часть соседей по этажу, даже молодежь. Здесь вообще царила особая аура, не то что в новостроях.

Маленькое путешествие наконец завершилось, Семен Егорыч открыл дверь своей квартиры и с наслаждением потянул носом уютные домашние запахи. Не позволив себе расслабиться, Семен Егорыч сразу отправился в душ. Выбрался он из-под горячих струй бодрый, посвежевший, готовый со вкусом употребить остатки субботнего вечера. Стоя босиком на теплой керамической плитке, Семен Егорыч оглядел себя в зеркале. Сухощав, подтянут, даже жилист, почти без расслабленной старческой рыхлости, нос орлиный, подбородок волевой. От морщин на щеках никуда не деться. В сентябре позапрошлого года Семен Егорыч делал небольшую подтяжку, но, видно, придется повторить. Зато никакой лысины, волосы свои, не пересаженные, не синтеноловые. Зубы — увы, не свои (а у кого они свои?), — держатся крепко, и ладно. «Я еще мужчина хоть куда, — подумал Семен Егорыч. — И почему этот безногий хмырь решил, будто я ему ровесник? Верно, совсем спятил от водки».

Через четверть часа Семен Егорыч, облаченный в мягкие домашние брюки, темную сорочку со стоячим воротничком и стеганый халат, очень похожий на настоящий шелковый, нарезал ароматными кружками настоящий лимон. По головизору показывал новости официальный госканал. Полутораметровый куб, наполненный легчайшим дымом, висел посреди комнаты, источая во все стороны звук и свет. Внутри куба суетились три рафинированные личности в сетчатых пиджаках. Они взахлеб читали о событиях в мире, перехватывая друг у друга цветные листочки и время от времени совершая серии нелепых телодвижений. У дво-

их явственно посверкивали лысины. Теперь так модно. Естественность в фаворе.

Семен Егорыч убрал звук и пошел к настенному бару. Там из потайного отделения он достал пузатую бутылку со звездами на горлышке и стеклянный стаканчик. Поставил бутылку на низкий столик возле разовой тарелки с лимоном. Отступив на шаг, полюбовался. В холодильнике лежало говяжье филе, разделанное на пластики. Его можно было отбить и обжарить с солью и перцем. Семен Егорыч взглянул на часы и отказался от этой идеи. Вместо мяса Атутин нарезал немного пармезана, затем подвинул столик к креслу, налил полную стопку коньяка и уселся, блаженно вытянув ноги. Гурманя и растягивая удовольствие, он долго разглядывал напиток на свет, нюхал его, покачивал из стороны в сторону. Затем отхлебнул глоток, покатал во рту, тихо мыча от удовольствия, наконец проглотил и откинулся на мягкую спинку. Семен Егорыч обожал коньяк. Что ни говори, а так жить стоит! Неделя выдалась непростая, и масса Сэм заслужил пару рюмочек. В четверг он продал Носорогу четыре карточки и взял за каждую по штуке. Сукин сын, конечно, был страшно недоволен, пытался торговаться и даже прозрачно угрожать, но денежки таки выложил. С Носорогом иметь дело проще, чем, скажем, со Стасом. Надо и впредь не опускать марку, но быть начеку, дилеры не любят расплачиваться из собственных карманов. И Семен Егорыч сделал еще глоток за здоровье Носорога. Коньяк был выше всяких похвал, и сыр неплох.

Как и большинство рядовых сограждан, Атутин отоваривался в обычных маркетах средней руки. Соевая свинина, пли-и-и-з, ананасы со вкусом, идентичным натуральному, сублимированное пюре из модифицированной картошки и прочий конденсат. Большинство из этих продуктов исчезало в утилизаторе, потому как не перевелись еще в мире божьем магазины для VIP-ов. В середине каждого месяца отставной

майор отправлялся в одну из таких точек. Нет, он не бродил между полок, выбирая балычок понежнее. Он вызывал кассбоя из обслуги, давал ему подробный список и через полчаса сгружал все искомое в багажник «Порше». И ни одна камера внутреннего наблюдения ни разу не зафиксировала атутинского лица в заведении, которое майору на пенсии не по карману! Кассбой получал хорошие чаевые, а Семен Егорыч получал упаковки точь-в-точь такие же, как в простом маркете, но содержащие натуральную картошку с натуральной свининой, и, конечно же, бутылку коньяка в придачу. Все оставались довольны.

Семен Егорыч доел сыр, допил вторую стопку, немного поколебавшись, налил третью и включил газету. Потягивая коньяк, он пробегал глазами последние сообщения. Цунами в Индонезии, засуха в Бразилии, новая постановка «Кошек» на Бродвее, теракт в Дели, теракт в Сиднее, китайцы никак не могут снять своего последнего космонавта с орбиты, их стыдят ООН и Красный Крест, а они прикидываются дурачками, британская королева беременна, причем неизвестно от кого (вот соплячка!), убит Болеслав Ижич... Стоп! Семен Егорыч открыл раздел и начал читать подробно: «Вчера, в четыре часа утра, сотрудниками органов безопасности была обнаружена подпольная лаборатория по изготовлению нелегальных синтнаркотиков. В помещении лаборатории оказались: гражданин Болеслав Ижич, спонсировавший производство, два его телохранителя и химик-лаборант. На предложение сдаться вышеперечисленные ответили отказом и открыли по спецгруппе огонь из автоматического оружия. В результате боевого контакта Ижич и его телохранители убиты, лаборант получил тяжелое ранение в область грудной клетки и скончался по дороге в клинику». Семен Егорыч прочитал два раза. Ничего себе наворот! Ижич убит! Конечно же, наркотики здесь ни при чем. Никто из-за этого стрельбы не устраивает. После национализации наркоторговли героиновые

войны практически прекратились, с государством не повоюешь. Но Болеслав Ижич никогда не занимался наркотиками. Болеслав Ижич занимался делами куда более серьезными. Больше тридцати лет назад контора, в коей работал Атутин, заинтересовалась Ижичем как «самогонщиком»-одиночкой. Взять его тогда не удалось. Контора пустила пузыри. Парень оказался словно мылом намазан. Он был изворотлив до невероятности, имел блестящее образование в области химии и математики. Его пытались взять на колбах раз десять, и каждый раз он уходил буквально из-под носа. К тому времени Болеслав, проходивший в документах следствия как Нострадамус, уже сменил весовую категорию. Он больше не был просто головастым луноходом, «самогонщиком»-любителем. Теперь за ним кто-то стоял, и стоял крепко. Несколько раз брали прекрасно оборудованные и хорошо законспирированные лаборатории. Приборы и помещения стоили больших денег. Все в конторе понимали, что дело Ижича затрагивает интересы очень важных людей, но сделать ничего не могли. Потом Ижич вдруг исчез. Была информация, что Нострадамус перебрался в Европу. Ходили слухи, что его радарили на Ближнем Востоке. А Ижич, вот те и раз, здесь всплыл, правда, кверху брюхом всплыл, бедолага. Семен Егорыч закрыл газету, поерзал в кресле, отгоняя неприятные мыслишки, безо всякого удовольствия допил коньяк, поднялся и пошел в ванную.

Большой палец, потом средний, потом указательный и мизинец разом. Панель из четырех плиток отошла в сторону. В нише стоял он — Прибор. Уже долгое время Семен Егорыч Атутин не мог думать о нем иначе как с большой буквы, хотя сам Прибор большим не был. Он свободно помещался в обычном кейсе. Плоский, продолговатый, ничем не примечательный ящик, посередине дырка в кулак величиной, передняя стенка из помутневшего, местами исцарапанного акрилата. Три загрузочные камеры сверху, ниже по-

ристая масса четырёх цветов, ещё ниже путаница из проводов и трубок, местами видна не очень аккуратная спайка. В отверстии аптечный пузырёк, зажатый в пластмассовую струбцинку. В самом низу подобие радиатора из серебристых пластинок. Аккумуляторные батарейки примотаны прямо к корпусу прозрачным скотчем. Бережно и благоговейно Семён Егорыч проверил расходные элементы в загрузочных камерах и пузырёк в струбцине, закрыл дверцу в стене, активировал замок и присел на крышку унитаза. Там, за четырьмя керамическими плитками, вываривались в плоском чёрном нутре неведомые химические реакции, там стоял если не «табурет», то пожизненный срок для господина Атутина, одиночная камера в психушке. А скорее всего всё-таки «табурет». Но не было на свете силы, способной заставить Семёна Егорыча отказаться от Прибора.

Поначалу он ничего не понял, только позвоночником почувствовал, что плоский ящик может как-то сгодиться. Атутину тогда исполнилось тридцать пять. И не был он еще ни дядей Семой, ни Семеном Егорычем, а звали его тогда просто Семой, Самуэлем или Семафором. Они с Колькой Швейнецем по кличке Кеша вели четыре дела сразу. Одно из них было самым глупым и бесперспективным. И называлось оно забавно: «Сомнамбул». Пациентом был пятидесятитрехлетний инженер-ядерщик по фамилии Ташевский. Его имя и отчество Атутин-Семафор со временем выбросил из памяти за ненадобностью. Этот Ташевский ничего особенного собой не представлял. Самый обыкновенный луноход, начитанный умник-растяпа. Остается только удивляться, как аналитический отдел смог его зацепить. Он даже носил настоящие очки из каких-то специфических особенностей зрения, а между прочим, про очкариков Семен слышал только от родителей. Видно, имелись в жизни лунохода темные уголки, и вот Ташевский начал фигурировать в деле «Сомнамбул» как вероятный «самогонщик»-одиночка. Над Ату-

тиным и Швейнецем потешалось все управление. Оказалось, что злостный «самогонщик», луноход-недоумок, не имеет и никогда не имел водительских прав. Случай редчайший, придающий всему делу оттенок комедийного фарса.

Напарники попытались избавиться от смехотворного задания. Но начальство прикрикнуло, и пришлось заниматься. Через три недели появились кое-какие результаты. Ташевский и правда по выходным исчезал из поля зрения наблюдателей часов на пять, на шесть. Это еще не было преступлением. Может быть, у мужчины роман с чужой дамой? А еще через неделю Колька заявился сияющий, словно начищенный ботинок, и сказал, что засек «гнездо». «Ташевский сейчас там, — говорил Колька, заваливаясь в казенное кресло и задирая ноги на казенный стол. — Одевайся, брат Семафор, самое время нанести пациенту визит». Атутин облачился в бронежилетку, накинул куртку и через полчаса вел вертолет к юго-западной окраине. Колька показывал, куда лететь, успевая при этом пошло шутить про половые различия луноходов и луноходих. Дом оказался совсем старой шестиэтажкой. Сесть на крышу им не удалось. Пришлось посадить «Одуванчик» в квартале от объекта и добираться пешком. Они вошли в подъезд.

— Первый этаж, — шепотом сказал Колька Швейнец и указал на дверь. — Здесь.

— Соседи? — тихо спросил Семен.

Колька помотал головой:

— Съехали. Я так понимаю, «гнездо» он арендует на время, пока дом не снесли.

— Ну, с богом, — прошептал Семен и вставил в замок электронную отмычку. Колька взвел свою пушку.

Отмычка пожужжала, приспосабливаясь, и бесшумно провернулась четыре раза. Семен тоже взвел затвор пистолета и легонько надавил на дверь. Ничего. Атутин нажал сильнее. Дверь не поддавалась. С минуту напарники удивленно глядели друг на друга.

— Там щеколда, — наконец догадался Семен и даже хлопнул себя кончиками пальцев по лбу.

— Такая? — Колька поводил рукой, показывая.

Семен кивнул.

— Ничего, откроем, — пробормотал Колька, вынимая из кармана куртки тюбик со штурмовым пластидом.

Они обмазали притвор двери желтоватой массой, прикрепили взрыватели и прижались к стене по обе стороны от входа.

— Три, четыре, — сказал Семен. Глухо бумкнуло, и Колька Швейнец высадил дверь плечом.

Семен ворвался в квартиру следом. Уже на бегу он понял, что они попали не в комнату, а в длинную обшарпанную прихожую. Кольке и Семафору хватило трех секунд, чтобы сориентироваться и добежать до конца коридора. Они ворвались в большую комнату, захламленную кусками упаковочного материала. И все же темп был уже потерян. Высокий, сухощавый мужчина вскочил из-за стола, на котором стояла раскрытая ПК-станция.

— Сидеть!!! — заорал Колька.

Но пациент и не думал сидеть. Он сделал быстрое движение, словно выдернул из компьютера короткий шнурок, и Семена ослепила ярчайшая вспышка. Сразу за вспышкой грохнул выстрел. Еще ничего не видя, ориентируясь на слух и на память, Атутин прыгнул через стол и дважды ударил, стараясь попасть в нервные центры. Хвала господу, он попал по крайней мере один раз. Пациент покатился по полу и затих. Семен поднялся с коленок. Перед глазами расплывались багровые пятна, роговицу сильно жгло, но Семафор хорошо знал: тереть глаза не следует. Почти вслепую он нашел клиента, ощупал его. Вроде живой. Постепенно начали проступать очертания предметов.

— Колян, — позвал Атутин, — ты на ходу?

Колька не отзывался. «Что за конденсат? — подумал Семен. — Может, его контузило? Такое случает-

ся». Сегодняшний день нравился Семафору всё меньше и меньше. Он заторопился, перевернул слабо застонавшего пациента на живот, зафиксировал его запястья липучками и только потом подошёл к сидевшему возле стены напарнику. Его поза Семёну совсем не понравилась. Атутин всё-таки протёр глаза и присел на корточки. Колька Швейнец был безнадёжно и необратимо мёртв. В самой середине высокого Колиного лба чернела небольшая дырочка, из неё кривым ручейком сочилась кровь. На всякий случай Семён приложил пальцы пониже Колиного уха и тихо выругался. Какая нелепость, череда нелепостей. Они надели бронежилетки и не позаботились о защитных линзах. На старый фокус с блицем они попались, как малые дети. Расслабились, и косорукий везунчик с перепугу попал Кольке прямо в лоб. Пациент за спиной зашевелился. Семён поднялся, обошёл стол, подобрал маленький пистолет, явно переделанный в боевой из химического шокера, и перевернул Ташевского на бок. Тот заморгал глазами. Очки слетели с него, когда он падал.

— Что же ты наделал, сука? — спросил Семен, поднимая над головой Ташевского ботинок, и сам же ответил. — Ты человека убил, лишенец.

— Не надо... — попросил лежащий.

Семен убрал ногу, поискал вокруг очки, положил хрупкую, похожую на велосипед оправу перед носом пациента и раздавил ее каблуком. Потом Атутин подкатил единственный в комнате стул поближе и уселся над пациентом, уперев локти в широко расставленные колени.

— Тебе, господин луноход, теперь «табуретка» будет, — как бы между прочим проговорил Семен, разглядывая самодельный пистолет (Ташевский сглотнул), — но до суда ждать долго. Я намерен внести кое-какие кор-рек-тивы. Вот сейчас я вставлю эту мухобойку тебе в ухо и нажму на спуск. В конторе скажу,

что ты убил Николая и сразу застрелился. Что скажешь?

— Не надо... — повторил Ташевский.

— А почему?! Почему, мать твою, не надо?! — заорал Семен, нагибаясь к самому лицу преступника. — Что может мне помешать?

Ташевский вдруг заговорил сбивчиво, горячо и торопливо. Из его слов получалось, что аналитики не ошиблись. Пациент действительно частным порядком занимался разработкой нового энергоресурса и добился «удивительных результатов». Атутин слушал все внимательнее.

— ...Вы не поверите, — захлебывался словами Ташевский. — Я собрал прототип, и он работает, он вырабатывает мегазин... Я проводил лабораторные испытания... Там в колбе есть миллиграммов пять, вы можете проверить его.

— Какой мне резон от этой техномудии? — спросил Семен.

Ташевский заворочал худой жилистой шеей:

— Резон огромный! Вы вливаете тридцать миллилитров мегазина в бензобак, и на стакане обычного бензина можете доехать до Архангельска или... ну, не знаю... до Таллина. Ингредиенты можно купить в любой аптеке, ну еще бытовая химия...

— А тебе какой резон все это мне рассказывать?

— Я отдам вам прототип и объясню, как им пользоваться, а вы меня отпустите...

Семен усмехнулся:

— Ну и как он работает?

— Я не смогу вам объяснить принцип действия, — снова заторопился Ташевский. — Вы не поймете, это ракетные технологии (Семен поморщился), я могу объяснить, как пользоваться.

— И где твой прототип? — поинтересовался Семен.

— Здесь, в тумбе стола, — Ташевский указал на стол подбородком.

Семен вынул из тумбы плоский черный ящик с дырой посередине. В дыре и правда размещалась колба с прозрачной жидкостью на донышке. Атутин поставил ящик перед пациентом, опять сел на стул и сказал нарочито равнодушным тоном:

— Предположим, ты не метешь. Но зачем мне тебя отпускать? Загляну в твою станцию и выясню, что надо.

Ташевский засмеялся:

— Вы не разберетесь, к тому же я взорвал оба винчестера.

— Умник, — ласково сказал Семен. — И что же мы теперь будем делать?

— Вы освободите мне руки, и я уйду, — постепенно успокаиваясь, проговорил Ташевский. — Вы заберете прототип и тоже уйдете. А завтра я переправлю на вашу почту подробные инструкции. Все будет выглядеть вполне безобидно, в крайнем случае как дурацкая шутка.

— Я бы предпочел получить информацию сейчас.

Ташевский замотал головой:

— Тогда нет гарантии, что вы меня отпустите.

— Верно, нету, — согласился Семен.

— Да вы ничего не теряете, — заговорил Ташевский просительно. — Я вас не собираюсь обманывать. На вашей стороне власть. Вы можете объявить меня в розыск, и тогда мне...

— «Табуретка», — подсказал Атутин.

— Да, «табуретка». Вы думаете, я не понимаю, отчего этот сыр-бор? Не знаю, куда деваются такие, как Рейнгольд, почему случаются несчастные случаи с такими, как Баскаков или Веншин? Я прекрасно понимаю, что такое нефтяные акции и сколько они сейчас стоят. И сколько будут стоить потом. Нас, альтернативщиков, давят, как крыс. Вашими руками душат. Законами душат. Зачем мне вас обманывать?

— Обманывать незачем, — опять согласился Семен. — Хотя есть еще один вариант. Сейчас я вкачаю

в тебя кубика три «ацетона». Твой язык станет мягким-мягким. И ты все объяснишь мне сегодня, без всякой почты.

Ташевский заметно побледнел.

— Как видишь, дружок, выхода у тебя нет, — сказал Семен и полез во внутренний карман.

— Не надо уколов, — севшим голосом сказал Ташевский. — Помогите мне встать.

Инструктаж со связанными руками занял минут пятнадцать.

— Все тривиально, — подытожил Семен, он был слегка разочарован.

Ташевский виновато и жалко улыбнулся:

— Да, тривиально... Я вашего товарища... не нарочно... Вы меня простите, если можете.

— Бог простит, — отрезал Атутин — А ну повернитесь спиной.

Ташевский послушно повернулся. Семен снял с него липучки.

— А теперь отойдите на четыре шага назад!

Ташевский так же послушно отошел и стал грустно наблюдать, как Атутин упаковывает прототип в черный пластиковый мешок. Когда Атутин шагнул к двери, он сказал:

— Прощайте и простите.

— И вы прощайте, — сказал Семен и, быстро подняв руку, выстрелил навскидку.

Ташевский упал навзничь. Семен поставил упакованный прибор на стол и подошел взглянуть на труп.

— Надо же, — пробормотал он, — точно в лобешник.

Семен задержался ровно на пять минут, стирая запись с личных диктофонов своего и Колькиного. Потом он ушел к вертолету, неся под мышкой вещь, значения которой еще не оценил и даже не понял.

В конторе поднялся жуткий шум. Оперативники пили за упокой Колькиной души. Аналитики ходили гордые неизвестно чем. Швейнеца посмертно награ-

дили медалью. А Атутина едва не отправили на психореабилитацию. Когда всё утряслось, Семён перепрятал прибор из надёжного места в место сверхнадёжное и забыл о нём аж на восемь лет. Переход с оперативной работы в ОПЗ освежил память. Семён Егорыч вдруг как-то сразу, с пугающей отчётливостью понял, что уже не молод, что ещё пять-шесть лет, и его спишут на обочину. Он так же, как все, будет раз в месяц получать карточки, а потом экономить каждый грамм бензина. Сколько карточек получает пенсионер? А сколько раз может заправиться на свою пенсию за деньги? Раза два в месяц, если питаться одной лапшой в пакетах. Семён Егорыч захандрил. Семён Егорыч начал интересоваться ценами на общественный транспорт и приходить от этих цен во всё большее уныние. Слово «лишенец» снилось Атутину в кошмарных снах. И тогда Семён Егорыч наконец решился. Из сверхнадёжного места он перетащил Прибор в свою квартиру и, следуя инструкциям, извлечённым из старой записной книжки, изготовил первый флакончик мегазина. Эффект оказался невероятным. Оперативник Семафор прекрасно понимал: стоит только засветиться с капелькой чудесного препарата, как товарищи по ВНАПу скушают бывшего сотрудника вместе с костями и прошлогодними заслугами. И Семён Егорыч взялся за разработку общей концепции своего дальнейшего существования. Во-первых, он заказал в четырёх разных местах детали для потайного сейфа. Собственноручно выдолбил нишу в стене ванной комнаты. Затем приступил к обдумыванию того, как регулярно пользоваться Прибором, не попадая при этом в поле зрения конторы и получая из плексигласового «клондайка» хотя бы минимальную выгоду. Решение пришло не сразу, зато оно оказалось простым, гениальным и почти безопасным. Когда его отправят на покой, заберут удостоверение, когда перекроется допуск к служебным заправкам, он начнёт потихоньку производить топливо

сам для себя. Только для себя! Чтоб ни одна живая душа не знала! А вот карточки на бензин можно продавать честным дилерам. Так и пошло, тьфу-тьфу, без всякого конденсата. Отставной майор ездил на том, что вырабатывал Прибор, бензиновые же карточки сбывал на несколько надежных контактов. Дилеры по его намекам считали, что он старается для своих приятелей, полных «лишенцев», которые не отказались от карточек в счет пособия, и все было шито-крыто. У Семена Егорыча водились деньги, он не зарывался, не сибаритствовал, но имел возможность удовлетворить свои маленькие слабости. Подвернулась работа в «Кабриолете», и Семен Егорыч подумал о небольших накоплениях, так, на всякий случай. Он открыл в различных банках несколько анонимных счетов. Чуть-чуть рискованно. Да ему ли бояться риска? Он не Ижич, он не будет гоняться за миллиардами и ловить пули. Ему хватает того, что есть...

...За стеной раздался протяжный удар гонга. «К вам пришли», — прокомментировал домашний компьютер. Семен Егорыч поднялся с унитаза, пригладил волосы и пошел в коротенькую прихожую. Гонг прогудел вторично. Что за черт? Семен Егорыч несколько раз глубоко вздохнул. В последнее время его настораживали неожиданные визиты. Нервишки сдают, что ли? Атутин отодвинул стальную пластинку антикварного глазка. Он не подключался к коридорным камерам и не имел дверного монитора, потому что Петруша не советовал. Он сказал, дескать, световод в квартире снижает гарантию приватной защиты от прослушивания и проглядывания. Атутин доверял Петруше и не доверял световодам. За дверью стояла молодая, хорошенькая, абсолютно незнакомая девушка. Она нерешительно протянула руку к звонку, потом как будто передумала и собралась идти дальше по коридору.

— Вам кого? — спросил Семен Егорыч в последний момент.

— Извините, ради бога, — девушка вернулась к двери. — Можно с вами поговорить? Я ваша новая соседка. Я из шестьсот двенадцатой.

Семен Егорыч еще раз взглянул в глазок, отодвинул щеколду и открыл дверь. Не искаженная линзой глазка девушка оказалась не просто хорошенькой, а очень хорошенькой. Невысокая, ладная, в простеньких светлых джинсах. И улыбка такая. (Семен Егорыч некоторое время не мог подобрать слова)... милая.

— Я знаю, уже поздно... — девушка переступила с ноги на ногу.

— Да вы проходите, — неожиданно для себя пригласил Атутин и отступил в прихожую.

Девушка вошла и с интересом огляделась.

— Как вас, кстати, зовут, соседка?

— Марина, — сказала девушка, разглядывая немой головизор со скачущими внутри яркими фигурками. — Протянутая модель.

— Не жалуюсь, хороший кубик, — сказал Атутин. — Меня можете величать Семеном.

— А по отчеству? — спросила девушка.

— Егорович, но без отчества удобней.

Девушка пожала плечами:

— Можно и без отчества. У вас две комнаты?

— Зал и спальня.

— Небедно, — уважительно сказала девушка. — У меня одна.

— Марина, вы, может быть, выпить хотите? — предложил Семен Егорыч, указывая на столик с початой бутылкой и лимонами. — У меня еще пара яблок есть.

— Да я вообще-то на минутку, — девушка опять переступила с ноги на ногу. — Хотела помыться, а фильтры для душа кончились. Фармарка на этаже закрыта. Вот я и подумала, позвоню к кому-нибудь, или фильтр одолжу, или на каком этаже «незакрывашка» спрошу. А то здесь нигде картинок нет.

— Картинок нет, — согласился Семен Егорыч. — Я дам вам фильтр, — он знал, на каком этаже открыта аптека, но ему было приятно присутствие ночной визитерши.

— Спасибо, — обрадовалась девушка.

— Вы спешите?

— Вообще-то не очень.

— Тогда давайте понемножку. За знакомство, — Семен Егорыч поднял со стола бутылку. — Это коньяк. Вы пробовали коньяк?

— Нет, — Марина приблизила лицо к бутылке. — А это крепко?

— Довольно крепко.

— Я крепкого не пью, — девушка нахмурилась.

— Господи боже мой! — воскликнул Семен Егорыч. — Да разве ж я вас пить зову? Коньяк не пьют, его смакуют.

— Ну ладно, давайте немножко, если это так вкусно, — наконец решилась хорошенькая соседка.

Семен Егорыч усадил Марину в кресло, достал второй стаканчик, нарезал яблоки и разлил коньяк. Девушка отпила немного пахучего коричневого напитка, зажмурила левый глаз, следуя жесту Семена Егорыча, подхватила дольку лимона и сказала, прожевав:

— Вроде ничего.

Они немного поговорили о каких-то пустяках. Марина допила свою рюмку, отказалась от второй, сказала, что все было тип-топ, и собралась к себе. Семен Егорыч принес ей из ванной фильтр. Девушка попрощалась и ушла.

Атутину стало тоскливо. Он выключил головизор, бесцельно побродил по пустому залу, потом представил себе, как Марина принимает душ, и плеснул себе еще конька пальца на три. «Так жизнь и напоминает тебе, что ты уже старый пень, — грустно размышлял Семен Егорыч. — И чего я так размяк? Пустил в дом совершенно незнакомую девушку. Нарушил самолично разработанный принцип. Уж больно мне пригля-

нулась эта пигалица. А чем, спрашивается?» Семён Егорыч крепко задумался. Имелось что-то неуловимое, хмельное, как дымок сигареты с грассом, что его ум никак не мог ухватить. Какое-то давнее воспоминание. И тут Семёна Егорыча как током ударило. Ну, конечно же! Эта девушка была похожа на Нину. Не копия, разумеется, однако сходство имелось, и сходство разительное.

— Так вот чего я раздухарился, — пробормотал Семен Егорыч.

Столько лет прошло, а оказывается, ничего не забыто. Атутин-Семафор познакомился с Ниной в каком-то большом клубе, как теперь говорят, дансплясе. Семафору тогда было двадцать семь, ей — двадцать два. Три года они встречались, ничем друг друга не обременяя, получая от встреч одну сплошную радость. На четвертый год решили, что это судьба, и зафиксировали свой союз нотариально. Тут-то союз и распался. Ссоры, обиды, примирения, перемирия, опять ссоры.

Неудачная беременность положила всему конец. Они расстались вполне мирно. Некоторое время «мылили» переписку. Затем Нина уехала по контракту в Хельсинки, и ничего больше не осталось. Это он так думал, что не осталось. Теперь сидит в пустой квартире. Сам себе хозяин. Семен Егорыч опять потянулся к бутылке и отдернул руку. Еще какая-то мыслишка крутилась в голове. Что-то более важное, чем ностальгирование по бывшей супруге. «Стоп! — Семен Егорыч ухватил мыслишку за хвост. — Шестьсот двенадцатая ближе к лифту, чем шестьсот пятьдесят вторая!!! Или она ходила не к пятому лифту, а, скажем, к третьему? Почему она выбрала именно мою квартиру? Черт! Черт! Черт! Уж не пахнет ли здесь дерьмом? Почему она так похожа на Нину? В моем личном файле есть фото жены. А конторские любят и умеют устраивать подобные фокусы, чтобы пациент отмяк. И коньяк на столе. Старый идиот! Если она из оперативных, то она представляет, сколько стоит такая бу-

тылка. Где я наследил?! Петруша совсем недавно божился, что в квартире все чисто. Петруша мне по гроб жизни обязан, он делает все на совесть. Может, Носорог? Ну и что он знает, Носорог, кроме того, что я срубил с него четыре штуки? Ничего определенного у них нет и быть не может. Но если меня прощупывают, нужно принимать контрмеры. Прибор я отвезу в старый тайник. Машину отгоню на окраину и сожгу. Пусть бывшие коллеги поищут угонщиков. Поди тогда возьми меня голыми руками. Чунгу-Чангу жалко». Семен Егорыч вскочил, действовать нужно было прямо сейчас. Он быстро, но без суеты подобрал нужную одежду: неброскую и свободную, отыскал старый кейс. Из домашнего сейфа Семен Егорыч достал кредитки, три с лишним тысячи денег, кастет и маленький шокер-игломет. Разложив это добро по карманам, Семен Егорыч вынул из тайника Прибор, упаковал его в три слоя полицикленовой пленки и аккуратно поместил в раскрытый кейс, немного подумав, поставил туда же недопитый коньяк.

Перед дверью Атутин остановился, несколько раз выдохнул воздух через сложенные трубочкой губы, перекрестился и только потом осторожно вышел в коридор. В коридорах было пусто. «Камеры меня зафиксируют, — подумал он на ходу. — Ну и ладно, по дороге придумаю, что говорить, если спросят». Семен Егорыч вошел в лифт, нажал нужную кнопку. Кабина ухнула вниз так, что перехватило дыхание. За прозрачной дверью бежали вверх темные массивы перекрытий. Семен Егорыч следил, как меняются на табло цифры. Минус восемь, минус девять, минус десять. Все. Лифт пружинисто остановился. Семен Егорыч вышел и огляделся. Кажется, никого. В гараже, освещенном дежурными фонарями, царили полумрак и прохлада. Семен Егорыч поежился и быстро зашагал туда, где был припаркован его «Порше». Он шел вдоль рядов знакомых и незнакомых авто, словно муха бежала между разложенными на подносе цветными ле-

денцами. В правой руке Атутин загодя сжимал ключи от машины. Вот впереди показался желтый борт приземистого «Хендая», а следом багажник атутинского «Порше». Семен Егорыч на ходу дезактивировал охранные контуры. Подошел к машине и нагнулся, отыскивая в полутьме отверстие для ключа.

— Одну минуту подождите! — сказали позади громко и напористо.

Семен Егорыч похолодел спиной, вставил ключ в замок и обернулся. К нему приближался здоровенный широкоплечий мужчина в форме внутренней охраны. Наверное, он вышел из-за высокого вишнево-красного «Элефанта». Совершенно незнакомое лицо. Новенький. Семен Егорыч произнес про себя несколько матерных слов и улыбнулся. От сердца все-таки немного отлегло.

— А в чем, собственно, дело? — спросил Семен Егорыч.

— Восьмой номер межъярусной смены, Сергеев, — представился подошедший. — Что вы делаете возле машины?

— Как что? Это моя машина, — натурально удивился Семен Егорыч. — Я могу показать водительскую карту и техпаспорт.

— Покажите, — согласился амбал.

— А вы свое удостоверение предъявить не хотите?

— Пожалуйста, — амбал достал светящийся треугольник и показал Атутину на вытянутой руке.

Это действительно было удостоверение внутренней охраны. Семен Егорыч кивнул и полез во внутренний карман за правами.

— Уберите руку! — быстро сказал амбал, берясь ладонью за кобуру. — Просто расстегните замок и раскройте куртку. Я возьму сам.

Семен Егорыч поставил кейс на бетонный пол и расстегнулся. Охранник стоял совсем близко, и у Семена Егорыча возник опасный соблазн. Аж кончики паль-

цев зазудели. Хорошо стоит дилетант. Можно достать его и положить на пол. Амбал протянул руку.

— Ты че, охрана?! Это же дядя Сема!

Семен Егорыч невольно обернулся. В пяти шагах позади него стоял Гера. Руки в карманах, под правым локтем дырчатый шлем для дискороллинга. Семен Егорыч еще раз выматерился про себя. Не везет просто фатально. Видно, придется вывозить Прибор завтра. Амбал притормозил.

— Вас я знаю, а этого господина вижу впервые, — мрачно сказал он, вынул-таки из кармана Семена Егорыча удостоверения и начал их внимательно изучать.

— Игорек, ну не вытягивай ты. Это свой. Он из старожилов. В шестьсот пятьдесят второй живет, а ты ему мозги морозишь, — сказал Гера укоризненно и подошел поближе.

— Что вы делаете в гараже ночью? — упрямо осведомился Игорек.

— Старческий маразм одолел, — заулыбался Атутин, напуская на себя виновато-дурашливый вид. — Лежу в койке и не помню, включил я контуры или нет. Просто так идти обидно, вот чемоданчик прихватил, завтрашний багаж. — Семен Егорыч потыкал ногой в кейс.

— Понятно, — хмурый амбал вернул документы и добавил, снимая с пояса идентификатор: — Предъявите, пожалуйста, гражданский код, и будет полный порядок.

Семен Егорыч со вздохом расстегнул манжет, подвернул рукав и протянул охраннику руку, где, как у всякого, чуть выше кисти были вживлены четыре миниатюрные пластинки. Амбал крепко взялся левой рукой за тыльную сторону ладони, а правой прижал к запястью Семена Егорыча идентификатор. Терминал аппарата замигал, и вдруг руку Атутина пронзила резкая боль укола. Он рванулся, но ладонь словно в тиски попала. А сзади его крепко обхватил Гера. Семен Егорыч попытался ударить Геру затылком в лицо

и понял, что не может управлять своим телом. Мышцы лица деревенели. Его волоком дотащили до красного «Элефанта». Затолкали на заднее сиденье, поочередно согнув ему ноги. Гера поместился рядом, амбал Игорек сел за руль.

— Атутин Семен Егорыч, вы подвергнуты потенциально санкционированному аресту инспекторами ВНАПа, — проговорил Гера, расстегивая замки кейса, — Можете хранить молчание, — оба оперативника засмеялись.

Гера вытащил из кейса коньяк. Открыл пробку, понюхал, передал Игорьку. Тот тоже понюхал, спрятал под сиденье и сказал насмешливо:

— Хорошо ты жил, майор.

— О-ля-ля! — сказал Гера. Он извлек из чемоданчика Прибор и снимал с него пленку. — Кажется, есть! Это оно?

Семен Егорыч слабо кивнул.

— Ты дурак, дядя Сема, — продолжал Гера, сноровисто обыскивая и ощупывая Атутина, изымая из карманов кастет, шокер, кредитки. — Ты думал, что самый умный? Тебя же учили: любое действие оставляет след и вызывает противодействие. — Гера назидательно поднял палец.

— Носоог? — с трудом спросил Атутин, глотая буквы.

— Ну и Носорог тоже, — рассеянно подтвердил Гера, он вытянул из маленького кармашка бутылочку с мегазином. — Продукт?

Семен Егорыч кивнул:

— Заменитель бензина.

— Заменитель... — задумчиво проговорил Гера, поглядел на жидкость и передал амбалу. — Не рванет?

Семен Егорыч помотал головой.

— Мы вспороли бортовой компьютер на твоем «Порше» и выяснили любопытные вещи, — продолжал Гера. — Ты каждый раз регулировал сопла форсунок до такого невероятного минимума, при кото-

ром нормальное авто ездить не будет. Нам оставалось только подождать, пока ты ошибешься. Думаю, спецам будет интересно порыться в твоем бензобаке.

Семен Егорыч покорно слушал, апатичный и бессильный. Стянутые липучками руки покалывало. Семен Егорыч знал, что надо бороться до последнего, но не было сил.

— Та деушка приходиа от вас? — спросил он, через силу поднимая глаза.

— Девушка? — переспросил Гера. — Какая еще девушка?

— Маина.

— У нас никаких Марин не водится, — сказал Гера.

— Ты старый человек, майор. Ты сам бывший безопасник. Ты профи, — сказал Игорек с переднего сиденья. — Незаконное изготовление заменителей бензина карается смертной казнью, а ты крутишь, как любитель. Тебе будет «табуретка», майор. И ничего с этим не поделать.

Семен Егорыч вдруг словно проснулся.

— Есть шанс, — прошептал он. — Мы можем договориться, — от волнения язык Семена Егорыча заработал вроде как лучше.

— О чем?

— Эта кообка золотое дно! Зачем вам здаать ее в контоу?! Я аскажу, как ползоваца! — Атутин с надеждой глядел то на Геру, то на амбала. — Я аскажу, а вы отпустите...

— На хрена нам геморрой, который пахнет «табуретом»? — спросил амбал.

«Их двое! Ничего не выйдет!» — с отчаянием подумал Семен Егорыч.

— Ты нам и так все расскажешь, — Гера лениво сплюнул в открытое окно. — Знаешь, что такое реплитамин? Ответ на все вопросы. Даже незаданные.

— Не надо укоов, — прошептал Семен Егорыч и начал сбивчиво объяснять.

Его слушали внимательно. Когда он закончил, оперативники переглянулись, амбал Игорек едва заметно покачал головой.

— Нужный прибор! — проникновенно сказал Гера. — Давай-ка, дядя, вылезем из салона, подышим воздухом, ну и потолкуем. Поворотись.

Гера снял с Атутина липучки и помог выбраться из салона.

— Поаккуратней с ним, — бросил вслед Игорек.

— Мы и так аккуратно.

Гера прислонил все еще негнущегося Атутина к бетонной колонне и пошел к «Элефанту».

— Поощай, Геа, — проговорил еще не верящий в свою удачу Семен Егорыч. — Спаси тея бог.

— И вы прощайте, майор, — сказал Гера и, быстро подняв руку, выстрелил навскидку.

ЯЧЕЙКА

Ему доводилось видеть всякие облака, но у этих, подсвеченных красным солнцем, был совершенно диковинный вид. Шлюпка снижалась медленно, не торопясь окунуться в светло-оранжевую пену. У пилота были причины соблюдать осторожность. Вглядываясь в показания приборов, он время от времени чертыхался про себя: сплошные аномалии! Правда, пока незначительные, но они все росли и росли. Чего же тогда ожидать при посадке?

Пена приближалась — причудливая и на удивление неподвижная, словно ее, взбив как следует, закрепили фиксатором. Неожиданно кривая на одном из экранов задрожала и начала выписывать немыслимые зигзаги. Пилот, уже готовый к любому подвоху, медлить не стал. Круто изменив траекторию, шлюпка ринулась вверх. Но было слишком поздно.

Пробив облака, снизу выплеснулась непонятная тошнотворно-розовая субстанция и, выпячиваясь огромным куполом, стала подниматься все выше. Приборы словно взбесились — в их показаниях не было ни малейшей логики. Пилоту случалось попадать в передряги, и каждый раз он умудрялся сотворить чудо. Но сейчас техника его предала, а ведь даже для самого маленького чуда, как известно, требуется соответствующий реквизит. Зловещий купол, разбухая и наливаясь красками, стремительно настигал шлюпку. Теперь он был кроваво-алого цвета. Внезапно его края оторвались от облачной пелены и взметнулись

вверх. Купол выворачивался наизнанку, охватывая жертву со всех сторон.

Клочок неба над шлюпкой затягивался с непостижимой быстротой. Попасть точно в просвет при отказавших приборах было нечего и думать. Оставалось одно — попытаться пробить стенку алого мешка.

Шлюпка рванулась, вонзила заостренный нос в красное марево, и вдруг ее длинное обтекаемое тело вздрогнуло, забилось в бесполезных конвульсиях, как большое насекомое, с размаху угодившее в паучью сеть. Кровавый кокон сомкнулся окончательно и, уменьшаясь в размерах, стал проваливаться вниз...

«...Я существую! Я — есть! Но кто я? Что собой представляю? Вокруг меня — мрак. Абсолютный, непроницаемый. Зачем я здесь? Было ли так всегда? Нет, мне явно доводилось пребывать и в другом мире, не похожем на этот. Только бы вспомнить...

Кажется, мрак рассеивается. Сейчас станет совсем светло, и я увижу, где нахожусь. Но нет, тьма сменяется плотным розовым туманом. Он колышется вокруг меня, как желе. Этакий студень. Желе, студень... Откуда я знаю эти слова? Они — из того, другого мира? Еще немного — и я, пожалуй, вспомню все. А туман сгущается. Был розовым — стал малиновым. Его пронизывают мерцающие ярко-зеленые прожилки. Не очень приятно чувствовать себя погруженным в эту вязкую массу... Но почему я не ощущаю своего тела? Да-да, в том мире у меня было тело! Где оно? Что со мной сделали? Я хочу туда, в прежний мир! Не желаю барахтаться в малиновом киселе! Эй, вы, те, кто тут распоряжается, выпустите меня отсюда! Вы слышите? Немедленно освободите меня!»

Ни малейшего движения не вызвал этот беззвучный крик. Только хитроумное регистрирующее устройство, состоящее из множества разноцветных кол-

бочек, отреагировало радужным всплеском в большом грушевидном сосуде. Каждый новый организм, попав в непривычную среду, испытывает стресс. Это не страшно — необходимые мероприятия давным-давно отработаны до мелочей. Трудно удивить систему, повидавшую всякое, чем-то особенным! По длинной прозрачной трубке, спиралью обвивающей Регистратор, начала подниматься темно-синяя жидкость. Как только она достигнет верхнего клапана, вступит в действие система контроля.

«Наконец-то туман начинает таять. Поразительно! Подо мной раскинулся фантастический город. Очертания колоссальных сооружений, вначале расплывчатые, постепенно обретают четкость. Удивительное зрелище! Целый лес длинных тонких шпилей, выросший на крышах диковинных построек. От здания к зданию перекинуты легкие изящные мостики. А шпили увенчаны чем-то, похожим на огромные решетчатые чаши. Странно, но город кажется мне живым, и чем пристальнее я всматриваюсь в детали, тем сильнее это ощущение. В самом деле, дома как будто дышат, их окна — причудливой формы отверстия — то затягиваются, то возникают вновь. Город-организм? Бред какой-то. Вряд ли такое может быть. Однако обитателей не видно. Никакого движения внизу, ни одного летательного аппарата в воздухе. Где же я нахожусь? На верхушке одного из самых высоких шпилей? Вряд ли. Скорее всего здесь просто установлена телекамера. А сам я — где? В одном из зданий? Любопытно, но эти постройки мне что-то напоминают. Я их определенно уже видел. Где же? Постой-постой... Да! Я вспомнил! Я все вспомнил!»

На экране проступила панорама странного города. Никакого намека на улицы. Огромные сооружения, напоминающие готические храмы, располагались в

полном беспорядке: где-то теснясь, порой даже срастаясь стенами, где-то возвышаясь в одиночестве посреди обширных площадей. Не все здания стояли прямо — стены многих сильно кренились. В общем, преобладало впечатление беспорядка, но беспорядка живописного. Каждая постройка, взятая в отдельности, поражала наблюдателя оригинальностью форм.

— Ну, как тебе это, Виктор? — спросил Каронин. — Впечатляет?

— Никогда не видел ничего подобного. Неужели разум?

Капитан задумчиво прошелся перед экраном.

— Понимаю твои сомнения. Самому не верится. Планета, где, по всем законам природы не может быть даже примитивной жизни, — и на тебе! Два солнца жонглируют этим шариком как хотят, а одно из них в придачу миллионы лет купает его в жестком излучении... Хуже условий не придумаешь! Стыдно признаться, но сначала я даже подумал, что у меня галлюцинации. Столько скитаться среди звезд — это бесследно не проходит...

— Бросьте, капитан. Жизнь не поддается расчетам мудрецов, она может возникнуть где угодно. А вот насчет разума... — Виктор покачал головой. — Сколько раз уже обжигались! Думаешь, что перед тобой шедевр архитектуры, а его возвели какие-нибудь безмозглые твари вроде термитов...

Каронин устало потер переносицу.

— Подумывал я и об этом... В самом деле, привычных следов разума как будто нет. Эфир пуст, никакого движения в этом районе зонд не отметил...

— А что передают остальные зонды?

Капитан пожал плечами.

— Ничего особенного. Обычный ландшафт. Трудно поверить, но выходит, что этот город — единственный на планете.

— Все-таки город? Вы убеждены?

— А ты посмотри внимательней. Пусть они не доросли до радио и воняющих бензином повозок, но

выстроить такую готику термитам все же не под силу. Видишь, чем оканчиваются шпили? Чтобы до этого додуматься — о-го-го какие мозги нужны!

— Но почему город один? Так не бывает!

— Бывает. Может, разум здесь только погостил, и мы имеем дело с его заброшенным творением. Поэтому, кстати, и не видно следов жизни. Так что скажешь?

Виктор думал, что ответить. Было нетрудно догадаться, зачем Каронин его позвал, хотя разговор о главном еще не заходил. Такая уж у капитана манера. Будет крутить вокруг да около, а потом вдруг спросит в лоб: «Ну что, полетишь?»

Да, в этой ситуации Юрий Каронин, бог и царь звездолета «Менкар», не мог приказать. Только попросить. Ибо шестьдесят седьмая статья Инструкции гласит: «Пилот имеет право отказаться от разведки, если исследуемая планета может быть отнесена к четвертому типу. В этом случае разведка осуществляется автоматами».

— Не знаю, — сказал Виктор.

— Что «не знаю»? — поднял брови Каронин.

— Не знаю, полечу или нет. Риск достаточно велик.

Каронин хитровато прищурился:

— А ведь я, кажется, тебя еще ни о чем не просил.

— Да чего там, капитан! Неужели, налетав вместе столько парсеков, мы будем играть друг с другом в кошки-мышки?

— Хорошо. — Каронин покосился на свою капитанскую нашивку, словно досадуя, что положение обязывает его посылать хорошего человека в подозрительное место — может быть, совершенно гиблое. — Да, я хочу попросить тебя об этом. Причину ты хорошо знаешь.

Еще бы Виктору ее не знать! Новый автомат-разведчик был потерян на Адаре-5, осталась старая рухлядь, дающая не больше информации, чем зонды. С тех пор они как-то обходились без автомата. Но кто мог

предугадать, что «Менкару» попадется планета четвертого типа? Шансы были ничтожны!

— Конечно, ты можешь отказаться, — продолжал капитан, — это твое право. Тогда придется просить Глеба. А он, сам знаешь, парень горячий, бесшабашный. Сколько раз уже лез напролом, и его приходилось вытаскивать буквально с того света! Ты — другое дело. Всегда все взвешиваешь, а осторожность в нашей работе — признак мудрости. Ну, о чем думаешь?

— Взвешиваю, — буркнул Виктор.

— Прекрасно. Тогда давай присядем — так лучше взвешивать. А заодно полюбуемся пейзажем.

Они опустились в кресла. Виктор наклонился вперед, подпер кулаком подбородок и вгляделся в экран. Четвертый тип означал, что на планете имеются сооружения неизвестной цивилизации. Пилот не был трусом или буквоедом, свято чтящим инструкции. И все же внутренний голос нашептывал ему: «Не суйся туда. Странная штука — этот город. Кто знает, чего от него можно ожидать?»

И тут экран озарился призрачным, каким-то потусторонним светом: восходило второе, голубое солнце планеты. Сияние усилилось. Потоки ослепительных лучей залили город, и «храмы» вспыхнули, занялись торжествующим огнем. Это была страшная, зловещая красота. Здания, превратившись в застывшие голубые факелы, вздымали на остриях шпилей чаши, сверкающие, как раскаленные добела слитки металла.

Фантастическое зрелище захватило Виктора. Он еще сильнее подался вперед и вдруг обнаружил, что уже стоит. Тут и внутренний голос расхрабрился: «Лети! Плюнь на мои предыдущие советы — я просто проверял тебя на «вшивость». Первым увидеть такое вживую, без помощи приборов — да за это можно полжизни отдать. Лети, не раздумывай!»

Капитан тоже поднялся.

— Что, проняло? Ну, вижу, ты согласен. — Это прозвучало как констатация факта. — Можешь идти

готовиться. Перед отлетом зайдешь, я тебя лично проинструктирую. Радиация сильная, но защита шлюпки ее выдержит. А вот что касается всего остального... Ты прав, риск достаточно велик.

Каронин выключил экран, нахмурился, сразу както постарев, и повторил:

— Достаточно велик...

«Итак, я — Виктор Гусев. Пилот-разведчик. Вернее, был им. Был... Страшное слово! Кто же я теперь? Где нахожусь? Куда вы спрятались, хозяева этого мира? Появитесь! Я хочу, наконец, знать, что со мной!»

Жидкость в центральной, удлиненной колбочке Регистратора помутнела. Цепочка сложных химических реакций — и на дно выпал кирпично-красный осадок. А по тончайшим нитям, тянущимся к системе контроля, помчались биотоки, сигнализируя: объект возбужден, следует быть начеку.

«Похоже, они меня услышали. Это уже кое-что! Мой зрительный орган (хотелось бы знать, как он выглядит снаружи!) снялся со шпиля и теперь плывет над городом. Мне, кажется, решили устроить обзорную экскурсию. Да, здесь есть на что посмотреть. Оказывается, не все здания огромны. Между гигантами разбросаны постройки поменьше. Но скромненькими их не назовешь. Какое разнообразие форм!

А между прочим, мне тогда не померещилось. Город на самом деле живой! Весь он «слеплен» из органики, поглощающей энергию в особой, специфической форме. Откуда мне это известно? Похоже, кто-то незаметно подсказывает. Сейчас, например, он нашептал, что приближается центр города и скоро я увижу наконец место своего заточения.

Вот оно! Сооружение, напоминающее исполинскую перевернутую тарелку. Мои «глаза» проникают

сквозь крышу. Невообразимое зрелище! Все пространство под «тарелкой» занято причудливыми существами... или органами, не знаю, как это назвать. Здесь и ярко расписанные шевелящиеся бочонки, и некие подобия деревьев с мясистыми щупальцами вместо веток, и клубки извивающихся трубок различного диаметра. И повсюду среди этих зарослей ползают бесформенные желтые туши, напоминающие амеб. Выпуская корявые отростки, они буквально переливаются с места на место. Кто такие? Подскажи, мой невидимый информатор! Так, понял. Это обслуживающий персонал, нечто вроде биороботов. А вот главный предмет их забот — огромный хрустальный шар, оплетенный системой пульсирующих трубок. Нет, не шар — многогранник. Грани сверкают, стреляют во все стороны яркими лучиками. А внутри — перегородки, разбивающие искрящуюся глыбу на множество ячеек. И в одной из этих ячеек... я? Мое сознание, переписанное с недолговечных клеток мозга на более качественный материал? Нет, только не это! Жить, не имея тела, навечно запечатанным в эту крохотную стеклянную призму? Нет, нет, нет!!!»

Жидкость в сосудах Регистратора вскипает мириадами крошечных пузырьков. Тревога! Система контроля реагирует мгновенно. В недавно заполненную ячейку нагнетаются успокаивающие вещества. До захода красного солнца она будет погружена в сон. Затем ячейку опять подключат к Информаторию. Слишком много знаний за один «прием» — это плохо, чревато шоком. Но не годится и оставлять новичка в неведении. Он должен постепенно осознать свое место в системе и свыкнуться с мыслью, что обратного пути нет.

«Теперь я знаю, что представляю собой в этом мире. Одна из десятков тысяч ячеек гигантского Супермозга... Мое тело... Его уже нет, оно распылено на

атомы. Странно, почему я так спокойно об этом думаю? Все безразлично. До такой степени, что объяви сейчас о моей казни — и я соглашусь: мол, надо так надо, вам лучше знать, господа...

Что-то изменилось. Какое приятное ощущение! Настоящее блаженство! Теперь я знаю, что это такое. Всходит голубое солнце, растворяя нестойкие оранжевые облака и заливая город водопадами энергии. Она улавливается решетчатыми чашами, преобразуется и распределяется на нужды города. Но часть ее, минуя прочие инстанции, по особой проводящей ткани передается непосредственно в Мозг. Солнце поднимается все выше. Невероятное наслаждение! Живительное тепло сочится отовсюду, оно омывает каждую молекулу тончайшей структуры, впрессованной в стеклянистую массу моей ячейки. Не надо больше ничего! Я хочу вечно купаться в эйфории! Всемогущество, вот оно! Я могу распоряжаться по своему усмотрению этой бездной энергии, расточаемой ослепительным светилом. Отдам приказ — и вспомогательные службы еще шире откроют каналы, по которым струится благодать. А захочу — вовсе перекрою их. Пусть остальные ячейки наслаждаются, а я, отрешившись от всего внешнего, буду предаваться философским раздумьям. Пожалуй, так сейчас и сделаю.

Да, отныне я бессмертен, власть моя беспредельна! Я не могу лишь влиять на желания других мыслящих ячеек. В остальном же... «Храмы» с игольчатыми шпилями, сказочно красивые «домики» и «кусты» из ветвящихся трубок — это всего-навсего службы города, единственная задача которых — обеспечить разумные компоненты Мозга полной гаммой удовольствий. Превосходно! Правда, я лишен возможности двигаться, но это в общем-то ни к чему. Да и что за радость топать куда-то на своих двоих! Благодаря совершенным зрительным органам я могу «побывать» в любом месте города и даже за его пределами.

Ну что же, с настоящим я разобрался, теперь полезно будет изучить здешнюю историю. Спасибо Ин-

форматорию! Между прочим, уникальное устройство. Подумать только, он сам был свидетелем всех событий! А мы, люди, вынуждены судить о делах давно минувших дней по обрывкам пергамента и глиняным черепкам...

Начнем с момента, когда на планете в неимоверных муках зародилась жизнь. В системах двойных звезд настолько специфические условия, что биологам, как правило, там делать нечего. Но случилось чудо, выпал один шанс из миллиона, а дальше пошло-поехало... Причудливые организмы сменяли друг друга с невообразимой скоростью. Это продолжалось до тех пор, пока неистовая радиация голубого светила не вызвала в одном из них очень важную мутацию.

В результате возникло мыслящее существо. Вот так, с ходу, без длиннейшей эволюции, оно получило в дар от природы весьма развитый разум. Существо оказалось невероятно живучим и... изобретательным. Оно сумело защитить себя от вредных излучений, после чего стало подумывать о будущем. Сложность заключалась в том, что радиация, манипулируя генами, создавала в основном кошмарных уродов. Разумному существу повезло, но оно было единственным на планете и при всем желании не могло продолжить свой род. И все же выход был найден.

Планета находилась на бойком месте — пересечении космических трасс нескольких цивилизаций. Время от времени тот или иной звездолет выбрасывал здесь десант. Убедившись, что планета непригодна для колонизации, пришельцы улетали. Спустя какое-то время появлялась экспедиция другой разумной расы...

С возникновением Существа десантники перестали возвращаться. Хозяин планеты перебрался в самое удобное для посадки место и как следует подготовился к встрече гостей. Первым его пленником стал десятиногий обитатель какого-то отдаленного мира. Пойманный в ловушку, он лишился своего тела, а информация, содержащаяся в клетках его мозга, была перенесена на специально выращенную для этой цели

субстанцию. Всего через два десятка лет удалось поймать сразу пятерых симпатичных, но неосторожных гуманоидов. Дальше — больше. На месте, где обитало одно-единственное Существо, разросся город, управляемый коллективным разумом. Его могущество возросло до такой степени, что материал для заполнения пустующих ячеек перехватывался задолго до приземления, еще за облачным слоем. Эта операция была отшлифована практикой до зеркального блеска. Новым мыслительным единицам, отторгнутым от тела, не оставалось ничего другого, как включаться в деятельность Супермозга. Кстати, он не был привередлив: мог принять в себя целый экипаж космического корабля — десятки, даже сотни особей, не отбирая лучших из лучших. Вот так, по однообразному, хотя и довольно изощренному сценарию творилась история города».

Действие успокаивающих веществ закончилось. Потребности в новой дозе, судя по данным Регистратора, не было. Вообще-то теплокровные существа — самые неудобные объекты для включения в Супермозг. Они очень медленно приспосабливаются к новым условиям. Но на этот раз, кажется, процесс адаптации не затянется. Контролируемая ячейка уже немного освоилась, начала распоряжаться желтыми амебами, заставляя их налаживать связи с периферийными службами. Скоро она окончательно смирится со своим нынешним положением, тем более что успела оценить его выгоды.

«Вот я и ознакомился с историей Супермозга. Здорово же он устроился! Идеи, за счет которых можно совершенствовать службы города, получает готовыми — прямо из черепных коробок пленников планеты. И о хлебе насущном заботиться нечего: излучение голубого светила неутомимо накачивает энергией преобразователи, синтезирующие питательную жидкость.

Веселенький мир, черт побери! Скопище мозгов-бездельников, желающих только одного — чтобы устройство их мира не менялось, чтобы ничто не возмущало покой этого теплого уютного болота. Неужели и я совсем недавно считал высшим благом понежиться в нем? Видимо, меня накачали наркотиками, вот и уподобили лягушке, которая высунула голову из рясски и жмурится от удовольствия. Можно ли что-нибудь изменить? Не знаю. Но если я этого действительно хочу, то надо мыслить как-то... аккуратнее, контролировать себя. Иначе Регистратор уловит возбуждение и примет меры».

Вскоре после захода голубого солнца следящее устройство зафиксировало в небе крошечную металлическую пылинку. Анализатор тут же прощупал объект особыми лучами и выдал заключение: к планете приближается искусственная система с мыслящей субстанцией на борту.

«Я уже наладил контакты с некоторыми обитателями ячеек и совсем расстроился. Они тоже поначалу тешили себя надеждой на спасение. Но очень скоро убедились, что лбом стену не прошибить. В общем, смирились и даже выработали нехитрую жизненную философию. Суть ее проста: изменить ты ничего не можешь, так что плюнь на все и развлекайся любыми способами, какие тебе доступны.

Это только кажется, что выбор невелик. На сей счет меня просветил Плакк с планеты Зуазз. Он передал мне массу картинок из своего прошлого. Это было задорное ярко-зеленое существо ростом не выше табуретки, чем-то напоминающее земного кузнечика. Как и все его сородичи, Плакк отличался неуемной жаждой познания. Но сейчас это законченный гедонист. Большую часть времени он проводит, заставляя свой зрительный орган носиться по воздуху, выделы-

вать мертвые петли и прочие головокружительные кульбиты, на огромной скорости пронзать «здания», влетая в одно окно и вылетая в другое. Что ж, как пилот пилота я его понимаю: от этого можно поймать кайф. Далее следует уже знакомая мне процедура «подзарядки» от решетчатых чаш. До сих пор не могу постичь суть процесса, но почему-то удовольствие от него получают все заточенные здесь существа. Когда и это наскучивает Плакку, он начинает «наркоманить». В «тарелке», где мы находимся, есть мощная лаборатория, производящая тысячи разных химикатов. Их можно вводить по очереди в свою ячейку, получая каждый раз новое ощущение. При этом — никакой «ломки»: Супермозг дорожит своим здоровьем.

Но и это еще не все! В хрустальном шаре насчитывается примерно полмиллиона ячеек — столько видов разумной жизни не наберется во всей Галактике. Поэтому многие из них заполнены представителями одной и той же расы. Так вот, между ними вовсю процветает... секс! Разумеется, виртуальный, но, по уверениям Плакка, его не отличить от подлинного. Некоторые пары даже «женятся», потом это им наскучивает, и они начинают «гулять налево».

Вот он, здешний венец желаний... Что же мне теперь остается? Принять правила игры? Ждать, когда прилетит следующий корабль с Земли, и в шлюпке на этот раз окажется очаровательная девушка? Заинтересованно следить за тем, как она опускается прямо в объятия ловчей сети, и молить все силы небесные: только бы не вырвалась? А потом — все просто. Сначала она будет с гневом отвергать мои предложения, но скоро поймет, что выбора-то у нее никакого. Разве что дождаться, когда сюда занесет еще одного соотечественника — гарного хлопца, с которым удастся поладить без проблем. А ну как не занесет, ни через миллион лет, ни через два — до того самого момента, когда голубое светило, исчерпав запасы водорода, сде-

лает большой «паф-ф» и испепелит планету, как соринку?

Теперь я знаю, что такое ужас. Не скрою, мне было страшно, когда я попадал в переделки на неисследованных планетах. Но только страшно — не более того. А подлинный ужас — это знать, что через энное количество лет я превращусь в подобие вон той желтой амебы и стану руководствоваться исключительно животными инстинктами. Не превращусь? Буду проявлять стойкость духа, отвергая соблазны, как закаленный в вере схимник? Бросьте, пилот Гусев. Это вы сейчас так думаете, а потом среда заест. Да и слишком много будет вокруг советчиков, любезно подсказывающих, как устроиться с комфортом даже в аду.

Проклятая планета! До сих пор сознание противится мысли, что помощи ждать неоткуда. Но это действительно так. Земная наука еще не придумала способа аккуратно разрезать колпак силового поля, которое генерируют остроконечные башни. Защита города неуязвима! Можно, конечно, применить сильнодействующее средство и взорвать все к чертям собачьим. Но тогда и мне конец...»

Ситуация была стара как мир. На этот случай имелась несложная, но эффективная программа действий. За много тысяч лет она ни разу не дала осечки. Вот и сейчас во все концы города понеслись импульсы, объявляющие состояние повышенной готовности. Устройство перехвата настроилось на цель...

«Кажется, что-то случилось. Объявлена повышенная готовность. Наверняка замышляется новое преступление, одно из той нескончаемой цепи, которая и составляет историю города. Кто же он, обреченный? Неужели?.. Надо скорее подключиться к следящей системе. Да! Так и есть! Шлюпка, вторая шлюпка с «Менкара». Глеб, это ты летишь сюда навстречу сво-

ей гибели. Нет, не гибели — хуже. Глеб Ладейников, удивительный парень, двухметровый белокурый красавец, страстно любящий жизнь, несмотря на постоянную готовность прыгнуть в зубы к самому дьяволу!

Да, этого следовало ожидать. На корабле наблюдали за мной и видели, как красный кокон уволок шлюпку. Конечно, это всех повергло в шок. Никто не мог понять причину нападения. По инструкции, следовало во всем досконально разобраться, чтобы не наступить на те же грабли. Но времени на анализ не оставалось — меня надо было выручать немедленно. Только как? Допотопный разведчик-автомат ничем не поможет, а послать человека — значит подвергнуть его смертельной опасности. Представляю, как мучился Каронин, прежде чем принял решение. И было оно таким: отправится человек, а во избежание участи предшественника шлюпка будет защищена двойным силовым полем. Ну, конечно, вон они, эти точки рядом со шлюпкой — мобильные генераторы высшей защиты. Что ж, капитана не в чем упрекнуть. Но он не знает того, что знаю я. Для службы перехвата никакое поле не помеха. Давным-давно, тысячелетия назад, Супермозг научился уничтожать любую силовую защиту!

Глеб... Наверное, никто во всем экипаже не знал тебя так, как я. Сколько раз нам доводилось подставлять друг другу плечо... Нет, черт возьми, ты не попадешь сюда! Не должен попасть! Я уничтожу устройство перехвата, сровняю с землей это огромное сооружение, нацелившее свои башни в зенит. Ведь я всемогущ! Как можно было об этом забыть? Держись, Глеб, держись!»

Сосуды Регистратора угрожающе порозовели, а жидкость в центральной колбе загорелась пунцовым огнем. Вопреки прогнозам новичок все никак не унимался. Ох уж эти бывшие теплокровные! Даже после

утраты тела в них так и кипят эмоции. Конечно, в конце концов они остынут, но на это потребуется время. А пока... Система контроля решила не рисковать и отключила беспокойную ячейку от внешних источников информации.

«Проклятье! Изображение пропало! Случайность? Надо проверить остальные каналы. Вот черт, хуже некуда — ни один не работает! Конечно же, это неспроста. Они перекрыли все мои связи с внешним миром. Зачем? Возможно, просто для страховки. На тот случай, если я еще не освободился от атавистического чувства жалости к представителям своего вида. В общем, чтобы не наломал дров. Глеб! Мое могущество оказалось блефом. Я даже не смогу увидеть, как ЭТО произойдет. Впрочем, мне еще кое-что подвластно, но только внутри этой проклятой тарелки, где в сплетениях разноцветных трубок покоится моя хрустальная тюрьма. Я по-прежнему могу командовать вспомогательными службами, заставить их выполнять мои капризы. Можно ли эту иллюзорную власть как-нибудь использовать? Надо подумать... Стоп! Решение есть! Есть!»

Следящее устройство непрерывно информировало Мозг о положении приближающегося объекта. Траектория космического гостя была рассчитана с огромной точностью, и, хотя он находился все еще вне досягаемости службы перехвата, участь его не вызывала сомнений. Четыре остроконечные башни, возвышающиеся по углам широкого приземистого здания, приготовились выбросить «ловчую сеть». Город ждал...

«Сколько времени у меня в запасе? Примерно шесть земных минут. Хорошо, что они не отключили канал хронометрической службы и Вычислитель, с

помощью которого я произвел расчеты. Итак, через шесть минут шлюпка попадется в сеть. Если я не успею. Но я обязан, обязан! Так, внутренний обзор мне сохранили. Посмотрим. Вот оно, то, что мне нужно. Одна из желтых амеб трудится возле самого Регистратора. Прекрати работу! Подползи к Регистратору, надо прочистить у него пару трубочек. Так. Умница. А теперь бей! Круши! Рви жилки и капилляры, пусть брызжет во все стороны прозрачная жидкость! Отлично! Даже не верится, что это гнусное устройство больше за мной не следит. Амебы! Бросайте все, слушайте меня! Вам предстоит работа. Уничтожьте систему жизнеобеспечения! Заросли белесых стеблей с перламутровыми шариками на концах должны быть вырваны, растоптаны, съедены... Что вы еще умеете? Покажите себя! Выдирайте из пола мягкие, покрытые шевелящимся ворсом плитки, вспарывайте пузатые резервуары, выпускайте из них тягучее липкое содержимое, обволакивайте и переваривайте все эти разветвленные мясистые наросты, покрывающие стены. Шевелитесь, черт возьми!»

Город был идеально защищен от внешних врагов. Но Супермозг не подозревал, что угроза может прийти изнутри. Были, конечно, случаи пассивного неповиновения: всегда находились ячейки, которые, угрюмо замыкаясь в себе, отказывались принимать участие в новых преступных акциях Мозга. Для присмотра за «оппозицией» вполне хватало системы контроля. А вот активная борьба представлялась невозможной. Как может клетка взбунтоваться против организма, к которому принадлежит? Заразив здоровое тело, она погибнет вместе с ним. Рассуждая так, Супермозг не предусмотрел внутренней службы, обеспечивающей стопроцентную безопасность. И жестоко просчитался.

«Успеют ли амебы добраться до жизненно важных центров? Быстрее, еще быстрее! Сдирайте эту переливчатую плесень! Но не вздумайте повредить систему внутреннего обзора. Я хочу видеть все. До самого конца... Так, так, еще активней! Огромные черные пластины энергетических накопителей, уже изрядно подъеденные, одна за другой погружаются в вязкую массу, вытекшую из поврежденных резервуаров. Если энергия, сконцентрированная в этих невероятно емких аккумуляторах, вырвется наружу, произойдет взрыв колоссальной силы. Но это, наверно, будет уже после того, как...

Система обзора начинает барахлить. Поле зрения застилают размытые бурые полосы. Желтые пятна амеб прыгают, размазываются. Я уже не могу уследить за ними. Возникает боль. В пространстве носятся бесформенные багровые пятна. Они растут, сливаются... И вот уже нет просвета! Багровая пелена чернеет. Мрак! Боль становится нестерпимой. Неужели это еще не конец? Глеб! Где ты? Я... успел?»

На шлюпку никто не нападал. Обнаружили защиту? Вполне возможно. Но Глеб Ладейников смутно чувствовал, что дело в чем-то другом. В чем же? Это он надеялся выяснить там, внизу.

Шлюпка вынырнула из облачной перины. Город, пока еще крохотный, утыканный иголками игрушечных шпилей, приближался. Генераторы поля, как и положено, работали на пределе. Убедившись, что здесь полный порядок, Глеб начал подыскивать место для посадки. Но это было уже ни к чему.

Словно вырвавшись из невидимых земных пор, наравне с самыми высокими шпилями, взвились и затрепетали голубые языки пламени. В самом центре города распустился огромный ослепительно-яркий цветок. Его лепестки, стремительно разрастаясь, лизали подножия зданий, и величественные «храмы» один за

другим начинали корчиться в огненных объятиях. Затем в воздухе прокатился грохот взрыва, и шлюпку довольно ощутимо тряхнуло.

Беснующееся озеро огня пожирало последние островки сооружений. Глеб смотрел на него и ощущал в душе мертвящую пустоту. Пустоту, которая наступает от сознания большой, невосполнимой потери. Сгорбившись в кресле, словно застеснявшись вдруг своего роста, он включил связь.

— Капитан, — произнес Глеб неожиданно хриплым, не своим голосом. — Капитан, вы видели?..

Переговорное устройство молчало.

На догорающий город налетел ветер, поднял с обезображенных площадей тучи теплого пепла и помчал их вдаль, к океану.

ВКУС ГАМБУРГСКИХ ВАФЕЛЬ

Я сижу на удобном мягком стуле, обхватив руками огромный живот. Мир съежился до размеров одного тела — моего. Это странно, но я начинаю привыкать. Наверное, любая мать поняла бы меня — то, что я собираюсь сделать.

Сгорбленный очкастый куратор напротив испуганно таращится в монитор. Это добрый старичок, видно по глазам. Он должен помочь!

— Вы просите отодвинуть родоразрешение на двое суток, но почему?

Голос его очень тихий, речь торопливая, с простым ритмическим рисунком. На лбу выступил капельками пот — ему жарко, ему неудобно, ему хочется поскорее отпустить меня и заняться другой пациенткой. Но я не тороплюсь

— Вы же, как написано, работали в нашем иммуноцентре, — почти умоляюще произносит он. — Значит, не можете не знать, что промедление часто приводит к гипоксии...

В центре я работала всего лишь оператором уборочных машин — да, был в моей жизни тяжелый период, — но увидеть успела очень много.

— Мне известно о гипоксии. Но я очень прошу вас. Мне нужно... Я не успею подготовиться, — приходит в голову подходящая фраза. — Ремонт детской комнаты еще не закончен, только на два дня, всего лишь до семнадцатого!

Эти два дня, впрочем, я буду заниматься не ремонтом, а еще раз скрупулезно изучу уголовный ко-

декс Луны. Хотя помню наизусть раздел о родительской ответственности — никакие «дырки в законе» не должны остаться незамеченными.

Когда я волнуюсь, сердце сбивается с ровного шага и начинает выписывать па — похоже, прямо у меня в ушах. Я не профессионал и не знаю, почему так происходит. Но уверена, что такого не должно быть. Очкастый акушер, как я иногда по старинке думаю про него, смотрит уже с жалостью.

— Хорошо, фройляйн, уговорили. Но под вашу ответственность!

— Разумеется. Разумеется, под мою. Спасибо вам, большое спасибо!

Я кинулась бы целовать его, если бы не препятствие в виде монитора. Поэтому просто еще раз благодарю и выхожу из кабинета, едва не танцуя.

Каждый месяц семнадцатого числа знаменитый физик Гюнтер Раух отправляется на Землю проводить совместные опыты с Германской Академией наук. Я буду рожать семнадцатого.

Из виртуального наркоза я вышла сама, рывком.

Что-то изменилось.

Потолок и стены палаты сохраняли нежный бежевый цвет, в воздухе витал едва ощутимый запах розмарина. С улицы... да нет, конечно, из скрытых в панелях динамиков доносилось щебетание дрозда. Мне даже холодно не было, как я боялась вначале. И во рту все тот же вкус вафель — хрустящих, не слишком приторных, только что вынутых из духовки и слегка остуженных, но все еще теплых. Вкус называется «Гамбург».

Пытаюсь пошевелиться. Руки уже не пристегнуты, никаких иголок и трубок в теле не чувствуется. Лежать удобно. Усталость... незначительная, скорее приятная истома. И самое удивительное — хочется жить, хотя куратор предупреждал: возможна послеродовая депрессия и суицидальные желания.

Вдруг дверь, ранее мной не замеченная, открылась, в проеме возникла парамедик в светло-зеленой пижаме. Меня удивило ее внезапное появление: я не слышала шагов, не уловила даже малейшей вибрации пола. Я с ужасом смотрела на приближающуюся фигуру, которая человеческим голосом произнесла:

— Как себя чувствует фрау?

И тут я поняла две вещи.

Я теперь «фрау» — значит, дети уже родились.

И еще: с их появлением я утратила одно из шести чувств, как и предупреждали в школе будущих мамаш. Парамедик в зеленом не случайно возникла передо мной словно из ниоткуда, как привидение, а я не ощутила ни малейших признаков приближения.

Я непроизвольно зажмурилась, и стон вырвался навстречу жестокой действительности.

Из-за родов я лишилась чувства ритма.

— Фрау должна подписать согласие на вакцинацию.

Парамедик подошла ко мне с планшетом. То ли она в самом деле двигалась очень медленно, то ли так воспринимали мои едва отошедшие от наркоза рецепторы. Я подняла правую руку. «Подписать» — термин из прошлого, еще с Земли. На самом деле я просто коснулась большим пальцем экрана. Стоимость вакцины равняется двум моим годовым зарплатам, но здесь ее вводят бесплатно.

Не всем.

Я крадусь вдоль стены, вздрагивая то от шелеста внезапно ожившего кондиционера, то от звякнувшей далеко в подвале кнопки вызова лифта. В руках у меня теплый сверток — моя дочь. Я не успела придумать ей имя. Наверное, я уже не узнаю, как ее назовут. Прямо по коридору отсек, в котором за прозрачной перегородкой расположились одинаковые кювезы с детьми. Медсестры нет, минуту назад она вышла за вакциной. Осторожно вхожу. Сердце в груди колотит-

ся, но я почти не ощущаю этого. Оно вне ритма, а значит, все равно что вне меня. Передо мной семь кроваток — здесь мальчики, матери которых съехались со всех пригородов, даже из других областей. Потому что у нас лучший иммунологический центр на планете.

Прямого запрета здесь находиться нет, но вряд ли кому-то придет в голову прийти в процедурный отсек. Женщины отдыхают после родов. У меня мало времени, медсестра вот-вот вернется.

В крайнем справа кювезе темноволосый, такой же, как Гюнтер и я, малыш. У него на ручке бирка с фамилией — Вернике. Такая же, как у его сестренки. К счастью, никаких катетеров нет, их сняли перед иммунизацией, а после введения вакцины поставят снова. Если это необходимо. Осторожно перекладываю девочку на левую руку — очень боюсь уронить. Прижав малышку к себе, наклоняюсь и, аккуратно подведя локоть под спинку мальчику, достаю его из кроватки. Он не спит, смотрит на меня. Вернее, меня он видеть еще не может, взгляд не фокусируется. Но он чувствует мой ритм, я уверена. Кладу девочку на его место, одной рукой снимаю с нее распашонку — в кювезах тепло, на мальчиках только памперсы. У моей дочери редкий светлый пушок на голове — наверное, будет блондинкой, как бабушка.

Но никто не станет разглядывать детей. Фиксируется только вес, длина тела и параметры крови. Остальное неважно. Надеваю распашонку на своего сына и выхожу из отсека. Титаническим усилием воли заставляю себя не броситься тут же бегом по коридору, а стоять у прозрачной перегородки. Неведомо каким чувством определяю: медсестра уже появилась в конце коридора и видит нас. Меня и моего Отто, так я назвала мальчика.

— Пришли посмотреть на сыночка, фрау Вернике? — заученно улыбается женщина. — И девочка у вас чудная!

Она слегка кивает на моего сына.

— Да. Да, вы правы, — отвечаю я светло-зеленой спине. Медсестра входит в отсек. Конечно же, она не помнит, как выглядят дети.

Дальше — самое трудное. Медленно разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и размеренным шагом иду по коридору. Путь назад в палату очень длинный. Но я не должна спешить, иначе все испорчу.

Я приближаюсь к двери в палату, а за моей спиной медсестра вводит моей дочери иммуномодулятор. После этого детям дадут синтезированное молоко. О том, что ребенок не того пола, персонал узнает чуть позже, когда придет время менять памперс. Возможно, это случится сразу после кормежки. А если повезет — только после сна.

Наконец возвращаюсь в палату, в этот момент над кроватью включается желтая лампочка и остается гореть. Это значит, мой ребенок только что получил виталонг-14. Не тот ребенок, которому государство милостиво предоставило эту возможность. Но государству придется смириться.

Быстро одеваюсь, благо костюм, в котором я приехала сюда, и плащ тут же в палате в шкафу. Затягиваю пояс на непривычно сузившейся талии. Надеваю плащ, быстро заворачиваю Отто в розовое одеяло. Буду корчить из себя ретроградку — некому принести комбинезон для малыша, у меня нет родственников. Покупать детские вещи заранее не принято — старинная примета. А если заказывать по Интернету, уйдет несколько часов, а времени совсем мало. Теперь не забыть бы главное — социальный полис молодой матери. К счастью, он временный и в течение суток после выписки — а в наше время ухода по собственному желанию — легко меняется на полис молодого отца. Об этом вряд ли кто-то знает, потому что никто никогда так не делает.

Мой путь от двери палаты к лифту свободен. Нажимаю кнопку, двери открываются, и кабина увозит меня вниз. Я даже имею право не докладывать о своем отбытии: мальчик автоматически на попечении госу-

дарства, а с девочкой я вольна делать что хочу. В разумных пределах, разумеется. Но у меня и общества несколько разные понятия об этих пределах.

Выходя из лифта, смешиваюсь с потоком посетителей центра, медиков, технического персонала. Спешу в метро-узел. С ребенком я одна, но удивления не вызываю: эпоха торжественных встреч любимой жены и отпрыска с цветами и фанфарами у главного выхода прошла. Как ушли и понятия «жена», «семья», «любимая». Есть инстинкты, есть репродуктивные обязанности, есть опека и социальная страховка. А еще есть закон — несовершенный, чем я собираюсь воспользоваться.

Вагонетки приходят одна за другой. Я сажусь в очередную, набираю кнопками маршрут. Можно, конечно, задать только адрес, но тогда путь будет длиннее на семь минут — по стандартному направлению. А мне дорога каждая секунда, хотя я больше и не ощущаю их течение.

Проспект Реорганизаторов, дом 12. Мы останавливаемся и выходим в подвале у лифта. Мой сын просыпается и начинает негромко плакать: ведь время кормления он пропустил. Я боялась этого момента, но все равно не подготовилась: не представилось возможности украсть бутылочку. Конечно, в квартире Гюнтера наверняка есть универсальный синтезатор, который одинаково качественно и безвкусно производит молочные продукты для любого возраста: с молочной кислотой и без, концентрированные и не очень, с микроэлементами и даже, как утверждают некоторые фирмы, с полезными бактериями. Но мне сейчас предстоит важный и тяжелый разговор. Решающий, от которого будет зависеть жизнь моих детей. И может быть, моя тоже. Возможности заниматься приготовлением питания не будет, поэтому я захожу в лифт, нажимаю кнопку этажа и даю ребенку грудь. Первый и последний раз.

Ребенок жадно хватает сосок, а я просто держу его на руках. Что я чувствую? Умиление? Мне не до того. Материнскую любовь? Я не знаю, что это. Возможно, не потеряй я чувство ритма, я смогла бы испытать что-то похожее на единение с моим сыном. Но я ничего такого не испытываю, у меня вообще нет никаких эмоций. Только одна мысль: я должна убедить Гюнтера.

Завтра все газеты будут кричать о неслыханно дерзком поступке. Церковь осудит меня. Общественное мнение подвергнет порицанию. Ну а суд... выполнит свою работу. Но я-то знаю, как они все ошибутся.

Двадцатый этаж, я выхожу. Дверь квартиры прямо напротив, нажимаю кнопку звонка. Отто как раз насытился и спит, довольный. Для такого малыша он проделал огромную работу. Гюнтер открывает дверь. Он высокий и черноглазый, а его волосы цвета воронова крыла — такие же, думаю, будут у Отто — все еще густые и блестящие, и ни одного седого, хотя, по меркам нашего общества, Гюнтер довольно пожилой человек, ему тридцать три.

Ожидаю криков, ругани, захлопывания двери перед носом. Но он лишь пару мгновений смотрит на меня — на нас — потом молча пропускает в квартиру. И, только закрыв дверь, изрекает:

— Что ты здесь делаешь, Эмма?

Заготовленные слова куда-то испаряются. Вдруг понимаю, что все это не то. Гюнтер не сентиментален, он обычный мужчина. К тому же он никогда не любил меня. Идея убедить его спасти собственного сына кажется мне сейчас несусветной глупостью. Только эта глупость будет стоить мне свободы.

Не могу ни говорить, ни плакать, просто стою, привалившись спиной к стене, на руках у меня спит наш сын, рожденный по контракту. По договору перед государством. Оно должно обеспечить обоих детей. Гюнтер мне ничего не должен, он только донор, и он знает об этом. И я это знаю.

— У меня вылет через тридцать пять минут, — неожиданно мягко говорит Гюнтер. — Что ты хочешь? Денег? Страховку для девочки?

Смотрю на него с непониманием. Вдруг до меня доходит, что держу в руках младенца, закутанного в розовое одеяло. Не говоря уже о том, что с мальчиком из Центра меня никто не выпустил бы. Точнее, не должен был.

— Это не девочка, — охрипшим голосом говорю я. — Это наш сын Отто.

Пока Гюнтер соображает, быстро прохожу в комнату и, положив спящего ребенка на стол, разворачиваю одеяло. Расстегиваю памперс — достаточно для того, чтобы Гюнтер увидел: это мальчик. Брови его отца ползут вверх.

— Что это значит? Кто отдал тебе ребенка? Или ты...

Он меняется в лице.

— Ты что, украла его? Эмма, ты сошла с ума? Ты...

Он качает головой, переводя взгляд с меня на сына.

— На что ты надеялась? Я не понимаю. Ты, такая разумная, такая всегда холодная со своей неженской логикой? Погоди, я, кажется, догадался: на тебя так подействовал виртуальный наркоз, что ты решила удержать меня ребенком? Эмма, у нас ведь даже толком ничего не было!

— Погоди...

Прерываю поток его красноречия, одновременно пеленая моего мальчика. Уверенность потихоньку возвращается ко мне.

— Гюнтер, мало времени. Послушай, прошу. У нас двойня. Девочка осталась в родблоке, я подсунула ее им вместо мальчика. Вместо нашего Отто, понимаешь? Чтоб ей дали иммунолонг.

— Что за черт... Мальчик не привитый? Зачем, Эмма? Девочки живут и без иммунолонга, ты же знаешь. Да, качество жизни...

— Вот именно, качество жизни! — кричу я шепотом. — Сначала вирусы, потом хронический васкулит,

и наконец — опухоли и смерть. В лучшем случае она родит одного ребенка и умрет, не дожив до сорока.

— Но ведь все так живут! — горячо возражает Гюнтер. — Неужели ты так ненавидишь меня, так ненавидишь мужчин, что намеренно оставила мальчика без прививки? Мальчик не выживет!

— Выживет. Потому что ты увезешь его отсюда. На Землю.

Гюнтер со всего размаху опускается на стул, жалобно заскрипевший под ним.

— Ты... Ты... Ты понимаешь, что за похищение ребенка, который принадлежит государству, тебя отправят в тюрьму? И меня тоже.

— Гюнтер, я все равно умру лет в тридцать пять. Последние восемь лет мне по крайней мере не надо будет озадачиваться поиском работы.

— У тебя никогда не было проблем с работой, — машинально возражает Гюнтер.

— Это раньше. А теперь я лишилась чувства ритма. Я не смогу танцевать, не смогу управляться с клавишными машинами, я не воспринимаю личностный настрой, даже не справлюсь с регулировкой транспортных потоков, я инвалид, понимаешь? Меня посадят — пусть. Моя дочь не окажется на улице, а сына ты прямо в порту через автомат переоформишь на себя. У тебя двойное гражданство, и к тебе никто не придерется. Во всем буду виновата только я, я одна. Я хочу, чтоб они нормально жили, понимаешь? Наша дочь — здесь, а наш сын — на Земле, где ему не грозит иммунодефицит.

Гюнтер какое-то время молчит, потом выдавливает:

— Ты хочешь, чтоб я взял в космос новорожденного ребенка?

— С каких пор это стало проблемой? Кювезы, питание, медблок — там все есть. Вы долетите без приключений.

— Допустим. А дальше? У меня исследования, работа, я не могу заниматься ребенком. Куда мне девать его там?

Медленно оседаю на пол. Вдруг навалилась усталость. У меня нет чувства ритма, но я чувствую: Гюнтер колеблется.

— Ты говорил: у тебя есть мать.

Это последний довод. Если не подействует он — я проиграла.

Гюнтер довольно долго молчит

— Да, моя мать, — произносит он наконец. — Она всегда хотела внуков. А знаешь, детей у меня больше не будет...

Я не знала этого наверняка, но предполагала такую вероятность. Чуть больше полугода назад Гюнтер был в радиоактивном секторе. Он смотрит на Отто и, кажется, сдается.

— Хорошо, Эмма!

«Хорошо, Эмма!» Это звучит музыкой. Музыкой без ритма. Прекрасной музыкой.

— ...Я спасу его. Не понимаю, почему я это делаю, но...

Он быстро подходит к столу и берет ребенка на руки. Успеваю сунуть ему социальный полис. Гюнтер подхватывает свободной рукой приготовленный чемодан и быстрым шагом удаляется, бросив мне:

— Прощай.

Вот и все. Сижу на полу. Скоро за мной придут, арестуют, отвезут в следственный изолятор... Но я сделала все, что могла.

Перед глазами темно. Во рту странное ощущение, должно быть, я прикусила язык. Но это не кровь. Это вкус гамбургских вафель, настоящих.

Я еще помню его.

В ЛЕСУ БЫЛО ПРЕКРАСНО

В лесу было прекрасно. Так прекрасно, как бывает только в мае, в тот недолгий и неуловимый промежуток времени, когда весна уже достигла своего апогея. А потом, не выдержав переполняющих ее потоков новой жизни, бурлящей молодым вином в каждой частице мира, взорвалась и разлетелась во все стороны ослепительно яркими брызгами красок, запахов и звуков.

«Живи-живи-живи!» — самозабвенно выводили пеночки в кустах орешника.

«Ж-ж-живииж!» — перелетая с цветка на цветок, деловито басили основательные, как господин бременский бургомистр, шмели.

«Живуии!» — задорно визжали полосатые кабанчики, играя в прятки среди папоротниковых зарослей.

И даже старая гадюка, менявшая кожу столько раз, что уже сама давно сбилась со счета, заползала на нагретый солнцем камень и, блаженно прикрыв глаза, шипела: «Жшивиишш!»

* * *

— Раз! Два!
Левой! Правой!
Прыг! Скок!
Сквозь дубраву.
Серый — летом,
Белый — после.

Кто
ко мне
приедет
в гости?

По лесной тропинке задорно скакала девочка. Босые ноги, испачканные травяным соком, отбивали замысловатую чечетку в такт немудреной считалочке.

— Серый — летом, Белый — после... — Девочка остановилась, сияющими от восторга глазами посмотрела на большую сосновую шишку, лежащую прямо у нее на пути. Чудесную, ничуть не гнилую, почти круглую шишку. Казалось, она сама просится в руку.

Поставив на землю небольшую корзинку, аккуратно прикрытую белым платком, девочка стрельнула глазами сначала направо, потом налево. Убедившись, что поблизости никого нет, она быстро нагнулась и подобрала находку. Так и есть — шишка лежала в руке просто идеально, а слева от тропинки, шагах в десяти, стоял старый вяз с совершенно роскошным, просто нереальным дуплом.

Прищурив левый глаз, девочка несколько мгновений целилась.

— Кто... ко мне... приедет...

Бросок.

Свист распарываемого воздуха.

Сухой треск, похожий на разряд молнии.

Глухой звук удара, приглушенный густым упругим ковром мха.

— В гости! — закончила девочка, опуская руку и роняя так и не брошенную шишку.

В воздухе медленно гасли пять тонких струек полупрозрачного дыма, в которых поблескивали сиреневые и бирюзовые искорки. Каждая из этих струек миг назад сорвалась с кончика детского пальца.

— И кто же это приехал ко мне в гости, а? — задумчиво протянула малышка, склонив набок голову в накрахмаленном чепце и критически разглядывая гигантского пепельно-серого волка, спутанного невиди-

мым коконом заклинания. — Глупый волк! — капризно сообщила она своей жертве. — Моя считалочка была вовсе не про тебя, а про зайчика. Да-да, милого, пушистого зайчика. Который кушает капусту и не пытается слопать бедную маленькую девочку, решившую в этот чудный теплый денек навестить свою любимую бабушку. Бедняжка заболела, вот я и решила отнести ей пирожок и горшочек маслица.

Подойдя поближе, странная девочка без малейшего страха уставилась на хищника. А потом и вовсе присела на корточки и издевательски потрепала свою беспомощную жертву между ушами.

— Разумеется, я тебя обманула, — заявила она, вставая. — Свою бабку я терпеть не могу, да и она меня не слишком любит. Кроме того, на здоровье эта старая мымра, увы, отродясь не жаловалась...

Девочка немного помолчала, задумчиво покачиваясь с пятки на носок, а потом вытащила откуда-то из складок своего аккуратного передничка длинный и острый даже на вид кинжал.

— Значит, так, герр вервольф, — заявила она уже без всякого намека на прежний дурашливый тон. Сейчас голос ее звучал по-деловому сухо и, вкупе с веснушчатой детской мордашкой, даже жутковато. — В нескольких шагах от меня, по левую руку, — прекрасный осиновый пень. Сейчас я воткну в него вот эту штуку и немного ослаблю «Ловчую сеть». Соблаговолите принять человеческий облик. Я даже отвернусь, чтобы вас не смущать. Только предупреждаю: без глупостей. Во второй раз я воспользуюсь каким-нибудь менее безопасным для вашей шкуры заклинанием. Например, выверну ее мехом внутрь!

Она действительно отвернулась, а когда повернулась вновь, перед ней уже стоял молодой человек лет двадцати пяти, одетый в грубый наряд из кожи. В его лохматой шевелюре застрял мелкий растительный мусор, из прокушенной нижней губы на небритый подбородок стекала тонкая струйка крови, а во взгля-

де желтых глаз, устремленных на победительницу, сквозила лютая ненависть пополам с нескрываемым страхом.

— Ишь, глазищами-то сверкает! — насмешливо заметила девочка. — Так бы и съел бедное дитя! Как звать-то тебя, такого грозного?

— Вольфганг Грау, — буркнул оборотень.

— Очень приятно, — девочка сделала безупречный книксен. — А мое имя... ну, скажем, Малютка Бо-Бип. То есть, конечно, оно совсем не такое, но ты же не ждешь, чтобы я назвала свое настоящее имя первому встречному вервольфу?

— Мне все равно, — пожал плечами Грау. — Ты ведь все равно меня прикончишь.

— Почему ты так в этом уверен?

— Потому что много слышал о тебе, Владычица Тюке[1]. Жалость тебе неведома.

— Ой, как интересно. Я-то думала, ты просто решил полакомиться нежным мясом невинного ребенка, а оно вишь как обернулось... И ты, зная, кто я, осмелился на меня напасть? Смело. Безнадежно глупо, но смело. Но вот с чего бы такое внимание к моей скромной персоне? Что-то не припомню, чтобы за последние сто лет моя дорога пересекалась хоть с одним оборотнем. Ну же, Вольфи, расскажи лучше сам. Если ты и впрямь слыхал обо мне, то должен знать: я все равно вытяну из тебя все, что мне требуется. Так что давай сделаем это наименее неприятным для тебя способом.

— Это был заказ.

— Та-ак! Что ни шаг, то все чудесней! И кто же этот безумец, у которого хватило наглости *заказать меня*?

— Фрау Бреннессел[2].

---

[1] Tücke (*нем.*) — коварство.

[2] Brennessel (*нем.*) — крапива.

Глаза названной Владычицей Тюке сузились.

— Старая мерзавка! — прошипела она. — Неужели она наконец поняла, что Шварцвальд становится тесноват для нас двоих? Или просто решила проверить, хорошо ли я затвердила ее науку?

— Мне она не рассказывала, — дернул уголком губ оборотень.

— Догадываюсь. Не хватало еще, чтобы моя выдающаяся бабка докладывалась воняющим псиной недоумкам!

Вольфганг яростно зарычал, показав чересчур крупные для простого человека клыки. В тот же миг невидимый удар опрокинул его на спину с такой силой, что захрустели кости.

— Ах ты, блохастая тварь! — нога девочки с не детской силой наступила на горло распростертого вервольфа. — На кого зубы скалишь?!

Рычание перешло сначала в бульканье, потом — в натужный хрип. Лицо Вольфганга побагровело, глаза вылезли из орбит. Казалось, еще чуть-чуть — и с ним будет покончено, но в самый последний момент Тюке передумала и убрала ногу.

— Стоп! — задумчиво произнесла она. — А не в этом ли все дело?.. Эй, ты! Что ты должен был принести старой ведьме в доказательство моей смерти?

— Хрустальный флакон, который ты носишь на шее, — прохрипел Грау.

— Я так и знала! — торжествующе воскликнула девочка. — Ну конечно, карге нужна моя капля живой воды. Свою-то она потратила давным-давно, лет шестьсот назад. А потом вспомнила о родственниках.

Тетки мрут и сестры мрут,
Для племянниц гроб несут.
Только каплей не своей
Старость обмануть трудней.
Что за чудная игра:
Дочек убивать пора!

Из этих самых дочек моя матушка была старшей и тем не менее — или именно поэтому — продержалась дольше всех. Теперь, значит, бабуся опять стала дряхлеть и решила, что настал мой черед. Что ж, как ни жаль мне своей чудесной капельки, но такого случая избавиться от милой родственницы больше может не представиться.

С этими словами она достала из-под воротника платья тонкую серебряную цепочку с граненым флаконом из горного хрусталя размером в фалангу детского мизинца. На дне его маслянисто переливалась опалесцирующая жидкость. Рывок! — и цепочка лопнула.

— Все должно быть достоверно, — пробормотала Тюке. — Старуха бы ни за что не поверила, что он способен расстегнуть замок своими лапами. — Кинжал! — не глядя на вервольфа, приказала она, вытягивая руку. Вервольф молча повиновался. Колдунья подцепила притертую пробку флакона лезвием и осторожно извлекла ее. Потом закатала рукав платья и едва прикоснулась кинжалом к запястью, что-то еле слышно шепча. Из пореза выступила одна-единственная крупная капля крови и застыла, похожая на ягоду клюквы.

— Нет ничего страшнее, чем родная кровь, заклятая на убийство, — пояснила Владычица, приставляя открытый флакон горлышком к ранке. Еще несколько непонятных слов, и капля крови скользнула внутрь, мгновенно смешавшись с содержимым флакона.

— Готово! — торжествующе воскликнула Тюке. — Держи! Отнесешь это Фрау Бреннессел, да не вздумай рассказать ей о нашей маленькой шутке, слышишь?! Иначе в мире не найдется такой муки, которой я не подвергну тебя, когда поймаю.

* * *

Подождав, пока вновь ставший волком Грау скроется в кустах, колдунья некоторое время смотрела ему вслед, а потом принялась вырезать кинжалом причудливую фигуру на мху:

Зло с добром играют в прятки, —

бормотала она, —

Значит, в мире все в порядке.
Кто б ни выиграл в день прекрасный,
Приз вручаем шапке красной.

Трут и огниво нашлись все в той же корзинке... хотя чего там только не было! Не во всякой драконьей пещере, омуте водяного или сокровищнице кобольда можно было сыскать столько удивительных и опасных вещей, как в корзинке Тюке из Шварцвальда. Уже через несколько минут на полянке горел небольшой костер, и вряд ли стоило удивляться тому, что от его пламени, походившего на причудливый сиреневый цветок, по земле расползались во все стороны колючие веточки инея. Колдунья вновь запустила руку в корзину и бросила что-то в огонь — то ли пучок седого мха, то ли спутанный моток ниток, то ли клок длинной шерсти, и молниеносно отвернулась, защищая глаза от нестерпимо яркой вспышки. А когда, спустя тридцать ударов сердца повернулась вновь, на месте костра стояла мощная коренастая фигура.

— Привет тебе, Владычица Тюке! — пророкотал низкий голос, звучавший немного невнятно из-за длинных желтоватых клыков, выдающихся из-под нижней губы. — Что, опять настала нужда в моих услугах?

— Здравствуй, Тулабрик! — помахала ручкой девочка. — Давненько не виделись. Надеюсь, я не оторвала тебя от дел?

Гоблин затрясся в беззвучном смехе, запрокинув уродливую голову в красновато-буром колпаке:

— Ничего такого, что не могло бы подождать, Владычица. Не говоря уж о том, что на такой призыв я не мог не откликнуться, как тебе это прекрасно известно.

— Да-да, волосы с твоей головы. Кстати, они у меня кончаются. Когда будешь уходить, оставь про запас.

Тулабрик кивнул и, широко расставив короткие кривые ноги в железных башмаках, навис над Тюке, опираясь на древко тяжелой секиры почти с себя высотой.

— Чем могу служить, Владычица?

— Для твоего топора появилась работа, мой безобразный друг. Видишь ли, милая моя бабушка, похоже, тяжело захворала.

— Правда? И ее болезнь лечится топором?

— Не совсем. Просто я случайно узнала, что сегодня в ее домик собрался залезть некий волк.

— Серый, разумеется?

— О да! Фамилия его — Грау[1], зовут Вольфгангом, и на четырех лапах он ходит только время от времени.

Гоблин понимающе кивнул.

— Так вот, я, как ты знаешь, очень люблю старушку и просто не могу допустить, чтобы этот серый волк среди бела дня сделал свое черное дело и ушел безнаказанным. Так что если бы некий благородный дровосек с большим и острым топором совершенно случайно проходил мимо бабушкиного домика и помешал гадкому волку скрыться, я была бы ему очень признательна.

— А если к тому моменту, как дровосек окажется у домика фрау Бреннессел, волк уже убежит? — хмыкнул Тулабрик.

— Это разобьет мое сердце, и дровосеку не видать той сотни полновесных талеров, которые я собиралась заплатить ему за волчий хвост. Да, и на всякий случай: если дровосек придет к домику бабушки чересчур рано и помешает волку, то лучше бы ему больше не попадаться мне на глаза.

— Топоры нынче недешевы, — оскалился гоблин. — Все больше волков, все меньше бабушек... Думаю, волчий хвост потянет на сто пятьдесят монет.

Тюке топнула ножкой:

---

[1] Grau (*нем.*) — серый.

— Уж не покупаешь ли ты свои топоры у самого старого Велунда?! Ладно, только по старой дружбе — сто двадцать. По рукам?

— По рукам, Владычица!

Детская розовая ладошка утонула в огромной лапище гоблина. Все так же улыбаясь, Тулабрик рванул колдунью на себя, одновременно отбрасывая в сторону топор и выдергивая из-за пояса тяжелый охотничий нож. Спастись от такого удара не могла даже Тюке из Шварцвальда...

* * *

— Вот так оно все и было, — гоблин одним богатырским глотком прикончил остатки пива в своей огромной кружке и удовлетворенно рыгнул.

— Да-а, история... — задумчиво протянул один из двух людей, сидящих напротив. — Бедная маленькая Тюке...

— Бедная? Маленькая? — фыркнул второй. — Даже если бы мы с тобой, братец, не слышали о сей особе больше ничего, кроме этой истории, так ее называть я бы не стал.

— Хорошо, хорошо, Вилли, — не стал спорить тот. — Не бедная и не маленькая. Но вообрази ее удивление в последние мгновения жизни. Она, наверно, и представить себе не могла, что старая фрау Бреннессел будет столь предусмотрительна, чтобы иметь запасной вариант в виде нашего приятеля Тулабрика.

Маленькие, налитые кровью глазки гоблина нехорошо сверкнули

— Запасной вариант? — прорычал он. — Я? Значит, этот паршивый вервольф, который даже не сумел подкрасться к жертве незамеченным, основной, а я...

— Мир, мир, приятель! — названный Вилли торопливо положил руку на кисть Тулабрика, которая уже потянулась к лежащему на столе ножу. — Якоб вовсе не хотел тебя обидеть. Правда ведь, братик?

— Конечно, — закивал тот. — Может, еще пива? Эй, красотка!

К счастью для братьев, гоблин остывал так же быстро, как и закипал. К тому же эти двое чем-то ему нравились. Возможно, тем, что совсем не боялись ни его самого, ни прочих постоянных посетителей трактира «У моста», среди которых кривоногий и клыкастый охотник за головами, право же, был далеко не самой импозантной фигурой. А еще они всегда были готовы платить звонкой монетой за интересные истории и умели держать язык за зубами.

— Кстати о вервольфе...

— Я его убил, — пожал могучими плечами Тулабрик. — Хотя фрау Бреннессел это не оживило. Впрочем, она нравилась мне ничуть не больше внучки.

— Но ведь Тюке уже не могла тебе заплатить...

— Какая разница? Во-первых, не люблю слабаков и неумех. Его бы все равно кто-нибудь прикончил, и довольно скоро. В нашем ремесле такие долго не живут. И потом, я ведь обещал, а данное слово нужно держать. Тем более — слово, данное мертвым колдунам. Мало ли что...

Гоблин залпом допил пиво и хлопнул ладонью по столу:

— Ладно, мне пора. Иначе в следующий раз будет вам нечего рассказать, а я как-то разучился сам платить за свою выпивку, хо-хо!

Накинув на плечи валяющийся у стола длинный кожаный плащ с капюшоном и подхватив прислоненную к стене секиру, он приветственно поднял руку и тяжело затопал к двери, на ходу превращаясь в пожилого усатого мужчину в простой крестьянской одежде и с колуном на плече.

— Да, каких только дровосеков не встретишь в наших лесах, — покачал головой Якоб, глядя ему вслед.

— Угу, особенно в лесах, подобных старому Шварцвальду.

Братья немного помолчали, а потом Вилли всплеснул руками:

— Погляди-ка! Тулабрик забыл свою шапку!

И впрямь, в углу стола, скрытый пустыми пивными кружками, валялся ярко-алый колпак гоблина, похожий на раздавленный гигантский мак.

— Тьфу, пакость! Как думаешь, они и впрямь красят их кровью своих жертв?

— Угу. И чем ярче цвет, тем меньше времени прошло с момента, так сказать, покраски, — несколько рассеянным голосом ответил Вилли, не отрывая глаз от колпака.

— Что ты сегодня заладил, точно филин: «угу» да «угу»? — всплеснул руками непоседливый Якоб. Не дождавшись ответа, он дернул брата за рукав. — Эй, я, между прочим, к тебе обращаюсь!

— А? Извини, задумался.

Вилли наконец-то оторвался от созерцания зловещего головного убора, глотнул из кружки и внезапно лихо прищелкнул пальцами.

— Знаешь, братец, — с улыбкой до ушей заявил он, — а ведь из этой истории выйдет недурная сказка! После некоторой обкатки в нашем стиле, разумеется.

— Надеюсь, Тулабрика в ней не будет? Он этого не переживет.

— Скорее уж — мы. Не волнуйся. Ни Тулабрика, ни оборотня, ни двух полоумных колдуний, угробивших друг друга.

— Подожди-ка, так что же тогда останется?

— О, например, красная шапка.

— Шутишь?

— Ничуть. Вот послушай...

Но не успел Вилли и рта раскрыть, как сбоку от стола раздалось:

— Кхе-кхе! Мое почтение!

— Эгей! — возликовал Якоб. — Да это же мой лучший друг Теофраст Ворчун! Привет, старина! Что новенького? Как братья?

Пожилой цверг торжественно поклонился сначала Вилли, потом Якобу и степенно огладил свою роскошную бороду:

— Благодарствую, у нас все вполне недурно. Нашли на днях новое месторождение лунных камней. И еще кое-что. Точнее — кое-кого, так что теперь нас восемь. Но это длинная история.

— А мы вообще-то никуда и не торопимся, — заговорщицки подмигнул Якоб, пододвигая Теофрасту табурет. — Эй, красотка! Еще пива!

ШЕСТЕРО И УМАНСКИЙ

Доктор прибыл на Цереру рейсовым с Меркурия. На каюту первого класса он истратил последние сбережения, однако легкомысленным этот поступок не был. Легкомыслие Доктору вообще было несвойственно, а после пятилетней отсидки в меркурианской федеральной тюрьме — тем более. Так что безрассудная на первый взгляд трата была вполне рациональной — с момента прибытия на Цереру Аристократ гарантировал полный пансион. Слову Аристократа знающие его люди доверяли безоговорочно, а потому на душе у Доктора было легко и безмятежно.

Таможню новоприбывший одолел без происшествий — последний набор документов ему делал настоящий мастер, а справляться с нервами сухопарый, подтянутый и уверенный в себе Доктор умел. Не прошло и часа, как он поднялся в пневматическом лифте на последний этаж роскошной гостиницы при космодроме и уверенной походкой зашагал по коридору.

Аристократ ждал в трехкомнатном люксе, при виде гостя его круглое благообразное лицо добряка и простофили расцвело приветливой улыбкой. Поговорку «внешность обманчива» облик Аристократа прекрасно иллюстрировал. Добряком и простофилей Аристократа мог назвать разве что повредившийся умом.

С Доктором их роднило многое. Во-первых, то, что доктором Доктор не был, так же как Аристократ не был аристократом. Во-вторых — благоприобретенная неприязнь к законодательству на восьми планетах, не

говоря о таковой на астероидах. И, в-третьих, статус — Аристократ и Доктор в прошлом были подельниками и вместе провернули не одну аферу.

— Располагайся, дружище, — вальяжно пригласил Аристократ. — У тебя есть неделя, можешь провести ее по своему вкусу. Полулюкс в «Метрополе», выпивка, травка, девочки — все оплачено.

Доктор осклабился — услышанное явно пришлось ему по душе.

— Пойду устраиваться, — сообщил он. — Насчет дела не намекнешь?

— В свое время. Я жду еще четверых, в течение недели все должны собраться. Одно скажу — если дело выгорит, нам с лихвой хватит до конца жизни. Каждому.

* * *

Три дня спустя на взятом в рент челноке-межпланетнике с Земли прибыли Мойщик с Кулаком. Мойщик был хитер, изворотлив, говорил вкрадчиво и специализировался на взломах. Кулак одно время состоял при Аристократе боевиком. Умом он не отличался, но по части телесных повреждений, вплоть до фатальных, был незаменим.

Еще через сутки из нутра венерианского транспланетника на космодром выбрался Стрелок. В молодости он послужил в десанте, откуда был отчислен за вздорный нрав и патологическое упрямство. Аристократ в свое время подобрал Стрелка в одном из пуэрториканских притонов, где тот отсиживался, скрываясь от полиции. Умение без промаха стрелять из любого оружия пришлось Аристократу по душе, а вздорным нравом его было не удивить.

Последний из приглашенных прибыл за день до срока. Был он тощ, раскос, мал ростом и известен под кличкой Карлик. Предположить, что за неказистой внешностью скрывается разыскиваемый по всей Солнечной системе преступник, было трудновато. Тем не

менее по Карлику плакали тюрьмы восьми планет и суды Линча, принятые у скорых на расправу шахтеров на астероидах. В отличие от остальной компании криминальной специализации у Карлика не было — он одинаково успешно проявлял себя и в аферах, и в рэкетах, и в налетах.

— Все в сборе, — констатировал Аристократ, оглядев по очереди каждого из пятерых. — Что ж, некоторые из вас знакомы друг с другом, остальным для знакомства еще неделя. За мой счет, разумеется. Операция предстоит сложная, и у нас небольшие задержки с техобеспечением. Ну а пока что скажу — я знаю каждого из вас, с каждым работал и за каждого ручаюсь.

— Что все-таки нам предстоит? — поинтересовался узколицый, горбоносый и вертлявый Мойщик.

— Детали узнаете в свое время. Дело стоит миллионы. Да, кстати, если оно накроется, все пойдем под вышку. Кого-нибудь это обескураживает?

— Нас всех когда-нибудь ждет вышка, — философски заметил Карлик. — Меня не обескураживает. Ничуть.

* * *

Аэрокар описал над космодромом круг и приземлился в грузовой его части. Дверцы распахнулись, команда Аристократа выбралась наружу.

— Это что такое? — в недоумении пробормотал Стрелок, уставившись на уродливый, с обшарпанным корпусом и закопченной кормой монстроподобный космический корабль.

— Наше корыто, — бесстрастно ответил Аристократ. — Списанный грузовоз с маршрута Юпитер — Церера. Пилотировать — одно удовольствие, прекрасно летит по прямой, с маневренностью, правда, похуже.

— Зачем нам эта развалина? — изумился Стрелок.

— Пойдемте на борт, — проигнорировал вопрос Аристократ. — В кают-компании все обсудим.

В кают-компании против ожиданий оказалось вполне комфортно. Аристократ подключил технику и приблизился к образовавшемуся на стене матовому экрану.

— Вот она, — кивнул Аристократ на пульсирующую по центру экрана сферу, когда матовый сменился на черный.

— «Она» это что? — уточнил Доктор.

— Перевалочная станция, база, если угодно. Персонал — пятнадцать человек. Дрейфует между орбитами Марса и Юпитера. Принимает руду с астероидов, потом ее переправляют на Землю.

— Зачем нам руда? — с недоумением спросил здоровила Кулак.

— Руда нам, разумеется, ни к чему, — Аристократ улыбнулся. — Через сорок шесть дней, однако, на базу поставят трехлетнюю добычу алмазов с дальних астероидов. Миллиардов так на пять-шесть, если сдавать оптом.

— Вот это куш, — присвистнул Мойщик. — Откуда информация, Арист? И как мы эти камни возьмем? База ведь наверняка неприступна.

Аристократ усмехнулся.

— Неприступна, — подтвердил он. — Но там диспетчером мой человек, прикормленный. Так что делить будем на семерых. Теперь в подробностях. По легенде, мы везем рений с Плутона. У нас будет «окно» — сутки или двое между отлетом астероидного курьера и прибытием транзитника с Земли. Расчет по времени сделан, пароли диспетчер нам радирует на подходе. Стыкуемся, через шлюз проникаем вовнутрь станции. Персонал базы... — Аристократ прервался и оглядел сообщников.

Стрелок провел указательным пальцем по горлу и вопросительно посмотрел на главаря.

— Да, — подтвердил Аристократ. — Персонал гасим. Всех, кроме нашего парня и казначея. За оставшиеся часы из него надо будет вынуть коды от сейфов.

Доктор ужаснулся. В мокрых делах он еще не участвовал. Отказываться, впрочем, было уже поздно — наружу из грузовоза живым его не выпустят.

— А если казначей не скажет? — усомнился Мойщик.

— Добровольно почти наверняка не скажет, — кивнул Аристократ. — Возможно, не скажет и под пытками. Но на это у нас есть Доктор и кое-какое оборудование.

— Ментоскоп? — вскинул глаза Доктор.

— Он самый. Пришлось выложить за него неплохие денежки. Надеюсь, они себя оправдают. Установлен в медотсеке. Справишься?

Доктор кивнул. Криминальной психиатрической практикой заниматься ему приходилось. И сдаивать информацию с упорствующих клиентов — тоже.

— Что ж, — Аристократ окинул взглядом собравшихся. — Всех устраивает? Тогда послезавтра мы вылетаем.

* * *

Арсенал, собранный Аристократом на борту грузовоза, впечатлял. Стрелок с Кулаком и Мойщиком не вылезали из переоборудованного в тир трюма. Холодное оружие, огнестрельное, плазменное — кинжалы, пистолеты-пулеметы, разрядники — всего было в изобилии и хватило бы, чтобы вооружить роту. Стрелок блаженствовал, меняя оружие и одну за другой валя грудные мишени. Коренастый, усатый, с маленькими злыми глазками на кирпичного цвета скуластом лице. Стрелок даже компаньонам казался человеком опасным.

— Хоть сюда бы ходил без этих своих цацек, — проворчал Карлик, с неудовольствием разглядывая обвешанного оружием Стрелка за обедом в кают-компании.

— Что? — Стрелок сыто рыгнул и пренебрежительно ухмыльнулся. — Дрейфишь?

Карлик оторвал от тарелки со съестным узкие невыразительные глаза.

— Нет, — медленно и очень тихо произнес он, упершись взглядом компаньону в переносицу. — Я не дрейфлю. Еще вопросы, недоумок?

Стрелок поперхнулся воздухом. Ему внезапно показалось, что он беседует с самой смертью. Трусом он, однако, не был и спускать оскорбления не привык.

— Ты, урод... — начал Стрелок, но враз осекся.

Аристократ отодвинул в сторону бокал со столовым вином. Недалекость и благодушие слетели с его лица — как и не бывало. Доктор вздрогнул — такого Аристократа видеть приходилось нечасто, и ничего хорошего вид этот не предвещал.

— Вы, оба, — негромко сказал главарь. — Закончим дело — хоть режьте друг друга, хоть стреляйте. А пока что: увижу еще раз — зачинщика порешу лично.

— Извини, Арист, — как ни в чем не бывало улыбнулся Карлик. — Понервничали.

* * *

Стрелка Мойщик нашел мертвым на следующее утро. Дверь в его каюту была нараспашку, мертвец лежал на койке навзничь с ножом, по самую рукоятку утопленным под левый сосок.

В кают-компании на Карлика настороженно смотрели три пары глаз. Четвертая, принадлежащая Аристократу, задумчиво уставилась в потолок.

— Ну-с, — прервал наконец молчание главарь. — Спрашивать, кто это сделал, разумеется, бесполезно. Да перестаньте вы на него коситься! — рявкнул Аристократ. — Карлик ни при чем. Кто будет убивать подельника, зная, что остальные подумают на него? Выкладывайте, кто что делал минувшей ночью. Кто что видел.

Опрос не привел ни к чему. Мойщик первую половину ночи дежурил в рубке, потом его сменил Кулак. Остальные до утра спали по своим каютам.

Стрелка похоронили в конвертере. Следующие двое суток прошли напряженно. Компаньоны поглядывали друг на друга с настороженностью, теперь при оружии были все, даже никогда не пускавший его в ход Доктор.

— Ладно, — резюмировал на третье утро Аристократ. — Кто бы ни прикончил Стрелка, дело уже сделано. Один из нас имел с ним личные счеты, бывает. А покойный был не самым приятным, мягко говоря, человеком. Что ж, мир праху. Сил на операцию нам хватит. Давайте расслабимся, парни, глядеть друг на друга по-волчьи в нашем положении не пристало.

* * *

— Арист, вставай, — истово колотил кулаками в дверь капитанской каюты Мойщик следующей ночью. — Вставай же, черт побери!

— Что стряслось?

— Кулак убит.

— Что-о?!

Кулак, обмякнув, сидел в пилотском кресле с наконечником шестидюймовой иглы, выдающимся из правой глазницы.

— Пришел его менять, — испуганно объяснял Мойщик. — А он еще теплый. Застрелен из игольника, часа за два, думаю, до пересменки. А тут еще вот, — Мойщик протянул сложенный вдвое бумажный листок. — У Кулака на коленях лежал.

«Всех вас перешлепаю, — значилось на листке. — По одному. Уманский».

* * *

На этот раз в кают-компании нервное напряжение, казалось, насытило и пропитало воздух.

— Значит, так, — Аристократ вывалил на стол бластер. — Прочесываем корабль от носа к корме, еди-

ной группой, в пределах видимости. Каждый отвечает за каждого. Не знаю, как сюда мог пробраться этот гад, и думаю, что никакого Уманского нет, но другого выхода я не вижу. Кстати, что означает «Уманский»?

— Это фамилия, — подсказал Доктор. — Славянская. Я слыхал об одном копе, которого так звали. Якобы у него перебили всю семью, то ли на Венере, то ли еще где, и он поклялся отомстить. Вот и мстит всем без разбора.

— Я тоже слыхал, — подтвердил Мойщик. — Говорят, есть такой, действует на свой страх и риск. Сам разыскивает нашего брата, сам судит, выносит приговор и сам же его исполняет. Только до сегодняшнего дня я думал, что это байки.

— Я и сейчас думаю, что байки. — Аристократ в сердцах сплюнул. — И кто-то из вас троих прикрывается именем этого Уманского. Знать бы только зачем.

— Арист, — сказал Карлик твердо. — Мы все тебя уважаем и признаем твой авторитет. Только вот что, давай без обид. Убивал кто-то не из нас троих, а из нас четверых, хорошо? В таком деле исключений быть не может.

Аристократ на секунду задумался.

— Согласен, — сказал он. — Начинаем. Если неким чудом на судно удалось пробраться Уманскому или кому угодно — мы его найдем и шлепнем. Пошли.

* * *

Как Аристократ и предсказывал, поиски не привели ни к чему. Грузовоз прочесали дважды от носа к корме и столько же раз в обратном направлении. Ни единого постороннего живого организма тепловизорам обнаружить не удалось.

— Итак, один из нас называет себя Уманским, — подытожил Аристократ, когда снова собрались в кают-компании. — Что ж, делать нечего, нам придется всем пройти через приборы Доктора.

Аристократ замолчал. Остальные молчали тоже. За каждым были дела, о которых знать никому постороннему не полагалось.

— Другого выхода, похоже, нет, — вздохнул наконец Карлик. — Лучше пускай один из вас заложит меня, чем пришьет. Я согласен.

— Согласен, — кивком подтвердил Мойщик.

Доктор побледнел лицом.

— Вам когда-нибудь приходилось смотреть менто-граммы? — спросил он, ни к кому лично не обращаясь.

— Нет, — Аристократ отрицательно покачал головой. — Это что же, неприятно?

— Более чем неприятно. Это словно делаешь грязную работу, на которой задыхаешься от брезгливости. Даже если сам творил не лучше того, что увидел.

— Понятно, — Аристократ хмыкнул. — Что ж, слабонервных у нас нет. Пойдемте в стационар. Я буду первым.

* * *

— Начинай думать о детстве, Арист, — распорядился Доктор. — Вспоминай свою жизнь год за годом. Самые яркие воспоминания мы увидим, — пояснил он. — И наверняка увидим недавние.

Аристократ в знак согласия моргнул. В массивном, закрывающем нижнюю часть лица шлемофоне он был похож на вышедшего в отставку космонавта, примерившего рабочую форму.

Троица завороженно уставилась на экран монитора. Некоторое время на нем расплывались лишь звездастые кляксы. Потом они сгинули, превратившись в кадыкастого паренька, сосредоточенно отпиливающего голову кошке. Кошку сменил другой паренек, тощий, прикрученный проволокой к столбу. Кадыкастый деловито руководил избивающей его компанией. Тот же тощий, но уже лежащий ничком в натекшей кровавой луже. Колония для малолетних преступников в пустыне Невада. Драки, поножовщина, затем

наглый и дерзкий побег. Притоны в Акапулько, спиртное, девки. Групповое изнасилование, еще одно. Налет на Первый мексиканский, перестрелка с полицией. Вновь колония, взявший молодого бандита под свою руку матерый разбойник-рецидивист с Гватемалы.

Следующие полтора часа компания молча наблюдала, как набирал авторитет их главарь. Новые налеты, но теперь продуманные, организованные. Аферы, банковские махинации, киднеппинг. Авто и аэромобили, красотки в мехах и неглиже, красотки в чем мать родила, набитые купюрами кейсы, отели, космолеты, гигантские ставки в казино. Наконец Церера, они вшестером в кают-компании грузовоза, зарезанный в своей каюте Стрелок...

— Здесь помедленнее, — велел Доктор. — Вспоминай, что делал за последние трое суток, тщательно, чуть ли не поминутно.

Десять минут спустя Доктор стянул с главаря шлем.

— Чист, — констатировал он. — Кто следующий?

Следующим вызвался Мойщик. Его биография отличалась от только что просмотренной лишь меньшим масштабом.

— Если бы ментограммы считались доказательством в суде, — осклабился Мойщик, освободившись от шлемофона, — то я сейчас напоказывал на пожизненное, а Арист — на вышку. И потом...

— Главное, что ты чист, — прервал Карлик. — Ох, как не хочется, — признался он. — Не хочется просвечиваться, у меня там... Ладно, давайте, — Карлик махнул рукой.

* * *

Доктора после просмотра стошнило. Мойщик потел и нервно потирал руки, лишь Аристократ оставался спокоен и невозмутим.

— У каждого свои слабости, — прокомментировал он. — Скажи, раз уж мы все равно видели... Когда убиваешь женщину... Что ты испытываешь при этом?

Карлик усмехнулся.

— Когда рождаешься низкорослым уродом, начинаешь со временем их ненавидеть. Впрочем, вам лучше этого не знать. Давайте вернемся к нашим баранам. Мы трое чисты. Что скажешь, Доктор?

Мойщик пришел в себя, выдернул из-за пояса импульсный разрядник и направил на Доктора.

— Тихо, тихо, — успокоил Аристократ. — Будем последовательны. Как управляться с этим прибором?

Доктор, запинаясь, принялся объяснять.

— Я не виновен, — сказал он наконец. — Вы скоро сами увидите.

Следующий час, пока Аристократ крутил верньеры, остальные двое не отрывали от монитора глаз.

— Да уж, — развел руками Мойщик, едва просмотр закончился. — То же, что у нас. Не думал, что тебе приходилось сидеть, приятель.

— Пять лет, — Доктор нахмурился. — Попался на афере с наркотиками, впрочем, вы видели. Ладно, что будем делать?

— Давным-давно читал я одну книжонку, — сказал Карлик раздумчиво. — Древнюю и писанную бабой. Называлась, как сейчас помню, «Десять негритят». Так вот, там, на острове, собралась компания — по тем временам все деловые. И их начали убирать одного за другим. Пока всех не шлепнули. Вам это ничего не напоминает?

— Напоминает, — признался Аристократ. — И кто их?

— Один из них же. В конце выяснилось, что тот, которого якобы пришили первым. Или одним из первых. А на самом деле он собственную смерть инсценировал.

— Не наш случай, — отмел Аристократ. — Наши покойники оба в конвертере, когда распадешься на атомы, особо не поинсценируешь. Ладно... Об операции можно забыть, надо уносить ноги. Мойщик, посчитаешь курс, будем разворачиваться. А я пока поищу в компьютерных недрах. Может, найду что-нибудь об этом Уманском.

* * *

— Уманский Дмитрий Николаевич, — вслух считывал Аристократ с панели монитора от бортового компьютера, — похоже, тот, кого мы ищем. Родился тогда-то, окончил то-то, работал там-то. По образованию нейробиолог, забросил практику в связи с трагической гибелью семьи. Капитан Галапола, уволен в отставку за самоуправство. Ну-ну. Дальше слухи. Якобы пробрался в банду Черного Яна на Каллисто и в одиночку ее уничтожил. Потом развалил концерн, занимающийся подпольной трансплантацией органов. Тоже пробравшись вовнутрь. Хм-м, на Луне истребил компанию киднепперов. Тем же путем. Расшлепал команду астероидных пиратов. Что-то не верится мне, парни.

— Я знавал одного из этих киднепперов, — задумчиво сказал Карлик. — Едва, говорит, унес ноги. Подробностей, впрочем, не знаю, но, по его словам, ребят стали отстреливать одного за другим. Дескать, за неделю в команде грохнули восьмерых.

— Восьмерых, значит, — механически проговорил Аристократ. — А нас всего шестеро. Было шестеро, — поправился он. — Что за бред! Никакого Уманского здесь нет и быть не может.

— Если предположить, что один из нас — Уманский, — встрял Доктор, — то, получается, он умеет блокировать память. А это, уверяю вас, невозможно. Никакая нейробиология не поможет, или чем он там занимался в юности.

— Нейробиология, — повторил Аристократ. — Что-то в этом есть, сам не пойму что. Ладно, парни, нам предстоит провести в обществе друг друга две недели. При этом надолго покидать рубку нельзя, иначе запросто можем впилиться, например, в астероид. И повернуть не успеем, маневренность у корыта аховая. Значит, так: разбиваемся на две пары. Одна будет постоянно находиться в рубке. Пока один спит, другой бодрствует. Вторая — в каюте, по тому же принципу. Раз в день

пересменка. Если кого-то из нас четверых грохнут, то, значит, убийца — напарник.

— Я не умею пилотировать корабли, — возразил Доктор. — Вообще ничего водить не умею. Вы же видели при просмотре — ни разу не садился ни за штурвал, ни за руль. От меня в рубке толку не будет.

— Значит, твоему напарнику придется попотеть. Можем кинуть жребий, если нет лучших предложений.

— Лучших — нет, — сказал Мойщик. Он достал из коробки сигару, прикурил и выпустил дым в потолок. — Я думаю...

Мойщик не договорил. Сигара внезапно выпала у него из рук. Мойщик закашлялся, схватился за грудь, глаза у него налились красным.

— Держите его! — Аристократ, оттолкнув кресло, бросился к компаньону.

Держать оказалось ни к чему. Захрипев, Мойщик опрокинулся навзничь.

— Мертв, — минуту спустя определил Доктор. — Сердце не бьется, пульса нет. Похоже на отравление цианидом.

* * *

— Подменить сигару мог любой из нас, — сказал Карлик со злостью. — Курил только Мойщик, значит, целились именно в него. Давайте-ка рассуждать. В том, что один из нас троих Уманский, сомнений нет. Так что...

Аристократ кивнул.

— Никаких сомнений, — подтвердил он и выдернул из кармана миниатюрный бластер.

Вспышка поглотила Карлика. Доктор вскрикнул, вцепился руками в столешницу, челюсть у него отвалилась от страха.

— Все в порядке, дружище, — невозмутимо проговорил Аристократ и убрал бластер обратно в карман. — Уманский — он, а не я. Я его вычислил.

— К-как? К-как вычислил? — запинаясь, переспросил Доктор.

— Сейчас объясню, — Аристократ откинулся в кресле, скрестил на груди руки. — Ты, единственный из всех, не умеешь пилотировать космолеты. Так что Уманским ты быть не можешь, в одиночку тебе не вернуться. А мне с точностью известно, что Уманский — не я, — Аристократ усмехнулся. — Арифметика простая. Полагаю, Карлик тоже додумался бы до нее, будь Уманским я, а не он.

* * *

Следующие два дня Доктор приходил в себя. Осознания, что опасность уже позади, почему-то не было. С Аристократом они встречались за завтраками и обедами в кают-компании, остальное время тот проводил в рубке.

— Через двенадцать дней будем на Церере, — говорил Аристократ спокойно. — Ничего, наберем новую команду. Как же я мог так ошибиться в нем. Прикончил моих парней и нас с тобой хотел. И потом, эта дурацкая бумажка, подписанная Уманским. До сих пор не пойму, зачем он все это сделал.

— Боюсь, что мы не узнаем зачем, — Доктор вздохнул. — Меня не оставляет мысль, что мы упустили что-то.

— Меня тоже, — признался Аристократ. — Но обдумывать эту мысль будем, когда вернемся. Главное сейчас — вернуться. Живыми.

Наутро Аристократ в кают-компании не появился. Доктор прождал до обеда и, встревоженный, потрусил в рубку.

Аристократ лежал на полу ничком, с кровавым месивом вместо затылка.

Доктор тяжело осел на пол, перед глазами расплылись радужные круги. Минут десять он провел в прострации, зрение не фокусировалось, мысли тоже. Ко-

гда наконец Доктор стал осознавать действительность, первым, что он увидел, была пришпиленная к спине трупа записка.

«Это пятый, — давясь рвотным спазмом, прочитал Доктор. — Уманский».

* * *

Остаток дня Доктор провел, запершись в каюте и дрожа от страха. Он лихорадочно, одну за другой, перебирал версии, отбрасывал очередную и хватался за следующую. Догадаться, что произошло, удалось лишь к полуночи. От догадки Доктор пришел в ужас.

Другой, лучшей версии у него, впрочем, не было. Доктор выбрался из каюты наружу и на нетвердых ногах потащился к терминалу от бортового компьютера.

«Нейробиология, — нашел в справочнике Доктор. — Смежные науки: нейробионика, нейропсихология, нейрохирургия. Псевдонауки: нейроэкспансия, нейропенетрация».

Доктор преодолел враз охватившую его слабость, поднялся и поплелся в рубку. Дрожащей рукой написал на листке бумаги: «Ты убьешь меня?» — прилепил листок к пульту управления, перешагнул через тело Аристократа и двинулся обратно в каюту. Не раздеваясь, упал на койку и провалился в сон.

Пробудившись, Доктор поспешил в рубку. Трупа в ней уже не было, что Доктора ничуть не удивило. Он впился взглядом в листок.

Под вопросом «Ты убьешь меня?» стоял ответ: «Не решил еще. Уманский».

Доктор содрогнулся от страха и кинулся обратно в каюту. Принял снотворное, улегся на койку.

За оставшиеся дни он извел два пузырька со снотворным, потому что старался спать как можно дольше.

Грузовоз приземлился на Церере на исходе восьмых суток. Доктор спал и поэтому посадку прозевал. Пробудился он уже в гостинице.

«Как вернуть твое тело?» — написал он на блокнотном листке, выдрал его и жевательной резинкой прилепил к зеркалу в ванной.

Затем спустился в ресторан, через силу поужинал и велел записать счет на гостиничный номер.

— Разумеется, сэр, — кивнул официант. — Ваше имя, пожалуйста.

— Дмитрий Уманский.

Официант сверился с наладонником, вновь кивнул и умчался.

Доктор поднялся в номер и отправился на боковую. Его ждал в ванной ответ.

«У меня нет тела. Меня убил бандит по прозвищу Черный Ян семь лет назад на Каллисто. Не переживай, скоро я оставлю тебя».

Доктор принял душ, побрился и спустился в холл. Позавтракал, велел записать счет на Уманского и отправился в город.

Надо найти какой-нибудь притон, размышлял Доктор. Там он уляжется спать и едва заснет, станет Уманским. Интересно, где тому удалось внедриться в его мозг. Вероятно, в тюрьме, незадолго до освобождения. Можно Уманского спросить, а впрочем, неважно.

Доктора передернуло — от мысли, что его телом управляют поочередно два разных сознания, в который раз стало жутко. Нейропенетрация... В энциклопедиях и справочниках написано, что принципиально нейропенетрация возможна, хотя на настоящий момент мало изучена и считается псевдонаукой. Доктор усилием воли взял себя в руки и двинулся дальше.

Подходящий притон удалось найти к вечеру. Доктор махнул рюмку отвратного пойла в расположенном на первом этаже баре и снял на имя Уманского номер на втором.

«Ты еще во мне?» — написал он и вновь прилепил блокнотный листок к зеркалу в ванной.

С осознанием, что сделал все от него зависящее, Доктор заставил себя заснуть. Пробудился он снару-

жи, под ветхим, обшарпанным забором. Скинул кусок брезента, в который был укутан, поднялся. Интересно, подумал Доктор, какого из давешних отирающихся в баре прощелыг выбрал для себя Уманский.

Внезапно на душе полегчало. А ведь его больше нет во мне, с радостью понял Доктор. Он бросился обратно в притон, взлетел на второй этаж. Блокнотный листок оказался на месте.

«Прощай, — прочитал Доктор. — Оставил тебе немного денег, аккредитив у портье. Живи, так и быть. Уманский».

Приписка внизу «до последнего думал грохнуть тебя этой ночью» настроение Доктору немного подпортила.

СЕРДЦЕ ПРОХОДЧИКА

ГЛАВА 1

Дни спустились в распадок одновременно. Когда-то здесь тек ручей, но сейчас русло пересохло. Крутые склоны поросли диким шиповником и молодыми кленами. Аякс протаранил кусты, вышел на ровное место и застыл в изумлении. Напротив из зарослей выбиралась его точная копия. Двойник шагнул на дно оврага, остановился — стальная громада на фоне яркой осенней листвы. Сейчас различия были очевидны. У Аякса плечевая броня крепилась к корпусу внахлест, полностью закрывая трубки системы охлаждения и шарниры моторики. Чужак был защищен хуже, но облегченная конструкция суставов и лобовой брони говорила о лучшей маневренности. Всего этого можно было сразу не заметить, но герб фабрики на грудной пластине недвусмысленно указывал на разницу в происхождении проходчиков. У Аякса — полиспаст в обрамлении червячных передач, у мнимого двойника — домна на фоне колеса. Этого символа Аякс не знал и готов был в любую минуту атаковать. Фабрики конкурировали между собой. Даже воевали.

— Чего стоим? Фант ходить не умеет! — из люка на загривке Аякса выбралась недовольная Клио.

Каштановые, с легкой рыжиной волосы вечно растрепаны, на щеке пятно — не то смазка, не то шоколадный кекс. Из-под челки таращатся озорные зеленые глаза, воинственно торчит вздернутый нос. Она носила длинную накидку собственного изготовления,

сшитую из кусочков ткани, брюки из плотной кожи и грубые фабричные ботинки на шнуровке.

— Так-так. Конкуренты, — девушка нахмурилась. — Где твой директор, здоровяк?

Из-за бронированной ноги проходчика вышел худощавый молодой человек. Он был в комбинезоне, снабженном множеством карманов, на ногах — высокие сапоги, на голове — потрепанная черная шляпа.

— Меня зовут Милош, а это — Яртан, — молодой человек хлопнул гиганта по колену, и металл отозвался глухим гулом. — Мы из Шагающей Домны. Слыхала о такой?

— Ни словечка.

— Тем лучше. Вам придется отдать нам фант. Весь, что у вас есть, и тогда вы о нас больше никогда не услышите.

— С чего ты взял, что у нас есть фант? — В голосе Клио слышалось наигранное удивление.

— Я ведь директор, помнишь? — Парень не заметил насмешки. — У тебя проходчик по глаза загружен. И запах чи-истый такой. Похоже, вы вскрыли становую жилу.

— А ты не думаешь, что у ребят, вскрывших становую, опасно становиться на пути? Тем более таким бездарям и стервятникам, как вы.

— Не-а. — Милош говорил так же весело, но видно было, что он задет за живое. — Твой механоид устарел. Сколько дает его сердце? Сто? Двести стимов? При такой загрузке контейнеров он едва руки поднимет. А мы чуток помоложе и побыстрее. Са-амую малость. К тому же Яртан модифицирован для ближнего боя. Ну что? Договоримся миром? Я даже готов уступить тебе треть фанта, если позволишь подержаться за сиськи. Что скажешь?

Клио быстро спустилась по спине Аякса, используя компенсаторы давления, точно ступеньки, повисла на одной руке и легко спрыгнула на землю. Встала перед Милошем, уперев руки в бока. Если бы Аякс мог,

то поежился бы. Ох и достанется сейчас парню в черной шляпе.

— Я вот что скажу, Милош из Шагающей Домны. Ты простак и глупец. Я думаю, это ваша первая вылазка. Ты так не уверен в своих силах, что опустился до грабежа. Да ты, должно быть, дрожишь при одной мысли о прорыве фанта. До сих пор вам везло, но сейчас все изменится. Твоего истукана мы отключим и продадим на запчасти, а тебе самое место на рудниках. Ну что, сын барахольщицы, согласен?

— Ах ты... маленькая... — юноша сорвал с головы шляпу, открывая копну черных волос. — Яртан, растопчи их!

Гигант тут же пришел в движение. Из отверстий на запястьях появились короткие шипы. Под стальным нагрудником ожила паровая сфера, подавая давление в систему моторики. Мышцы из трубчатого полотна набухли, увлекая за собой бронированную кожу. Проходчик словно вырос, раздался в стороны. На его плечах и груди синим огнем вспыхнули знаки аппликации.

Аяксу не раз приходилось постоять за себя. Особенно часто это случалось там, где на поверхность выходил фант. Однако биться с себе подобными пока не доводилось.

Противник двигался быстро. Его шипы чиркнули по броне Аякса. Тот не ответил. Блокировал очередной удар и сильно толкнул нападавшего в грудь. Враг отшатнулся, сделал два шага назад. Момент для контратаки — идеальный. Аякс медлил. Бессловесный, но не бездумный, он словно спрашивал: нужно ли?

— Чего стоишь? Ату его! — Клио нетерпеливо топнула ногой. Связь между ней и проходчиком была очень сильна. Зачастую они обходились без слов, но в этот раз девушка настолько вышла из себя, что забыла о возможности беззвучных команд.

Директор велит атаковать. Проходчик обязан подчиниться. Аякс рванулся вперед, намереваясь смять

противника, но Яртан неожиданно выпустил пар из системы компенсации давления, отвлек Аякса, поднырнул под руку и оказался в опасной близости от уязвимых участков брони. Проходчика спасла металлическая сетка, закрывающая подмышки. Шип пробил ее, но не смог повредить механизм.

Теперь противник был открыт для удара. Аякс поднял руку, согнутую в локте, и обрушил на спину чужака. Полтонны крепчайшего металла, помноженные на ускорение. Будь перед ним скала, и та бы не устояла. Корпус Яртана треснул. На месте удара броня смялась, словно была сделана из бумаги. Чужак упал ничком и лежал без движения. Рев паровой сферы сделался глуше. Аякс поднял ногу, собираясь раздавить череп врага.

— Нет! Не убивай! Пощади! — Милош бросился между Аяксом и поверженным проходчиком. Что-то знакомое было в этом жесте мольбы, в этих наполненных ужасом глазах. Аякс отступил от побежденного противника и только тут услышал запоздалый приказ Клио: «Назад!»

— Нет-нет-нет, — твердил юноша, оглаживая броню своего проходчика,— не трогайте, не трогайте. Мы уйдем. Словно ничего не было. Словно это сон.

— Никуда вы не уйдете, — голос Клио дрожал. Аякс заметил, как побледнела девушка. «Ты ведь не думала, что до этого дойдет? Верно, кроха? Убивать тяжело... поначалу». — Мы разобьем лагерь, — Клио подошла к Милошу и подала руку. — За то, что ты напал на нас, расскажешь о себе. Я... приказываю!

— Яртан — мой отец, — Милош снял с опаленного прутика кусок хлеба. — Мы в поселке жили, на краю Старой пустоши. Девять лет назад к нам явились фуражиры с Железного Завода. Принялись грабить. Жители решили прогнать их, завязалась драка. Отца серьезно ранили. Я его из огня вытащил, пытался пе-

ревязать, и тут появился он. Высокий, в плаще, аппликатор. Осмотрел отца и сказал, что дело плохо. Предложил идти на службу к фабрикантам. Я согласился. Что мне оставалось? Он сказал — между нами связь, сказал, что из отца получится хороший проходчик. Так и случилось. Аппликатор доставил нас прямо на фабрику...

— То есть как доставил? Вот так взял и перенес?

— Именно что перенес! У него был летун!

— Сказки! Летунов не бывает.

— А вот и нет!

— Ни одна сфера не даст усилия на взлет. Это все знают!

— А он и не взлетал. Он... он просто поднялся в воздух. Как по лестнице взошел. Небольшой такой аппарат, красивый, весь в узорах, сиденья мягкие. И вот еще что... тогда я не знал... Но теперь готов поклясться. Машина аппликатора пахла фантом, так, словно была сделана из него.

— А потом вы видели этого... аппликатора?

— Нет. Он помог нам добраться до фабрики, вызвал главу цеха, перекинулся с ним парой слов и ушел.

— Куда ушел?

— Не знаю. У меня отец на руках умирал, понимаешь? И потом, в поселке всегда говорили: «дареному хламу цену не ищут». — Милош неожиданно улыбнулся, не так, как раньше, вызывающе, а мягко, словно вспомнил что-то. — Ты, когда про «сына барахольщицы» сказала, права была.

— Складно врешь, — улыбнулась девушка и вдруг порывисто обняла Милоша. — Прости, я не хотела тебя обидеть, просто ты меня очень разозлил. А вообще я совсем не злая. Правда, Аякс?

Проходчик повернул голову. На молодых людей уставились темные провалы смотровых прорезей. Стальной подбородок медленно пошел вниз: «Правда».

Осенний лес вокруг дышал влагой. Сумрак стремительно сгущался. Над оврагом зародился неяркий

синий светоч, медленно поднялся выше и неторопливо поплыл между деревьями. За первым светляком появился другой, третий — и вот уже лес наполнился тысячами блуждающих огней.

— Парящие звезды! Я и не думала, что их может быть так много! — девушка вскочила.

— Что это за огни? — Милош испуганно озирался по сторонам.

— Никто не знает. Такое случается раз в пятнадцать лет. Длится несколько ночей, а потом постепенно сходит на нет. Говорят, там, где опустится звезда, — лежит клад.

— У нас в поселке была такая считалка:

Парящие звезды над спящей землей,
Над пажитью росной, над горной грядой.
Увидишь — не медли, бегом за порог,
Иначе проспишь свое счастье, дружок.

— Вот это да! А говоришь: ничего не слышал, лгунишка! — изумилась Клио.

— Я только сейчас вспомнил, — Милош улыбнулся. — Там еще много было куплетов. В поселке каждый ребенок ее знал. И никто не задумывался, о чем она.

— Пойдем к нам на Фабрику, — неожиданно предложила девушка. — Яртан поврежден. Его нужно подлатать.

— Шутишь? Мы же чужаки.

— Что верно, то верно! На Фабрике все строго, — закивала Клио и, взглянув на помрачневшего юношу, громко рассмеялась. — Шучу! Мы же с вами не воюем. К тому же аппликатор Руго — самый добрый человек на свете.

Девушка легко вскочила на ноги, и Аякс, почуяв желание директора, опустился на одно колено. Клио забралась в свое убежище за плечами гиганта.

— Сладких снов, Милош из Шагающей Домны!

ГЛАВА 2

Нападение произошло на второй день. Маленький отряд выбрался из леса и шел вдоль путей, по которым двигалась Фабрика. Огромные, в рост проходчика, рельсы уходили за горизонт. На каждом металлическом сегменте стоял символ Фабрики. Это было своего рода предостережение. Человека, решившего украсть имущество Дороги, ждала печальная судьба.

Утро выдалось серым и туманным. Клио и Милош взобрались на плечи к Аяксу. Поврежденный Яртан плелся рядом, едва переставляя ноги. Директор проснулась сегодня удивительно рано, долго ворочалась в своем гнездышке за плечами проходчика. Аякс слышал приглушенные ругательства и восклицания. «Нет! Никуда не годится! А ногти-то, ногти? Ужас!» Зато утром результат был налицо. Клио щеголяла в форменном зеленом плаще директоров, заколотом серебряной фибулой со знаком полиспаста. Волосы расчесала и собрала в аккуратный пучок. Даже вечная грязь на щеке была на время побеждена. Вдоль правого виска спускалась шаловливая тонкая косичка, украшенная бусинами. Еще она что-то сделала со своими глазами. Аякс смутно помнил, что женщины это умеют, но давно забыл, как и для чего. Зато Милош совершенно не изменился за ночь. Разве что его черная шляпа казалась более помятой и пыльной, чем вчера. Он, похоже, не обратил внимания на тяжелую работу, проделанную девушкой. Клио была в бешенстве. Язвила и вредничала. Причем ее остроты и придирки распространялись не только на Милоша, но и на Аякса и вообще на весь мир.

— Ага, вот и тоннель! — громко воскликнула Клио. — Сейчас перейдем на внутренние пути. Ты, наверное, про внутренние пути и не слышал в своей шагающей печке?

— Кое-что слышал. — Милош потянулся. — Фабрика по большим рельсам катится, а внутри малые

проложены. Для поездов. Говорят, дорога была еще в давние дни. А пути для Фабрики потом построили.

— Умный какой, — удивилась Клио.

Они спустились по бетонному пандусу к самому низу насыпи. Там была устроена небольшая ровная площадка, на краю которой, стиснутый стенками из гранитных блоков, располагался тоннель. Проходчикам пришлось пригнуться, чтобы пройти в портал.

Директоры достали ручные лампы. Милош, шедший впереди, вдруг на что-то натолкнулся, поднял фонарь. Огромные стальные ворота полностью перекрывали проход.

— Что, думал, вот так просто пройдешь? — засмеялась Клио.

— Зачем это? — Милош провел рукой по металлу.

— А чтоб всякие дурни вроде тебя не лазили куда не надо!

— Могла бы сразу сказать, что впереди, — обиделся парень. — И как мы теперь?

— Сейчас увидишь.

Клио вручила юноше фонарь, а сама полезла Аяксу на спину. Скрылась в кабине и вскоре вернулась с большим кожаным кошельком, прошитым плотной белой нитью. Горловину закрывала печать Дороги. Девушка разорвала нитки, сломала печать и достала из кошеля шесть увесистых металлических шариков. Затем приблизилась к воротам, откинула неприметный лючок и принялась один за другим опускать туда шары. Едва последний шар скрылся в отверстии — толща ворот с глухим рокотом треснула пополам.

— Аякс, за дело! — приказала Клио.

Проходчик шагнул вперед. Навалился на тяжелые створки, и те неохотно поддались. Маленький отряд прошел в коридор за воротами. Милош заметил, что великанские створки снабжены металлическими роликами и двигаются по накаточным желобам, расположенным на полу и на потолке тоннеля. Молодой человек замешкался, пытаясь понять, как действует

механизм ворот, но Клио велела поторапливаться, и Аякс закрыл створки. Щелкнули замки, возвращая рукотворной преграде несокрушимость монолита.

Они дошли до конца тоннеля. Там обнаружилась лестница с высокими ступенями, рассчитанными на проходчиков. Аякс быстро поднялся наверх и протянул руку Яртану. Поврежденный механоид с трудом преодолел подъем и встал рядом со своим бывшим противником.

Милош с интересом глядел по сторонам. Мощные внешние рельсы, точно крепостные стены, отгораживали от мира несколько ниток железной дороги. Люди и проходчики стояли на широкой платформе. Все здесь выглядело чистым, ухоженным и каким-то слишком правильным, словно вернулись давние дни. В центре платформы имелся навес. Двускатная крыша была покрыта яркой рыжей черепицей. На фасаде под козырьком примостились большие часы. Причудливая кованая стрелка методично делила время на равные отрезки. Милош уже встречал этот тип механизмов и лишь равнодушно скользнул взглядом по циферблату. Пускай девчонка знает, что сын барахольщицы тоже кое-чего стоит. Внизу под часами располагалась деревянная коробка, снабженная смешными кукольными воротцами и красивым резным балкончиком. Вот стрелка достигла числа девять. Раздался мелодичный звон. Воротца отворились. Из темного отверстия на балкон выехала миниатюрная фигурка проходчика, за ней крохотный аппликатор в плаще, потом яркая птица, смерть с косой и, наконец, карликовый зеленый паровоз с высокой трубой.

Вот это да! Милош едва сдержал восторженное восклицание, готовое сорваться с губ. Он покосился на Клио, но девушка была поглощена созерцанием фигурок.

— Так, значит: проходчик, аппликатор, птица и... смерть. Прекрасно! — Клио повернулась к Милошу. — Скоро будет поезд.

— Понятно, — только и смог сказать удивленный юноша. — А с какой стороны?

— Оттуда, — девушка указала на запад и вдруг смешно сморщила нос. — Это что... что это такое?

Милош посмотрел в западном направлении, втянул носом воздух. В привычный коктейль осенних запахов затесалась характерная нотка. Значит, где-то в горах открылась жила.

— Фант, много. Там! — Милош указал на покрытые лесом сопки, подходящие к самой дороге. По мере того как солнце поднималось над землей, мохнатые спины склонов освобождались от тумана. Небо прояснилось, и открылись далекие вершины гор, убранные покровами льда.

— Верно, — Клио с уважением посмотрела на своего спутника. — А ты молодец, барахольщик, я бы не смогла так быстро настроиться.

Милошу было очень приятно, но он не подал виду, только продолжил настороженно принюхиваться.

— Ерунда какая-то, — юноша растерянно посмотрел на Клио, — запах движется.

— Ты что, недоспал? Фант ходить не умеет... — начала было Клио, но уже и сама почувствовала странность. Источник запаха и в самом деле перемещался от вершины сопки к подножию, следуя за отступающим туманом. — Но так... не бывает? — девушка неуверенно посмотрела на Милоша.

— Может быть, это проходчики?

— Нет, не похоже, — покачала головой Клио.

Между тем сопки окончательно освободились от тумана. Белое марево собралось над дорогой и, вместо того чтобы окончательно сгинуть, вдруг устремилось в сторону платформы. В сердце белесой невиди Клио почудилось движение. Запах фанта становился все интенсивнее. Аякс и Яртан шагнули вперед одновременно, готовые защищать своих директоров. Броня проходчиков вспыхнула узорами аппликаций.

Туман быстро поглотил навес с часами, заставляя путешественников отступить к лестнице. Внезапно молочная завеса исторгла из себя нечто огромное. Милош успел заметить блестящее продолговатое тело, длинные суставчатые конечности. Существо стремительно атаковало проходчиков и отскочило, получив увесистые встречные удары. Раздался странный скрип, словно кто-то провел ножом по камню. Рассмотреть нападавшего оказалось непросто. То он вовсе растворялся в воздухе, словно был сделан из тончайшего стекла, то вдруг вспыхивал тысячью ослепительных бликов. Клио показалось, что в стремительных атаках твари есть что-то паучье.

Тем временем из тумана появились новые противники. Эти были меньше ростом и носили ту же маскировку. Проходчикам пришлось туго. Они не успевали блокировать атаки стеклянных воинов. Однако броня выдержала. Ответным ударом Аякс буквально расколол одно из созданий, а Яртану удалось схватить врага и швырнуть на рельсы. Снова раздался странный треск, и по бетону забарабанили осколки. В небо с ревом рванулись языки синего пламени.

— Здесь долго не продержаться. Нужно отступать в тоннель! — крикнула Клио. И тут завеса накрыла их. Директоры едва различали силуэты железных гигантов. Деталей было не разобрать, но, очевидно, бой продолжался. Приглушенные звуки ударов и противный скрежет Стеклянных продолжали долетать до молодых людей.

— Аякс! Назад! — позвала Клио. Рядом Милош выкликал Яртана. Казалось, они зовут тщетно. Вдруг прямо перед Клио возник один из нападавших. Он не был прозрачным и напоминал рыцаря Эрминия из спектакля, который Клио любила смотреть в фабричном театре. Человек был закован в броню, словно проходчик. На голове металлическая полумаска, длинные черные волосы рассыпались по плечам. В руках вместо рыцарского меча — короткий белый жезл. Клио

шагнула назад, пытаясь вспомнить приемы самообороны, которым их учили в школе директоров. Она пожалела, что охотничий самострел и нож остались в контейнере за плечами Аякса.

Однако рыцарь и не думал нападать. Он просто стоял и разглядывал девушку. Это длилось всего несколько мгновений, а потом незнакомец растаял в воздухе, словно был сделан из тумана. В то же мгновение белое марево, окружавшее их, прянуло назад. Платформу накрыла тень. Клио не сдержала удивленного возгласа. На них опускался летун. Девушка успела заметить продольные и поперечные насечки, покрывающие днище аппарата, а затем ожившая сказка мягко опустилась перед ними. Большая машина с наклонными бортами и стеклянным ветровым экраном.

— Быстрее! Забирайтесь! Они нападут снова! — Крупный бородатый мужчина соскочил на платформу. На незнакомце был обычный костюм путешественника: простая рубаха из плотной ткани, кожаные штаны, высокие сапоги. Так одевались люди на всем протяжении пути Фабрики. Только лицо мужчины, необычно смуглое, с большим, немного приплюснутым носом и широкими скулами, выдавало уроженца дальнего юга.

Клио недолго думая оперлась на предложенную руку, перемахнула через борт. За ней — Милош. Аякс помедлил и двинулся следом. Под весом проходчика летун опасно накренился.

— Ступай на середину и сядь. Не то перевернемся, — приказал бородач.

— Ярṭан! Сюда! Скорее! — закричали Клио и Милош. Однако поврежденный проходчик не двинулся с места. Он неподвижно стоял на границе тумана. Из завесы появился стеклянный воин и тут же был отброшен назад. Механоид двинулся следом. Исчез в тумане.

— Нет! Яртан! — Милош хотел было перепрыгнуть обратно на платформу, но хозяин летуна легко удержал юношу.

— Он сделал свой выбор, парень, — иноземец перепрыгнул в кабину, — дает нам время. Останемся здесь — погибнем все.

— Пусти меня... — Милош рванулся вперед, но иноземец схватил его за грудки и швырнул на пол машины.

— Будешь дурить — убью!

Он подошел к панели, расположенной под защитным экраном, что-то нажал. Летун плавно сдвинулся с места, набирая скорость. Окутанная туманом платформа осталась позади. Машина двигалась над самыми путями, на восток.

— Они... Не погонятся? — Клио с тревогой оглянулась назад. Бородач на мгновение оторвался от управления, повернул голову. Сверкнула серебром тонкая линия, окаймляющая зрачки. Аппликатор!

— Они не отступят так легко. Будьте готовы.

Словно в ответ на его слова раздался дробный перестук, будто неугомонный барабанщик бил по железной тарелке. Прозрачные воины взобрались на полки фабричных рельс и легко бежали по ним. Чуть позади перебирал ногами стеклянный паук.

Неведомо откуда пришел сильный встречный ветер. А затем невидимый великан с силой тряхнул машину, так что она едва не врезалась в землю. Клио и Милош рухнули на пол. Однако пилот устоял на ногах и выровнял полет. Невидимый кулак ударил снова. Борта летуна затрещали. По броне Аякса забарабанили щепки.

— Проклятие! — бородач обернулся, оценивая повреждения. — Эй, парень, давай сюда!

Клио ожидала, что Милош проигнорирует слова южанина, но ошиблась. Юноша поднялся на ноги и быстро перебрался к панели управления.

— Держи этот рычаг ровно. Вот так. Если будет поворот — наклоняй. Только не сильно, самую малость. Понял меня? Справишься? — Милош утвердительно кивнул.

Бородач перебрался к девушке, извлек из кармана небольшой кожаный футляр. Щелкнул замком. Внутри оказался изящный маленький шприц и пузырек с темно-синей жидкостью.

— Наполни, — он сунул футляр Клио, — у меня руки дрожат. Боюсь, пролью.

Девушка быстро откупорила пузырек и чуть не выронила его. Такого мощного чистого запаха фанта она не чувствовала, даже когда находилась рядом с месторождением. Она погрузила иглу в раствор и быстро наполнила контейнер шприца.

— Теперь коли, — аппликатор обнажил предплечье, и Клио заметила присосавшийся к вене блестящий цилиндр катетера. Девушка никогда не видела, чтобы фант вводили в организм при помощи инъекции, однако без лишних слов выполнила указание.

— Ну вот, сопляк. Теперь мы в равных условиях, — прорычал иноземец, обращаясь неизвестно к кому. Он встал, широко расставив ноги. Развел руки в стороны, словно открывая объятия, а затем с силой соединил их. От богатырского хлопка родился странный вибрирующий гул, в ущелье, образованном гигантскими рельсами, принялось гулять долгое эхо. Клио увидела, как нарушаются ритмичные движения прозрачных воинов, а затем преследователи разом взорвались, словно по ним открыли огонь из самострелов. Два десятка огненных языков устремилось к небу. Бородач принялся разминать мышцы, разгоняя фант по венам, а затем вдруг завел руки за голову, соединил их в замок и резко опустил, словно хотел переломить кому-то хребет. Тотчас бег стеклянного паука замедлился, его конечности подогнулись. Одна из суставчатых ног надломилась, и арахнид растянулся посреди железной дороги. Встречный ветер стих, и летун прибавил скорость. Клио бросила взгляд назад. Рядом с поверженным пауком стоял рыцарь с белым жезлом в руке и смотрел вслед беглецам.

ГЛАВА 3

Фабрика показалась не сразу. Сначала над поворотом дороги возникли султаны серого дыма, следом вынырнули сторожевые башни и трубы и лишь затем громада фабричного состава. Семь цехов, поставленные на колеса. Обитые металлом стены пестрели окнами. По внешним галереям сновали рабочие. Подновляли броню, красили свежие стыки. Дорожная обитель остановилась на берегу большого озера. Несколько десятков насосов пополняли запас пресной воды. За работой следили длиннобородые технологи в долгополых желтых плащах и белых колпаках с кистями.

Милош на время оторвался от своих невеселых мыслей и с любопытством разглядывал внушительное сооружение.

Он представлял Фабрику иной: более возвышенной, романтичной. Воображение рисовало симфонию башен и контрфорсов, уходящую в небо. На деле все было не так. Трубы заводов располагались строго по оси главной дороги и напоминали гребень хищной рыбы. Сходство усиливали блестящие на солнце стеклянные чешуйки — на крышах были устроены оранжереи.

Малые пути уходили под днище Фабрики, там, в горловине большого вокзала, теснились поезда. Вот из темнеющего портала высунулось тупое рыло паровоза. Блестящая зеленая труба изрыгнула сизо-белую тучу, и состав, набирая скорость, покатился на запад.

Южанин направил машину прямиком в темнеющий провал. Оказалось, что в подбрюшье Фабрики устроены перроны для пассажиров. В стены были вмонтированы краны и лебедки. Между массивных металлических балок свода чернели грузовые шахты, из которых, словно языки чудовищ, свисали крюки лебедок. Над путями плыли клубы едкого паровозного дыма. На перроне стояли и курили трубки несколько муж-

чин в зеленых плащах директоров. Они приветствовали Клио. У выхода со станции замерли механические стражи. Броня сверкает, в руках — тяжелые самострелы, у пояса — клубки огнеметных рукавов.

— Вот и все, прощайте. У меня здесь свои дела. Быть может, мы еще встретимся, — бородач махнул им рукой.

— Постойте, скажите хотя бы, как вас зовут. Кого нам благодарить за спасение? — обратилась к южанину Клио.

— Вирион Игар, коммерсант, — мужчина улыбнулся, и его большое смуглое лицо сделалось еще шире. — Не спеши благодарить меня. Ведь я пока не назначил цену, — подмигнув на прощание удивленной девушке, Вирион вернулся к своему поврежденному летуну, вокруг которого уже собрались несколько любопытных.

* * *

Суровый администратор долго расспрашивал, кто такой Милош и как они добрались до Фабрики. В конце концов Клио вспылила и потребовала связать ее с аппликатором Руго. Администратор хотел отказаться, но взглянул на Аякса, безмолвной горой возвышающегося за спинами молодых людей, и неохотно протянул девушке переговорную трубку. Дальше все пошло как по маслу. Их пропустили и даже пожелали удачи. Внутри Фабрика представляла собой хитросплетение коридоров, нависающих галерей, лестниц и шахт. Между этажами двигались платформы, приводимые в движение механическими лебедками. Временами сквозь затейливую паутину переходов можно было увидеть просторные светлые пространства цехов и лабораторий. Там кипела работа. Слышались голоса, что-то все время гремело и скрежетало. В третьем вагоне Аякс покинул их. Проходчику следовало сдать фант, пройти процедуры чистки, паровой зарядки и технического контроля.

* * *

Мастерская Руго располагалась в седьмом вагоне, граничащем с локомотивом. Клио сказала, что Фабрика движется при помощи огромной турбины. Милош хотел взглянуть на этот грандиозный механизм, но оказалось, что доступ открыт только для аппликаторов и технологов. Разочарование молодого человека компенсировал вход в мастерскую аппликаторов-механиков. В обивке высоких двухстворчатых дверей были устроены зарешеченные окна, через которые можно было наблюдать хитроумный запорный механизм, состоящий из целого каскада шестерней, противовесов и баллонов с жидкостью. Дверь отпирал подмастерье, облаченный в плащ и высокую шапку с кокардой в виде полиспаста. Он с важным видом нажимал один за другим несколько вделанных в стену рычагов, и гость мог проследить за тем, как запорная система на время оживает, передавая усилия от одной детали к другой.

— Значит, вы потеряли своего проходчика? — аппликатор Руго, приземистый худощавый старик, иссушенный жаром плавильни, шагнул к Милошу, снизу вверх глянул на молодого человека.

— Это не просто проходчик. Это его отец! — вмешалась Клио. — Мастер Руго, мы... Фабрика должна вмешаться!

— Удивительная вещь — фант! — аппликатор подошел к окну. — Знаете, когда-то в жилах нашей земли текла черная кровь. Это было благословение и проклятие. Из нее делали вещи. Ею кормили механизмы. За нее сражались... убивали. А затем источник иссяк. Это произошло внезапно, в давние дни... Цивилизация тогда была на грани гибели, но устояла. Теперь у нас есть новое сырье, — он сунул руку в карман и достал оттуда запечатанный сосуд, наполненный синим сиропом. — Поначалу мы не знали, как с ним об-

ходиться, но потом обнаружили удивительную вещь: фант — универсальный материал. Оборотень, способный восполнить недостачу в любом технологическом процессе. Скажем, вам нужна питательная среда для развития плода коровы. У вас есть все ингредиенты, кроме одного — необычной субстанции, которую получали в давние дни, используя сложное оборудование, которого у вас нет. Одно цепляется за другое, и вы бессильны что-либо сделать. Но возьмите фант, вотрите немного в виски, нанесите на нёбо, выпейте слабый раствор, чтобы наладить контакт, а затем добавьте оставшееся сырье в приготовленную смесь. Затем создайте в памяти связь между процессом и результатом. Это несложно, если потренироваться. Несколько минут — и готово, у вас есть нужный ингредиент! Фант позволил нам стать теми, кто мы есть. Несокрушимая броня проходчиков, сырье для огнеметов, паровые механизмы, действующие с минимальными потерями энергии, впечатляющие технологии и простые изобретения — все это фант.

— Это весьма... м-м... поучительно, мастер, — Клио с удивлением смотрела на старого аппликатора.

— Возможности фанта велики, но способности людей ограничены. Мы многое взяли из старых книг. Кое-что придумали сами. И все же... — Руго внимательно поглядел на молодых людей, — некоторые вещи по-прежнему недоступны. Среди них — возможность сохранять проходчикам память.

— Что вы хотите сказать? — Милош смотрел на аппликатора широко открытыми глазами.

— То, что происходит с человеческим сознанием после переселения в тело проходчика, подобно пожару в лесу. Не остается ничего, только тени, смутные видения и сны наяву. Один мой приятель после переселения несколько лет пытался оправить бороду. Такой привычный жест и совершенно бессмысленный в его случае.

— Вот как... — Милош прислонился лбом к стеклу. — Значит, отец умер еще тогда, в поселке.

— Мне жаль, мальчик.

— Неужели нет никаких шансов, что Яртан сохранил память? — вздохнула Клио.

— Что ж. В прикладной науке всегда существует погрешность, малый шанс, что ожидаемый сценарий не реализуется. Но это очень узкая щель. Настолько узкая, что в нее может вместиться только чудо, — Руго прошелся по комнате, взял со стеллажа блестящую деталь механизма, повертел в руках, положил обратно. — Вам нужно отдохнуть. Я распоряжусь, чтобы приготовили комнаты.

* * *

Солнце стремилось сжечь горы, насыщая облака яростным рыжим огнем. Холод поднимался от озерной воды и, встречаясь с жаром уходящего дня, порождал ветер. Мягкий кулак бил в стальную броню Фабрики. Милош и Клио сидели на крыше оранжереи. Над ними черной башней уходила в небо большая закопченная труба.

— Этот аппликатор, Игар, в тот день, когда отца... когда наш поселок разрушили, это он предложил мне отправляться на Фабрику. Тогда у него не было бороды, но это точно он. Почему, почему он не сказал, что отец потеряет память?! — Милош ударил ладонью по металлу крыши. Одинокий, несчастный, он походил на выпавшего из гнезда птенца. На мгновение Клио захотелось обнять Милоша, утешить. Ведь она тоже росла без родителей, и единственным родным существом у нее был Аякс.

— Мне кажется... — Клио не любила раздумывать над словами, но сейчас нужно было подобрать правильные, и девушка медлила, — может быть, Вирион не хотел расстраивать тебя раньше времени, ведь выбор у вас с отцом был невелик. И потом, даже Руго

признал, что небольшой шанс вернуть память все же есть.

— Знаешь, я все равно хочу его найти. Пускай это уже не мой отец, но мы многое пережили вместе. — Милош снял шляпу, и ветер мигом завладел его растрепанной шевелюрой. Черные волосы молодого человека в закатном свете отливали медью, и Клио подумала, что это очень красиво.

— Мы пойдем с тобой, — девушка вспомнила, как в детстве играла с Аяксом, ползала по броне, совала пальцы в ушные отверстия, пыталась снять железную маску. Когда проходчику давали питательный раствор, она закатывала истерики и требовала, чтобы ей тоже налили «розового молочка».

— Свою норму по фанту мы выполнили. Теперь нам положен отпуск. И никто не запрещает проводить его так, как нам хочется, — это, конечно, была ложь, но в сердце Клио зародилась какая-то опасная бесшабашность. Ей прямо-таки хотелось нарушить пару-другую фабричных запретов.

— Правда? Вот здорово! — Милош широко улыбнулся, неловко взмахнул руками, наклонился вперед.

Клио сколько угодно могла говорить себе, что дальнейшее — чистой воды случайность. Не потеряй юноша равновесие — ничего бы не было. Однако это произошло и оказалось весьма приятным. Пожалуй, Клио была не прочь повторить. Вот так по-театральному, на фоне заката...

* * *

Милошу снилось море. Он никогда не видел его наяву, но отчего-то знал: масса воды перед ним — не озеро, а именно море. Темная бурлящая стихия накатывала на берег. Над морем плыли синие звезды. У них были человеческие лица. Под водой тоже горели огни. Там, в глубине, скрывался город, настоящий, как в давние дни: симметричные узоры улиц обнима-

ли широкие площади, острые шпили башен украшали причудливые флюгера. Юноше даже показалось, что он видит, как по улицам расхаживают люди и движутся блестящие повозки. Он хотел подробнее разглядеть, что творится под водой, но волна нахлынула, окатила с головой, и Милош проснулся. Они лежали в комнате Клио. Темноту за окном разрывали вспышки. Вот что-то врезалось в броню Фабрики, и огромное сооружение вздрогнуло. Были слышны характерные хлопки паровых самострелов, вой огнеметного пламени, ружейные выстрелы.

— На нас напали? — Клио по-детски терла глаза кулаками. — Железный Завод?

— Не знаю, — Милош встал с кровати, быстро оделся.

В дверь постучали. На пороге застыл мальчишка в форме подмастерья цеха механиков. Увидев молодых людей, улыбнулся.

— Совет да любовь!

— Что происходит, Ирил? — Милош заметил: когда Клио не в лучшем настроении, это сразу становится очевидным.

— Я это... на нас напали. Аппликатор Руго просил подняться к нему, — выпалил Ирил.

— Кто напал? Заводские? — Клио накинула плащ, собрала волосы в пучок и все же не удержалась, застыла на мгновение перед зеркалом, оценивая внешний вид.

— Нет. С Заводом у нас перемирие! А это — не пойми кто. Поперли прямо из озера. Знакомых гербов нет. Оружие странное. И самое главное — летуны. Целый рой.

— Так... бежим к мастеру Руго. Скорее! — Клио, чуть не сбив с ног удивленного посланника, выскочила из комнаты. Милош за ней. Мальчик покрутил пальцем у виска и отправился следом.

Они поднялись по шаткой лестнице, миновали галерею. Навстречу попались несколько рабочих, воо-

руженных винтовками, тяжко протопал громадный проходчик. По смежным галереям несли раненых. Их отчаянные крики далеко разносились под сводами цехов. С нижних уровней потянулись щупальца сизого дыма. Где-то разгорался пожар.

Они почти добежали до лестницы, ведущей в мастерскую, когда стена Фабрики за их спинами треснула, точно ветхая рубаха. В образовавшийся проем протиснулся стеклянный воин. Подмастерье Ирил рванул из-за спины винтовку, но прозрачная бестия взмахнула рукой, и пять острых лезвий превратили оружие в ненужный хлам. Еще один удар — и подмастерье оседает на пол. Милош сорвал со стены химический фонарь и швырнул его в спину твари. Захватчик стремительно повернулся. Зеленое пламя стекало по его гладкому телу, не причиняя вреда, и только на страшных когтях-лезвиях жидкость была темной. Милош сделал шаг назад, загораживая Клио. Бежать было некуда. Решил: «Глаза закрывать не стану». Стеклянный шагнул вперед и вдруг замешкался. Блестящая железная рука пробила тонкий металл галереи и ухватила захватчика за лодыжку. Один мощный рывок, и вот прозрачный демон рассыпался, как сломанная кукла. Внизу загрохотали тяжелые шаги, и вскоре на площадку шагнул Аякс.

Они ворвались в мастерскую, ожидая увидеть разгром, но в заставленной стеллажами комнате все было по-прежнему. Аппликатор Руго стоял у большого и неожиданно чистого стола и спокойно беседовал с... Вирионом Игаром. Молодые люди не смогли скрыть удивления, но южанин не заметил их вытянувшихся лиц. Он что-то доказывал старому аппликатору.

— А-а, вот и вы... — старик улыбнулся, но, увидев Аякса с окровавленным Ирилом на руках, стремительно подошел к переговорной трубке и распорядился срочно прислать санитаров. Аппликатор уложил

паренька на кровать, промыл и сноровисто перевязал раны. Затем извлек из кармана знакомый флакон с синей жидкостью, отпил немного, а затем приложил ладони к вискам Ирила. Через минуту раненый мерно задышал, тяжкое забытье сменилось сном.

— Я не специалист по лечебным аппликациям, но боль ненадолго унять мне по силам. Надеюсь, с мальчиком все будет хорошо. — Руго отер пот со лба. — Вообще-то я не люблю торопливых бесед, однако, учитывая нестандартную ситуацию, вынужден был вызвать вас среди ночи. Думаю, вы заметили, что мы подвергаемся нападению. Так вот, у нас есть основания полагать, что причина атаки — это Аякс.

— Что?! — Клио показалось, что она ослышалась. — При чем здесь Аякс?

— Это наша вина, — вздохнул Руго. — Думаю, ты часто задавал себе вопрос, отчего Аякс, несмотря на устаревшую конструкцию, столь подвижен и силен? Видишь ли, несколько лет назад мы с уважаемым Вирионом создали устройство, преобразующее энергию. Это необычная и весьма перспективная разработка. Мы заместили опытным образцом двигатель одного из проходчиков. Собирали материал для анализа.

— Но нам не дали времени, — Вирион тяжело оперся о столешницу.

— Это те, кто преследовал нас на платформе? — Клио прислушивалась, за стеной продолжалась стрельба.

— Вероятнее всего, да, — Руго положил руку на плечо девушке. — Это необычный и очень могущественный противник. Они ни перед чем не остановятся. Лишь бы добыть устройство. Вот почему вам нужно бежать.

— Бежать? Но куда?

— Есть убежище на юго-востоке. Около недели пути, — Вирион извлек из кармана потертый пергамент, развернул. Должно было пахнуть кожей, но вместо

этого запахло фантом. На пергаменте была искусно нанесена карта. Девушка увидела горы, вдоль которых тянулась нитка железной дороги. И тут заметила, что картинка меняется. Над рельефом по листу пергамента медленно ползли точки с подписями. Вот Фабрика на берегу озера, городки угольщиков и селения барахольщиков. Изображение выглядело очень древним и с каждой минутой словно выцветало. «Разрушаются, скоро связь прервется», — пробормотал Вирион и зачем-то поглядел на потолок, потом снова перевел взгляд на карту, ткнул пальцем в пергамент, туда, где пульсировала красная точка. — Вот наша цель.

— Позвольте мне пойти с вами, — Милош шагнул вперед. — Я неплохо чувствую фант, могу стрелять из винтовки и самострела, кое-что смыслю в механике.

Руго глянул на коммерсанта. Тот пожал плечами.

— Пусть будет так, — кивнул аппликатор.

Чтобы оторваться от возможной погони, было решено использовать машину южанина. Оказалось, ее уже разместили на крыше состава. Вирион объяснил, что с проходчиком на борту они смогут пролететь некоторое время, если стартовать с высокой точки. Однако потом машину придется бросить. В покоях аппликатора имелся подъемник. Аякс, Милош и Вирион направились к дверям кабины. Клио замешкалась, словно обдумывая что-то, потом вернулась к старому аппликатору.

— Мастер, мне нужно знать одну вещь... Вы сказали, что у проходчиков отсутствуют воспоминания о прошлой жизни. Мне показалось, что Аякс... понимаете, когда он победил проходчика Милоша... Я звала его, а он не слышал и чуть не раздавил голову Яртану...

— Ты хочешь знать, кем был твой проходчик до переселения? — старик нахмурился. — Каждый директор однажды задает этот вопрос.

— Вы можете мне сказать...

— Обычно я отвечаю отказом, но сейчас крайне важно, чтобы между вами не было тайн. Я чувствую,

что от этого зависит куда больше, чем развитие новой технологии, — старик тяжело вздохнул. — Мне неизвестны судьбы всех механоидов фабрики, но про этого я знаю. Его звали Сандер. Он был солдатом во время конфликта с Железным Заводом... Пришел добровольцем из разоренного поселка угольщиков. Он был из тех, кто платит по счетам и никак не может остановиться. Словно демон мщения, он подрывал механизмы, отравлял колодцы, шел по улицам поселков с огнеметом в руках и карал, карал... Однажды Сандер явился в горное убежище барахольщиков. Хорошо укрепленное поселение, подвластное Заводу. Оно охраняло путь на север и было у нас точно кость в горле. Сандер спровоцировал обвал, отвлек жителей форта и напал на поселок с отрядом рейдеров. Они прошли по жилищам горцев, словно лавина. Пролилось много крови. Сандер вместе с двумя товарищами ворвался в очередное жилище и вдруг застыл как вкопанный. В углу он увидел маленькую девочку с самострелом в руках. Она смотрела на него, черного от копоти, залитого кровью, и не могла от страха даже крикнуть. Но Сандер, которого за любовь к насилию прозвали Багряным, стоял неподвижно. Бог знает, о чем он думал, прежде чем выстрел из самострела разворотил ему грудь. Товарищи вытащили его из огня, они и рассказали мне, как было дело.

— Та девочка...

— Нетрудно догадаться, правда? Да, это была ты. Тогда, в поселке, между вами возникла связь. Израненный, он кричал, чтобы тебя не трогали, и потом, когда я готовил его к операции, все шептал о «девочке с гор».

Клио стояла, до боли сжимая кулаки. Привычный мир распадался, исходя паром, точно сломанный механизм.

— Но я думала, что родилась на Фабрике.

— Мало кто рождается здесь. И я, и большинство аппликаторов — выходцы из поселков, разбросанных

на пути состава. Но это несущественно. Важно, во что мы верим.

Фабрика содрогнулась от тяжкого удара. Аппликатор оглянулся на подъемник, тот уже спускался.

— Время на исходе. Больше нет времени для разговоров. Тебе пора трогаться в путь.

— Вы ведь справитесь без меня? Фабрика сильна! — девушка шагнула к старику, крепко обняла.

— Думаю, у нас есть шанс. В конце концов, Фабрика — это всего лишь связующее звено между десятками поселений Дороги. Разрушат ее — мы построим новую. — Руго улыбнулся, но потом вновь посерьезнел. — Иди и помни: Аякс и Сандер — разные существа. Мы извлекли проклятую суть убийцы, заменили ее безгрешным металлом. В его груди бьется новое сердце.

* * *

Они двигались довольно быстро. Проходили несколько километров и останавливались, чтобы принюхаться. Запах преследователей будоражил ноздри директоров. Фант ходить не умеет. Оказалось — умеет, и еще как! В первую ночь над лесом проносились машины пришельцев. Запах резко накатывал и пропадал. Потом облеты отчего-то прекратились. Милош спросил у коммерсанта почему, но тот лишь криво усмехнулся и добавил что-то на незнакомом языке.

Враги не нагоняли, но и не отставали. Клио и Милош пришли к выводу, что за ними движутся несколько групп. В дебрях им очень помогал Аякс. Оправдывая свою профессию, он проходил там, где человек непременно спасовал бы. Лес, через который они пробирались, был стар. Колонны поваленных деревьев, спеленутые травой и кустами, громоздились одна на другую. Пни и выворотни в бахроме белесых грибов то и дело преграждали путь. Огромный железный человек с легкостью расчищал завалы. Деревья и камни уступали ему дорогу. Несмотря на помощь проходчи-

ка, Клио сторонилась его. Она больше не забиралась в свое убежище за плечами Аякса. Вечерами они с Милошем ложились рядом, укрываясь фабричными одеялами. Коленопреклоненный гигант ждал тщетно. Он так и стоял всю ночь напролет. Вирион смотрел на это, качал головой, но ничего не говорил. Прошла неделя с тех пор, как они покинули Фабрику. Лес вокруг поредел. В его изумрудном монолите то и дело возникали странные проплешины. Стали появляться травы и цветы, нехарактерные для диких земель. Им попадались озерца идеально круглой формы. Торчащие из земли камни имели слишком ровные грани.

— Под этим мхом — дороги и дома, — Клио тронула Вириона за руку. — Город давних дней. Здесь твое убежище?

— Мы недалеко, — кивнул южанин.

— Фант! Это они! — Милош указал направление.

— Впереди? Хочешь сказать, нас обошли? — Клио принюхалась. — Запах не движется, и он... другой. Я думаю, здесь месторождение.

— Так и есть, — кивнул Вирион, — это на редкость устойчивый источник. Его излучение велико. Если подойдем ближе — станем невидимками.

— Но мы не можем находиться там долго. Чистый фант опасен для рассудка, — Клио вспомнила директоров, слишком долго находившихся в контакте с источником, и ей стало не по себе.

— Долго и не нужно. Как только цель исчезнет, им придется прекратить поиски, — усмехнулся Вирион, а затем еще добавил: — Ночи парящих звезд подходят к концу.

Клио не знала, при чем здесь парящие звезды, но прониклась уверенностью аппликатора. Похоже, бородач знал, о чем говорил.

Большие деревья отступили, остался только редкий подлесок. Чаща с удовольствием завладела бы и этим клочком земли. Но что-то не давало лесу развернуться во всю ширь. В центре небольшой пустоши на

потрескавшемся постаменте стоял каменный человек. Левую руку он держал на отлете, а правой тянулся в зенит. На раскрытой ладони покоился шар из красного гранита. Время пощадило фигуру, но лицо изваяния было стерто ветрами и осадками. За спиной истукана располагалось здание, покрытое ползущими растениями. Когда-то оно имело форму цилиндра, но стены частично обвалились, и теперь строение напоминало истлевший барабан. Они приблизились к темному провалу входа.

— Мы уже достаточно близко, — Клио чувствовала, как в спину вонзаются тысячи ледяных коготков. Голова слегка кружилась. Знакомое ощущение. В таких случаях она всегда мысленно тянулась к проходчику, и его железная невозмутимость поддерживала директора. Но теперь связь ослабла, и девушке самой приходилось бороться со слабостью, вызванной близостью источника.

— Ты права. Спускаться не обязательно. — Вирион подошел к стене здания, провел по ней ладонью. — Мы могли бы... — Знакомый скребущий звук заставил их обернуться.

На опушку леса выбирались стеклянные воины. Каплевидные вытянутые головы без лиц, ноги согнуты в коленях, верхние конечности, длинные и хрупкие на вид, заканчиваются устрашающими когтями-лезвиями. Клио помнила, на что способны эти блестящие ножи. Под стеклянной кожей преследователей дрожал, извиваясь, синий огонь.

— Это ищейки, сейчас они нас не видят. — Голос Вириона был нарочито спокоен. — Нужно отступать вниз, пока не появился пастырь.

— Их не так уж и много, — Милош взглянул на Аякса. — Может, атакуем их?

— Рискованно, — покачал головой аппликатор. — А что, если это авангард большого отряда?

Они прошли в здание. Оказалось, что ветхая постройка состоит из двух помещений — малый цилиндр

внутри большего. Крыша местами обвалилась. Через провалы в потолке заглядывал солнечный полдень. Световые колонны придавали мертвой постройке неожиданную торжественность. Боковые проходы были заблокированы, и беглецы сразу прошли во внутреннее помещение. Синий туман исходил из прямоугольного отверстия в полу — не то бассейна, не то спуска в подвал. Вокруг темнеющего портала тускло поблескивала кафельная плитка. Здесь запах фанта был очень силен. Милош с трудом продвигался вперед. Ему казалось, что руины вокруг преображаются. Сквозь мох, потеки влаги и пятна плесени проступали лица и фигуры людей. Они были облачены в странные костюмы и держались за руки, словно танцевали. У их ног расположились чудные звери. Над головами танцующих серебряные облака плыли по золотому небосводу, а в глубине зала, там, где тень была особенно густой, вдруг проступили контуры истукана с площади. Юноше показалось, что он видит лицо. Острые скулы, прямой нос, губы плотно сжаты, взгляд устремлен вперед, а между бровей каплей крови застыл третий рубиновый глаз.

— Не оступись, — голос Клио развеял наваждение. Милош тряхнул головой. Оказалось, что он стоит на самом краю бассейна. Прямо перед ним сплетались и пульсировали жилы фанта. Одна из эластичных трубок казалась больше и длиннее прочих. «Становая», — прошептал Милош. Вот артерия набухла сверх меры и вдруг прорвалась в нескольких местах, выпуская в воздух облако пара. По сплетению жил растекся синеватый бульон. Края разрывов стремительно покрывались белесой коркой. Скоро «становая» вернет свою целостность. Вирион, недолго думая, прыгнул в отверстие, поскользнулся, но удержал равновесие.

— Что вы делаете?! — Клио с ужасом смотрела на коммерсанта.

— То, что должен. — Вирион быстро закатал рукав и с размаху вогнал кулак в поврежденную арте-

рию, заполненную киселем чистого фанта. Серебряные линии вокруг зрачков аппликатора вспыхнули огненно, страшно. Клио почувствовала, что каменный пол под ногами теряет плотность. Отчего-то запахло сиренью. И еще был странный немолчный шум, будто на берег накатывают волны.

ГЛАВА 4

Большая изумрудная волна подкатилась к пристани. Утробно урча, охватила изящную белую лодку и хотела забрать с собой. Но привязь держала крепко. Воровка разочарованно прошлась под резными опорами, укоризненно толкнула равнодушный берег и ушла обратно.

Стол накрыли у самой воды. Безмолвные стеклянные слуги принесли хмельной золотистый сок и большое блюдо с запеченной рыбой.

— Моя семья издревле владеет секретом Двери. Это единственный устойчивый проход между сферами, — Вирион был облачен в свободные багряные одежды с черным узором по краю. Его борода и волосы были тщательно расчесаны. Пряди схвачены золотыми обручами. В ухе поблескивает тяжелая серьга.

Клио отпила из бокала сладковатый приторный сок и поглядела вдаль, туда, где из воды поднималась одинокая скала. Когда они оказались в подвале особняка, девушка долго не могла прийти в себя. Ей казалось, что фант сжег ее разум и это видения, порожденные синим ядом. Правда, Клио никогда не слышала, что галлюцинации бывают такие стойкие. К тому же следовало признать, что с ума сошли все вместе. В том числе и Аякс. Тут Клио наконец поверила в слова коммерсанта: другое место, время, другой мир.

Остров, на котором располагался дом или, скорее, дворец торговца, был невелик, но удивительно красив и удобен для того, кто хочет забыть обо всем и предаться восхитительному безделью. Бассейны, наполненные душистыми отварами, курительные трубки и

кальяны. Пристани и пляжи. Роскошный парк с удивительными растениями. В маленьких декоративных прудиках обитали крылатые рептилии. Днем они скрывались под водой, а с заходом солнца выбирались на воздух. Их спины и кончики крыльев светились, и от этого казалось, что в ночном небе над островом возникают таинственные письмена. И еще было море, большое, спокойное, теплое. Ни Милош, ни Клио никогда не видели столько воды. Можно плавать у берега или нырять с лодки, натянув на голову воздушный покров. Вода удивительно прозрачная, и если опуститься поглубже, можно увидеть далекую землю и башни города.

— Смелый эксперимент соединил наши миры множеством проходов, — Вирион огладил бороду. — Раз в пятнадцать лет сферы совмещаются, и тогда можно перейти из одной реальности в другую. У вас это время называется «Ночи парящих звезд». Яркие огни, что вы видите, — побочный эффект, возникающий при совмещении миров.

— Значит, все эти странные создания и машины приходят отсюда? — Свободная белая рубашка с широким воротом удивительно шла Милошу.

— Точнее сказать, оттуда, — Вирион показал пальцем вниз, где за гранью парящей воды разгорались огни города.

— Но зачем мы вам? Разве здесь плохо? — удивился юноша.

— Не плохо, нет. Но красота, что вы видите, — красота увядания. Скажи, ты понял, как устроены наши аппараты?

— Честно говоря, нет, — смутился Милош. — Единственное, что могу сказать, — они сильно пахнут фантом.

— Вот именно. Фант — наша естественная среда обитания. В вашем мире он становится вещественным, приобретает характеристики, присущие материальным предметам: цвет, массу, объем и даже запах. Здесь же все по-другому. Фант для нас — словно воз-

дух для голоса. Если его много, мы слышим друг друга, если нет — даже крик будет похож на шепот.

— Я не понимаю, — в один голос заявили юноша и девушка.

— Фант дает нам возможность управлять окружающим миром. Просить его выполнить нашу волю. Вот, взгляните, — Вирион протянул руку к изящной витой свечке в центре стола. Мгновение, и на кончике фитиля заплясал робкий голубой огонек. — Я попросил о рождении пламени. Это просто. Но есть и куда более сложные вещи. В конечном итоге все, чем мы окружаем себя, все, что используем в своих интересах, — не более чем совокупность исполненных желаний. На вас тоже влияет энергия моего мира. Вы без труда понимаете меня, хотя я говорю на родном языке, даже разницы не почувствовали. А вот в землях, где движется Фабрика, мне пришлось долго учиться местному наречию.

— Вы волшебники! — Клио завороженно смотрела на зажженную свечу. — Как из сказок давних дней! Они добивались всего при помощи особых слов и жестов, а еще у них были жезлы или посохи, которые усиливали их способности.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, но у нас есть трансляторы воли. Некоторые из них и правда напоминают жезлы, — удивленно сказал Вирион.

— Вы сказали, наши миры соединяют проходы, — Милош пристально глядел на бородача. — По ним к нам попадает фант?

— Верно. Система наших миров напоминает двухкамерный котел с паром. В одной емкости высокое давление, в другой — низкое. Если открыть заслонку, давление постепенно выровняется. — Аппликатор помолчал. — Фант уходит из нашего мира. С каждым совмещением мы теряем силы. Наши машины отказываются работать, вещи не отзываются на зов хозяев. Природа выходит из повиновения. Можно было бы просто подождать и посмотреть, что будет, когда

давление выровняется, но плод нашего тщеславия уничтожит нас куда раньше.

— О чем вы говорите, мастер Игар? — Клио взяла с блюда продолговатый фрукт янтарного цвета и впилась зубами в ароматную мякоть.

— О море, конечно, — Вирион широким жестом охватил горизонт. — Когда-то наши предки вознесли воду в небеса, чтобы та не мешала расширять границы городов. Тогда это казалось мудрым решением. Но сегодня удерживать хляби над землей становится все сложнее. Уже сейчас многие тонкие построения перестали функционировать так, как должно. Вниз поступает слишком мало солнечного света, воздух плохо циркулирует, растет влажность. Но это все мелочи по сравнению с главной проблемой. Печати начинают истончаться. Пройдет совсем немного времени, и миллионы тонн воды обрушатся на город.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Мы и делаем, — торговец вздохнул, — каждый день. Развлекаемся, пьем, спариваемся. Устраиваем парады и состязания. Мой народ утратил силу. Мы давно не производим сложных вещей, не развиваем науку. Пользуемся тем, что создали в былые дни. Совершенно по-другому обстоят дела в вашем мире. Вы тоже пережили катастрофу, реальность изменилась, и все же люди не утратили воли к развитию. Они сумели найти применение фанту, разработать новые машины, опираясь на знания и опыт угасшей цивилизации прошлого. Достаточно взглянуть на все эти замечательные средства для протирки поршней, портативные фонари, многозарядные самострелы, чтобы понять — возрождение не за горами.

— Неужели в вашем мире никто не понимает, что нужно искать путь к спасению?

— Некоторые понимают и даже высказывают здравые идеи, но для того, чтобы воплотить их, нужна власть. Все, кто может сейчас объединить людей, заняты борьбой с конкурентами.

— Кто же управляет городом?

— Формально город поделен на несколько областей, каждую из которых контролирует одна из древних фамилий. Они успешно поддерживали порядок, пока сила не начала таять. Здешние владыки, Эккорды, были свергнуты группой торговцев, сколотившей армию стеклянных воинов. Сейчас эти создания штурмуют вашу Фабрику. Они надеются заполучить новые технологии и, главное, сердце нашего проходчика.

— Чем же так хорош этот аппарат? — Милош невольно повернул голову и посмотрел на Аякса, неподвижно стоящего на границе прибоя. Яркая бабочка, унесенная из сада шаловливым ветром, опустилась на плечо проходчика.

— О! Это замечательное изобретение. Единственное устройство, способное сколько угодно долго функционировать в обоих мирах. На его основе можно создавать двигатели для механизмов. Именно такие универсальные машины будут в ходу, когда давление фанта уравновесится. Будь армия наемников снабжена такими двигателями, и господину Руго несдобровать. Обычный же летун не протянет в вашем мире и трех дней, через неделю придут в негодность стеклянные охотники и прочие твари.

— Значит, Фабрика победит? — обрадовался Милош.

— Вероятнее всего, да, — Вирион провел ладонью по лбу. — Благодаря тому, что армия торговцев исчезла, ситуация в этой области мира находится в шатком равновесии. Ни одна из сил не обладает достаточными возможностями, чтобы заявить право на единовластие. Залог успеха — сложное оружие: стеклянные воины, летающие машины, могущественные трансляторы воли. Единственное место, где их можно достать, — Большое Хранилище Эккордов. Доступ к артефактам получит только прямой наследник линии. Многие пытались заявить права, но их кровь оказалась недостаточно чиста.

* * *

Аякс шел по коридору. Не зная, чем себя занять, он каждую ночь патрулировал особняк. Ему не нравилась умиротворенная атмосфера острова. К тому же Клио больше не разговаривала с ним. По неведомой проходчику причине директор перестала замечать своего железного партнера. Если бы у него была возможность говорить, он бы спросил ее, но проходчики всегда безмолвны. Пока они шли через лес, Аякс чувствовал себя полезным. А здесь он ощущал себя ненужным и завидовал стеклянным слугам, которых Клио то и дело отправляла с разными поручениями. В этот вечер их активность отчего-то возросла. Бесшумно ступая по мягким коврам, слуги переносили с улицы курительные принадлежности, подушки и бокалы.

Аякс задержался рядом с комнатой Клио. Но дверь оставалась закрытой. Он дошел до конца коридора и выбрался на широкое крыльцо. Над морем громоздились тяжелые грозовые тучи. Вспышки далеких молний расцвели на броне Аякса холодными отблесками.

Внезапно что-то привлекло внимание проходчика. Из темной воды выбралось какое-то существо, пересекло пространство, отделяющее пляж от особняка, и крадучись двинулось вдоль стены дома.

Аякс мог ходить тихо, если это было необходимо. Медленно он последовал за пришельцем. В сумраке грозового вечера существо казалось то огромным, то крошечным. Вместо окон в комнатах гостей были широкие арочные проемы. Чтобы попасть внутрь, достаточно перемахнуть низкий парапет. Незнакомец так и сделал. Легко перебравшись в одну из комнат, он исчез из виду. Тут только Аякс понял, чьи это покои. Он рванулся вперед, наклонился, вглядываясь в неясные тени. В комнате Клио горел неяркий свет. Сквозь тонкую занавеску Аякс увидел, как пришелец склоняется над кроватью, протягивает руку.

Штукатурка и дерево брызнули под ударом тяжелого тела. Отлетела в сторону изящная каменная колонна. Проходчик ворвался в комнату, схватил врага, поднял над землей.

— Аякс, нет! — Клио сидела на кровати, прижав руки к груди. Аяксу казалось, что он уже видел ее такой, но воспоминание было слишком зыбким.

Железные пальцы разжались. У ног проходчика лежал испуганный Милош.

Юноша сжимал в руке половинку большой плоской раковины, из которой медленно выкатывались на пол светящиеся пушистые шарики.

— Я купался... в море, и там... эти штуки светятся... подумал — красиво, принесу, покажу тебе... — прохрипел молодой человек.

Клио бросилась к нему, обняла. Потом подняла голову и снизу вверх пристально посмотрела на Аякса.

— Пошел прочь. Не хочу тебя больше видеть. Никогда. Слышишь? Никогда! — Каждое слово тяжело падало в густой влажный воздух.

Несколько больших шагов. Левой-правой. Вот и берег, белеет язык причала. У резных опор, словно верная собака, притулилась маленькая лодка. Настил опасно затрещал под непривычной тяжестью. Выбраться на край. Застыть, вслушиваясь в рокочущий голос грозы. «Падай, падай, — шепчет припавший к горизонту советчик-гром. — Ты больше не нужен. Совсем».

Вода легко приняла железное тело, просочилась внутрь, омыла механизм, добралась до сердца. Аякс погружался, пропитываясь темнотой. Все глубже и глубже, пока внизу не забрезжил свет далеких окон. Вот он достиг прозрачного дна. В сущности, это была просто плотная пелена, не дающая воде пролиться на город. Вот прямо под проходчиком показалась большая летающая лодка. Ее борта украшали зеленые фонари, по широкой палубе гуляли люди. «Мне нужно вниз», — подумал Аякс. — Еще ниже». И завеса поддалась.

* * *

Что-то оборвалось внутри. Натянутая до предела нить не выдержала напряжения. Вслед за этим пришло ощущение щемящей пустоты. Клио вскочила с кровати. Рядом уютно сопел Милош — после погрома, учиненного проходчиком, они перешли в комнату молодого человека. Ветер легко перебирал полупрозрачную завесу, свистали в саду крылатые рептилии, шумело море. Море! Отчего-то именно море казалось девушке источником беспокойства. Она поднялась, накинула легкий вышитый халат. Шелк приятно холодил кожу.

На пляже было пусто. Гроза шла стороной. Темная масса воды ворочалась у берега, словно большой беспокойный пес. «Аякс! Связь прервалась! — цепенея, поняла девушка. — Директор приказывает. Проходчик выполняет». Что там она ему сказала? Велела убираться? Клио редко помнила дословно, что говорила в запале. Сейчас она жалела об этом. Железный болван! Чего он хотел, врываясь в комнату? Голос самооправдания — вопль базарной торговки — смыла едкая волна утраты.

— Что ты сделала, Клио? Что натворила? — От дома по тропинке спешил Вирион в сопровождении слуг. На нем были все те же багряные одежды. В ухе торговца тускло блеснула серьга. Похоже, хозяин не ложился.

— Я прогнала Аякса, — едва слышно прошептала Клио.

— Он на острове? — Игар схватил девушку за плечи, повернул к себе, заглянул в глаза. — Нет? Он что... упал в море? — бородач отвернулся, долго буравил взглядом горизонт, на его скулах играли желваки. — Ты хоть понимаешь, что произошло? — Вирион повернулся к стеклянным слугам. — Принесите кресло! Ненавижу думать стоя!

Через минуту Клио и Вирион уже расположились в удобных ложементах.

— Так-то лучше, — хозяин встряхнул рукавами своего одеяния, освобождая предплечья. — Попробуем отыскать его.

— Но разве он... не на дне?

— Это был бы лучший из вариантов. — Клио не видела, что сделал Вирион, но море перед ним внезапно поднялось ровной стеной в человеческий рост, да так и застыло, превратившись в гладкую полупрозрачную преграду. Мерцающая плоть водной завесы потемнела и вдруг разродилась картиной. Город истекал абрикосовым пламенем фонарей. По улицам двигались толпы людей в разнообразных причудливых костюмах. Всюду сновали стеклянные слуги. Изображение изменилось, показывая обширный парк, а затем водяное зеркало выстрелило целой серией образов. Картинки быстро менялись, так что у Клио закружилась голова. Вирион мягкими движениями заставлял изображения приближаться и отдаляться. Потом торговец вдруг прекратил тасовать пейзажи, выругался, полез в карман и вдруг швырнул что-то в зеркало. Изображение тотчас переменилось. Город отдалился, и невидимый наблюдатель оказался между поверхностью парящего моря и землей. На них медленно надвигался летающий корабль. Шестирукий золотой демон украшал нос воздушного судна. На палубе танцевали и совокуплялись несколько сотен человек. Клио услышала возбужденные крики разгоряченной танцем толпы, почувствовала запах табака и благовоний.

Внезапно картинку перекрыло лицо. Крупные черты, небритые щеки, тяжелый взгляд маленьких черных глаз. На лбу тонкий обруч. Белый металл неожиданно вспыхнул, и лицо изменилось. Исчезли мешки под глазами, морщины разгладились, в мгновение ока человек сбросил полтора десятка лет.

— Здравствуй, Вирион!

— Нексар, — коммерсант ухмыльнулся, — неважно выглядишь. Молодость барахлит?

— Я бы на твоем месте не ерничал.

— Отчего же?

— У меня твой железный человек, — Нексар отошел в сторону, открывая палубу корабля и стеклянную призму, в которую был заключен Аякс. Клио вздрог-

нула, хотела подняться, но Вирион жестом велел ей оставаться на месте.

— Так, — пальцы аппликатора сжались на подлокотниках, — зачем тогда говорить со мной? Ты добился своего.

— Не до конца. Мне нужен доступ к твоей семейной Двери, — человек в зеркале скривился, словно съел что-то кислое.

— Не хочешь ждать пятнадцать лет? Понимаю... — Вирион помедлил, пристально разглядывая своего собеседника.— Значит, обмен?

— Как в былые времена... — кивнул Нексар, и его лицо на мгновение снова состарилось.

Изображение поблекло, вода вновь обрела свои привычные свойства и рухнула на камни.

— Кто этот Нексар? — обеспокоенно спросила девушка.

— Поверить не могу. — Вирион с досадой швырнул бокал на землю. — У него не было ни единого шанса. Я обставил его... обставил, как мальчишку! И вот глупая случайность переворачивает все с ног на голову! Скажи, скажи мне на милость, почему ты игнорировала проходчика? Чего ради держалась с ним так холодно?

— Я... я боюсь его, — еле слышно прошептала Клио. Слезы душили ее.

— И поэтому гонишь? — Игар встал и сверху вниз посмотрел на Клио. — Знай же, что твоя несдержанность привела Аякса в руки тех, кто штурмует сейчас Фабрику.

* * *

Вирион и Нексар сговорились встретиться в районе Хранилищ. Это было обширное пространство, заполненное опустевшими кладезями артефактов и пышными усыпальницами благородных семейств. Обширные зиккураты, усаженные живыми цветами, покрытые мхом статуи давно забытых богов и демонов,

золоченые драконы, сжимающие кольца вокруг вытянутых шпилей. Это был город гигантов, многоуровневая запутанная система, стремящаяся равно и вверх, и вниз. Старые склепы, покрытые патиной запустения, соседствовали с едва построенными, щеголяющими разноцветным камнем и свежей, еще не знавшей дождя кровлей. Рядом со входом в новые гробницы курились благовония и лежали живые цветы. Над каждым саркофагом и могильным камнем тлел синий огонек, живо напомнивший молодым людям дрейфующие звезды. Милош нечаянно задел один из светочей, и тот, разгоревшись, показал улыбчивое лицо молодой женщины.

Маленькие проулки и широкие тракты вели к центру квартала. Там, подавляя все прочие сооружения своим массивным величием, высилась огромная пирамида. Вирион повел молодых людей по широкому проспекту, вдоль которого расположились самые впечатляющие склепы, затем свернул в неприметный проулок, прошел его до конца и выбрался на узкую улицу. Не успели они пройти и ста метров, как из-за угла показалась странная процессия. Люди были одеты в долгополые красные плащи и носили маски из бумаги и кожи. Они вели за собой на привязи неуклюжих длинноногих животных, похожих на ожившие щепки. Костяные гребни на спинах неповоротливых созданий были уставлены множеством тонких черных свечей.

— Кто они? — Клио вжалась в стену, чтобы пропустить шествие.

— Безумцы, фанатики. Они молятся гробницам древних героев, потом вдыхают дым и бродят среди могил, распевая гимны. Сегодня День Даров — один из наших религиозных праздников, вот они и выползли из нор.

Клио вздрогнула, ей показалось, что в потоке кирпичных плащей хищно блеснула сталь. Она оберну-

лась к Милошу и не увидела его. В ужасе девушка дернула торговца за рукав.

Тот оглянулся, выругался.

— Как не вовремя! Мальчишка, должно быть, засмотрелся на какую-нибудь статую и пропустил поворот.

— А эти... они не могли?.. — Клио указала на удаляющуюся процессию.

— Исключено. Они совершенно безобидные, — отмахнулся Игар. — Послушай, нам нужно спешить. Нет времени ждать твоего друга. Я легко найду его потом. Однако сейчас мне нужны все силы, — тяжелые золотые обручи на запястьях аппликатора тревожно звякнули. С виду это были обычные украшения, но Клио помнила осторожность, с какой Вирион доставал браслеты из резного ларца. Такое же сосредоточенное выражение лица было у фабричного оружейника, когда тот собирал боевой самострел.

— С ним ничего не случится? Насколько здесь безопасно? — Клио подняла голову к серебристому водному небу. Высоко, почти у самой грани моря, медленно двигались черные стрелы парящих лодок.

— Здесь безопаснее, чем где-либо в городе. И уж точно безопаснее по сравнению с местом, куда мы направляемся, — мужчина тряхнул головой, и перехваченные тонким ободом волосы рассыпались по плечам. — Все! Больше нет времени ждать. Идем со мной или оставайся.

Клио помедлила и все же двинулась вслед за Игаром.

Нексар уже ждал их рядом с мрачной гробницей, больше напоминающей крепость или тюрьму, чем место упокоения. Это был единственный склеп на небольшой круглой площади. Трапециевидный, сужающийся кверху ход поддерживали каменные воины с головами птиц. У их ног расположился паланкин из темного лакированного дерева. Шесть суставчатых

паучьих лап медленно переступали, легонько раскачивая открытую гондолу, в которой расположился Нексар. Он курил длинную костяную трубку и прихлебывал дымящуюся жидкость из большого кубка. Вокруг паланкина расположились не меньше трех десятков стеклянных охотников. За их спинами в тени гробницы стоял прозрачный саркофаг с заключенным в него проходчиком.

— А вот и наш благородный Игар, — Нексар глубоко затянулся, выпустив большое облако дыма. — Что это с тобой за девица? Наложница?

— Это Клио, уроженка Дорожной Фабрики, она гостит у меня, — улыбнулся Вирион. — О! Я вижу, тебе знакомо это название. Неужели я заметил следы печали на твоем молодом лице? Дай догадаюсь. Никто не вернулся из-за грани? Твоя армия пала?

Кубок ударился о камни, темная жидкость вытекла из него. Над площадью поплыл резкий запах травяного отвара.

— Так и есть, — голос Нексара дрожал от ярости. — Когда-то это была и твоя армия. Помнишь? На твоих руках крови Эккордов не меньше, чем на моих.

— Как такое можно забыть? — Вирион медленно кивнул. Клио удивленно посмотрела на коммерсанта. Значит, когда-то они с Нексаром были партнерами?

— Ты заманил нас в ловушку! — выкрикнул торговец. — Ты знал, что проклятые машины выйдут из строя!

— Конечно, знал. Я предлагал тебе честную сделку, а ты нарушил условия и, как всегда, захотел больше, чем в состоянии взять. С моей помощью ты мог бы объединить горожан, начать переговоры с аристократами. Нам нужен лидер, море может обрушиться в любой момент...

— Ты опять про море? — лицо Нексара налилось кровью. — Сколько можно нести эту чушь?

— Оставим это, — кивнул Вирион. — Ты ведь звал меня для обмена?

— Вообще-то нет, — Нексар наклонился вперед. — Видишь ли, дело в том, что ваш железный человек сломан.

— Сломан? — Клио заметила, как напрягся Вирион. — Но это невозможно, его сердце нельзя остановить.

— Думаешь, я шучу? Эта куча металла свалилась на один из моих кораблей. Мы пытались оживить его, но тщетно.

— И что это значит?

— Это значит, что сделка не состоится, — широко улыбнулся Нексар.

— Ты позвал меня, чтобы отомстить? Ведь так? — Вопреки ожиданиям, Клио заметила, что Вирион совершенно успокоился.

— Проницателен, как всегда. — Нексар взмахнул костяной трубкой, и стеклянные воины двинулись вперед.

* * *

Сквозь прозрачный монолит саркофага Аякс видел, как сжимается кольцо охотников. Как Вирион медленно поднимает руки.

Жизнь едва теплилась в железном теле. Тусклым светляком на краю бездны. Остался только взгляд. Безразличный ко всему проходчик фиксировал каждую деталь. Вот мужчина в паланкине наклонился вперед, напряженно следит за происходящим на площади. Вот сверкает металл на тяжелых браслетах Вириона: все ярче и ярче, словно море над головой расступилось, и светило огненным посохом ударило в золотую безделушку. Вспышка! Стеклянные воины опрокидываются на землю. В гаснущем ореоле желтого цвета танцует Вирион. Этот странный дерганый танец вышедшей из повиновения куклы кажется совершенно бессмысленным, но от каждого резкого взмаха, от каждого расшатанного па сгущается в воздухе невидимая смерть. Тела трескаются, разлетаются на куски.

Оторванная кисть падает перед саркофагом и продолжает сжимать и разжимать пальцы, пока из стеклянного нутра не вытекает весь синий огонь.

* * *

Бой длился не больше минуты. Площадка вокруг была усеяна осколками, ни один охотник не уцелел. Вирион стоял неподвижно. Мускулистые руки, отягощенные браслетами, безвольно повисли вдоль туловища, лоб коммерсанта блестел от пота.

— Ты всегда был хорош в поединках, — Нексар захлопал в ладоши. — Впечатляющая трансляция воли!

— Думаю, комплиментов будет недостаточно, — мрачно улыбнулся бородач.

— Разумеется, разумеется. Как насчет второго захода? — Еще один взмах костяной трубки, и проходы к гробнице заполнили охотники. Из темнеющего портала гробницы выбрались два стеклянных паука.

Вирион затравленно оглянулся. Отер пот со лба.

— Я недооценил тебя, — бородач расставил ноги пошире, повел плечами, словно стряхивал нелегкий груз. Слегка повернул голову и велел замершей в двух шагах девушке: — Держись поближе ко мне.

В этот раз атака началась без предупреждения. Пауки извергли долгий пронзительный визг. Звук ударил аппликатора в грудь, словно брошенный молот. Бородач едва успел поднять руки, гася напор при помощи браслетов.

— Что там позади? — прохрипел аппликатор, обращаясь к девушке.

— Три прохода. Перекрыты стеклянными.

— Много их?

— По десять — пятнадцать охотников на каждую лазейку.

— Плохая позиция. Нужно отступать... прорываться, — Вирион взмахнул рукой, и арахниды отпрянули. Их броня затрещала, но выдержала.

— Куда?

— В центральный проход. Я помогу. Тебе нужно бежать... прямо сейчас. Не раздумывай. Беги! — Вирион сблизил браслеты. Волна жара ударила в стены гробницы, снова заставляя пауков отступить. В тот же миг невидимый кулак врезался в ряды стеклянных тварей, сторожащих центральный проход. Клио бросилась бежать. Ей удалось преодолеть половину пути до границы площади, когда мостовая вокруг взорвалась, а воздух наполнился тысячью пчелиных жал. «Аякс, помоги!» — этот призыв вырвался помимо воли. Так дети в минуты опасности выкликают мать.

* * *

Аякс увидел странную картину. Взрыв словно расщепил реальность. Гробницы впереди растаяли, открывая знакомый еловый лес и парящие над ним громады гор. Был ранний вечер. В темнеющей бирюзе небесного бассейна барахтались новорожденные рыбы-звезды. Между стволов плыли и переливались волшебные огни. Тропа уводила в чащу, и по ней уходила Клио. А чуть ближе, на древних камнях квартала Хранилищ, лежала вторая Клио. Неподвижная, в окровавленных одеждах.

Парящие звезды над спящей землей...

Аякс пробуждался. Что-то в нем противилось этой ненужной трате сил. Но с каждой секундой в груди проходчика разгоралось утихшее пламя.

Над пажитью росной, над горной грядой...

Клио нужна была помощь. Но что может неуклюжий железный монстр? Разгребать завалы? Перетаскивать тяжести? Крушить врагов?.. Крушить!

Увидишь — не медли. Ступай за порог.

Увлеченный своим триумфом Нексар не заметил, как тонкая трещина рассекла стеклянный саркофаг.

В следующую секунду проходчик вырвался на свободу. Брызнули сверкающие осколки. Торговец испуганно оглянулся. На него стремительно надвигалась железная гора.

* * *

Аякс бежал через лес. У него было человеческое тело. Сильное, гибкое, быстрое. Он несся со всей возможной скоростью. Перепрыгивал корни, уворачивался от веток, разгонял гудящую над тропой мошкару. Зеленый плащ, в сумерках ставший темно-серым, маячил впереди. Аякс превзошел себя. Не бежал — летел над тропой. Впереди показалась поляна и памятник с поднятой в небеса рукой. В основании постамента чернел провал. В него, точно чудные маленькие лодки, вплывали синие огни.

Аякс нагнал Клио на краю поляны. Попытался схватить за плечо. Пальцы прошли сквозь тело директора, не встречая сопротивления. Аякс понял, что забыл, каково это — прикасаться. Не хватать, сжимая так, что брызжет сок, а дотрагиваться, ощущая ответ материала или плоти. Он попробовал еще раз. Результат был тот же. Между тем Клио продолжала идти прямо к провалу. Аякс чувствовал — это черта, за которую ему не попасть. Что же делать? Он забежал вперед, хотел привлечь внимание девушки, но та, похоже, не видела его. Стремительным шагом Клио приближалась к памятнику.

Аякс остановился, сознавая свою беспомощность. Внутри человеческого тела скрывался проходчик. Оставалось еще одно средство. Нечто давно забытое.

— Клио... — собственный голос показался ему чудовищной пародией на человеческую речь. Это был лязг расшатанных деталей, скрип пересохших ремней. И все же...

— Клио... постой...

Он не надеялся, что девушка услышит, но фигурка в плаще застыла на пороге темноты. Обернулась.

— Кто ты?

— Аякс.

— Аякс. Ты выглядел так раньше... до переселения?

— Да.

— Мне сказали, ты убивал... был карателем.

— Убил многих.

— Но ты не должен ничего помнить!

— Я вспомнил, когда... падал в небо.

— И меня, и ту деревню в горах?

— Да. Крики, огонь.

— А потом?

— Потом я увидел тебя, решил: смертей больше не будет.

Девушка долго молчала.

— Я виновата перед тобой... Сандер.

— Сандер умер. Я — Аякс.

— Что тут... как мы попали домой? — Клио впервые оглянулась вокруг.

— Мы не дома.

— Тогда что же это? — Клио провела рукой по волосам. — Я бежала через площадь. Что-то толкнуло в спину. Потом оказалась здесь. Я умерла?

— Пойдем со мной, — Аякс протянул руку, боясь, что опять не сможет дотронуться до девушки.

Клио помедлила, затем быстро вложила ладонь в пальцы мужчины. Аякс почувствовал тепло ее тела, мягкость кожи. В тот же миг лес вокруг побледнел, словно покрылся полупрозрачной пленкой. Только синие огни продолжали дрейфовать в вечных сумерках. Двое, рука об руку, шли по тропе подальше от черного провала, что глотал парящие звезды.

Вирион видел, как лопнул саркофаг. Как Аякс протаранил паучий паланкин. Нексар успел спрыгнуть на землю, не устоял на ногах, упал на бок. Обруч сорвался с головы торговца. Нексар, изрыгая проклятия, встал на колени. Иссушенный годами дряхлый старик. Шея

и руки покрыты пигментными пятнами, спина согбенна, седые волосы висят неопрятными лохмами. В скрюченных артритом пальцах зажата костяная трубка. Взмах. Камни площади вскипают волной мелких осколков и белой пыли. Игар прищурился, пытаясь разглядеть, что случилось с Аяксом, и удивленно заморгал. Удар не достиг проходчика. Тот стоял неподвижно, попирая ногами обломки паланкина. Воздух плыл, охватывая фигуру гиганта странным колеблющимся коконом. Внезапно из-за спины Вириона послышался тихий стон. Бородач обернулся.

Клио пыталась сесть в воронке из растрескавшихся покореженных камней. Аппликатор поспешил к ней. Прикоснулся к ране на виске девушки, направляя остатки сил на исцеление. Эта область приложения воли никогда не давалась ему легко, так же как и аппликатору Руго. Вирион почувствовал себя опустошенным, слабым. Он с надеждой взглянул на Аякса, но проходчик не двигался с места. Невозможно было определить, в каком он состоянии. Их по-прежнему окружали охотники Нексара.

— Ну, вот и все, Вирион, — старец доковылял до лежащего на земле обруча, поднял его, водрузил на голову. Однако полного омоложения в этот раз не случилось. Как видно, от падения в обруче что-то нарушилось. — Твои усилия ушли впустую. Знаешь, мне даже убивать тебя расхотелось, но дело нужно доводить до конца...

Земля ощутимо вздрогнула. Нексар удивленно завертел головой. Над огромной пирамидой, что подобно горе довлела над пейзажем, родился пылающий квадрат, и в нем — начертанный огнем глаз с двумя зрачками. В серебряном свете подводного дня пламенеющий символ казался посланником далекого недоступного солнца.

— Не может быть! — Нексар повернулся к Вириону. — Это... это значит...

— Это значит, что Хранилище Эккордов открыто, — спокойно сказал Игар.

Над большой пирамидой реяли черные точки. Сначала они походили на крупных птиц, но затем, когда стали стремительно приближаться, стало ясно — это плод человеческой мысли. Калькой для парящих в воздухе кораблей послужило не пернатое, но морское существо. Продолговатые тела были снабжены двумя рядами щупалец, которые мерно поднимались и опускались при движении.

— Удивительно! Это же одержатели! Я думал, их уже не осталось, — восхитился Вирион.

Аппараты заняли позицию над площадью. И вдруг, словно дождавшись невидимого приказа, принялись методично уничтожать стеклянных охотников. Щупальца выстреливали с поразительной скоростью и точностью, разрывая прозрачные тела. Двинувшихся на подмогу пауков придавила к земле невидимая сила.

Один из одержателей укоротил свои смертоносные отростки и плавно опустился к самой земле, заняв половину площади. В борту корабля открылась дверь, похожая на жаберную перепонку. На землю ступил мужчина в доспехах и стальной полумаске. Блестящие черные волосы свободно лежали на плечах. Белый жезл в руке слабо светился.

— Я Эрлет, хранитель ключей и печатей великого дома Эккордов! — возвестил мужчина звучным голосом. — Приветствуйте нового лорда Эккорда!

Клио с трудом подняла голову и увидела, как на площадь рядом с Эрлетом спрыгивает Милош.

На нем был легкий кожаный панцирь, украшенный в том же духе, что и броня Эрлета. Внушительный вид портила только старая черная шляпа, которую молодой человек так и не удосужился снять.

Милош быстро подошел к девушке.

— Клио? Что с тобой? Ты ранена? С ней можно говорить? — он вопросительно поглядел на Вириона. Тот утвердительно кивнул.

— Лорд? А я думала, ты — барахольщик. — Клио закашлялась, и Милош тут же опустился на колени, поддерживая ее.

— Я пока не понимаю всего. Видишь ли, этот человек, Эрлет, являлся мне во сне. Он много чего говорил о долге, о праве наследной крови. А потом, когда мы спустились вниз, он вышел ко мне. Сказал, что нас ожидает ловушка, что помочь смогу только я, если открою Хранилище, потому-де, что я прямой наследник, и все в том же духе. Ну, мы сели в летуна и махнули к той здоровой пирамиде. Дальше нужно было пройти внутрь. Я и прошел. Оказалось, там целый дворец, напичканный разными волшебными штуками. Возвращаюсь к выходу. Чего, спрашиваю, со всем этим делать, а он бах на колени и давай клятву приносить. Очень это долгая и нудная штука. Потом внутрь пошли. Он огляделся и указывает на эти колбаски со щупальцами. Это, говорит, то, что нужно, прикажи им очнуться. Я приказал. И полетели мы вас спасать.

— Значит, наследник жив? Вирион, мерзавец, ты же собирался убить его? — Нексар стремительно старился, похоже было, что каждое слово отнимает у него силы.

— Собирался, но не убил, — пожал плечами Игар. — Ты же знаешь, я не люблю радикальных решений. Перебросил парнишку за грань — и все дела. Благородный Эрлет, сегодня праздник Даров. Как видите, я вернул вам наследника целым и невредимым по достижении им совершеннолетия. Надеюсь, это смягчит приговор?

— Я бы велел обезглавить вас, Вирион. Но здесь решает лорд Эккорд, — сухо ответил Эрлет.

— Нет уж. Никаких обезглавливаний! — Милош сердито посмотрел на Эрлета. — И что ты такой кровожадный?

— Если позволите, у меня есть еще подарки, — Вирион театральным жестом указал на Аякса. — Я дарю

нашим мирам двигатель, способный работать по обе стороны грани.

— Ложь! — прохрипел Нексар. — Он сломан. Не может нормально двигаться. Ничего не понимает!

В этот момент из глубины флагмана Эккордов послышался шум. Полукруглая дверь сдвинулась в сторону, и на свет шагнула копия Аякса. Из-под роскошного зеленого плаща, больше напоминающего шатер, был виден нагрудник и символ: домна на фоне колеса.

— Яртан! Как он здесь очутился? — Клио изумленно уставилась на второго проходчика.

— Эрлет взял его в плен. Понимаешь, Яртан — не мой отец. Он мой опекун. Давний и верный слуга дома Эккордов. Оказавшись в родном мире, он сумел восстановить память и наладить связь с хранителем ключей.

— Яртан и Аякс — братья. В груди твоего слуги, Милош, тот же двигатель, — сказал Вирион. — Когда благородный Эрлет атаковал нас на платформе, я не сразу понял, с кем имею дело, но затем узнал знакомый почерк и, не раздумывая, оставил Яртана, понимая, что бережливый и расчетливый Эрлет попытается захватить неизвестного воина, нежели уничтожить его. Как видите, я был прав.

— В самом деле, — кивнул Эрлет, — на платформе мы замешкались. Предсказания о наследнике были очень четкие, и я не ожидал увидеть других людей. Естественно, я подумал о том, что кто-то опередил меня и замышляет дурное.

— Клио, — обратился Вирион к девушке, — подойди к Аяксу, рассей сомнения уважаемого Нексара.

Клио с трудом поднялась, опираясь на руку аппликатора, и медленно пошла к Аяксу. Рядом с неподвижным проходчиком стоял мужчина, которого когда-то звали Сандер.

— Значит, это был не сон, — прошептала девушка, — ты и правда существуешь.

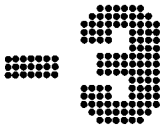
— Правда, — кивнул Аякс. — В этом месте наша связь изменилась. Я изменился. Другие не могут видеть меня, но ты — можешь!

— Ты умер, стал призраком?

— Скорее, родился заново, — человек улыбнулся, — подойди, послушай.

Она приблизилась вплотную к железному гиганту, прислонилась к бронированному бедру. Стальной корпус едва заметно вибрировал. Клио прислушалась. Изнутри доносился приглушенный ровный гул, нарушаемый ритмичными ударами. Это билось сердце.

ЖИВЫЕ ПРОСТРАНСТВА



й, парень, ты куда собрался?

Охранник, здоровенный детина с рыжей курчавой бородой, с ног до головы был затянут в чешуйчатые доспехи из кожи грифона. Даже шлем не снимал, только забрало поднял. Лайдр к подобному снаряжению пока не привык — где на Земле найти богатыря, способного устоять под тяжестью грифоновых доспехов? Но здесь не Земля, здесь все иначе. Здесь доспехи весят не больше шелковой пелеринки, а кесный газ и вода ценятся дороже золота. Здесь Гландир — форпост владений людей в Пространствах.

Лайдр заискивающе улыбнулся:

— Да вот, порыбачить хочу. Говорят, у ближних камней сиреневые фазари хорошо клюют?

Рыжебородый недоверчиво выпучил глаза.

— К камням, в одиночку?!

— А я что, с лесками сам не справлюсь? Зато делиться ни с кем не придется. Сколько выужу — все мои.

— Ну, ты отчаянный! Ладно, плыви уж. Только на сигнальный маяк не забывай поглядывать. Если красный огонь увидишь — бросай свои лески и бегом дуй назад в форт!

— Что, — удивился Лайдр, — ворки и сюда заплывают?

Охранник почесал бороду.

— По правде говоря, давно мы их здесь не видели. Но раз уж оборотни ворков на вашу посудину натравили, то и к крепости пригнать могут, верно?

Лайдр хотел было возразить, но только губу прикусил. Вот уже полтора декадриона, с того самого дня, как их барк пришел в Гландир, он пытается спорить. А толку — никакого.

Охранник, не дождавшись ответа, шагнул к запорному колесу, взялся за рукояти, провернул. Створки шлюзовых ворот заскрипели, поползли в стороны, впуская черноту Пространств, проколотую яркими точками звезд. Лайдр поспешно схватил багор, оттолкнул лодку от причала, направляя ее нос в створ ворот.

Минута — и внутренности шлюза остались позади. А впереди — бездонная пропасть с неподвижно зависшими в ней обглоданными серпиками астероидов. И сердце испуганно замирает в ожидании падения. Непривычно к законам Пространств сердце человека, родившегося на Земле. Да разве к такому можно привыкнуть?!

— Глаза! — гаркнул вдогонку охранник.

Лайдр кивнул с благодарностью и опустил на лицо хамелеонью маску. Еще одно, к чему он никак не привыкнет. В Пространствах Солнце — злейший враг. Забудешься, взглянешь на его диск — даже такой маленький, как здесь, на Окраинах, — и ты ослеп на несколько часов, а то и дней. А ослепнуть, когда нет никого рядом, — верная гибель.

Но Солнце — и единственный спаситель, и помощник людей. Вот и сейчас — парус вздрогнул, почувствовав эфирное дуновение, его складки расправились, и огромное полотнище повлекло за собой ставшую сразу крошечной лодку. Страх мгновенно исчез — в Пространствах люди не падают, будто камень. В Пространствах люди летают!

Лайдр немного стравил шкоты, выровнял направление на ближайший астероид. Затем опустился на дно лодки, зажег кесневую лучину. Теперь испорченный дыханием воздух вновь будет становиться свежим, и того малого количества, что удерживается во-

круг лодки чудесной силой Ятвера, вполне хватит на шесть-семь часов.

Лайдр вздохнул, прикинув, как много всего приходится делать в Пространствах ради того, чтобы только выжить. Он наврал стражнику. Вовсе не алчность заставила его в одиночку выйти из-под защиты крепостных стен. И плевать ему было на фазарей. Там, среди звездных камней, Лайдр надеялся встретить ее...

Сорок долгих декадрионов барк «Железный иноходец» шел от Земли к Гландиру. Сорок декадрионов команда томилась в его скорлупе, такой тонкой и хрупкой в безбрежных Пространствах, давилась солониной и водой с привкусом мочи, жарилась под обжигающим солнцем и мерзла в ледяной стуже. И только мысль о полновесных слитках чистого астероидного золота, что будут оттягивать карманы на обратном пути, грела души. Неудивительно, что в последний день плавания, когда звездочка Гландира замаячила впереди, и капитан, и шкипер, и первый помощник расслабились, выпили сверх меры крепкого мантильского рома. И даже преподобный Дрдек, служитель Ятвера, позволил себе вкусить мирского напитка. Велик ли в том грех? Это завтра барк войдет в астероидный пояс, и потребуются все знания шкипера, все мастерство капитана, вся сила духа и веры священника, чтоб провести его по каменному лабиринту. А сегодня можно отдыхать.

Последнюю ночную вахту стоял Лайдр Кирт, самый молодой из команды. Но молодой — не значит бестолковый. С парусами Лайдр управлялся отменно, а больше от него ничего и не требовалось в этом походе. Да и чем ночная вахта отличается от дневной? Только тем, что ночью все спят.

Лайдр ночные вахты любил. Нет суеты, тихо, спокойно. Можно без помех любоваться Пространствами, узором знакомых созвездий. И мысли ночью при-

ходят всегда неспешные, размеренные. Например, о том, что за время его плавания племяш, которого сестрица Ларида носила в своем чреве, успеет не только родиться, но и встать на ноги. Лайдр первый раз ушел так далеко от Земли. Три предыдущие ходки — к Луне — не в счет. Луна рядом, декадрион туда, декадрион обратно. Но и платят там соответственно. А на деньги, привезенные с Окраины, можно сразу выкупить пай на каком-нибудь каботажнике. А можно отдать их в рост и снова отправиться в дальнее плавание. Он ведь молодой, у него вся жизнь впереди.

А еще ночью, пока спит преподобный Дрдек, можно думать крамольные мысли. О том, зачем святейший Патриарх гонит свою паству в Пространства, почему людям не сидится на Земле. Ведь не за чистым астероидным металлом и не за шкурами диковинных зверей плывут они туда, рискуя жизнями. Может быть, все дело в силе Ятвера? Почему в Пространствах один-единственный священник своей верой укрывает корабль от смертоносных лучей, удерживает вокруг него живительный воздух, а на Земле целая обитель не способна вымолить дождь во время засухи? Не от того ли, что слишком давно люди живут там, поистрепали веру, поизносили. А многие так и вовсе от нее отступились — мол, «и без чудес ваших прожить сумеем!». Целыми волостями бежит народ из-под длани Патриарха, впадает в ересь богочеловеческую. Да что народ! Правители, и те позволяют себе весьма вольные суждения, Лайдр своими ушами слыхал. А дыма без огня, как известно, не бывает. Нужны, нужны Патриарху Пространства. И пуще того — новые Земли, что сокрыты где-то в черных безднах. Сказано ведь в священных писаниях: «Несть числа мирам живым. И всех их сотворил Ятвер во благо детей своих...» Только чтобы добраться до тех Земель, нужно сперва завоевать Пространства, подчинить их себе, утыкать железными форпостами. Хоть писания об этом и умалчивают...

Спал Дрдек, пока Лайдр думал крамолу. Да не спит великий Ятвер! Все видит, все ведает. Углядел непотребное в голове чада своего. И — наказал!

Лайдр не сразу заметил две дюжины тусклых синих огоньков, что приближались к барку с левого борта. А когда заметил, удивился. Что за корабль диковинный? Раза в три больше «Иноходца», идет удивительно скоро, да вдобавок и против ветра. Неторопливы ночные мысли, не сразу сообразил — как звездный корабль сможет двигаться против ветра?!

Это был не корабль — целая стая ворков, самых страшных, самых злобных хищников в Пространствах. Каждый размером с левиафана, челюсти способны дробить камень, а ядовитая слюна растворяет металл. И мало счастья, что нет у ворков ни лап, ни когтей — меткий удар шипастым хвостом моментально распорет обшивку торгового корабля, напрочь снесет такелаж.

Лайдр обомлел, когда сообразил, что несется наперерез «Иноходцу». Опомнился, ударил в рынду: «Тревога! Тревога!» Да поздно. Первая пара уже была над палубой, заходила в пике. Металлическая ткань парусов, стальные обшивка, мачты и реи ворков не привлекали. Их манил запах дерева — внутренней отделки корабля. А пуще того — сладкая плоть его команды.

Из распахнувшегося жерла орудия вылетела ракета — канониры спешно открыли огонь. Прошипела, оставив дымный след, ударила в грудной панцирь ворка, взорвалась. Зверь отпрянул было, но удар оказался слабоват, бронированную чешую таким не пробить. Ворк вновь ринулся вниз, навалился на борт. Второй поддал с другой стороны. Барк вздрогнул так, что у Лайдра пол ушел из-под ног, застонал. И — завертелось!

Ворки нападали пара за парой — они всегда действуют парами. Обшивка вибрировала, трещала, местами уже и рвалась. Ракеты шипели, отравляя воздух едким дымом, забрасывали палубу горячими осколками. Но попасть в сочленение панциря канонирам удалось

только раз. Раненый ворк истошно замахал крыльями, кинулся прочь, но собратья его от этого стали только злее. И ясно было — отогнать стаю одними ракетами не получится.

Лайдр вцепился в штурвал так, что костяшки пальцев побелели. «Спаси нас Ятвер, Великий и Могучий, Единственно Ведающий, Хранящий Истину, Безжалостный и Ревнивый, Повелитель всея, Творец и Разрушитель...» — шептал заученную еще в младенчестве молитву. Да разве снизойдет Ятвер до молитвы какого-то матроса?! А преподобный Дрдек все не показывался...

Мгновение, когда между тусклыми сизыми тушами ворков блеснуло золото, Лайдр пропустил. Откуда он взялся, как успел подплыть незамеченным? Или правду сказывают, что астеры-оборотни способны превращаться в солнечный луч? Он казался маленьким на фоне сизых гигантов. Маленьким, но вовсе не хрупким. Обтекаемое тело, плавники, хвост-весло — как будто существу этому предназначено было бороздить Океан, а не бесконечную пустоту. Крутой лоб, длинный нос и глаза... Нет, глаза его Лайдр увидел позже.

Астер врезался в самую середину стаи. И тут же с кончика его носа сорвалась белая молния. Вторая! Еще! Каждая находила цель, била в сизые туши. Стая дрогнула, начала отступать. Астер, словно погонщик с бичом, отгонял ее в сторону.

— Ты что стоишь, будто столб?! — на мостик вывалился капитан.

Не удержался на ногах, упал на четвереньки, подполз к штурвалу. Ухватился за рукояти, налег, стараясь провернуть.

— Лево руля! Лево руля, я сказал! Поворот фордевинд!

У Лайдра глаза полезли на лоб. Поворот фордевинд, когда барк идет под полными парусами?! Да никакая сталь этого не выдержит, мачты с корнем вырвет.

Капитан тоже понял абсурдность своего приказа, зарычал зло:

— Взять рифы! Быстро!

Вот это было верное решение. Но означало оно, что именно Лайдру доведется выйти на открытую палубу, а затем карабкаться на мачту, туда, где слой воздуха становится совсем тонким и алчно клацают зубами огромные пасти...

— Бегом!

Рык капитана выбил все мысли из головы. Лайдр открыл люк, ведущий с мостика на палубу, стараясь не глядеть на сизые туши, прыгнул, уцепился за ванты. Поднял глаза на огромное, без малого десять сотен локтей шириной, полотнище грота и только тут сообразил, что в одиночку ему не справиться. И что теперь делать? Спускаться? Ждать?

Из-под стального настила палубы докатился зычный ор боцмана:

— Наверх, сукины дети! Наверх, я сказал!

Ведущий в кубрик люк распахнулся, двое матросов метнулись к грот-вантам. Но все же недостаточно быстро — один из снующих вокруг корабля ворков заметил, рванул наперерез, на лету разевая жуткую пасть. Сердце Лайдра ухнуло в пятки, да там и застряло, но ноги и руки знали, что нужно делать. Наверх, к марсу, под защиту стальных лееров. Пусть призрачную защиту, но всяко лучше, чем ничего. Он почти успел...

На палубе дико заверещали, и тут же белая молния хрустнула за спиной Лайдра. Ворк взревел, разом заглушив человеческие крики и вопли, дернулся всей тушей в попытке развернуться. Кожистое крыло с размаху хлопнуло по вантам. Лайдр вдруг ощутил, что его пальцы сжимают только воздух, что он летит прочь от спасительных лееров.

Нет, он не испугался, что упадет с высоты в двадцать человеческих ростов. Он испугался, что НЕ УПАДЕТ. Он слишком далеко от обшивки барка, спаситель-

ная сила Ятвера не удержит его. И он будет лететь, лететь, лететь...

Лайдр хотел заорать что было мочи — и потому, что делать это заставлял страх, и потому, что в крике было единственное спасение, — и с ужасом понял, что орать поздно. Он почти пробил воздушный купол, осталось каких-то три локтя, два, один... Он был в Пространствах.

Лайдр всхлипнул, зажмурился. Все, сейчас он задохнется. Или смертоносные лучи испепелят и разорвут его тело. Или он превратится в ледышку. Или ворки заметят дармовой корм и проглотят...

— Эй, ты куда летишь?

Он помотал головой, отгоняя наваждение. Всем ведь известно — в Пространствах нет звуков, там стоит мертвая тишина...

— Ты чего глаза не открываешь?

Он открыл. И тут же опять закрыл — астер завис в двух саженях от него, целился своим страшным носом. Еще одна смерть, о которой он чуть не забыл. Пожалуй, самая быстрая — вспышка молнии, и все закончится. Что ж, пусть будет так...

— Ты что, меня испугался?! Не бойся, мы ведь почти такие, как вы.

Лайдр снова открыл глаза. Как раз вовремя, чтобы заметить быструю дрожь, волной прошедшую по дельфиньему телу астера от кончика носа до хвоста. Нет, не дельфиньему! Нижняя половина осталась прежней, а верхняя... Верхняя была человеческой, девичьей! Плечи, руки, грудки, длинные волнистые волосы. И глаза — огромные, цвета фиалок.

— А так тоже страшно? Почему ты молчишь?

— Я... не знаю...

Он и впрямь не знал, что сказать. И как можно говорить в абсолютной пустоте Пространств? И как можно дышать?!

— Ладно, возвращайся на свою лодку. Мне нужно зверушек увести, пока они еще большей беды не наделали.

— А... как?

Девушка-астер звонко засмеялась.

— Ты забавный. Прощай! Может, когда-нибудь увидимся!

Она легонько толкнула его в плечо, и этого оказалось достаточно. Он перекувыркнулся и полетел назад, к воздушному куполу, к палубе барка. По телу девушки вновь прошла дрожь, возвращая первоначальную форму, — теперь Лайдр понял, отчего астеров называли оборотнями! — и она заспешила к ворчьей стае.

«Пришвартовался» он точнехонько рядом с преподобным Дрдеком. Тот сидел прямо на палубе, белый как мел, тяжело дышал, то и дело сглатывая слюну. Судовой лекарь заботливо отирал испарину с его лба, кок держал наготове кружку с какой-то микстурой.

И капитан был здесь же, мрачный, как грозовая туча.

— Ты откуда свалился? — зыркнул на Лайдра. — На клотике прятался?

Придумать что-то в свое оправдание Лайдр не успел. Да капитан и не ждал ответа — от него.

— Трое погибли, семеро покалеченных. Что мне писать в рапорте, преподобный? Как объяснить? Это ведь не корсары с Дейсмоса — какие-то паршивые ворки!

— А что я мог? — преподобный наконец-то нашел силы заговорить. — Молнии богопротивной твари помешали моим молитвам. Из-за их треска Владыка Ятвер не расслышал меня.

Он засопел, отдуваясь, потом с неожиданным проворством выхватил у кока кружку и осушил ее одним долгим глотком. Лайдр вдруг догадался, что никакая там не микстура, а огуречный рассол. И что вовсе не молнии астера помешали преподобному, а выпитый накануне ром. Подумал и ужаснулся крамоле.

Дрдек отбросил в сторону пустую кружку, смачно икнул. И уже спокойно добавил:

— Не удивлюсь, если эта тварь на нас ворков и натравила. А что? Если б они сами по себе рыскали, неужто мы б их не отогнали? Нет, богомерзкие заклятья на них были наложены, вот что я тебе скажу. Так и напишем в рапорте!

Они так и написали. И когда корабль вошел в доки Гландира, по форту покатились зловещие слухи. Мол, оборотни объявили людям войну, и нападение на барк — только первая ласточка. Не сегодня-завтра следует ждать, что пригонят из черных Пространств таких чудищ, каких никто и не видывал. И тогда не только форпостам Окраины туго придется, но и орбитальным крепостям не поздоровится. Да что орбитальным! Они на саму Землю покуситься могут...

В то, что создания Пространств нападут на Землю, мало кто верил. Но Земля далеко, а Каменный Пояс — обиталище оборотней — рядом. Так что несколько дней спустя слухи трансформировались в идею: отправить Патриарху прошение. Пора снаряжать большой военный флот, нанести удар в самое логово оборотней, если уж не изничтожить проклятых тварей, то хотя бы отогнать их подальше.

Лайдру идея не нравилась. Ведь это неправда — девушка-астер не натравливала ворчью стаю на людей, наоборот, пыталась отогнать. Он видел это собственными глазами, и все, кто рискнул выйти на палубу, видели, капитан в том числе. Лайдр спорил, пытался доказывать. Но много ли весили его слова против слов преподобного Дрдека? Здесь, в Пространствах, почти ничего.

И тогда Лайдр понял, что другого ему не остается, как только отыскать свою спасительницу и сообщить ей о замыслах людей. Пусть предупредит сородичей. Если астеры сами уйдут, то удастся избежать крово-

пролитной бойни. Что им, места мало? Пространства ведь бесконечны!

На вырученные за плавание деньги он взял в аренду рыбачью лодку и отправился к Каменному Поясу. Где же еще можно встретить астера?

Пять верст в Пространствах — не расстояние, когда умеешь работать с парусом. Лайдр и оглянуться не успел, а ближайший астероид из обкусанного полумесяца превратился в каменную гору, испещренную гротами, блистающую оспинами металлических вкраплений. Гландир же, наоборот, теперь выглядел старой, изрядно помятой жестянкой. Сигнальные маяки на его башенках-зазубринах мирно светили желтым.

Лайдр подобрал край паруса, опустил мачту, превращая ее в плавучий якорь. Подождал, пока чудесная сила Ятвера притянет лодку поближе к скале и заставит вращаться вокруг нее, выстрелил снасти. Крючки веером сыпанули к ближайшему гроту, потянули за собой увешанные блеснами тросики. Больше от рыбака ничего не требовалось, сиди и жди, пока глупый фазарь клюнет. Или не фазарь... Если в гроте прячется тварь покрупнее, то тут уж либо отстреливаться из гарпунометa, либо ноги уносить. Лайдр надеялся, что ни фазари, ни кто другой его «рыбалке» сегодня не помешают. А завтра он отправится к другой скале, затем — к третьей, четвертой... Почему был уверен, что девушка-астер рано или поздно придет? Но ведь она сама сказала: «Может, когда-нибудь увидимся!» Значит, плавает где-то рядом с фортом — любой сообразит!

— Привет!

Лайдр едва из лодки не вывалился от неожиданности. Быстро обернулся. Она уже была здесь! Уже приняла свое получеловеческое-полудельфинье обличье. Тонкие длинные пальцы держались за борт, распущенные волосы трепетали в струях эфирного ветра. А губы насмешливо улыбались.

— П-привет...

— На фазариков охотишься?

— Да... Нет! Я... Я тебя искал! Мне нужно с тобой поговорить.

— Вот как? — девушка недоверчиво приподняла брови. — Что, и в лодку к себе разрешишь войти?

Лайдр уставился на нее удивленно. Войти?! Спросил с опаской:

— А тебе... это удобно будет?

— Почему же нет?

По телу ее пробежала знакомая дрожь. И в следующее мгновение точеная женская ножка переступила борт лодки.

Девушка уселась на дно напротив Лайдра, поджала под себя ноги. Выглядела она совсем по-человечески, только кожа была золотистой, будто светилась изнутри. Поймав взгляд парня, хихикнула, легонько передернула плечами. Наготу ее тут же прикрыла туника, сотканная из мельчайших искорок.

— Так лучше?

— Да... наверное, — неуверенно кивнул Лайдр.

— Забавный! Как тебя зовут?

— Лайдр Кирт.

— Нет, это слишком твердое имя. Я буду называть тебя Лайд. А меня зовут Саэсиэнаиэ. Сможешь выговорить? Ясно, забудешь! Тогда — Саэ.

— Саэ...

— Ага. Так о чем ты со мной хотел говорить?

Лайдр выпалил:

— Правители Гландира готовят прошение Патриарху! Просят прислать боевой флот. Люди хотят воевать с астерами, хотят перебить вас всех. Они...

Саэ неожиданно захохотала, отмахнулась от раззявившего в изумлении рот Лайдра.

— Ты смешной! Никогда твердые люди не решатся воевать с нами. Никогда им не подчинить Пространства.

— Почему?

— Да потому что вы слишком твердые! Слишком твердолобые. И вещи вы любите твердые, такие как сами: камень, металл. Вы даже дерево убиваете, прежде чем использовать! Вы окружили себя твердыми вещами, вы создаете из них оболочки, все более крепкие, неподатливые. И правилам вы подчиняетесь твердым и неподатливым. С рождения знаете, что можно, а что нельзя, что дозволено, а что — нет. Вы все пытаетесь объяснить. А если не можете — говорите, что этого не бывает. Да только Пространства чересчур велики для ваших крошечных твердых правил! Твердая оболочка стесняет движение, твердые вещи мешают. Вы, твердые люди, слишком слабы против нас, изменчивых и мягких.

В каждом ее слове была ересь. Страшная ересь, за какую сжечь живьем на костре — самое легкое наказание. На заре мира Великий Ятвер создал четыре стихии — Поверхность, Океан, Атмосферу и Пространства — и заселил их живыми существами, чтобы плодились и размножались, чтоб охотились и поедали друг друга, чтоб славили создателя рождениями и смертью. И каждому творению своему дал Ятвер форму, годящуюся для стихии, в какой оно обитало. Неизменную, твердую форму. И для каждой стихии установил он законы, неизменные, твердые. И все были счастливы, и тысячи лет длилась Благословенная Эра.

Но одно существо восстало против воли создателя. Астеры не желали оставаться твердыми и неизменными. Они взяли форму человека, чтобы ходить по Поверхности, форму дельфина, чтоб плавать в Океане, лебедя, чтобы летать в Атмосфере, и солнечного луча, чтоб нестись сквозь Пространства. Они отказались подчиняться законам. Они уверовали, что весь мир принадлежит им.

Разгневался Вседержитель на подобное самовольство, и гнев его был ужасен. Проклял он оборотней, лишил их бессмертной души и возвысил другое свое создание — людей. Дал людям в подчинение твердые

вещи и твердые законы, чтобы они, а не астеры, правили миром. Началась новая эра — Эра Пути. Люди подчинили себе сначала Поверхность, затем — Атмосферу, затем — Океан, изгнали астеров из этих стихий. И когда они подчинят Пространства, изничтожат проклятых оборотней, воля Ятвера будет выполнена, история мира закончится, все стихии сольются в одну. И наступит последняя эра — Эра Благоденствия.

Священные писания Лайдр знал наизусть, как положено добропорядочному человеку. Потому от речей Саэ ему сделалось нехорошо. Он оглянулся украдкой — нет ли кого рядом, не подслушивают ли? А не то — жариться им обоим на адском огне. Впрочем, у астера души нет, ее жарить не станут. Зато его — запросто! Схватят, свяжут по рукам и ногам, отвезут на Землю — и на костер. В Гландире жечь нельзя, много драгоценного кесня на это потратится.

— Ты чего головой вертишь? — перебила его мрачные размышления Саэ. — Ждешь кого-то? Ой, смотри, у тебя фазарик клюет! Помочь вытащить или сам справишься?

Вконец растерявшийся, не знающий, что ему делать и что говорить, Лайдр вскочил, схватился за лебедку тросика, который и в самом деле подергивался, точь-в-точь как леска удочки, заброшенной где-нибудь на пруду. Буркнул:

— Справлюсь...

— Хорошо, занимайся своей охотой, а я поболтаю. Скучно все время одной.

— А почему ты одна? Ты разведчица, да? За фортом следишь?

— Больно надо за вашей железкой следить. Здесь неподалеку пастбища барчиков, за ними я и приглядываю. А то твои сородичи привычку взяли — барчей стрелять! Фазарей вам мало. Так что, будешь слушать? О нас, мягких людях?

— Ну, рассказывай. Только никакие вы не люди. Вы оборотни!

— Оборотни, — легко согласилась Саэ. — Но и люди тоже. У нас с вами одни предки, просто пути наши очень давно разошлись. Мы начали изменять себя, чтобы приспособиться к окружающему миру. А вы, наоборот, попробовали изменить весь мир, чтобы прогнуть его под себя. Пока все жили на Земле, ваш путь казался легче и быстрее. Там вы победили, заставили нас уйти. Но теперь сами бежите от того, что наделали, ищете новые планеты, неиспорченные, правильно?

Лайдра больше не интересовало, о чем говорят в Гландире. Главное — никакой войны не будет. Патриарх слишком умен и благоразумен, чтобы отправлять своих людей в Каменный Пояс на верную гибель. И значит, нет нужды волноваться о том, что с Саэ случится беда. Можно встречаться с ней, слушать рассказы о мягких людях, любоваться ее лицом, золотыми прядями волос, фиалковыми глазами. Хоть каждый день! И здорово, что рыбаки больше не рискуют забираться до самых пастбищ и вообще редко выходят из форта — Саэ не нужно будет исчезать из его лодки, превращаясь в солнечный луч. А на самого Лайдра в Гландире давно рукой махнули — после рассказов и споров с преподобным его все здесь считали чокнутым. И когда он объявил капитану «Иноходца», что в обратное плавание не пойдет и останется жить на Окраине, тот только вздохнул с облегчением.

Декадрион пролетел незаметно, начался следующий.

— Эй, парень, ты куда собрался?

В шлюзе опять дежурил рыжебородый. Лайдр приветственно помахал ему рукой, улыбнулся.

— А, это ты, — охранник хмыкнул. — Хорошие деньги небось берешь за фазарей? Нынче это редкий товар, мало кто рыбачить осмеливается.

— Неплохие, — согласился Лайдр.

— Да уж... Хорошие деньги легкими не бывают, парень. Сегодня лучше не ходи к камням.

— Почему?

— Оборотня там который день видят.

— Ааа... Ну и я видел. Что с того? Я же объяснял — астеры на людей не нападают.

Охранник почесал бороду.

— Дак я ж разве спорю? Мож, и не нападают. Преподобный Дрдек изловить его хочет. Чтоб ты из-за этого в передрягу какую не попал.

Лайдр как стоял, так и сел.

— Зачем ему астер?

— Известно, зачем. Чтоб секреты их выпытать. Ни одного ведь оборотня покамест живьем словить не удавалось. Если преподобный поймает да к Патриарху в адскую юдоль доставить сумеет, то его не то что от епитимьи освободят — сан митрополичий за такое пожаловать могут!

— А там... сильно пытают? В адской юдоли? — пролепетал Лайдр.

— Хм... сильно. Слыхал, еретики на костре смеются от радости, что наконец-то их в огонь бросили. Облегчение это для них после пыток.

Он помолчал, разглядывая сидящего на дне лодки Лайдра.

— Так что, парень, остаешься?

Лайдр встрепенулся.

— Нет! Открывай шлюз!

— Ну, как знаешь. Эх, молодо-зелено! Все одно не заработаешь всех денег, попомни мои слова!

Саэ появилась, как всегда, неожиданно. Золотая вспышка — и она сидит на дне лодки, поджав ноги, с улыбкой смотрит на Лайдра.

— Саэ, тебя хотят...

— Постой! — она вскинула руку. — Дай я сначала скажу, а то вдруг передумаю. Хочешь увидеть, как живут мягкие люди?

Лайдр замер от неожиданности.

— Но... это же очень далеко, в самом сердце Каменного Пояса? Мне не хватит воздуха, чтобы доплыть туда.

— Я же не предлагаю тебе плыть на этой железке.

— А как?

— Я тебя отнесу. Хочешь?

У Лайдра волосы на затылке зашевелились от такого предложения. Всем известно, что астеры не подчиняются силе Творца. Но и защита Ятвера им недоступна!

— Я задохнусь. И заледенею, и смертоносные лучи сожгут...

Саэ засмеялась.

— Так и случится — если будешь всего этого бояться! — Она мягко ткнула его пальцем в грудь: — Это — всего лишь оболочка, настоящий ты — внутри. Прикажи своей оболочке не дышать, не мерзнуть и не гореть. Разве это так сложно?

Лайдр только моргнул растерянно. Девушка снова рассмеялась.

— Ладно, не трусь. Я прихвачу твой воздух, если ты так в нем нуждаешься. Так что, полетели?

Лайдр нерешительно кивнул. Ой, зачем, зачем он это сделал! Нельзя лететь в глубь Каменного Пояса, нельзя доверять оборотню!

Поздно. Саэ взмахнула рукой... Не рукой, крылом! Рядом с лодкой парила большая золотая птица с длинной гибкой шеей и широкими, будто парус, крыльями.

Птица-астер повернула голову:

— Где ты застрял? Садись мне на спину и держись крепко. Представь, что ты не в Пространствах, а в Атмосфере, и вокруг полно твоего любимого воздуха. Хоть на это ты способен?

Лайдр подчинился. Сердце стучало так, словно готово было прорвать грудь, ноги налились свинцом. Но он все равно встал, сделал шаг к борту лодки. И перевалившись через него, плюхнулся в ложбинку между крыльями-парусами.

О, как быстро они летели! Он и не представлял, что можно двигаться с такой скоростью. Облачко воздуха летело вместе с ними, окутывая с головы до ног. Оно не отставало, не рассеивалось в Пространствах, а самое странное — воздух по-прежнему был чист и свеж, хоть кесневая лучина осталась в лодке!

Каменный Пояс проносился мимо них. Огромные скалы, рядом с которыми Гландир и впрямь выглядел бы никчемной жестянкой, и булыжники, и рои мелкого гравия, и облака пыли. Иногда между скалами Лайдр замечал каких-то существ. Они мелькали серебристыми, алыми, зеленоватыми силуэтами, но форму их он не успевал разглядеть. И была ли у них форма? Что, если священные писания врут, и не только астеры научились изменять себя? Что, если все Пространства заселены оборотнями?

А потом Лайдр увидел такое, что забыл дышать. Прямо под ними расстилался сад. Огромный, зеленосине-алый, он раскинулся на десятки — а может быть, сотни или тысячи?! — верст. Или это было одно дерево, не имеющее ни ствола, ни корней, а только ветви и листья? Лайдр не знал. Какая разница! Сад был живым. И он был прекрасен!

— Это наш город, — сообщила девушка-птица.

Она сбавила скорость, и Лайдр мог любоваться совершенно неземным, сказочным пейзажем. Он видел цветы — белые, желтые, лиловые, — такие огромные, что на лепестке можно было устроить себе постель. Видел гроздья плодов — каждая способна накормить целое селение. Видел бабочек с ажурными крылышками, порхавших между ветвями. Или это были не бабочки, а птицы? Или тоже цветы?

А еще там были астеры — лебеди и дельфины. Но, заметив Лайдра, они все принимали человеческий облик, превращались в прекрасных мужчин и женщин. Зачем? Неужели лишь для того, чтобы улыбнуться, приветливо помахать рукой?

Впрочем, в золотокожих людей превращались не все. Там были и другие. Они походили на людей, но что-то в их облике было неправильным... Лайдр не смог бы подобрать нужные слова. Иной цвет кожи? Формы тела? Но что значит форма для оборотня!

— Кто они? — осторожно спросил он.

— Это наши друзья. Они прилетели с иных звезд.

— С иных звезд?! — Лайдр не поверил своим ушам. — Но ведь к звездам долететь невозможно!

— Почему невозможно? Возможно, только очень долго. Даже если стать лучом света, лететь придется многие годы. Но дружба того стоит, правда?

Лайдр не знал, что ответить.

Девушка-птица неожиданно спикировала вниз, в самую гущу листвы. Лайдр зажмурился от неожиданности. А когда открыл глаза, оказалось, что сидит он не на спине астера, а на большом круглом листке, таком мягком, что прикосновения к нему почти не ощущались. И Саэ стоит напротив, уже в своем девичьем обличье.

— Держи! — она протянула ему желтый, похожий на большое яблоко плод. — Попробуй, вдруг тебе понравится наша пища?

Лайдр взял угощение. Нет, плод не походил на яблоко, был слишком легким, почти невесомым. Хотя какой вес в Пространствах?!

Он поднес его ко рту, надкусил. Внутри не было ни сока, ни мякоти. А было... Лайдр не знал этому названия. Не понимал, вкус он чувствует или запах.

— Вкусно, — произнес на всякий случай. И с удивлением обнаружил, что плода в руке больше нет. Тот будто растворился от одного прикосновения к губам, впитался в язык, ноздри.

— Я знала, что понравится! — Саэ внезапно подалась вперед, спросила, блеснув фиалковыми глазами: — Лайд, а хочешь стать таким, как мы?

Лайдр дернулся, отпрянул назад. В голове бешено заколотил ужас: вот, вот оно! Его одурачили, заманили в ловушку. Нельзя верить тем, у кого нет души!

— Ты хочешь превратить меня в оборотня? — пролепетал срывающимся голосом.

Саэ засмеялась.

— Как я могу это сделать? Только ты сам. — Она вновь ткнула пальцем ему в грудь: — Помнишь, это — оболочка. Ты настоящий — внутри. Ты решаешь, каким тебе быть, каким правилам подчиняться, во что верить. Ты, и никто другой.

У Лайдра не нашлось ни слов, чтобы ответить, ни мыслей, чтобы понять. Он сидел, вцепившись руками в невесомый лист, а губы сами собой пытались шептать заученные молитвы. «Спаси нас, Ятвер, Великий и Могучий, Единственно Ведающий, Хранящий Истину, Безжалостный и Ревнивый, Повелитель всея, Творец и Разрушитель...»

Саэ отступила.

— Ладно, я ведь не тороплю. Давай отвезу тебя назад, к твоей лодке. И думай, сколько пожелаешь. Может, завтра надумаешь, может — послезавтра. Может, когда-нибудь.

Обратно они летели еще быстрее. Или Лайдр не замечал ничего вокруг оттого, что был слишком занят. Он думал. Пытался понять, что значит для него Земля, дом, привычный мир вещей. И что значит Саэ.

Очнулся, только когда плюхнулся на дно лодки. Кажется, здесь ничего не изменилось за время его отсутствия. Лучина не прогорела и наполовину, снасти были по-прежнему туго натянуты. Лишь на одной судорожно трепыхался, раздувал ярко-сиреневый гребень фазарик.

Превращаться в девушку Саэ не стала. Только крылом махнула на прощание: «До встречи!» — и полетела прочь. Лайдр смотрел ей вслед и думал, как хорошо, что она дала время на размышление. Завтра он обязательно что-нибудь придумает. Или послезавтра. Или когда-нибудь...

А потом все случилось так быстро и неожиданно, что он только и успел рот открыть, словно готов был крикнуть. Куда кричать? В Пространствах нет звуков. Наверное...

Из-за скалы медленно и неотвратимо выдвигался бушприт корабля. Боевого фрегата, одного из тех, что приписаны к Гландиру. А из-за соседнего астероида выплывал второй. И третий спешил от форта. Они окружали его лодку. Нет, не лодку! Они окружали Саэ.

Лайдр прикусил губу от отчаяния — он ведь так и не сказал ничего об охоте, забыл предупредить! А теперь поздно.

Прямо перед золотой птицей вспыхнули рубиновые лучи. Силовая сеть — это тебе не стальные канаты! Должно быть, много служителей стоит сейчас на палубах кораблей. Должно быть, все, сколько их есть в Гландире. Все — на одну девчонку.

Дрожь прошла по телу птицы. Но стать лучом света, быстрым и неуловимым, она не успела. Заряженные молитвами иглы пронзили пространство, впились в золотое тело. Разорванное крыло беспомощно дернулось.

Саэ все же сумела обратиться — перешла в свое дельфинье обличье. Белая молния ударила по несущимся навстречу иглам. Но тех было слишком много.

Астер отступил. Развернулся, поплыл прочь от ловушки, назад, к лодке. Он спешил к Лайдру! Иглы догоняли его. И с каждым попаданием движения астера становились медленнее, и все тусклее горел его золотой огонь.

Последний раз он изменил форму. За борт лодки ухватились слабеющие пальцы.

— Лайд, помоги... Не дай им поймать меня...

— Но что я могу сделать?

— Освободи... это только оболочка...

— Как?!

Саэ не ответила. Фиалковые глаза смотрели на гарпуномет.

Лайдр попятился. Замотал головой.

— Нет, я не могу...

Но руки уже брали оружие: «...на костре смеются от радости, что наконец-то их в огонь бросили. Облегчение это для них после пыток».

— Не смотри... — прошептал занемевшими губами.

Саэ послушно закрыла глаза. Лайдр нажал спусковой крючок.

Гарпун ударил точно под левую грудь, туда, где у человека сердце. А у астера есть сердце? И душа, может быть, тоже есть?

Облачко золотистых искорок всколыхнулось и растаяло в Пространствах. Саэ ушла. Куда? К другим звездам? Таким далеким, что солнечный луч летит к ним тысячу тысяч лет...

Тонкие пальцы соскользнули с борта лодки. Тело, более не золотое, а синюшно-белое, как дохлая рыбина, поплыло навстречу спешащим охотникам.

— Ты что наделал, недоумок?! — заорал преподобный Дрдек, перегнувшись через борт фрегата. — Зачем ты ее убил? Она мне живая нужна была! Я ее почти поймал!

— Да не кричи ты так. Со страху он стрелял, — вступился за Лайдра другой служитель. — Не видишь — трясется весь. Любой перетрусит, когда к нему в лодку оборотень полезет.

Лайдр не слышал, что они говорят. И не видел ничего вокруг — слезы застилали глаза. Слезы, недостойные мужчины. Недостойные настоящего, твердого человека.

ЛАУРЕАТ

— Ну? Скольких ты убил сегодня?

От жены тянуло резким, сладковатым запахом. В обычно спокойном голосе Эли сейчас звучали истерические нотки.

Эйфорин. Опять.

— Ты же обещала... — Рудников устало отпустился на стул в прихожей, упираясь носком в каблук, один за другим стянул неудобные ботинки.

— Не-ет... — Эля мотнула головой, качнулась, но не упала, ухватившись за стену. — Ты меня не собьешь!! Скольких ты убил сегодня, а, Кирилл?

— Прекрати.

— Почему это? Когда м-муж приходит с работы, хорошая жена... подает ему тапочки и спрашивает, как успехи на службе. Мой муж у-у... убивает людей. Вот я и спрашиваю: скольких ты...

— Успокойся. Ты говоришь неправду. Повторяешь, как попугай, за всякими писаками.

— Д-да, конечно... Я говорю н-неправду, соседи говорят неправду, в новостях пишут н-н... неправду! Один ты у нас правдивый. Спаси... тель человечества. А ты знаешь, почему Андрей ушел из университета?!

Распаляясь, она говорила все громче, все быстрее и выше. Под конец Эля почти визжала.

— Эля...

— Знаешь или нет?! Отвечай! А-а, не знаешь! Так я тебе расскажу — твой сын не хотел больше отвечать за фамилию отца! Не мог выносить плевков в лицо и ненависти окружающих! Я тоже боюсь! Стоит

мне выйти на улицу, как мне начинает казаться, что каждый встречный готов вцепиться мне в горло! Ты это понимаешь?! Нет, ты не понимаешь!

Пальцы Эли схватили Кирилла за пиджак, словно она хотела потрясти мужа за грудки. Но бурный всплеск эмоций отнял последние силы — эйфории она приняла уже давно, и пришло время расплачиваться за несколько часов радостного забытья. Подступила дурнота, слезы, рот наполнился горькой желчью. Эля обмякла, повисла на Кирилле и, уткнувшись лицом в несвежую рубаху мужа, заплакала.

— Не надо, Кирилл... не надо больше. Откажись от Проекта, попроси... п-п... перевода, уволься, наконец. Проживем без... твоих премий. Только...

Рудников погладил жену по затылку, запутался в свалявшихся волосах. Секундное наваждение прошло. Никогда уже не будет как прежде.

Эля снова качнулась, уткнулась спиной в косяк и медленно сползла на пол. Какое-то время она еще продолжала бессвязно бормотать, пока не затихла на полуслове. На губах повисла слюна.

Она захрапела, нервно вздрагивая во сне.

Кирилл хотел отнести ее в спальню, но едва он просунул руки под мышки, она встрепенулась и отчетливо пробормотала:

— Не трогай меня, ты! Убийца!

Рудников вздрогнул, как от удара, выругался. Снял с вешалки куртку, накрыл Элю и прошел в кабинет.

В электронном ящике теснилась неразобранная почта. Кирилл устало пощелкал «мышью», прокрутил первые два десятка писем. Как обычно — поровну угроз, обещаний вечного адского огня и лаконичных, полных безысходности писем из хосписа: «Согласен участвовать. Мне уже все равно».

Сколько их уже прошло через Проект! Таких же вот отчаявшихся, измученных хемотерапией, операциями, сжигаемых страшной болью, от которой давно

уже не помогают ни уколы морфия, ни наркозное забытье.

Какой-то очередной портал желтых новостей просил об интервью. Рудников даже не стал вчитываться — все их вопросы он знал наизусть. В том числе и тот, самый главный, который Кирилл ежедневно задавал себе сам: *когда?*

Раньше он говорил срок, потом, когда все сроки прошли, стал уклоняться от ответов. Разве мог он сказать «не знаю»? Что бы тогда сделали с Проектом и с ним самим?

Когда он впервые начал разрабатывать тему, все казалось таким простым.

Когда Минздравсоцразвития согласилось финансировать Проект, простоты не осталось, но путь к победе все еще выглядел широким, ровным и светлым.

Тест № 6332, саркома брюшной полости. Результат отрицательный, значительное ускорение роста опухоли, появление метастазов. Показан цикл хемотерапии.

Рудников сбросил на комп результаты сегодняшних экспериментов. Он дублировал рабочий журнал автоматически, сам не зная зачем. Однажды Андрей дерзко спросил, не потому ли Кирилл методично копирует все материалы на домашний компьютер, что боится, как бы его любимый Проект не прикрыли, а драгоценные данные не арестовали вместе со всем оборудованием?

Тогда он еще ночевал дома, но с отцом уже почти не общался. А если и говорил, то вот так — высокомерно и грубо, с нотками брезгливого презрения в голосе.

В тот раз Рудников промолчал, понимая, что уже давно потерял сына и что любая фраза, любая попытка оправдаться вызовет лишь очередной поток обвинений, хлопанье дверью и горькие слезы Эли.

Ночь не принесла облегчения. Несмотря на бесконечную усталость, сон никак не шел. Часов до трех Кирилл проворочался на кушетке в кабинете — без

жены широченная супружеская кровать, свадебный подарок тестя, казалась ему пустой и неуютной. Под утро все-таки удалось ненадолго задремать, но в черную сонную пустоту то и дело вползали огненные строчки: «Согласен участвовать».

Неудач Проекта, сломанных ступеней бесконечной лестницы то ли к ослепительному свету, то ли в самые нижние пределы ада, стало так много, что Рудников начал забывать их лица. Или скорее — старался забыть. Днем получалось, а ночью они приходили снова, иногда один-два или несколько десятков, но чаще все сразу.

Он проснулся от собственного стона, рывком сел на кровати. На мгновение Кириллу показалось, что рядом на стуле сидит жена, что она все-таки пришла ночью и сидела тихонько, всматриваясь в него спящего, да так и задремала... но это оказался лишь неряшливо сброшенный вчера на спинку пиджак и мятые джинсы. Сердце пропустило удар, болезненно сжалось и снова забилось в привычном ритме.

Эля спала в ванной, положив голову на край раковины. Из крана тоненькой струйкой текла вода: после окончания действия эйфорина жену всегда мучила сильная жажда.

Рудников не стал ее будить, умылся на кухне, сварил ударную дозу горького и черного, как тоскливая меланхолия, кофе. Выпил в три глотка, почти не чувствуя вкуса, и долго рылся в шкафу, пытаясь найти глаженую сорочку.

Но перед уходом на работу он все-таки осторожно отнес Элю на кровать, укрыл пледом и поставил на тумбочку стакан с водой. Может, просто хотел оттянуть начало нового дня? Хотя бы пять минут побыть просто мужем, что отвечает всего лишь за свою семью, а не за надежду и боль сотен тысяч обреченных...

Наверное, Кирилл и сам этого не знал. Он лишь порадовался, что жена спит почти спокойно и даже немного улыбается во сне.

Иногда так важно порадоваться хоть чему-то, уходя из дома. Особенно если там, за дверью, радоваться давно уже нечему.

У ворот Центра привычно толпились просители, стоял автобус телевизионщиков, увенчанный аляповато раскрашенной тарелкой. Рудников теперь не пользовался своей машиной — увидев знакомые номера, его бы просто не пропустили внутрь без очередного скучного и бесполезного интервью. И хорошо если бы стойку делали только журналисты, две недели назад он едва прорвался через ряды протестантов. Обычно они ограничивались яйцами, скомканными бумажками и прочим мусором, но тогда дело дошло и до камней.

На проходной было пусто. Кирилл с сожалением подумал, что теперь мало кто из сотрудников торопится прийти пораньше, как это было в первый год Проекта. Энтузиазм и вера в скорую победу над раком по-хорошему гнали людей на работу лучше высоких зарплат и премий.

Рудников и сам всегда приезжал за час или два до начала, но теперь он делал это один.

Впрочем, нет. Не один.

В просторном и гулком холле стоял, покачиваясь, высокий и сутулый человек в одноразовом лабораторном халате. На шее у него болтались маска и защитные очки, подвернутые рукава открывали крепкие руки с крупными кистями. Кожа на ладонях и запястьях покраснела от постоянного мытья — как часто бывает у хирургов, — но в неверной полутьме Кириллу почудилось, что руки у человека вымазаны кровью.

— А-а! Вот и сам господин руководитель пожаловали! Доложить результаты или и так понятно?!

С неприятным удивлением Рудников понял, что Камов выпил куда больше, чем мог себе позволить.

— Ты пьян?!

— Да! — с вызовом сказал тот. — И не только я! Ты что, ничего не замечаешь?! Да у меня половина лаборатории скоро станут алкоголиками! Ребята пьют, как верблюды, чтобы заглушить совесть. Некоторые ночуют здесь! Слышишь, Рудников! Ночуют! Потому что им стыдно идти домой! Ты хоть ТВ смотришь? Читаешь новостные ленты? Знаешь, как нас называют в СМИ? Клуб государственных убийц! Нас травят, Кирилл! Как бешеных собак!

— Отдохни, Слава, выспись. Когда я звал тебя в Проект, то не обещал, что будет легко. Если тебе тяжело — увольняйся. Или работай без рефлексий, как я. Биться головой о стену — трусость, честнее довести дело до конца, чтобы не стыдно было смотреть в глаза самому себе.

Ему действительно до сих пор удавалось держать себя в бронированном кулаке. Выпады и травля стекали по непроницаемому панцирю, которым Рудников окружил себя. Кто-то ведь должен держаться и дальше тянуть страшную и почти уже бессмысленную лямку.

Кирилл обошел покачивающегося Вячеслава, мельком подумал, что зам и правда выглядит не очень — набрякшие веки, красные, слезящиеся глаза, по лицу растеклась нездоровая бледность. Как бы и в самом деле не спился.

— Хочешь всемирной славы? — зло бросил Камов вслед. — Думаешь, потомки памятник поставят? А новым Менгеле прослыть не боишься?!

Рудников сбился с шага, хотел развернуться, взять Камова за шкирку, словно напрудившего лужу щенка, бросить в лицо пару яростных фраз... Удержался с трудом.

— Его результатами по гипотермии и баротравмам медицина пользуется вполне осознанно. Без, как ты говоришь, ненужных рефлексий. Но никто почему-то не спешит назвать его именем клинику или исследовательский центр!

Это был не тот Камов, который шесть лет назад блистательно защитил докторскую на ученом совете и которому Кирилл предложил престижную работу в Проекте сразу после официальной части банкета.

— Мне не нужна клиника, — помолчав, медленно проговорил Рудников. — Уж ты-то знаешь лучше других...

— Знаю. Но всем не объяснишь. Нас по-другому не называют: «Проект Рудникова» и никак иначе.

— Тебя так волнует, что пишут журналисты? Раньше они делали из нас героев, а теперь — так и не дождавшись результатов — мешают с грязью.

— Да! Волнует! Потому что их читаю не только я! Жена, мама, друзья... Они ничего не говорят прямо, Кирилл. Но мне уже не верят. И я не могу запретить им думать и шептаться за моей спиной.

«Хорошо, когда только за спиной, — подумал Рудников, вспомнив Элю. — Тебе пока везет, Слава. Твое имя упоминают только вместе со мной и на вторых ролях. Обычно меня полоскают в одиночестве».

— Пятнадцать минут славы очень быстро превращаются в месяцы и годы ненависти, если ты не можешь обеспечить немедленный результат. И ты решил сдаться, Вячеслав? Руки опустились?

Камов заметно сник. Огонь, еще недавно полыхавший в глазах, куда-то ушел, уступив место усталости, отчаянию и неверию в собственные силы.

— Дело не во мне. Я был с тобой с самого начала и — ты прав — пойду до конца. Даже после таких ночей, — он отстраненно посмотрел на свои кисти и спрятал их за спину. Наверное, ему, как и Кириллу, тоже виделась везде чужая кровь. — Но кроме нас, в Центре работают еще несколько сотен человек. И с каждым днем остается все меньше тех, кто верит в успех. А те немногие, что не сломались, больше не гордятся своей работой и стараются пореже об этом вспоминать. Особенно на людях.

Перед солидной дверью с табличкой «Руководитель Проекта» Кирилл остановился, вставил в прорезь личную карточку. Индикатор плеснул зеленым, замок загудел и щелкнул. Рудников вошел в кабинет, досадуя про себя, что вместо привычной утренней работы придется теперь успокаивать зама, вести бесконечный разговор, в котором им обоим прекрасно известны все слова и фразы. Но Вячеслав остался снаружи. Помялся на пороге, звучно сглотнул и пригладил волосы.

Кирилл подумал, что он собирает силы на заключительную парфянскую стрелу. И не ошибся.

— Помнишь самую несмешную медицинскую шутку? — спросил Камов. — «Чем крупнее врач, тем больше у него кладбище». Если судить по результатам, ты у нас как минимум должен быть министром здравоохранения. А то и председателем ВОЗа.

«Вот и Вячеслав сдается. Если не выдержит и он — я останусь совсем один».

Надо держаться. Верить и держаться.

Только где взять еще хотя бы немного этой самой веры, когда ее не хватает уже не только на друзей и близких, но даже на себя самого?

После работ по расшифровке генома научный мир всерьез взялся за проблему искусственного конструирования ДНК. Конечно, генетическое программирование человеческого организма пока еще оставалось делом неблизкого будущего — и не только по морально-этическим причинам, не хватало мощностей и быстродействия даже суперкомпьютеров. Но отдельные типы клеток уже поддавались перестройке, тем более что один из них, чужеродный и смертоносный, никак не хотел уступать современной медицине, несмотря на все богатство ее арсеналов.

Сбросив на кресло надоевший пиджак, Рудников сел за стол, развернул к себе экран компьютера, старательно отводя глаза от висевшего на стене наградного листа. Каждую строчку он давно выучил наизусть,

особенно ту, что, набранная старинным витиеватым шрифтом, красовалась в графе «Название работы»:

Кирилл Рудников, «Методы управляемой перестройки раковых клеток».

Когда-то лаконичные формулировки вселяли в него гордость и наивную веру, а теперь при взгляде на них Рудников испытывал лишь стыд и бессилие. Поэтому он старался не смотреть в ту сторону, но по закону подлости красочный бланк в застекленной рамочке упрямо лез в глаза.

Увы, теория оказалась слишком сырой и пока еще далекой от практики. Точнее — от практической пользы, словно и не было пяти лет невероятных усилий, сотен проб и тысяч неудачных экспериментов.

На первых порах веселые отмороженные лаборанты перекрестили Центр лечения рака в Центр мучения рака. Сейчас эта шутка уже не казалась такой смешной.

Да и молодежь давно утратила прежний веселый задор и чистые идеалы.

Слишком тяжело раз за разом разрабатывать новые схемы, просчитывать их, воплощать на практике... чтобы снова получить отрицательный результат.

А за каждым из них — живой человек, обезличенно названный в журнале наблюдений больным или пациентом, но все равно живой, который вдруг получил самый фантастический на свете шанс. Шанс перестать медленно умирать.

Потому и нет до сих пор недостатка в добровольцах, несмотря на все неудачи.

Пока нет. Некоторые эксперименты заканчивались ничем, разве что удавалось чуть замедлить рост опухоли, затормозить распространение метастазов. Дать человеку лишний месяц жизни. Но чаще развитие пораженных клеток ускорялось. В некоторых случаях едва ли не в форсажном режиме. Больной сгорал от рака даже не за месяцы или дни — за считаные часы. И революционный метод лечения, в который так

верил мир еще совсем недавно, превращался в изощренный способ убийства.

Тяжело, когда приходится искать последний штрих открытия методом проб и ошибок, когда приходится идти наугад, нащупывая дорогу практически вслепую. Говорят, Эдисон, пытаясь найти подходящий материал для нитей накаливания электрической лампочки, перепробовал шесть тысяч материалов.

Но у него за каждым экспериментом не стояли чужие страдания и человеческая жизнь.

Тест № 6333, рак поджелудочной железы. Результат отрицательный, ускорение роста метастазов. Показано немедленное хирургическое вмешательство.

Вот она, ночная работа Камова: новый пациент, новая схема перестройки — все новое.

Только результат все тот же. Очередная неудача.

В начале осени толпа у входа в Центр впервые попыталась ворваться внутрь. Точное число Рудников сразу забыл, все они были для него одинаковыми, ярко-желтые листопадные дни — но, наверное, это случилось где-то в первой декаде октября.

Агрессия росла постепенно, Кирилл просто не замечал, не слишком веря в тревожные доклады охраны. Но сначала журналистов и просителей сменили протестующие одиночки с плакатами, потом целые группы, и, наконец, — парадный въезд плотно перекрыла толпа. Они не уходили даже на ночь, дежурили, сменяясь, по двадцать четыре часа, но сам Рудников, да и большинство старших врачей приезжали на работу по дальней аллее, куда обычно пускали только амбулаторные автомобили и фургоны «Скорой».

В тот осенний день с забытой датой демонстранты внезапно поперли на забор и ворота, облепили прутья решетки. Под весом десятков тел створки угрожающе прогнулись.

Полиция приехала быстро, но нескольких охранников успели поранить камнями и пустыми бутылками. На первом этаже приемного корпуса пришлось заменить полдюжины разбитых стекол.

К концу месяца счет нападений пошел на десятки, а половина крепких парней из секьюрити подали заявления об уходе.

Доклад начальника охраны лежал на столе у Рудникова в общей папке невеселых новостей. Камов получил копию и пришел к руководителю почти сразу, взъерошенный и несколько растерянный:

— Что же делать, Кирилл?

— Работать. Охрана нас не касается, Тележников прекрасно знает свое дело. Снимет внутренние посты, сократит патрулирование. Справится.

— Но... ты понимаешь, что будет через месяц? Уже сейчас мы практически в осаде! А когда уйдет последний охранник, сюда ворвется толпа, и нас просто линчуют!

Рудников хлопнул ладонью по столу.

— Прекрати истерику! Никто сюда не ворвется. Все не уволятся, да и тем, снаружи, просто надо стравить пар, выплеснуть эмоции...

— Но что мы им сделали? Им всем? — Камов нервно ткнул большим пальцем куда-то за спину. — Я могу понять родственников наших больных, но там же не только они!

— Знаешь, — Кирилл поднялся, подошел к окну, с минуту бездумно смотрел в застекленную серость с моросящим дождем и мокрыми голыми деревьями. — Дав людям надежду, ты на короткое время становишься героем. Но стоит им эту надежду потерять, как из героя ты превращаешься в кровавого монстра, убийцу и — что еще более непростительно — в обманщика и шарлатана. Нам мстят, Слава, мстят за то, что когда-то позволили уговорить себя в нас поверить. А те, кто уговаривал, писал восторженные статьи и снимал красивые репортажи, теперь маршируют во главе крестового похода.

Совсем скоро Рудников убедился, что снова ошибся. В охране оставалось все меньше людей, да они совсем не стремились рисковать жизнью ради давным-давно развенчанного Проекта.

Где-то через неделю после памятного разговора с Камовым Кирилл задержался на работе допоздна. Минздрав требовал очередную докладную записку — и Рудников добросовестно писал многостраничный отсчет. Конечно, его можно было сдать и завтра, но Кирилл давно уже не торопился домой. Эля ушла слишком далеко, после сына он потерял и жену, и за порогом давно забытого семейного уюта его не ждало ничего такого, ради чего стоило бы торопиться.

Откуда-то снизу донесся едва различимый звон, словно деревянный молоточек ударил в неисправный камертон. Рудников не стал вслушиваться, поглощенный сухими казенными строчками, да и звук больше не повторялся.

Он успел написать больше половины, когда в дверь неожиданно постучали. Удивленный Кирилл покосился на часы — половина второго ночи. Кто еще мог остаться в Центре, кроме него, вынужденного трудоголика?

Дверь распахнулась, впустив в привычную кондиционированную тишину запах гари и шумное дыхание запыхавшегося человека. На пороге мялся охранник в перемазанной сажей униформе. В руках у него Рудников заметил огнетушитель со свернутым набок раструбом.

— Кирилл Александрович! Хорошо, что вы на месте. Вызывайте полицию срочно, у нас все линии перерезаны! А я пока тушил, где-то рацию потерял.

— Тушили?! Что случилось?

— Да вот, — на чумазом лице секьюрити появилась улыбка, — «зажигалку» бросили с улицы. Бутылку с горючей смесью. Хорошо, я заметил, а то могла бы беда случиться. Нас сейчас совсем мало, патрулирование отменили: почти вся смена сидит на въезде, сторожит идиотов.

Холодея, Рудников потянулся к телефону.

— Точно потушили? Может, пожарных заодно...

— Не беспокойтесь, Кирилл Александрович, оно толком загореться-то и не успело. Я куртку сверху кинул и пеной залил. Сначала, правда, растерялся — пытался ногами затоптать... Штаны вот чуть не сгорели.

Он снова улыбнулся, радостный и довольный, что все кончилось, что он не оплошал и справился. Рудников смотрел на оплавленные ботинки, на обгорелые лоскуты форменных брюк и обожженную кожу в прорехах.

— Как ваша фамилия? Я скажу Тележникову, вам положена премия.

— Да не надо мне премии, — охранник посмотрел Кириллу прямо в глаза. — Мама моя у вас лежит, Василькова Мария Николаевна.

Он повернулся и ушел, но Кирилл не стал окликать его. Он спешно листал базу с историями болезни — в журнале экспериментов не было фамилий, только безликие «больные» и номер теста, но в базе можно было найти конкретных людей.

Вот она, Василькова М.Н. Тест номер 8714.

На всякий случай он проверил и журнал, хотя прекрасно помнил результат.

Тест № 8714, рак кишечника. Результат отрицательный, ускорение роста метастазов. Хемотерапия невозможна. До следующего теста больная может не дожить.

Васильков уволился через неделю и даже, как говорили, не пришел забирать положенные выплаты. Потом его видели в группе протестантов, избивших двух работников второй операционной.

По предложению Камова в каждой лаборатории вывесили небольшое цифровое табло. Без надписей, без украшений, просто цифры, неумолимо меняющиеся с частотой сердечного ритма. Конечно, никакой мистики в этом не было — компьютер знал, что примерно каждые сорок секунд на Земле от рака уми-

рает человек, и просто прибавлял единицу к числу на табло.

Табло завешивали, загораживали шкафами, даже несколько раз срывали со стены, но на следующий день оно появлялось снова.

Через неделю трех аналитиков пришлось отправить на психическое рекондиционирование — у них случился нервный срыв.

К декабрю проект перешагнул десятитысячный эксперимент.

Тест № 10009, острый лейкоз. Результат отрицательный, взрывной рост, эвтаназия.

Среди ночи Камова разбудил звонок.

Он ждал его со страхом каждую бессонную духоту, когда приезжал ночевать домой, хотя выспаться все равно не получалось. Каждую минуту, оказавшись вне стен Центра, он ждал вот этого телефонного сигнала. И неважно, что в нем — закрытие Проекта, арест, пожар, бомба... Уже неважно.

Вячеслав не верил в хорошие новости.

— Доктор Камов? — сухо спросил кто-то официальный и властный. — Срочно приезжайте в Центр. У входа вас встретят.

— А в чем дело?

— Приезжайте. Ваш начальник мертв. По предварительной версии — покончил с собой

Когда взломали дверь, все уже было кончено. Рудников полусидел в кресле, голова — или, вернее, то, что от нее осталось, — бессильно склонилась набок. Стена за спиной самоубийцы казалось черной от запекшейся кровавой кляксы.

Компьютер на столе мерцал звездным небом скринсейвера, заливая полутемную комнату холодным морговским светом. Позже, когда медэксперты констатировали то, что было понятно и так, когда увезли тело

и попрощался до утра сухощавый следователь, Камов догадался проверить рабочий ноут Кирилла.

Видимо, Рудников успел написать несколько писем: почтовая программа оказалась открытой. Но прочесть их или хотя бы выяснить адреса получателей Камов не смог — отослав почту, Рудников аккуратно стер всю переписку.

В журнале наблюдений прибавилась всего одна запись:

14 мая. 16:42. Тест № 13546, аденокарцинома легкого. Результат положительный, проверка подтверждает. Повторная проверка подтверждает.

Все. Теперь можно. Прости, Эля.

Действительно, все, понял Камов. Решение получено, найдена наконец единственно верная схема перестройки клеток. И теперь Кирилл Рудников мог ни за что больше не отвечать. Или — если быть точным — мог больше не держать ответственность в себе, не сжимать волю в кулак, надеясь довести до конца начатое дело.

Глобальной задачи, ради которой можно принести в жертву все... больше не было. А вина осталась. Чудовищная вина за тринадцать тысяч уничтоженных надежд. Ее вешали на Рудникова со всех сторон, и в конце концов он поверил в нее сам.

Выстрел прозвучал примерно в 17.00.

Самый пожилой из экспертов, мусоля в руках безникотиновую сигарету, мрачно, в паузах между жадными затяжками, рассказал Камову, что несколько минут Рудников был еще жив. Целил точно в правый глаз, но немного промахнулся. Перед смертью ему было очень больно.

Только теперь Камов понял почему.

— Нет, — едва слышно пробормотал он. — Кирилл не промахнулся. Он так себя наказал.

Спустя три года профессор Рудников станет нобелевским лауреатом по медицине и физиологии человека.

Посмертно.

За всю историю Королевского Нобелевского комитета никогда еще премия не присуждалась через столько времени после смерти ученого. И никогда раньше на нее не номинировали посмертно. В статуте, воплотившем пожелания самого Нобеля, сказано, что «посмертное награждение возможно лишь в том случае, если кандидатура впервые выдвигалась еще до смерти лауреата». Но в этот раз комитет согласился нарушить овеянную веками традицию.

В погоне за сенсацией журналисты раскопают уйму подробностей. В том числе и то, что, несмотря на массу громких имен среди конкурентов, нобелевские академики выбрали Рудникова единогласно.

Еще через два года антираковый имплантат официально назовут «чипом Рудникова», а новейший исследовательский комплекс по наномедицине в Цюрихе тоже получит его имя.

Но Кириллу Рудникову будет уже все равно.

МУСТАНГИ ХОДЯТ ПАРАМИ

Сеть медленно, но верно стала опутывать Спиридоновку. И начала она это делать с дома местного тракториста Михаила Савельевича. И ладно бы обыкновенная сеть, так нет же, она была не обычной, а самой что ни на есть глобальной.

— Интернет, — смачно протянул Михаил Савельевич, стараясь распробовать на вкус малознакомое, но чертовски красивое слово.

Его сосед Петр сидел напротив и с уважением поглядывал на хозяина, пытаясь делать вид, что его совершенно не интересует мерцающий экран ноутбука.

— А я вот сейчас фильм смотрел, — как бы невзначай произнес Петр, будто бы его не очень интересовала появившаяся в доме соседа диковинка. — «Хищник» называется, видал? Там инопланетянин на людей охотился.

— Видал, Петька, видал. Нормальный фильмец такой, на безрыбье покатит. Ты вот лучше сюда посмотри!

— Что это? — с деланым равнодушием спросил Петр.

— Всемирная паутина! — нравоучительно поднял палец Михаил Савельевич.

Петр переводил взгляд с миниатюрного ноутбука, красовавшегося на столе, на запотевшую бутылку «Столичной» и время от времени незаметно для хозяина облизывался.

— Я слышал, что в Интернете все что хошь найти можно, — вставил Петр. — Племяш из города приезжал, рассказывал.

Михаил Савельевич только хмыкнул и снисходительно посмотрел на соседа. Михаил слыл в деревне человеком уважаемым во всех отношениях и пользовался изрядным авторитетом даже у непьющей части населения Спиридоновки.

— Правильно говоришь, Петр, — пробасил Михаил. — Здесь тебе и социальные сети, и знакомства всякие, и клубы по интересам. Даже девок голых смотреть можно.

— А ты смотрел? — с придыханием спросил Петр.

— Как же, тут посмотришь. Моя-то дома всегда. Да, честно говоря, и не пробовал еще. У меня же компьютер без году неделя.

Михаил Савельевич пожевал кончик уса.

— То есть без недели день. В общем, не разобрался я еще, что здесь да как.

— Так давай вдвоем, Савельич! — подпрыгнул на месте Петр. — Разбираться.

Михаил Савельевич молча поднялся, достал из шкафа стаканы, водрузил их на стол. Так же, не проронив ни слова, разлил в них водку, влил в себя, шумно выдохнул, утер губы рукавом и только после этого промолвил:

— А давай!

* * *

Первыми сдались «Одноклассники». Изрядно помучившись и попыхтев, Петр и Михаил Савельевич создали себе странички. Правда, выяснилась одна неприятная вещь — оказывается, они оказались единственными зарегистрированными в «одноклассниках» из своей школы.

— А что ты хотел? — пробурчал Савельич. — Вона школа на горе стоит, доплюнуть можно. Какие, на хрен, в Интернете у нас одноклассники могут быть? Все на одной улице живем.

— Так что? Друг с другом переписываться будем? — растерянно спросил Петр.

— Ага, — прищурился Савельич. — Еще фотографии друг другу высылать, оценки ставить, про жизнь рассказывать.

Михаил Савельевич покосился на ополовиненную поллитровку, махнул рукой.

— Понял, — Петр плеснул водки в стаканы.

— Я вот что думаю, — задумчиво произнес Савельич, — Интернет он ведь не только для общения. И для удовольствия тоже.

— Да-да! — засуетился Петр. — Что ты там про баб голых говорил?

Михаил Савельевич цыкнул на Петра и оглянулся.

— Томка! — зычно крикнул он. — Томка, ты дома?

Петр подошел к окну, аккуратно отодвинул в сторону тюлевую занавеску и выглянул во двор.

— Да вон она, в огороде.

— Точно?

— Поросей кормит. Сам посмотри.

Михаил Савельевич оживился.

— Тогда давай по-быстрому.

Он неумело переключил клавиатуру на английский и, причмокивая губами, начал стучать пальцами по клавиатуре.

— Яньдекс точка ру.

— Ну, — в нетерпении ходил вокруг Михаила Петр.

— Погоди.

— Может, лучше Гугль? — блеснул эрудицией Петр.

— Хрен редьки... — пробормотал Савельич, — Так, пишем, значит. Голые бабы. Потом нажимаем сюда. И опа!

Петр даже зажмурился. На секунду ему показалось, что количество обнаженных тел буквально ослепило его непритязательный взор. Удар со стороны женских прелестей был настолько мощным, что, даже закрыв глаза, Петр продолжал видеть мельтешение грудей, попок и других прелестей интернет-красавиц.

Неожиданно раздались негромкие булькающие звуки, Петр приоткрыл один глаз и, стараясь не смотреть в монитор, повернулся к Михаилу Савельевичу.

Савельич торопливо опорожнял оставшуюся водку. Прямо из горла. Наконец, он поставил пустую тару на стол и, подмигнув Петру, ткнул пальцем в монитор.

— У этой силиконовые!

Петр собрал остатки самообладания и тоже уставился на чаровниц. Таких доступных и открытых.

— Как же мы жили без всего этого, Савельич?

— Я так думаю, — Михаил Савельевич почесал бороду. — Изменился мир, Петька. Ох, как изменился! И другим уже больше никогда не будет.

— Для нас двоих? — опасливо поинтересовался Петр.

— Боюсь, Петруха, что для всей деревни. Пошли в магазин.

Петр поднялся.

— За водкой?

— За ней, родимой.

* * *

Хорошая планета Земля — зеленая, чистая, практически девственная! И, что немаловажно, прямо-таки вдоль и поперек нашпигованная живыми существами. На любой вкус и цвет. Как говорится у людей — ешь, не хочу. Есть пока еще не хотелось, но по собственному опыту Стайпер знал, что это временно. Охотничий азарт всегда предшествовал удачной охоте, а после нее начиналось пиршество. Стайпер считал себя хорошим охотником, но, в отличие от других любителей пощекотать нервы и раздобыть экстравагантную дичь, он всегда предпочитал ловушки. Не мощное оружие, которое, впрочем, у него тоже имелось, а именно обманки.

Стайпер включил режим невидимости и начал готовиться к посадке звездолета. Впрочем, звездолет —

это громко сказано. Так, небольшое охотничье судно, достаточное для того, чтобы привезти на свою планету пару-тройку деликатесов из аборигенов чужого мира. Судно резко рвануло вниз, и сине-зеленый шарик планеты начал приближаться, с каждой секундой все больше увеличиваясь в размерах.

* * *

Михаил Савельевич и Петр спешили в сельпо. После недавнего потрясения мужикам просто необходимо было как следует заправиться.

— Смотри, — пихнул Савельича локтем Петр. — У Катьки-то вроде не силиконовые?

Катерина как раз шла навстречу друзьям. На плече ее болталась полупустая почтовая сумка.

— Нет, конечно. У нее титьки с мою фигушку, откуда силикону-то взяться, — вполголоса ответил Михаил Савельевич.

— Привет, Катя, — вежливо поздоровался Михаил Савельевич, когда они поравнялись с женщиной.

— Здравствуй, Савельич. Привет, Петр. Далеко направились?

— Женщинам знать не положено, — буркнул Петр. — Много вас, каждой рассказывать времени не напасешься.

Петр сам не ожидал от себя подобной грубости, но перед глазами до сих пор маячили десятки обнаженных женских тел, каждое из которых было во сто крат привлекательнее Катерининого.

— Ой, посмотрите на него, — Катька лишь презрительно сощурилась. — Ни одной девке даром не нужен, а все туда же.

— Болтай, болтай, женщина. Знала бы ты, какой я необузданный мустанг, по-другому заговорила бы.

Петр чувствовал, как после просмотра картинок в нем буквально проснулась неистовая мужская сила, до этого пребывавшая в некой вяло протекающей спяч-

ке. Прямо как Илья Муромец лежал себе на печи тридцать лет и три года, а потом как поднялся на ноги, да как показал всем, на что способен. А Петька — он и на печи не лежал, и естество его мужское далеко не тридцать лет в спячке пребывало. Да и то временами просыпалось... вот хотя бы вспомнить Таньку из соседней деревни.

— А чего вдвоем-то вышагиваете? — прервал мысли Петра очередной вопрос почтальонши.

— Мустанги ходят парами. Понятно, женщина?

Петр схватил растерянного Савельича за плечо и потащил в сторону сельпо. Катерина лишь проводила их взглядом, задумчиво пожала плечами и направилась в другую сторону.

— Чего-то ты загнул, Петр. Про мустангов-то, — хмыкнул Савельич, открывая отчаянно заскрипевшую дверь магазина.

За прилавком пересчитывала выручку Зинаида. Сколько себя Петр помнил, она всегда стояла за кассой, и вид при этом у нее постоянно был заспанный и отчаянно скучающий.

— Чего вам? — Зинаида повернулась к Савельичу.

— Дай-ка нам, Зина, водочки, бутылочки две.

— Ящик, — вынырнул из-за спины Михаила Савельевича Петр.

— Не унесем, — с сомнением покачал головой Савельич.

* * *

Корабль Стайпер оставил на опушке леса. Режим невидимости работал превосходно, и обнаружить космическую шлюпку можно было, только случайно шарахнувшись об ее обшивку лбом. И то не факт, что землянин разберется, что к чему. Скорее чертыхнется и уберется восвояси от греха подальше. Принять облик человекообразного гуманоида Стайперу тоже оказалось несложно. Биологическая прошивка сделала свое дело за считаные секунды. Осталось только взять об-

манку и расставить силки. Стайпер знал, на что клюют люди в этой части Земли, поэтому в успехе охоты практически не сомневался.

* * *

Михаил Савельевич оказался прав. Мир изменился для всей Спиридоновки. А сам Савельич чувствовал себя настоящим Прометеем, подарившим человечеству огонь, который озарил жизнь людей новыми красками. Ну и вкусами, соответственно. Самым сложным оказалось сплавить супругу в районный центр к сестре, но, покумекав, Михаил Савельевич решил и эту проблему, благо сестра жены давно болела и надавить на жалость и чувство сострадания своей второй половины было не трудно. С того момента, как жена села в автобус и укатила, все и завертелось. Уже к концу дня в доме Михаила Савельевича находилась большая часть мужского населения Спиридоновки. Петр на правах приближенного к священному действу соратника тыкал указательным пальцем по клавиатуре.

— Негру хотите? Пожалуйста. Будет вам негра, смотрите!

Мужики только охали и судорожно сглатывали.

— Парамоныч, а с сиськами поболе, чем у твоей коровки, хочешь? На-ка, любуйся!

Парамоныч только хватался за сердце и бежал наливать водки. К слову, водки в тот вечер в деревне значительно поубавилось. А ближе к ночи огненная вода в сельпо закончилась полностью.

— А вот вам барышни без мужиков! Втроем целуются!

— А чего это они? — гудели односельчане. — Мужиков у них там нет, что ли?

— Может, и нет, — пожал плечами Петр.

Несколько раз оставшиеся без мужей деревенские бабы совершали набеги на дом Савельевича, но

ничего подозрительного не обнаруживали, кроме пьяных в зюзю, хитро улыбающихся мужиков.

Поздно ночью односельчане разбрелись по домам, но, как ни странно, скандалов в семействах Спиридоновки в эту ночь не наблюдалось. Вернувшиеся к законным супругам главы семейств отличались такой любвеобильностью, что женам оставалось только гадать, откуда что взялось, принимая ласки своих благоверных. Деревня предавалась греху до первых петухов, да и после петухов тоже далеко не все угомонились.

* * *

Стайпер расположился в кустах у проселочной дороги. Спешить ему особенно было некуда, к тому же охота вот-вот должна была начаться. Охотник хищно улыбнулся, предвкушая сытную трапезу на корабле и последующее застолье в кругу семьи. Для этих целей вполне хватит двух-трех землян средней комплекции. Наживку Стайпер выставил на дорогу, он не сомневался, что первый же наткнувшийся на нее человек клюнет и через некоторое время окажется в небольшом отсеке судна, оборудованном морозильной камерой. Оставалось только ждать и, чтобы провести время вынужденного безделья с пользой, наслаждаться потрясающими видами чужой планеты.

* * *

Единственный, кто не предавался в эту ночь радостям любви, оказался Михаил Савельевич. Ближе к утру он практически протрезвел и, лежа под одеялом, чувствовал, как бьется в агонии его мужское естество, однозначно изнывающее от отсутствия любимой супруги.

— Старый дурак, — бормотал Савельич. — Сплавил, называется, женушку. Теперь одним все, другим ничего.

Михаил вздохнул, поднялся с кровати и направился в ванную. Окатив голову ледяной водой, он наскоро вытер волосы полотенцем. Затем поудобнее уселся за стол и включил ноутбук. Баб смотреть не хотелось. «Куда уж больше, не молодой все-таки», — здраво рассудил Савельевич и, поскольку спать все равно не хотелось, начал шариться по просторам Всемирной паутины.

Когда раздался стук в дверь и вслед за этим в дверном проеме появилась взлохмаченная голова Петра, Михаил Савельевич увлеченно что-то читал с экрана ноутбука.

— Привет, Савельич.

Петр разулся и вошел в комнату.

— Пошли, по пивку дерябнем.

— Сходи один, — задумчиво произнес Михаил Савельевич, не отрывая взгляда от монитора.

— Как один? — искренне удивился Петр. — Мустанги ходят парами. Так ведь?

Михаил Савельевич прищурился.

— Какой из меня мустанг. А ты лучше вот послушай, что я нашел!

Он придвинулся поближе к монитору.

— «Алкоголизм как заболевание в большинстве случаев становится источником иллюзорных компенсаций определенных человеческих слабостей и комплексов, внутренних психологических конфликтов, потери смысла жизни. Возможно даже, что потерю смысла своего существования человек не осознает полностью».

— Чего сказал? — разинул рот Петр.

— Вредно пить, говорю, — поднял палец Савельич. — Я тут, Петька, такого начитался, что волосы на спине дыбом встали.

— Не понял? Это как, совсем не пить, что ли? — искренне изумился Петр.

Михаил Савельевич кивнул.

— Представляешь, я будто прозрел. Ведь все беды наши именно от постоянного беспробудного пьянства!

— Не, бред ты какой-то несешь. — Петр осуждающе покачал головой. — Пойду я, подожду, пока одумаешься.

Петр почесал затылок, еще раз подозрительно окинул взглядом Савельевича, хмыкнул что-то неразборчивое и направился к выходу.

* * *

Стайпер начал понемногу нервничать. Деревня как будто вымерла. Охотнику было невдомек, что нынче наступил выходной, а после бессонной ночи желающих прогуляться с утра пораньше в Спиридоновке не оказалось. Единственным исключением был Петр, но он прошел по дороге в такой задумчивости, что даже не обратил внимания на наживку, которая находилась у него практически под ногами. Стайпер вздохнул и, наверное, первый раз в жизни пожалел, что не пользуется, подобно большинству охотников, более действенным оружием. Однако в успехе охоты Стайпер был все-таки уверен.

* * *

Михаил Савельевич спешил на автовокзал. Ему не терпелось поскорее сесть в автобус, чтобы как можно быстрее забрать жену из райцентра. Широко размахивая руками, он шел по пустынной проселочной дороге и улыбался. В чистой рубашке, свежевыбритый и надушенный одеколоном, Михаил нравился сам себе. И даже небольшой перегарный душок, исходивший от него после вчерашнего, не мог испортить впечатления. Стайпер, завидев приближающегося человека, напрягся. Вот человек уже приблизился на расстояние нескольких шагов от наживки, замедлил шаг и наконец остановился.

— Вот те на, — удивленно протянул Савельич, — только пить бросил.

Он стоял и, нахмурившись, рассматривал валяющуюся буквально у него под ногами бутылку водки. Михаил Савельевич поддел бутылку носком ботинка, сплюнул в сторону и, еще немного поразмышляв, все же поднял ее с земли.

— В хозяйстве пригодится, — буркнул он, засунул поллитру в карман брюк и быстрым шагом направился дальше.

Стайпер выдохнул. Подождав, когда человек скроется за поворотом, он вышел из укрытия и торопливо пошел к космическому челноку. Менее чем через час космический охотник уже находился на орбите и, удобно устроившись в кресле, ждал, когда в морозильный отсек попадет дичь.

* * *

Михаил Савельевич трясся в полупустом автобусе. Он смотрел сквозь засиженное мухами стекло на колхозные поля, разглядывал ватные облака, прилепленные к синеве неба, радовался за мальчишек, со смехом бегающих вдоль дороги друг за другом. Мир неожиданно для Михаила Савельевича оказался наполнен множеством красок. «Алкоголь — зло, — думал Савельич, — жить надо полной жизнью и радоваться любым мелочам! А не будет повода для радости — Интернет есть. С голыми девками опять же».

Савельич против воли расплылся в улыбке. Да, жизнь дарила ему новые ощущения, которые он не променял бы даже на недельный загул с мужиками.

Наконец автобус остановился. Михаил Савельевич вышел на улицу и, вспомнив направление, пошел к дому родственницы. Наверняка супруга обрадуется, завидев его, и поскольку сестринский долг она уже выполнила, то с радостью поедет домой.

Дорога проходила мимо заброшенной железнодорожной станции, Михаил Савельич окинул взглядом пустые цистерны, брошенные здесь со времен царя Гороха, вдоль и поперек разрисованные местной шпаной, и остановился. Бутылка в кармане натерла ногу и совсем не эстетично выпячивалась наружу.

— Хорош же я буду, за женой с бутылкой приходить, — пробурчал Савельич и вытащил поллитру из кармана.

Взявшись поудобнее, он размахнулся и запустил бутылку в ближайшую цистерну. Бросок оказался метким. Водка навесом угодила точнехонько в открытый люк цистерны и, разбившись где-то внутри, жалобно звякнула на прощание.

* * *

Ждать Стайперу пришлось недолго. Раздался негромкий звонок зуммера, после чего в отсеке для охотничьих трофеев появился едва видимый туман. Стайпер в предвкушении потер руки.

— Ну, попалась рыбка?

В следующую секунду небольшой охотничий космолет разорвало на куски. Внезапно материализовавшаяся внутри корабля здоровенная цистерна разнесла инопланетную шлюпку в щепки, после чего важно закружилась по орбите.

* * *

В доме Михаила Савельича собралась вся деревня. Стол уже ломился от приготовленных хозяйкой блюд, а на плите все еще шипело и шкворчало. Михаил трезвый, как президент в прямом эфире, в очередной раз обходил гостей, держа в руках ноутбук.

— Вот оно, письмо-то! Неделю назад уже как пришло. Из самой Нигерии! У одной девчонки, принцессы

ихней, отца замучили, просит помочь меня миллионы получить!

— Да уж, Савельич, такое не придумаешь. А как она тебя нашла-то? — Петр закусил винегретом очередную рюмку.

— Как, как... — смутился Михаил Савельевич. — Знают, видать, про меня люди.

К Михаилу подошла жена, ласково обняла его за плечи.

— Ты, Миша, осторожней там, в Африке-то. Мало ли что.

— Не переживай, Тома. Не пропаду. Зато денег у нас миллионы будут. Принцесса обещала поделиться.

За столом гости одобрительно загудели, чокаясь стаканами. И никто из односельчан даже не сомневался, что вернется Савельич из далекой Африки с нигерийскими миллионами, а тогда уж про Спиридоновку вся страна заговорит.

ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Трабл, Бернардыч! — голосом завуча выдохнула в ухо гарнитура. — Биг трабл! Когда Мухин волновался, то переходил на ломаный англо-русский. Старая присказка: если долго ведешь предмет, предмет начинает вести тебя.

Тенников прибавил шагу.

За отчество его когда-то дразнили Сенбернарычем, классе этак в шестом. Приходилось терпеть, по физиономии врезать не хватало ни силенок, ни смелости. А теперь для учеников он был Князем Игорем. Когда узнал, подумал: растем. От друга человека — к человеку.

Школа выглядела как обычно. Стекло, металл, новейшая облицовка. Иногда Тенникову хотелось увидеть школу в том виде, в каком помнил ее с первого класса. Но угадывались только очертания. Старое здание словно заключили в ультрасовременный панцирь.

У ворот дежурила привычная манифестация. Равнодушно смотрела на это охрана. Многие и с той, и с другой стороны знали друга друга в лицо, давно уже здоровались, обменивались новостями и даже хором ругали школьное руководство и реформу.

Учительскую автостоянку предписано было убрать подальше от двора. Официально: в целях экологии. Хотя какая там экология, двигатели-то все «чистые», а бортовые компы такие, что Анна Каренина, реши она прыгнуть под колеса учительского «фрирайдера», разве что сильно ушиблась бы об асфальт. Под друж-

ный гогот первоклассников. «Фрирайдер» не дал бы ей даже приблизиться.

Так что не экология тут причина, отнюдь. Просто вынесли подальше, чтобы не мозолила глаза родителям и дабы чадо не интересовалось, почему те не выбрали учительскую стезю. Во избежание конфликта поколений.

Стоянка личных машин педагогов напоминала выставочный стенд дорогого автосалона. Что, кстати, отчасти было правдой. Шефство держал «Авто-Олимп», и его баннер привлекал внимание издалека. Туристов водили сюда фотографироваться. Еще бы, где сейчас уличную рекламу найдешь?

Тенников перешел дорогу. Манифестанты встретили его вяло. Только один, взъерошенный, в толстых очках и грубом свитере на голое тело, вскинул написанный от руки транспарант, будто взял карабин на изготовку. Оскалил неприятные выпирающие зубы. Тенников бегло прочитал надпись: «НЕТ ИДЕАЛЬНОМУ ПОТРЕБИТЕЛЮ!!!!!!» Последний восклицательный знак был написан криво, отчего напоминал вопросительный.

Новенький, подумал Тенников. Раньше здесь не попадался. Начитанный. Не иначе, сам окончил педвуз, но в школе или не работал, или уволился незадолго до реформы. А потом обратно не взяли: кому теперь такие нужны. Именно эти неудачники протестовали громче всех.

Тенников поприветствовал знакомых, стараясь проходить сквозь строй не слишком быстро. Не хватало еще подозрений.

А то, что случилось, серьезно. Мухин попусту не волновался.

Кроме новенького зубастого активиста, никто не держал плакаты прямо. Устали. В пикеты выходили самые стойкие, не более полутора десятков человек за раз. А ведь когда-то их были сотни. Тенников помнил, он тогда еще ходил на работу пешком и ни о ка-

ком «фрирайдере-юниверсум» не мечтал. Теперь эти оставшиеся полтора десятка из общественного комитета по охране детства раз в неделю выбирали новый объект. Только четырнадцатую общеобразовательную они выбирали чаще, и неудивительно. Лучшие показатели. Лучшие условия. Самые дорогие контракты.

Тенников знал ее и другой. Разбитые плиты подоконников. Выбоины в штукатурке, будто после перестрелок. Запах туалета, который сшибал с ног даже на другом конце коридора. Это было в годы старшеклассничества. А потом еще педпрактика, почти пять лет спустя. Уже время ди-ви-ди и мобильников. Тенников помнил стеновую роспись у кабинетов физики и химии, естественные науки в лицах. По бокам фигуры стояли в полный рост, как на большой коллективной фотографии. С левого края — Архимед, Бруно, Галилей, с правого — Циолковский, Курчатов, Королев. В центре, за столом, уставленном ретортами и древними астрономическими приборами, сидели Да Винчи, Кеплер, Ломоносов, Ньютон, Лаплас, Менделеев. Наособицу, под формулой $E=mcI$, встал Эйнштейн. Но роспись пришлось замазать из-за тех подробностей, что пририсовывало титанам духа новое поколение. А бесконечно реставрировать работу у школы не хватило бы денег. Сейчас бы вполне хватило. Но теперь здесь не осталось даже голых стен, сплошные трионные панели. Когда никто не видел, Тенников порой дотрагивался до них рукой, оставляя отпечаток ладони. Так делали школьные удальцы, наблюдая потом, как медленно рассасывается-растворяется в видеопотоке оттиск пятерни. Панель не боялась даже рисунков маркером. Но Тенникова волновала не она. Сквозь эту пленку толщиной не более миллиметра он пытался прощупать стену, ту самую.

— Бернардыч? — напомнил о себе Мухин.

— Иду, — Тенников все же ускорил шаг. Мимоходом он успел прочесть несколько надписей на опущенных, словно увядших транспарантах.

«Верните детям детство!», «Нет экспериментам!», «Нет зомбированию!».

Он давно уже не вступал ни в какие дискуссии. Все и так было ясно.

* * *

На планерке в директорском кабинете, кроме Тенникова, собрались еще три человека. Двоих он отлично знал: завуча Мухина и собственно директрису Илону Петровну. За глаза ее называли просто Илоной, хотя при спонсорах и учениках блюли этикет. Илона была на пару лет моложе Тенникова и выше его на полторы головы. Ее модельная фигура служила предметом жгучей зависти половины старшеклассниц. Директриса принадлежала к новому поколению школьных управленцев. Они пришли в образование уже после реформы, вспомнив о своих педагогических дипломах, пылившихся где-то на дне нижнего ящика стола. Ходили слухи, что назначение Илоны пролоббировал некий холдинг, но Тенников слухам не особо доверял.

Четвертым оказался незнакомый мужчина, тоже примерно одних лет с Тенниковым, но грузный и уже серьезно облысевший. Его отрекомендовали как представителя «Трион Компьютерс». Мужчина больше молчал и медленно-медленно водил ложечкой в изящной чашке из дорогого фарфора, размешивая единственный кусок сахара. Ложка раз за разом описывала практически идеальные круги. На какое-то время Тенникова действо загипнотизировало.

Они сидели не за длинным директорским Т-образным столом из красного дерева, а за небольшим столиком в углу. Здесь Илона принимала тех, кого приглашала на чай. И здесь же решала наиболее доверительные вопросы.

...Первое, что увидел Тенников, пройдя в школу, — трионную панель перед раздевалкой. Панель

должна была транслировать нон-стоп как минимум два спонсорских ролика: бутик мужской одежды «Рудинъ» и молодежную марку «Бигфут». С молодежной маркой возникли проблемы, потому что она не только говорилась по-английски, но и писалась латиницей. Однако школьный комитет все-таки рекламу пропустил — с условием, что в последнем кадре-«пэкшоте» марку укажут русскими буквами. Тенников мог поспорить на что угодно: кое-кто в комитете получил за решение неплохой гонорар.

Но сейчас ролики не крутились вообще. Вместо них смеялась и залихватски подмигивала всем входящим рожица-смайлик. Тенников даже подмигнул ей в ответ.

Никто из тех, кто был в вестибюле, не обращал на рожицу внимания. Скучала охрана. Что-то листал вечно неуспевающий Шлыков из «Г»-класса. Нахохлился за стойкой дежурный по «телефонной раздевалке». Туда сдавали под номерок сотовые и коммуникаторы, а чтобы позвонить, ходили на переменах к бесплатным автоматам с простенькими одноразовыми моделями. В пределах школьного двора разрешалось пользоваться только оговоренной маркой телефона и строго установленной сетью. Да и кто откажется, если все — за спонсорские деньги.

Тенников поднялся на этаж выше. Видеостены все так же улыбались и подмигивали. Или показывали бегущих человечков, что выстраивались в разные фигуры, а потом сами же их рушили.

— ...Севастьянов расследует, — говорила директриса, когда Тенников шагнул в ее кабинет.

Глава безопасности Севастьянов редко что-то выполнял лично. Впрочем, серьезных неприятностей в последние годы и не случалось. Это раньше защитники детей порой бросали камни в окна, а отряды вандалов совершали показательные налеты на школы. Учеников, к счастью, не трогали, но имущество портили из-

рядно. Однако теперь страсти улеглись. Безопасность занималась по большей части профилактикой краж.

— Что стряслось? — спросил Тенников.

— А ты не видел?! — съязвил всклокоченный Мухин. — На всех панелях в школе — или рожа ухмыляется, или колобки хороводят. Буллшит!

— Иван Тимофеевич! — мягко упрекнула Илона.

В учительской иногда шептались, будто у нее с Мухиным шашни, однако Тенников не верил. Он вообще считал себя достаточно наивным и не очень хотел расставаться с таким взглядом на мир.

— А в классах? — быстро спросил Тенников.

— В классах — нет. Не стали уроки срывать, паразиты. Да и запрещена трансляция на уроках.

Мог бы и не напоминать. Во время учебных занятий допускался только «продакт плэйсмент». Вроде фирменных логотипов на грузовиках из задачника по математике.

— Хакеры? — уточнил Тенников.

— Даже не знаю, — Мухин ерзал на стуле. — Как их теперь называть, хакеры-хренакеры... Ну, зачем, зачем мы эти стены поставили? Извините, не в обиду вам, — Мухин спохватился и посмотрел в сторону человека из «Трион Компьютерс».

— Ничего, понимаю, — грустно ответил тот и продолжил вращать ложечкой в чашке.

Тенникову показалось, сейчас в кругах кофейной массы тоже обрисуется рожица-смайлик.

Мухинское «зачем» прозвучало риторически. Затем же, зачем он носил швейцарские часы. Школа должна быть оборудована по последнему слову. Ради престижа. Ради более выгодных контрактов. Ради того, чтобы закрепить первенство. Трионные системы даже в местном университете пока использовались очень робко. «Трион Компьютерс» неспроста сделала предложение именно четырнадцатой общеобразовательной. Им обоим нужен был пиар. Системы установили летом, по взаимозачету, и как минимум на один учеб-

ный год четырнадцатая точно опережала всю среднюю и высшую школу не только города и области, но и соседних регионов. Если теперь хотя бы слух про развеселые смайлики достигнет этих самых регионов...

Тенников очень хорошо понимал печальный вид гостя. Он поинтересовался, как того зовут.

— Вениамин. Петрович, — почему-то раздельно произнес трионных дел мастер.

«Еще одно Петра творенье», — подумал Тенников. Вениамин Петрович ему импонировал. Наверно, этим вот искренним замешательством.

— Что говорят ваши... э-э... эксперты? — по выражению лиц Илоны и Мухина Тенников узнал, что вопрос тут звучит не впервые.

— Понимаете, — Вениамин Петрович наконец-то оставил в покое ложку, — трионные системы как раз и славятся тем, что их практически невозможно взломать. Естественно, наш случай показывает... да, возможно. Однако трионные компьютеры — самые надежные. В мире. Пока. Несмотря ни на что. — Он снова заговорил рублеными фразами.

— Что, до сих пор никому?..

Трионщик поморщился:

— Специалист может. В принципе. Таких несколько в мире... — Вениамин Петрович опять пошевелил ложкой в кофе, будто хотел там выудить более развернутые ответы.

— Вы думаете, кто-то из наших? — Тенников посмотрел на Илону и Мухина. — Умельцы. Класс десятый-одиннадцатый.

— Догадался! Молодца! — одобрил Мухин.

— Десятый «А», как пить дать, — продолжил Тенников. — Кто-то из них, орлов. Не Крамарчук ли?

— Нет, — сказал Мухин. — Не «ашки». Точно.

Тенников склонил голову набок:

— У них же все гении через одного. Даже специализация есть по трионам. Одна на город. Им такое — раз плюнуть.

— Не они, — упрямо повторил Мухин. — В том-то и дело. Им не надо. Они уже все о карьере думают.

— А если биологический? Ради эксперимента? Пиявок скурили, что им компьютеры...

Случай с пиявками уже давно вошел в фольклор. Хотя смолильщики давным-давно пропали из туалетов и со школьного двора, антитабачную тему из программы никто убирал. Рассказы же про каплю и лошадь мало кого вдохновляли еще во времена детства Князя Игоря. Биолог Завьялов бросил в первые годы реформы, но ради благой цели решил тряхнуть стариной. На уроке он продемонстрировал всем собравшимся колбу с плавающей в воде одинокой медицинской пиявкой. Встал под вытяжку, зажег сигарету и через катетер начал аккуратно выдыхать в колбу табачный дым. Не забывая комментировать страдания пиявки. Он предполагал, что пиявкина смерть навсегда впечатается в ранимую детскую психику. Пока через пару дней не застал в лаборантской едва ли не весь класс, который тоже сгрудился под вытяжкой. То один, то другой прикладывался к сигарете (где достали? кто продал?), но «в себя», кажется, не закурил никто. Потому что сигарета уже знакомым катетером соединялась с колбой, а в колбе давилась никотином очередная пиявка. Стервецы извели чуть ли не весь запас этих тварей.

— Нет, — так же уверенно сообщил Мухин. — И не «бэ»-класс. Не их почерк. Во-первых, на кой им колобки? Сперматозоиды — вот оно дело.

— Иван Тимофеевич! — требовательно произнесла Илона.

— Молчу, — ответил Мухин и заговорил дальше: — Во-вторых, они бы что-нибудь другое отчудили. Сделали ролик про то, как крысы размножаются, и запустили бы, — Мухин посмотрел на Илону, пожал плечами — мол, из песни слова не выкинешь, — и опять повернулся к Тенникову. — Вот, или еще что такое. Зачем им всю трансляцию рушить, по всей школе?

— Правда, — согласился Тенников. — Зачем?

— Бунтарь выискался, — сказал Мухин. — Идейный. Революционер, мать его за ногу.

— Иван Тим... — начала было Илона, но Мухин уже махнул рукой и сел.

— Игорь Бернардович, — мягко, но веско произнесла директор, глядя в глаза Тенникову. — Мы, — она сделала небольшую паузу, — предполагаем, — она поставила логическое ударение, — что здесь может быть замешан кто-то из учеников гуманитарного профиля. Конкретнее, ваш «вэ»-класс.

— С чего. Вы. Взяли? — Тенников тоже произносил каждое слово по отдельности, как трионщик, и с нажимом на «в», как Илона, стараясь унять подступающий гнев.

— Бернардыч, да ты же сам рассказывал! — воззвал Мухин. — Какие у вас бои из-за этой рекламы!

Тенников выдохнул через нос.

Рассказывал. На свою голову.

* * *

План-конспект внеклассного занятия хранился на жестком диске служебного ноутбука. Тенников его так и не дописал.

«Тема: Реформа образования и новый закон о рекламе.

Реклама в начале XXI века. Газеты, радио, интернет. Особо — телевидение. Реклама товаров в кинофильмах и сериалах. Ориентация на немедленную прибыль. Увидел — купил.

201.. год. Резкое сокращение рекламного времени и площадей. Рост цен. Удар по телевизионной рекламе.

Проблемы образования в это же время. Недостаток бюджетного финансирования. Непрестижность педагогики как профессии (примеры — иначе не поверят). Общее падение культурного уровня. Кризис фундаментальной науки.

Новый закон о рекламе. Принципиальный ход: сфера образования как основной рекламоноситель. Примеры из прошлого. Игрушечные автомобили «Ситроен» для воспитания будущих покупателей.

Почти полный запрет рекламы на телевидении и радио».

Здесь Тенников не стал править. Рекламные ролики и программы, конечно же, в ограниченном количестве остались. Но теперь везде надо было аршинными буквами сообщать: «Спонсор школы, колледжа или университета такого-то». Как раньше: «Употребление пива вредит вашему здоровью».

«Проблема с рекламой товаров, не предназначенных детям и подросткам. Официальное разрешение создавать т.н. «зонтичные брэнды»: линейка различных и не связанных друг с другом товаров под единой торговой маркой.

Перераспределение рекламных бюджетов. Новая школьная реформа. Волна протестов. Успешный перевод школы на новые рельсы. Реклама на уроках, на переменах, в учебниках. Спонсорство (можно опустить — все сами видят). Резкий скачок в развитии школьной материальной базы».

Дальше Тенников не успел. Впрочем, из детально прописанных конспектов у него получались ровные, но средненькие уроки. Куда лучше выходило, когда он оставлял сам себе поле для импровизации.

В тот раз, безусловно, это удалось.

— Игорь Бернардович, — спокойно сказала с места красивая Фархутдинова. — Получается, мы просто никому не нужны?

— То есть? — искренне удивился Тенников.

— Ну... — Фархутдинова скривила губки. — Главное, получается, не ученики, а деньги.

— Нет, — ответил Тенников. — Главное — как раз ученики. Просто и государство, и общество наконец-то признали вас самой выгодной инвестицией.

По классу прошел шепоток. Даже ленивый Телегин изменил позу, в какой покоился на первой парте. Он являл собой образец флегматика, что не мешало писать меткие и необычайно остроумные сочинения. На Телегина уже обратили внимание менеджеры по персоналу из «Креатив Продакшн».

— Не-а, — заявила Фархутдинова. — Мы — товар, в который вкладываются деньги, а получается прибыль.

— Самую большую прибыль, — Тенников заложил руки за спину, — получаете вы. Вы знаете, сколько стоит хотя бы год обучения? Не знаете. Потому что для вас оно бесплатное. Можете поспрашивать родителей, как с них собирали деньги даже на ремонт.

Гуманитарный «В» расшевелился окончательно. Лопоухий Васнецов с передней угловой парты переглянулся с Телегиным и демонстративно открыл ноутбук. Моделью «Смарт Скул» оборудовалось каждое учебное место. Теперь Васнецов начал впервые в жизни рассчитывать, во сколько же обходится его пребывание в школе.

— Игорь Бернардович, — опять взяла инициативу Фархутдинова. — Но вы сами только что говорили: реклама — это манипуляция. Значит, нами манипулируют.

— Верно, — согласился Тенников и прошелся вдоль среднего ряда. Взгляды сопровождали его маршрут. — Школа манипулирует вами уже лет двести как. Это большой прогресс. Потому что до того вас просто пороли. Или сажали в карцер.

— А вы не увиливайте, — дерзко сказал принципиальный Маркин. Наверняка хотел произвести впечатление на Фархутдинову. — Типа или пороть будут, или рекламу крутить на переменах.

Шепоток превратился в гомон. Маркин славился умением ставить вопросы ребром. Теперь классные вольнодумцы осознали по-гамлетовски острый выбор. Стихийные дискуссии загуляли по рядам, как в годы ученичества Тенникова гуляли по весне любовные за-

писки. Из лаборантской даже высунулся вечно неуспевающий Шлыков из «Г»-класса, который мучился там над изложением.

Тенников поднял указательный палец вверх. Гомон спал, как волна прибоя.

— То, что вам крутят на переменах, создают крейторы вместе с педагогами. Каждый ролик проходит школьный художественный совет и экспертизу. Нука, поднимите руки, кто пропустил хоть один урок, потому что был на фокус-группе?

Руки поднимались, как трава, примятая чьей-то подошвой: раз травинка, два травинка, потом больше и больше.

— Второе, — Тенников выдержал паузу, ожидая, когда травинки снова опустятся. — Половина трафика — социальная реклама. Тот же самый воспитательный процесс. Жанна, — он посмотрел на Фархутдинову. — Сколько роликов ты сделала в этой четверти? Как ты оцениваешь свою манипуляцию?

Фархутдинова насупилась. Она с восьмого класса посещала школьную экспериментальную студию. Ролик, написаный Телегиным, а ею собственноручно поставленный и смонтированный, завоевал первую премию на молодежном конкурсе соцрекламы. В девятом классе благодаря завучу Мухину Фархутдинову взяли на карандаш в транснациональной «Смитсонс Эдверт Груп». Хотя до окончания школы ни Жанна, ни кто иной из учеников не могли заключить контракт, компания уже зарезервировала ей место с полной оплатой высшего образования. Мухина ждали приличные агентские.

Раньше говорили: хороший учитель мечтает о том, чтобы ученики смогли его превзойти. В новую эпоху это приобрело еще один смысл. Кадры теперь решали все, как никогда прежде. Низкая рождаемость и общее оглупление сыграло свою роль. Учитель, воспитавший нужного компании ученика, получал процент в течение нескольких лет. Мухин стал завучем благо-

даря своему нюху на пристраивание юных кадров. Их теперь заочно включали в штат, как в девятнадцатом веке дворянских младенцев мужеского полу с ходу записывали в полк. Если бы Илона ушла на повышение, Мухин наверняка стал бы директором.

— У нас есть еще минут десять до звонка, — сказал Князь Игорь. — Я вам кое-что покажу. Этим роликам двадцать лет. Вот что смотрели мы. По телевизору.

Он навел пульт на трионную панель, заменявшую теперь классную доску. Свет погас, жалюзи на окнах закрылись, остался только широкий светящийся прямоугольник. А там красивые люди жили красивой и радостной жизнью благодаря автомобилям, газировке и другим вещам и продуктам.

Фархутдинова иронически улыбалась. Телегин зевал. Васнецов хмыкал. Их уже было не провести. Раскрашенная жизнь полуминутных историй стала их нормальной жизнью, по крайней мере в школе.

Вот ведь как, подумал Тенников. Они не стремились к большим деньгам, дорогим тряпкам, шикарным машинам и удовольствиям. Они знали, что все это у них будет почти гарантированно. Потребление для них было не целью, а чем-то обыкновенным, как спорт или учеба. Три четверти класса уже имели предварительную договоренность с той или иной фирмой, а оставшаяся четверть хотела открыть собственную. Не ради денег — им просто было интереснее что-то придумывать и создавать. Скептики боялись зря.

— Мар-разм, — высказался Маркин, глядя на экран, а затем покосился на Фархутдинову.

Задребезжал звонок. Старые школьные механизмы с полукруглой стальной шляпкой тоже давным-давно повывелись. Звонок имитировал синтезатор, а звук по коридорам разносили динамики. Его решили оставить неизменным, и он все так же заставлял вздрагивать, распарывая хрупкую ткань тишины.

После звонка на трионной панели выплыло: «Спонсор занятия — «Тесла», магазин необычных электротоваров».

* * *

Тенников специально пошел к себе в класс дальней дорогой, заложив приличный крюк через первый этаж. Он злился на Илону и Мухина — нашли козлов отпущения! — и в то же время понимал логику. В конце концов, именно Телегин однажды слил в школьную сеть «смартнет» серию похабных мультиков своего производства под общим заглавием «Кот Трындец». Каждый из них пародировал какой-нибудь ролик. С другой стороны, чем «вэшки» хуже биокласса? Тот же Телегин наверняка придумал бы что-нибудь поинтереснее колобков. Стоп. Придумать-то он смог бы, но как влез в трионную сеть? Она не связана со «смартнет», объединившей все классные ноутбуки и стационарные компьютеры. Напрашивалась теория заговора «лириков» с «физиками» из «А»-класса. Фархутдинова вполне могла состроить глазки тамошнему гению Гоше Крамарчуку. Но зачем, зачем?

Рожицы провожали Тенникова с трионных стен. Уже началась перемена, школьники высыпали в коридор, не особенно внимательно поглядывая на хороводы колобков. Трионные стены, перестав быть диковинкой, уже давно жили как бы сами по себе. Это учитывали маркетологи, составляя коммерческие предложения для рекламодателей: «Минуя сознание, ролики прямиком будут действовать на подсознание вашей целевой аудитории».

Тенников прошел мимо столовой. В этом месяце шефство держала сеть ресторанов «Брюньон» с привозным поваром-французом. Рядом с дверью висел плакат концерта какой-то популярной группы, тоже шефского, в рамках промо-тура с новым альбомом. Поправка к закону о рекламе предписывала всем группам и исполнителям, выступающим или просто раз-

местившим свои афиши в школах, включать в репертуар произведения с текстами из русской и переводной классики. Это касалось даже хип-хопа. Другой плакат приглашал в кинотеатр на отреставрированные «Огни большого города», трехмерные и в цвете.

Князь Игорь кивнул прошедшему мимо школьному психологу Зайцеву и вновь поднялся на верхние этажи. Из кабинета географа выходил девятый «Б», обсуждая предстоящий поход и сплав на катамаране. Девочки были в бантах. Костюмы и стиль девятым классам разрабатывал дом моды «Витторио», который выигрывал тендер уже четвертый год подряд. Костюм самого Тенникова был от бутика «Рудинъ», того самого, чью рекламу похерил неизвестный пока трионный террорист. Швейцарские часы всему коллективу педагогов предоставил магазин «Хрономастер».

У Тенникова был еще один свободный урок. Но в кабинете словесности Князя Игоря ждала решительная Фархутдинова. А в коридоре у окна маячил чем-то озабоченный Маркин. Он поздоровался с Тенниковым, но в класс не зашел.

— Игорь Бернардович, — сказала Фархутдинова. — Надо поговорить. Только дверь, пожалуйста, закройте.

Тенников сел за учительский стол напротив нее. Собственно, от учительского стола теперь осталось только неофициальное название. Официальное — ИКТ. Информационно-коммуникативный терминал.

— Игорь Бернардович... — Фархутдинова почему-то произносила слова с усилием. — Тут говорят, вы ищете того, кто в трионную систему влез. Будто думаете, что это мы.

Князь Игорь с превеликим трудом удержался от присвиста. Честно говоря, он рассчитывал услышать нечто вроде «я беременна». Тогда понятен был бы и смущенный вид Маркина. Но такое... Быстро, однако, все узнает современная молодежь. Эти вундеркинды что, «жучки» в директорском кабинете держат?

— Ну, предположим, — согласился Тенников. — Хотя я ничего такого не думаю. Вы же гуманитарии. В трионах не вам ковыряться.

Он улыбнулся.

— Вот именно, — все так же серьезно продолжила Фархутдинова. — Но я знаю кто. Только вы никому не скажете?

— А это будет от многого зависеть.

— Понимаете, он дурак, — быстро заговорила Жанна. — Он мне раскрылся. Но я не хочу, чтобы ему что-нибудь было. Просто я знаю, что у всех из-за него неприятности. — Девочка кивнула на дверь, за которой изнывал неприкаянный Маркин.

— Он?.. — Тенников вопросительно мотнул головой в ту же сторону.

— Да нет, не Мишель. Он вообще не в курсе. Это... — Фархутдинова наклонилась поближе к Тенникову, и тот ощутил легкий-легкий запах ее подростковых духов. Губы еле слышно прошептали: — Шлыков.

Тенников промолчал. Фархутдинова снова выпрямилась и даже слегка отодвинулась на стуле от парты. Князь Игорь вспомнил, как видел Шлыкова сегодня у раздевалки. Потом вспомнил, как тот высунулся из лаборантской на внеклассном занятии. Он, конечно, слышал тогда всю лекцию и мотал на ус. Только понял все по-своему. Но как он, черт возьми, разобрался в трионах?

«Г»-класс комплектовался из неуспевающих, кто не попал ни в одну из специализаций. Тенников сам постоянно вел у них уроки и про себя именовал «неандертальцами». Шлыков даже среди своих не блистал, потому и остался тогда страдать над изложением. Он не был школьным хулиганом, просто заторможенный какой-то. Впрочем... и настоящие неандертальцы преподносили антропологам сюрпризы.

— Зачем? — высказал Тенников вопрос, который в последние минут сорок был главным вопросом его жизни.

— Влюбился, — с ноткой презрения выговорила Фархутдинова. — Вчера попался мне на глаза около дома и признался.

— А ты чего?

— А я ничего. Нужен он мне... — Фархутдинова говорила все более зло, только непонятно, на кого она злилась: на несчастного Шлыкова или на себя. — А он мне: хочешь, завтра удивлю. А я ему: чем, сказку «Колобок» выучишь?

— Да уж, — выдохнул Тенников. — Докатился, колобок.

— Дурак он, — Фархутдинова смотрела в парту.

— Вот что, — отрезал Князь Игорь. — Теперь я с тебя слово возьму. Ты никому-никому больше про это не расскажешь. И со Шлыковым пока даже разговаривать не будешь. А я тебе слово дам, что он исправится.

— А его не выгонят? — Фархутдинова наконец-то прямо посмотрела на Тенникова своими большими красивыми глазами.

— Нет. Но из «Г»-класса переведут, это как пить дать.

— Только бы не к нам, — фыркнула Жанна.

* * *

Шлыкова он нашел внизу, все у той же раздевалки.

— Ну-ка, пойдем со мной, — велел Тенников и добавил еле слышно: — Народоволец.

Хотя Мухин оказался не прав со своей догадкой. Никакого бунта сытых. Мухин ошибся даже дважды. Насчет революционера-мать-его-за-ногу и насчет Шлыкова, когда не выделил того при специализации и послал в «Г»-класс. Удивительно, как это завуча подвел

его знаменитый нюх. Впрочем, и Эйнштейна считали тупицей.

Тенникову даже пришла идея, а не провести ли, не афишируя, новое тестирование в «Г»-классе. Мало ли как на них пубертатный криз влияет, может, там еще не одна бомба притаилась у кого-то в мозгах. Тикает себе и тикает. Пока не жахнет, как сегодня.

Шлыков сразу понял, что его разоблачили — на воре шапка горит, — и поплелся за Тенниковым. Тот привел его к себе в кабинет и усадил на то же самое место, где несколько минут назад сидела Жанна.

— Как это вы?.. — промямлил Шлыков.

— Вопросы здесь задаю я, — веско сказал Тенников. — Выкладывай.

Подследственный выложил все. Князь Игорь лишь иногда направлял его, к примеру, заставил самого проболтаться о разговоре с Фархутдиновой. Шлыков, кажется, был даже рад этому допросу. Может, он первый раз получил возможность толком выговориться. Плохо пережевывая слова, Шлыков сотворил самое длинное изложение в своей жизни. Как запал на Жанну, как решил что-то с собой сделать, но не в смысле повеситься, а в смысле стать умнее. Как читал втихаря книги и даже стихи, стараясь хоть чего-нибудь понять и запомнить, чтобы при случае ввернуть. Как ходил еще в августе на отработки по двум предметам и разговорился с техниками, а они как раз тогда развертывали трионные стены. Как помогал им, работая на подхвате. А потом влезал в терминал школьной библиотеки и разбирался в информации. Почему-то трионы показались ему роднее всего на свете. А программировать их — легче легкого. Надо только...

Но Тенников ничего не разобрал в путаных объяснениях этого Мартина Идена трионной эпохи.

— Слушай меня, — оборвал наконец технические подробности Князь Игорь. — Можешь убрать своих колобков?

— Могу, — повесил голову Шлыков.

— Ты сейчас делаешь все, как было. И больше нини. А самое главное, обо всем молчишь. Доучиваешься четверть. Со следующей мы переводим тебя в группу по трионам «А»-класса.

— Да я же не... — вяло запротестовал Шлыков.

— Подтянешься. Репетиторов наймем, договорюсь с директором. Уже моя забота. Главное, про свои программы больше не заикнешься. Понял? А я, возможно, помогу тебе с Жанной.

— Чего? — Шлыков чуть не упал вместе со стулом.

— Ничего. Делать будешь все, что скажу. И все у нас получится. А теперь шагом марш исправлять содеянное и заглаживать вину.

Дверь еще не успела закрыться, а Князь Игорь уже набрасывал в уме план действий. Грустного Вениамина Петровича, видимо, придется брать в долю, иных выходов на его руководство не было. «Трион Компьютерс» оторвет Шлыкова с руками, можно не сомневаться. Тот будет по гроб благодарен учителю, агентские же могут составить... Много. Еще обязательно нужно взять в долю психолога Зайцева: Шлыков должен блестяще пройти все тесты. А также поднять досье Фархутдиновой. Впрочем, Тенников и так ее уже неплохо изучил за годы классного руководства. Шлыков, может, ей пока и не мил, однако воображение затронул, а это кое-что. Стратегию сердечной атаки продумает Зайцев. Если удастся сформировать пару к моменту выпуска, Фархутдинова пойдет не в «Смитсонс Эдверт Груп», а куда нужно. Например, в отдел маркетинга той же «Трион Компьютерс». Там ее наверняка примут с распростертыми объятиями... и выплатой солидных агентских.

«Не все тебе, Мухин, масленица», — мысленно приговаривал Тенников, доставая одноразовый школьный мобильник.

ИМБУНХЕ

Судорога свела его обезображенное тело в сумеречной зоне — границе между вечной ночью и вечным днем.

То был экватор Чилоэ, та самая серая полоса, где солнце показывается из-за горизонта и глаза наконец начинают отвыкать от ночной мглы.

Земля сумерек — так зовут ее обитатели светлой стороны, не смеющие пересекать этот рубеж.

Земля рассвета — так назвал ее про себя Имбунхе.

Калека упал на бок и забился в конвульсиях на промерзшей земле, невольно обратившись лицом назад, к звездам. На блеклом, светлеющем небе тысячу глаз Кайкайвилу было почти не различить.

Имбунхе понял — владыка Кайкай теряет его из виду, и власть ночи над ним ослабевает. Этот приступ — последнее препятствие, что Беспощадный Змей мог ему учинить. Отчаянная попытка сохранить подданного.

Так уже бывало. Скоро пройдет.

— Ты думал, что я не смогу, владыка бестий, — тихо прошептал Имбунхе. — Ты думал, что я сломлен. О, божественная опрометчивость.

Он проделал огромный путь, и все, чем воспрепятствовал Кайкай, — лишь наслал на него судороги. Эхо тревожной песни Туэ было его спутником, но разве могло оно считаться препятствием?

Пронзительная песня черной птицы Туэ — предвестник несчастья. Ничего хуже произойти с Имбунхе уже не могло.

Имбунхе смог перевернуться на спину — настолько, насколько позволяли деформированные, изломанные штуки, которые у обычных чилотов называются ногами. Он смотрел в небо, пытаясь восстановить контроль над мышцами. Левая половина небосвода, что потемнее, пестрела еле заметными точками, а правая... чудесная, восхитительная правая половина была озарена светом Ока Тентенвилу, блаженным сиянием с вершин самых высоких гор, что слепило темного бога — и охраняло Имбунхе. Теперь.

Снова.

В темной дали завывала Туэ — как-то особенно неистово и печально.

Мысль о том, что великая Тентен принимает его назад, в свое лоно, наполнила Имбунхе ликованием.

Он мечтал об этом столько времени, сколько дневные существа не живут. Кайкай награждает своих подопечных бессмертием и берет за это немалую цену. Муки бесконечного существования может жаждать лишь тот, кто не вкушал его; Имбунхе испил эту чашу сполна.

На темной стороне Чилоэ трудно получить представление о течении времени, но с самого детства Имбунхе начал наблюдать за происходящим вокруг и делать выводы. Как только оправился от того, что ведьмы сделали с ним.

Фосфоресцирующие глаза Имбунхе буравили взглядом крупное красноватое пятно в зените. То была не просто звезда.

Звезды не раз говорили ему, сколько минуло лет с того момента, как он последний раз видел солнце. Множество других вещей и явлений вокруг также содержало ценную информацию — цикл его собственного сна, скорость роста чахлых сциофитов поблизости от логова, конденсат, капающий со сталактита у входа в пещеру.

За двадцать тысяч капель ночной небосвод смещается на вертикальную проекцию расстояния от аль-

фы Василиска до гаммы Жезла. Это приблизительно трое суток, судя по циклу сна и бодрствования. За двести тысяч капель кустистый лишайник разрастается на толщину пальца.

Нельзя верить лишайнику — его рост непостоянен и обманчив. Да и пальцы Имбунхе стали толще со временем. Капли куда надежнее. Звезды — надежнее всего, но за ними сложно следить.

Значит, остается только считать звонкие капли. Постепенно это входит в привычку, совершается автоматически, помимо сознания. Просто слышишь их, и какая-то часть тебя передвигает костяшки на невидимых счетах.

Имбунхе сторожил ведьминское голово четыреста шестьдесят миллионов и около семисот тысяч капель. Погрешность связана с тем, что иногда его отвлекали.

Он смог вновь подняться и зашагать дальше по хрустящей, заиндевелой поросли — как обычно, на руках. Власти Кайкая над ним пришел конец. Впереди было только солнце, показавшееся над горделивыми Андами.

Небо стремительно светлело и приобретало голубой оттенок. Имбунхе поглядывал вверх, с тревогой понимая, что разглядеть таинственное красное пятно на фоне яркого небосвода становится все сложнее, хотя его глаза быстро привыкали к новому освещению.

Одно стало ясно наверняка, пока он валялся на границе между светом и тьмой: оно увеличивалось в размерах.

Возможно, именно поэтому нечисть темной стороны так волновалась последнее время. Даже местные сливки общества, ведьмаки и ведьмы, вели себя все тише. Их неистовое упоение шабашами и набегами на пограничную землю сходило на нет.

Имбунхе знал — они обладали мудростью. Они даже научили его грамоте и многим другим вещам. У некоторых были телескопы. Наверняка они пони-

мали больше, чем он, и вполголоса обсуждали это на ставших редкими в последнее время сборищах.

На краю земли рассвета Имбунхе наткнулся на патруль пограничного гарнизона. Он заметил всадников издали, но не остановился. И они не двигались вперед, разглядывая в подзорные трубы странную фигуру — массивный человеческий торс в ржавой кольчуге, передвигающийся на необычайно мускулистых, удлиненных руках. Вряд ли они заметили мелкие детали — когти, толстую жесткую гриву волос, похожую скорее на иглы дикобраза, на утопленной в широкие плечи голове. Длинную цепь, которой ведьмин страж был некогда прикован к скале за шею. Но они видели волочащиеся по земле изломанные ноги, и сострадание взяло верх над инструкцией по использованию арбалетов.

Приближаясь к патрулю, Имбунхе все поглядывал вверх, но красной звезды уже почти не было видно.

— Назови себя, — потребовал один из всадников, когда их разделяло пятьдесят шагов.

— Я — Имбунхе, — сказал калека спокойным раскатистым голосом, который останавливал бешеных медведей. — Я существо одной с вами крови.

Всадники переглянулись и принялись о чем-то спорить. Это позволило продолжить сокращать расстояние.

Все чилоты знали о трагической судьбе похищенных ведьмами детей. Раз в столетие всевидящее Око Тентенвилу смыкалось. Великая Тентен теряла из виду своих подопечных, и им оставалось полагаться только на себя.

Звездочеты на пограничных землях видели первое предвестье беды — тусклую, бледную луну на горизонте сумеречного неба, пересекающую рубеж дня и ночи. То было Око Кайкайвилу, его сильнейшая манифестация среди обычных звезд, его божественное могущество, простирающееся над землей со дна черного океана. Беспощадный Змей шел в атаку.

Следующие два с половиной десятилетия страна вечного дня жила в страхе и ожесточенной подготовке к кровопролитной войне.

Шло время. Луна двигалась к Андам и становилась все заметнее. И вскоре наступали страшные темные времена, когда два могучих божества сталкивались в схватке на небосводе.

Луна затмевала собой неподвижное солнце, и светлая половина Чилоэ погружалась в хаос ночи, что несли с собой обитатели обратной стороны.

Тьма неизменно отступала, унося с собой урожай страданий. Око Кайкая двигалось дальше, позволяя живительному свету Тентен вновь пролиться на землю. Вместе с движением луны по Чилоэ прокатывалась и волна нечисти, вновь оказываясь на темной стороне. С потерями и приобретениями.

Цикл завершался. И начинался заново.

— Если ты попытаешься напасть, мы убьем тебя, — пообещал главный всадник, когда Имбунхе был уже совсем близко.

Калека покачал головой.

— Я не умею.

Поколению, родившемуся под знаком грядущего затмения, было суждено защищать стар и млад ценой своих жизней. Выжившие воины, искалеченные физически и морально, становились ветеранами и передавали свой опыт правнукам. Но никто не видел за свою жизнь двух затмений. Поэтому каждый раз все начиналось с чистого листа.

Темные налетчики убивали на своем пути всех, но только не детей. Их они забирали с собой.

— Ты — имбунхе, страж ведьминского логова, — заключил всадник, глядя со своего скакуна вниз на калеку. — Ты рожден невинным, и твоя судьба была осквернена.

Имбунхе кивнул, изучая его своим светящимся взором. Он видел в ответном взгляде то, что согревало его веками.

То, для чего его сделали таким. Своего рода предназначение.

В глазах всадника читалась кристально чистая жалость.

— Я не сосуд зла, — спокойно молвил калека. — Но я вестник новой эпохи. Что-то странное случится в скором времени.

— И что же? — с недоверием спросил патрульный.

Имбунхе вздохнул.

— Я не знаю. Что-то происходит на земле и в небе. Сам Владыка Кайкай утратил столетний покой, и от его движений на морском дне содрогается земля. Примите меня как гостя. Прошу.

Всадники смотрели на него и не находили в нем угрозы. Они видели, что его тело, даже искалеченное, весит куда больше, чем любой из них. Они видели кольчугу и когти, но их сострадание было куда искреннее, чем ведьмово. Куда сильнее оно затуманивало взор, и строжайшие запреты на контакт с обитателями темной стороны рушились под его натиском.

«Он — один из нас. Он был рожден при свете дня, но силы ночи исказили его судьбу. Мы не можем отказать собрату в помощи, если Тентен вновь приняла его под свои лучи», — думали они, ведя его в форт.

На их счастье, Имбунхе действительно не таил в душе зла.

— Расскажи о темной стороне, — сказал комендант, глядя на него из-за массивного дубового стола.

Имбунхе предпочитал сидеть прямо на ковре перед ним, подобрав под себя ноги. Он отметил про себя, что гарнизон немногочислен — может, потому что набегов стало гораздо меньше.

— Ты не стар, — произнес он, немного подумав. — Вряд ли ты помнишь последнее затмение.

— Я родился спустя десятилетие, — подтвердил комендант. — Неужели ты был среди налетчиков?

— Тогда я бы остался. На темной стороне жизнь подобна кошмару. Ночь, снег и холод, — Имбунхе поднял с пола свою цепь с острым наконечником. — Я — охранник. Двести лет я провел прикованным у входа в огромную пещеру на побережье замерзшего океана, в котором таится Владыка Кайкай. Пещера Кикави; огромная, священная, в ней самые могущественные ведьмаки и ведьмы собирались для шабашей. Я защищал вход от мелкой нечисти и диких животных. Какой из меня налетчик? Во мне нет чувства, которое заставляет их нападать и причинять зло.

Комендант хмыкнул.

— Ты рассуждаешь о противоестественных и неведомых жителю дня вещах с необыкновенным спокойствием. Должен признать, во мне самом это чувство есть. Ведь мы говорим о ненависти, имбунхе?

— Мы говорим о страхе, комендант, — калека приподнял цепь повыше. — Когда я справился с ним, я смог освободиться.

— И как же ты освободился?

Имбунхе замолчал, вспоминая, как два века назад удар брухо со сверхъестественной силой вогнал стальной наконечник глубоко в камень. Рядом рыдал изувеченный мальчик, не понимая, за что с ним так жестоко обошлись.

Они кормили и обучали его. Они калечили его и превращали темными снадобьями в монстра. Они жалели его и обращались, как с любимым верным псом.

Они переломали кости ног четырехлетнему ребенку, все до единой.

Они любили его и ненавидели.

Впереди были четыреста шестьдесят миллионов капель.

— Капли, — наконец сказал Имбунхе.

— Что? — не понял комендант.

Капли падали и падали в расщелину, из которой торчал стальной клин. Имбунхе с детства отчаянно пытался выдернуть его, но тогда он еще был слаб.

Капли падали. Время было на его стороне. Тогда он не знал, что терпение — величайшая добродетель. И вскоре он бросил попытки.

— Вода понемногу точит камень, — пояснил Имбунхе. — Однажды я смог вырвать клин. Я долгое время даже не пробовал — моя сила не сравнится с силой ведьмака. Они заставили меня так думать.

Комендант посмотрел на его крупные, поросшие черной шерстью руки. Такими можно разорвать человека пополам.

— Ты сказал, что ты не беглец, но вестник. О чем ты возвещаешь?

Имбунхе закрыл глаза, собираясь с мыслями.

— На ночном небе я заметил красную точку. Вначале я решил, будто Аликанто взвилась в небесную высь и залетела слишком далеко. Но то была не птица золотых приисков; напротив, это что-то далеко извне.

— Что-то за пределами Чилоэ? — поднял брови комендант.

— Пока что за пределами... — вздохнул Имбунхе. — Оно растет. Приближается.

— Ты не лжешь, ведьмостраж?

— Мне незачем лгать.

— Но кто управляет запредельным миром? Кто мог ниспослать это на Чилоэ?

— Есть лишь одна известная нам запредельная сила. Владыка Космоса. Повелитель Времени.

— Великий Генехен? — с сомнением произнес комендант. — Это слишком фантастично. Мы сами в небе ничего пока не замечали.

— Свет Тентен слепит вас, — покачал головой Имбунхе. — Мне нужно попасть в столицу. Поговорить со столичными учеными. Я много слушал ведьм и брухо. Может быть, их знания будут полезны.

— У нас здесь есть свой астроном. А их знания... — комендант встал из-за стола и зашагал по направлению к окну-бойнице. — Их идеи... Ты же осведомлен, маленький калека, за что Тентен лишает своего покровительства.

Имбунхе был осведомлен. Он видел боль предательства и горечь разочарования вокруг себя много лет.

— Все эти колдуны — они ведь безумны, опасны, — продолжал начальник гарнизона. — Они отмечены Кайкаем. В их сердцах сомнение в самих основах светлого мира.

— Но они одарены.

— Их способности суть не дарование, но бремя проклятия. Ворожба, запретные науки... Ведь это они сделали тебя таким, Имбунхе, — те, кого мы изгоняем на темную сторону.

— Вы не поймете, комендант, — голос ведьмостража дрогнул. — Они боялись.

— Чего? Они получили то, что заслуживают. Им сохранили жизнь и подарили свободу изгнания. Чего им бояться? Существ темной стороны?

— Всего. И меня. И других таких же, как я.

Комендант отвернулся от окна, чтобы смерить Имбунхе взглядом, но затем вновь повернулся обратно, всматриваясь в облака.

— Почему?

— Одиночество страшно. Если бы они не искалечили и не приковали меня — я бы тотчас сбежал. За их злобой стоял страх. Они очень боялись потерять меня. Никто не хочет жить там, даже они сами. Но у них нет выбора — солнце погубит их.

— А у тебя выбор был. И они его отняли.

— Они унижены и запуганы вами. Они лишены счастья искренней любви и бесплодны. Они делают существ еще более жалких, чем они сами, чтобы спастись от ужаса своего бессмысленного существования.

— То есть? Ведьмы изувечили тебя, чтобы жалеть?

— Да. Чтобы обрести в бездне отчаяния и страха искуственный островок любви, покровительства слабому. Такого извращенного благородства.

— Они могли бы действовать иначе. Любить друг друга. Помогать друг другу.

— Иначе они не умеют, комендант. Чтобы выжить, им всем приходится быть чересчур сильными. Они не могут верить друг другу. Их шабаши — всего лишь отчаянная истерия плоти, краткие периоды единения и избавления от страха.

Комендант разглядывал затянутое облаками небо и думал. Беседу прервало появление в дверном проеме стражника — одного из патрульных.

— У астронома есть тревожные новости для вас, сеньор.

Начальник гарнизона кивнул, не отрывая взгляда от небосвода.

— Ты попадешь в Город Полудня, Имбунхе. Расскажи им, что знаешь. Хуже не будет.

Сквозь белесый пух облачного слоя просвечивало едва заметное красное марево.

Его повезли в крытой телеге, запряженной парой лошадей. Возничий и приставленная стража побаивались его и не горели желанием общаться. Имбунхе не винил их. Иногда он выглядывал наружу, отмечая, как быстро растет алое пятно. Чем дальше повозка удалялась от зоны сумерек, тем больше оно смещалось к горизонту, а день становился все ярче.

В путешествии Имбунхе попробовал настоящую, обычную еду и пришел в восторг. Хлеб, солонина и сушеные фрукты — все это ни в какое сравнение не шло с тем, чем его кормили на темной стороне.

Мир Чилоэ невелик. Путешествие к подножию Анд, где солнце всегда в зените, заняло бы всего несколько недель. Наблюдения за приближением таинственного объекта говорили, что этого времени у чилотов нет.

Красное пятно над горизонтом еще не выросло до поистине исполинских размеров, но Имбунхе знал, как обманчивы звездные габариты. Такими темпами оно вскоре сравнится по величине с луной, а столкновение с нею разнесло бы Чилоэ на куски. Даже если предположить, что сам объект куда меньше, чем кажется, а красный ореол — всего лишь преломленный свет... вмешательство Владыки Генехена сулило большие перемены.

Их небольшой караван остановился наконец в довольно крупном городе. Улицы сияли чистотой, красивые и крепкие здания радовали глаз. До Города Полудня было еще далеко, но величие страны Тентенвилу уже давало о себе знать. Здесь начиналась центральная часть земли вечного дня — благополучная, спокойная и безбедная.

Кастро — кажется, это был он, еще больше, красивее и светлее, чем двести лет назад. Значит, равнина впереди изрезана реками, путешествие с переправами будет долгим.

Имбунхе думал. Его расчеты говорили о том, что до столицы добраться вовремя невозможно. Значит, нужно было действовать прямо здесь и сейчас. Но как — он не знал.

Он попросил своих сопровождающих устроить ему встречу с мэром. Покидать повозку Имбунхе было запрещено, чтобы не волновать народ — людям достаточно было и багрового марева в далеком тумане. Возничий и стражники переглянулись и обещали попробовать.

Время не ждало. Имбунхе тайком проделал отверстие в матерчатой крыше, чтобы следить за красной звездой. Его глаза, серебристые, светящиеся, натренированные двухсотлетием наблюдений, видели куда лучше человеческих. Дома сильно затрудняли обзор, но, к счастью, город был возведен на холме, а их небольшой караван ехал как раз к вершине.

Увиденное ужаснуло Имбунхе.

Когда он смотрел на красную точку в сумеречном небе, та оставалась на месте в зените и лишь медленно росла. Так все виделось на границе между ночью и днем. Чем дальше он удалялся от экватора, тем больше объект смещался к линии горизонта.

Все было вполне логично, но только сейчас, глядя на красную звезду сбоку, он смог оценить скорость ее движения относительно земли. Это помогли бы сделать другие небесные тела, но на дневном небе их не видно.

Имбунхе смотрел сквозь облака на красное пятно и видел, как оно ползет к горизонту. Очень медленно — вряд ли бы это заметил обычный человек невооруженным глазом. По космическим меркам — с бешеной скоростью.

Ни о каких неделях не могло быть и речи. Счет шел в лучшем случае на часы.

На мгновение Имбунхе поддался сомнению. Он не понимал до конца, что именно он делает и зачем. Он вспомнил время, когда темный океан еще бушевал и корабль-призрак Калеуче не стоял на якоре у берега, навечно вмерзший в лед. Совсем мальчик, он с восхищением лицезрел на палубе брухо, поющих и пляшущих вместе со своими прислужниками-имбунхе, отмечающих неведомые триумфы, и мечтал, что однажды и его возьмут в безумное плавание. Если бы только не эта цепь...

Темная половина Чилоэ была ночным кошмаром, но порой удивительно интересным. Имбунхе привык. Решиться на побег было очень трудно. И все же что-то менялось в уютном мирке не в лучшую сторону. Кайкай все реже показывался на поверхности, и порождаемые им морские волнения становились все тише. Покой штиля и губительной стагнации сковал океан льдом. Имбунхе готов был спорить, что и Тентен уже давно не появлялась над заснеженными вершинами Анд.

Имбунхе осмелился выглянуть из повозки. Его конвой удалялся по направлению к трактиру. Остался

только один охранник, и тот задремал. Ведьмостраж еще раз посмотрел на красное марево и принял решение действовать.

Эти несколько беглых взглядов дали ему всю необходимую информацию. Высокое здание с башнями и шпилем — несомненно, его путь лежал туда. Имбунхе аккуратно обмотал цепь вокруг предплечья, на секунду пожалев о том, что не позволил кузнецу в форте снять с себя ошейник. На это ушло бы драгоценное время.

Затем он выпрыгнул из повозки и ринулся по мостовой к своей цели, на глазах у всех прохожих. Кто-то закричал, кто-то взвизгнул — но дорога перед ним стремительно расчищалась. Никому не хотелось оказаться у него на пути.

Ходить, опираясь на раскрытую ладонь, получается медленно, зато весьма устойчиво. Это хорошо подходит, чтобы разогнаться. Затем пальцы, особенно когтистые, становятся помехой, но инерция уже позволяет использовать для поддержания скорости бег на сжатых кулаках с энергичной работой плечами. Сейчас Имбунхе несся как горилла — он выбрасывал вперед обе руки, опираясь на скрюченные ноги, переносил вес тела на костяшки и затем снова использовал ноги для опоры.

Имбунхе смутно помнил, что это здание со шпилем, почти дворец, называется Приорат. Мэр живет там и оттуда же управляет городом и окрестностями. Компанию ему составляют ученые и высшее чиновничье сословие.

Но Приорат обнесен решетчатой оградой высотой в два человеческих роста. Ворота закрыты и хорошо охраняются.

Ничто не способно остановить тебя, если ты — целеустремленный косматый калека героических пропорций. Не останавливает отсутствие функционирующих ног — не остановит и забор.

Имбунхе припал к земле и оттолкнулся руками изо всех сил, на лету разматывая свою цепь. Он перевернулся в воздухе, запустив ее вверх и вперед, в острия прутьев металлической ограды. Когда его тело врезалось в ограду (та покачнулась и заскрипела), цепь уже крепко запуталась над его головой, позволив подтянуться и осторожно перевалиться через наконечники.

Держась одной рукой за прут, другой Имбунхе высвободил цепь и понял, что не спланировал приземление. Медлить было нельзя. Он спрыгнул, попытавшись приземлиться на ладони. Удар об землю, даже смягченный, отозвался острой болью в раздробленных ногах.

Действо заняло дольше времени, чем он рассчитывал. Когда Имбунхе вновь уверенно встал на руки, его обступила стража.

— Я хочу поговорить с мэром, — сказал он, глядя в землю перед собой и не шевелясь.

Его лаконичность и негромкий, но отчетливо слышимый голос обескуражили охрану. Они замерли, выставив вперед алебарды, словно гончие над зайцем, который неожиданно притворился мертвым.

Заминка не могла сильно растянуться. Имбунхе покосился на красную зарю вдали. Вряд ли они станут долго выжидать. Вряд ли он сам может позволить себе паузу.

Стражники начали сжимать кольцо, но Имбунхе по-прежнему не шевелился, только подтянул к себе цепь.

— Я... — снова заговорил он, и слова застряли у него в горле: внезапный удар булавой в висок поверг его на землю.

Имбунхе был так ошеломлен, что не пытался сопротивляться. Перед глазами все плыло. Он получил еще несколько ударов и пинков, потом его куда-то потащили. Все вокруг словно было покрыто мутной пленкой.

Они напали на него, когда он был беззащитен. Это против правил. Это совершенно не укладывалось в картину мира ведьмостража.

Его прежние хозяева порой бывали жестоки, но они никогда не попытались бы его убить. Так нельзя: ведь он верный слуга, он куда слабее настоящих ведьм, и его смирение — лишнее доказательство их превосходства. Недостойно убивать слабых, что смиренны пред тобою; пусть равные сражаются с равными. Поэтому лишь Имбунхе, и никому другому, суждено не подпускать нечисть ко входу в Кикави.

Любая тварь в ужасе спасется бегством от разгневанного брухо. Но задача ведьмостража — не допустить нарушения покоя своих хозяев. Они доверяют свое спокойствие ручному монстру-калеке, и он не подводит их.

Но эти люди — им все равно. Он был смиренен перед ними, но они напали.

Если для тебя нет разницы между слабым и сильным, покорным и непокорным — чем ты лучше дикого зверя?

Сквозь пелену оглушения калека слышал, как кто-то отдавал приказы страже. Его не убили — вместо этого его потащили куда-то, где свет Тентен не был виден, по коридорам и ступеням наверх. Цепь звенела, струясь следом.

— Очнись. Живой? Ну-ка, — сказал командовавший голос, шлепая его по щекам.

Имбунхе не без усилия открыл глаза. Большая комната с богатым убранством. Он порядком запачкал ковер своей кровью и уличной грязью.

— Это не темница, — промолвил он.

Склонившийся над ним человек отступил и уселся в мягкое кресло. По его роскошному камзолу ведьмостраж понял, что это кто-то из знати. Благородный профиль и блеск просвещенности в глазах. Этот человек знал цену слову и времени. С ним можно и нужно было вести диалог.

— Ты — мэр? — спросил Имбунхе.

Он чувствовал, что кровь на его лице уже успела засохнуть. Значит, времени оставалось все меньше.

— Приор Раньери, герцог де Кастро, — спокойно, но не без некоторой чванливости представился собеседник.

Имбунхе огляделся. Трое стражников. Гобелен на стене покрыт сложным рисунком со множеством мелких деталей — что-то геральдическое, по-видимому. Они находились в личном кабинете мэра.

— Я прошу слова, приор, — выдавил ведьмостраж, пытаясь прийти в себя.

Раньери пожал плечами, рассматривая его из-под полуприкрытых век.

— Ты удостоен этой чести. Потому я и приказал страже не трогать тебя. Твой конвой толком ничего не поведал. Неужто ты воздействовал на их разумы, Имбунхе?

Мысли никак не удавалось привести в порядок.

— Ты проделал огромный путь, что достойно уважения. Я верю, что ты пришел с миром. Поэтому говори.

— Грядет катастрофа, приор, — наконец сказал калека. — Ты обладаешь познаниями в астрономии? В истории?

Герцог кивнул. Только сейчас Имбунхе заметил, что один из стражников намотал на руку конец его цепи.

— Было время, много веков назад... — пробормотал ведьмостраж. — Все было иначе. Почему мы считаем сутки, приор? Что такое сутки? Неужели раньше ночь и день были не вечны?

— Да, маленький калека, — бесстрастно подтвердил Раньери. — Когда-то война между светом и тьмой кипела без перерыва.

— Почему стало так, как сейчас?

Мэр вздохнул. Беседы об истории и религии не входили в его планы.

— Кровопролитная война печалила Владыку Генехена, и он разделил их навеки, — все же ответил он. — Кайкайвилу был низвергнут на дно темного океана, а Тентенвилу — сослана на вершины Анд, чтобы они никогда более не встречались. Согласно сказаниям, конечно.

— Хорошо, хорошо... — с благодарностью закивал Имбунхе. — Так и было, но Генехен покинул Чилоэ, и раз в сто лет Великие Змеи все же снова стали схватываться друг с другом. Космос, ты знаешь о космосе, герцог?

— Куда интереснее то, что о нем знаешь ты, ведьмостраж, — по лицу Раньери пробежала тень улыбки. — На темной половине дают хорошее образование?

— Нельзя дать знания. Их можно только взять.

— Что ж. Тогда сейчас я хочу взять все знания, что у тебя есть.

— Космос, — продолжил Имбунхе. Его сознание наконец прояснилось. — Огромная черная пустота, в которой парит Чилоэ, окруженный звездами, луной и солнцем. Из космического мрака к нам движется красная звезда — и она уже видна в дневном небе. Это знамение, посланное извне самим Генехеном.

— Ты не сообщаешь мне ничего нового, — покачал головой мэр. — Она двигается к горизонту, и мнение астрономов таково: звезда минует Чилоэ, попросту пролетя мимо.

— Нет! — воскликнул калека. — Это иллюзия. Я смотрел в небо над землей сумерек — она падает прямо на планету. Весь наш мир в огромной опасности, сеньор Раньери!

— И подверг его этой опасности кто, лично Владыка Космоса? — усмехнулся герцог.

— И никто иной! Сейчас я понимаю — Генехен созерцал нас все это время и понял, что его прежнее решение привело к ужасным последствиям. Ваше благоденствие здесь покупается дорогой ценой.

— Мир дня процветает, а миру тьмы уготованы кара и вечные муки. Все так, как и должно быть.

— Нет, приор. Изгоняя все, чего вы не понимаете, прочь из виду, блаженствуя за счет чужих страданий, вы оскверняете саму идею абсолютного добра. Послушай, — Имбунхе примолк на мгновение, обдумывая что-то, — если бы Генехен хотел просто уничтожить наш мир, он бы сделал это. Но он послал нам красную звезду как знак, как предупреждение. Мы, все мы, должны внять ему, понять, что это значит, прежде чем случится катастрофа.

Герцог де Кастро пожал плечами. На мгновение Имбунхе показалось, что он смог посеять живительное семя сомнения в собеседнике.

— Катастрофы не случится. Тентен покровительствует нам, — наконец сказал тот. — Тебе больше не о чем поведать мне, ведьмостраж?

Имбунхе задохнулся от возмущения.

— Как же ты не понимаешь? Почему не хочешь прислушаться? Не волею Тентенвилу я сижу здесь и говорю с тобой, приор! Сейчас я понимаю — не кем иным, как Повелителем Времени, я был освобожден от власти Беспощадного Змея и направлен сюда!

— Неужели? — с некоторой наигранностью удивился Раньери. — Это смехотворно, калека. Ты хочешь разрушить вековечный порядок Чилоэ, прикрываясь именем Создателя? Ты, урод в проржавевшей кольчуге? Скажи, что ты пророк его, осмелься — и я брошу тебя в самое глубокое подземелье.

Все боится времени, ведь время неизбежно несет перемены. Капля за каплей оно подтачивает любую мнимую незыблемость, и однажды ты просыпаешься в совершенно другом мире, сам того не ведая.

Повисла пауза. Имбунхе буравил светящимся взглядом мэра, тот спокойно смотрел на ведьмостража и не отводил взор.

Сердце Имбунхе заколотилось. С ужасом он понял, что его первоначальный, неотчетливо оформленный план не сработал.

Он надеялся, что какой-нибудь мудрый, могущественный правитель светлой стороны прислушается к его словам, поверит ему и... сделает что-то.

Может быть, разнесет весть по городам. Будет действовать, как поистине не безразличный к судьбе Чилоэ человек, во власти которого изменить мир к лучшему. А Имбунхе, выполнив свою роль вестника, как он ее понял, будет наблюдать, поможет советом или попросту отойдет на покой.

Но Имбунхе смотрел в глаза герцога Раньери де Кастро и видел там лишь равнодушие, безразличие чилотов светлой половины к страданиям детей ночи. Мэр был совсем не похож на солдат пограничной крепости, лицезревших мрак обратной стороны собственными глазами. Те искренне ненавидели нечисть, но в них было сочувствие — к собственным соратникам, раненым или павшим. К обиженным и обделенным несправедливостью мира. К Имбунхе.

Мэру было все равно.

Когда ты видишь чужие страдания, ты не можешь быть к ним безразличен. Когда ты встречаешься со страхом лицом к лицу, ты учишься бесстрашию.

Убери все это с глаз, заткни уши — и твое спокойствие становится непоколебимым, но глубоко прогнившим внутри. Это твердый шанкр души, артрит чувств, глаукома совести.

Перемены сулили для жителей дня лишь убытки, а потому были нежелательны. Значит, красную звезду не остановить.

Неужели Чилоэ суждено погибнуть?

— Я... — тихо начал Имбунхе. — Я...

Почва убежденности уходила из-под его переломанных ног. Приор созерцал его замешательство с полуулыбкой. Стражник взялся за цепь ведьмостража покрепче.

Имбунхе не был готов к этому повороту: никто не хотел вместо него решать судьбу Чилоэ.

Он посмотрел на стражников, что безжалостно избили его чуть раньше. Если те ничем не лучше низшей нечисти...

Значит, их предводители ничем не лучше ведьм и ведьмаков. И если Имбунхе нашел в себе силу освободиться от их влияния, то он выше их всех.

Имбунхе не может надеяться на их жалость — так пусть же они ищут его сострадания.

Они не найдут его.

Судьбу мира решит он сам, единолично. Имбунхе так и не мог взять в толк, в чем же будет заключаться это решение. Чего хочет Создатель? Что несет с собой красная звезда?

Но то малое, что сейчас зависело от него, нужно было сделать. Если эти люди против истины, нельзя идти у них на поводу.

— Великий Генехен направляет длань мою, и я пророк его, — сказал Имбунхе, опустив голову. — Прочь с моего пути.

Раньери изумленно отшатнулся — до того впечатляющая сила звучала в голосе калеки. Словно только сейчас герцог заметил размеры и мощь этого гротескного существа с темной стороны, стоявшего на руках перед ним.

— Схватите его! — приказал он. — Нет, убейте его! Тотчас!

Имбунхе отступил и мотнул головой с такой силой, что стражник, державший цепь, завопил от боли — металлические звенья раздробили его руку, освобождаясь. По инерции он свалился вперед, на ковер, а остальные двое лихорадочно схватили свои арбалеты. Приор вскочил с кресла и отбежал к стене.

Ведьмостраж без единого звука принял в свою грудь два арбалетных болта. Кольчуга плохо помогает в таких случаях. Он перехватил цепь поудобнее правой рукой, стоя на одной левой, и бесстрастно круга-

нул наконечником в воздухе. Впервые за последние двести лет Имбунхе улыбнулся во все сорок клыков.

С гулким звоном нагрудник одного из стражников был пробит ржавым клином на конце цепи, которую ведьмостраж швырнул вперед с невероятной силой. Беднягу отбросило назад, на секунду он словно повис в воздухе — Имбунхе рванул цепь назад, высвобождая свое импровизированное оружие, — и обрушился на пол мертвее мертвого.

Ржавчина была обманчива, ибо ведьминская сталь закалялась в водах черного океана, благословленная самим Кайкаем. По кольчуге Имбунхе струилась кровь, и ржавчина словно впитывала ее, поблескивая багрянцем раскаленного металла.

Второй стражник бросил бесплодные попытки перезарядить арбалет, с воинственным криком рванул вперед и ударил калеку мечом. Имбунхе не пытался защищаться, лишь спокойно подставив под удар плечо. Придя в контакт с мерцающей красным светом кольчугой, меч жалобно звякнул и отскочил, не нанеся видимого вреда. Но его лезвие уже не блестело — пораженное мистической скверной, оно на глазах проржавело и стало рассыпаться в прах.

Имбунхе протянул свою громадную когтистую ладонь к голове противника, охватив ее целиком и склонив к своему лицу.

— Потешный, беспомощный смертный, — сказал он. — Я вижу твою душу насквозь, и вся она соткана из невежества, сшитого ложью и страхом. Неужели ты боишься своих вожаков больше, чем меня?

— Меть в горло! — крикнул герцог, видя, что руки стражника свободны.

Тот, замерший с гримасой ужаса и все еще держа в руке разъеденный меч, рефлекторно дернулся в ответ на приказ.

Горло так горло. Имбунхе переместил руку, сжал хватку и сразу отпустил. Шея жертвы издала влаж-

ный хруст, а ее обладатель осел на пол и больше не двигался.

Раньери попытался сделать рывок к выходу, но ведьмостраж чиркнул взглядом по полу перед ним, и ковер вспыхнул жарким пламенем. Перед приором поднялась плотная стена огня.

— Прочь с моего пути, — повторил Имбунхе, глядя в глаза приору.

Герцог застыл на месте, парализованный — может быть, колдовской силой светящихся серебристых глаз, а может быть, собственным страхом перед демоническим существом, которому не было дела до ударов меча и торчащих из его тела стрел.

В кабинете мэра словно сгустились тени. Неустрашимый и неостановимый, Имбунхе двинулся вперед в свете языков пламени. Стражник со сломанной рукой попытался нашарить оружие, но Имбунхе миновал его, небрежно всадив когти в грудную клетку.

Он почти дошел до дверного проема, как вдруг его тело вновь настигла судорога.

Ведьмостраж пошатнулся, упал навзничь и задергался в конвульсиях на окровавленном ковре. Его разум, неподвластный Кайкаю в такие моменты, охватило отчаяние.

Только не сейчас. Он должен идти. Должен выполнить свое предназначение, каким бы оно ни было.

Он увидел склонившегося над ним герцога Раньери. Тот сосредоточенно заряжал один из арбалетов. Руки его дрожали.

Наконец он справился с задачей, наклонился над поверженным ведьмостражем и направил арбалет тому в глаз. Шанса промаха не было.

Все не могло закончиться так. Имбунхе беззвучно взмолился к Генехену, полузабытому всемогущему богу-создателю, которому уже давно не приносили жертв, в честь которого не устраивали празднеств.

Владыка Космоса услышал его молитву. А может, это было просто совпадение.

За горизонтом красная звезда ослепительно вспорола атмосферу и врезалась прямо в сумеречную зону.

Маленький Чилоэ содрогнулся. С прежде безмятежных вершин Анд сошла лавина, а где-то далеко на морском дне замер Кайкайвилу, страшась привлечь к себе внимание существа несоизмеримо более могущественного, чем он сам. По толстой корке льда на поверхности черного океана поползли трещины.

С потолка посыпалась штукатурка. Раньери не смог удержать равновесие, и арбалетный болт всего лишь разорвал калеке ухо.

Силы вернулись к Имбунхе. Ведьмостраж помешал падению герцога, придержав его правой рукой, а сам плавно поднялся на левую и крепко ухватил приора за горло, лишь чуть-чуть сдавив. Со стороны это выглядело как цирковой трюк. Ступни мэра оторвались от пола.

— Смотри! Смотри, глупец! — воскликнул он, поворачивая перепуганного Раньери к окну, лишившемуся прекрасного витража. — Это не конец света, но конец царства лицемерия!

Далеко на горизонте полыхал пожар в клубах пыли до самых небес. Само солнце померкло — Тентенвилу с тревогой затаилась в своем логове.

Земля дрожала.

Приор задергался, пытаясь освободиться. Имбунхе бесцеремонно ударил его об стену, чтобы оглушить, — словно рыбу об стол. Затем калека вонзил наконечник цепи глубоко под ключицу герцогу (тот лишь приглушенно вскрикнул) и взвалил того на спину, крепко примотав цепью.

Они находились в одной из башен Приората, и, покинув кабинет, ведьмостраж без колебаний стал взбираться по винтовой лестнице все выше и выше.

По пути им встретился взволнованный дозорный, бежавший вниз, чтобы побыстрее доложить о тревожном событии. Встретившись с Имбунхе взглядом,

он только охнул и вжался в стену, даже не пытаясь прикоснуться к оружию.

Ведьмостраж прошествовал мимо, продолжая подниматься наверх с полубессознательным Раньери за плечами. Он достиг курантов и колокольни, выглянул наружу и, хватаясь за неровности стены, стал карабкаться еще выше, на крышу, к шпилю.

В Кастро царил переполох. Многие здания в городе получили значительные повреждения, некоторые обрушились. Наверняка были жертвы. Люди высыпали на улицы, не понимая, что происходит. Кто-то кричал, кто-то плакал.

Но Имбунхе уже понял все.

Он по-прежнему не знал, что делать дальше. Он не знал, что еще предстоит вытерпеть Чилоэ и его обитателям. Нельзя предсказать отдаленное будущее, но настоящее поддастся пониманию, если жаждать этого.

Он расскажет всем, что происходит и как быть, а они примут это и подчинятся — потому что другого выхода у них нет.

Одной рукой Имбунхе обхватил шпиль, а другой поднял высоко над городом окровавленного приора.

— Смотри! — крикнул он. — Вот она, воля Создателя! Мир приходит в движение!

Где-то далеко на горизонте сумеречная полоса медленно смещалась. С одной стороны на светлую половину Чилоэ надвигалась ночь, а с другой мглу теснил день. Планета начала медленно, но неумолимо вращаться.

Герцог де Кастро издал тихий хрип и кашлянул кровью — все же он был обыкновенным чилотом, не приспособленным к таким испытаниям.

Их заметили снизу. Люди задирали головы, показывали пальцами. Почему-то гомон возбужденной, перепуганной толпы стал тише.

— Братья и сестры, — сказал Имбунхе. — Мы стоим на пороге новой жизни...

И каждый услышал его слова.

ДВА ДНЯ ДО ЗАВТРА

тим утром у Кьерга было совершенно нерабочее настроение. Как всегда по вошькрысеньям. К тому же последний заказ он сдал совсем недавно — в этот чемдверьг. После окончания любой продолжительной работы Кьерг всегда брал как минимум недельную паузу. Чтение книг, крепкий сортовой чай с добавками, темный шоколад, Эрлисса... Скорее даже она в первую очередь.

С чашкой дымящегося терпкого чая молодой алхимик стоял на балконе и вдыхал горячий воздух своего двадцать второго хмелета. После окончания университета его жизнь складывалась как нельзя лучше: от заказов не было отбоя. Да, некоторые из них были, скажем так, не совсем законными, но денег эти заказы приносили никак не меньше легальных, а зачастую гораздо больше.

На той неделе Кьерг сдал заказчику новый препарат, стимулирующий работу мозга. Алхимик представить не мог, когда именно продукт выбросят на рынок, но в том, что это будет настоящий хит, ни капли не сомневался. О том, чтобы попробовать вещество самому, он и мысли не допускал — даже в малых дозах препарат вызывал в организме необратимые процессы, приводящие к безумию. Заказчик о побочном эффекте был прекрасно осведомлен, однако в том, что стимулятор найдет своего потребителя, Кьерг был более чем уверен. Мало ли на свете дурачков, стремящихся к саморазрушению?

Из раздумий его вывел настойчивый стук в дверь...

Клиент был странным. И жутким. До такой степени, что по спине начинали бегать мурашки, пальцы впивались в гладкий фарфор чашки, а глаза сами собой параноидально прищуривались.

Восхитительно скроенный бархатный костюм черного цвета, антрацитовая сорочка, запонки с черным жемчугом, узенький галстук цвета ночи... Лицо клиента словно слеплено из масок трагедии и комедии, которые попеременно поворачиваются к тебе то одной, то другой стороной... Запястье захлестывал поводок с домашним любимцем — человеческой головой на мохнатых паучьих лапках. Голова беспрестанно скалилась и корчила рожи.

— Не правда ли, он забавен? — вкрадчиво поинтересовалась «комедия» и мерзко захихикала.

Вопрос был чисто риторическим, и Кьерг благоразумно решил воздержаться от ответа. Больше его интересовало, как обращаться к этому жутковатому посетителю.

— Можете называть меня Насмешником, — словно прочитав мысли юноши, ответил на его невысказанный вопрос чародей. Сомнений в том, что перед ним волшебник, у Кьерга не было — только представители этой касты могли менять облик, как перчатки, выбирая при этом наиболее экстравагантный.

Молодой человек пригласил потенциального клиента присесть. Клиент уговаривать себя не заставил. Юноша сделал чародею чаю и сел напротив.

Алхимик ждал. Маг вглядывался в лицо юноши и забавлялся с домашним любимцем. Чай стыл...

— Так вот, — гаркнул Насмешник, резко подаваясь вперед, заставив Кьерга вздрогнуть от неожиданности и откинуться в кресле. — Думаю, стоит сразу перейти к делу.

Молодой человек лишь кивнул в ответ.

— Моя племянница, моя бедная девочка, моя любимая малышка... — басом запричитала «трагедия».

Насмешник достал из кармана пиджака черный шелковый носовой платок и шумно высморкался.

— Что с ней? — поморщился Кьерг. Страх ушел, и фарс начинал его раздражать.

— Она больна. Все без исключения доктора утверждают, что лекарства просто не существует, однако я уверен, что это не так, — «трагедия» громко разрыдалась, уступив место своему антиподу. — После, скажем так, определенных процедур один из этих жалких выскочек признался мне, что панацея есть. Даже формулу дал. Перед смертью.

Голос у «комедии» был скрипуче-высоким, царапающим барабанные перепонки молодого ученого. Кроме того, Насмешник постоянно и беспричинно хихикал, от чего мысли алхимика все время путались. Однако когда юноша осознал услышанное, его охватил озноб. О том, после каких процедур и по какой причине умер неизвестный доктор, Кьерг пытался не думать. Получалось плохо.

— Среди алхимиков у вас, несмотря на юный возраст, уже сложилась определенная репутация, — пояснил волшебник. — Кроме того, мне на руку, что вы не очень щепетильны относительно заказов. Терпеть не могу ханжей. Именно поэтому выбор пал на вас.

Высказавшись, Насмешник водрузил локти на стол и вперился в Кьерга черными провалами масочных глазниц. Время от времени маски подменяли одна другую.

— Я так понимаю, выбора у меня как такового нет? — поинтересовался алхимик.

— Отчего же? — хихикнула «комедия». — Выбор есть всегда и у всех. Просто вы, как в высшей степени разумный молодой человек, должны понимать последствия своего отказа.

Обдумывая тупиковую ситуацию, Кьерг забарабанил пальцами по столу. Выход, по сути, был только один — принять заказ...

— И каковы будут сроки выполнения заказа и вознаграждение? — Юноша чувствовал себя так, словно собирался прыгать в воду с десятиметровой вышки.

— Какие могут быть сроки, когда речь идет о здоровье ребенка? — почти искренне возмутился Насмешник. — К концу хмелета работа должна быть закончена. Максимальный срок — первая неделя хрюсени. Я буду каждодневно информировать вас о состоянии моей малютки, моей маленькой девочки... Простите, — чародей вновь шумно высморкался.

Маска повернулась.

— НагРада моя будет пРактически безмеРной. БезгРаничной! — прокаркала «комедия». Поворот масок. — Я изготовлю любой артефакт, какой вы только потребуете, молодой человек, — промокнув уголок левой глазницы, пробасила «трагедия».

— Воистину королевское вознаграждение... — прошептал Кьерг, задумчиво глядя в потолок. Сделал глоток остывшего чая. Поморщился. — Помнится, вы упоминали о формуле, которую вывел для вас некий доктор, ныне, к сожалению, покойный?

— Вы совершенно правы, — проворковала «комедия». Бархатно-наждачный голос, казалось, проскреб по черепной коробке алхимика изнутри. — Вы получите ее... — Насмешник посмотрел на часы. Кьерг совершенно отчетливо увидел, что на черном циферблате нет стрелок. — Прямо сейчас. Сразу же после пробуждения.

Чародей хлопнул в ладоши.

Весь в холодном поту, Кьерг рывком сел на кровати. Трясущимися пальцами ощупал лицо.

— Приснится же! — криво усмехнулся алхимик. Нет, сон не был кошмаром в традиционном понимании этого слова, однако жуть и реальность происходившего во сне просто ошеломляли.

Углубившись в свои мысли и ощущения, молодой человек не сразу понял, что разбудил его какой-то посторонний звук. Прислушавшись, он уловил неприят-

ное потрескивание, пощелкивание и скрежет. Натянув брюки и взяв в руки склянку с жидкостью, провоцирующей жуткий зуд, Кьерг направился к входу в свое жилище. На пороге явно кто-то был.

Занеся склянку для удара/броска и рывком распахнув дверь, алхимик увидел перед собой заполненную предрассветными сумерками улицу. Опустив взгляд на порог, молодой ученый встретился с оскаленным в белоснежной улыбке человеческим черепом, из основания которого вырастали восемь паучьих лапок, также выполненных из костей, некогда бывших фалангами чьих-то пальцев.

В зубах череп сжимал скомканный листок бумаги. Как только Кьерг взял в руки записку, жуткий посланец рассыпался безжизненной горкой костей.

С чашкой чая в одной руке, запиской с формулой — в другой алхимик спустился в подвал, где размещались лаборатория и библиотека. Перед зеркалом молодой человек задержался. Черты лица тонкие — почти эльфийские, вампирская бледность и слегка надменный взгляд, чуть заостренные уши скрыты отпущенными ниже плеч темными волосами. Лицо ученого можно было назвать красивым, если бы не сломанный когда-то нос да лихорадочно бегающий взгляд, который, казалось, постоянно пытается обнять всю вселенную, а губы всегда искривлены в горьковатой усмешке, потому что вселенную обнять так и не получается. Слегка поморщившись, Кьерг покачал головой: не потому, что был чем-то недоволен — просто это был своеобразный ритуал при входе в лабораторию.

Вот оно, царство алхимии. Вдоль одной стены тянулись полки с эликсирами, вытяжками, емкостями с заспиртованными органами представителей всех населяющих Зедиум рас, вдоль другой — минералы и кристаллы, чучела редких существ, стол завален различными безделушками, ненужными и сломанными

деталями к всевозможным механизмам и приборам, магнитами с обмотанной вокруг них проволокой, в дальнем углу стоял микроскоп, вокруг которого было разбросано очень много исписанных клочков бумаги и девственно-чистых листков. Во главе стола, в обрамлении стопок дисков с программным обеспечением и в беспорядке разбросанных книг из смежной с лабораторией библиотеки, расположился мощный компьютер с подключенными к нему сразу двумя магическими кристаллами.

Сев за компьютер, Кьерг разгладил драгоценную записку с формулой. В принципе ничего сверхъестественного в ней написано не было: при наличии необходимых ингредиентов можно сделать снадобье менее чем за неделю. Однако природное чутье подсказывало алхимику, что это было бы слишком просто.

Заменив подсоединенные к компьютеру кристаллы, до следующего утра молодой человек пытался определить свойства снадобья, которое должно получиться по выведенной мертвым лекарем формуле.

К утру, когда в голове, казалось, царапается моток колючей проволоки, Кьерг решил, что для первого дня сделал достаточно: список необходимых ингредиентов и нужного оборудования был составлен, план дальнейшей работы выработан, анализ некоторых химических соединений запущен, — и решил взять паузу на сон, несмотря на то что причины своего беспокойства так и не обнаружил.

Проспав до ночи хворьника, алхимик был разбужен громким ударом, донесшимся, естественно, со стороны входной двери. Выбежав в коридор, Кьерг не смог сдержать крика ужаса: на пороге застенчиво мялось до умственного затмения жуткое существо. Чудовище было на скорую руку слеплено из кусков множества мертвых тел различной степени свежести: вместо левой руки под невообразимым углом торчала изящная, обтянутая порванными колготками женская ножка, то и дело пытающаяся ступней закрыть рваную рану

на груди, правая рука была мужской, с тремя толстыми пальцами-сосисками, несколько кошачьих трупов обвивались вокруг костей ног. Головы не было — дыра на месте шеи была кое-как залеплена каким-то куском плоти, зато из живота торчало лицо человеческого младенца. Лицо то и дело судорожно хватало ртом воздух и вглядывалось в окружающий мир невидящими белыми глазницами. На пороге вместе с куском двери лежал выломанный замок.

Кьерг сделал единственное, что вообще был способен сделать разумный в данной ситуации: он согнулся и расстался со скудным содержимым желудка.

Через плечо монстра были перекинуты лямки огромной сумки. Постояв немного на пороге, чудище скинуло груз на пол и, оставляя на полу грязные кроваво-гнойные ошметки, протопало в глубь дома.

Немного придя в себя от первого впечатления, бросив мимолетный взгляд на сумку, алхимик побежал вслед за своим жутким гостем. Найти его не составило большого труда — стоило лишь идти по следам чудовища.

Кьерг нашел монстра в туалете — единственной рукой тот отрывал от себя небольшие куски и смывал в унитаз. Зажав ладонью рот, алхимик быстро вернулся в коридор и спустился в лабораторию.

Весь следующий день он провел в вычислениях — как и предполагал ученый, заказ от такого клиента по определению не мог быть простым. Сложность оказалась в том, что запуганный лекарь при выведении формулы допустил несколько неточностей, и клиент нанял Кьерга для устранения именно этих существенных мелочей. Сконцентрировавшись, молодой человек погрузился в работу.

Поставленная перед алхимиком задача захватила его настолько, что жуткий посланник Насмешника просто вылетел из головы Кьерга. Вернуться к реальности ученого заставил отвратительный сладковатый запах гниющей плоти. Вычищать ванную комнату са-

мому Кьергу очень не хотелось, а потому он просто вызвал специалистов по утилизации, а сам даже не поднялся из лаборатории, перечислив необходимую сумму со своего банковского счета с помощью глобальной информационной сети.

Дни тянулись вялой вереницей: за судьботой — вошькрысенье, за вошькрысеньем — кромеденег, за гниюлем — гавгуст... До определенного момента все проходило гладко, однако, как только дело дошло до создания опытного образца лекарства, изыскания Кьерга зашли в тупик. Все подопытные крысы рано или поздно дохли. Чего-то не хватало, а чего именно, алхимик никак не мог определить. Самое неприятное, что он даже не мог понять, в каком направлении должны двигаться его мысли, чтобы определить и решить проблему. Периодические визиты посланцев Насмешника также выводили ученого из равновесия: то в окна стучался и скалился сотканный из летучих мышей череп, то в гости к молодому человеку блестящим шевелящимся клубком заползали змеи, своими телами вырисовывая на полу лаборатории гротескные и ужасные картины. Долгое время чародей не вламывался в сны Кьерга, что оставалось единственным утешением недавнего выпускника Университета Ликсена — столицы магического искусства.

Однако когда алхимик увидел волшебника, переступающего через порог его лаборатории, Кьерг совершенно четко осознал, что все, происходящее вокруг, — всего лишь сон. Еще до того, как одна из масок начала мерзко хихикать, молодой человек успел подумать, что неплохо было бы, если б весь этот заказ оказался не более чем кошмарным сном...

Пользуясь тем, что поводок был достаточно длинным, чтобы пройтись практически по всей лаборатории, голова на паучьих лапках умчалась в угол, где, хищно скалясь и урча, принялась кусать за нос пылившееся там чучело крокодила. Чучело недовольно

похрустывало на зубах жутковатого домашнего любимца Насмешника.

На руках чародей баюкал небольшой сверток розовых кружев. Видимо, племянницу.

— Вот, решил показать тебе эту маленькую прелесть, ради которой положено столько наших трудов, — волшебник откинул кружева с личика и слегка наклонил свою драгоценную ношу таким образом, чтобы Кьерг могу увидеть, что покоится у него на руках. Юноша вначале наклонился, чтобы лучше разглядеть ребенка, а потом резко отшатнулся.

— Это еще что за издевательство?! — голос его был полон гнева. Простынка и розовые кружавчики упали к ногам чародея, и Насмешник театральным жестом представил алхимику старую пластмассовую куклу без ноги и с вывернутой рукой, левого глаза у игрушки также не было, и из отверстия то и дело пыталась выбраться сороконожка. Волшебник без тени брезгливости постоянно возвращал извивающееся насекомое на место.

— О чем ты говоришь? — удивился маг, поглаживая куклу-инвалида по шелушащейся краске «волос».

— Какая это, к демонам, племянница?! У вас на руках просто пластиковый уродец! И к чему вы решили разыграть этот фарс?! — возмущению Кьерга не было предела.

— Фарс?! — зашипел Насмешник. Чародей взял юношу за плечи, а маска оказалась настолько близко, что алхимик кожей ощущал дыхание мага. Кукла беспомощно покатилась по полу. — А ты в курсе, сколько времени прошло? Сколько ты уже сидишь в своей скорлупе и не выбираешься на свет? А все это время моя бедная девочка мучается и страдает...

— Я... — Кьерг хотел было отстраниться, нечаянно задел маску, и та слетела с лица Насмешника. Под личиной трагедии скрывался гладкий, чуть желтоватый человеческий череп, кое-как облепленный мышцами. Между скалящимися зубами скользнул растрескавший-

ся и кровоточащий мясистый язык, из пустой глазницы свешивалась, извиваясь, толстая сороконожка...

Отпрянув, молодой человек понял, что его со всех сторон обдувает сильный ветер. Оглядевшись, Кьерг осознал, что обстановка вокруг него кардинальным образом изменилась, и теперь он находится не в своей комфортабельной лаборатории, а на крыше какого-то высотного здания. На самом краю. Стоит сделать один шаг, и...

— Один шаг — и ты в аду, — пророкотал Насмешник. Указательный палец больно ткнулся в грудь. — Запомни: у тебя *очень* мало времени.

Небольшой толчок, и алхимик полетел вниз...

Он очнулся в лаборатории. Левое предплечье было перетянуто жгутом, на столе лежал шприц, вскрытая колба и мятый листок бумаги. Очень надеясь ошибиться, объятый тихим ужасом, Кьерг понюхал колбу. Да, к сожалению, сомнений быть не может — он сам придумал этот препарат и закупорил вот в этой самой колбе, которая сейчас так небрежно валяется на столе... Трясущимися руками ученый развернул оставленную для него записку. Несмотря на скачущие по бумаге буквы, алхимик узнал этот почерк — записка была нацарапана его собственной рукой.

«Мой юный друг, будучи не совсем удовлетворенным темпом работ, я решил немного поспособствовать этому процессу с помощью препарата, который ты сам и разработал».

Совершенно опустошенный Кьерг попытался расслабиться и привести мысли в порядок, но получалось это с огромным трудом и с переменным успехом. Вначале его мысли метались от собственного неизбежного сумасшествия и послания Насмешника, написанного им самим, к бесплодным попыткам както из этого безвыходного положения выкарабкаться. Затем пришли апатия и опустошение. Ощущение было таким, будто сознание Кьерга укутали в вакуум, лишив всех без исключения чувств, — этакая своеоб-

разная сенсорная депривация. Он просто сидел и гипнотизировал стену напротив. Сколько времени это продолжалось, алхимик не мог даже предположить — ему это было неинтересно.

После этой вечности бездействия наступила очередь непреодолимого желания во что бы то ни стало разобраться с лекарством для девочки. Кьерг рассудил, что, если самому ему ничего уже не поможет, шанс спасти ребенка у него еще сохранился.

Следующие пять дней юноша провел в получивших новый виток исследованиях. Все это время Кьерг спал не более двух часов в сутки: тратить время на сон было жалко почти до слез. В разработке препарата он продвинулся очень далеко: ощущение было такое, будто прорвало плотину, и идеи рвались из ученого потоком настолько быстрым, что он едва успевал все записывать и сохранять на кристаллах памяти. Двери восприятия были распахнуты настежь, и единственной проблемой было осознание того, что в конце концов эти двери просто-напросто сорвет с петель...

Когда лекарство было готово, прошло тестирование с помощью компьютерного моделирования и первичные испытания на крысах, Кьерг бросил колбу с опытным образцом в рюкзак и решил немного передохнуть. Чувства удовлетворенности не было — была жуткая усталость да несколько галлюцинаций, мешавших уснуть, но с которыми в итоге удалось справиться.

Из сна его выдернул стук в дверь. Не совсем понимая происходящее вокруг, алхимик побрел по коридору. Без происшествий добравшись до входной двери, он уже протянул было руку к ручке, когда с той стороны вновь забарабанили. Скривившись, но даже не подумав поинтересоваться, кто там, за дверью, Кьерг отпер замок и потянул за рукоять. За порогом во всей своей красе стоял Насмешник. Без маски. С куклой на руках.

Едва дверь открылась, чародей вперил взгляд в юношу и одним резким движением оторвал кукле голову. Ученый поморщился.

— Как раз хотел к вам идти, — язык заплетался, и слова давались с трудом. — Проходите. Я сейчас принесу рюкзак...

Насмешник жестом остановил его.

— Она умерла.

— Когда? — казалось, весь окружающий мир потускнел. Кьерга принесли в жертву. Самым отвратительным для него была абсолютная ненужность этой жертвы. Если бы не укол, если б не чертов Насмешник с его проклятым заказом, алхимик продолжал бы беззаботно радоваться жизни, тем более что она, по сути, только-только начиналась, и начиналась притом так удачно...

— Вчера, — чародей насадил пластмассовую голову куклы на указательный палец. — За два дня до завтра...

В этот момент пластиковая голова моргнула единственным глазом, раскрыла рот, чтобы что-то сказать ученому, когда...

Из сна его выдернул стук в дверь. Не совсем понимая происходящее вокруг, алхимик, шаркая тапками, побрел по коридору. Каждый его шаг сопровождал какой-то странноватый сухой хруст — как будто идешь по яичной скорлупе... Хлопнув ладонью по выключателю и оглядевшись, Кьерг вскрикнул и с ходу запрыгнул на тумбочку: словно ковром, пол был покрыт толстым слоем кишащих и пожирающих друг друга насекомых. Судя по жвалам, разрывавшим панцири соперников, безобидными они совсем не были. Чудо, что ни одно из этих маленьких чудовищ не попыталось укусить его, когда алхимик в блаженном неведении шагал по темному коридору. С каждым мигом жуки вели себя все более и более агрессивно — карабкались по стенам, заползали внутрь тумбочки... Когда первые поганцы заползли Кьергу на ноги и спину, с дикими криками юноша принялся стряхи-

вать их с себя, однако насекомых становилось всё больше и больше, они волнами накатывали на такое небольшое возвышение, и вскоре жуки уже вовсю раздирали его кожу, их лапки и жвала пытались проколоть и поцарапать алхимика, добраться до его внутренностей... Вот уже один из жуков вцепился в правый глаз, и Кьерг попытался заорать от боли, но насекомые тут же заползли в раскрытый рот, и ученый захлебнулся так и не родившимся криком ужаса. Юноша был уверен, что вот-вот расстанется с жизнью, когда...

Из сна его выдернул стук в дверь. Без происшествий добравшись до входной двери, он уже протянул было руку к ручке, когда с той стороны вновь забарабанили. Скривившись, но даже не подумав поинтересоваться, кто там, за дверью, Кьерг отпер замок и потянул за рукоять. За порогом во всей своей красе стоял Насмешник. Без маски. С куклой на руках.

Едва дверь открылась, чародей вперил взгляд в юношу и одним резким движением оторвал кукле голову. Поморщившись, алхимик уже хотел было сказать, что он уже в курсе, что племянница мага вчера умерла, когда...

Из сна его выдернул стук в дверь. Ученый расхохотался, и его безумный смех, казалось, звучал уже на полпути к аду, когда...

Из сна его выдернул стук в дверь...

РАЗЛИТАЯ ВОДА

Снег да лед кругом. Господи, сколько льда... Лед и ветер, ветер и холод, пробирающий до жилки. Несколько дней шли дожди, и кубанская земля раскисла в жидкую грязь, по которой тащились и кавалерия, и пехота, и обоз с гражданскими и ранеными. А потом ударил мороз, и в лед обратилось все, что было вокруг: земля, измокшее платье, сабли. Одеяла на раненых покрылись ледяной коркой, которую с ужасом обнаружили сестры милосердия и сбивали потом штыками санитары.

Штабс-капитан Виталий Сулеев пошевелил онемевшими пальцами, огляделся зачем-то. Ничего нового — вокруг офицеры Второго конного полка Третьей дивизии полковника Дроздовского. Усталые, злые, в обтерханных шинелях, а позади темной змеей тянется остальная Добровольческая армия.

Подошел поручик Елагин, похожий на тощего рыжего кота лихорадочным блеском в глазах и впалыми под бакенбардами щеками.

— Огоньку не найдется, штабс?

— Извольте, — Виталий нырнул под шинель за спичками, которые держали теперь во внутренних карманах, чтобы не промочить. Достал заодно папиросу и себе. Елагин, щурясь, глядел вперед.

— Как считаете, штабс, выберемся мы из этого ледового царства?

Виталий жадно затянулся, выпустил сизый прогорклый дым.

— Выберемся, поручик. И будем давить красную сволочь дальше. Как вошь давить.

— Это вы точно сказали, — поддержал ротмистр Полянский. Большой, чернобровый, раньше плотный, налито-румяный, теперь он казался нездорово рыхлым. На Полянском была выменянная на самогон у черкесов генерала Эрдели казачья папаха, украшенная по нынешней погоде сосульками.

— Что точно? — обернулся к ротмистру Виталий.

— Точно вы сказали про вошь, — невесело хмыкнул Полянский.

— У вас личные счеты, штабс? — негромко спросил Елагин.

— У меня личные счеты, — отчеканил Виталий. — К пропивающему Россию быдлу.

Войско генерала Корнилова выступило из Ростова в феврале и до последних дней двигалось к Екатеринодару. А потом грянула новость — город уже занят красными, и придется поворачивать на юг. Теперь они ползут к Кубани, тяжко, медленно, будто каждый волочет с собой камень, и имя этому камню...

Красные налетели внезапно. Ордой, лавиной, пахнущей железом, кровью, немытым телом, орущей, стреляющей, гикающей. И оставалось теперь только рубить, не думая, не оберегая себя, не останавливаясь. Вокруг свистело и жахало, храпели кони и хрипели раненые, металл звонко сталкивался с металлом и глухо — с телом. Виталий рубил — с натугой, наотмашь, с плеча, заходясь ненавистью и гневом. Слева ротмистр Полянский с оттяжкой махнул саблей — надвое, от плеча до пояса, развалил кавалериста со звероватой цыганской рожей, в папахе с красным околышем. Виталий мотнулся в седле — справа налетал дюжий, наголо бритый здоровяк в кожанке, с разъявленным в крике ртом. Виталий ощерился, поднырнул под свистнувшую в воздухе шашку, колющим ударом свалил бритого с коня. Распрямился в седле, краем глаза успел заметить еще одного, русоволосого. И —

свет взорвался болью. Сабля вылетела из рук, Виталий почувствовал, как летит куда-то вниз, и мир вокруг кончился.

* * *

Витька очнулся от холода — колотило так, что зуб на зуб не попадал. Голова гудела, а больше вроде ничего — больно не было. «Подымайся, чего разлегся, как фон-барон», — сказал Витька сам себе и, оглядываясь, встал.

Кругом были мертвые. Мутный свет, не то утренний, не то сумерки вечерние, заснеженная равнина и мертвые. В офицерских шинелях, в тулупах, в кожанках, уже припорошенные белым. Витька сглотнул и помотал головой, отгоняя жуть. Атака была, сообразил он и вспомнил скачку до одури, перекошенные офицерские морды, сабельный звон. Контузило, значит.

Витька сунул было руку в карман и обнаружил, что кармана на месте нет. И кожанки нет, вместо нее на плечах у Витьки задубевшая, почти деревянная шинель. Мать честная, что за... В двух шагах, раскинув руки, с колотой раной на груди лежал навзничь бритоголовый дюжий красноармеец. Витька опустился на колени, стянул с того кожанку, матерясь, напялил на себя. Проморожена кожанка была еще пуще шинели, зато не белогвардейское тряпье.

До ближайшей станицы, Ольгинской, получилось часов семь ходу. А там Витьке повезло — в станице квартировал полк седьмой красногвардейской дивизии, его полк. И еще больше повезло, когда здоровяк-тротный Семка Михеев, дружок еще с Петрограда, облапил с криком:

— Сулеев! Живой! А мы тебя уж списали. Эй, братцы, глядите, комиссар вернулся! Где ж ты был, Витюха?

— Не помню... — тряхнул головой Витька. — В атаке контузило, ничего сейчас не помню, только как офицерье рубил.

И снова покатились вперед боевые деньки, покатились навстречу белой армии красные отряды. Все вокруг были свои, и все было правильно, и Витька легко встроился в привычный порядок, забыв о контузии — на войне контузии дело обычное.

Пленного взяли под Ново-Дмитровской, после жаркого боя, в котором полегла едва не четверть полка. Взяли — громко сказано, мальчишка отстал от своих, брел и крутил головой на тонкой цыплячьей шее. Он даже застрелиться не сообразил, обычно офицерье живым в руки не давалось. Мальчишку сгребли, связали руки за спиной и, подталкивая штыком для бодрости, погнали в станицу, в штаб.

— Это кто у нас такой? — поинтересовался Семка-ротный. — Витюха, ты допроси его по-грамотному.

Пленный же вытаращился на Витьку, будто у того рога выросли.

— Штабс... Откуда вы здесь?..

— Какой я тебе штабс, выродок ты белогвардейский? — спокойно, почти ласково спросил Витька.

— Штабс-капитан Сулеев, — как само собой разумеющееся ответил парнишка.

На допросе он ничего толкового не сказал, и Семка под конец бросил брезгливо:

— Даже стрелять жалко.

— А белая сволочь нашего брата жалеет?! — вскинулся Витька и в ответ на молчание ротного продолжил: — Не жалеет. И нам нечего. Под корень их всех. Галактионов! Васин!

На пороге штабной избы выросли фигуры бойцов.

— В расход!

— Витюха, ты мне вот что скажи... — задумчиво проговорил Семка Михеев, когда пленного вытолкали за дверь. — Как атака была, видал я у белых одного офицера. В упор видал — вот как тебя сейчас. На саблях с ним схлестнулись, а потом развело нас. Так вот — вылитый ты с лица. А теперь этот фамилию твою назвал. Откуда ему знать ее?

Витька сел за стол, уложил подбородок на кулаки и глянул на Семку хмуро.

— Брат у меня был. Похожий один в один, близнец.

— Почему был? Убили?

— Долгая история, — Витька крякнул, сплюнул на неметеный дощатый пол. — Мы с детства неразлейвода были. Куда он, туда и я. Нас и назвали похоже. Меня — Виктором, его — Виталием.

Витька замолчал, уперся взглядом в столешницу.

— И чего? — помог ротный.

— В германскую дело было, в начале еще. Отступали мы сильно, на флангах уже немчура, окружением дело пахло. И вот оставил полковник наш взвод — прикрывать. До вечера продержаться приказал. Выкосило всех, вдвоем мы с Виталькой остались. Но продержались, как велено было — до вечера за пулеметом. А как вернулись, полковник целовал обоих. Герои, дескать. Орден, мол, каждому, и офицерский чин.

— Ну а дальше, дальше чего?

— А дальше и орден был, Святой Анны, и бумага на офицерство пришла. Да вот какое дело — одному только. Может, в штабах попутали, может, еще что. Вот тут пути наши и разошлись.

— Как же так? — ахнул ротный.

— Да так. Тиф меня свалил тогда. Не помню ни черта, как было. С тех пор один раз его только и видал, в Петрограде, юнкерами он, гнида, командовал. Столкнулись, можно сказать, лицом к лицу, на Суворовском. Шмальнул в меня братишка мой, вражина белогвардейская. В упор из трехлинейки шмальнул, так-то вот.

Скачка бешеная была, горячая, в лоб добровольческому конному эскадрону несла она за собой Витьку. Он чувствовал, что почти летит, орал на скаку. Не долетел — грудью нарвался на пулю. Запрокинулся, завалился с коня, головой грянулся оземь. И мир померк.

* * *

Над головой было бело, и стоял вокруг монотонный полушум-полушепот. Виталий хотел заговорить, спросить все, но из пересохшего рта высыпалось только:

— Где?..

На лоб легла прохладная рука.

— Тише, голубчик. Вы в госпитале. Это станица Петровская.

В госпитале. Значит, ранен. Наплыло откуда-то воспоминание: он ползет, стискивая зубы, чтобы не кричать. Ползет, падает лицом в жирный кубанский чернозем, и тот одуряюще пахнет весной, парной землей... Долго, бесконечно долго это было, а сколько времени на самом деле прошло — неизвестно.

Затормошили, защипало в груди, дали проглотить что-то горькое, и снова навалился вязкий сон. В следующий раз Виталий очнулся более основательно и начал оглядываться. Выбеленные стены, ширмы, койки, и на соседней — поручик Елагин, еще более тощий, но блеска в глазах не утративший.

— С возвращением, штабс, — ухмыльнулся Елагин и на непонимающий взгляд Виталия добавил: — К живым.

— Спасибо. А вы какими судьбами сюда?

— Обычными. Поймал пулю, загремел в лазарет, потом, как водится, в госпиталь, — махнул рукой Елагин. — Ну а вы, штабс, где вас носило?

— В каком смысле «носило»? — удивился Виталий.

— Вы исчезли под Ольгинской. Ротмистр Полянский своими глазами видел, как вы падали с коня. А потом три недели вас не было. Ни в полку, ни в полковом лазарете вас не видели.

Три недели?.. Виталий судорожно пытался вспомнить. Ничего. Кроме того, что полз куда-то недавно, раненный, ни воспоминания, ни даже обрывка — пусто было. Виталий покачал головой.

— Рад бы вам ответить, поручик. Только я сам ничего не помню... Должно быть, казаки подобрали. В беспамятстве.

Менялись дни, менялись перевязки, лица сестер милосердия в косынках под подбородок стали знакомы до родственности и руки узнаваемы по прикосновению.

Елагин отчего-то взял манеру внимательно разглядывать сослуживца, когда думал, что тот не видит. Както раз Виталий не утерпел.

— Поручик, я ведь не барышня неглиже. Что вы меня рассматриваете?

Елагин замялся.

— Понимаете, штабс, в последнем бою мне примстилось кое-что странное...

Виталий поднял бровь, и Елагин продолжил:

— Я видел кавалериста, похожего на вас, как две капли воды. У красных, когда они шли на нас конной лавой.

Виталий посмурнел, уставился в потолок. Затем вновь обернулся к Елагину.

— Это долгая история, поручик. Долгая и малоприятная. Когда-то у меня был брат-близнец. Возможно, он и сейчас жив, но я считаю — брата у меня нет больше. На войне наши пути разошлись, а после Виктор подался к голодранцам. Последний раз мы с ним виделись в Питере, на Суворовском, он командовал матросней и всяким сбродом. Там он стрелял в меня. Из нагана... — Виталий прикусил губу и замолчал.

— Простите, штабс. Не хотел напомнить вам... — смутился Елагин.

Больше поручик не задавал вопросов и оценивающе приглядываться к Виталию перестал.

Наступило лето. Офицеров выписали из госпиталя одновременно. На казацкой подводе двинулись они догонять Добровольческую армию. Запряженная дву-

мя ледащими клячами подвода медленно тащилась по просёлку. Возчик, вислоусый, дряхлый под стать лошадям дед в выцветшей папахе, клевал носом, похрапывал. Виталий, вытянувшись на спине, жевал травинку, размышлял о невесёлом. Брат Витька... Виталий однажды едва не застрелил вестового, доложившего, что видел его в компании полковых смутьянов-агитаторов. Дрянь, быдло, красная сволочь. Продал Россию и пропивает её в кабаке вместе с этими.

На кавалерийский разъезд подвода нарвалась за огибающим речную излучину проселочным поворотом.

— Красные, — ахнул поручик Елагин.

С двадцати шагов грохнул выстрел. Возчик запрокинулся, выпустил вожжи, повалился навзничь.

Виталий, ухватив винтовку за цевье, скатился с подводы, едва зажившая рана в боку взорвалась болью. Под треск выстрелов Виталий пополз вдоль колесной оси, выглянул. Восемь всадников стремительно приближались. Слева тонко вскрикнул и сразу затих Елагин. Виталий вскинул ствол навстречу припавшему к конской холке бородачу в мышастой кацавейке, но выстрелить не успел. Всадник, вывернувшийся из-за подводы справа, изогнулся в седле. Свистнула шашка, удар плашмя в затылок вышиб сознание.

* * *

Витька пришел в себя от того, что в лицо плеснули холодной водой. Разлепил глаза, увидел над собой незнакомую угрюмую рожу, разглядел красный бант на гимнастерке и обрадовался: свои.

— Вставай, морда белогвардейская!

Витька повел глазами из стороны в сторону, но вставать было больше некому. Жесткий носок кирзового сапога с маху заехал под ребра.

— Что, оглох, сучье благородие?

Витька скрежетнул зубами от боли, сдержал стон.

— Ты что, гнида? Комиссара ногой лупцуешь?!

— Комиссара? — хохотнул обладатель угрюмой рожи. Витьку ухватили за ворот, вздернули и ткнули в плечо, в боку вновь взорвалось болью. — Ну-ну. Шагай, сволочь золотопогонная.

Витька смолчал. С полчаса топали по разбитой войной деревне. Потом распахнулась дверь уцелевшей избы на окраине, Витьку толкнули вовнутрь.

— Заходь, благородие! — пригласил рассевшийся за ветхим столом мордатый усач. — Ну, рассказывай. Как звать, с какого полка, сколько в том полку сабель. Что притих? Забыл, паскуда, как наших допрашивал?

— Товарищ, — сказал Витка проникновенно. — Ты ошибся, товарищ. Меня зовут Виктор Сулеев, я комиссар Красной армии... Слушай, Семку Михеева прикажи разыскать. Комроты он в четвертом полку и дружок мой закадычный.

— Ну, ты наглец, — удивился усатый. — Михеева, говоришь? А шинелишку офицерскую тебе тоже Михеев выдал?

Витька понурился. Происхождение шинели он объяснить не мог.

— Павлов, Семеренко! — позвал усач. — А ну суньте этого «комиссара» в погреб. Пускай помучается ночку. Как рассветет — в расход его!

Витьку столкнули в погреб, крышка люка над головой захлопнулась. На ощупь Витька нашел лавку у стены, опустился на нее и закрыл глаза.

Умирать не хотелось. Совсем. Одно дело в бою — там пулю поймаешь и не заметишь. А тут... И не в том дело, что страшно. Обидно было, что вот так, дуриком, свои же шлепнут. А еще оказалось, что умирать жалко. И неба жалко, на которое не насмотрелся, и пичуг, чириканья которых не наслушался. И даже черемухи, которую Витька терпеть не мог, было жалко. Маруську жалко — пропадет, дура образованная. Подобрал ее Витька в Петрограде. Маруська тогда шла по Невскому и ревела, даже слез не вытирала. Оказалось — гимназистка, маму-папу убили, квартиру ре-

квизировать собрались. Витька тогда вместе с Маруськой двинул в домком и кузькину мать уполномоченному показал. Да и сам остался заодно. Сначала просто так остался — приглядеть за дурёхой. А потом... Витька зубами скрипнул, когда припомнил, как пахнет Маруськин затылок по утрам.

Ох, тошно... Последний раз было Виталию так тошно в Новочеркасске. Он выписался из госпиталя в тот день, когда пришла новость о том, что император отрекся. Город пестрел синими фуражками и багровыми рябиновыми гроздями, хныкал мелким дождем. Виталий шагал по Троицкой площади и недоумевал: как же так, почему мир в одночасье перевернулся...

Что за чертовщина? Он ведь не был ни разу в Новочеркасске. Витька помотал головой. С чего бы ему, красному комиссару, о государе императоре переживать? Ему белых рубить полагается, рубить этих гадов, вражин этих, иуд...

На ум пришла Катенька, черноглазая сестра ротмистра Полянского. Она всегда смотрела на Сулеева с восхищением и забавно протягивала букву «а» в его имени. У Виталия же в ее присутствии слабели пальцы. Как-то раз он трижды пытался поднять с пола Катенькин платок, а тот выскальзывал...

Да что же это?! Какой ротмистр, какая еще Катенька?.. Витька знать ее не знал. Но вот же — вспомнил. Память как вода. Как вода, в два стакана разлитая. И весь он, Витька, как разлитый на два стакана.

Вспомнился Суворовский проспект, с его лепными фасадами, стычка с матросами... Узкий двор, где брат бежал навстречу. Глаза чужие, злые, холодные. Выхватил наган... Трехлинейку же! Трехлинейку он вскинул, выстрелил, но Сулеев вперед успел. Брат повалился, и Сулеев бросился к нему, рядом упал, на колени. И видел уже, чувствовал, как жизнь из того вытекала. Как в песок — уходила половина Сулеева, и ничем было ее не задержать, не поймать. Как вода — вливалось в него что-то иное, новое и притом знакомое...

— Не умирай, — умолял Витька. Или Виталий. Нет, Витька же! Виталий! Витька!

Пленный схватился за голову. Он не знал. Не помнил, кто он такой. Его благородие штабс-капитан Сулеев или красный комиссар товарищ Виктор. Или... или оба.

Погребной люк внезапно распахнулся.

— Где он? — узнал пленный голос ротного Семки Михеева, затем по полу зашарил фонарный луч, уперся в лицо.

— С ума посходили?! — загремел Семка. — Комиссара решили шлепнуть?

Михеев, бранясь, спрыгнул вниз.

— Витюха! — радостно забасил он. — Живой! Вовремя я успел.

Сулеев вскинулся с лавки навстречу и медленно опустился обратно. Кто же он? Витька или Виталий? Неважно, понял он вдруг. Неважно кто. Кто бы он ни был, он — злодей, братоубийца, Каин.

— Витюха, да ты чего скуксился? — басил Семка.

Витька поднялся. Медленно, чеканя слова, выдохнул незваному спасителю в лицо:

— Я — штабс-капитан Второго Конного полка Добровольческой армии Виталий Сулеев. Понял, ты, быдло?!

ЕЧКО-БРЕЧКО

Говорят, что умирать страшно только в первый раз, — шепчет хмурый дед, хватая меня за руку и преданно заглядывая в глаза. — Брешут скоты.

Вежливо отмахнувшись от очередного сумасшедшего на моем жизненном пути, продолжаю идти дальше. Протискиваюсь сквозь толпу, поднимаюсь на эскалаторе, пытаюсь вспомнить цель своего путешествия.

Что-то брезжит на периферии сознания. Что-то очень простое и очевидное, но мне не удается это ухватить. Это как с правилами русского языка. Они все просты и понятны, но я до сих пор путаюсь в «не» и «ни» и много еще в чем.

«Вспоминай, — говорю я себе, пытаясь успокоиться. — Начни с простого: откуда ты пришел?»

«От Алинки, — отвечаю. — Сидел и рассматривал фотографии с нашей последней poker-party, как высокопарно именует Сереженька посиделки в прокуренной комнате со стершимися фишками и замусоленными картами. Алинка один раз побывала и заявила, что можно устроить замечательную фотосессию. И уже на ней ругала на чем свет стоит комнату, в которой невозможно приткнуть вспышку, и нас — за то, что отвлекаемся и ведем себя неестественно».

«Ну это ты молодец, что вспомнил», — продолжаю разговор сам с собой и постепенно успокаиваюсь. Человек, который столько подробностей оставил в памяти, просто не может быть сумасшедшим.

«Еще какой молодец, — подтверждаю. — А потом мне позвонили, и я поехал».

«Кто позвонил?»

И все. Тишина в ответ.

А ведь важный звонок был, на сто процентов уверен. Какой-нибудь вопрос жизни и смерти, не иначе.

Чьей?

— Брешут скоты, — повторяет дед, возникший из ниоткуда. Оставшись позади, он умудрился оказаться впереди меня и теперь, ухмыляясь, стоит и ждет, когда я поднимусь.

А когда доезжаю, толкает меня, смеется тонким противным голосом и разве что не пританцовывает, пока я лечу сквозь расступающихся людей...

...пан Вроцлав сошел с ума на пятьдесят пятом году жизни. Долгое время ходил, изнывал от безделья, смотрел на детей и внуков, а потом двинулся умом.

Сразу и без вариантов.

— Ечко-бречко! — сказал он родным, подхватил посох, пару краюх хлеба и вышел из дома, чтобы больше никогда не вернуться.

Справедливости ради, остановить его никто не пытался. Пан Вроцлав имел нрав хмурый, руку твердую, а мышление косное, потому родные только вздохнули спокойно. Решили — пускай проваливается на все четыре стороны или какие еще, если найдет. С сумасшедшего спрос небольшой, а то, что мог — дом, да небольшой участок земли, — он уже и так отдал.

Ечко-бречко, пан Вроцлав! Ечко-бречко!

Поговаривали, что недалеко он ушел. Разбойникам приглянулась добротная одежда, которую хмурый пан отдавать просто так не хотел. Вот и убили, но, как выяснилось, не совсем. Ночью из оврага близ Гданьска выбрался бородатый, сердитый и совершенно голый пан Вроцлав. Поднял руку, потряс ею в порыве гнева, словно грозил самому небу или еще кому.

Сплюнул, пробурчал свое любимое — «Ечко-бречко...» — и пошел дальше.

Но мало ли что поговаривали.

«...какой бред», — успел подумать я, прежде чем удариться головой о пол.

В следующую секунду я открыл глаза и увидел родную комнату и родной же диван, с которого умудрился свалиться и теперь возлежал на полу, запутавшись в одеяле.

«Это что получается? — поинтересовался я у рациональной части своего сознания. — Вот такой вот дурацкий сон случился? Сначала сумасшедший дед, а потом сумасшедший пан? К чему, кстати, снятся психи и не заразно ли это, особенно через сон?»

Рациональная часть ничего отвечать не стала. Сказала, что такое количество свалившихся на нее вопросов она будет переваривать еще пару лет и только потом даст ответы. На все и сразу, а если повезет, то и в нужном порядке. В общем, просветление в одночасье мне не грозило. Вместо этого пришлось обратить внимание на телефон, который скребся об пол.

— Алло?

— Привет. Не хочешь сегодня в покер поиграть? Алинка обещала пофоткать.

«А разве не уже?» — хотел было спросить я, медленно холодея и чувствуя, как телефон и бурчащий в нем Сереженька становятся какими-то далекими и ирреальными. Но тут рациональная часть, вздохнув, все же вылезла из своего удобного мирка, который она обустроила где-то на задворках моей души.

— Конечно, а во сколько?

— Ориентировочно в семь, но, может, кто-то припоздает.

— Ладно, до встречи.

Телефон вернулся на пол, я и одеяло вновь оказались на диване, а рациональная часть сознания вер-

нулась туда, откуда пришла. Отсутствовало только ощущение реальности происходящего, а его очень не хватало.

— В конце концов, ничего страшного не произошло, — сказал я. — Ну, приснился тебе вещий сон, ну, с кем не бывает? Конечно, до четверга еще далеко, да и дождей уже давно не случалось, но это же не отменяет того, что тебе мог присниться вещий сон? Вполне себе бредовый, сумбурный и непонятный. Им так положено, чтобы люди мучились, расшифровывая, а не просто так, на блюдечке, знание о будущем получали. В твоей жизни и похлеще происшествия случались. И ничего, жив же.

Про «происшествия похлеще» я, разумеется, привирал. Чего не сделаешь, чтобы успокоить грозившее пошатнуться сознание.

И ведь помогло. Встал, оделся, собрался неторопливо и пошел гулять по улицам. До покера еще было время, которое я вполне мог позволить себе провести под сентябрьским ветром в компании Франка Дюваля и падающих листьев. Перед выходом из дома, помнится, посетила предательская мысль, что там, на улице, легко можно встретить этого сумасшедшего деда. Пан Вроцлав он или не пан — значения не имело. Но я подавил этот малодушный позыв спрятаться в четырех стенах и носа не высовывать. С такими мыслями надо держать ухо востро. Один раз поддашься, а потом будешь делать это все чаще и чаще.

И ожидания меня не обманули. Я спокойно прогулялся, хотя и оглядывался поначалу, выискивая следы своего вещего кошмара. Все было прекрасно и даже сверх того: погода, как нарочно, решила побаловать меня прекрасным солнечным утром; кофе из автомата в торговом центре согрел сердце, а сигареты выжгли страх; прохожие на улицах постоянно улыбались друг другу, да и мне тоже.

В общем, к моменту, когда я пришел играть в покер, все было уже в полном порядке, насколько вообще это слово применимо к человеческой жизни.

И хотя Алинка так же, как в воспоминаниях внутри сна — откуда, кстати, во сне могут быть воспоминания? — ругалась на все и вся в попытках пристроить вспышку, а мои друзья-товарищи вели себя согласно розданным им в прошлый раз ролям, карты мне приходили абсолютно другие. Это, пожалуй, являлось наилучшим доказательством того, что реальность не собиралась полностью повторять сон.

Однако расслабился я зря. История не была рассказана до конца.

Второй раз старикан повстречался мне через месяц. Уже был неспокойный октябрь, который никак не мог определиться: стоит ли ему быть дождливым и ветреным или можно порадовать напоследок жителей теплым солнцем. В итоге он просто чередовал дни, не в силах остановиться на чем-то одном.

В этот самый октябрь я вновь куда-то шел. Вернее, я вновь шел откуда-то. От Сереженьки, которому оказывал первую компьютерную помощь. Болезни его избегали, но в качестве компенсации старенький комп Сереженьки постоянно превращался в рассадник вирусов. Какое-то время они мирно сосуществовали, никому не мешая, но потом кто-то нарушал паритет, и начинались боевые действия вплоть до ввода миротворческих сил в лице меня или кого-нибудь другого, сведущего в таинственном шаманстве над техникой.

И вот, покончив с хворями и получив свои законные две бутылки импортной «Крушовице», я шел довольный жизнью, сегодняшним солнечным октябрем, пивом и предстоящим просмотром чего-нибудь светлого и радостного из той огромной коллекции фильмов, которая лежала для «посмотреть» и все время страдала из-за отсутствия у меня времени.

Страдать ей пришлось и сегодня.

Сумасшедший дед, вынырнувший из-за угла, улыбнулся мне, от чего пиво разом потеряло вкус, а солнце будто поблекло. Затем неторопливой походкой, словно зная, что я никуда не денусь, старик заковылял в мою сторону.

Почему я в тот момент не побежал — не могу сказать. Не то чтобы я разом превратился в любителя сумасшедших стариков или в очередной раз решил послушать о том, что «брешут скоты» или еще что-нибудь вроде «ечко-бречко». Да, я испугался, но остался стоять не из-за страха.

Просто я ясно и отчетливо понял, что могу убежать от старикана и бегать еще очень долго. Он не всемогущ, и понадобится какое-то время, чтобы разыскать меня. И так мы можем с ним играть в прятки до тех пор, пока однажды кто-то из нас не умрет. Причем шансов у меня куда как больше.

Это как поход к стоматологу. Можно сколько угодно бояться. Можно бегать и мужественно стискивать зубы от боли. Но если не набраться смелости и не пойти лечиться, то рискуешь лишиться зубов и провести кучу времени, страдая.

Я не люблю стоматологов, но боли я боюсь больше.

...мы идем в сторону набережной мимо заброшенных детских садов и недостроенного теннисного центра. Я знаю эту дорогу, и здесь некуда больше идти.

Мой спутник что-то бормочет, двигаясь чуть впереди. Я не слушаю его, потому что эти слова и не предназначены для того, чтобы слушать. Они нужны, чтобы заполнять вакуум. Чтобы не случилось тишины. Той, которая от слова «гнетущая».

Так и шагаем.

И на душе легко. Не спокойно, а именно легко. Трудное решение принято, первый шаг сделан, и ты попросту шагаешь, чуть усмехаясь своим собственным

страхам и сомнениям. Так и хочется сказать: «Ну, вот и все, а ты боялась — даже юбка не помялась». Когда-то это у меня любимая присказка была.

Но я не говорю.

Потому что пока еще не «все». Далеко не.

Вот уже осенняя набережная. Безлюдная. Лишь невесть откуда принесенные листья, песок, галька и мусор. Последнего, кажется, вдвое больше, чем всего остального вместе взятого. Впрочем, в какой-то момент привыкаешь.

Набережная — самое место для прогулок. Тем более что нет дождя, и солнце пригревает нас последним оставшимся в запасе теплом. Моему спутнику, правда, на это наплевать, а у меня нет сил, чтобы радоваться. Все они уходят на то, чтобы поддерживать состояние «легко». Нелегко, чтобы все было легко.

Дурацкий каламбур, как я сам считаю.

И вот мы на причале. Двигаемся в сторону реки. Далеко-далеко уходим до того места, где летом мальчишки прыгают в воду так, чтобы «сразу в глубину». До того места, про которое им рассказывают, что там можно напороться на арматуру. До того места, где действительно напарываются.

Я, собственно, знаю, зачем мы идем. Знаю, но стараюсь не думать об этом. Просто иду и оказываюсь уже впереди деда.

Успеваю лишь краем глаза заметить, как метко брошенная галька летит мне в висок.

Тело переваливается через поручни, помнящие тепло миллионов касавшихся их рук.

Вглубь...

После того случая пана Вроцлава еще не раз пытались убить. А он вставал и шел.

Был нещадно бит плетьми, повешен, изрублен саблями, утоплен, сожжен, умирал от пыток.

Но все без толку.

Лишь стоило ему остаться в одиночестве, быть погребенным, развеянным по ветру, погруженным в воду — он снова вставал, грозил кулаком, бормотал «Ечко-бречко...» и шел дальше.

Куда? К морю.

Никому и никогда не рассказывал он, почему держит путь именно к морю, потому причины искать бесполезно. Кому все же неймется — стоит напомнить, что пан Вроцлав сошел с ума. Это ли выступило движущим мотивом или нечто иное — значения не имеет. Куда больше важен тот факт, что все пути когда-нибудь заканчиваются.

Вот и пан Вроцлав, успевший умереть несколько десятков раз — порой возникало ощущение, что каждый встречный сразу же хочет его убить, — вышел к морю.

— Ечко-бречко! — сказал ему пан Вроцлав. — Ечко-бречко!

— Фшшшх... — ответило море накатом волн. — Фшшшх...

Если бы кто-нибудь в этот момент наблюдал за паном, то заметил бы, как лицо его, напряженное и осунувшееся, разгладилось в один момент. Губы растянулись в улыбке, а сам вид стал настолько умиротворенным, что представить, будто этот человек встречался со смертью много раз, было невозможно.

— Ечко-бречко-фшшшх, — шептал он, щурясь от заходящего солнца, которое било прямо в глаза.

— Фшшшх, — поддакивало море...

— Эй, ты чего разлегся? — спросила Алинка.

— А и вправду, чего это я? — поинтересовался тоже на всякий случай. Обнаруживать себя в привычных декорациях после непривычных смертей и последующих галлюцинаций, кажется, начало входить в привычку.

— То есть не знаешь? — уточнила она на всякий случай. — Мы смотрели фотки, потом я кофе пошла

делать, возвращаюсь — ты спишь. Я все понимаю, искусство — скучная штука, но обычно ты проявлял больше такта. — Алинка нахмурилась и рассеянно провела по волосам.

— Я и сейчас его проявлю, — кивнул я, поднимаясь с дивана. — Ты только напомни, что за фотки? С покера?

Честно говоря, перспектива того, что последний месяц жизни мне приснился, радовала не очень. Приятно, наверное, исправить совершенные ошибки, вернувшись в прошлое, но этих ошибок у меня не было.

— Какой покер? Я ему, понимаешь, демонстрирую свою концептуальную коллекцию «Люди и надписи на стенах», а он все про покер.

— Прости. В последнее время фигня какая-то происходит в жизни. Метафизический бред, если так можно выразиться.

— Можно. Вот и выразись. Расскажи, мне же интересно, — карие глаза смотрели с какой-то обидой. Будто бы говорили: «Ну кому ты еще расскажешь, а?»

Это правда. Больше некому. Алинке интересно все, что не вписывается в рамки «обыденной жизни». Мы по этому поводу и дружим, хотя глупость, конечно, считать, что для дружбы требуется повод. Тем не менее на почве неприязни обыденной жизни мы и сошлись. Все не как у людей — это про нас, ага.

— Расскажу, — решил я. — Только ты кофе все же принеси. И заодно глянь в Интернете, что значит по польски «ечко-бречко».

— А это что-то значит?

— Пока не знаю. Глянь.

— Ладно, — согласилась Алинка.

И тут же ткнула «мышкой» в иконку браузера, крутанулась весело на своем кресле цвета размазанной палитры и убежала на кухню, громко топая по паркету. Я же остался посреди разбросанных тут и там картин, кистей, фотоаппаратов и вспышек. Твор-

ческий беспорядок во всей красе. Точно такой же, как и тот, что царил сейчас в моей голове.

Я пытался понять: что же должно было символизировать пришествие пана Вроцлава к морю? Обретение покоя? Долгожданный смысл жизни? Идеальный собеседник?

Ответов не было, но я не отчаивался. Вряд ли рассказанная история содержала столь поверхностное толкование. В том, что толкование вообще есть, я был уверен. Внезапно меня охватил азарт, как в те минуты, когда я смотрел захватывающий фильм или читал интересную книгу.

Интрига. Во главе всего этого должна быть интрига.

Если ее нет — это будет несправедливо. Жизнь полна несправедливости, но уж странный дед, рассказывающий историю посредством убийства, должен был быть справедливым, иначе я ничего не понимаю в этом мире.

— На, — Алинка протянула кофе. Оказывается, я задумался и не заметил, что она уже давно вернулась. — Нету такого слова. И по отдельности этих слов нет. Метафизический бред, все как ты сказал.

— Вот, — подтвердил я. — Именно что.

А затем без утайки рассказал во всех подробностях историю пана Вроцлава и все то, что ей сопутствовало. Выговорился, выдохнул, выпил кофе. Кажется, потихоньку отпустило.

— Он еще придет, — безапелляционно заявила Алинка, падая на оставленный мною диван.

— Это почему еще? История же вроде закончилась. Пан к морю пришел. Пан море нашел. И все такое.

— Потому что подобные встречи не происходят два раза. Все эти магические законы цифр. Даже вспомни сказки — всегда три препятствия или три выбора. Двух не бывает.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — напомнил я.

— Это из другой оперы, — отмахнулась Алинка и зевнула. — К тому же, видишь, именно что «двум не бывать». Ферштейн?

— Ферштейн, — кивнул я. — И что же надо будет делать? Умирать? Я не хочу. А вдруг в третий раз — по-настоящему?

— Главное — понять, что он хочет сказать тебе, этот дед, который наверняка и есть пан Вроцлав.

— Я бы лучше попытался понять, почему он выбрал именно меня.

— Все беды человеческие от завышенной самооценки, — снисходительно пробормотала Алинка, а затем приподнялась и начала отчитывать меня так, будто бы я вздумал сказать, что Земля — плоская. — Ну пойми, ничего в тебе особенного нет. Уж можешь мне поверить! Я приглядывалась

— Тебе — могу. А почему ты ко мне приглядывалась? — заинтересовался я.

— Вот и верь. — Вопрос остался проигнорированным. — А то удумал тут. Как что в жизни происходит, так — ох, я такой особенный. И это вместо того, чтобы понять, что произошедшее с тобой — случайность. Сочетание множества факторов, в которых, конечно, есть твое участие, но не настолько большое, чтобы считать, будто все произошло именно из-за этого. Теперь понял?

— Теперь — да. Спасибо.

Я ощутил, что меня подотпустило. Все же порой приятно узнать, что ты абсолютно такой же, как другие люди. Да, существуют различия. Физиологические там, психологические, интеллектуальные и все такое, но это не отменяет того, что ты человек. Сотни миллионов людей по всему миру желают оказаться «особенными», а меня сейчас радовало то, что произошедшее не нужно толковать каким-нибудь расположением звезд на небе в день моего рождения.

Заурядный был день, если честно. И я вполне заурядён, чего бы там из себя ни корчил.

Пока я предавался этому порыву самоуничижения, Алинка, видимо, чего-то придумала. Сидела и теребила край покрывала на диване.

— Давай по порядку, — сказала она, заметив, что я мыслями вернулся-таки в комнату.

— Давай. И каков он, этот порядок?

— Ты встретил деда. Он тебя убил.

— Хотя кусок мяса я не ел, да и не любил он меня, — воодушевленно добавил я и тут же устыдился под ее скептическим взглядом. — Извини. Нервы.

— Так вот, встретил ты деда. Уже два раза. Оба раза тебя убивали и показывали какое-то странное кино. Знаешь, мне кажется, он хочет что-то для себя, а не для тебя. — Гениальности этого вывода оставалось только позавидовать, и, видимо, это отразилось в моем взгляде, потому что Алинка поспешила пояснить: — Ну, то есть не мечтает одарить тебя неким мистическим знанием, передать секрет бессмертия или научить, как правильно жить. Какое ему до тебя дело? Ему важен он сам. Видимо, старик хочет, чтобы ты сделал что-то для него полезное.

— Умер вместо него? — поперхнулся я.

— Откуда я знаю? Думай сам. Он не придет ко мне вместо тебя.

— Это уж точно, — кивнул я и принялся допивать остывший кофе.

Больше в тот вечер мы об этом не разговаривали. Алинка слишком деятельный человек для того, чтобы концентрироваться долгое время на чем-то одном, кроме, разве что, фотографии. Еще одно из множества ее замечательных качеств. Порой я думаю, что именно она, пожалуй, лучше всех подходит мне в качестве постоянной спутницы жизни. Но потом я напоминаю себе, что неизвестно, как все может обернуться, а друга терять не хочется, и усилием воли запихиваю подобные мысли поглубже.

Тот разговор многое разложил по полочкам. Я понял, что происходящее — нормально. Местами не-

обычно, местами странно, а местами страшно до жути, но нормально. И конец этого «приключения» пусть и терялся в тумане, но, по ощущениям, зависел целиком и полностью от меня. А это, что ни говори, приятно — быть хозяином собственной судьбы.

И следующие две недели я сначала со страхом, затем с любопытством, а после уже с нетерпением ожидал встречи с паном Вроцлавом. Это чувство было сродни тому, какое порой возникает, когда ждешь звонка после собеседования. Поначалу боишься, что тебя не возьмут. Потом наступает чувство расслабленности — уже не так волнуешься за результат. И под конец жаждешь получить какой угодно ответ, пусть даже отрицательный, лишь бы его дали.

Правда, была одна существенная разница. Если в случае со звонком можно было попросту забыть и проходить собеседования дальше, то с паном, как я подозревал, такой фокус не пройдет. Он непременно напомнит о себе. Ведь мы с ним были чем-то похожи. Я пока не мог до конца определить чем именно, но внутренне ощущал, что именно здесь и кроется разгадка происходящих событий.

Несмотря на все ожидания, мыслей: «Ну и что же я буду делать?» — не было и в помине. По какой-то неведомой причине я избегал размышлений на эту тему и попросту ждал встречи.

Потому что не знал «зачем».

В общем, я не сделал ничего для того, чтобы подготовиться к встрече с паном Вроцлавом. А потому, когда он сел возле меня в кинотеатре, где я терпеливо ждал начала фильма, в голове вдруг что-то щелкнуло, и разом пропали все мысли.

Белый лист перед глазами, а сквозь него проступает напряженный взгляд старика.

...я смотрю на него и вдруг понимаю, что он тоже боится. Ждет от меня чего-то и боится, что это «что-то» окажется пустышкой. И от этого чужого страха я вдруг успокаиваюсь, и одновременно с тем к горлу подступает ответственность.

— Здравствуйте, — говорю я, сглатывая засевший внутри ком.

Пан молчит. Сверлит глазами, гипнотизируя. В зале гаснет свет, на экране уже что-то показывают, вокруг шуршат пакетами люди — все это проходит мимо меня.

Нет ничего, кроме сияющих глаз пана Вроцлава. И в них для меня тоже начинается фильм. Откуда-то приходит понимание, что сам старик этого не видит. Поэтому я начинаю рассказывать вслух все, что вижу, слышу и чувствую...

Пан Вроцлав больше всего опасался не сделать самое важное в своей жизни. Что именно — он не знал и сам. Но понимание, что в любой момент может прийти смерть и самое важное дело не состоится, — повергало его в трепет. В ответ он надевал маску сумасбродства, чтобы никто не заметил прятавшийся внутри страх.

Так и жил, пока однажды не нашел слова, которые идеально подходили для того, чтобы отпугивать смерть. Вместе с этим бессмысленным сочетанием букв пришло и осознание, что теперь он не умрет.

От радости пан Вроцлав сказал «Ечко-бречко» и сошел с ума.

И потом, на пути к морю, сам того не подозревая, он искал не успокоения, а доказательства, что все это было не бессмысленно. Умирая, воскресал и твердил все время одно и то же как заведенный.

Теперь все должно было стать «как надо». Эта мысль свербила внутри, ерзала, пытаясь устроиться внутри мятежной души, но никак не получалось. И пан

Вроцлав шагал дальше, веря, что есть место, где он обязательно успеет сделать то, что от него ждала жизнь.

Но даже море не принесло ожидаемого успокоения. Он понял, что все равно не успел сделать самое важное — прожить жизнь, ибо ворвался в круговорот смертей и воскрешений. Пан Вроцлав забыл: кто он есть и ради чего жил. Все то, что он так старался успеть, оказалось задернуто пеленой безумия.

А смерть по-прежнему казалась ему самым страшным, что может произойти.

Ечко-бречко, пан Вроцлав. Ечко-бречко.

— ...дурак, — говорит старик, по лицу которого текут слезы. — Дурак, да?

Я не отвечаю. Ему не так уж важны мои слова. Он разговаривает сейчас с тем, кто остался в прошлом. Им есть о чем поговорить друг с другом.

— Ечко-бречко! — выплевывает пан Вроцлав. — Не успеть? Живи, люби, твори, успевай. Ечко-бречко! Ешь, пей, спи! Спи! Спи!!!

Последние слова он выкрикивает. Руки старика — неожиданно твердые и сильные — сжимают мое горло. Лицо его превращается в зловещую маску. Все вокруг темнеет и теряет очертания. Границы реальности начинают сжиматься.

«Ечко-бречко...» — успеваю подумать я...

Когда я открыл глаза, то обнаружил себя сидящим на скамейке в центральном парке культуры и отдыха. «Зачем столь вычурное название, если никакого другого парка в городе нет?» — в очередной раз задался я вопросом, чувствуя, что произошедшее должно осесть в голове. Словно игрушка с домиками и снежинками, которую изрядно растрясли, я сидел и ждал, пока снегопад прекратится.

В какой-то момент я осознал, что мне холодно, ибо осеннее хмурое утро не способствует длительному времяпрепровождению на улице. А еще я был голоден.

Найдя неподалеку круглосуточное кафе, я заказал горячий кофе и несколько бутербродов, после чего принялся раскладывать факты по полочкам.

Итак, предсказание Алины сбылось. Мой неведомый гуру посетил меня в третий раз. Показал очередную часть истории. Разнервничался и вновь попытался убить. К счастью, у него в очередной раз не вышло.

Но ощущение того, что в этом последнем трипе имени пана Вроцлава скрывалась подсказка, не покидало меня. История подошла к своей кульминации, и ей требовалось завершение, но какое оно, мне, увы, забыли сообщить.

— Кажется, тебе нужен взгляд со стороны, — сообщил я своему кофейному отражению.

Алинка открыла дверь почти сразу, будто это не утро вовсе, а вполне себе нормальное время для прихода гостей. Хотя ведь я был и сам ненормален под стать времени, ибо почти с порога сообщил ей торжественным тоном:

— Все случилось. Он приходил.

— Кто? Бабайка?

— Почему Бабайка? — опешил я и сразу растерял весь запас пафоса.

— Ну а почему бы и нет, — пожала плечами Алина. — Вполне себе вариант, как я думаю.

— Нет, — отмел я. — Мой личный убийца и сказочник — пан Вроцлав. На арене было очередное выступление имени ечко-бречко.

— Ечко-бречко? Это твой личный инь-янь какой-то?

— Подожди, — я опешил еще больше. — То есть ты ничего не помнишь про пана Вроцлава? Про его вечную жизнь, про ечко-бречко, про его убийства меня?

— Я подозревала, что у тебя насыщенная жизнь и множество странных знакомых, в число которых вхожу и я, но никакого пана Вроцлава не помню.

Должно быть, недоумение отразилось на моем лице. Возможно, оно захватило с собой разочарование. А возможно, Алина просто слишком хорошо меня знала. Она подошла ближе и тронула меня за плечо.

— Эй. Если я чего-то не помню, то ничего не мешает мне это рассказать, ты не находишь? К тому же пора бы перестать топтаться на пороге и пойти есть новолунные пироги.

— А чем они отличаются от обычных?

— Похоже, у тебя действительно в голове все перемешалось, — она укоризненно посмотрела на меня. — Они отличаются тем, что их испекли в новолуние. Разувайся давай.

Я приказал себе перестать много думать и вернуться к нормальному образу жизни. Действительно, метафизика метафизикой, а новолунные пироги это наверняка вкусно. Ну и в самом деле, не к порогу же мне их принесут.

В общем, через какой-то промежуток времени я сидел на кухне, уплетал пироги и, наплевав на правила хорошего тона, с набитым ртом рассказывал Алине то, что она, по моей версии, должна была знать. Ну и разумеется, то, что она знать не могла.

— Дурость какая-то, — сообщила она мне, когда я завершил историю.

— Сам понимаю, что дурость. Но с ней покончено.

— Ну это вряд ли. Твой пан не получил того, чего ему надо.

— А чего ему надо?

— Да кто ж его знает? — непоследовательно заявила Алина. — Да только не получил. Ты ему болячку расковырял, а смазать зеленкой забыл.

— Извини, под рукой ничего не было, — огрызнулся я. — И вообще, это он меня убивает, а не я его.

— Не кипятись. Лучше подумай, чем ты можешь помочь этому твоему вечному шляхтичу.

— А чем я ему помогу? — я пожал плечами. — И почему я? В прошлый раз ты не позволила мне считать себя уникальным.

— А я не утверждаю, что ты уникален, — Алина хитро улыбнулась. — Наверняка в мире не один ты такой, который похож на пана Вроцлава, бросившего все, получившего силу и не знающего, что с ней делать.

Я на несколько секунд прекратил жевать и уставился невидящим взглядом в стену. Затейливый рисунок на обоях весьма к этому располагал.

— Ты чего? — Алина забеспокоилась.

— Я прозрел. Я прозрел, понял, что ты — чудо и великий оракул. Что пироги прекрасны, но я сейчас быстро оденусь и рвану искать пана Вроцлава, чтобы наконец-то избавиться от него навсегда. Иначе я отупею или разочаруюсь в своей идее. А когда делаешь то, во что не веришь, — очень мало шансов, что получится что-нибудь хорошее.

— Ну ладно, — Алина принялась убирать со стола. — Ты только это, зайди потом. Сообщи, чем все закончилось.

— Конечно-конечно, — заверил я ее, а сам уже мысленно был на набережной.

...это, конечно, не то море, которое пан Вроцлав искал. Это просто городская набережная. Грязь вперемешку с легким снегом, который почти тут же тает, как только опускается.

Однако пан сидит на холодных камнях и смотрит на противоположный берег.

— Фшшх, — шепчут ему речные волны.

Я присаживаюсь рядом, заранее готовый к тому, что простужусь. Смотрю на лицо Вроцлава. Оно выглядит умиротворенным, но в глубине глаз что-то прячется.

— Ечко-бречко, — говорит он тихо и будто бы сам себе не верит.

— Конечно, пан, ечко-бречко, — подтверждаю я, и Демон Болтливости вылезает наружу.

Это обычно случается, когда мне страшно или странно. Чаще всего одно неотделимо от другого, потому что я приучил себя не бояться обычных вещей, ну а что касается непонятных мне, то их бояться сам бог велел.

И вот, следуя его заветам, я и боюсь.

— Прекрасная погода, не так ли? — интересуется меж тем Демон Болтливости и, не давая пану ответить, продолжает: — Ведь самое то — отправиться в путешествие. Ох, не смотрите на меня так, Вроцлав. Ну скажите мне, что вы забыли у этого моря? Ну, шли к нему, это ладно. Дошли — отлично. Не нашли того, что искали, — ну, с кем не бывает. Однако это ведь не повод впадать в отчаяние, пугать людей и убивать их, требуя какого-то ответа. Знаете выражение: жизнь прожить — не поле перейти? Ну, вот вы, собственно, одно поле-то перешли, а чего другого не можете? На тот берег вообще ходили? Не делайте такие удивленные глаза. Есть лодки. Есть корабли. Есть теперь еще и самолеты с вертолетами. На худой конец, вы же не умрете, если по воде пойдете. Ечко-бречко, и все...

Я осекаюсь, потому что вновь вижу глаза пана. Он плачет так, как, по моему мнению, плачут только в кинофильмах. Смотрит вперед, не моргая, а слезы текут.

Но в отличие от кинофильмов Вроцлав не выглядит мужественным героем или несчастным возлюбленным. Слезы превращают его в обычного усталого старика, который долго держал эмоции внутри, а тут его прорвало.

— Спасибо, — говорит пан искренне и одновременно с тем спокойно.

И я понимаю, что моя миссия закончена. Больше не будет никаких откровений, картинок, убийств и еще чего-то в таком роде.

Поднявшись с камней, я бреду прочь к остановке. Вслушиваюсь в шум ветра, но так и не могу поручиться: слышу ли я какой-то всплеск или это мне кажется.

Оборачиваться нет никакого желания.

Я зашел к Алинке в тот же вечер. Принес ей букет цветов, хотя и успел по дороге несколько раз обозвать себя «казановой недоделанным». Но букет все же понравился.

Рассказал ей, чем закончилась эпопея с паном Вроцлавом, и долго не мог подобрать слова для того, что хотел сказать. Они куда-то все ушли. Демон Болтливости отмолчался, решив, что этот страх я должен победить сам.

Я заглянул в глаза Алине и взял ее за руку. Слов не было — правильность некоторых вещей понимаешь и без слов. Я обнимал Алинку, гладил ее волосы, и мне по-прежнему было страшно, как человеку, который долгое время сидел у моря, прежде чем наконец решился его перейти. Никто ведь не знает, что там, на другой стороне, но точно известно, что назад дороги нет, как бы ни казалось иначе.

ЕХАЛ ГРЕКА

Грека смеялся. Какое там — булькал, хрюкал и едва не давился смехом.

Егор невольно сжал кулаки. Он как про́клятый перся в эту глухомань, в пять утра вскочил, чтоб застать хозяина до обеда; час плутал по деревне, отыскивая нужный дом; его облаяла и чуть не укусила дворовая собака, а встрепанный парень с вилами принял за вора, и Егор долго объяснял, что ему, собственно, надо потолковать с Грекой. Каким Грекой? Да шут разберет, лично не знаком. Говорят, ему за сорок, курчавый, смуглый, шрам у виска. Живет, если не ошибаюсь, здесь.

Парень кивнул и, крикнув кого-то, ушел кидать навоз, а Егор сидел на веранде, томясь ожиданием, и думал, как начать, чтоб не сочли за идиота. Вышло, должно быть, неубедительно. Грека, цыганистого вида мужик с серьгой в ухе, надрывал животик, потешаясь и ни капельки не сочувствуя. Ржал, подлец, в голос. Настроение вконец испортилось.

— Ты чего? — мрачно спросил Егор. — Я тебе клоун, что ли? Да я... — Он встал из-за стола, с грохотом опрокинув табурет.

Грека в изнеможении махнул рукой: погоди, мол, дай отдышаться. Еще содрогаясь от хохота, посмотрел на приезжего. Глаза у того были злые, серьезные, с красными трещинками сосудов. Ишь, разошелся, подумал Грека. Даст в ухо, в ответ не заржавеет — и загремит гостенек в больницу на процедуры.

— Вспомнилось, — выдохнул, оборвав смех. — Ходил тут один. Приставучий, знаешь. Хотел странного. Ты садись, в ногах правды нет.

— Я, блин, сяду, — буркнул Егор. Подозрительно уставился на собеседника. — На придурка тощего намекаешь, в майке который?

— Да ни боже мой!

Егор тяжело оперся о стол. Сказал, тоже тяжело, с угрозой:

— По делу говорить будем или языком молоть?

— По делу, ешкин кот, — согласился Грека. — Деловые все, прям жуть.

Сев на табурет, Егор углубился в подробности. Подробности давались с трудом, клонило в сон; Егор тер набрякшие веки, пытаясь сосредоточиться. Грека больше не смеялся, только хмыкал невпопад. На распахнутых во двор окнах веранды колыхались занавески, белые, тюлевые, с крупным рисунком. Профиль Греки выглядел на их фоне почти черным, лишь в волосах блестели седые прядки.

— Кто ж тебе присоветовал? Дурак небось какой? — Грека вытянул губы трубочкой и скосил глаза к переносице, изображая советчика.

Егор усмехнулся.

— Похож? — поинтересовался Грека.

— Нет, — отрезал Егор. — Цену ломишь? Сколько?

О стекло с жужжанием билась муха; залетела, глупая, а выбраться никак. Залетел ты, Егор, запутался, издевательски гудела муха. Не гулять тебе уже, не радоваться. Егор помотал головой, отгоняя вздорные мысли.

— Я ж не цену. — Грека пригорюнился, насупил жидкие брови. — Отвезти, значит? Ты вообще соображаешь, что просишь? Я что, себе враг? У меня отдых, видишь — сено, скотина. Молоко парное. Воробьи под крышей чирикают. Пока не оклемаюсь — ни ногой. Отвезти его, ишь, прыткий.

— Перевезти, — поправил Егор. — Временно.

— Нянькаться с тобой. Перевези, да забери, да сопли подотри. Когда?

— Завтра.

Грека постучал пальцем по лбу:

— С ума спрыгнул?

— Давай без понтов. — Егор наклонился, будто собираясь сграбастать Греку за ворот. — Мне сказали обратиться к тебе. Я обратился. Говори сколько — расплачусь.

— Хорошо, — по лицу Греки пробежала тень, — давай без понтов. Вижу, здоровый ты, молодой. Спишь крепко?

— Ну, крепко, — растерялся Егор.

— А кто-то, знаешь, спит плохо. Бессонница, понял? Ты молодой, наверстаешь. Так что...

Егор охнул.

Плеск воды, плеск весел; рябь за кормой, лунные блики. Лодку качает на пологой волне, берег подернут дымкой. Ближе, еще ближе. Скрипят уключины; вкрадчивый скрип еле слышен. У берега, с правого борта — камыши. Гребок. Второй. Пахнет тиной. Чш-ш-ш, ветер в камышах. Легкое качание. Легкое касание. Холодок в онемевшем затылке, слабое покалывание. Нос лодки тычется в берег. Сквозь дымку...

Плеск? Лодка? Камыши?!

Сгинуло.

* * *

Воздух тек киселем, дышать и то было трудно. Егор свернул к ларьку за минералкой и, отойдя к забору, куда падала тень от берез, разом ополовинил бутылку. На территории школы, сейчас безлюдной и тихой, шаркал метлой дворник. Шарканье постепенно отдалялось, вскоре дворник свернул за угол. Плеснув на руки, Егор обтер разгоряченное лицо. Немного позавидовал дворнику: убирать, считай, нечего, помахал

метлой, и свободен. В офисе, наоборот, ни минутки свободной — шум, гам, телефоны разрываются; бумаги, письма, клиенты. Ладно, Климов, не прибедняйся и не сравнивай. Он бросил взгляд на часы — пора. Толпа, потная, пестрая, целеустремленная, бурлила в пяти шагах. Егор не спеша допил остатки, готовясь окунуться в толчею и нырнуть затем в ближайший омут метро.

— Эй, — позвали из-за спины. Егор напрягся, но виду не подал, тем более позади была решетка. Его вдруг хлопнули по плечу:

— Вадик, е-мое!

Он резко обернулся. За прутьями забора приплясывал от нетерпения щуплый тип в шортах и майке с черно-белым изображением известного революционера. Широченная майка не по размеру и портрет — единственное, что запомнилось Егору. Позже он, как ни старался, не смог описать этого человека. Невзрачный тип. Точка.

— Ты че Вадик, припух? — Тип осклабился, и сразу стало ясно: псих или маньяк. В общем, шизик.

Психов Егор побаивался. Чокнутые, в отличие от нормальных людей, способны на что угодно.

— Должок за тобой, Вадик, — доверительно сообщил тип.

— Я не Вадик, — сказал Егор. Нелепость ситуации раздражала.

— Че? — удивился тип.

— Обознались. — Егор решительно направился к тротуару, спорить с психом — себе дороже.

Тип заорал вслед и, рыдая, принялся трясти решетку. Егор украдкой оглянулся: псих бесновался зверем в клетке.

— Пусти! Пусти! — вопил он. — Невадик, пустиии!..

Безразличная толпа не обращала на них внимания.

За работой Егор и думать забыл о досадном недоразумении и к концу дня даже не сомневался, возвращаться прежней дорогой, мимо школы, забора и, воз-

можно, психа или сделать крюк. Как выяснилось — зря.

Псих никуда не пропал. Хуже того, он перебрался через забор и топтался возле решетки, явно высматривая кого-то среди прохожих. Сердце екнуло, любой бы сообразил: тип ищет Вадика. То есть теперь — Егора. Угораздило же вляпаться! На кой черт ищет — вопрос десятый, однако лучше не связываться. Дай такому повод — прицепится как банный лист. Впрочем, уже прицепился, без повода. Егор пересек улицу и ускорил шаг. Тротуара на противоположной стороне не было; из-за припаркованных вдоль обочины авто пришлось идти по дороге. Мимо то и дело проносились машины, сигналили: куда прешь, идиот! В глубине души Егор признавал: идиот. Что псих? Тьфу! Попасть под колеса — вот беда. Не то чтобы он опасался чокнутого мозгляка, умом понимая — пустое. Угрозы тип не представлял, обычный шизик. Страх шел из детства.

* * *

Сна не было ни в одном глазу. Да и с чего бы? Крепкий сон — добрая плата; спи, Грека, квиты. На звезды хоть полюбуюсь, яркие они тут, не чета городским.

Ночуй здесь, сказал Грека. Мало ли. Что «мало ли» — не уточнил, но Егор понял и без уточнений. В городе опасно. Рехнуться можно! В пропитанном зноем мегаполисе, среди бетонных коробок, асфальта, потоков транспорта, фонарей на каждом углу и кучи народа — опасно, а здесь, в лесах и полях, где деревень и деревенек по пальцам пересчитать, где по проселку ездят от силы раз в час на «Москвиче»-развалюхе, где жэдэ-станция в семи километрах и электрички утренняя да вечерняя, здесь, выходит, есть шанс. Неправильно думаешь, рассмеялся Грека. Риск меньше оттого, что со мной.

Облокотившись на подоконник, Егор смотрел в темное низкое небо. С улицы пахло травой, сеном, стре-

котали кузнечики; в кронах берез возле дома шумел ветер. Важный месяц плыл в окружении звезд, разливая окрест серебро лучей, перекрашивая черное в белое. Лунный свет пятнами ложился на землю, укрывал инеем. Казалось, он переиначивает суть вещей, размывая границу яви и сна. Правда, сон бродил где-то поодаль; вроде и зевота напала, и веки отяжелели, а толку чуть. Вчера почти не спал, а сейчас так вовсе... Егор зябко повел плечами: от реки за перелеском тянуло холодом. Накинуть одеяло? Или прилечь? Помаюсь, помаюсь, да задремлю. Не до рассвета же куковать.

Из соседней комнаты раздавался густой храп, где-то капала вода, орала кошка. Егор ворочался с боку на бок, одолеваемый то комарами, то ломотой в руке, то нервным зудом. Нет, не уснуть. Поднялся, высунулся из окна по пояс. Дома справа будто тонули в тумане, поверх печных труб курилась серая дымка; туман подымался к небу, обещая ненастье. В его огромном неводе, гребущем без разбору все и вся, очутился даже месяц. Чахлый, бледный месяц светился болотной гнилушкой, злая карикатура себя прежнего. Потускнело серебро лучей, погасли звезды. Исчезло неземное очарование лунной ночи.

Кузнечики и те притихли. Ни сеном, ни травой уже не пахло — сыростью пахло, гнилью. Стоячей водой. И такая вдруг тоска накатила, хоть с обрыва в реку... Из палисадника донесся то ли всхлип, то ли плач; кричала птица. Сердце захолонуло от дурного предчувствия, в горле пересохло; оцепенев, Егор стоял ни жив ни мертв. Птица умолкла, вместо цвиркания кузнечиков грянул лягушачий хор. Там, где клубился туман, подозрительно хлюпало. Ночь полнилась зыбкими тенями, шорохами, скрипом; в темноте мелькали синие огни.

Деревянными пальцами Егор притворил окно. Господи, ну и кретин! Поверил этому Греке. Безопасно? Хрен там! Спохватившись, дернул заржавленный шпин-

галет, словно это был засов на прочной дубовой двери, способной защитить от непрошеных гостей. Шпингалет никак не попадал в гнездо, и Егор, воюя с непослушной железякой, обо что-то порезался. Царапина тотчас набухла кровью; ладонь будто нарочно впечаталась в подоконник, оставив кровавую полосу, и тьма за окном отозвалась злобным приглушенным ворчанием.

Ругаясь сквозь зубы, Егор попятился к кровати, совершенно не представляя, как быть и что делать дальше. Он пятился и пятился, пока не уперся в холодную металлическую спинку. Ощупал, не понимая, что это. Понял. В мыслях царил кавардак. Оторвать дужку? За дубину сойдет. Пусть только попробуют... Стекло задребезжало. Сначала мелко, затем резче, сильнее. Месяц, скрытый туманом, налился ядовитой зеленью; он точно распух от влаги и напоминал лицо утопленника. Туман подступал ближе, заволакивая дорогу перед домом; подбирался к палисаднику. В нем чувствовалось смутное, неуловимое глазом движение. При взгляде на горящие в тумане огни брала оторопь. Егор неумело перекрестился.

Внезапно стекло брызнуло осколками, с улицы дохну́ло холодом. Было свежо, как под конец октября. Разметанный порывом ветра туман посветлел, раздался в стороны. Вдали сипло протрубил рог, глухо, на грани слышимости застучали копыта, и дикий ледяной ужас удавкой перехватил горло.

Небо затмили тени всадников. Не бряцало оружие, не звякали удила, не ржали кони. Молча и бесшумно скакали они, и из-под копыт вороных летели искры. Впереди конных бежали длинноногие, лишь отдаленно похожие на борзых зверюги.

Шум воды. Журчание. Запах рыбы. Стойкий, перебивающий другие запах. Затылок немеет. Ощущение — словно выскочил на мороз без шапки. Ни черта

не видно, не видно даже поднесенных к лицу рук. Темень — глаз выколи. Рядом кто-то натужно сопит и хекает. Крепко разит потом. Неожиданный удар сбивает с ног. Скрежет. Откуда-то снизу и сбоку. Треск обломившегося дерева. Болтанка. Руки врезаются в скользкое, мокрое, живое. К губам липнет чешуя.

Треск? Болтанка? Чешуя?!

Сгинуло.

* * *

Чай давно остыл. Егор механически размешивал сахар в кружке, время от времени щелкая телевизионным пультом. Отвлечься не удавалось; едва притронувшись к чаю, он отнес кружку в мойку и, ополоснув, завалился на диван. Голова гудела от мыслей.

Бред ведь? — спросил он. Ну, конечно, бред! А сердце ныло, сердце сжималось в обморочном предчувствии. День? Два? Сколько?! Псих не шутил.

По ящику бодро, в стиле «наши поезда самые поездатые поезда в мире», рекламировали средство от запора. Чтобы окончательно вынести мозг, рекламу пустили по второму кругу. Матюгнувшись, Егор переключил программу.

— ...и помчались окровавленные всадники прямо в болото, не разбирая дороги. В теле короля Стаха еще теплилась жизнь, и долго еще из темноты доносился его голос: «Мы не умрем. Мы придем к вам. И к детям твоим, и к внукам твоим. Я и моя охота».

Егора аж подбросило. Пульт грохнулся на пол, телевизор умолк. Комнату заполнила вязкая плотная тишина, было слышно, как тикает будильник на полке. Трясущимися руками Егор нашарил пульт, впился в экран, лихорадочно прощелкивая канал за каналом. Что это? Откуда?! Фильм? Какого дьявола последние фразы в точности совпадают...

Зря он не свернул во дворы, отмахнулся, дескать, чепуха. Хлебай, умник, полной ложкой! Встреча с пси-

хом — к несчастью, пора бы усвоить; не помог и манёвр с переходом улицы. Чокнутый заметил Егора издали. Просияв лицом, рванул с места — только держи.

— Невааадик!

Зажал в угол между машинами, облапил. Ни дать ни взять — дружок закадычный, сто лет не виделись. И еще бы сто лет не надо. Невысокий, плюгавый. Сильный. Пальцы-клещи, руки-крючья. Ошеломленный натиском Егор слабо отпихивал чокнутого, не пытаясь вырваться или драться всерьез.

— Должок за тобой, Невадик.

Псих смотрел в глаза. Улыбался. Привстав на цыпочки, зашептал, зашлепал мокрыми губами прямо в ухо:

— До двенадцатого колена. Безжалостно. И никуда ты не скроешься ни наяву, ни во сне. Мы придем. Мы отомстим. Как приходили раньше — к детям, к внукам...

Когда Егор опрокинул психа на капот, тот как заведенный повторял: «Каждое из поколений твоих... мучительнее, чем я теперь... Иуда... Предатель!» И улыбался, сволочь. Вне себя от ярости, Егор швырнул мерзавца на асфальт. Зацепив боковое зеркало, псих оторвал его и растянулся под колесами соседней машины. Взвыла сигнализация.

Если б не это, Егор продолжал бы пинать лежачего: помутившийся от ненависти взор заслонил дебильный второгодник Юрась, который давным-давно чуть не утопил третьеклассника Егорку Климова от нечего делать. Сальная улыбка Юрася, его пришептывающий голос намертво отпечатались в памяти. Вломив гаду напоследок, Егор быстрым шагом двинулся прочь.

— Проклятье твоему черному роду! Мстили и до двенадцатого колена мстить будем. Слышишь, до двенадцатого!

Чокнутый улюлюкал вслед.

* * *

Красный, всклокоченный ото сна Грека орал и топал ногами. Люстра под потолком качалась, звеня подвесками; скрипели половицы. Егору было плевать, он думал об одном: жив, жив! Пока и еще жив, и это главное.

— Что ж ты врал, падла! Говорил, завтра, а они сегодня!

Шрам у виска Греки побагровел, глаза превратились в щелочки; серьга прыгала в ухе взбесившимся маятником.

— Я не врал. — Егор пожал плечами. — Не знаю, почему сегодня. Вальдемар сказал, завтра ночью.

— Твою гребаную мать, я знаю — почему! Какого хера ты расплатился сном?! Зачем?

— Ты сам захотел, — буркнул Егор.

Грека, уже собиравшийся крыть тройным загибом направо и налево, поперхнулся ругательством. Набычился. Крылья горбатого носа широко раздувались, в углу рта пузырилась кровавая ниточка слюны.

— Бессонница у меня, — сказал он. — Понял? Поживи с мое... — ожесточенно поскреб в затылке. — Взялся, ешкин кот, на больную голову! Егор — из-за леса, из-за гор. Уродоваться из-за тебя.

По комнате гулял сквозняк; в углу разбитого окна скалилась луна, поблескивали осколки в раме. Ни тумана, ни синих болотных огней, ни всадников. Лягушачий хор сменился привычным цвирканьем. На окраине деревни, ближе к лесу, заходились лаем собаки.

— Угодили, вишь, в переплет. — Грека придержал люстру. Свекольный румянец на его щеках постепенно исчезал. — Вовремя я. А эти, видал? Насилу оторвались.

Егор ощупал языком зубы. Зубы болели, как от хорошей затрещины. Когда ударился, обо что? Или ударили?

— Весла жаль. — Грека досадливо скривился. — Течение там, камни. Не напасешься весел-то. Ладно, посмотрим, кто кого прижучит. Ты ложись, нечего шастать. Окно вон подушкой заткни, чтоб не дуло. Не бойся, до завтра не явятся. Спокойной, значит, ночи. — На пороге задержался, хмуро бросил: — Дужку приладь. Я на этой кровати мальцом спал, а ты — ломаешь.

Егор отрешенно взглянул на металлическую дужку в своих руках, положил на пол. Казалось, металл изъела ржа: пятна засохшей крови сплетались грубым узором. Порез на ладони саднил, не давая забыть пережитый ужас. Возле подоконника блестело стеклянное крошево. Присев на смятую постель, Егор зажмурился, спрятал лицо в ладонях и сидел так бездумно и неподвижно, отходя от кошмара.

Звон лопнувшего стекла переполошил весь дом. Первым на шум прибежал Грека, за ним — парень, кидавший навоз, и лысый мужик с топором. Что случилось позже, Егор не помнил, разве что урывками.

Крик. Жуткий, отчаянный. Это он кричит, Егор Климов, разрывая ледяную удавку страха на горле, разрывая мертвую тишину и собственные легкие. Бледный, сосредоточенный Грека жестом отсылает мужчин прочь из комнаты. Огромные косматые тени всадников мчатся по крышам домов...

Темнота, спасительная, мягкая; немая. Баюкает, наваливаясь, дрема. Пахнет рыбой. Вдруг — треск, скрежет... Егор лежит на мокром и скользком. Вверху среди стада туч бродит месяц, заливая блеклым светом речную гладь. Зябко. Сырой ветер забирается под воротник, вынуждая кутаться в клеенчатый рыбацкий балахон. Лодку влечет течением, но уже не крутит и не болтает; обломки весел зря вспенивают воду. Егор елозит ботинками по груде рыбы, приподнимается, опираясь на локти. На корме, спиной к Егору, широко расставив ноги, стоит человек в плаще и

наполеоновских размеров шляпе. Он жарко, трудно дышит и громко сморкается. Затем, приложив козырьком руку ко лбу, всматривается в еле различимую полоску берега на горизонте. Полы брезентового плаща треплет ветер, и они раздуваются двумя маленькими парусами.

Егор кашляет в кулак, сплевывая прилипшую к губам чешую.

— Оклемался?

Человек оборачивается, в ухе капелькой серебра дрожит серьга.

* * *

Звонок в прихожей верещал, словно соседский кот, которому отдавили хвост.

Вздрогнув, Егор вскочил с дивана. Невпопад затрезвонившему будильнику были обещаны все кары небесные и земные. Почему-то спросонья Егор решил: звонит будильник.

Но звонили в дверь. Бесцеремонно, назойливо; в двенадцатом часу ночи. Предлагая немедленно открыть или распрощаться с мыслью об отдыхе.

После уверений психа о мести, безжалостной и неотвратимой, подобные действия граничили с безумием. Ответ мог быть лишь один. Не открывать. Вопреки здравому смыслу подстрекаемый губительным любопытством, Егор на цыпочках прокрался в прихожую. Выждав минуту, прильнул к глазку. Мужчина на лестничной клетке методично давил на кнопку. Он был высок, худощав и слегка небрит; аккуратно зачесанные назад волосы собраны на затылке резинкой, из кармана пиджака выглядывал уголок носового платка. Опрятный вид и строгий деловой костюм гостя внушали надежду: вероятно, ошибся квартирой.

Будто уловив, что за ним наблюдают, мужчина прекратил терзать кнопку и внимательно посмотрел на дверь. Егор обомлел. Сразу почуяв в облике незна-

комца что-то не то, он теперь понял, что именно. Человек был вылитый он.

— Откроешь ты наконец? — спросил двойник. И постучал по глазку костяшками пальцев.

От спиртного гость отказался. «А я, пожалуй, тяпну, — сказал Егор. — Сто пятьдесят. Чтоб мозги прочистить». «Тяпни», — разрешил визитер, скребя щетину на подбородке.

На плите пыхтел чайник. Егор вспомнил, что ничего не ел и не пил, и сейчас, торопливо нарезая сыр и колбасу, косился на замершего в неудобной позе двойника. От чая и бутербродов гость отказался тоже.

— Браславский. Вальдемар, — представился он, перешагнув порог. Руки не подал.

Не снимая обуви, прошел на кухню.

— Давай без ахов и охов. Я — не ты. Просто мы удивительно схожи. Поэтому у тебя, вернее, у меня — но в нашем конкретном случае все-таки у тебя — возникли проблемы.

— С лестницы давно не спускали? — поинтересовался Егор.

Гость хмыкнул.

— Меня вообще не спускали с лестницы. И знаешь, я бы не советовал.

— Говори. Лучше без предисловий.

— С юродивым общался?

Егор кивнул.

— Он нас перепутал. Разумеется, юродивый не сам по себе и не болтал, что на ум взбрело. Передал, что велели. Он — проводник между...

Украдкой приглядываясь к Браславскому, Егор отметил: не так уж они похожи. Различия есть, и немалые. Надо быть идиотом, чтобы спутать его и этого заносчивого хлыща. Впрочем, чокнутый проделал это с двойным успехом — утром и вечером.

— ...кроме того, юродивый пометил тебя. Отныне ты дичь, добыча. Охота ринется по твоим следам, настигнет и убьет.

— Зачем... предупреждаешь? — угрюмо процедил Егор.

— Не веришь мне?

— Чему я должен верить? Что за вздор?! Какие-то охотники, месть. Проклятие. Древнее, поди?

— Древнее, — вздохнул Браславский. — Наш род проклят. Мой предок, Роман Яновский, крепко ошибся четыре века назад. Верно, дьявол помрачил его разум, водил его рукой. Он отравил и предательски убил своего побратима.

— Короля Стаха, — закончил Егор, повторяя услышанное по телевизору.

— Да, короля Стаха и людей его. Мертвых и раненых утопили в болоте: приторочили к седлам и погнали коней в прорву...

Браславский смотрел перед собой невидящими, белыми глазами, и от его тихого голоса Егора продрал озноб.

— Вскоре они вернулись... Неупокоенные, отвергнутые и землей, и небом. Роман Старый погиб. Погиб его сын, и сын его сына, и дети их, и внуки. Никто из семьи Яновских не умер своей смертью. Я последний в роду. Последний, кому они мстят.

Очнувшись, Браславский потянулся к бутылке и, не притрагиваясь к закуске, опрокинул подряд две рюмки.

— Теперь будут гнаться за тобой. Ты ведь слышал о Дикой охоте?

— Это же... легенда, — только и смог выдавить Егор.

Вальдемар недобро усмехнулся:

— Легенда? Скажи это моему отцу. Деду. Брату. — Голос Браславского охрип. — И тем, кто придет за тобой.

* * *

На рассвете Егор забылся беспокойным, тяжелым сном. В разбитое окно задувал ветер, звенели подвесками люстры, а Егору чудилось — двойник Вальдемар

звенит рюмкой. Чокается с бутылкой и пьет водку, как воду, не пьянея. Егор, захмелевший на голодный желудок, с интересом изучает Браславского в анфас и профиль. Вот так похож, вот так — не похож...

По кухне бродят тени, и Егору мерещится черт-те что. Ночной разговор отдает сумасшествием.

— Тебе нужен Грека.

— Грек... а? — Егор икает.

— Кличут Грекой, — сердится Браславский. — Помнишь, ехал Грека через реку? Ездит он.

— К-куда ездит? — Егор снова икает.

— Куда надо, туда и ездит. Спрячут тебя, надежно спрячут.

— Заботишься? Обо мне? — Егор стучит кулаком в грудь. — Да ладно!

— Не о тебе! О себе! — Браславский взмахивает руками, точь-в-точь стервятник над падалью.

— Валяй, прячься. Чего ждешь?

Заезженная пластинка разговора крутится по десятому разу. Егор не понимает намеков, у него каша в голове; он под градусом. Вальдемар мучительно подбирает слова, боясь сболтнуть лишнее.

— Мне прятаться ни к чему. Пока тебя не прикончат, не догадаются о подмене. Меня после искать примутся, если сообразят.

— Ну ты и сволочь, — произносит Егор с обидой.

— Иди к Греке, — советует Вальдемар. — Я предупредил.

Егор неожиданно декламирует:

— Сунул Грека руку в реку... Куда он ездит? Кого возит?

— Есть одна река, — уклончиво отвечает Браславский. — У нее много названий. Через нее и возит.

Странный разговор оборвался: Егору снилось другое. Не странное — страшное. До испарины на лбу, до впившихся в ладони ногтей. Он вскрикнул, комкая одеяло. Во сне, по стылому осеннему болоту, по са-

мой непролазной топи летели, настигая жертву, призрачные всадники.

Во время завтрака, ковыряя вилкой яичницу, Егор наблюдал за Грекой. Кусок не лез в рот; Егор жевал и давился, давился и жевал, думая о предстоящей ночи.

— Соль. Перец. — Лысый пододвинул солонку с перечницей, неправильно истолковав плохой аппетит гостя. — Ты, парень, не стесняйся.

Грека, осунувшийся и молчаливый, наворачивал яичницу за обе щеки. Будь на тарелке бумага, съел бы и бумагу, не заметил. Неужели из-за меня? — подумалось Егору. Из-за ночного переполоха? Лысый поднялся и, пожелав всем приятного аппетита, вышел во двор. Грека даже головы не повернул, шкрябал вилкой, размазывая остатки желтка.

— Спасибо. Вкусно. — Егор отпихнул пересоленную, обсыпанную перцем яичницу. — Чаю бы.

— Из самовара налей, — подсказал Грека. — Вон там. Мне без сахара.

Егор принес дымящиеся кружки. Себе поменьше, хозяину побольше. Грека, обжигаясь, глотнул; взглянул на Егора: пристально.

— Выспался?

— Нет, — честно признался Егор.

— И я — нет.

— Всадники?.. — прокашлявшись, спросил Егор.

Грека кивнул.

— Мне снилась погоня, — прошептал Егор. — Болото, пустошь, луна. Синие огни в клубящемся тумане... И Браславский. Вальдемар Браславский, потомок Романа Старого. Последний из Яновских.

— Погоня, — бесцветно повторил Грека, — снилась мне. Тебе — лишь ее отзвук, эхо.

Он сидел ровно, будто закаменев; в руках подрагивала согнутая вилка. Он точно боялся сломать что-нибудь, расколошматить посуду, разбить в щепу стол или табурет.

Эхо? Отзвук?! По стылому осеннему болоту, по самой непролазной топи... Егор судорожно вздохнул.

— Ты же сам... сам захотел.

— Знать бы, где упасть. — Грека отложил вилку. — Бессонница тоже не подарок.

— Я не врал, не обманывал. Рассказал как есть.

— Давай-ка подробнее, — велел Грека. — Про Браславского и того психа. Что, как, зачем. Уж извини, вполуха вчера слушал.

Егор объяснял длинно и путано. Сбивался. Начинал заново. Грека, подперев щеку, смотрел на него, изредка кивая, и Егор вспоминал совсем уж пустяковые, но могущие быть важными подробности.

— Не псих. — Грека покачивался на табурете. — И не Браславский вроде. Не похож на тебя.

— Ты про кого?

— Да крутился тут один. Неприятный такой, с душком. Прогнал к черту.

— Тощий?! В футболке и шортах?

— Нет, в костюме. Ты продолжай, продолжай.

Роясь в памяти, выуживая случайности и совпадения, Егор постепенно осознал: их не было. И замолчал, запнулся на полуслове.

— Все? — спросил Грека.

— Все, — подтвердил Егор.

Грека запустил пятерню в затылок, размышляя, и наконец озвучил то, что Егор и сам уже подозревал, но боялся признать:

— По-моему, этот Дуремар тебя подставил. И меня, мразь, подставил тоже. Эта скотина, Браславский, решил обвести вокруг пальца нас обоих, отправить в могилу и сплясать на поминках. А после жить долго и припеваючи.

От волнения и длинных объяснений у Егора пересохло в горле.

— Почему обоих? — просипел он.

— Если я перевезу тебя на тот берег, чтобы укрыть от погони, они не отстанут. Увяжутся следом и

навечно застрянут между миром живых и миром мертвых. Отличная, знаешь, получится стража. Только нам ходу назад не будет. Сдохнем. Оба, — жестко подытожил Грека.

Лицо его приобрело землистый оттенок; на виске рядом со шрамом отчетливо билась жилка.

С убийственной ясностью Егор понял: Греке хорошо за сорок, у него расшатанные нервы, подорванное здоровье и больное, старое сердце. Грека не сдюжит. Не станет помогать Егору.

Рассчитывать не на кого и не на что.

Он, Егор Климов, без вины виноватый, не предатель, не вор и не убийца, остался один на один с Дикой охотой.

Промозглый, пахнущий тиной воздух. Шорохи, скрип дерева, невнятное бормотание реки. Полумрак. В лодке никого нет. Из уключин торчат обломки весел; дно пустое, без надоевшей уже рыбы. О борт лениво плещут волны, подталкивают лодку к берегу — до него рукой подать — и, отхлынув, влекут назад.

Егор спрыгивает и по колено в воде идет в обход растущих вдоль берега камышей.

Здесь тихо и тревожно. На темном песке белеет выброшенный водой мусор, пахнет гнилью. Здесь — на берегу, где никого нет. Егор в замешательстве оглядывается: узкая полоса песка заканчивается, склон круто поднимается вверх. Не склон — обрыв. В вышине грязными клочьями расползается туман.

Издалека доносится слабый плеск весел. Отсюда почти ничего не разобрать, согбенная фигура лодочника еле различима в тусклом свете звезд.

— Грека-а! — кричит Егор, приставив ладони ко рту. — Помоги мне! Пожалуйста!

Крик глохнет, вязнет в тумане. Здесь нет даже эха.

— Грека! — неуверенно зовет Егор.

Человек не оборачивается. На миг вынырнув из-за туч, луна скупо очерчивает его силуэт — силуэт дряхлого старика.

— ...ро-он, — откликается река вместо эха.

В лодке за камышами горбится тень. Кряхтит. Сморкается.

— Сдохнем. Оба, — слышит Егор. — Ты не понимаешь. Я ведь не он.

— ...х-ха, — издевательски шепчет река.

Егор открывает глаза. Они с Грекой сидят на кухне и смотрят друг на друга в упор.

— Плату хотел вернуть, — словно извиняясь, говорит Грека. — Лучше уж бессонница.

За окном на крыше сарая чирикают воробьи. Воробьям все равно.

* * *

Очнувшись за секунду до звонка, Егор обвел комнату мутным взглядом, силясь понять, что его разбудило. И машинально, едва будильник напрягся, готовый поднять трезвон, прихлопнул кнопку.

Сквозь неплотно задернутые шторы виднелось серое предрассветное небо; стрелки на часах показывали пять. Во сколько он лег — в два, раньше? А этот где, Вальдемар? Надо было вытурить двойника взашей, набить морду и пинками с лестницы, пинками! Чтоб не перекладывал, гад, свои проблемы на чужие плечи. Сволочь какая. Из-за него все.

Вот же бред, пропади оно пропадом! То есть они. И псих, и Браславский, и — как его? — Грека. Или грек? Как будто нормальных имен нет, то Вальдемар, то Грека, то Стах. Браславский точно свихнулся. Окосел, поди, без закуски, наплел с три короба. Причем врал складно, напористо. Мол, есть человек, человечище! Цены не имеет! Талант у него. Проси, в ноги падай! Переждешь беду, спасешься. Спрячут, говоришь, куда? Не дошло еще? Перевезут тебя. И на ухо, шепотом: в мертвые определят, на время. За ре-

кой время быстрее идет. Сутки-вторые, ну, третьи для надёжности. Когда вернёшься, охотников и след простынет. Мстить некому, конец проклятию.

Нетвердым шагом Егор побрел в ванную. Ледяная вода отрезвила, но вопросы остались. И в первую очередь вопрос веры сказанному. Ладно, он поверил в угрозу, он, чего уж скрывать, не на шутку испуган и не знает, что предпринять, как выкарабкаться из ловушки обстоятельств. Однако совет Браславского категорически не вяжется со здравым смыслом. Впрочем, тот давно капитулировал под натиском дьявольщины, выбросил белый флаг и сдался на милость победителя. Почему же вопреки совету он не спешит в захолустную дыру, где живет пресловутый лодочник? Будильник завел? Поднялся? Вперед, на вокзал! Наверно, есть порог, за которым очень трудно, практически невозможно убедить человека. Пусть охотники, пусть родовое проклятие, призраки, месть. Пускай! Но Грека? Грека-то из дурацкого стишка каким боком?!

Отражение в зеркале буравило Егора красными невыспавшимися глазами.

— Ехал Грека, — промычал Егор, не разжимая губ, и саданул по зеркалу кулаком.

Бардак на кухне был умеренным: грязная посуда, мусор, опрокинутая бутылка, водочная лужица на столе. Хорошо, никто из них не курил. Табачную вонь Егор терпеть не мог, хотя иногда закуривал спьяну, а потом с квадратной головой и ощущением помойки во рту недоумевал — как его угораздило? Баюкая ушибленную руку — зеркало, как ни странно, не разбилось, только пошло трещинами, — Егор включил чайник. Плеснул заварки в чистую, найденную в буфете чашку; пить чай в общем-то не хотелось, хотелось спать.

Взгляд случайно упал за окно, и Егор едва не пролил заварку мимо. Напротив располагалась автомойка, огороженная хлипким заборчиком. Автомойка не работала уже год; на заброшенной территории шныряли собаки, бомжи облюбовали ее для ночлега. То,

что увидел Егор, вряд ли бы удивило кого-то из соседей. Ну, еще один бомж. Подумаешь.

Вдоль забора, вытягивая шею, крался давешний псих. На голой спине отчетливо выпирали худые лопатки, футболку псих держал в руках. Предметом его охоты был голубь. Поглощенный чисткой перьев голубь и не подозревал об опасности. Чокнутый метко швырнул футболку, и та накрыла добычу ловчей сетью. Голубь забарахтался, курлыча.

Егор приник к стеклу; сердце в груди колотилось, как при финише на стометровке.

Чокнутый сграбастал футболку, извлек взъерошенную, бьющую крыльями птицу и ловко свернул ей голову. Бросив тушку на землю, псих кружил возле в подобии танца, что-то громко и бессвязно выкрикивая. Шаманит, обожгла мысль. Под ложечкой тягостно заныло. Как по заказу из-за угла дома выбежала стая тощих бродячих псов, они уселись в четырех-пяти шагах от психа и, задрав морды, начали подвывать вразнобой, тоскливо и жутко. Будто почуяв слежку, чокнутый обернулся; глаза его шарили по окнам. Егора взяла оторопь: фигура, повадки, одежда... он не ошибся, но лицо было другим. Чокнутый внезапно заулюлюкал и пинком отправил голубя в середину воющего хора. Собаки, рыча от возбуждения, принялись рвать птицу на части.

Егора передернуло. Отвернувшись, он неловким движением задел клеенку; и без того скособоченная клеенка сползла окончательно. Надпись на столе не заметил бы только слепой. Процарапанные вкривь и вкось буквы складывались в пугающее своей неизбежностью слово.

З А *В* Т *Р А*

Завтра... Егор тупо смотрел перед собой, он не помнил, кто это сделал и зачем. Он? Вальдемар? Зачем?! Нелепость поступка вдребезги разнесла остатки сомнений. Псих? Грека? Да хоть черт лысый!

Наспех поев, он оделся и, поймав частника на допотопной «копейке», отправился на вокзал. Частник гнал, превышая скорость и проскакивая на красный. Егор платил втридорога: опоздать на электричку — все равно что подписать смертный приговор. Вторая электричка вечером, а ехать в леса и поля на ночь глядя равносильно немедленному исполнению приговора. Браславский, правда, обещал — охота нагрянет будущей ночью, но кто поручится, что не сегодняшней?

* * *

Воробьи нагло косились на Егора, требуя добавки. Он пошарил в карманах, ссыпал на землю, что сумел выгрести — шелуху пополам с семечками. Шелухи оказалось больше. Воробьи возмущенно расчирикались. Мол, не дураки. Не обманешь.

— Жрите, что дают, — рассердился Егор.

От сарая за ним, а скорее за воробьями наблюдал рыжий хозяйский кот. Жмурился лениво, выпускал когти. Весь облик кота говорил: никуда не денетесь, воробушки. Понадобится — сцапаю и съем. Чирикайте до поры.

Из-за спины хмыкнули:

— Разборчивые, ишь ты. А припрет, солому за спасибо жрать станешь.

Егор не ответил. Не шелохнулся даже. Лишь пальцы стиснули край скамейки, побелев от напряжения.

— Дед сказывал, ели в войну-то. Лебеду там, кору. Птиц вон ловили.

Грека, устроившись на крыльце, строгал ножом кленовую чурочку. Во дворе под присмотром красавца-петуха квохтали куры. Мычала корова в хлеву: ее не погнали на пастбище, и корова жаловалась на судьбу.

— Я что, разборчивый?! — вспылил Егор.

— А то нет? — удивился Грека. — Русским же языком втолковываю: перевозить не возьмусь. Спрятать разве.

— Вот и спрячь!

Грека вздохнул:

— Чтоб как вчера? Каждый день — как вчера? Это ж никакого здоровья не хватит.

— Я заплатил.

— Мне твоя плата... — Грека чиркнул ребром ладони по горлу.

— Что?! — Егор взвился как ужаленный. — Ты!.. Да ты!..

— Сам виноват. Знаю.

За два с небольшим часа они успели поругаться и вновь помириться. Егор просил, умолял, требовал — тщетно, доводы расшибались горохом об стену. Грека долг признавал, но выполнять работу отказывался. Выйдя во двор — остыть после перепалки, как выразился Грека, гость и хозяин нашли себе занятие по душе: гость подкармливал воробьев, хозяин что-то мастерил. Время близилось к обеду. Припекало. По небу, не спасая от жары, ползли кучерявые облака; куры с петухом блаженствовали в тени; на улице фырчал трактор. Егор поерзал на скамейке, встал, опять сел — лицом к крыльцу. Доски нагрелись на солнцепеке, сидеть было неудобно.

— Если б не сон, перевез бы, и обошлось, — гнул свое Егор.

— Учуяли бы. Сразу. Без разницы, твой сон или мой.

— Сейчас день!

— Неважно. Река, она ведь не наяву. А рыба? Видал, сколько рыбы в лодке?! Потонем. Соображаешь, нет?

Соображал Егор плохо. Рыба? Вроде не было. Ну да, точно! А перед тем — была, много. А еще раньше он расплачивался: плеск воды, берег, камыши. Пахнет тиной, не рыбой. Рыба появилась, когда охотники гнались за ними, и... Какая здесь связь? И с чего бы Грека тонуть собрался? Выкинуть лишний груз, да и все. В чем проблема? Сраженный абсурдностью аргумента Егор не нашел, что возразить. Мысли разбредались стадом овец, он уже отчаялся переубедить Гре-

ку. Что придумать? Как выкрутиться? Куда ни кинь, всюду клин. Грека, не обращая внимания на взвинченное состояние Егора, обстругивал чурку.

— Неужели нет способа?

Нож в пальцах дрогнул. Длинная стружка, свесившись до пола, качнулась змеей. Перевернутый, готовый ужалить знак вопроса. Грека замер, словно прислушиваясь к чему-то, взгляд слепо блуждал по двору. Егору почудился рев и грозный рокот падающей воды.

— Есть. — Голос скрипнул несмазанным колесом. — Забудь об этом. Я спрячу тебя.

Подавшись вперед, Егор выдавил:

— Сколько. Ты. Выдержишь?

— Дня два. Или три.

— И что потом?!

— Догадайся.

Губы корчились перерубленным дождевым червем. Только губы. Лицо застыло маской.

— Что за способ? — с нажимом произнес Егор.

— Скверный способ, — помолчав, ответил Грека. — Сдохнуть и то лучше. Правда, может выгореть.

— Если я... — Егор запнулся, — умру, они придут к тебе. В мой сон.

— Не придут.

— Уверен?

Грека устало смотрел на Егора, так отец смотрит на капризного ребенка. Кого ты пугаешь? — читалось в глазах. Меня? Шантажируешь? Чем? Вздохнув тяжелее прежнего, отложил вырезанную из чурки вещицу — она до боли напоминала маленькое весло, вторая чурка дожидалась рядом.

— Вдруг выгорит? — прошептал Егор.

Грека покачал головой. В черных с проседью волосах запутались мелкие стружки.

— Ты в детстве на ромашке гадал? Обрываешь лепестки — да, нет. Получится, не получится. Лотерея.

«Придут к тебе охотники или нет», — хотел съязвить Егор, но вместо этого пробормотал:

— Что ж вы все такие...

— Сволочи? — подсказал Грека.

— Хуже.

Егор рывком поднялся, шагнул к калитке в воротах.

— Стой, — окликнули сзади.

Он взялся за щеколду. Потом обернулся.

— Спасибо, что приютил. За помощь спасибо. Жаль, что так вышло. Затруднять тебя не буду, в ноги падать — тоже. Долг? Считай, отработал. Как-нибудь справлюсь. Сам. К тебе, надеюсь, не явятся. Это уж совсем несправедливо.

— Ты бы согласился? — спросил Грека. Его левое веко слегка дрожало, и в такт этим подергиваниям далеко, на самом краю сознания шумели под ветром рыжие камыши. Чш-ш-ш — ветер. Холодок в затылке, скрип уключин. Сырость, плеск; забвение.

— Я... — Егор посмотрел на руки. — Помогу. Я учился, умею.

— С лодкой управляться? А если перевернемся? Если вплавь? Там, братец, такие караси-юраси. Цапнут — и с концами.

Егор криво усмехнулся.

— Откуда про Юрася знаешь? Про то, что плавать назло выучился?

Грека недоуменно взглянул на него и вдруг засмеялся:

— Упрямый. Люблю упрямцев! Ладно, айда тренироваться, а то с непривычки запястья повредишь.

В лодке было тесно; заваленное рыбой дно не прощупывалось. От запаха мутило. Воняло не просто рыбой — какой-то тухлятиной, и Егор с трудом сдерживал рвоту. Он и Грека гребли по очереди. Лодку сносило течением, и они работали веслами изо всех сил, натирая кровавые мозоли на ладонях.

Река грозно шумела на перекатах. Вода бурлила, с весел срывались клочья пены, а за кормой противно

хлюпало и чавкало. Позади космами стлался туман, мелькали огни и звучал далекий охотничий рог.

Сверху, из-за края туч, тускло светил месяц.

— Главное, на стремнину выйти, — перекрикивая грохот волн, орал Грека. — А потом выгребать скорее. И чтоб бок, бок чтоб не подставлялся! И весла чтоб не обломились. Иначе звездец. Там, знаешь, водопад есть. Охрененный, я тебе скажу, водопад! Глубокий! Рушится в тартарары. Прямиком, значит, в Тартар. Самое то для неупокоенных. Оттуда даже титанам не выбраться. Ты, главное, греби! Греби, чтоб им всем пусто было!

И Егор греб.

Греб, срывая ногти на пальцах и страшно, безумно, радостно хохоча.

НЕ НУЖНЫ

Честно говоря, я думал, каюк. Напоролись на дрон, а это значит, что жизни нашей осталось на час-другой, не больше. Тут залегай хоть к медведю в берлогу, а беспилотник не перележишь. Будет кружить — елозить, как пылесос по коврику, каждый сантиметр прощупает и в конце концов найдет. Вот он, совсем близко тарахтит, сволочь. Низом идет. Выходит, засек, сейчас всадит...

И вдруг слышу: кудах-тах-тах — обороты сбавляет! Пофырчал, пофырчал — сел. Тут до меня и дошло: это не дрон! Простая патрульная «вертушка» с парой мордоворотов в кабине. И ведь сели, гады, чуть не на загривок нам! Дверь открыли, турель откинули, гыргычут чего-то. Когда-то я неплохо понимал по-ихнему, кино без перевода смотрел. Но кино в наших краях повывелось вместе с электричеством. Видимо, решено было, что для поддержания порядка ни того, ни другого не требуется, главное — патронов побольше.

Ладно, переглянулись мы с Матрешкой и лежим дальше, не шелохнемся, ждем, что будет. Хотя я уже догадываться начал. И точно, один мордоворот из кабины выпрыгнул, копыта расставил и пятерней пуговку под брюхом нашаривает. Приспичило, видать, в небесах. Эх, сейчас бы жердиной как заехать пониже той пуговки! И пока корчится, пулемет-то с турели и снять. Очень бы он у нас в тоннелях пригодился...

Да где там! Разве мне такого кабана завалить? Тем более — двух. У них питание, и у нас питание. Смешно сравнивать!

И тут Матрешка моя вдруг не выдержала.

— Хоть бы отвернулся, стремец! — шепчет.

Я только глаза на нее выпучил: молчи, дура! У него ж гиперакустика в шлеме!

Поздно. Встрепенулся мордоворот, будто жердью ударенный, и одним прыжком — назад, в кабину. Аж пуговку с испугу потерял.

«Гераут, — кричит, — гераут!» Дескать, валим отсюда! Эти слова я сразу понял, потому что в ихнем кино они чаще всех попадались.

Грохнул реактивный ускоритель, и «вертушку» забросило в небо, как из рогатки. Мне полный рот земли насыпало, чтоб им пооторвало там все вместе с пуговкой! Но отплевываться некогда — схватил Матрешку за шкирку, и давай бог ноги.

— В елки! Скорей!

Метнулись в самую чащу, потом вбок да вниз, в яму. Затаились, слушаем. «Вертушка» вроде ушла, даже стрелять на пробу не стала. Но счастья мало. Эх, Матрешка, Матрешка!

— Что ж ты, красивая, наделала... — вздохнул я. — Вот теперь они точно дрона пришлют по наши души. И куда прятаться?

По всему видно, помирать надо. А ведь полгода жил — не тужил. И чего, спрашивается, с этой дурой связался? Правда, тут бы еще разобраться, кто с кем связался. Не сунься она тогда в мою нору, может, до сих пор бы стояла нора, или что они там, норы, делают? Зияла.

Но это уж известное дело: не отгонишь бабу вовремя — обязательно притащит на хвосте беду. Видно, лазерная метка со спутника по пятам за ней шла и нору нащупала. Хорошо еще, что бомба прилетела, когда меня дома не было — как раз Матрешку по лесу гонял, чтоб проваливала.

— Почему они хотят нас убить? — спросила Матрешка.

Почему...

Странный вопрос.

— Да они не то чтобы очень хотят — сказал я. — Просто мы им не нужны.

— И что?! Они нам тоже не нужны, почему мы их не убиваем?

Смотрю — она ту самую морпехову пуговку в руках вертит. Когда успела подобрать? Зачем? Заскок у баб на галантерейной почве, как у племени Мумба-Юмба.

— Не можем, вот и не убиваем, — я сплюнул.

— А если бы могли? — не унималась Матрешка. — Убивали бы?

Все равно песок на зубах хрустит. Сволочи.

— Что ты ко мне привязалась?! Могли бы — не могли бы! Ни черта мы не можем! — Я осторожно выглянул из ямы, но ничего интересного не увидел — елки стояли вплотную. Где-то рассыпал барабанные дроби дятел.

Чтоб ты гвоздем подавился. Дай же обстановку послушать!

— Надо сидеть тихо и не отсвечивать, — продолжал я. — Говорю же, мы им не нужны. Они инвайдеров ищут.

— Да знаю я! — Матрешка дернула плечиком.

— И что же ты знаешь?

— Война у нас тут. С инопланетными.

— У нас! У тебя, что ли, босоногая? Это у них война. А мы только под ногами путаемся. Вот чтоб не путались, нас по мере возможности и зачищают.

— Защищают? — глазищами хлопает.

— Да наоборот, дура! Защитят тебя! Так что мать родная не узнает.

Поняла, кажется. Озирается.

— И куда мы теперь?

Хороший вопрос. Своевременный. Дятел как раз притомился, умолк, и по лесу отчетливо так разнеслось: фр-р-р...

Дрон.

Отбегались...

— А что это там?

Опять этот шепоток Матрешкин! Прикончит он меня раньше бомбы!

— Нишкни! — губами шевелю. — Умри!

И вдруг вижу — не в лес она смотрит, а вниз, на дно ямы.

И там, на дне, песочек так, воронкой, проседает, проседает, будто подрывает его кто снизу. Потом — ух! Сразу целый пласт обрушился. И открывается под ним черный провал, широкий — на три моих брюха, и глубиной — в самую преисподнюю. Очень в нашем положении уютный провал...

Ползли долго. Все вниз, лаз узкий, ни перил, ни ступенек, для кого ж его такой делали? Я уже черт знает что готов был подумать, но тут над головой щелкнуло, срикошетило, хлопнул дальний выстрел.

Все в порядке. Люди.

— Не стреляйте! — кричу. — Свои!

А кто свои? Кому свои? Потом как-нибудь разберемся. Лишь бы сразу не убили.

И подействовало ведь! Не стали стрелять. Слышу — идут, свет замельтешил, развиднелось кое-как. Вижу, доползли мы почти до самого выхода из нашей трубы в широкий тоннель. Три фонаря впереди колышутся, бьют в глаза лучами.

— Вылезайте! — командует голос. — И к стене лицом, руки-ноги врозь! Оружие есть?

— Оружие, — говорю, — к ношению и применению категорически запрещено миротворческими силами ООН. Здесь, в левом кармане...

Обшарили, забрали пукалку.

— Патронов не имеется, — объясняю. — Вышли при добыче пропитания.

— На крыс охотился, что ли? — заросший бородой мужик брезгливо повертел в руках невеликий мой калибр.

— Зачем? На консервы менял.

Мужик покивал бородой.

— Девчонка — сестра, что ли?

— Жена, — говорю поспешно. — Беременная она.

— Ну? — мужик недоверчиво оглядел Матрешку с ног до головы.

Только б не брякнула чего, дура... Вот уже и губенками зашевелила...

— А что? — выпаливаю. — Дурное дело не хитрое! В смысле — молодое...

И чтобы уж совсем заткнуть ее, начинаю петь во все горло:

— Обручальное кольцо! Не простое украшенье! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!

— Шуткарь... — хмыкнул он без улыбки. — Рано веселишься. Получается так, что придется вас все-таки списать. Нам лишние рты не нужны.

Матрешку вязать не стали, она и так шла безропотно, только глазищи по сторонам таращила — сова совой! А мне скрутили руки тонкой, страшно резучей да еще и ржавой проволокой. Для полного счастья толкали прикладами в спину, торопись, мол. А куда торопиться?!

— Слушайте, — говорю, — мы ведь вас не объедим, не обопьем. Слава Богу, руки-ноги есть. Что я, на себя и на Матрешку еды не добуду? Заповедный лес кругом! Дичи — прорва! Да я вас всех прокормлю!

— Иди, иди, — поморщился батяня (так звали бородача остальные двое). — Не хватало нам только, чтоб дронов на нас навел. Кормилец...

— Вы что, вообще наружу не выходите?! — я даже остановился.

Батяня покачал головой.

— Не выходим. Потому и живы до сих пор. Как затворились пятьдесят человек, так и решили: больше никого не брать. Вот как подъедим все, так и объявим

себя — пусть убивают. Но ради вас двоих смерть торопить не собираемся!

— Мудро, — согласился я. — Так мудро, что мне, тупому, ни хрена не понять! Вы что, просто сидите и смерти ждете?!

Батяня помолчал.

— Помирать по-любому придется, — философски вздохнул он. — Такое уж наше везение.

— Да с чего вы взяли?! — я прямо кипел от такого скотского безразличия. — Рано или поздно военные найдут этих своих инвайдеров и переколошматят! А может — те их! Нам без разницы. Главное — больше не надо будет прятаться!

— Вот, вот — угрюмо кивнул батяня и, глянув на меня исподлобья, вдруг ткнул пальцем в пол. — Чего их искать-то? Тут они, инвайдеры. Под нами...

— Чего от нас хотят? — спросила Матрешка.

— Да погоди ты! — отмахнулся я. — Не до тебя сейчас!

Сквозь решетчатое окно кабины козлового крана, куда нас запихнули до вынесения окончательного решения (как будто на голосовании стояло еще какое-нибудь решение, кроме как прикончить!), я видел все гигантское пространство цеха. Посреди зала громоздился опутанный проводами, маслянисто поблескивающий кожух какой-то установки, ни пылинки на ней, ни соринки вокруг. Похоже, не такие уж заскорузлые мужики тут живут, кой-чего кумекают и в технике. Электричество вон жгут, не экономят. А где берут?

— Беда наша в том, — задумчиво произнес я, — что мы им совершенно не нужны...

На ступенях металлической лестницы, ведущей в кабину, послышались грузные шаги, отдающиеся басовитым гулом перил. Так себе музычка, ничего, кроме похоронного марша, не напоминает.

Лязгнул замок, взвизгнула дверь. Вошел высокий, сильно сутулящийся человек с темными кругами вокруг глаз и таким же угрюмым выражением лица, как у батяни. За ним — сам батяня.

— Ну, чего выпучился? — хмуро бросил он мне и сразу отвернулся. — Чуда ждал, что ли? Не будет чуда. Решено всем обществом — вы нам тут не нужны.

— Выходите, — мотнул головой сутулый.

— Минутку! — я прокашлялся, преодолевая сип в горле. — Вы понимаете, что спасти вас от уничтожения может только одно?

Сутулый взглянул на меня с некоторым насмешливым интересом.

— Намекаете, что мы можем выдать военным, где скрываются пришельцы? — спросил он.

— А почему бы и нет?

— Потому что нам известен план миротворческих сил на этот случай, — сутулый вынул из кармана помятый металлический портсигар и щелкнул крышкой. — Превентивный ядерный удар на опережение. Эвакуация не предусмотрена.

— И откуда вы все знаете?! — запальчиво спросил я.

Сутулый не ответил.

— Хорошо, — сказал я, переводя дух. — Тогда другой вариант. Вы пытались установить контакт с этими, внизу?

Подрагивающими пальцами сутулый выудил из портсигара обгорелую с конца самокрутку, чиркнул спичкой, нервно затянулся. Присел на колченогий стул.

— Бесполезно, — сказал он наконец. — Они не идут на контакт.

— Как именно не идут? Вы сами ходили к ним?

— Никто из посланных туда не вернулся. Некоторых на наших глазах уничтожили с помощью какого-то неизвестного оружия.

— А может быть, они вас боятся? — подала вдруг голос Матрешка.

— Не лезь ты! — прицыкнул я.

Сутулый помолчал.

— Не думаю. Скорее, мы им просто не нужны...

Он глубоко затянулся, закашлялся надсадно и с отвращением вышвырнул окурок за окно.

— Правда, иногда...

— Что?

— Иногда они проявляют агрессию.

— Хотят выбраться?

Сутулый пожал плечами. Вместо него ответил батяня:

— Кто ж так выбирается? Палят снизу своими зарядами в белый свет, как в копеечку, а наступать — ни-ни. Ну да мы тут тоже не лаптем щи хлебаем. Наладили плазменную пушку. Постреливаем для острастки вниз, в шахту. Пусть сунутся! Тут ведь в советское время «ящик» был, много чего испытывали...

— Что еще за ящик?

— Почтовый, — авторитетно пояснил батяня. — Минсредмаш.

Понятнее не стало, но я уже думал о другом.

— Слушайте! Если время от времени они нападают, значит, что-то им все-таки нужно?

— Вот вы нам и расскажете, что им нужно, — сутулый тяжело поднялся со стула. — Если вернетесь оттуда...

Очередной пролет лестницы привел на маленькую площадку. Луч фонаря освещал ее сразу всю. Те же закопченные перила, сетчатое ограждение с проплавленными в нем дырами — следами плазменных ударов, квадратный люк в полу. За ним — следующий пролет. Сколько их было уже? Сколько еще осталось? И где, наконец, эти чертовы инвайдеры? Я устал ползти, нащупывать ступеньку за ступенькой, устал вглядываться в тени, устал бояться. Скорее бы...

— А если мы ничего не успеем сказать? — как всегда не к месту ляпнула Матрешка.

— Ты-то уж точно успеешь, — проворчал я. — Прямо мастерица вылезти, когда не просят! Гляди лучше по сторонам! Пока чего-нибудь не увидишь, молчи!

Я стал спускаться в люк.

— Колесо вижу, — доложила Матрешка.

— Заткнись!

— Ладно, — ее босые пятки затопотали по ступенькам у меня над головой. — Только там шевелится что-то...

— Где?!

Я стремительно направил луч на ржавое колесо грузового подъемника. Ничего там не шевелилось.

— Было, а теперь нет, — сказала Матрешка

Я пошарил лучом вокруг. Обрывок троса, покосившаяся балка, труба с вентилем. Все пыльно, неподвижно и безмолвно.

— Попрятались, — уверенно заявила Матрешка, — на самом деле они давно за нами следят.

— А чего за нами следить? Бери голыми руками.

— Откуда у них руки? Это ж инвайдеры! Они нас поглубже заманивают.

— Врешь ты бессовестно, вот что я тебе скажу! Очень мы им нужны...

И тут ударила молния.

— Вставай, вставай! — кричал кто-то вдалеке, и так было приятно, что эти слова относятся не ко мне, а к кому-нибудь там, на другом краю земли. А я могу по-прежнему лежать в темноте, не чувствуя ни рук, ни ног, и слушать далекий испуганный голос, чем-то даже знакомый. Ну, да, слегка похожий на...

Матрешка?!

Что-то больно хлестнуло меня по щеке. Голос сразу приблизился. Оказывается, он бренчал над самым ухом.

— Ну, вставай же ты! Они идут!

Я открыл глаза и сел. От этого мало что изменилось, меня по-прежнему окружала чернильная непроницаемая гуща.

— Кто идет?! Где?

— Да вон же!

Мокрые пальцы вцепились мне в уши и так резко крутанули голову, что я чуть снова не отключился. В глазах вспыхнули оранжевые искры. Хотя... Кажется, это не у меня в глазах. Это у них.

Врать не буду, струхнул. Да и кого не прохватит морозом вдоль позвонков, когда из пещерной тьмы кинутся этакие волчьи светляки?

Я кое-как, хватаясь за воздух, поднялся на ноги и тут же треснулся макушкой о какую-то железяку — в темноте гулко раскатилось эхо.

— Осторожно, здесь перила! — прошипела Матрешка.

Ничего не скажешь, умеет вовремя предупредить.

Огни быстро приближались, где-то звякнуло, скребануло острым по железу, гукнул, просев под чьей-то тяжестью, металлический лист настила.

— Где фонарь? — прохрипел я.

— Тут, — доложила Матрешка. — А что?

— Где тут?! Включай скорее!

— Так ведь заметят нас!

Я метнулся на голос, ухватил ее за плечи, вырвал из рук фонарь.

— Дура! Давно заметили!

Желтый круг света сначала уперся в лестничный пролет, круто уходящий вверх, потом в закопченную стену шахты и, наконец, нырнул в темный проем. И сейчас же мерцавшие там огоньки превратились в людей с факелами...

— Хватит врать! — Тощий человек, допрашивавший меня, напоминал складной нож — то переламывался в пояснице, будто собирался сложиться вдвое,

то резко, с пружинным щелчком, распрямлялся, и мне каждый раз казалось, что вот сейчас он тоже долбанется башкой о какую-нибудь железяку. Однако ничего инопланетного в нем не было — обычный голодранец с синими буквами татуировки на волосатых пальцах: «Вова».

— Где вы прятались? — острый, как лезвие, его нос оказался у самого моего лица. — Не выкручиваться! Отвечать быстро! Ну?

— Да мы вроде как и не прятались... — пробормотал я.

— Не выкручиваться, я сказал! — взъярился складишок. — Это — что?!

Я пожал плечами.

— Фонарик.

— Фонарик! — драматически взвыл он, распрямляясь до потолка. — Не фонарик, драть твою дратву, а новый, с иголочки, фонарь, да со свежими батарейками!

В доказательство он пощелкал тумблером, озаряя электрическим светом полутемную комнатку с торчащей в углу лучинкой.

— А ведь это значит — что? — спросил он зловеще.

— Что электричество изобрели, пока вы сидите тут, — буркнул я.

Надоел он мне страшно. Чего из себя строит? Следователь хренов!

Вова покивал.

— Очень смешно. Очень. Но неправильно! — Он резко сложился буквой «Г» и доверительно сказал мне на ухо: — Это значит, что ты и твоя подружка нашли где-то новый склад. Склад, о котором никто не знает. И жируете, пока мы все с голоду пухнем!

Не очень-то ты распух, подумал я, но вслух говорить этого не стал.

— Нигде мы не жируем! Мы же только что пришли!

— Откуда? — хитренько сощурился Вова. — Я на всех складах людей знаю. Вы с какого?

— Мы от батяни, — сказал я.

Долговязый не понял.

— Тут все от батяни да от мамани! С какого склада, спрашиваю!

— Да ни с какого! — я ткнул пальцем в потолок. — Сверху мы! Из-под неба голубого!

Складишок с лязгом распрямился.

— Че... че-го?!

Он уставился на меня растерянно, потом вдруг хрюкнул совсем не по-детективски и затрясся, как током дернутый.

— Све... ой, не могу! Сверху!

Мне прямо обидно стало.

— Что я смешного сказал?!

Но он только отмахивался обеими руками, заходясь.

— Девчонку мою верните! — потребовал я, пользуясь таким приступом начальственного веселья. — Перепугаете насмерть дуреху!

Вова не обращал на меня внимания. Изнемогая от смеха, он открыл дверь в коридор и прорыдал:

— Садык! Иди сюда! Тут комик зажигает не по-детски! И девку веди! Может, хоть при ней его стыд возьмет!

В коридоре застучали шаги, и на пороге появился низенький узкоглазый человек. Голова его была выбрита, а может, полысела ровно наполовину — от шишковатого лба до темени. Дальше без перехода начинались густые черные волосы, заплетенные на затылке в косицу. Мне сначала показалось, что на нем тесный девичий парик, который он так и не сумел натянуть на лоб.

— Погоди смеяться, Вован, — узкоглазый недобро сверкнул на меня своими щелками. — Сначала надо этого спросить. Очень сильно спросить.

— Учи ученого! — огрызнулся Вован. — Чем я, по-твоему, тут занимаюсь?! Говорю же, веди девку!

— Девка совсем дурная. Знаешь, что говорит? — Садык за шею пригнул Вована к себе и прошептал что-то ему на ухо.

Складишок лязгнул, выпрямляясь, совсем как выкидная наваха перед генеральной поножовщиной, и резко повернулся ко мне.

— Да вы что, сговорились, что ли, над нами издеваться?!

— Ну, что опять? — устало вздохнул я.

— Не могли вы сверху прийти! Ясно? Не могли!

— Почему это мы не могли? — я постарался вальяжно развалиться на шаткой табуретке, опасаясь, что она сама развалится подо мной.

— Да потому, дубина такелажная! — сказал Вован с нескрываемой обидой. — Потому что над нами — инвайдеры!..

И этот туда же. Инвайдеры... Когда-то их называли пришельцами. Инопланетянами. Потом, когда в охоту за ними включились международные силы, появилось буржуйское словечко — инвайдерс. А еще потом, когда выяснилось, что мы, местные, только мешаем охоте, все наши слова стали не нужны. Как и мы сами.

Не знаю, видел ли кто этих инвайдеров живьем. Мне как-то не довелось. Вот и теперь: батяня говорил, что инвайдеры внизу, в шахте. Пришли вниз — тут говорят, что они над нами... И не поспоришь. Кто-то ведь шандарахнул меня разрядом там, на лестнице!

— Ты чего им наплела? — спросил я Матрешку, когда мы наконец остались одни.

Хозяева преисподних чертогов (материальные склады научно-производственного объединения «Вектор») ушли совещаться, предоставив в наше распоряжение шикарную кладовку с тюфяком на полу, запас лучинок, банку консервов, пару сухарей и кастрюлю теп-

лой жижи, предназначенной тут изображать чай. Дверь, правда, заперли. Но все равно, с чего бы вдруг такая щедрость?

— Признавайся, наврала им с три короба?

Матрешка оскорбленно хлопнула глазищами.

— Ничего я не врала! Как было, так и рассказала!

— Ну и как, по-твоему, было?

Ответить она не успела. В дверь деликатно постучали, потом щелкнул замок, и в приоткрывшуюся щель протиснулась нечесаная голова.

— Можно к вам?

— А! Коля! — оживилась Матрешка. — Заходи, заходи! Не стесняйся!

Ишь ты. «Не стесняйся». Быстро освоилась!

— Я вам настоящего чайку принес, — радостно сообщил всклокоченный парень в драной тельняшке, подавая две дымящиеся кружки. В самом деле пахнуло чаем. Настоящим, в настоящих фарфоровых кружках. Может быть, даже и с сахаром...

— Ну, как ты? — он с любопытством разглядывал меня. — Оклемался?

Я молча кивнул, отхлебывая. Надежда на сахар не оправдалась. Ладно, и на том спасибо.

— Жарко пришлось там, на лестнице?

— Спрашиваешь! — ответила за меня Матрешка. — Как налетели эти со всех сторон, как давай палить! Ну, думаем, крышка! Мы — вниз, сыплемся кувырком, без ступенек! Они — за нами! Догнали бы — и конец. Хорошо, что мы нашли способ близко их не подпускать! Но только добрались до последней площадки, вдруг — бац!

— Ага! — оживился Коля. — Значит, не зря мы вас огоньком снизу прикрыли? Отсекли этих?

Я чуть коленки не обварил, расплескав чай.

— Отсекли?!

— Да вы нас просто спасли! — живо влезла Матрешка. — И откуда у вас такая штуковина дальнобойная?

— Собрали кое-что тут, по кладовкам, — разулыбался Коля. — От секретных физиков осталось. Но у нас тоже есть спецы, будь спок! С допуском до трех тысяч вольт! Трансы подмотали, кондеры нашли подходящие — лупасит так, что не сунутся! Только ты скажи, — он снова повернулся ко мне, — как они выглядят? На людей похожи, нет?

Я прислушался к гулкой пустоте в голове и покосился на Матрешку. Она азартно смотрела на меня во все глаза.

— В целом... как сказать... — с трудом пробормотал я, — в темноте разглядеть трудно...

— Вот именно! — Матрешка поощрительно погладила меня по спине.

— Ну, ясно, ясно, — сочувственно закивал Коля. — А все-таки интересно, как же это вы прорвались?!

Мне это тоже было интересно. Вернее, я начинал догадываться, но что-то подсказывало мне, что Коле этого говорить не следует. Может быть, лежащая на затылке ладонь Матрешки с острыми, как у белочки, коготками?

— Сколько раз наши пытались подниматься, — с горечью сообщил Коля, — и артподготовку предварительную проводили, но куда там! У инвайдеров такое оружие — сметает все!

— Как же вы тут оказались, под ними? — спросил я.

Коля махнул рукой.

— Давняя история. Как начали гонять инвайдеров, так многие сюда попрятались. А что? Место тихое, давно законсервированное, натовцы про него не знают — ну и набились, кто мог. Думали пересидеть суматоху. Год просидели на консервах да перловке — надоело. Полезли назад, а хрен — сверху уже инвайдеры!

— Откуда ты знаешь, что инвайдеры? — не утерпел я. — Вы же их в глаза не видели!

Коля улыбнулся мне, как неразумному ребенку.

— А оружие-то! Не с пулеметов, поди, по нам садят! А лучами смерти!

— Так ведь и вы... — начал было я, но вскрикнул от внезапной боли и умолк.

Все-таки очень острые коготки...

— Чего — мы? — не понял Коля.

— Он говорит, — ответила за меня Матрешка, — что мы и вас наверх выведем!

Коля вздохнул с надеждой.

— Хорошо, кабы так... Но мимо инвайдерских пушек... мышь не проскочит... многие у нас не верят вам...

— Говорю же, мы знаем способ! — уверенно заявила Матрешка.

— Ты что, с ума сошла?! — я метался из угла в угол кладовки.

Коля ушел окрыленный, пообещав достать на складе сахару. Едва дождавшись, когда за ним закроется дверь, я напустился на Матрешку.

— Как мы их выведем, дурья твоя башка?!

Матрешка смотрела на меня с беспокойством.

— Только ты, пожалуйста, инвайдеров не бойся! — сказала она с мольбой. — У меня правда есть способ.

— Да какие, в задницу, инвайдеры?! — не выдержал я. — Думаешь, я не понял, что ты все эти битвы сочинила?! Нет никаких пришельцев! Эти идиоты всю дорогу воевали друг с другом! Но если мы попытаемся вылезти из шахты, верхние решат, что это новая атака, и ударят плазменной пушкой! Пыль от нас останется!

— Ты всегда такие умные слова говоришь, — с восторгом прошептала Матрешка. — Что я поневоле тебя слушаюсь. Но пожалуйста! Послушайся меня и ты. Один только разочек! Просто поддакивай, и все. Остальное — я сама...

— Чему я должен поддакивать?! Твоему вранью про инвайдеров?

— Почему вранью? Может, это правда. Ты же не видел, тебя вырубили...

— Кто меня вырубил?! Этот твой Коля с допуском до трех тысяч вольт, вот кто меня вырубил! Отсекли они! Прямой наводкой в лоб!

— Тем более не надо с ними спорить! Инвайдеры так инвайдеры.

— Почему просто не объяснить им, что они идиоты?

Матрешка посмотрела на меня строго.

— Потому что тогда мы будем им не нужны.

Снова заскрежетал замок. Дверь открылась, вошли хмурые Вован и Садык. За ними появилась высокая женщина, закутанная в расползшийся полушалок.

— В общем, так, — с порога сказала она. — Ни одному вашему слову мы не верим!

Некоторое время все молчали. Вован с Садыком только робко поглядывали на женщину. Она прошлась туда-сюда по коморке, словно распаляя себя перед оглашением приговора.

Я почувствовал, что хочу спать. Устал. Надоело все. А ведь сейчас опять придется упрашивать и доказывать...

Женщина вдруг остановилась в углу, вынула из защепа догорающую лучинку, осторожно заняла от нее новую, воткнула на место и наконец повернулась к нам.

— Нам больше нечем кормить людей, — тихо сказала она. — У нас нет выхода. Мы принимаем ваш дурацкий план... Но если вы подведете нас под лучи смерти, то первыми...

Матрешка сорвалась с места и подбежала к ней.

— Теть Зин! Вот честное-пречестное слово! Все будет в порядке! Мы отвечаем!

Вереница поднимающихся людей вытянулась на два лестничных пролета. Их было человек сто, некоторые с детьми — бледными, заморенными, еле передвигающими ноги или безвольно свесившими голо-

венки из заплечных сумок. Всем было страшно, но все упорно ползли вверх пролет за пролетом, лишь бы скорее увидеть небо.

— Как хорошо, — сказала Матрешка.

— Что хорошо? — спросил я.

— Что мы нужны этим людям. Иначе бы нас убили...

— Ты шутишь? — удивился я.

Она не ответила.

— Ну что, пора? — обернулась шедшая впереди Зинаида.

— Пора, — сказала Матрешка и громко, чтоб все слышали, произнесла: — Три-четыре!

Стены шахты сотряслись, загудели и запели вместе с многоголосым хором, не так мелодичным, как громогласным:

— Обручальное кольцо! Не простое украшенье! Двух сердец одно решенье! Обручальное кольцо-о!...

— Ну, вы даете, черти болотные! — батяня отбил руки, хлопая себя по ляжкам. — Мы же чуть Богу душу не отдали, когда ваш хор услышали!

— Хорошо, что из пушки не пальнули! — искренне посмеялся и я.

— Непременно пальнули бы! — заверил батяня. — Песню портить не хотелось!

Он утер набежавшую от хохота слезу.

Пришлых снизу расположили в том самом цеху, где недавно держали нас с Матрешкой. Верхние помогали Зинаиде устроить, напоить и накормить людей, не скупясь, делились невеликими своими запасами.

Вот и попробуй, подумал я, расскажи им, что пять лет они лупили друг в друга из плазменной пушки и электроразрядника... Лучше повременить. Пусть сами догадываются.

— Однако как же вы все-таки инвайдеров обминули? — наседал батяня. — Неужто и на них херувимское пение действует?

— Действует, — пропыхтела Матрешка.

Она тоже помогала Зинаиде и теперь волокла мимо нас пухлый узел, набитый одеялами, кое-какой одежкой и прочим тряпьем.

— Пение на всех действует. Нам бы еще такую песню подобрать, чтобы солдаты нас не тронули...

— Как же, не тронут, жди! — я плюнул на пол. — Они наших песен не понимают. Да и близко не подпустят. Заметят со спутника — и ракетой. Как ты им споешь? По радио разве что. Только где оно, радио?

— Радио-то, положим, есть... — батяня почесал за ухом. — Был у нас тут один любитель. Хотел по радио с инвайдерами договориться. Да мы его к ним пешим порядком отправили. Вроде как вас. Не дошел, видно...

— Его-то за что?! — Матрешка сердито сбросила с плеча узел.

— Чтоб не своевольничал, — твердо произнес батяня. — Житие наше тихое, секретное. Нам радиосигналы не нужны...

Неожиданно по цеху раскатисто прогремели шаги, появился Вован-складишок с пистолетом в руке, косолапя, подбежал к нам.

— Хреново дело, ребята! Нас засекли!

Батяня поблек лицом.

— Кто засек?! Где?!

Вован скрипнул поясницей, распрямляясь.

— Мы с Садыком решили наружную обстановку разведать. Сколько лет солнышка не видали! — он чуть не плакал. — Ну и напоролись на дрон...

— Солнышка?! — батяня ухватил его за грудки и пригнул чуть не до земли. — Вот налетят каски, они вам покажут солнышко!

— Они уже тут, — всхлипнул складишок. — Из вертолетов высаживаются. Прямо у лаза.

Батяня издал сиплый рык, но тут же взял себя в руки. В нем словно включилась программа — он говорил и действовал так, будто давно был готов к происходящему.

— Чеснок, Булыга — за мной! Гоня! Передай Сутулому — пусть разворачивает пушку! Мужики, которые снизу пришли! Патроны, стволы — в кладовке прямо по коридору! Всем — в ружье!

И кинулся к выходу. Я рванул за ним.

— Подожди! Куда ты?! — завопила Матрешка.

— Сиди здесь! — крикнул я. — Не суйся, куда не просят! Скоро вернусь!

— Да нет же! — испугалась она. — Не так надо! Послушай!

Но ее уже оттеснили бегущие следом за нами мужики.

Оказалось, у батяни не один тот лаз затаен был, через который мы с Матрешкой попали на завод. По всему лесу нор нарыто и замаскировано, и к каждому ведет ход — где хочешь, там и вылезешь. Мы с Садыком и Вованом едва поспевали за батяней, ползущим впереди по узкому, полузатянутому глиной тоннелю. Только мелькали в луче моего фонаря его пятки да локти, при этом он еще умудрялся тащить за собой на ремне длинную неповоротливую винтовку, замотанную в мешковину.

— Обложили... — слышалось его скрипучее бормотание. — Егеря сопливые! Ничего, это мы еще перемеряем, кто кого плотнее обложит!

Наконец он остановился, велел погасить фонари, послушал некоторое время в темноте, а затем осторожно снял доску перегородки, закрывающей лаз. В глаза ударил дневной свет.

— Вылезай по одному, — прошептал батяня, обернувшись. — Да не шелестеть мне!

Друг за другом мы выбрались в неглубокую лощинку, заросшую высокой травой. Полежали на дне, вглядываясь в небеса. Дронов не было.

— Совсем страх потеряли, — проворчал батяня. — Буром прут, без разведки. За мертвых нас держат, что ли?

Он выполз на край лощины с биноклем. Я осторожно высунул голову рядом. Садык с Вованом остались внизу. Стыдясь за промашку, они теперь шевельнуться боялись без команды.

Даже без бинокля мне было видно, что каски засели прямо напротив главного входа в бункер, но пока не шевелились.

— Технику ждут, — уверенно сказал батяня. — Дверь прожигать будут...

Он вдруг резко повел биноклем вправо.

— А эти куда?!

Тут и я увидел группу человек из пяти, скрытно пробирающуюся в обход бункера — прямо в нашу сторону.

— Э, нет! — сказал батяня, разматывая мешковину с винтовки. — Так не пойдет. Штурмуйте с фасаду, если неймется, там вас сутулый встретит! А на флангах мы вас подавим!

Он припал к окуляру прицела.

— Далековато, черт!

— Да нормально, — возразил я. — Это ж «Ремингтон», а не «СВД». Влепит, как в бубновый туз!

Он строго покосился на меня.

— Ах да... Это ж ты обещал всех нас дичью прокормить!

И сунул винтовку мне.

— Ну, давай, охотничек, покажи себя!

Я пожал плечами, улегся поудобнее и прицелился. Подумаешь, задача! Хаки ползли осторожно, но в окуляре мощного «комбат гансайта» были видны, как в домашнем кинотеатре. Я выбрал того, кто пониже других задирал задницу, — наверняка сержант.

— Сзади! — неожиданно выдохнул Садык.

Я резко обернулся.

Они со складишком припали к земле по обеим сторонам лаза. Из глубины тоннеля слышалось отчаянное сопение, шарканье, перестук худых мослов. Я понял, что это кто-то из своих. И действительно, в отверстии

показалась голова Коли. Проморгавшись на солнце, он сразу ринулся ко мне.

— Срочно! Она сказала отдать раньше, чем ты выстрелишь!

— Кто — она? Что отдать? — я не сразу понял, о чем он.

— Матрешка! — Коля что-то вынул из кармана и протянул мне. — Это очень важно!

— Тьфу ты, мать честная, с такими вояками! — рассердился батяня, отбирая у меня винтовку. — Стрелять надо, а они — по матрешкам! На позицию девушка провожала бойца, мать вашу так!

Я с удивлением рассматривал то, что принес Коля. Это была маленькая невзрачная пуговица военного образца. Ну да, я видел ее не так давно у Матрешки, она подобрала ее в лесу, когда мы спасались от патруля. Но ничего особенного в этой дурацкой пуговке не было...

И тут меня накрыло. Это было как внезапное пробуждение. Только мой сон длился полгода...

— Himmelherrgott!!! Радио! Мне немедленно нужно радио!

Я ухватил батяню за ворот и потащил за собой к лазу.

— Никому не стрелять! — гаркнул я остальным. — Передайте всем — ждать и не шевелиться!

— Так точно, господин генерал, сэр! Это было недоразумение. Никаких инопланетян не существует, вторжения не было. Русские, как всегда, перепугали сами себя. А все эта их факен секретность!

— Ты с кем это разговариваешь?

Я вздрогнул, быстро снял наушники и щелкнул тумблером. Лампы допотопного любительского передатчика, разложенного во всем безобразии на колченогом столе в каморке батяни, медленно погасли.

Матрешка глядела на меня своими огромными глазами. Сова совой!

— Видишь ли, — смущенно начал я. — Теперь, когда все выяснилось, операцию можно отменить... Ну и... нет смысла скрывать, что я не просто так проник в этот бункер... надо же было узнать... Зато теперь мы все можем выйти наружу, нас не тронут! У меня наконец-то есть связь!

— А раньше не было? — В Матрешкиных глазищах, как мне показалось, пряталась насмешка.

— М-да... Когда-то была рация, но... По глупой случайности... Помнишь, в тот день, когда ты пришла ко мне в землянку?

— Помню, — улыбнулась она. — Ты еще бегал за мной по лесу с дубиной и кричал, что я тебе не нужна и чтоб убиралась ко всем чертям...

Я поежился.

— Вот-вот. И тут этот шальной снаряд — прямо в мою нору... — я вымученно улыбнулся. — Можно считать, что ты меня спасла!

— Это был не снаряд, — с улыбкой сказала она.

Я осекся.

— То есть как?

— Мне очень мешал этот твой передатчик. Нужно было от него избавиться.

Онемевшей рукой я с трудом нашарил за спиной стул и сел.

— Ты о чем это, Матрешечка?!

Она присела на край стола. Помолчала, беззаботно болтая босой ногой.

— Прости, у меня не было выхода. Пришлось сделать так, чтобы ты забыл, кто ты такой.

— Зачем?!

— Мне же нужен был телохранитель! Пришлось долго ждать, пока мой Кокон зарастит повреждения. Пять лет! Но я не жалею — это были полезные годы... — она взяла со стола кусочек олова и задумчиво помяла его в пальцах. — Я досыта насмотрелась на людей. Думаю, впечатлений хватит надолго. Теперь Кокон здоров, войска отходят, я могу лететь.

— Подожди, подожди! — я схватился за голову. — Что ты мне тут... Хочешь сказать, что ты — инвайдер?! Не ври, пожалуйста!

Олово в ее руке вдруг потеряло форму, прокатилось радужной каплей по ладони и закапало с кончиков пальцев на стол.

— Инвайдер — это захватчик, — назидательно сказала она. — Я у вас ничего не брала. Это вы разбили мою тачку своей ракетой, так что — кто еще кому тут захватчик! Нет, я не обижаюсь — вы ведь в каждом видите инвайдера, даже друг в друге. Не пойму только, какая вам от этого польза. Но обещаю подумать на досуге...

Прежде чем я успел отшатнуться, она снисходительно потрепала меня по голове прохладной ладонью, потом повернулась и направилась к двери.

Я вскочил.

— Подожди, Матре... то есть... ты что же, вот так и уйдешь?!

Она обернулась.

— Хочешь что-то сказать на прощание?

— Да!.. Нет. Я не дам тебе уйти! Я сейчас же вызову спецназ, авиацию, тучу дронов...

Она разочарованно покачала головой.

— А я надеялась, что ты расскажешь, как будешь по мне скучать...

Я щелкнул тумблером передатчика.

— Не собираюсь с тобой шутить! Стой, где стоишь!

— Перестань, — поморщилась она, поднимая руку. На ее ладони лежала самая большая радиолампа из батяниного передатчика. — Не превращай трогательное расставание в скандал с битьем посуды!

Лампа грянулась об пол и разлетелась вдребезги. Передатчик был мертв.

— И не ходи за мной, — с обидой сказала Матрешка. — А то с твоей головой будет то же самое!

— А вот это мы еще посмотрим! — сказал я, направляя на нее пистолет, которым успел разжиться у Вована.

Она только презрительно усмехнулась и пошла к двери.

— Матрешка, стой! — грозно крикнул я.

Она продолжала идти. Я прицелился. Пистолет ходил ходуном.

— Ну не могу я тебя отпустить, пойми!

— Почему? — спросила она, не останавливаясь.

— Почему! Ясно почему... А вдруг ты вернешься с целой армией, чтобы нас завоевать?!

Она обернулась в дверях.

— Да кому вы нужны...

ОБРОК

«Нам не дано предугадать...»
F. T.

Ко рту девочки вместо языка подрагивал короткий обрубок.

Андрей Иванович перевел взгляд на хозяина избы. Тот погладил девчушку по русым волосам и вложил ей в руки тряпичную большеглазую куклу.

Держи, родимая. Поиграй.

Горемычная взяла подарок, взглянула испуганно и быстро на двух мужчин и отодвинулась на лавке подальше.

— Вчера приютили. Возле церкви она побиралась, — сказал мужик. — Даже имени ее не знаю. Мычит только как телок, от мамки отлученный.

Девчушка подбежала к сидевшей подле божницы женщине и уткнулась ей в колени. Женщина убрала Евангелие в потертом переплете, заложив страницы старой газетной вырезкой и стала нашептывать девочке в ухо тихие правильные слова.

— Вот, Андрей Иванович, сами убедились. Так ведь она — первая, кто мне в руки дался и со мной пошел. Остальные и вовсе взрослых боятся: чуть только заговоришь с ними — деру дают. — Мужик тяжело вздохнул. — И ведь все больше их становится. Посмотришь, на папертях перед церквами их все прибавляется. И все молчат, безъязыкие. Ни смеха детского, ни считалки какой — только тишина. Мелькают по городу, как тени побитые.

Мужик посмотрел на привеченную им гостью, оседавшую сонным кулем на руках у хозяйки.

— Вот и поговаривать стали. Пока все больше между собой. Так вслух-то и на публике боязно в своих страхах и домыслах признаться. А тут еще городской голова сиротский дом закрыть распорядился. Жутко становится...

Избенка, куда мужик зазвал Андрея Ивановича в гости, выглядела опрятно, точно девка, засидевшаяся на выданье. В центре горницы, перед протянувшейся вдоль рядка окон лавкой, стоял стол с нехитрым крестьянским угощением, без которого, по мнению хозяев, не стоило и приступать к столь важному разговору. В красном углу стояла большая икона Николая Угодника с зажженной перед нею свечкой. Тепло пахло лампадным маслом. И все вещи были затертыми, лоснящимися, выцветшими. Изобилия и излишеств, привычных для Андрея Ивановича, как он только что с удивлением для себя самого осознал, в доме не было.

Однако хозяин — крепкий мужик, едва разменявший четвертый десяток, — этими лишениями не тяготился, да и едва ли их ощущал. Все здесь было сделано добротно, приспособлено под его нужды и находилось на своем месте. С той же деловитостью он перешел к сути:

— Я ведь, Андрей Иванович, к вам потому и обратился, что человек вы в нашем городе новый и в интриги местные не вовлечены. А между тем в большие дома вхожи. Я уж, не сердитесь, Христа ради, служак гостиничных порасспрашивал немного о важном госте. — Говоривший несколько смутился. — Подсобите разобраться. Ведь странно это: детей безъязыких и безмолвных на улицах все больше, а вступиться за них никто не торопится. Ни городской голова, ни промышленник какой или купец, о благе общем или репутации своей пекущийся. Андрей Иванович, будьте милосердны к деткам-то. Может, в столицах слово замолвите или здесь, — мужик сделал выразительную

паузу, — что-то об их участи узнать и прояснить сумеете.

Андрей Иванович подумал о том, что миссия, с которой он прибыл в Томск, в том как раз и заключалась, чтобы узнать и прояснить. Хотя касалась она участи совсем иной по возрасту и статусу персоны.

Он посмотрел на спящую безымянную девочку и сказал:

— Непременно детской участью обеспокоюсь и сделаю все, что в моих силах.

— Нам-то Бог детей не послал пока. А за сироток переживаем.

Андрей Иванович помолчал немного, вспоминая приемного сына, названного в его честь, и утвердительно кивнул. Уже на крыльце он крепко пожал мужицкую руку в знак заключенного между ними соглашения и уточнил, не допуская иного исхода:

— Вскоре свидимся.

Метель разыгралась. Она заигрывала с Андреем Ивановичем, покусывая ему щеки и холодя уши, когда тот возвращался в гостиницу. Ветер сбивал с ног, подобно кулачному бойцу, поднаторевшему в модной английской забаве. Андрей Иванович принял защитную позицию: он поглубже закутался в шубу, поднял воротник, натянул перчатки, обмотался шерстяным шарфом и надвинул на самые брови меховую шапку.

Андрей Иванович прибыл в Томск засветло и не успел еще свыкнуться с норовом местной погоды. Теперь он шел, наклонясь против ветра и медленно переставляя ноги по все прибывающему снегу, словно утверждая себя на этой земле. Снег хрустел под подошвами валяных сапог, как пачки новеньких ассигнаций. Сугробы увеличивались в размерах. Морозы брали свое, напоминая, как далеко еще было до теплых, ясных весенних дней.

Будь на то воля Андрея Ивановича, он не оказался бы здесь, да еще в разгар хваленой — разумеется, за

глаза, — сибирской зимы. Но дело, а точнее, общество, интересы которого он представлял на территории Российской империи, не терпело отсрочек и отлагательства.

Едва только появились странные слухи о бумагах старца Федора Кузьмича, которые считались пропавшими после его смерти, было принято решение отправить в Томск эмиссара. Помимо очевидных причин интерес к архиву подогревался и тем обстоятельством, что Федор Кузьмич был единственным выжившим в примечательном происшествии почти десятилетней давности, и бумаги могли раскрыть подробности этого загадочного дела.

Шаткие хитросплетения чужих мыслей, которым Андрей Иванович должен был подчиниться, отложив текущие дела и хлопоты, отправили его в путь по Сибирскому тракту, который в глазах многих еще оставался, несмотря на крепнувшую торговлю с Китаем, дорогой в каторжный край.

Предлог для путешествия и знакомства с влиятельными особами из местных Андрей Иванович нашел в привычной себе сфере коммерции, вознамерившись говорить о сооружении здесь небольшого свечного завода.

Однако теперь у пребывания в Томске появились иные задачи, равнодалекие и от бумаг, и от заводов. Из головы не шел образ обреченной на молчание пред людьми девочки, чье лицо выражало униженное и терпеливое страдание. Остаться в стороне он не мог. Подобный шаг вступил бы в разлад со всей его натурой, цельностью и целеустремленностью, которой Андрей Иванович по праву гордился. Он твердо вознамерился исполнить данное Романычу обещание.

Тот был первым, с кем он свел знакомство в городе. Обустроившись в гостинице, Андрей Иванович предпринял небольшую прогулку не как фланер, а в свойственной ему энергичной манере, по центру города и окраинам. Он обдумывал в деталях предстоящее дело, которое, как он предполагал и надеялся, бу-

дет состоять большей частью из расспросов и разговоров.

От размышлений его внимание отвлек мужик, коловший на подворье дрова. Андрей Иванович невольно залюбовался его сноровистыми, экономичными движениями. Мужик доставал чурку, ставил ее на иссеченную колоду и легко раскалывал колуном надвое, умело избегая сучков и свилей. А затем бил плашки еще раз и складывал четверти в поленницу. Работа спорилась и явно доставляла работнику удовольствие.

Андрей Иванович подошел перекинуться с дровоколом парой слов. Мужик, довольный неожиданным перерывом, отложил топор и степенно представился Романычем.

В краях сибирских он оказался не своею волею, жил в Омске, а теперь перебрался сюда на поселение. Более о прошлом Романыч не распространялся, обходя неприятную для него тему стороной.

Впрочем, на судьбу он не роптал, жил, по его признанию, с любимой супругой душа в душу, а на пропитание зарабатывал плотницким и столярным ремеслами, для чего имел пристроенную к дому мастерскую. Хаживал Романыч вместе с другими мужиками и в тайгу: промышлял кедровый орех, бил зверя.

Недолгая беседа включила и краткий рассказ Штольца о причинах, разумеется, официальных, его появления в городе, и местные новости в виде сплетен, щедро пересказанные Романычем. После чего тот вернулся к колке дров, а Андрей Иванович продолжил прогулку.

Он и помыслить не мог, что уже вечером новый знакомец будет поджидать его у гостиницы с просьбой о помощи.

По возвращении в гостиничный номер Андрей Иванович достал непривычно тяжелый дорожный саквояж и нашарил на его дне небольшой кожаный футляр. Внутри него покоились надежно защищенные от сот-

рясений стеклянные ампулы. Вещество было синтезировано взамен натурального гениальным Бутлеровым по приватной просьбе Андрея Ивановича и с пожеланием хранить оную просьбу в строжайшей тайне.

Андрей Иванович опустошил одну из ампул — колером жидкость походила на бургундское — и ощутил привычный и долгожданный прилив деятельных сил.

Обычно вещество действовало на протяжении пяти, реже шести часов, наполняя силой, даруя бодрость и необыкновенную, поначалу даже пронзительную, четкость мысли. Возможно, что принимать поздним вечером столь сильнодействующее средство и не следовало, но Андрей Иванович чувствовал непреодолимую необходимость в подкреплении собственных сил, изрядно истощенных и долгой поездкой вольными ямщиками и почтовыми каретами, и зрелищем молчаливо страдающей девочки.

Он был намерен лично убедиться в безопасности вещества — Андрей Иванович положил этому срок в три года и немедленно приступил к эксперименту на собственной персоне — и затем предъявить результаты обществу как возможную панацею от тех неудобств, с которыми было сопряжено потребление природного аналога. К тому же открытие могло обернуться немалыми коммерческими преференциями.

Андрей Иванович бегло просмотрел почту, которую он заблаговременно распорядился пересылать по новому адресу, и распечатал по порядку несколько писем.

В первом из них его недавний знакомый, господин Адуев, предлагал вступить капиталом в новообразуемое пароходство. Вторым письмом супруга уведомляла о здоровье домочадцев и предпринятых ею хозяйственных хлопотах. К уведомлению добавлялись пожелание скорейшего разрешения всех дел и возвращения домой, уверения в бесконечной любви и несколько приятных Андрею Ивановичу фривольностей. Еще пара писем была от кредиторов, ссудивших его деньгами и теперь требующих уплаты капитала и процентов.

Андрей Иванович на скорую руку подготовил обратную корреспонденцию. Господину Адуеву он подтвердил возможную заинтересованность в размещении капитала в указанном предприятии на условиях равноправного партнерства и интересовался расчетами финансовой состоятельности прожекта. Жене написал короткое, но пылкое письмо с ответными фривольностями и общими фразами. Кредиторов уважительно просил принять во внимание тот факт, что располагаемые им денежные средства находятся в деле, то есть работают на получение прибыли, и преждевременно извлечь их из оборота никак не возможно.

Илья Ильич, его добрый приятель, не преминул бы подсчитать количество назойливо повторяющихся слов и проверить, на свои ли места расставлены запятые, но сам Андрей Иванович, повинуясь велениям времени, на первое место ставил скорость и точность ответа, полагая строгую красоту формы, обязательной лишь для поэтов и философов.

Оттого он был вдвойне рад письму с городским гербом и печатью из бурого сургуча, отложенному напоследок. Не ожидая так скоро получить ответ на свое послание, которым он уведомлял городского голову о прибытии в Томск, в содержании этого ответа Андрей Иванович не обманулся: городской голова свидетельствовал ему свое почтение и ожидал с визитом.

Он написал короткую записку с благодарностью за приглашение и обещанием, что он, Андрей Иванович Штольц, посетит городского голову завтра же, ровно в полдень. А затем подумал о грядущем веке, который сулил ускорение всех сообщений, и, словно споря с последствиями этой деловитой стремительности, присоединил к энергичной подписи два каллиграфических завитка.

Над столом городского головы, заставленным одинаковыми письменными приборами, со всей очевидностью даренными, висел огромный портрет его пред-

шественника. Картина должна была то ли служить знаком преемственности власти, то ли демонстрировать охотничий трофей хозяина кабинета наподобие медвежьих и волчьих голов, висящих по соседству.

Владелец кабинета, одетый по-простому, в купеческую сибирку, был приятен лицом, невелик ростом и жантилен манерами. Беседу начали на заморский манер с главного.

Зима лютовала. Воздух трещал от мороза, а сугробы грозили уподобиться египетским пирамидам. Приметы обещали урожайное лето, однако соображение это горожан никак не согревало. Старожилы вспоминали, что такие же морозы выпадали на их долю лет пятнадцать назад, и предрекали скорое падение небесных тел, с которым их память связала прошлый погодный катаклизм.

Вскоре выяснилось, что город, вверенный попечительству городского головы, процветал, пренебрегая этими и прочими трудностями, носившими, несомненно, временный характер, и при должных усилиях и опытном руководстве неминуемо должен был и далее умножать свое благосостояние.

Штольц заметил, что речь его собеседника можно уподобить оперной арии, и она исполнялась для публики уже не в первый раз. В нужные моменты исполнитель умело делал паузу, в требуемых, большей частью для рассказа о собственных достижениях, местах — патетически возвеличивал голос, а в особо торжественных случаях и вовсе артистически заламывал руки.

Андрей Иванович прекрасно понимал, что подобное распределение ролей вызвано потребностью города в притоке людей и капитала, и беседуй он с градоначальником в Европейской России, ситуация была бы строго обратной: развлекать публику арией гостя пришлось бы ему...

Нынешнее положение дел Штольца прекрасно устраивало и тем, что уточняющими вопросами, кивками и даже молчанием он направлял течение беседы в нужное ему русло.

Благосклонность властей к его предприятию? Всенепременнейше, иначе и быть не может. Личные уверения в благосклонности, благоприятствовании, благожелательстве и полудюжине других благ. Торговля и производство — два кита, на которых покоится благополучие любого поселения, от стольного града до уездного городка.

Конкуренция? Почвой и природными дарами сибирская земля обильна, а в толковых купцах и дельцах имеет недостаток. На таких просторах каждому начинанию место найдется, и круг хозяев здесь еще не замкнулся. К тому же купечество здешнее славно атмосферой взаимовыручки. Упоминание о выручке, да еще и взаимной, по наблюдению Штольца, говорившего заметно оживило. Впрочем, вступать в ряды золотопромышленников или заниматься винокурением и виноторговлей он не советовал во избежание гибельных случаев.

Возможности для меценатства? Обилие таких возможностей. Хотя город и находится, по некоторым мнениям, посреди ледяной пустыни, но духовной жажды никто из горожан не испытывает. Театр имеется, собор. Больницы, дома призрения... Деньги-то много куда можно помеценатствовать, чтобы потомкам о себе добрую память оставить. Вот, к примеру, музей краеведческий...

Андрей Иванович заметил, что при упоминании музея глаза городского головы едва ли не увлажнились, и полюбопытствовал:

— А может, тогда деньги сразу? То есть напрямую потомкам? Сиротские дома у вас в городе имеются?

— Тут, любезный Андрей Иванович, у нас прореха в сети меценатства. Был такой дом, но вот как раз незадолго до вашего приезда я его велел прекратить, а подопечных перевести... Туда, где теплее, одним словом. Сами заметили, для детишек у нас здесь климат совсем не подходящий. — Он сочувствующе вздохнул, покивал и снова вздохнул. — Слышал, слышал, ко-

нечно, что люди говорят. Будто дети-то все поразбежались.

Городской голова, прерывая плавное течение речи, всплеснул руками, словно показывая, как стремителен был их побег:

— Чушь! Ну, не все, не все... Да и тех обязательно наши блюстители закона и нравственности возвратят на полагающееся им место.

— А с кем из уважаемых в городе людей знакомство свести посоветуете?

— Вы, любезный Андрей Иванович, заглядывайте в наше Общественное собрание. Оно название получило как раз потому, что все общество, достойное вашего внимания, в нем собирается. Газеты, журналы, библиотека. Бильярд, карточных партий любители. Все есть, даже шашки. Мы в Томске живем, а скукой и унынием не томимся. — Он улыбнулся испытанному каламбуру. — Запишу вас членом клуба, взнос у нас на столичные мерки небольшой: как человеку семейному — пятнадцать рублей.

Прошлогодние события на Венской бирже, уже вызвавшие в Европе банковский кризис и сулившие продолжение неурядиц, сказались и на финансовом положении Штольца — в той степени, которую сам Андрей Иванович полагал неудобной. Должно быть, он допустил какое-то мимическое отражение этих мыслей, потому что его собеседник быстро предположил:

— А если вы по деловой части, то с Евграфом Николаевичем Кухтериным рекомендую пообщаться. Вы на тракте чайные обозы до Нижнего Новгорода видели? Кухтеринских среди них немало. Он ямщиком начинал, но уже в купечество переписался и торговый дом открывать собирается. — Видно было, что городской голова готов отнести часть кухтеринских заслуг на свой счет. — Буду вас рекомендовать. К губернатору ходить не советую: его интересы лежат совсем в других сферах. А вот еще с золотопромышленником Хротовым непременно знакомство сведите.

Большой оригинал и невероятной удачи человек. На золотых приисках состояние сделал. А ведь это дело, понимаете, рискованное. Так ведь после наш Семен Феофанович торговать на бирже взялся. Мы уж сами начали ставки делать, как скоро он состояние спустит, а он исхитрился его приумножить. И по сей день, — доверительно сказал градоначальник, — большой со своих вложений доход имеет.

— Я еще о некотором старце слышал, — поинтересовался Штольц. — Фрол... Нет, Федор Кузьмич...

— О, Федор Кузьмич — первейшая наша местопримечательность. Благочестивый старец. Все ходоки какие-то к нему были, гости странные. Одет простолюдином, а все, кто его видел, наблюдали в его чертах и манерах нечто влаственное. Одним словом, непростой человек. — Городской голова был сторонником единоначалия, и чужая власть в городе пришлась ему не по вкусу. — Был... А как преставился, стало, конечно, попроще. Так это уж десять лет минуло. За такой срок многое перемениться может. Прогресс, Андрей Иванович, неумолим. В обоих значениях.

На лице Штольца отразилось недоумение, которое его собеседник поспешил исправить:

— Во-первых, умалять значение прогресса в развитии наук и улучшении общественных нравов невозможно. Сами посудите, крестьянину свободу дали. Торговля крепнет. Железные дороги строим, географические изыскания проводятся... А во-вторых, умолять прогресс о снисхождении невозможно. Он подобно тому же поезду стремится в будущее и отстающих ждать не будет. Стоит тебе замешкаться или промедлить, и останешься на перроне глазеть вслед убегающим вагонам. А значит, за место в этом поезде — в «берлинах» или даже третьим классом — придется побороться. А прогрессу и дела нет до того, есть ли у тебя силы для этой борьбы или ты и вовсе полагаешь направление его неверным... Говорю же, Андрей Иванович, прогресс неумолим.

Он снова взял паузу, но Штольц, уже искренне заинтересованный в этих рассуждениях, поинтересовался:

— А какие у вас взгляды на Томск в будущей перспективе?

— Будущее? Блистательное будущее! Уж вы мне поверьте, наперед знаю. Просто блистательное! Заводы. Промышленность. Торговля. Деловая жизнь кипит. Железная дорога! Та, впрочем, смутно и странно видится. Университет! И непременно с садом! Расцвет наук. Театры. Население в миллион душ!

В глазах градоначальника с ребяческим задором играл огонек, освещающий прекрасное будущее подопечного города. Энтузиазм и фанатичная убежденность в незыблемости и обязательности нарисованных им обликов грядущего были столь велики, что впечатлили Штольца.

Еще разгоряченный, но уже заметивший, какое воздействие его краткая, но пылкая характеристика оказала на гостя, градоначальник предложил:

— А вы, коли не на шутку в будущем заинтересованы, с Хротовым пообщайтесь. Он — субъект экзотический, но новых знакомств не чуждается. Он и у Федора Кузьмича, о котором вы любопытствовали, доверенным лицом был, а после — душеприказчиком. Можете сей час к нему и отправляться: Семен Феофанович — человек праздный и имение свое редко покидает. Непременно ему укажите, что прежде были у меня и у нас доверительный разговор состоялся. Он вам про будущее все и растолкует. Да вы только, — подчеркнуто, с намеком, заключил он, — знайте, что спрашивать.

Однако спешить с визитом Штольц не стал. Прежде он заехал в гостиницу и, поднявшись в номер, взялся за перо, чтобы написать в двух строках Романычу о том, куда он направляется, и более пространное письмо о собственных изысканиях и подозрениях мо-

сковскому секретарю общества. Немного поразмыслив, Андрей Иванович написал и своему биржевому маклеру, кратко изложив несколько соображений о видах на урожай в Азиатской России и наказав распорядиться прогнозом с умом и к выгоде.

Передав письма гостиничной прислуге, он открыл саквояж. Не в силах противостоять нарастающей жажде, Андрей Иванович выпил содержимое еще одной ампулы и ощутил растворение в теле живительного и деятельного тепла. Теперь он был готов нанести визит, за исключением одной незначительной детали. Штольц достал из саквояжа увесистый револьвер и, убедившись, что тот заряжен и готов к бою, сунул его в карман шубы.

Усадьба удачливого золотопромышленника находилась на излете городских улиц. Дорога к ней была отвратительной, но месторасположение — на высоком холме, вблизи заснеженного частокола леса — замечательным. Это вековое российское свойство уравнения достоинств недостатками Штольц давно признал, в том числе потому, что оно действовало и в обратную сторону.

Располагалась усадьба наособицу, вдали от примет городской жизни. Что, подумал Андрей Иванович, по всей видимости, соответствует и месту владельца в обществе. Время Семен Феофанович действительно проводил свободно, трактуя свободу как возможность безвыездно находиться у себя дома.

Неожиданный визит не смутил Хротова, и лакей, выряженный в матросскую форму, проводил Андрея Ивановича в гостиную. Ее обстановка наводила на мысль о театральных подмостках, причем декорации взяты были из различных спектаклей. Первым, подобно магниту, внимание притягивал огромный якорь, размещенный в углу и размерами этого угла явно тяготящийся. В другом углу стояла мраморная статуя Ве-

неры Каллипиги, для наглядности отвернутая лицом к стене. На стенах висели персидские ковры, весьма натурально иллюстрирующие самые пикантные эпизоды из сказок Шахерезады. Стойкий к живописному изобилию плоти Штольц разглядел и то, на что мало кому доставало внимания. Поверх сплетений тел на коврах была развешана коллекция охотничьих ружей из Льежа, среди которых он определил несколько лепажевских, а также произведения мастерских Лебо и Франкотта. Были в гостиной и красивые ширмы с вышитыми небывалыми в природе птицами и плодами, и множество красивых мелочей с острова Святого Маврикия.

Сам хозяин возлежал на диване в центре комнаты и курил кальян, неспешно пуская в воздух тяжелые клубы дыма. Из одежды на нем был лишь черный халат китайского шелка да венчавшая голову капитанская фуражка. Хротов встал гостю навстречу, не глядя, попав в стоящие у дивана разношенные туфли, и с доброжелательным энтузиазмом потряс Андрею Ивановичу руку.

Они обменялись приветствиями и любезностями. Хротов являл собой точный оттиск жовиальной персоны, как ее обычно отображают в театральных представлениях. С личными представлениями Андрея Ивановича о матером золотопромышленнике и расчетливом биржевом игроке он соотносился мало. Но Штольц не успел развить эту мысль, будучи стремительно вовлечен в беседу.

— Подождите, Андрей Иванович. Ни слова о цели нашей встречи! Позвольте мне разгадать эту загадку. — Хротов выражением лица показал работу мысли. — Уверен, что прервали мой адмиральский час визитом по очень важному вопросу, который вы непременно хотите разрешить в будущем. Угадал? По глазам вижу, что угадал. А удивил? Проницательностью своею? Да вы не удивляйтесь. Гости у меня бывают только по рекомендации — а значит, с важными

вопросами, требующими разрешения. Вам со мной кто рекомендовал встретиться? Сам градоначальник? Значит, вопрос исключительной важности. Так я посодействую.

— А о какого рода содействии идет речь? Надеюсь, мы можем говорить открыто, без умолчаний и утаек.

— Вы торопитесь. Еще грот не поставили, а уже якорь поднимаете... — Густые усы на лице Семена Феофановича казались живыми и чутко, подобно хорошему барометру, отражали умонастроение их обладателя. Сейчас они распушились, притворно негодуя на поспешность собеседника. — Вот представьте, что оказались вы перед сфинксом и не он вам, а вы ему вправе вопросы задавать. Так о чем спросили? Хотя я круг ваших чаяний прекрасно представляю. Да не отвечайте даже. Ко мне ходоков-то немало ходит, и у каждого хлопоты вроде свои, да все одинаковые. Ямщик в купцы метит — хоть гужом и кнутом, а хоть и обухом. Купец к преуспеванию стремится: торговый дом открыть, сыновьям капитал передать, да так, чтобы и у внуков дело ладилось. Кто повыше будет, тот и смотрит подальше. Градоначальник о городе и горожанах печется, губернатор о вверенной ему губернии. А кто и судьбой Отечества обеспокоен.

— И что же, вы во всем можете посодействовать? И даже государственной важности дела разрешаете? — Штольц рассчитал, что в характере Хротова действительно говорить открыто, не расходуя времени на оговорки, двусмысленности и экивоки. Если вдуматься, это был самый экономный и деловой подход. Андрей Иванович даже воочию представил, как прямыми честными фразами золотопромышленник убеждает губернатора в необходимости предоставления ему преференций и добивается своего. — И каким же способом вам это удается?

— А вы, любезный Андрей Иванович, знаете, что самое важное в карьере морского офицера? Жизнью его правят рука, струя и случай. Не скажу за первые

два, а представьте себе, что у вас есть возможность для того, чтобы власть случая над собой уничтожить. Вот, к примеру, знай Наполеон стратегический план англичан на сражение при Трафальгаре... А так все на волю случая, а он иначе распорядился.

— Как же, Семен Феофанович, вы власть случая над человеком можете свергнуть?

— Разрешите, я вопросом на вопрос отвечу? А что есть случай? Да вы опять не отвечайте, это я в порядке риторического приема спросил... Случай есть разрешенная неопределенность. И если мы заранее в будущее заглянем, то сами эту неопределенность и разрешим...

— Да, да... — сказал Штольц. — Увлекательная теория. И где же вы хрустальный шар прячете? Или вы, подобно мадам Ленорман, карты предпочитаете?

Хотя усы его и ощетинились на собеседника, Хротов, вместо того чтобы выразить обиду, расхохотался во весь голос:

— У меня понадежнее инструмент. Проверенный временем. Вы про старца нашего, Федора Кузьмича, слышали? От него мне в наследство перешел.

— От Федора Кузьмича? Историй много слышал, но полагал их слухами. — Штольц постарался выразить ту степень заинтересованности, которая побудила бы Хротова продолжить доверительный рассказ и не показалась бы ему чрезмерной и оттого подозрительной.

— От него самого. — Хротов выделил «самого», особо уважительной интонацией. — Федор Кузьмич несколько лет этим способом пользовался, до самой своей смерти, и мне его передал. После ко мне важные чины приезжали: полковник Шервуд и граф какой-то, Дибич-Забалканский. Пытали меня — к счастью, словесно, — о наследии старца, архивах-бумагах. Я тогда утаился, конечно. А сейчас мне бояться некого, для больших людей дело делаю и нахожусь под их опекой. Так что, — он почти достиг максимума

отпущенной ему серьезности, — извольте мне шуток не шутить и коленца не выкидывать. А доказательства? Да вы вокруг взгляните: все мною собственным трудом нажито. Трудился, конечно, как галерный раб. — Хротов щегольски крутанул ус кверху, жестом поиграл в гребца и сложил руки на выпирающем животе. — Но главное — в умении будущее видеть. Кому это по силам, тот перед остальными имеет большое преимущество. Это же как с зайцем. Чтобы сделать соус из зайца, надо зайца. Чтобы уверовать в Бога, надо Бога. А чтобы будущее по своему замыслу построить, нужно сначала его увидеть.

Штольц согласно кивнул, но купец и золотопромышленник уже тащил его дальше, к неминуемому вопросу:

— Так я о сфинксе спрашивал. Уже решили, какие вопросы ему задавать? Насквозь вас вижу — наверняка по коммерческой части.

— Я решился, — сказал Андрей Иванович.

— Это хорошо! — утвердил Хротов. — Только сейчас мы никуда не пойдем. Его прежде покормить надо.

Штольц и Романыч, потрясенный знакомством с новой, совершенно неведомой ему действительностью, сидели в избе и при свете лучины, точно два заговорщика, обсуждали план предстоящих действий.

— Никак в толк не возьму, — сказал мужик. — То, что в народце нашем пестром, из варнаков, чалдонов и кержаков составленном, есть и те, кто на любую низость способен, чтобы только над ближним своим выше стать, я знаю. А вот как этот бесовской антропофаг, если ему будущее наперед доподлинно и в точности известно, дозволяет пособникам его к своей выгоде перекраивать?

Голова Андрея Иванович была поглощена расчетами иного свойства, но мысль увлекла его.

— В таком случае появляется новый, перекроенный вариант будущего, — сказал он. — А затем, с ка-

ждым новым обращением к Хротову, еще и еще. И варианты эти могут множиться бесконечно. И что, если антропофаг для каждого наилучшую возможность вычисляет и в подходящий вариант переносит?

Андрей Иванович подумал о том, как хорошо было бы, чтобы эти варианты перебирала какая-нибудь вероятностная машина. И, покончив с математическими расчетами, одаривала каждого будущим по его устремлениям.

— А может, и проще все, — предположил Романыч, в ожидании постукивая пальцами по краю стола. — Может, он о будущем не больше нашего знает, а просителей своих подталкивает в том направлении, что им выгодно. Нарисует золотые копи, славу пообещает всемирную или любовное блаженство — зажжет огонек у человека в сердце, сил придаст. А сильный человек с пылом сердечным и душевным рвением сам мечту свою воплотит и сам себе будущее построит.

Романыч помолчал, постучал еще немного по столу и продолжил:

— А может, он не только чужие, но и свои стремления реализовать жаждет. Кто знает, что на уме у антропофага? Мировое господство установить, сородичей найти, домой вернуться... Вот и движется история наша по тем рельсам, которые он для нее определил.

Их размышления были прерваны появлением мальчишки, почти подростка, которого уже можно было бы отправить в ночное в компании старших.

— Гришкой зовут, — представил его Романыч.

— Григорием, значит, — уточнил малец, расправив белую рубашку с узором из васильков и вперив в Штольца немигающий взгляд серых глаз.

— И вправду не боишься? — спросил у него Андрей Иванович, когда они уже посвятили Гришку в подробности их незамысловатого плана.

— Не боюсь, — горделиво ответил тот. — Заговоренный я. Так что ни пуля, ни яд меня не возьмет.

— Веришь в заговоры?

— Верю, пробовал, — скупо ответил Гришка и добавил, обращаясь зачем-то к Штольцу: — Кровь могу заговорить.

Стали собираться. Романыч простился с супругой и девочкой, игравшей с куклой на полатях.

— Удочерили мы ее. Нам прокормиться нетрудно будет, — пояснил мужик. — А после и имя подберем.

Он проверил пальцем остроту плотницкого топора, удовлетворившись результатом, осторожно заткнул его за гашник и надел поверх истертую собачью доху. Штольц обрадовался и дружески хлопнул мужика по плечу, накрепко положив себе приглядеть за Романычем в предстоящей схватке.

Он нащупал в карманах шубы успокаивающую сталь револьвера и завернутые в платок ампулы. Андрей Иванович уже израсходовал одну менее часа назад, чтобы восстановить бодрость духа и запас нравственных сил, и теперь размышлял над тем, что содержимое еще одной ампулы поможет ему лучше подготовиться к встрече с Хротовым и его живым инструментом. Он решил принять полезное лекарство в дороге. Однако улучить момент ему не удалось, а выпить вещество на глазах спутников отчего-то казалось ему предосудительным и даже постыдным.

Хротов ждал их в гостиной, капитанской фуражки на нем не было. Он оценивающе посмотрел на Гришку. Малец таращил глаза на персидские ковры, и Романыч хотел было одернуть его, но в свой черед столкнулся с тяжелым золотопромышленным взглядом.

— А это кто? — спросил Хротов.

— Романыч, мой... — Штольц помедлил в затруднении, — поставщик и доверенное лицо.

Семен Феофанович смерил мужика взглядом и пришел к какому-то выводу, видимо, положительному, потому что продолжил:

— Вот и пойдемте.

Хротов зашел на кухню и взял несколько тяжелых медных подсвечников и свечи. Как подметил Андрей

Иванович, он пренебрегал спермацетовыми или восковыми свечами и использовал в хозяйстве простые сальные.

— Да что вы, Андрей Иванович, на меня с волчьей нежностью смотрите? — От Хротова сытно пахнуло стерляжьей ушицей. — Будто не помните, какую плату сфинкс требовал с тех, кто на его вопросы не мог ответить? А какой, по-вашему, должна быть плата сфинксу за то, что он на ваши вопросы ответит? Какой он за это оброк потребует?

— Детишек жалко, — признался Штольц.

— Малым сим Господь наш определил Царствие небесное. А там ни руки, ни ноги им не понадобятся. И уж тем более языки, — заметил Хротов. — К тому же думается мне, что бессловесной твари всяко легче от греха себя уберечь. Да и упрека мы от них вряд ли услышим. Или вы отказаться задумали? Тогда вот так на это дело взгляните: в основе каждого крупного состояния лежит случай. И я вам над этим случаем власть предлагаю. А вы беспорточных бродяг призреть хотите. Смурные у вас какие-то мысли. Согбенные... А небо-то атланты держат, а не горбуны такие.

— Отказаться не задумал, — ответил Штольц, — а задумался над тем, может ли один человек для другого быть средством. И почему, чтобы вы право имели, непременно пред вами кто-то дрожать должен?

— Вы свои иеремиады оставьте, все они — пагубный вздор и неэкономическая бессмыслица. А вот блага, вами полученные, могут и вниз просочиться — тогда для многих благодетелем окажетесь. Сами знаете эту арифметику: морально то, что наибольшему числу людей полезно. Так что цена-то невелика. Или вы из тех, кто непременно для всего человечества хрустальный дворец соорудить хочет? Так я вам вот что скажу. Во-первых, лишь то стоит крепко, подо что кровь подтечет. И чтобы хрустальные башни на солнце играли, в подвалах дворца немало крови должно пролиться. А во-вторых, я единственно верный спо-

соб знаю, как всех людей счастливыми сделать. Хотите, скажу? Да вы не отвечайте. Понимаю, что любопытно. А рецепт такой: чтобы всех людей на земле счастливыми сделать, нужно собрать всех несчастливых в одном месте и расстрелять.

Они подошли к стоящему во дворе флигелю, и Семен Феофанович начал возиться с увесистым замком.

— Мы его раньше на заимке держали, а недавно я сюда перевел, — пояснил он.

Они вошли в дом, и Хротов зажег свечи. Их колеблемое сквозняком пламя осветило короткий коридор. Две ближние ко входу двери были наглухо заколочены, третья чуть приотворена.

Комната за ней была пуста, единственным видимым исключением служила исписанная стопка бумаги высотой по пояс взрослому человеку. Однако Хротов входить не торопился и предостерег остальных:

— Вы только с ним поосторожнее. Он же у Федора Кузьмича в любимцах был, грамоте от него обучился. Старец его все почему-то струфианом звал. А только любимец его однажды словно взбесился, взял, да и укусил своего благодетеля. Федор Кузьмич и преставился вскоре. Я с тех пор этого струфиана на привязи держу.

Сейчас и Штольц заметил вделанное в стену кольцо, к которому крепилась толстая железная цепь. Другой ее конец скрывался в странно прозрачной воздушной ряби.

Аркадий Иванович вздрогнул от осознания того факта, что укус струфиана повлек за собой гибель старца, и задумался о том, какую опасность для него лично и для общества ему подобных представляло это существо.

— Вы, Андрей Иванович, зря побледнели, — указал ему Хротов, по-прежнему перекрывая собой проход. — Так переживаете, будто мы ноги мальчонке отрывать будем. Там всего-то ничего: мяса кусочек. И ни крови не будет, ни криков... Неужели вы думае-

те, мы по злобе или по извращению какому струфиану такой рацион определили? Уж мы с Федором Кузьмичем чего только не перепробовали...

— Мироеды! — в сердцах сплюнул Романыч, но Хротов не удостоил его ни взглядом, ни окриком.

— Действие нам предстоит, в сущности, простое. Сейчас вы вслух, громко и четко зададите струфиану важные вам вопросы и оставите здесь мальчика и чернила. — Семен Феофанович достал из кармана перо и закрытую чернильницу, усы его демонстрировали полную безмятежность. — А через несколько минут мы вернемся и заберем бумагу с описанием будущего. Бумага эта касается вас персонально и содержит указания, которым вам надлежит в точности следовать. А это, — он указал рукою на стопку бумаг, — для всей России подробные вычисления... Федор Кузьмич-то, не чета нам, все больше о Российской империи беспокоился. Вот не успел... Для расчетов нужно много времени и расходного материала. Ничего, скоро досчитаем. Поеду в столицу, к императорскому двору. С этими бумагами я для государя незаменимый человек буду.

Он дернул за лежащую на полу цепь, и та чуть подалась. По ее медленному, неохотному движению можно было предположить наличие на конце цепи массивного существа. Воздух в комнате стал быстро нагреваться, так что Романыч даже расстегнул доху. Неожиданно появились быстрые всполохи, вышивающие контур нелепой и громоздкой фигуры. Искры загорались все чаще, смыкая багровые отрезки между собой, и очертания существа вырисовывались в пространстве все явственнее. Однако загадочный образ никак не являл себя во всей полноте. В укрывающей струфиана ряби мелькали прорехи, сквозь которые открывались части нечеловеческого, чуждого тела.

Едва в одной из таких прорех показалось ожерелье из сморщенных языков, ниспадающих на грудь существа, как Гришка вскрикнул и отступил назад.

Хротов положил ему на плечо тяжелую ладонь.

— Не пугайся ты. — Он развернул мальчика в сторону струфиана и немного подтолкнул. — Иди, миленький.

Штольц молча смотрел на разыгрывающуюся перед ним картину.

Конечность струфиана вплотную приблизилась к лицу мальчика, и рука Андрея Ивановича метнулась в спасительный карман, нащупала там ампулы, затем револьвер... Он медлил.

Ситуацию разрешил Романыч. Он выдвинулся из-за спины Штольца, дернул Гришку за ворот рубахи, отбросив мальчишку в коридор, и почти без замаха ударил по конечности струфиана топором. Вытащив свое оружие из плоти чудовища, он нанес еще один удар, на сей раз целя туда, где, судя по видимым очертаниям, находилось туловище.

Струфиан, прежде безмолвный, по-змеиному зашипел; воздух вокруг него будто взорвался, и Романыча отбросило к стене. Он крикнул Гришке бежать за ружьем, и тот опрометью бросился в дом. На груди мужика появился треугольник красных точек. Они начали двигаться по кругу, догоняя друг друга, — хоровод приближался к области сердца. Хротов, украдкой подбиравшийся к бумагам, замер, зачарованный багровым узором. В этот момент Штольц выстрелил.

Точки исчезли. Шипение прекратилось, и раздался свист — высокий, пронзительный, перешедший границы человеческого восприятия.

Струфиан, по-прежнему невидимый, выдернул цепь из стены и оказался рядом со Штольцем. Что-то опрокинуло Андрея Ивановича и больно ударило в плечо, но он выстрелил снова. Антропофаг подался к Хротову; окутывающая существо пелена растаяла, но черты сливались в сплошное темное пятно. Массивный корпус заслонил на мгновение золотопромышленника, выдавил собой окно и выбрался наружу.

Штольц посмотрел на руку: из широкой раны хлестала кровь. Зрелище показалось ему неприятным, и он перевел взгляд на Хротова. Тот ничком лежал на полу; бумаги старца загорелись от выроненной им свечи. Андрей Иванович подумал, что все-таки достиг цели своего путешествия, снова потянулся в карман и порезал пальцы осколками ампул. В его сознании заметались лихорадочные мысли об Андрюше, о милосердных русских мальчиках и неумолимом прогрессе...

На ногах был лишь Романыч. Не обращая внимания на разгорающиеся бумаги, он стоял у окна и отбивал пальцами ритм какой-то слышной лишь ему мелодии. Вбежавший Гришка передал мужику ружье и ягдташ и, присев рядом со Штольцем, зашевелил над раной губами, сплетая чуть слышные слова в ловкую скороговорку.

Романыч зарядил ружье и умело приладил франкотту к плечу. Он выцелил струфиана, почти добравшегося до кромки леса, повел ствол и взял упреждение.

— Стреляй, Родион Романыч! Стреляй! — закричал Гришка.

Хлестко ударил выстрел, и фигурка, бежавшая по грязно-белому, как старый саван снегу, стала ниже, а затем и вовсе исчезла из виду.

— Теперь подождать надо, — удовлетворенно заключил Романыч. — Зверь лечь должен.

После того как рану Штольца перевязали, а Гришка набил за пазуху немало бумаг из тех, что удалось спасти от огня, они вышли из флигеля и потропили по следу.

Цепочка отпечатков провела их через ледяной пустырь и буреломы на лесную прогалину, где лежало раненое существо, и теперь они впервые могли разглядеть его. Перед ними, распластав шесть крыльев на зеленом от крови снегу, умирал серафим.

ЦВЕТКА

После обеда Цветку отправили наловить солнечных зайцев. Было неохота. Она только-только разобрала радугу с заднего двора и настроилась складывать из нее мозаику. Но Мила и слушать ничего не желала. Нужны зайцы, и все тут.

Вздохнув, Цветка подхватила сумку, перекинула длинный ремень через плечо и поплелась в лес. Дальше маргаритковой поляны решила не заходить. Наверняка сегодня солнушки пасутся там, их любимое место. Она глянула на небо — солнце едва клонилось к западу. Времени полно! Цветка замурлыкала под нос что-то веселое и вприпрыжку поскакала по тропке. На краю поляны пришлось остановиться: особой пугливостью зайцы не отличались, но от внезапного шума могли разбежаться. А ловить их было проще простого: подкрадываешься сзади и хватаешь за уши или прямо за пушистую спинку. За хвост не рекомендовалось, солнушки легко выдергивали его из сжатых пальцев и преспокойно удирали на другой конец луга. Впрочем, дикими они не были, а пойманные и вовсе становились ручными и ласковыми.

Девочка раздвинула густые травяные заросли и задержала дыхание — на краю поляны сидел крупный золотисто-желтый заяц, задумчиво жующий маргаритку. Подобравшись к нему на цыпочках, Цветка присела, выбросила вперед обе руки. Заяц оказался в сумке, прежде чем выпустил из лап стебелек. Второй, пасшийся неподалеку — маленький пушистик с шерсткой цыплячьего цвета, — даже не шелохнулся, про-

должая рыскать розовым носом по земле. Над головой кружились любопытные феслоники, Цветка отмахнулась — не до них. Она сняла мешающуюся сумку и сцапала зайчонка; тот пискнул от удивления, но доверчиво прижался к Цветкиной груди. Девочка почесала желтое брюшко и сунула пойманного солнушка к его товарищу.

Отловив таким образом еще парочку (больше не требовалось), Цветка возвратилась домой. Мила чмокнула девочку в лоб, забрала зайцев и выпустила их в небольшой загончик.

— Все, свободна!

Цветка кинула сумку в прихожей и мигом поднялась к себе в мезонин по винтовой деревянной лесенке. Два круглых окошка пропускали широкие теплые лучи, и в них танцевали задорную сальсу пылинки. На столе валялись разложенные по кучкам осколки радуги, в прозрачной стеклянной чашке хранилась собранная утром роса, но она почти высохла. Рядом лежала кисточка с щетиной из беличьего хвоста. Помнится, Цветка долго уговаривала ту белку пожертвовать несколькими волосками. Девочка плюхнулась на табурет и склонилась над разноцветными кусочками будущей мозаики...

Следующим утром ее разбудила Мила.

— Цветуська, просыпайся, есть срочное дело.

Заспанная Цветка пробурчала: «Встаю» — и бухнулась головой обратно на подушку. Но через пятнадцать минут, умытая и одетая, уже пила ежевичный чай, сидя за большим столом на веранде. Здесь собрались все: Мила, Холли, Верочка, Пейшен и дядя Добряныч. Красик болтал ногами, отхлебывая какао с молоком, специально шуршал крыльями и дразнился «цветкой-конфеткой». Цвета фыркала, задирала нос и не отвечала. Не пришла почему-то бабушка Надина, вот это девочку волновало. Оказалось, не зря. После того как допили чай и съели тосты с маслом, Мила сказала:

— Цветусь, бабушка Надина заболела. Сегодня полетишь вместо нее.

Цветка уронила, не донеся до рта, кусок коричневого сахара.

— Как заболела? Чем?

И тут до нее дошло.

— Я полечу?! Вниз, в город?

— Да. Остальные заняты, а ты как раз возьмешь зайцев, что вчера наловила, и отправишься. Сегодня ничего трудного, надо только в два места.

У девочки весело сверкнули глаза, улыбка расплылась от уха до уха. Она почесала нос — тот всегда чесался в минуты возбужденного состояния — и кивнула.

— А почему ее, а не меня? — обиделся Красик.

— У тебя важное, ответственное задание, — серьезно ответила Мила. — Ты собираешь восьмицветики.

Красик скривился, поерзал на стуле.

— Занятие для девчонок!

— Восьмицветики очень нужны, чтобы бабушка Надина поскорее поправилась. Мы сварим из них целебный отвар.

— Ну... тогда ла-а-адно. Буду через час... нет, через два.

Вихрастый рыжеволосый мальчишка соскочил со стула и, подхватив корзину, скрылся за дверью.

Мила повернулась к Цвете.

— Пойдем, соберу тебя. Опаздывать нельзя!

Плащ-невидимка мешал крыльям, но Цветка не поправляла его. Она загляделась на покатые и островерхие крыши города, на его высокие и низенькие каменные дома. Город был маленький, никак не больше Дальнего Леса, и какой-то серый. Словно блеклый, затасканный в кармане пятачок. Конечно, Цветка видела его раньше, с Милой или дядей Добрянычем, но с ними рядом он все-таки казался чуточку светлее, красочнее, цветнее... А сейчас она впервые смотрела

своими глазами — синими, как июньское небо, — и удивлялась.

Разумеется, такому городу необходимы солнечные зайцы. И как можно больше! Так-так, а адрес-то? Цветка порылась в карманах, нашла бумажку. «Пятая улица, дом тридцать три, квартира пятьдесят семь». Поглядим, кто там.

Несмотря на строгий наказ Милы нигде не задерживаться, Цветка добиралась до места медленно, глазела по сторонам, подбирала уличные камешки, разглядывала воробьев, синиц и кошек. Кошки ей нравились. Черные, белые, черно-белые, рыжие, полосатые, дымчатые в крапинку, черепаховые и трехцветные. Совсем как дома. Правда, не попадались голубые, розовые и золотые, но нельзя же многого требовать от этого города.

Дом номер тридцать три оказался стареньким, ухоженным особняком в четыре этажа, расположенным недалеко от порта, а квартира пятьдесят семь находилась как раз на четвертом. Цветка аккуратно заглянула в окно и отпрянула. С той стороны в окно смотрела девушка, точнее, молодая женщина, светловолосая и темноглазая. И грустная. В бумажке было написано, что зовут ее Лора и что ее муж — капитан, настоящий капитан рыболовецкого судна. А также — что ей нужен солнечный заяц, потому что шхуна должна была вернуться три недели назад, а ее все нет.

Цветка скользнула внутрь, с интересом осмотрелась. Просторная комната, низкий диван, обитый охристой тканью в цветочек, фотографии (похоже, сделанные недавно) в элегантных рамках. Уютно. Девочке хотелось поглядеть и на другие комнаты, но это было бы неприлично, поэтому Цвета открыла болтавшуюся на плече сумку. Зайцы, накормленные и причесанные Милой, сидели тихо, поблескивали глазенками и ждали. Казалось, они прекрасно знают, для чего их сюда принесли. Цветка достала толстого зайца со святящейся шкуркой и, пощекотав ему на про-

щание пузико, осторожно посадила девушке на плечо. Та вздохнула и вдруг улыбнулась. Солнечный заяц прижался к ее шее и довольно забухтел. Честное слово, Цветка никогда не слышала, чтобы солнушки издавали такие звуки; эдакое ласковое «мчух-мчух». Она захихикала и поспешила убраться из комнаты, чтобы девушка случайно не обратила на нее внимание. Кто знает этих людей, а ну как они все-таки умеют их видеть?

Второй пункт назначения лежал за пределами города. Высокие холмы отделяли крохотную деревушку от всех остальных поселений. Туда вела единственная дорога, петлявшая по склонам холмов и временами сужавшаяся до размеров тропинки. Цветка пролетела над зеленью, такой веселой после городских пейзажей, и приземлилась возле домика, притулившегося к скале. Домик стоял на отшибе; ставни давно не крашены, крыльцо покосилось, но в целом — еще крепкий. На пороге, будто встречая девочку, показался высокий старик, чем-то неуловимо похожий на собственное жилище, такой же согбенный и все же сильный. Волосы были затянуты в хвост, седую бороду трепал ветер. Старик постоял на крыльце, вглядываясь в дорогу, и зашел обратно. Девочка юркнула вслед за ним.

В комнате жарко пылала печь, на кровати, укрытая одеялом, лежала старушка, напомнившая Цвете о бабушке Надине. Старушка тоже болела, правда, гораздо тяжелее, чем ее бабушка. Девочка подошла к постели, опустилась на самый краешек и поправила одеяло. Пожилая женщина с трудом дышала, ее бил озноб. Цветка потрогала ей лоб и нахмурилась. Горячий. Однако заяц предназначался не женщине.

Вынув из сумки желтого зайчонка, Цветка приблизилась к старику — тот сидел в плетеном креслекачалке, напряженно сплетая и расплетая узловатые пальцы, — и положила пушистика ему на колени. Пальцы мужчины на мгновение замерли, а затем рас-

слабились. Зайчонок затоптался лапками, устраиваясь поудобнее, свернулся клубком. Старик успокоенно покачал головой. В его взгляде на жену светилась такая ласка, что у Цветки аж слезы навернулись; она шмыгнула носом и стала пятиться назад, пока не оказалась на улице. Возвращаясь обратно, девочка увидела, как вдалеке на дороге показалась телега. В телеге сидел доктор, это она точно знала. Ну вот и хорошо.

На обед она опоздала, но Мила налила ей тарелку супа, а к чаю положила огромный кусок миндального пирога. Она, не перебивая, выслушала Цветкин доклад о выполненном поручении, перемежаемый не слишком уместным чавканьем и размахиванием ложкой, и под конец от избытка чувств обняла девочку.

— Умница! Я в тебе не сомневалась. И раз ты замечательно справилась, то полетишь и завтра, и вообще заменишь бабушку Надину, пока она хворает.

Цветка обрадовалась и огорчилась одновременно, на завтра у нее были запланированы совершенно неотложные дела вроде игры с Лялей и доделывание мозаики для Соньки. Хотелось позапускать змея с Красиком и помочь ему ловить феслоников. Но разносить людям зайцев было важнее, это она понимала.

Назавтра ей досталось уже три адреса и опять строгий наказ не опаздывать. Цветка нагрузила сумку зайцами, укрылась плащом, аккуратно продев крылья в дырочки, и полетела.

Сначала навестила невысокого толстячка, проживавшего в богатом доме в центре города. Кинула ему солнушка и порадовалась, глядя, как мужчина расцветает, пусть даже причина уныния крылась в непогашенных денежных долгах. Вторым кандидатом на пушистика оказалась девочка, Цветкина ровесница (если считать по-человечьему). Цвета с удовольствием подсунула солнечный комок ей под подушку, пребывая в полной уверенности, что щенка той обязательно подарят. В самом деле, невозможно ведь жить без собаки!

Третий адрес она долго не могла найти. «Восточная аллея» имелась, а вот «дом девятнадцать» — нет. Да и от самой аллеи, в честь которой когда-то была названа улица, мало что осталось, штук девять чахлых лип и многочисленные пеньки. Наконец девочке удалось отыскать двухэтажное зданьице грязно-голубого цвета, зажатое меж пятиэтажных громад. Подопечный — мальчишка двенадцати лет в белой майке и серых мятых брюках — обнаружился во внутреннем дворе. Он сидел на сваленной куче бревен, уставившись в одну точку, рядом валялся позабытый на время топор. «Кир», — прочла Цветка на бумажке, подняла голову.

Мальчишка был симпатичный, невысокий для своего возраста; бледная кожа и темные волосы с длинной челкой, закрывавшей глаза — умные, печальные и немного злые. О нем Мила велела позаботиться особо, более того, сказала взять двух зайцев вместо одного. Цветка подобралась поближе, открыла сумку. Зайцы в ней спали, грея теплом друг друга, она растолкала мелкого, вынула за шкирку и посадила на бревно. Солнушек зевнул, потягиваясь, увидел мальчика и сам забрался к нему в карман брюк. Кир не шелохнулся; никакого подобия улыбки. Цветка пораженно выдохнула. Надо же, не подействовало. Значит, не зря Мила говорила... Девочка присела возле Кира, залезла в сумку за дополнительным зайцем. И тут мальчишка насторожился, заозирался, словно чувствуя ее присутствие. Ой!.. Цветке пришлось отодвинуться. Плохо, если люди их замечают. Значит, не справилась с работой. Так всегда учила бабушка Надина.

По бумажке выходило, что Кир жил с дедушкой и братом. Почему не с папой — в соседнем городе и не с мамой — та жила еще ближе, не написали. И еще он сильно переживал, это Цветка видела и без бумажки.

— Кир! — резкий голос окликнул мальчика.

Тот вскинулся.

— Отлыниваем? Дед велел дров наколоть?

Рослый парень лет семнадцати, очень похожий на самого Кира, появился во дворе. Такие же волосы цвета жженого кофе, такой же высокий лоб и четко очерченный подбородок.

— Я сделаю, — ответил Кир. — Сам-то где ходишь?

Парень хмыкнул.

— Не твоего ума дело, братишка. Деньги зарабатываю.

— Моего, — хмуро сказал Кир, спрыгивая вниз. — Опять с ними?

— Так, ну-ка рот закрыл, топор в руки и вперед. Сейчас на кухне кой-чего перехвачу, помогу.

— Виктор, не связывайся с ними.

Парень не ответил, вошел в дом.

Дальше ждать было нельзя. Цветка подлетела к мальчишке и пихнула последнего зайца ему за шиворот. Кир вздрогнул, замер. Спустя несколько секунд его лицо разгладилось; усмехнувшись себе под нос, он подхватил средних размеров полено и понес к чурбану.

...Всю неделю Цветка провела в разлетах. Зайцы постоянно заканчивались, приходилось бегать за ними в лес. Иногда ей в помощь выделяли Красика, иногда Соньку. Сонька специализировалась на ловле феслоников, но и с зайцами управлялась лихо. Вместе они набивали полные сумки и мчались домой, поскорее выпустить солнушек в загончик.

Потом зайцы перебирались к людям в городе. Цветке теперь давали по десять-пятнадцать поручений, она просто сбилась с ног, доставляя свой груз. Хорошо, что ее сумка внутри была гораздо просторнее, чем казалась снаружи, иначе все зайцы там бы просто не поместились. Дети, взрослые, совсем молоденькие девушки и седые дяденьки, задиры-мальчишки и степенные леди — всем были нужны золотые пушистики. Она не задумывалась, для чего им это, просто ви-

дела, что людям от них становится лучше, и старалась выполнить бабушкино и Милино поручение.

Однажды Цветка снова прочитала на бумажке имя Кира.

— Возьми для него трех солнушек, — сказала Мила.

— Трех? — воскликнула Цветка. — Зачем ему столько?

— Надо, — вздохнула Мила. — К сожалению. И не опаздывай!

Цветка пожала плечами, отправляясь собирать зайцев.

Кир значился в списке двенадцатым по счету, и когда Цветка добралась до его дома, ее уже не держали крылья. Она плюхнулась посередине двора, вытянула ноги и с минуту сидела, бездумно созерцая окрестности. Темнело, вечерние сумерки пробирались во дворы и переулки. Кира здесь нет, она ощутила это, едва приземлившись. Но далеко он пойти не мог, иначе в бумажке написали бы другое место. Она, кряхтя, поднялась и пошлепала на поиски.

За первым же поворотом обнаружился... не Кир... рыдающий ребенок. Мальчик четырех лет от роду беззвучно плакал, прижавшись к шершавой стене. Вокруг него собрались взрослые, что-то бурно обсуждавшие. «Понятно, — подумала Цветка. — Малыш потерялся, и теперь все выясняют, как найти его маму». Она шагнула дальше, но мальчик еле слышно всхлипнул и протянул к ней руку. Боясь двинуться, Цвета уставилась на малыша. Крупные капли стекали у него с носа и капали прямо на каменный тротуар. Взрослые, казалось, больше были заняты своим обсуждением, нежели ребенком. Эх, куда же девались его родители?! Цветка огляделась по сторонам.

Мальчик опустил голову, и безмолвные слезы закапали сильнее. Зайцы в сумке закопошились, начали высовывать пушистые мордочки. И Цветка решилась. Крохотный зайчонок перекочевал с ее ладони на макушку малыша. Ребенок поднял голову (заяц перемес-

тился за пазуху), слезы втянулись обратно. Он улыбнулся и подергал ближайшую тетеньку за подол.

— Туда, — сказал он, указывая пальцем в дальний конец улицы. — Я живу туда... там...

Цветка облегченно выдохнула, одной проблемой меньше. Но Кир?.. Может, обойдется он двумя зайцами? В прошлый раз помогло. Кстати, Кир... девочка отчетливо поняла, что опаздывает. Надо разыскать его скорее! Чувство направления подсказывало, что мальчишка где-то в разоренной аллее. Она поспешила туда и действительно заметила темный силуэт: Кир прятался за лавочкой с облупившейся краской и кого-то высматривал в прорези между досками. Проследив за взглядом, Цветка увидела его брата. Виктор находился в обществе сверстников; трое здоровых ребят, одетых в черное, негромко переговаривались, время от времени похлопывая Вика по плечу. Цветка ощутила исходящий от них вызов. И зло. Именно настоящее зло... Она опешила. Вот это да! Даже злюшки, водившиеся в их лесу, которых никто не любил ловить, потому что они пребольно кусались, и то делали это не со зла и не из вредности, а предупреждая. Здесь же... Цвета заволновалась. Зря Виктор с ними разговаривает, зря. Сказать бы ему, предупредить. Наверное, Кир это и хочет сделать; хорошо, очень хорошо.

Девочка подошла к Киру и одного за другим высадила зайцев на его плечи. Мальчишка не среагировал. Солнушки дрожали, терлись носами о шею мальчика, топтались мягкими лапами. Ничего. Страшное отчаяние наполняло душу Кира, а вслед за ней — и Цветкину. «Откуда в нем столько боли? — в ужасе думала она. — И зачем, ох, зачем я отдала зайца! Мила была права, двух тут мало». Девочка почти физически чувствовала, как мучается Кир и сколько усилий ему требуется, чтобы подавить в себе внутренний стон. «Нет, так дело не пойдет!»

Она встала и решительно сбросила плащ.

— Не переживай. Может, обойдется, — шепнула она, положив ладонь ему на плечо.

Мальчишка резко обернулся.

— Эй, ты кто?

— Я... — девочка растерялась. — Я — Цвета.

— Света? — переспросил Кир.

— Нет, Цвета. Зовут меня так.

— Слушай... Цвета, иди отсюда, а?

— Я не могу. Тебе же плохо.

Мальчик яростно сверкнул глазами.

— А ты почем знаешь? Ты... — И тут он увидел крылья.

— Что это? Игрушечные?

— Иг-грушечные... — Цветка на всякий случай впала в панику. В конце концов, у нее не было готового плана действий.

Кир вытянул руку и дернул ее за опущенное прозрачное крыло. Девочка ойкнула.

— Неужто настоящие? — изумился Кир. — Ты... кто?

Вечер окончательно обосновался в городе, и аллея, освещенная тремя тусклыми фонарями, теперь лежала во мраке. Цветка подумала, что опасаться нечего, и присела рядом.

— Люди называют нас феями, ну или эльфами. А еще иногда путают с ангелами, — сказала она. — Но на самом деле я просто девочка. Не бойся.

— Я и не боюсь, — Кир слегка отполз назад, но тут же, устыдившись своей робости, вернулся. — А зачем ты пришла сюда... стрекоза?

— Говорю же, затем, что тебе плохо.

Мальчишка снова недоверчиво подергал ее за крыло.

— Аккуратней, помнешь, — поморщилась Цветка. Она поднялась и, предварительно осмотревшись, чуть-чуть взлетела над землей.

— Вот это да! — выдавил Кир, когда она опустилась. — Слушай, если ты настоящая и пришла, чтобы помочь, может, ты и правда поможешь? Ты же знаешь про Вика, да?

— Немножко.

— Он вот там стоит... А те парни — самая крутая банда района. Понимаешь, если он... ну, если он к ним пойдет, то погибнет. Понимаешь? Стоит чему-то случиться, и все.

— Банда — это злые люди?

— Ну да.

Уголки Цветкиных губ поникли, она накрыла своей ладошкой ладонь Кира.

— Я могу помочь тебе. Но не ему. Меня не к нему отправляли. Я... я думаю, Вику вообще трудно помочь.

— Но со мной все в порядке! Это Вик...

Неожиданно Цветка зажала Киру рот и прильнула к спинке лавочки. Трое парней, разговаривавших с Виктором, прошли мимо, не заметив детей. Сам Виктор уже шагал в противоположную сторону.

Они вылезли из-за лавки. Цветка проводила Вика опечаленным взглядом.

— Я, честно, не могу ничего сделать для него, Кир, — сказала она виновато. — Но могу для тебя.

Девочка обняла мальчишку, прежде чем тот сообразил, что происходит, прикоснулась губами к его лбу.

— Не грусти, пожалуйста, — попросила она. — Может, все наладится. Главное, держись. А мне пора... Мила и так будет ругаться.

Цветка подхватила плащ и накинула его на себя, растворяясь в сумерках.

Кир застыл, вытаращившись на место, где только что стояла девочка.

— Обалдеть, — прошептал он.

Два зайчонка «замчухали», сползая к нему в карманы. Кир, разумеется, этого не заметил, но на душе отчего-то потеплело.

— Как ты могла? Нет, ну как тебе пришло в голову отдать солнушка пацаненку?

Цветка потупилась, шмыгнула носом.

— Он плакал. Не могла же я пройти мимо.

— Не могла... А о Кире ты подумала? Ему-то заяц был нужнее..

— Подумала. Мил, прости, я правда не хотела. Просто... просто так получилось. Скажи, почему одним мы приносим солнушек, а другим нет? И почему некоторым приходится дарить их несколько раз?

— А ты сама не догадалась?

Цветка помахала головой.

— Ну, не совсем.

— Солнушки — это надежда, — объяснила Мила. — Такие маленькие лучики веры в то, что все будет хорошо. Никто на свете не может жить без надежды. Поэтому мы и помогаем всем, кто в этом нуждается. И выдаются солнушки по строгому принципу. Надо кому-то продержаться, пока придет помощь, или поверить в себя, чтобы сделать что-то важное, или просто дожить до следующего дня — тогда и приходим мы. С солнечными зайцами. Тот малыш, конечно, был напуган и плакал, но, возможно, ему и не понадобился бы солнушек. Или к нему послали бы кого-то другого. Не одни мы с тобой такие. А вот Киру третий заяц был совершенно необходим. Понятно?

— Да, — Цветка помолчала, задумавшись. Ее крылышки трепетали на сквозняке — в домике были открыты все окна. — А феслоники?

— Феслоники — это мечты. Без них людям тоже тяжело.

— Ясно... А предыдущие солнушки, которых мы даем? Куда они деваются? Когда я прилетела к Киру, я их не нашла.

— Они вернулись. Люди бы сказали «умерли», но на самом деле, если человек отказывается от солнушка, сознательно или бессознательно, он просто возвращает его нам.

В окно залетела бабочка, покружилась над столом, зазывая Цветку на луг. Та махнула рукой, без меня, мол. Бабочка огорчилась и упорхнула обратно.

— Прости меня, — повторила Цвета. — Я постараюсь так больше не делать.

Мила погладила девочку по светло-соломенным волосам.

— Я знаю, лапулькин. Но с завтрашнего дня этим опять займется бабушка Надина. Она поправилась.

— Ой, здорово! — обрадовалась Цветка и тут же расстроилась. — Так я больше не увижу Кира? И мы не поможем его брату?

— Почему? Можешь навещать его, если захочешь. Только на глаза не показывайся. Вот с Виктором сложнее. Понимаешь, люди сами делают свой выбор, мы способны лишь подольше хранить в них добро... В общем, летай к ним иногда, когда не будешь занята. Но, пожалуйста, без фокусов.

Мила шутливо погрозила пальцем, и девочка, рассмеявшись, чмокнула ее в щеку.

Целых две недели в домик не поступало никаких особо важных новостей, все шло заведенным чередом. Мила, Холли, бабушка Надина, а также незаметный Пейшен и дядя Добряныч работали. Цветка с Сонькой, Лялей и Красиком тоже не отлынивали. Пару раз Цветка сгоняла к Киру, полюбовалась на прыгающих за ним солнушек, и успокоилась. Если честно, она не думала, что может произойти что-то по-настоящему плохое. На ее памяти ни у кого такого не случалось. Мелкие неприятности — да, но с кем не бывает.

Поэтому новость, свалившаяся на нее в один прекрасный день, прозвучала громом среди ясного неба. Девочка возвращалась с луга, когда услышала голоса из раскрытого окна...

— Да вот только брат и был. Родители не приедут... Дед остался, — говорила Надина. — Любил он брата очень. Единственная близкая душа, сама понимаешь.

— Бедный мальчик, — а это уже Мила. — Что, прям вот так и... все.

— Ну, не плачь, Милусик, не плачь, кто знает, как оно повернется. Или... ох, плачь, моя лапонька, плачь. Погоревать-то, как же не погоревать.

Бабушка Надина замолчала, а затем произнесла чуть громче:

— Заходи, Цветусенька. Тебе можно узнать.

Цветка распахнула дверь, без звука вошла и уселась на стул, не сводя взгляда с бабушки.

— У Кира большое несчастье, — вздохнула та.

Морщинки в уголках ее глаз, обычно такие задорные и смеющиеся, сейчас казались прямыми и строгими. В руках она держала пустую корзину и теребила ее, расплетая и снова заправляя лозу.

— Брат его... погиб. Понимаешь?

— Что, совсем погиб? — тихо спросила Цвета.

— Совсем... Ты слетай к Киру, Цветусенька, обязательно слетай. Лучше ему станет или нет, не ведаю, но ты пойди... Я ему сегодня целую корзинку солнушек отнесла. Если не поможет, то... В общем, слетай, детка, только завтра, сегодня не надо. Не до тебя ему сейчас.

Девочка кивнула, вышла на порог и села на крыльце. Крылышки поникли, на ресницах закачалась капелька, упала на губы. Цветка слизнула ее — соленая. Кир... ну как же так?!

До конца дня Цветка промаялась, не находя себе места. Она хотела немедленно лететь к Киру, но ее удерживали слова бабушки Надины. Всему свое время, даже сочувствию.

Утром, лишь занялся рассвет, Цветка сорвалась из дома и ринулась в город, на Восточную аллею. Кир еще спал, темные круги под глазами сказали девочке о том, что лег он поздно; на лбу мальчика виднелась легкая испарина. С обеих сторон к нему жались три золотистых пушистика — все, что осталось от бабушкиной корзины. Но они хоть были. Пока были. Цветка приготовилась ждать...

...Она сидела возле него на заре, везде сопровождала днем, негромко плакала в углу вместе с его дедушкой и все время держалась неподалеку.

Сначала пропал самый крупный желтый заяц. Еще минуту назад он прыгал вслед за Киром и вдруг — исчез. Через час испарился второй, веселый пушистик с удлиненными ушами и светящимся хвостиком. Оставался последний...

Вечером Цветка поняла, что у нее ужасно бурчит в животе.

— Я не надолго, Кир, — произнесла она. — Ты тут это... смотри, осторожно...

Но Кир ее не слышал.

Ей казалось, туда и обратно она летела быстрее ветра, и все-таки, когда снова достигла Восточной аллеи, город уже погрузился в сумрак. А самое страшное, Кира нигде не было! Цветка метнулась во двор — пусто, слетала к аллее — нет. Девочка оглядывалась в растерянности, не зная, куда податься. Наконец решила искать мальчишку во всех окрестных переулках.

И он нашелся. Через час или два она наткнулась на него в крошечном проулке, на который не выходило ни одно окно. Наткнулась и замерла. С крыши, где она затаилась, было видно — сейчас Кир завернет за угол и встретится с той Викторовой компанией. Вон они стоят, явно поджидая кого-то. Четверо высоких парней на пороге старого дома. Что же делать?!

Девочка рванулась наперерез мальчишке, забыв, что обещала Миле не показываться.

— Стой!

Кир остановился.

— Цвета?

Он отбросил с лица челку, и Цветка увидела, какие жуткие у него сейчас глаза. Морозно-инистые снаружи и яростно-огненные в глубине. Со зрачками-колодцами, полными черной-пречерной тоски.

— Ты уже знаешь? — спросил он.

— Я знаю... я тут рядом была. Мне... очень жаль. Ну вот просто... очень.

Кир молча кивнул.

— Я убью его, — сказал он.

— Кого?!

— Того типа, который Вика подставил.

Цветка робко коснулась его руки, погладила.

— А ты видел, кто это?

— Нет, но я иду к тем, кто видел.

— К этой... «банде»? К злым людям? — воскликнула девочка. — Не ходи, Кир! Ой, нет, не ходи к ним! Пожалуйста!

Она сжала обе его ладони и попыталась заглянуть в глаза.

— Пойду! У меня есть нож, и я...

— Я тебя не пущу! Ты тоже пропадешь, как Вик. Не пущу!

— Цвет, уйди, а? Мне все равно, фея ты или кто там, только я уже решил. Ты не знала Вика и не понимаешь почему...

— Нет! — Девочка загородила ему дорогу. — Я не хочу, чтобы ты тоже стал злым. Это... это плохо... ты даже не представляешь насколько. Тебя больше не станет, ты будешь не ты, а кто-то другой. Ну, поверь, я же чувствую!

— Уйди.

Мальчишка отцепил ее руки и легонько от себя откинул. Цветка бросилась обратно.

— Я сказал, уйди!

Он снова толкнул Цветку и зашагал по улице. Вот уже и поворот. Сейчас он... И девочка, не придумав ничего лучшего, кинулась ему в ноги. Кир споткнулся и кубарем полетел на камни, больно стукнувшись коленкой, ободрав кожу.

— Да отстань ты! — заорал он, отпихивая Цветку.

Девочка не сдавалась.

— Нет, Кир! Нет, пожалуйста! Прошу тебя, послушай...

Разъяренный Кир боролся, как звереныш, но Цветка не отпускала; наконец ему удалось разжать ее пальцы, и он с силой отбросил девочку в сторону.

— Ах...

Цветка врезалась в стену, неловко сминая прозрачное крыло, и упала ничком на мостовую. Мальчишка вскочил, сделал несколько шагов, удаляясь прочь. Потом еще несколько.

Потом на секунду задержался.

Прислушался. За спиной — ни вздоха, ни шевеления.

Он обернулся.

— Цвета?

Девочка лежала без движения. Растрепанные светлые волосы укрывали каменный тротуар.

— Цвет, вставай. Хватит притворяться.

Кир постоял еще чуть-чуть, ожидая, что девочка вскочит и подбежит к нему, но она не вставала. Мальчишка сорвался с места, упал перед Цветкой на колени.

— Эй, — прошептал он. — Ты чего? Я тебя сильно, да? Ох... твои крылья...

Только сейчас мальчик понял, что левое Цветкино крыло как-то странно заломлено, и осторожно дотронулся до него. Оно жалобно обмякло. Девочка пошевелилась, приподнимаясь. На лбу у нее кровоточила ссадина, наливался болью ушибленный локоть. Кир помог ей сесть. Она посмотрела на него, снова ощутив на губах вкус соленых капель, и... погладила его по руке.

Кир вздрогнул. Взглянул ей в лицо.

Морозный иней в его глазах вдруг треснул, начал таять, растекаясь по щекам такими же, как у нее, солеными каплями. Пламя, бушевавшее за ледяной стеной, затухало.

— Цветка... твое крыло... Прости меня.

— Ничего, — девочка обняла Кира. — Ничего, заживет.

Мальчик сидел, уронив руки, не сопротивляясь этим объятиям. Стало ли ему легче, он не знал, но точно стало... теплее.

— Сколько тебе лет? — спросил Цветку Кир.

Они пришли к нему домой и теперь пили чай в его комнатке на чердаке.

— По-человечьему? — девочка задумалась. — Сейчас посчитаю, погоди... Десять или одиннадцать, наверное. А может, двенадцать.

— Хм... А меня к вам возьмут?

Цветка чуть не подавилась.

— Куда?

— Ну, к вам. Туда, где ты живешь.

— Но... зачем тебе?

— А что мне тут делать? — Кир положил в чай варенье, размешал ложкой и, не поднимая головы, пробурчал: — У меня больше никого нет.

— Как нет? — возмутилась Цветка. — А дедушка? Так его и бросишь? Чтобы он вообще один остался?!

Мальчишка нахмурился.

— Деда мне жалко, да.

— Вот именно. Ишь какой... Подрастешь, тогда и возьмем. Если все сделаешь, что нужно.

— А что нужно?

— Все, что тебе здесь, на земле, надо сделать, то и нужно. А когда сделаешь и придет время уходить, попросись к нам. Я тоже попрошу за тебя.

— И долго ждать?

— Ну-у, — Цветка почесала болючий локоть. — Лет семьдесят.

— Ого!

— А чего ты хотел? Вы столько живете.

— Но это... нечестно.

— Очень даже честно! Помогать другим людям — это еще научиться надо. Вот и учись.

Кир слабо улыбнулся.

— А ты будто сама умеешь. Помощница...

Цветка не обиделась. Ее рот неожиданно растянулся до ушей.

— Кир, ты видишь? Там, под кроватью...

Мальчик глянул, куда показывала Цветка.

— Не-ет, а что там?

Девочка удовлетворенно выдохнула.

Из-под старенькой низкой кровати выбрался желтый комок, отряхнулся и принялся чистить себя коротенькими лапками.

— Солнушек...

Домой Цветка вернулась почти утром. Мила не ругалась, осмотрела поврежденное крыло, удивилась, что Цветка все-таки смогла долететь, и сказала, что завтра обязательно заживет. Потом отвела ее в мезонин и уложила в постель.

— Можешь спать хоть до обеда, — разрешила она, укрывая девочку одеялом.

— Угу, — пробормотала та.

Сквозь закрывающиеся ресницы девочка видела, как в комнату проскользнул сбежавший из загончика солнечный заяц и прыгнул к ней на подушку. Она зевнула, обняла его ладошкой и почесала за ушком. Зайчонок ткнулся розовым носом ей в щеку, и под ворчливо-ласковое «мчух, мчух» Цветка наконец уснула.

* * *

Цветка уже давным-давно не носила солнечных зайцев. Но сегодня был особый день. Бабушка Надина лично вручила ей пухлого солнушка с наказом передать без опозданий. Цветка расцеловала бабулю и молнией бросилась выполнять поручение.

Адрес был новый, незнакомый, но девочку это не волновало. Она быстро разыскала улицу и сразу же заметила дом, сиявший свежей покраской. Тот переливался всеми цветами радуги, славно контрастируя

со стоящими рядом серыми особняками. Цветка скользнула к окну на втором этаже.

Возле распахнутых створок, словно ожидая ее, стоял мужчина средних лет, одетый в синие брюки и удобный домашний свитер. Темные волосы были коротко стрижены, но так и чудилось, что сейчас мужчина тряхнет головой, откидывая назад длинную челку.

Цветка села на подоконник, разглядывая своего подопечного. Какой он все-таки замечательный! Наверное, самый замечательный на свете. После Милы и бабушки Надины, конечно. Она лукаво улыбнулась, вынула из сумки зайца и посадила мужчине на плечо. Заяц тут же распушился, выставив вперед желтые уши.

Мужчина глубоко вздохнул, оглянулся по сторонам.

— Цвета?

В комнате было тихо. И как будто бы пусто. Тогда он добродушно усмехнулся, чем насторожил привалившегося к шее зайца.

— Ты жди меня, стрекоза. Жди, — шепнул он. — Я приду.

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

ВОЙНА ПО ФЭП

Справка: «ФЭП — функционально-этическая поправка. Применяется для оперативной коррекции положений Кодекса государственной жизни в целях минимизации человеческих жертв в процессе законотворчества».

(Источник: «Словарь начинающего чиновника», 5-я редакция, исправленная и дополненная)

Национальное охранное предприятие (НОП) «Война и мир» выиграло государственный тендер на проведение военных операций двадцать лет назад. Как полагается, тогда же НОП было официально зарегистрировано в мировом реестре временных министерств обороны.

Ныне НОП «Война и мир» вполне оправдывало старинную поговорку «Нет ничего более постоянного, чем временное». Многочисленные сотрудники этой организации давно привыкли думать, что скорее государства и всякие сообщества падут, чем закроется их пусть солидная, но, если хорошо разобраться, все же частная лавка. В ходе слияний-поглощений, а также размещения акций в Интернете подлинный собственник «Войны и мира» скрылся глубоко в кулисах экономической жизни планеты. Возможно, это был зарубежный гражданин — капиталам, как известно, границы не писаны. Впрочем, этот факт не влиял на основные показатели деятельности компании.

«Война и мир» работала как часы. За двадцать лет компания по поручению государства успешно прове-

ла шестьдесят семь войн и влипла только в три мелких судебных процесса, да и то — исключительно по глупости внутреннего аудитора. В остальном — швейцарское качество услуг. Между тем этот бизнес требует знания множества тонкостей и нюансов, что является результатом длительной работы на рынке. Новичку или выскочке — не под силу. В чем-нибудь — да напортачат. В таком деликатном деле, как война, государство предпочитало полагаться на проверенных временем подрядчиков. Поэтому сотрудники «Войны и мира» ни секунды не сомневались, что и ближайший тендер также закончится в пользу их родной компании.

И тут — облом.

В сущности, пока не облом, а досадное препятствие в коммерческой деятельности, но уж больно не вовремя. Очередной тендер на носу.

Обязанности НОП «Война и мир» смотрелись просто только на поверхностный взгляд. Во-первых, компания должна была по поручению государства объявить и провести войну строго в соответствии с согласованным с противником планом и с применением согласованного сторонами оружия. Во-вторых, на НОП «Война и мир» лежала ответственность за организацию пиар-кампании в целях разъяснения населению смысла и мотивации очередной войны, ее благотворного влияния на мировой баланс сил. В-третьих, «Война и мир» занималась эвакуацией беженцев с театра военных действий, их расселением, социальной реабилитацией и трудоустройством. Также приходилось заботиться о пленных — учитывать их, содержать, обменивать, выслушивать вечные упреки. Хорошо, что пять лет назад разрешили формировать отряды пленных на контрактной основе. Все легче, стали вербовать пленных в жарких странах, а то местные (даже те, кто любил путешествовать) далеко не всегда соглашались.

За внешней простотой задач стоял кропотливый и нервный труд тысяч сотрудников «Войны и мира». Мелкие проблемы возникали часто — то портативный коллайдер заест, то робот-убийца какой-нибудь взбесится, то капризный беженец недоволен дизайном нового дома или новым местом работы. Технические сбои считались неизбежным злом. Войн много, аппаратура и техника быстро изнашиваются, за всем не уследишь, особенно когда ведешь две или три войны одновременно, — рук не хватает. Штаты не резиновые.

А вот с беженцами предпочитали не шалить. Их судьбу зорко отслеживал влиятельный Мирный Трибунал — склочное наднациональное сообщество старых стерв-общественниц и обозленных юристов-правозащитников, которых хлебом не корми, только дай швырнуть камень в «проклятых милитаристов». Поэтому до крайности старались не доводить: НОП «Война и мир» содержало целый штат специалистов с хорошо подвешенными языками, способных регулировать недоразумения с беженцами еще до начала военных действий.

И вот наступил черный день, когда специалисты по работе с беженцами признались, что их опыта и нервов не хватает для разрешения неожиданной конфликтной ситуации.

Глава дирекции социальных экспертиз «Войны и мира» майор первой категории Климов встретил пресловутый черный день в бодром настроении. Наима восхитительно бредила на ушко, доставка не опоздала с органическим завтраком, кислородный душ обдал живительным облаком, скоростной лифт за минуту домчал до кабинета, ортопедическое кресло приняло в свои объятия загорелое тело тренированного мужчины тридцати двух лет.

Он — правильный парень с правильной девушкой, правильной работой и безупречно устроенной жизнью.

Ведущий специалист дирекции — прапорщик немного за двадцать — ввалился к шефу объяснить, что это не совсем так.

— У нас проблемы, — доложил прапорщик. НОП «Война и мир» сохранило в корпоративной практике воинские звания, давно отмененные в государстве, чтобы подчеркнуть специфику деятельности компании. Да и сотрудникам эта игра в «прапорщики-майоры-генералы» полюбилась.

— У кого это — у нас? Это у вас проблемы, — строго подчеркнул майор Климов. — У меня пока никаких проблем.

Он не любил сотрудников, которые валят со своей больной головы на его здоровую.

— В чем дело? — сдвинул брови Климов.

У прапорщика осело лицо. Его личная стратегия реагирования на критику нуждалась в срочной коррекции путем воздействия на лобные доли. Или уволить, раз не справляется. Климов относился к сотрудникам как к расходному материалу, поясняя свою философию мутной фразой «на войне не избежать потерь».

Он взял прохладный хрустальный шарик, стал мять и катать его в левой руке — это всегда отвлекало нервишки. Говорят, лет сто назад среднестатистический человек был более стрессоустойчивым и спокойным. Но когда население Земли приблизилось к десяти миллиардам, ученые, первые открывшие феномен «межличностной аллергии», всерьез указали на то, что люди стали с трудом выносить друг друга и пора с этим что-то делать. Конечно, часть человечества удалось распихать по Луне и Марсу. Однако основная масса все еще продолжала толпиться на Земле.

Майор Климов страдал «межличностной аллергией» в легкой форме. Обычное дело, почти здоровье. Тяжелую форму диагностировали, к примеру, когда человек начинал сразу истерично орать и бить ногами при одном взгляде на соплеменника. Во всяком случае,

легкая форма «межличностной аллергии» не помешала Климову занять руководящий пост.

— Сейчас мы работаем с беженцами из населенного пункта Малые Силки, — объяснял трепетный прапорщик, глотая страх перед начальством. — Малые Силки выбраны в качестве театра военных действий в очередной лунной войне. Все шло по плану, но вдруг один из беженцев повел себя неадекватно. Он заявил, что отказывается покидать Малые Силки. В таких случаях мы обязаны провести с ним разъяснительную работу, раскрыть смысл функционально-этической поправки, предложить несколько улучшенных вариантов переезда и трудоустройства. Мы все сделали по инструкции, а он уперся рогом. Никуда не поеду, говорит, и все.

— Как аргументирует? — Майор Климов по опыту знал, что среди «отказников» львиную долю составляют шантажисты, которые, раз вышел удачный случай, хотят улучшить жилищные условия. Остальные — как правило, неадекватные люди с запущенными формами «межличностной аллергии».

— Он говорит — «здесь мой дом».

— Оригинально, — удивился майор Климов. — Что-то требует?

— Ничего. Просто не хочет уезжать из Малых Силков. Господин майор, через неделю начнется война. Не уложимся в сроки — государству начислят штрафные очки. Мы не можем его там оставить. Я посмотрел в инструкцию. В таких сложных случаях «отказников» надо отправлять на беседу к начальнику дирекции — то есть к вам. Подчеркиваю, на моей памяти это первый случай. До сих пор сами справлялись, — с интонацией злого мальчика, который долго помнит обиды, сказал прапорщик. Все-таки следует отправить его на коррекцию лобных долей. Стал раздражать.

Климов нежно положил хрустальный шарик в специальную лунку на рабочем столе.

— Вы хорошо разъяснили «отказнику» философию и мировое значение «куршевельской доктрины ведения войн»? Эта философия столь совершенна, что не может не производить впечатление даже на... Кто он по роду занятий?

— В досье написано — «крестьянин на общественных началах».

— ...даже на крестьянина, — закончил фразу майор Климов.

Ведь даже крестьянину должно быть ясно, что любая спонтанная война при современном уровне вооружений может иметь непредсказуемые последствия. Человечество уже способно уничтожить не то что собственную планету, но и всю галактику пятьсот тринадцать раз. Но воевать-то надо! Пять десятков или около того лет назад ученые окончательно выяснили, что война в природе человека, и человечество категорически не может время от времени не тузить друг друга до смерти с применением самой иезуитской техники. Если человека долго удерживать от войн, он в конце концов срывается в такое безоглядное кровопролитие, что хоть всех святых выноси. При этом человеку надо убедиться, что он причинил противнику реальный, тяжкий урон, боль и непоправимые страдания. Другими словами, непременно должны быть выжженная земля, разрушенные населенные пункты, беженцы, пленные и национальный траур. По мнению тех же ученых, целесообразно время от времени практиковать своего рода терапевтические войны. Во-первых, оружейная индустрия не застаивается. Во-вторых, народы и главы государств вовремя выпускают пар, и дело не доходит до фатальных конфликтов. В-третьих, война — все-таки тренинг, никогда не знаешь, что в жизни пригодится. Словом, война — на редкость полезное для исторического процесса и развития добрососедских отношений занятие.

Был февраль — в военном деле практически мертвый сезон. К тому времени все воевали четко весной,

на волне авитаминоза, морально устав друг от друга, или осенью, по окончании отпусков и работы международных салонов вооружений. Салон вооружений — красочное, упоительное зрелище, поднимает дух. Его нельзя отменять.

Главы государств собрались в Куршевеле, покатались сами, экспертов своих покатали, подумали, и решили не пускать военные конфликты на самотек, а предельно формализовать их. Согласно «куршевельской доктрине», современные войны теперь выглядели так. Государства и альянсы, которые не могли что-то поделить, выбирали на своей территории по одному населенному пункту, предназначенному к разрушению в ходе грядущей войны. Жители населенного пункта считались беженцами. Их еще до начала военных действий перевозили на другое место с предоставлением жилья и работы. Случались, конечно, скандалы, но в целом народ с пониманием относился к тяготам войны.

К выбранному населенному пункту подтягивались вооруженные формирования противника. Местные вооруженные формирования должны были отражать их атаку. Выбор методов и оружия происходил на предварительных переговорах и соответствовал тяжести взаимных претензий. Военные действия на территориях враждующих сторон начинались одновременно, секунда в секунду. Кто первым сровняет населенный пункт противника с землей — тот и победил в войне. По результатам войны формировались отряды пленных. От побежденных — больше пленных, от победителей — буквально две-три дюжины, для проформы. Их отправляли на территорию противника, где они должны были жить год или два в условиях некоторого попрания прав. После войны проводились мирные переговоры, которые фиксировали бонус победителя и потери побежденной стороны в итоговом коммюнике. За соблюдением всех правил следил специальный Наблюдательный совет. Он всякий раз фор-

мировался из представителей нейтральных стран и организаций. Бывало так, что враждующие стороны оставались недовольны работой этих представителей, что создавало почву для новых войн. Но это уже частности. В целом система работала отлично. Повадились воевать даже там, где раньше и без стрельбы вполне могли бы договориться.

Во всей этой архитектуре был один страшный для Климова пункт: той стороне, которая допускала присутствие на поле брани мирного жителя, Наблюдательный совет сразу начислял штрафные очки. Наличие штрафных очков могло повлиять на исход войны, если бы взаимное разрушение противниками населенных пунктов не выявило победителя. К тому же за плохую работу с беженцами государство должно было выплатить огромную компенсацию: противнику — за моральный ущерб, Наблюдательному совету — за дополнительные неудобства, Мирному Трибуналу — в качестве взятки, чтобы не склоняли на всяких форумах и симпозиумах.

Словом, для майора Климова такая ситуация означала бы смерть карьеры. Он понял, что встречи с еще одним аллергеном не избежать. Климов сел за изучение материалов дела.

Нынешняя война возникла из-за давнего конфликта с традиционным противником по поводу перспективного участка на Луне. Новейшая установка по добыче полезных ресурсов, современный кондоминиум для персонала, умеренный микроклимат, коммуникации, собственный космодром с небольшим парком шатлов: не участок — мечта.

Так как воевать на Луне дорого, решили все вопросы утрясти на Земле. Это был конфликт средней тяжести, потому и выбрали Малые Силки — небольшой поселок в Алтайском округе, всего полсотни домов, фабрика-пасека да страусиная ферма. Противник отдал на разрушение полностью идентичный Малым Силкам Бычий Рог (если перевести название на рус-

ский язык). Сторона, которая победит в войне, получит на Луне тот самый лакомый участок.

Со всех точек зрения игра стоила свеч. К тому же уже полгода не воевали. Все стали нервничать.

Малые Силки. Климов задумался, какая мотивация может так привязывать человека к подобной глухомани, что он отказывается от щедрых предложений «Войны и мира»? Климов решил полистать досье строптивого беженца.

Беженец по имени Петр Белобров оказался уроженцем Малых Силков. Его биография выглядела бедной на события. Пятьдесят, рано потерял родителей, воспитывался государством, затем записался крестьянином, вернулся в родное поселение, ныне сдает государству часть урожая со своего огорода, подрабатывает на пасеке. Женат, двое детей. Дети, как и положено, по достижении школьного возраста отправлены в город в соответствии с программой «Принудительное развитие личности».

Ничего оригинального в истории крестьянина Петра Белоброва не было, кроме его упрямого нежелания покидать Малые Силки.

На следующее утро Петра Белоброва доставили майору Климову. Перед рандеву майор активизировал вживленный в его мозг сканер. Подобными сканерами снабжали всех руководителей. Эти устройства экономили массу денег. Они позволяли видеть людей, включая подчиненных, буквально насквозь: мозговые волны, скрытые реакции, степень внушаемости, психический статус. Затем, проанализировав полученные данные, сканер переключался в другой режим. Этот режим помогал руководителю внушать собеседнику необходимые позитивные установки и желаемый способ поведения. Другими словами, после беседы с майором Климовым крестьянин Белобров должен был — почти счастливый — собрать манатки и выехать из Малых Силков, не оглядываясь. Перешибить действие сканера Климова могла только более совершенная мо-

дель — из тех, которые обычно устанавливали топ-менеджерам, государственным деятелям и налоговым инспекторам.

План беседы с Белобровым включал развернутый экскурс в историю войн на Земле, обильное цитирование Кодекса государственной жизни и трудов специалистов в области военной социологии, анализ международного положения с плавным переходом к презентации вариантов переезда и трудоустройства. Функция этого трепа состояла в одном — заговорить беженцу зубы, а тем временем намертво впаять в мозги стремление спешно съехать из Малых Силков. Пусть не жалуется, сам так захотел.

Петр Белобров выглядел как человек, весь световой день проводящий на воздухе в физических трудах. Естественный загар, выцветшая шевелюра, крепкие округлые плечи, грубые руки, простая одежда провинциала, спокойный, как гордый утес, взгляд. Пусть невысокий ростом, пусть невидный лицом, Белобров излучал тихую уверенность сельского обывателя, который не только хорошо знает свой шесток, но и всей душой любит его. Ничего, не таких обламывали.

— Почему вы не хотите уезжать из Малых Силков?

— Я там ро́дился. Там мой дом.

Этот обмен фразами полностью описывает настроение, содержание и результаты трехчасовой беседы Климова с Белобровым. Исторические экскурсы, цитирование, международное положение — ничто не помогло. Белобров формально кивал, но стоял на своем.

Майора Климова смутило даже не это. Вскоре после начала беседы он понял, что его сканер не может пробиться к мозгам недалекого крестьянина. Климов прибавил мощность устройства — нулевой результат. Его собственные мозги звенели от напряжения, но мозги Белоброва представлялись майору куском дорогого белого гранита, о который разбиваются все его усилия. Выложив грубые ладони на колени, Петр

Белобров без улыбки, твердо, с легким, как показалось, сочувствием смотрел на Климова.

Договорились продолжить обмен мнениями на следующий день — беспрецедентно для Климова. Его профессионализм пока не знал таких осечек.

Первым делом он обратился в службу технической поддержки. Там его заверили, что со сканером все в порядке. Он еще раз изучил досье Белоброва. Разумеется, ему следовало сразу обратить внимание.

Это было слишком короткое досье. Таких теперь не делают.

Вчера Климов думал, что краткость досье связана с незатейливостью жизненного пути беженца. Теперь он решил убедиться, что это действительно так. Климов располагал необходимым уровнем доступа к расширенной государственной базе досье. Уж там были все и во всех подробностях. На запрос база выдала неожиданный ответ: «Досье П.И.Белоброва предоставляется только при наличии высшего уровня допуска». Таким допуском обладали от силы двадцать-тридцать человек в государстве. Люди разное говорят. Возможно, число допущенных было гораздо меньше.

Майор Климов все еще не хотел смириться с поражением, хотя под ложечкой образовалась зубная боль нехорошего предчувствия, да и хрустальный шарик больше не помогал. Климов извлек из загашников НОП «Война и мир» совершенно сказочные предложения по новому местожительству для беженца и решил еще раз поговорить с Белобровом — уже без сканера, по-человечески. Климову совершенно не хотелось тащить неразрешимую проблему вице-президенту или — того хуже — к президенту компании. Они точно не поймут, особенно в преддверии тендера. Однако на следующий день Петр Белобров не явился на беседу. Как доложили подчиненные, Белобров вернулся домой, в Малые Силки.

Президент НОП «Война и мир» сам вызвал майора Климова. Вернее, вызвала. Президент компании, она же генерал Винник, элегантная, рослая дама, стояла у окна и озабоченно рассматривала пейзаж. Она обернулась на звук шагов, жестом предложила майору присесть. В ее красивом лице не было ни гнева, ни раздражения. Дипломированный психотерапевт, генерал Винник умела держать себя в руках в любых ситуациях и эффективно общаться с подчиненными без всяких сканеров. Она не являлась собственником компании, была лишь наемным менеджером, но за интересы фирмы буквально убивалась, и все об этом знали. Врагов компании или нерадивых подчиненных она могла разорвать в клочки. Дружелюбную женщину — по совместительству временного министра обороны страны — боялись как огня. Климов обреченно сел на указанное ему кресло и, сдерживая нахлынувший приступ «межличностной аллергии», уставился в рот руководству.

— Мы все поняли, когда вы засветились с запросом о Белоброве в расширенную базу досье, — без обиняков начала генерал Винник. — Мы изучили проблему и попытались сами вступить в переговоры с Белобровым, но он соглашается общаться только с вами, майор. Поэтому вы здесь. Раз уж ваше участие в этой истории неизбежно, придется посвятить вас в некоторые детали.

Климов судорожно сглотнул. Дело приобретало фиговый оборот.

— У современных государств как таковых нет армий. Они поручают проведение военных операций подрядчикам. Тем не менее остаются деликатные проблемы, которые требуют оперативного силового вмешательства. Для решения таких проблем практически все государства используют специально обученных людей — что-то вроде секретного спецкорпуса при руководстве страны. Воинских званий у них нет, официальных наград им также не раздают. Использовать

таких людей намного экономичней, чем содержать огромные армии. Только населению об этом знать не обязательно. Эти люди в одиночку способны выполнять специальные миссии — на Земле, на Луне, на Марсе, Юпитере, да хоть на краю вселенной! Их обучают и оснащают с детства, они буквально напичканы высокими технологиями. Более того, они умеют ремонтировать эти устройства или совершенствовать их. Им вживляют специальный барьер, защищающий их мозг от любых внешних вторжений. Их мысли нельзя прочитать, их поведением нельзя управлять. Они умеют практически все. Ведь им приходится иметь дело не только с выходками колонистов, но и с внеземными формами жизни. Одна марсианская кремниевая паутина чего стоит! У подобных Белоброву нет братьев по оружию, они работают автономно. Командный дух для них — пустой звук. Они начинают выполнять специальные миссии в двадцать пять лет, выходят на пенсию в сорок. У них высокая пенсия. Им дают возможность выбирать, где жить и кем быть в новой жизни. Большинство вживленных в них смертоносных устройств дезактивируют. Но и того, что в них остается, при правильной постановке дела хватит, чтобы развязать небольшую, но мировую войну.

— Хорошо вооружены? — подобострастно подхватил Климов.

— Вы не поняли. Эти люди не просто хорошо вооружены. Они сами и есть оружие, — генерал Винник прошлась по кабинету, собираясь с мыслями. — По сравнению с ними все остальное известное вам оружие — бутафория. Обычно на пенсии они ведут себя тихо, следуют всем социальным правилам. За время службы они успевают увидеть и познать такое, что отбивается всякое желание проявлять агрессию или активность. Выбирая Малые Силки, мы совершенно упустили, что там живет Петр Белобров. Бюрократический сбой. Со всеми бывает. Ума не приложу, почему он так цепляется за эту дыру?

— Не проще ли найти другой населенный пункт? — подсказал Климов. Он припомнил кусок белого гранита, о который разбилась вся его крутизна.

— Вы здесь не для того, чтобы обсуждать, что проще, а что нет. Все международные договоренности достигнуты. Война будет в срок и по всем правилам. Мы не можем признаться, что облажались и создали почву для опасного прецедента. Установившийся миропорядок — это новый бог. Он почти идеален. Есть еще один неприятный момент. На карту поставлено будущее нашей компании. Нам не простят, если какой-то Белобров, будь он хоть черной дырой, поломает сложившуюся практику ведения войн. Улучшенный пакет предложений для него вам выдадут. Отправляйтесь к Белоброву. Говорите, что хотите, обещайте ему все, любой город Земли, любую должность, любые привилегии, но добейтесь согласия на переезд. Не собирается же он воевать со всем миром! Ради чего?

— Ради... своего дома, — несмело догадался Климов.

— Дом? Милый дом? Какая блажь! — фыркнула Винник. — Он торгуется с нами. Что-то задумал. Я хочу знать, что у него на уме. Действуйте.

Когда майор Климов ушел, генерал Винник подошла к большому зеркалу, чтобы поправить жакет и макияж.

— Не уверена, что он вернется живым, — жестоко улыбаясь, сказала она собственному отражению.

Поселок вымер, все уехали. Теплая сентябрьская ночь и волнующий стрекот цикад плескались в чаще долины, между сопок, сомкнувших свои еловые объятия над его маленьким миром. На светлой в ночи веранде пахло деревом и свежим пирогом с ягодами. Жена хлопотала с самоваром, наливала в плошку тягучий мед, сонно и чисто улыбаясь, как ребенок, утомленный после бани. Он любил детскость в ее немолодом лице, мягкость движений, ее уверенность, что все

непременно будет хорошо, пока они вместе. Он уговаривал, да только жена не уехала вслед за остальными беженцами. Даже мысли не допустила. И вот огни в поселке погасли, а в доме Петра Белоброва свет все горел — теплее и ярче в окружении покинутых темных домов.

Климов, втянув голову в плечи, неловко сидел на табуретке, дышал незнакомыми ароматами и туго соображал, что ему говорить и делать дальше. В честь гостя затеяли пирог. Климов догадался, что здесь так положено — пока не покормят, даже слушать не станут. Это неплохо. Ему следовало привести мысли в порядок.

Его поразил дом Петра Белоброва: ухоженный, большой, двухэтажный, но ведь — простите — из бревна. Климов не подозревал, что такие еще существуют.

— Наливку будете? — мимоходом осведомилась жена хозяина.

Климов не знал, что это такое. На всякий случай он отрицательно покачал головой.

— Будешь, — усмехнулся Белобров.

Когда Климов возник на пороге этого странного жилища, Белобров сразу отметил:

— Вижу, ты выключил сканер.

— Все равно не поможет.

Белобров был все тем же — на вид спокойный крестьянин-тормоз без затей. И дом его такой же — без затей, какой есть, никому себя не навязывающий, но чистый, надежный, добротный.

От наливки мозги окончательно заснули, зато на душе стало гораздо приятней.

— В этом доме я родился, — тем временем бесстрастно рассказывал Белобров. — Там, за южной сопкой, местное кладбище, могила родителей. Я не помню или не хочу помнить, что происходило со мной после их смерти. Я помню мамины руки, все ее прикосновения и эту веранду, смех отца, звездный клочок над этим домом, в который смотрел, лежа на сене, и не мог насмотреться. Мама наливала мед в плошку,

как это делает сейчас жена. Когда потом я тысячу раз умирал и тысячу раз убивал, разбитый в прах, с пустой душой, я уцелел только потому, что в памяти все лился и лился мед моего детства.

Климов вздрогнул.

— Мои дети после курса развития личности хотят вернуться сюда. Я каждую неделю навещаю их в городе, — все тем же бесстрастным тоном продолжал Белобров. — В городе неплохо, но они хотят вернуться. Я должен сохранить дом для них.

— Тебе это не удастся. После войны здесь ничего не останется, — Климов махнул еще одну стопку. — Тебе найдут такую же долину с сопками — я лично прослежу. Построят тебе такой же дом — лично проверю. Только решай быстрей. Времени совсем нет. Я свою контору знаю: если нам поручили организовать войну, все разнесем строго по плану. Как бы мы ни были сильны, не нам бороться с Господином Миропорядком. Ты сам хорошо знаешь: когда перед ними стоит дилемма «человек или принцип», всегда выберут принцип. Если уж они на все готовы, обдери их, как липу, чтобы покувыркались, выполняя обещания.

— Боюсь, ты просто не можешь понять. У меня встречное предложение. Передай им, что буду стоять до конца. Там еще сохранились люди, которые помнят, как я это умею делать.

На сей раз в кабинете президента НОП «Война и мир», кроме генерала Винник, присутствовали два мутных молчаливых господина в синей униформе, которая делала их похожими на технический персонал компании. Их лица, словно подтертые ластиком, который убрал все проявления индивидуальности, не выражали ровным счетом ничего. Генерал Винник больше не костерила майора Климова, не грозила ему увольнением или какой-либо служебной расправой. Она давала ему последний шанс.

— В ходе дополнительных переговоров нам пришлось признаться противнику в этой проблеме, — сдержанно говорила Винник, глядя куда-то мимо Климова. — Формально присутствие Белоброва в зоне военных действий означает, что мы используем не согласованное с противником оружие. При этом использование на Земле специалистов, подобных Белоброву, запрещено секретным Шанхайским соглашением. Если мы не можем решить проблему с Белобровым, мы проигрываем эту войну. Однако Наблюдательный совет вошел в наше положение и присудил «ничью». Теперь мы будем совместно с противником эксплуатировать участок на Луне. Все было бы хорошо, но в их государстве намечаются выборы, и нынешнему президенту нужна победоносная война любой ценой. Их подрядчики в ходе пиар-кампании распалили в нации такую заинтересованность в этом лунном участке, что «ничья» не прокатит. Иначе нация прокатит президента на выборах. Договорились так: мы отводим свои войска, Мирный Трибунал и Наблюдательный Совет закрывают глаза, противник уничтожает Малые Силки с Белобровым или без него и — соответственно — побеждает в войне. А потом вроде как делает жест доброй воли, дарит нам сотрудничество в эксплуатации лунного участка.

— Нет, прошу вас, им надо объяснить... — непроизвольно привстал с места Климов.

— Решение окончательное, — отрезала генерал Винник. — Мы хотим предоставить Белоброву еще один шанс. Противник поделился с нами технологией, как его можно вырубить. Господа, объясните майору...

Два господина в синей униформе подошли к Климову. Один из них достал из кармана небольшую плоскую коробочку. В коробочке лежал непонятный квадратик — Климову показалось, что это старинная марка.

— Полоска биоткани, — объяснила Винник, видя замешательство Климова. — Рассасывается без следа при контакте с кожей. Пропитана раствором, создан-

ным на основе ДНК Белоброва. По сути, это яд, который подействует только на него. Яд не убьет его, лишь мгновенно усыпит на несколько дней. Полоску надо приклеить к коже при прямом контакте с человеком, например, пожав ему руку. На вас ткань не будет реагировать. Подчеркиваю, это последний шанс не только для Белоброва, но и для вас, майор. Разумеется, в том случае, если вам все еще нравится работать в компании «Война и мир».

Надоела эта клонированная кукла Наими. Из-за «межличностной аллергии» так и не решился познакомиться с натуральной, нормальной женщиной. Кислородный душ — сплошное надувательство. Вместо санитарного пара куда как лучше было бы утром встать под поток свежей прохладной воды, чтобы кожа горела от животного восторга. Органический завтрак, если задуматься, тоже полная туфта — на вкус бумага бумагой. От поездок в скоростном лифте уши закладывает. Кабинет — как кладовка. «Война и мир» ворочает миллиардами, а на офисных площадях экономит. От сканера собственные мозги болят. И потом — так ли важно знать, что происходит в головах других людей? Пусть каждый со своей начинкой разбирается сам.

Его жизнь не такая уж правильная, если мысленно взять беспощадный микроскоп, чтобы рассмотреть все детали. Все винтики и шестеренки смазаны, начищены, подогнаны, работают отлично. Но в идеальном порядке дней отсутствует нечто важное — вещь, за которую не жаль и жизнь отдать. Ничего святого. Ничего, что хочется назвать своим.

Климов неожиданно захлебнулся детской обидой. Вида не показал, унял приступ. Напротив сидела генерал Винник, высматривая в покорном подчиненном скрытые изъяны и грехи. Возможно, она пыталась внушить ему позитивные установки. Винник не полени-

лась лично сопровождать его до Малых Силков, словно не верила, что Климов долетит до места без фокусов. Очевидно, женская интуиция все же существует, даже у генералов в юбке. Вездеход скользил над кронами деревьев, филигранно обходя рвущиеся из общей массы вершины. Совсем как он скользит по жизни, огибая острые углы, прикрываясь своей аллергией.

Винник вложила ему в ладонь полоску биоткани и выдала последние наставления:

— Включите сканер. Это поможет продержаться. Сразу пожмите Белоброву руку, пока не успел считать ваше волнение, и назад. Дальше мы сами разберемся.

Она сдала Климова на руки лейтенанту Гаврилову, который должен был возглавить боевую группу в несостоявшемся сражении. Гаврилов — звезда последних войн, отличник боевой подготовки, один из самых перспективных сотрудников компании — проводил Климова до звонкой речки, за которой начинались первые дома Малых Силков.

— Дальше Белобров нам не велел ходить, а то убьет, — весело объяснил он. — Чудной мужик. Вкопал по периметру деревни квантовые стингеры. Мы все рассмотрели. А в огороде у него электромагнитный излучатель. Бедный. Думает, это спасет. Вот мы к вечеру уйдем — и на рассвете все достанется врагу.

Климов, горбясь, нехотя перешел речку. Это несложно, когда воды едва за щиколотку. Он оглянулся, поискал глазами Гаврилова, но того и след простыл. Климов раскрыл ладонь и сильно дунул на полоску биоткани. Пропитанная ядом материя взметнулась вверх и тут же с элегантного разворота легла в воду, чтобы затеряться среди обкатанных рекой камней.

На крыльце своего дома Петр Белобров сосредоточенно строгал ножичком корявую деревянную ложку. На кухне его жена гремела посудой. Пахло теп-

лым творогом и зрелой листвой. Спелое, как яблоко, лето падало в руки молодой осени.

— Принес новые предложения от компании? — хмыкнул Белобров.

— Больше предложений не будет. Компания договорилась с противником. Малые Силки сдадут. Наши формирования к вечеру снимут. Завтра противник разнесет поселок. Они уже здесь, за восточной сопкой. Еще не поздно уйти. Подумай.

— Зна-чит, бу-ду во-е-вать, — по слогам констатировал Белобров. Он поднял голову от работы. — Что-то еще?

— Хочу попроситься на ночлег. Будет лишняя пристройка? Подышу свежим воздухом, вылечу аллергию.

— Оставайся, если не боишься шума, — просто согласился Белобров.

— Больше не боюсь. Научишь обращаться с оружием? Честно говоря, сколько в компании работаю, а воевать никогда не пробовал, — Климов присел рядом с Белобровым.

— Все бывает в первый раз, — Белобров снова углубился в работу.

— Ты в курсе, что они дезактивировали половину вживленных в тебя устройств?

— Но половина осталась. Прорвемся.

Перед закатом на дороге, ведущей к дому, появился лейтенант Гаврилов.

— Не убивайте! Я — свой! — орал он во все горло, размахивая импровизированным «белым флагом» парламентера — к кривой палке был приделан гибкий экран карманного телевизора.

Белобров как раз обучал Климова обращаться с электромагнитным излучателем.

— Не надо его подпускать, — предупредил Климов. — Вдруг провокация? Это Гаврилов из компании, командует «нашими».

Белобров присмотрелся в сторону парламентера.

— Не похоже на провокацию. Я не чувствую.

Гаврилов аккуратно сложил у калитки «белый флаг» и вошел во двор.

— Гаврилов, что ты здесь делаешь? — хмуро спросил Климов. — Вы должны были уйти.

— Мы с ребятами посовещались и решили никуда не уходить, — Гаврилов снял шлем и почесал бритый затылок. — Мужик, говори, что делать, а мы подхватим.

— Гаврилов, ладно я... Я — конченый для компании человек, — улыбнулся Климов. — А вот тебя точно с работы уволят.

— Больно надо, — беспечно отмахнулся Гаврилов. — Я сам уволюсь. Воюем-воюем, а спроси — из-за чего? «Участок на Луне». Глупость какая-то. Надоело. Здесь хоть дом — все-таки святое. Не бойся, мужик, мы их близко к дому не подпустим. Теперь нам есть, за что воевать.

На рассвете противник пошел в атаку. К полудню все было кончено. Дом не пострадал. На веранде Белобров и его бойцы, порядком уставшие, но не остывшие от победы, сели пить чай.

Как там обстоят дела в Бычьем Роге или на Луне, им было решительно наплевать.

КОНЦЕПЦИЯ САМОУБИЙСТВА

1

Труп лежал посредине хижины, рядом с гамаком. Занавеска, разделяющая хижину на две неравные части, была отдернута. Труп сжимал в руке пистолет, как будто убитый последним усилием воли вцепился в убийцу, то ли пытаясь отвести оружие от своего виска, то ли желая сохранить решающую улику. Под головой расплылось и застыло темно-красное пятно. И что хуже всего — труп был человеческий.

Риджини постоял в дверях, принюхиваясь. Пахло кровью и сталью, человеческими экскрементами, мочой, потом и семенем. И алкоголем — точнее, пальмовым вином из стоявшей на столе бутылки. Рядом лежал опрокинутый стакан. Всего один — это первое, что насторожило Риджини. Он подошел к трупу, шаркая когтями по сплетенному из лиан настилу. Заглянул в искаженное лицо. Наклонился и обнюхал пистолет — но тщетно, запах убитого надежно перебивал запах убийц. Выпрямился, увидел записку на столе и позвал:

— Реджини!

Она возникла в дверном проеме — юное узкое лицо с миндалевидными глазами выглядело испуганным, мех на загривке взъерошился; она раздувала ноздри, силясь понять, что тут произошло.

Риджини сказал быстро и сухо:

— Позови Рамини и Ристини. Они мне нужны.

— Землянин действительно мертв?

— Ты думаешь, Рирари солгал? — упрекнул девушку Риджини.

Да, она очень молода, ее только недавно назначили его помощницей, наконец, она приходится ему племянницей, но это не значит, что ей можно открыто демонстрировать свою глупость. Скорее, наоборот.

Реджини смутилась, скользнула из хижины, пробежала по ветке дерева, устроилась в его развилке и принялась набирать номер на мобильном телефоне. Вот и хорошо — пусть заодно подумает о своем поведении. Риджини тоже было о чем подумать.

— Не говори, в чем дело, — крикнул он ей вслед. — Помни, кто запускает спутники.

Ответом ему был презрительный взмах — Реджини показала белый испод кончика хвоста.

Риджини фыркнул:

— На кого хвост задираешь, малявка! — но не всерьез и без злобы.

Как почти все, кто получил образование в человеческом Университете, он спокойно относился к играм статуса и позволял молодежи вольности, показывая, что его авторитет от этого не зависит. Реджини тоже собиралась в Университет, а потому с восторгом принимала эту игру.

Он окинул взглядом бухту — море, в воде которого отражались дорожки двух лун, черные штрихи — плавники косяка асториксов, охотившихся в лунном свете. Заросли ормогиновых деревьев спускались в воду, под их воздушными корнями она была совсем темной. То здесь, то там в сплетениях корней, под защитой густых раскидистых ветвей ютились хижины.

Сейчас межсезонье, и поселок для туристов был почти пуст: до последнего дня здесь жили три человека. Пожилая супружеская пара выбрала хижину у самого моря, а этот одиночка забрался в глубь зарослей. Супруги были не слишком любопытны: по словам Ри-

рари, Она проводила почти все время на рыбалке; Он же, обложившись кулинарными записями самых знаменитых поваров мира, с вечера до утра готовил изысканные блюда из местной рыбы и фруктов. Пару раз они пытались пригласить соседа на ужин, но у того на дверях постоянно висела табличка «Не беспокоить», и они действительно оставили его в покое. Крепкая дружная человеческая пара. Просто удивительно, что люди на такое способны. Но, к сожалению, сегодня ему надо думать не о них. Или к счастью? Ведь Риджини был умиротворителем, а значит, его профессией были несчастные случаи, разногласия и преступления. И если пожилые супруги его не заботят, у них всё в порядке. Чего не скажешь об этом бедолаге.

Риджини уже доводилось видеть мертвых людей. В Пигги-порте — ближайшем крупном городе, где он учился, люди гибли часто — вываливались из окон многоэтажных домов и из аэрокаров, упивались до смерти, убивали друг друга в пьяных драках. Но, как правило, неподалеку от бездыханной жертвы обнаруживался пьяный, плачущий и перепуганный преступник. Это же убийство было особенным — нападавшие действовали жестоко, они ворвались на личную территорию жертвы, отбросили загораживающую занавеску и здесь застрелили человека фактически в упор. (Рамини даст точный ответ, но Риджини и сам видел по краям раны частички пороха, словно россыпь рыжих веснушек — признак того, что дуло пистолета находилось совсем рядом с кожей.)

И — уничтожили все следы. Вымыли стаканы, поставили на место все предметы, которые неизбежно были бы сдвинуты или перевернуты во время борьбы. Стол, стулья, плетеные сундуки. Способ совершения преступления указывал одновременно на большую ярость и на поразительное хладнокровие. Это Риджини совсем не нравилось. Рирари и его помощники положили столько сил на обустройство этого курорта. В каком-то смысле он кормит всю семью. Благодаря

доходам с хижин он смог обучаться в Пигги-порте, а в этом году туда отправились сразу пять юношей и девушек. Если придать случай огласке и вызвать земную полицию — это будет означать трудные времена. Ририри говорил, что человек снял дом на шесть месяцев, а прожил здесь только три с небольшим. Следовательно, какое-то время его никто не хватится. Нужно воспользоваться паузой, чтобы найти убийц и достичь умиротворения.

2

Пришли Рамини и Ристини. Рамини, как и Риджини, учился в Пигги-порте, получил квалификацию лаборанта, был признан очень способным, но, к изумлению землян, не стал искать работу у них, а вернулся к себе в семью, чтобы бодяжить пальмовое вино (на самом деле его изготавливали из клубней подводных растений теку, но в семье давно заметили, что брагу с названием «Пальмовое вино» земляне берут охотнее). Еще он занимался дублением кожи асториксов, из которой шили сумки, сапоги и другие причудливые сувениры, вытапливал из туш жир и варил мыло с травяными и цветочными отдушками, изготавливал массажное масло и крем, которые подходили для человеческой кожи, — словом, обеспечивал курорту Бухта Двух Лун добрую половину прибылей.

Наверное, земляне удивились бы еще больше, если бы узнали, сколько реактивов Рамини натащил из лабораторий Университета за время обучения и сколько записей из университетской библиотеки накачал. Записи ему, впрочем, были без надобности — он так и не продвинулся дальше стандартного фокси-инглиша, включавшего около двух тысяч общеупотребительных фраз, зато реактивы пригождались очень часто. Был в их числе и чудо-состав, начинавший светиться при контакте со следами человеческой плоти, причем от-

тенки свечения были индивидуальными и зависели от состава ДНК, а интенсивность — от давности следа.

Обычно Рамини применял этот состав при уборке хижин — как ни уверяли земляне, что не чувствуют запаха сородичей, в семье считали неделикатным предоставлять им помещение, осквернённое чужой плотью. «Возможно, они утратили способности распознавать запахи, — говорил Ририри. — Но они не могут не улавливать их и не чувствовать смутного недовольства. Поэтому, если мы не очистим хижины, они не смогут хорошо отдохнуть в Бухте Двух Лун и вряд ли захотят приехать сюда снова и пригласить друзей. Нет ничего хуже ощущения тревоги, которому не можешь найти объяснения. Из-за этого распалось немало союзов и завязалось немало войн». В семье охотно верили и прилежно надраивали хижины. Но сегодня этот состав пригодится для другого.

Пока Рамини осматривал тело и разбрызгивал раствор, Риджини протянул записку Ристини.

Ристини, в отличие от родичей, никогда не бывал в Пигги-порт. В семье очень быстро заметили, что люди не слишком любят тех, кто говорит на их языке. Ристини обучался тайно — по записям, украденным Рамини, по человеческим передачам, которые те транслировали со спутников для своих, подслушивал разговоры постояльцев. Пару раз он уже помогал семье улаживать конфликты между гостями, но теперь все было гораздо серьезнее, Ристини это понимал и волновался — его хвост был плотно прижат к ягодицам, кончик нервно бил по щиколоткам, как маленький веник.

Риджини схватил его зубами за загривок, легонько потянул кожу, успокаивая, потом подал лист бумаги.

— Вот смотри. Тут совсем немного. Поймешь хоть что-нибудь, уже хорошо.

Бумага и чернила были изготовлены здесь же, в Бухте Двух Лун. Для первой использовались болотные травы, для вторых — пахучая жидкость риготля. У се-

мьи этот запах вызывал отвращение, но людям он нравился, и они с удовольствием делали рисунки, росчерки или писали тонкими тростинками «волшебные знаки, дарующие здоровье и удачу», увозя домой собственноручно изготовленные сувениры.

Ристини старательно прочел:

— «Дорогая Мадлен! Прости, все было зря. Ничего не получается. Их острые лисьи мордочки смотрят на меня...» — (И смеются? Непонятно.) — «Они не менее лживы, чем чиновники, которые ими...» — (Не понимаю слова.) — «Мне некуда бежать. Нет... Куда бы я мог позвать тебя. Лучше... убить меня...» — (Бедняга даже не мог написать правильно, в таком был смятении.) — «Прощай, не плачь. Так лучше. Стивен...» Странно, — протянул он. — Никогда не думал, что люди пишут на бумаге иначе, как для развлечения. У них же есть планшетки.

— Может быть, написанное на бумаге обладает священной силой, и убитый знал, что убийцы не посмеют тронуть письмо? — предположил Риджини.

— Может быть, — Ристини сощурил глаза. — Я, правда, никогда не встречал упоминаний об этом, но земляне не рассказывают нам о своих верованиях и вряд ли будут упоминать в текстах, которые создают для себя, общепринятые ритуалы.

— Ладно, возьмем как рабочую гипотезу, тем более что записку действительно не уничтожили. «Мадлен» — это скорее всего имя близкой ему женщины. Родственницы или возлюбленной. Ты же знаешь, что союзы соития у людей необыкновенно сильны и долговечны.

Ристини кивнул с важным видом.

— «Все было зря», очевидно, значит, что он зря скрывался, его все равно нашли. Если он пишет «прости», значит, она скорее всего возлюбленная. «Ничего не получается» — это о том же: он пытался сбежать, но не получилось. «Их острые лисьи мордочки смотрят на меня» — а вот это очень странно. Неужели его

убил кто-то из наших? Не хочется верить, но, как говорили классики: «Если отбросить все невозможные объяснения, оставшееся будет истиной, сколь бы невероятным оно ни казалось». Но мы подождем отбрасывать другие объяснения — может быть, они окажутся не слишком невероятными. «Они не менее лживы, чем чиновники, которые ими...» Хм! Если там и были наши, то в сговоре с людьми. Какая-то из семей? Что ж, это возможно. Землянам есть что нам предложить... «Мне некуда бежать» — это понятно, они прошли за ним даже за занавес. «Нет... Куда бы я мог позвать тебя». Ясно, он хотел бы жить с ней вместе, но не хочет подвергать опасности ни свою, ни ее семью, а основать свой дом он, понятное дело, не мог, если за ним гнались. «Лучше... убить меня...» — похоже, он знал что-то важное, настолько важное, что его враги предпочли его убить. «Прощай, не плачь. Так лучше». Ага! Он просит не оплакивать его, а отомстить. Странно, что он не обращается с этой просьбой к родственникам, но... это же люди, не надо забывать. Да, дорогой кузен, похоже, мы серьезно влипли. Заговор семьи и людей, страшная тайна, за которую убивают, и все это на нашем курорте! Проклятье. Нам придется быть очень осторожными.

Ристини в знак понимания и поддержки лизнул его в левую щеку.

3

До утра они успели прибраться в хижине. Рамини подтвердил то, что Риджини уже и так знал: выстрелили в упор, все следы уничтожили. Так тщательно, что ему не удалось обнаружить вообще ничего. Если убийцы и были из семей, то без людей и их технологий здесь явно не обошлось.

Труп решили оставить в пещерах. Там прежде хоронили членов семьи: холодный воздух и чистый песок препятствовали гниению. Позже, когда люди нау-

чили выращивать съедобные растения и объяснили важность обогащения почвы перегноем, родился новый обряд — умерших родственников расчленяли и закапывали в разных частях огорода или зарывали труп целиком под большим и полезным деревом. Поэтому пещеры больше не посещались, и это было идеальное место для хранения нежелательных улик.

Рамини и Реджини увезли труп на лодке. Риджини отправился домой. Он долго взбирался на путеводное дерево, наконец достиг толстого длинного сука, вытянутого в нужном направлении, пробежал по нему до самого конца и спрыгнул. Воздух ударил в кожаные перепонки под мышками, они раскрылись, и Риджини, плавно снижая высоту, полетел над сине-зеленым морем деревьев, незаметно переходящим в сине-зеленые волны настоящего моря. Внизу блеснула река, Риджини изменил направление полета и вскоре увидел в чаще небольшую поляну, а на ней — бетонную коробку с красной черепичной крышей, стандартный дом для небогатых колонистов, которые люди охотно продавали местным жителям, а те охотно покупали — жить там было гораздо удобнее, чем в пещерах и на ветвях деревьев. Дом был окружен аккуратными прямоугольниками грядок. Урожай уже поспевал — третий за этот сезон. Скоро всем понадобится впрячься в работу, а значит, и Риджини следовало поторопиться.

Он начал спускаться по снижающейся спирали, приземлился на крышу и сквозь люк скользнул в главную комнату. Здесь было людно и шумно. Кто-то из детей принес ему ужин — картофельное пюре с кусочками алего и триондо. Риджини забрал дымящуюся миску, поблагодарил и отправился искать Ририри. Тот, пристроившись на повешенной на стену лиане, тоже ужинал и рассказывал малышам сказку о Ротри-ловкаче, их предке. Риджини подождал, когда Ририри освободится. Ему, видно, тоже не терпелось порасспросить племянника о том, что тот нашел в хижине, но внимание малышей было священно, и он не

мог торопиться. Наконец сказка завершилась перечислением родословной, Рирари отпустил слушателей традиционным прощанием: «А теперь найдите себе другое занятие на радость семье» — и повернулся к Риджини.

— Ну, что скажешь?

Риджини рассказал, к каким выводам пришел, и спросил:

— Что ты знаешь об этом человеке? Он показывал тебе документы, когда вселялся?

— Да, конечно. Его звали Стивен Садальски, и он работал менеджером в Департаменте внешней торговли и гуманитарной помощи.

— Они все менеджеры, — проворчал Риджини, — что бы это ни значило. Но если благодаря этому человеку у нас есть новый дом, и этот картофель, и семена для посева, то он прожил хорошую жизнь.

— Будем надеяться, — вздохнул Рирари. — Он мне нравился, был вежливым, никогда не требовал многого. Правда, он спрашивал, нельзя ли познакомиться с нашей семьей, но у кого из людей не бывает капризов? Как мы узнаем, кто его убил?

— Это мое дело, и я его сделаю, — ответил Риджини с наигранной уверенностью. — А ты пока что должен скрыть, что Стивен мертв. Пусть в его хижину продолжают носить еду и пусть не забывают выбрасывать мусор. Если другие постояльцы будут интересоваться, почему он не выходит, вели сказать, что он решил писать роман, у людей это считается достаточным поводом для уединения. И попроси наблюдать за той парой — они скорее всего ни при чем, но мы не должны ничего упускать.

— Хорошо, так и сделаем, — ответил Рирари.

Риджини еще походил по комнате, попытался вступить в пару разговоров, но ни на чем не мог сосредоточиться — мысли о покойнике и о связанных с ним проблемах одолевали его. Вернулась Реджини и захотела помочь ему расслабиться, но он был рассеян и небреж-

но отвечал на ее ласки, хоть и понимал, что это невежливо. Тогда Реджини позвала свою мать Рилири — опытную любовницу, но и та не смогла возбудить Риджини. В конце концов он извинился и ушел за занавеси, сказав, что ему надо подумать в одиночестве. Но вместо того чтобы думать, он уснул под равномерный гул голосов, доносившийся из общей комнаты, а когда проснулся, то уже знал, как им следует поступить.

— Мы должны собрать побольше информации, — сказал он Реджини на утро; как помощница она имела право знать все о его планах. — Во-первых, мы спросим у семей, работающих в Пигги-порте и других городах с людьми, что они знают о преступлениях землян. В Департаменте внешней торговли крутятся большие деньги, а это всегда сводит людей с ума.

— А ты не забыл, что одна из семей в сговоре с землянами? — спросила девушка. — Они не нападут на нас, узнав, что мы интересуемся их деятельностью?

— Нет. Как раз то, что мы спросим открыто, нас обезопасит. Ведь напасть на нас после этого — значит расписаться в своей виновности. А другие семьи не захотят терпеть рядом с собой предателей. Сложнее будет получить сведения о Садальски — земляне ведь не обязаны перед нами отчитываться.

— И что ты придумал?

— Я напишу, что наш гость все время грустен, и мы хотим провести церемонию умиротворения, чтобы развеселить его. И пригласить на нее всех его родственников, кто сможет приехать. Кто-нибудь да откликнется. А с родственниками мы сможем договориться.

4

Ответ от семей пришел почти сразу.

Как и следовало ожидать, у Департамента внешней торговли и гуманитарной помощи рыльце было в пушку по самые уши (идиома, которая звучала почти одинаково и здесь, и на Земле). Они искусственно за-

вышали цены на все свои товары (только Библии продавали дешево, поскольку те доставались им бесплатно в рамках гуманитарной помощи); они закупали на выделенные им деньги дешевые аналоги лекарств, а разницу прятали себе в карман; они сговорились с таможней и на одну задекларированную цистерну спирта пропускали три незадекларированных. Словом, резвились так, как только могут резвиться люди на периферийной планете с населением, стоящим на низкой стадии развития. Если Садальски хотел предать огласке хотя бы только часть этих художеств, его запросто могли убить.

Но о самом Садальски сведений добыть не получалось очень долго. Уже вовсю шла уборка урожая, когда из Пигги-порта пришло сообщение, что некая Мадлен Дюбуа хотела бы посетить Стивена Садальски и ей нужно организовать приезд.

Риджини сам полетел, чтобы забрать Мадлен из Пигги-порта. В туристическом бюро его представили хрупкой шатенке с серыми глазами и бородавкой под левым глазом. Риджини знал, что бородавки считаются у людей недостатком, от которого легко избавиться, и то, что Мадлен не стала этого делать, сразу расположило его к ней. И в самом деле, темная точка придавала своеобразие и живость лицу, которое иначе казалось бы кукольным.

Когда он привел ее на пирс и показал свой «Катран», у Мадлен испуганно округлились глаза.

— Мы лететь... на этом? — спросила она на фокси-инглише.

— О да, я пилот. Университет давать мне лицензию, — с гордостью ответил Риджини.

— Но ведь это... очень старый.

— Я летать на нем много-много раз, — подтвердил Риджини. — Люди-механики проверять его здесь, в ангаре. Неполадок нет.

Мадлен с сомнением покачала головой, но полезла на заднее сиденье.

«Видимо, она все же неравнодушна к этому Садальски, хоть и не состоит с ним сейчас в связи, — подумал Риджини. — Люди очень странные, но это хорошо».

«Катран» разогнался на глади акватории порта и взмыл в воздух. Специально для гостьи Риджини сделал круг над Пигги-портом и взял курс на Бухту Двух Лун. Внизу понеслись песчаные пляжи с пеной прибоя, маленькие острова у побережья, рыбачьи лодки. Временами можно было увидеть, как у самой поверхности проплывает огромный темный воларикс, окруженный стайкой рыб-спутников. По левую руку вставали голубые горы, через их хребты переваливались и сползали вниз, в поросшую лесом долину, тонкие белые облака. В обычное время Риджини сам любовался бы пейзажами — летать над морем на собственных крыльях было опасно, велик риск слишком быстро потерять высоту и упасть в воду, не дотянув до берега. Поэтому, садясь в кабину самолета, он всегда мысленно благодарил землян за то, что доставили ему такую радость. Но на этот раз он был слишком занят мыслями о предстоящем объяснении с землянкой и даже, задумавшись, едва не врезался в дерево.

В общем, когда они приземлились в Бухте Двух Лун, лицо Мадлен было бледным, а губы совсем белые. Она с трудом выбралась из самолета, и ее вырвало под ближайшим кустом цветущей аникании.

Риджини счел, что сейчас самый лучший момент, чтобы сообщить о смерти Стивена, — недомогание не даст горю целиком завладеть женщиной, а горе притупит недомогание.

Мадлен оказалась молодцом, приняла новость мужественно и попросила показать ей хижину, а также записку Стивена. В хижине она сразу ушла за задернутый занавес, и Риджини на всякий случай вышел и сел на крыльцо — он знал, что людям требуется большее пространство для уединения. И вызвал по мобильнику Ристини.

5

Мадлен вышла из хижины с заплаканными глазами и присела на корнях рядом с Риджини. Он представил Ристини и сказал:

— Нам надо это обсудить. Ты говорить свой язык, я — свой язык, он переводить. Это доверие к тебе — то, что ты видеть его. Он переводить записку.

— Я хочу видеть записку, — произнесла Мадлен.

Риджини протянул ей листок и сказал:

— Он просит тебя отомстить за него. Мы не знаем, какую именно тайну своего Департамента он узнал и за что его убили, но мы знаем много тайн... Человеческих тайн. Мы полагаем, здесь заговор между одной из наших семей и его начальством. Мы полагаем: Стивен сбежал и хотел обнародовать ее, и его убили.

Ристини перевел.

Мадлен взглянула на Риджини удивленно и произнесла по-английски фразу, в которой дважды повторялось слово «убить». Ристини тоже удивился и сказал:

— Она думает, что Стивена не убили. Она говорит... я не совсем понял... Говорит, что он сделал это сам.

— Сам? — удивился Риджини. — Скажи ей, что она не видела рану. Это не случайный выстрел. Человек не может сам случайно выстрелить себе в висок.

Ристини перевел.

— Она говорит, это не случайно. Он сделал это специально.

— Она думает, что его заставили? — Риджини задохнулся от возмущения. — Что за бессмысленная жестокость? Убить врага — это одно. Но зачем его так унижать?

— Она говорит, что не было никаких врагов. Стивен пишет, что сам хотел это сделать.

— Сам? Сам хотел выстрелить в себя? В голову? Но зачем?!

Он с нетерпением ждал ответа Мадлен, она говорила непостижимые вещи. Но если в этом есть какая-

то логика для людей, он должен был ее понять, раз уж стал их умиротворителем.

— Она говорит, Стивену было очень грустно... он чувствовал себя одиноким... у него ничего не получалось... ему надоела его работа... он хотел начать новую жизнь... но и это не получилось... и он...

— Но зачем он выстрелил в себя? Разве от этого ему стало веселее? Или началась новая жизнь?

Мадлен что-то резко спросила. Риджини услышал слово «фокси» — так земляне их назвали.

— Разве фокси никогда не бывает грустно? — сказал Ристини.

— Конечно, бывает. Но тогда мы занимаемся любовью, разговариваем, готовим любимую еду, и грусть проходит.

— А если это не помогает?

— Тогда мы устраиваем церемонию умиротворения и спрашиваем, что его печалит и как мы можем ему помочь.

— Но у людей это не так, — объяснила Мадлен. — Ты долго скрываешь, что тебе грустно, потому что вряд ли кто-то захочет помогать тебе, и ты боишься разочароваться. Ты идешь к психологу, а он говорит: твоя главная ошибка в том, что ты ждешь от людей помощи. Тебе должны были помочь твои родители в детстве. А если они этого не сделали, ты должен помогать себе сам. И какое-то время ты помогаешь. А потом ты чувствуешь, что больше не можешь справиться с грустью. И тогда ты стреляешь в себя.

— Но зачем? Ведь это бессмысленно, — повторил Риджини.

— Тебе кажется, что это единственный способ справиться с болью. Кроме того, ты не хочешь, чтобы твои близкие огорчались, видя твою грусть. Они будут чувствовать себя виноватыми и несчастными из-за тебя... По-моему, они сумасшедшие, — добавил Ристини от себя.

— Мне надо очень долго думать, чтобы это понять, — сказал Риджини. — Но ты твердо уверена, что убийства не было? В ваших фильмах...

Мадлен грустно улыбнулась.

— Это другой фильм. Стивен был мечтателем, а не бойцом. Конечно, он знал о злоупотреблениях. Все мы знаем. Но он не пытался бороться с ними. Он просто хотел сбежать, найти место, где ему будет хорошо. Мы познакомились здесь, в Пигги-порте, я была секретарем у его шефа. Он обещал, что, когда обоснуется здесь, сделает мне предложение. Он читал о том, как у вас все устроено, и восхищался. Говорил, что вас не удалось споить, как индейцев, что вы оказались устойчивыми к алкоголю, потому что никогда не пьете в одиночку и всегда следите, чтобы всем было весело. Он говорил: невозможно представить себе фокси, который запил с горя. Ему просто не дадут это сделать. Ему хотелось ощущать такую же заботу. Он думал, если будет милым с вами, вы примете его в свое племя.

— Что? — Риджини подскочил и неприлично высоко взмахнул хвостом, не в силах сдержать чувства. — Ристини, ты верно перевел? Она в самом деле сказала это?

— Я не ошибся, кузен, — робко сказал Ристини. — Я начинаю хорошо понимать их язык, он идет сквозь меня, и я перевожу, уже не думая...

— Да, да, конечно, прости, я не хотел выразить тебе недоверие... Просто то, что она говорит, так странно...

Мадлен, ни слова не понимавшая в их быстрой перепалке, смотрела на них с испугом. Впервые она задумалась о том, что у фокси есть зубы и когти и что фокси всеядные.

Риджини заметил ее страх и прижал Ристини поплотнее к себе, чтобы успокоиться. Перебирая шерсть на голове кузена, он пытался отогнать безумное видение: Стивен прыгает с путеводного дерева на крышу дома, висит на лианах в главной комнате, занимается любовью с Рилири...

— Но это невозможно... — сказал он тихо. — Никто не может быть нами, кроме нас.

Ристини перевел.

— Стивен это знал, — ответила Мадлен. — Точнее, понял, пока жил здесь. Он писал мне об этом. Наверное, это его и доконало. Он видел перед собой идеальный мир, где все добры и заботливы, где все любят друг друга, но он не мог попасть туда, стать одним из вас...

Риджини хотел сказать, что его мир вовсе не идеален. Собственно, только с приходом землян они перестали голодать и воевать за территории. И еще что им, по большому счету, безразлично, по какой цене им продают лекарства и семена, главное — чтобы продавали. Но понял, что этого говорить не стоит. Не это сейчас нужно Мадлен. А он привык давать всем то, что им нужно.

— Мы отдадим вам ту информацию, которая у нас есть о злоупотреблениях ваших людей, — сказал он. — Надеюсь, вы сумеете ею распорядиться.

На самом деле он надеялся, что Мадлен — девушка достаточно умная и решительная и поймет, что в одиночку она ничего не сможет. Она будет искать союзников. А из союзников получаются отличные близкие люди. Не только партнеры для соития, но и спутники, друзья. Это, конечно, не то же самое, что родственники, но для человека может оказаться вполне достаточно.

6

Риджини отвез Мадлен в Пигги-порт и сразу же, не задерживаясь, полетел назад. Домой он вернулся уже в темноте. Прилег на коврик в общей комнате, поближе к стене, следил за пляшущим в очаге огнем и слушал песни Рилири.

Кто-то осторожно тронул его за плечо. Это была Реджини — она принесла ему чашку с пальмовым ви-

ном, разбавленным соком, и миску бобов в остром соусе — его любимое блюдо.

— Ты узнал, кто убил землянина? — спросила она тихо, перебирая волосы на его спине.

Риджини с грустью подумал о собственной великолепной версии — страшный заговор, объединивший семью и жадных землян, «мафия» — как это называли в фильмах. Они врываются в дом, пышут яростью, гонятся за несчастной жертвой... Действительность, как водится, оказалась гораздо проще и неприглядней.

— Его убили мы, — ответил он Реджини.

— Мы?

— Мы оказались не теми, кого он надеялся встретить. Мы не смогли ему дать то, в чем он нуждался. Обманули его. И он умер.

— О... — печально протянула Реджини. — Он ведь дал нам так много. Бабушка говорила, что раньше мы жили в пещерах, а детей подвешивали в люльках к потолку, чтобы защитить от агоррисов и флоперов. А теперь благодаря землянам мы живем в домах с каменным полом, куда агоррисы и флоперы не могут забраться. Мы едим досыта... И когда я болела, меня вылечили лекарства землян. И они учат нас таким чудесным вещам. Если бы я знала, что ему грустно, я бы рассказала ему, как благодарна, и, возможно, ему стало бы легче. Почему вы, взрослые, не могли дать ему то, чего он хотел? Ты умиротворитель? Зачем тогда ты нужен?

Риджини склонил голову, признавая справедливость упреков.

— Мы не знали, — сказал он. — А если бы и знали, все равно ничего не могли бы сделать... Он хотел невозможного.

— О, это так по-человечески... А что ты собираешься сделать? Ты что-то придумал?

— Да, — ответил Риджини твердо. — Завтра я расскажу о своем решении на Совете, но тебе могу сказать сейчас, ты ведь моя помощница.

— Скажи, — попросила Реджини.

— Во-первых, мы похороним Стивена здесь, у нашего дома, под биграпом, что дает так много плодов. Человек не мог присоединиться к нам при жизни, но будет с нашей семьей после смерти. Во-вторых, первого ребенка, который родится в семье, мы назовем Стивеном, и он передаст это имя дальше, сквозь поколения. Мне кажется, это умиротворило бы его. По крайней мере это умиротворит меня.

— Да будет так, — прошептала Реджини.

ЖАТВА

Перед Жатвой мне всегда снится один и тот же сон: я карабкаюсь вверх по склизкой стене колодца, цепляясь за камни и обдирая пальцы в кровь, — а потом срываюсь и падаю, точно зная, что у колодца нет дна и падение мое бесконечно...

В этот раз я проснулся без крика. Рядом на подушке тяжело и неровно дышала Агата. Лоб ее покрывали бисеринки пота. Она тоже чувствовала приближение Жатвы.

Все его чувствуют.

Просто я — раньше всех.

Осторожно, чтобы не разбудить Агату, я выбрался из-под одеяла. Нащупал тапки. Приложил ладонь к стене. Ладонь прилипла. Стена будто давила в ответ, распираемая изнутри чудовищной силой. Сквозь это давление пробивались неравномерные сдвоенные удары.

Хозяин просыпался.

За окном занимался бледный рассвет.

Еще пару часов, и весь город почувствует это давление и эту рваную пульсацию. Скоро весь город поймет, что настал день Жатвы.

Но я всегда узнаю первым. Я — Жнец. Мне положено.

Я вышел из спальни в коридор, открыл кладовку. Достал холщовую сумку, пересчитал клобуки. Ровно десять. Всегда — десять. Не больше и не меньше...

— Сегодня? — спросила Агата, стоя в дверях.

— Сегодня, — подтвердил я, застегивая сумку.

— Я буду ждать тебя дома, — сказала Агата.

Мэр Теодор стоял у калитки, бледный, взволнованный, но — гладко выбритый и пахнущий одеколоном.

— Сегодня? — спросил он.

Я молча кивнул.

— Значит, я все правильно почувствовал, — сказал мэр Теодор. В голосе его звучали страх и удовлетворение.

Шесть лет назад я выбрал Теодора для Жатвы. Он был Номером Три — тщедушный парнишка с сальными волосами. Когда я протянул ему клобук, он завыл от отчаяния и начал валяться у меня в ногах, моля о пощаде. Дурацкое занятие — молить Жнеца, но они все равно это делают.

Во время Жатвы ему повезло. Ему достался серп.

Кто бы мог подумать, что этот сопливый щенок сделает карьеру политика благодаря своему участию в Жатве...

— Я привел дружинников, — сказал мэр Теодор.

— Не понадобятся, — ответил я. — Не сегодня.

— Точно? — переспросил мэр Теодор.

— Точно, — сказал я.

Я — Жнец. Я всегда знаю точно.

Город просыпался. Сквозь дымку пробивались первые лучи солнца, и люди, возбужденно-испуганные приближающейся Жатвой, осторожно выходили на улицы. Дворники и молочники, фонарщики и мальчишки — разносчики газет на велосипедах, первые случайные прохожие — кто-то при виде меня радостно кланялся, а кто-то переходил на другую сторону улицы.

Я не обращал на это внимания, шагая по узким улочкам нашего замечательного города. Домики вокруг были чистые, белые, с ярко-красными черепичными крышами. Как на картинке.

Наш город — прекрасное место для жизни. У нас практически нет безработных. Очень низкий уровень

уличной преступности. Не бывает домашнего насилия. Мало кто злоупотребляет алкоголем. Совсем нет наркомании. Нет религиозных сект. Чистый воздух, много деревьев и скверов, и люди улыбаются друг другу искренне и от всей души...

Эдакая идиллия, а? Лучшее место на земле, чтобы жить, работать, растить детей.

Особенно если не знать, что вся эта идиллия — всего лишь сургучная печать на сосуде с немыслимым.

А цена идиллии — Жатва.

Перед Жатвой самое главное — не думать. Не пытаться анализировать, предугадывать, просчитывать маршрут. Ноги сами приведут меня к цели. Как будто я ходил туда уже тысячу раз.

Сегодня ноги вынесли меня к Рыночной площади. Торговые ряды уже убрали, и перед ратушей начали возводить экран. Под стук молотков и скрежет пил рабочие сооружали огромную раму. Пока она лежала на земле, но потом, вечером, на нее натянут полотно и поднимут над площадью. Когда стемнеет, на экране будет идти прямая трансляция Жатвы — а под ним все население города будет веселиться на ярмарке...

Работами по сооружению сцены и экрана руководил Фирс, наш главный режиссер народных гуляний. Два года назад я забрал его жену. По-моему, он только обрадовался.

— Здравствуй, Жнец! — приветствовал он меня.

После этих слов работа остановилась — всего на мгновение все, кто был на площади, замерли, поглядев на меня, а потом с новой силой взялись за молотки и пилы. Никто из рабочих больше не поднимал глаз.

— Сегодня будет весело, а? — спросил Фирс.

— Как всегда, — пожал плечами я.

Пройдя мимо сложенных досок и переступив свернутый в рулон экран, я остановился перед одним из

рабочих — крепким мужиком лет сорока, с густыми пшеничными усами и бакенбардами.

Что-то кольнуло под сердцем. Вот оно! Есть! Номер Первый...

Я вытащил из сумки клобук и протянул его рабочему.

Тот отложил пилу, смачно сплюнул сквозь зубы и взял клобук.

— Я приду, — сказал он.

— Я знаю.

Номер Два жил в маленьком коттедже с белым забором — с женой, тремя детьми и собакой. Собака почувствовала мое приближение и начала скулить заранее, забившись в будку и повизгивая от страха.

Так что меня там уже ждали. Я едва поднял руку, чтобы постучать, — и дверь тут же открыли перед моим носом, а за ней стояло все семейство. Папа, мама, две дочки и сын. Нарядно одетые, в белых отутюженных сорочках. Пуговицы застегнуты до самой шеи. Мама и дочки — в платках, папа и сын с тщательно зализанными волосами.

— Приветствуем тебя, Жнец! — чуть ли не хором сказали они.

Я молча достал клобук. Отец семейства с готовностью шагнул вперед. Я отрицательно качнул головой и протянул клобук его жене.

— Мама! — закричала младшая девочка. — Мамочка!!!

— Тихо! — прошипел отец, подхватывая ее на руки и прижимая к себе. — Молчи!

— Это... — запинаясь и сглатывая, сказала женщина. — Это... большая честь для нас...

В глазах ее стояли слезы. Клобук она смяла в руках.

Особняк Номера Три был настолько богат и помпезен — с коваными воротами, мраморными статуями и аристократическим гербом над входом, — что я заранее знал, что произойдет.

Меня попытаются подкупить. Это так же бессмысленно и глупо, как умолять о пощаде, — но они все равно пытаются. Каждый раз.

— Я думаю, мы сможем договориться, — сказал аристократ в парчовом халате, расшитом золотыми драконами. — Я слышал, что можно... приобрести отсрочку.

Я открыл свою холщовую сумку и вытащил третий клобук.

— Полагаю, что скромное пожертвование... — На этом слове аристократ запнулся и тут же поправился: — Вспомоществование... на нужды Храма...

На руке у него был перстень с рубином, и аристократ судорожно крутил его потными пальчиками.

— Я готов заплатить любые деньги... — прошептал он, завороженно глядя на протянутый клобук.

— Не опаздывай, — сказал я, глядя ему в глаза.

За четырнадцать лет я успел привыкнуть к тому, что меня ненавидят. Меня умоляют. Меня пытаются купить. Мне угрожают. От меня пытаются спрятаться. Со мной хотят подружиться. От меня убегают. Меня пытаются убить.

Все это — бессмысленно.

Номер Четыре покончил с собой. Увидел меня у подъезда и, пока я поднимался на третий этаж, перерезал себе горло кухонным ножом. Когда я зашел в квартиру, стены и потолок были заляпаны кровью, а над еще подергивающимся в конвульсиях трупом голосила жена.

Я вздохнул и протянул ей клобук.

Номер Пять не хотел открывать дверь. Даже забаррикадировал ее изнутри шкафом. Можно было, конечно, позвать дружинников мэра, но я знал, что он откроет. Надо было просто подождать.

Он открыл. В комнате стоял запах гари — дурачок жег какие-то бумаги... Клобук он взял с мрачной решимостью.

Номером Шесть оказалась бледная девица с синяками под глазами и тонким шрамом на шее. Она попыталась меня соблазнить, скинув одежду и встретив меня в своей жалкой наготе. Я бросил ей клобук под ноги.

У Семерки — угловатого подростка лет пятнадцати, с прыщами на физиономии — был брат-даун, и мать до последнего надеялась, что я выберу пускающего слюни идиота. Когда я вручил клобук здоровому сыну, она рухнула на колени и взвыла по-волчьи:

— Почему?! Почему ты выбрал его?!! Он у меня один!!!

— Я не выбираю, — сказал я, и это было правдой.

Я — всего лишь Жнец. Я только приношу клобук. Выбирает Хозяин.

Номер Восемь жил в старом районе у порта. В каком-нибудь другом городе это место назвали бы трущобами, но только не у нас. Слишком чисто тут было. Слишком светло и безопасно. Такой уж у нас город — чистый, светлый и безопасный.

...Восьмой решил оказать сопротивление. Он и его дружки напали на меня в переулке. Два ножа, велосипедная цепь и дубинка.

Идиоты.

Один поскользнулся на ровном месте и упал на собственный нож. Другой промахнулся, захлестнув цепью руку третьего — нож вылетел из руки и воткнулся в ногу четвертому. Загремела по мостовой выроненная дубинка, завопил раненый, и банда бросилась наутек, оставив за собой один труп и Номера Восемь с ножом в ноге.

Я присел на корточки над лежащим и голосящим от боли идиотом. Вытащил его брючный ремень, перетянул ногу. Артерию не задело — будет жить, слабоумный...

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Кирилл, — выдавил он сквозь сцепленные от боли зубы.

Он был весь белый как полотно.

— Ходить сможешь? — спросил я.

— Д-да...

— Тогда приходи на Жатву, — сказал я и вручил ему клобук. — И давай без этих глупостей, хорошо?

Меня нельзя убить. Одна из немногочисленных привилегий моего положения. Многие пытались. Оружие даст осечку. Стрела пролетит мимо. На голову дерзнувшему упадет кирпич. Несчастного собьет автомобиль или поглотит разверзшийся асфальт.

Хозяин не допустит моей смерти.

Точно так же, как он не допустит, чтобы человек, которому я вручил клобук, сбежал из города. Машина не заведется. Самолет не взлетит. Лодка даст течь. Лошадь падет. А попытаешься уйти пешком — подвернешь лодыжку...

Ничто не в силах остановить Жатву.

И даже пытаться — преступно.

Потому что только Жатва сдерживает Хозяина.

Последние два Номера — Девять и Десять — оказались влюбленной парой. Они были так поглощены друг другом, что даже не взглянули на меня, когда я отдавал последние клобуки из опустевшей сумки. Будет жаль, если после жеребьевки они окажутся вместе...

А впрочем, это еще неизвестно.

Уже темнело, поэтому я лично привел их к Храму.

Храм — самое древнее и самое уродливое строение в нашем замечательном городе. Приземистое, квадратное, сложенное из серого шершавого камня, оно больше напоминает тюрьму, чем святилище.

В каком-то смысле это и есть тюрьма.

Темница Хозяина.

Вокруг Храма обычно безлюдно и пусто: мало кому хочется гулять в тени его серых стен, от которых веет сыростью и смертью. Но сегодня, в день Жатвы, тут собралось дюжины две человек. Мэр Теодор с избранными членами совета старейшин; режиссер Фирс с тремя операторами; дружинники мэра, призванные следить за порядком во время церемонии; несколько праздных зевак; родственники тех, кому я вручил клобуки...

И сами избранные. Еще не все. Только шестеро. С влюбленной парой — восьмеро. Не хватало раненного в ногу Кирилла и вдовы Номера Четыре, занявшей место покончившего с собой супруга.

— Двоих не хватает! — сказал мэр Теодор, отделившись от толпы прихлебателей.

— Я вижу, — сказал я. — Но и солнце еще не село...

— А если они не придут?! — ужаснулся мэр Теодор. Он всегда этого боится. Имеет право — он мэр, ему положено...

В известной нам истории города был всего один случай, когда Жатва сорвалась. Тогда, почти двести лет назад, Хозяин вырвался наружу. И все население города приняло участие в грандиозной Жатве. Город стал красным от крови. Население сократилось вдвое. Хозяин насытился.

— Придут, — сказал я.

К нам подошел Фирс.

— Пора устанавливать камеры, — напомнил он.

— Да, — согласился я. — Пора.

Я поднялся по древним, стертым за тысячи лет ступеням Храма. Взялся за ручку массивной двери. Ручка была холодная, как лед. Я уперся ногами в ступени и потянул. Дверь, которую никто и никогда не запирал, нехотя сдвинулась с места.

Из Храма дохнуло стылым затхлым воздухом. Над ступенями повисла тишина.

— Заходите, — сказал я, обернувшись.

В притворе Храма сразу стало тесно и шумно. Телевизионщики Фирса суетились, расставляя софиты и камеры, вешая рекламные растяжки и проверяя микрофоны. Участники Жатвы испуганно прижимались к стенам, растерянно комкая клобуки. Их стало девять — вдова Номера Четыре все-таки пришла.

Не хватало только Кирилла.

Он появился в дверях Храма, вися на плечах двух товарищей — из числа тех самых кретинов, что решили на меня напасть. Нога Кирилла была забинтована, а глаза блестели от возбуждения.

Зайти в притвор кретины-подельники побоялись, и Номер Восемь, подволакивая ногу, самостоятельно дохромал до остальных владельцев клобуков.

Вот теперь все были в сборе.

— Вы знаете, что делать дальше, — сказал я. — Когда я открою дверь в святилище, вы наденете клобуки. Не пытайтесь подсматривать, это ничего не даст. Пути назад уже нет. Я проведу каждого из вас по ступенькам к алтарю. Там стоит чаша. В ней десять камней. Возьмите один и ждите. Когда каждый выберет камень, я поведу вас во двор. Это понятно?

Все молча кивнули, и только Номер Шесть — бледная девица со шрамом на шее, неудавшаяся соблазнительница — сказала:

— Понятно.

— Тогда пошли. Фирс, убирай своих людей!

Все прошло гладко. Иначе и быть не могло. В конце концов, я делаю это уже четырнадцать лет.

Когда я отворил дверь в святилище, притвор опустел. Фирса и его подручных буквально сдуло поры-

вом ледяного ветра из святилища. Дверь изнутри была покрыта изморозью. Ступеньки, ведущие вниз, обледенели, и мне приходилось поддерживать слепых участников Жатвы, чтобы они не упали.

Ступеньки. Святилище. Чаша. Камень. Жди здесь. Из-под клобука вырывается пар от дыхания. Пальцы судорожно перебирают камень.

Белый или черный?

Скоро узнаешь...

Следующий. Ступеньки, святилище, чаша, камень... И так — еще восемь раз.

Все.

Жеребьевка окончена. Двери святилища — закрыть. Заложить засов. Построить слепых и беспомощных в цепочку. Взять за руку и провести вокруг алтаря, во двор Храма...

Здесь удивительно тихо и спокойно. И очень-очень холодно. Стены Храма скованы льдом. Под ногами лежит снег. Над головой — звездное небо с невиданными созведиями.

А в центре двора стоит колодец.

Он огромен.

И из него доносится рваный пульс. Здесь, в самом сердце города, в сердце Храма, в сердце Вселенной, пульс Хозяина ощущается так сильно, что становится твоим.

У нас у всех сердца бьются в унисон.

Вокруг колодца — пять меток. Пять грязно-бурых пятен засохшей крови на снегу.

Я расставляю пары. Один белый камешек. Один черный.

Достаю веревку, связываю руки тому, кто вытащил черный. Белый камешек меняю на серп. Следующая пара — веревка и серп. И еще раз. И еще. Все, последние.

Пульс Хозяина отдается в ушах, над колодцем дрожит зыбкое марево. Все внутри меня завязывается в тугой узел.

Все еще слепые в своих клобуках, участники дрожат от холода и страха.

— Начинайте! — кричу я. — Начинайте Жатву!

Они срывают с себя клобуки. Связанные падают на колени. Жнецы — те, кому достались серпы, на этот миг стали Жнецами, — тупо таращатся на своих жертв.

Я наблюдаю.

Моя работа в общем-то сделана. Остается только наблюдать.

Номеру Два — застегнутой на все пуговицы фанатичке — достался Номер Пять, успевший сжечь свои бумаги. Взмах серпа, и струя крови бежит по желобу к колодцу. Глаза фанатички горят огнем.

Усатый Номер Один спокойно, по-деловому, как будто забивая гвоздь или отпиливая доску, перерезает прыщавое горло Номеру Семь. Еще один кровавый ручеек для Хозяина.

Аристократ Номер Три с торжествующим видом убивает Номер Девять. Влюбленный юноша падает лицом в снег.

Десятка, его возлюбленная, умирает от руки вдовы Номера Четыре. Они лежат рядышком, и потоки их крови, сбегающей к колодцу, смешиваются.

Из колодца раздается негромкий вибрирующий рык.

Хозяин доволен. Но он все еще голоден.

Осталась одна пара. Злополучный Кирилл и бледная девица со шрамом на шее. Такой шрам остается после неудачной попытки самоубийства — или «игры в Жатву», популярной некогда забавы среди золотой молодежи города...

Кириллу достался серп. Девице — веревка.

У него дрожат руки. У нее — подбородок. Я вдруг ловлю себя на том, что девица удивительно напоминает мне Агату...

Кирилл медлит.

У меня останавливается сердце.

Неужели?..

Сейчас?!

Ну!!!

Рык Хозяина становится оглушительно-требовательным. Запах крови перебивает поднимающийся из колодца смрад.

Я вспоминаю свой сон. Холодные скользкие камни. И нет дна.

До края осталось совсем чуть-чуть.

Совсем немножко...

Я нащупываю свой серп. Жатва должна состояться.

Для этого я здесь.

Вот уже четырнадцать лет...

Нельзя допустить повторения кошмара двухвековой давности. Если Кирилл пощадит свою жертву, я сделаю все за него. Сам.

Воздух над краем колодца дрожит. Смрад становится невыносимым. Первое склизкое щупальце выбирается из колодца — и Кирилл не выдерживает.

Взмах серпа. Фонтан крови из рассеченного горла. Девушка падает. Кирилл роняет серп.

Обиженно-сытый рев Хозяина.

Жатва закончена.

В этот раз все обошлось...

Я вернулся домой под утро. Агата еще не спала. Она терпеливо ждала меня под дверью ванной, пока я с остервенением тер себя мочалкой под обжигающими струями душа.

— Как прошло? — спросила она.

— Нормально, — сказал я.

— Неужели — никто? — спросила она.

— Был один, — сказал я.

— И?

— Не смог. Колебался, но все-таки не выдержал.

Агата вздохнула.

— Ничего, — сказала она. — Когда-нибудь найдется кто-то... кто сможет.

— Да, — сказал я. — Кто-нибудь обязательно сможет.

Ведь я же смог.

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

В Центре управления полетами было непривычно тихо.

Большой транспарант «С Днем космонавтики, дорогие коллеги!», вывешенный над стеклянными дверями, чуть слышно шуршал под струей прохладного воздуха из кондиционера.

Поздравить Виталия с праздником забежал Саша, стажер из сектора управления МКС, но и он уже умчался, на прощание бросив: «Старик, я к жене». Теперь Виталий сидел один, от нечего делать вращаясь туда-сюда в кресле, смотрел на экраны и скучал. Запусков в ближайшее время не предвиделось.

— Водки бы сейчас! — громко сказал Виталий и укоризненно посмотрел на маленький календарик с портретом Гагарина. Первый космонавт радостно улыбался — он, как говорят, и сам был не дурак выпить. Виталий вздохнул и откинулся на спинку кресла.

Из динамиков монитора послышался шум. Открыв один глаз, оператор удивленно посмотрел на сетку селектора. Шум продолжался, он усилился и стал как-то непонятно пульсировать.

«Помехи, блин», — Виталий пощелкал кнопками. Безуспешно. Когда он уже потянулся, чтобы проверить датчики мониторинга, в динамике что-то щелкнуло и шум пропал. Вместо него раздался мужской голос:

— Эй, в ЦУПе! Привет, Земля! С праздником! Как вы там?

Машинально набросив на голову наушники, оператор посмотрел на пульт, где должен был светиться зеленый огонек приема-передачи.

Остолбенело заморгал. Линия была мертва — «ни звездочки», как любил говорить сменщик Виталия.

— Земля, как слышите? — голос был веселым.

— Слышу вас... — выдавил Виталий. — Кто на связи?

— На связи — «Союз-11». Командир экипажа Георгий Добровольский. Как там празднуете?

— Не понял вас. «Союз-11»? — Виталий тупо уставился в список позывных. — Какой еще одиннадцатый? Кто там шутки шутит?

— Тот самый, не сомневайся, — голос в наушниках прервался смешком. Не отпуская стебель микрофона, свободной рукой Виталий открыл ящик стола, выхватил оттуда тяжелый том «Мировой пилотируемой космонавтики» и начал лихорадочно перелистывать страницы. Да... Ди... До... «Добровольский, Георгий Тимофеевич. 30 июня 1971 года... Погиб со всем экипажем «Союза-11» при возвращении на Землю...».

— Освободите линию! — заорал он в микрофон. — За такие вещи...

— Ты не кричи, сынок, — голос сменился другим, — ты лучше нас поздравь. Шутка ли — почти сорок лет прошло. Как вы там, на Земле?

— Кто... это? — медленно спросил Виталий, чувствуя, как леденеет затылок.

Почему-то он поверил, только услышав этот далекий, прерывающийся эхом голос — ничего живого не оставалось в нем, были только вселенская тоска и усталость.

— Полковник Владимир Комаров. «Союз-1», — голос замолчал.

Потом в наушниках заговорил прежний веселый мужчина:

— Да нас тут много, парень! И все тебя поздравляют. Вот тут и Пацаев с Волковым присоединяются, —

говоривший словно бы отвернулся от микрофона; на заднем фоне послышался шум, похожий на аплодисменты, неразборчивые голоса.

— Вот к нам еще и американцы прибыли, «гуд лак» тебе желают. С «Аполлона-1» парни. О, и девчонки!

— Какие?

Виталий спрашивал, сам не понимая, что делает. В голове билось только одно: «Это же правда, правда, не розыгрыш, я знаю...»

— С «Челленджера» ихнего. И с «Колумбии». Одна, которая учительница, очень даже ничего! — Добровольский снова засмеялся, в сторону сказал что-то по-английски.

— Hi, i'm Judith Reznick! — звонкий женский голос ударил из наушников. — How are you?

Трясущейся рукой Виталий набрал номер, зажав микрофон в кулаке. После нескольких телефонных гудков из трубки раздалось:

— Лобачев слушает.

— Владимир Иванович, — оператор мысленно представил себе грозного руководителя ЦУПа и сглотнул. — Владимир Иванович, тут такое дело...

Он рассказывал, сбивчиво и путано, а в наушниках все это время шуршали мертвые голоса, орбитальные призраки прошлого смеялись и пили шампанское.

Когда Виталий замолчал, в трубке еще десяток секунд слышалось тяжелое дыхание.

— Понятно, — отозвался Лобачев, — ты там не паникуй. Поздравь их от нас, от ЦУПа там... Найди слова получше.

— Владимир Иванович! Так они же...

— Мертвые. Знаю. Ты, Виталий, еще года у нас не проработал, потому и не в курсе. Каждые пять лет такое повторяется. А говорить об этом у нас не принято. Стало быть, тебе повезло — услышал.

— Так это что — не шутки? — прошептал в трубку Виталий, отчаянно ожидая, что Лобачев сейчас засмеется, скажет: эх, ты, салага, разыграли тебя.

Но начальник ЦУПа не смеялся.

— Да какие тут шутки, — отозвался он, покашливая, — сколько лет пытаемся с ними в другое время выйти на связь... Никак. А двенадцатого апреля — как по заказу. И все равно каждый раз не верим, не ждем... Ладно, действуй по обстановке.

В трубке запикало. Виталий глубоко вздохнул и разжал ладонь, стиснувшую шумоподавитель микрофона.

— «Союз-11», это ЦУП. Вы на связи? — спросил он.

— Мы с вами всегда на связи, — добродушно-насмешливо отозвался Добровольский. — Как там Главный?

— В порядке, «Союз».

Виталий потянулся к пиджаку. Достал из внутреннего кармана фляжку, секунду поколебался и отвинтил пробку. Вдохнул запах коньяка.

— Ну, тогда с праздником вас! — прошептал он в глухую космическую черноту и сделал первый глоток.

ВАЛЕРИЙ ОКУЛОВ

ДЕСЯТЬ КНИГ ОДНОГО ВЕКА

(Воспоминания как размышления)

«Habent sua fata libelli/Книги имеют свою судьбу» — полстроки из стихотворного трактата римского грамматика Теренциана Мавра давно стали «крылатым» и часто употребляемым выражением. А вот полностью строку знают меньше — «оценка читателя книгам судьбу назначает», в смысле — потомки могут оценить книгу совсем иначе... Так бывает чаще — когда мнения современников и потомков расходятся. А на обширной «территории» фантастической литературы большинство книг даже через год уже никто не помнит, кроме их авторов да коллекционеров. Другое дело, если книга не дает себя забыть...

Когда и где вышел первый сборник фантастики нескольких авторов? История не очень фантастическая, но достаточно занимательная. Американцы, естественно, считают, что именно у них в 1927 году — сборник «Лунный ужас» (The Moon Terror and Other Stories), составленный А.Г. Бирчем из произведений, опубликованных в известном журнале «Weird Tales». На 192 страницах разместились: одноименная повесть составителя и по рассказу Энтони М. Руда, Винсента Старретта и редактора журнала Фэрнсуорта Райта.

Французские исследователи «l'imaginaire» считают, что первая антология фантастики вышла в парижском издательстве «Flammarion» в 1924 году. Но тут есть нюанс: сборник «Rip, l'homme qui dormit vingt

ans» изначально не позиционировался как «фантастический», хотя подавляющая часть его произведений — явная фантастика, ведь среди авторов — Вашингтон Ирвинг, Натаниэл Готорн, Ф.Дж. О'Брайен, Т.Б. Олдрич, Амброз Бирс, Фрэнк Стоктон, Генри Джеймс.

И молодая Советская Россия попыталась тогда встать вровень с Североамериканскими Штатами! В далеком 1927 году в московском издательстве «Земля и Фабрика» вышел первый советский сборник фантастических рассказов «Борьба с химерами» — как первый выпуск «Библиотеки «Всемирного следопыта». Соответствуя эпохе, тоненькая книжка журнального формата включала произведения лишь зарубежных авторов, среди которых не только «классические» Г.Дж. Уэллс и Джек Лондон, но и малоизвестные сейчас Стеси Блэк, Ф.С. Марз и совсем неизвестные Е. Путкамер и Морис Сейлор.

Можно первым в мире сборником фантастики посчитать и 144-страничную книжку уменьшенного формата под заглавием «Фантастические рассказы новейших иностранных писателей», вышедшую в Москве в 1910 году и состоящую из трех рассказов очень разных авторов — фантаста Октава Бельяра, мистика Гастона Леру и совсем неизвестного ныне Германа Ремера.

К сожалению, в России эти малоудачные опыты вообще оказались единичными. В течение последующих десятилетий о подобном даже мечтать не стоило... Альманахи и сборники выпускались, в них даже включались фантастические рассказы; но следующая книга, в подзаголовке которой стояло «сборник научно-фантастических повестей», увидела свет лишь в 1949 году. В трехсотстраничный том увеличенного формата «Дорога богатырей», выпущенный Трудрезервиздатом, составленный В. Сапариным и снабженный вступительной статьей Л. Жигарева «Научную фантастику — советской молодежи», вошли повести как известных советских фантастов: «Тайна невидим-

ки» Ю. Долгушина, «Исчезновение инженера Боброва» Сапарина, «Ущелье Батырлар-джол» А. Студитского, так и повесть совсем не фантаста С. Болдырева «Загадка ракеты «Игла-2». Критики книгу приняли настороженно, в стиле тех лет рецензия называлась «Фантастические измышления вместо научной фантастики»...

Тем не менее (по инерции) в следующем году в Горьковском областном издательстве выпустили «сборник научной фантастики» «На грани возможного», включавший произведения тогдашних «мэтров»: В. Немцова, Г. Гуревича, И. Ефремова, В. Охотникова, В. Сапарина. Это «на грани возможного» стало на несколько лет лозунгом всей советской фантастики — совсем ей не на пользу. К примеру, сборник НФ-повестей «Голос моря», выпущенный Трудрезервиздатом в 1952-м, был совсем уж несерьезной книжкой как по форме (152 страницы), так и по содержанию: «Голос моря» Сапарина, «Новое зрение» Охотникова, «В карстовых пещерах» В. Иванова. Это была стопроцентная фантастика «ближнего прицела» — совсем неинтересная...

Изменения к лучшему начались в 1955-м: в Детгизе вышел первый выпуск альманаха «Мир приключений». Хотя в объемистой книге энциклопедического формата «НФ» было очень мало: лишь шпионско-фантастическая повесть Гуревича «Второе сердце» да сказочная повесть американца Говарда Фаста «Тони и волшебная дверь», сам факт появления периодического сборника приключений и фантастики значил немало! Во втором выпуске «Мира приключений» (1956) опубликовали рассказ классика американской «сайнс фикшн» Эдмонда Гамильтона, не прошло и пятнадцати лет, как шуточный рассказ «Невероятный мир» появился в русском переводе — фантастика!

Год 1959-й стал «прорывным» в издании НФ-сборников — их вышло шесть, и половина из них стали «знаковыми». Борис Ляпунов составил сборник фантастики довоенных лет «Невидимый свет», включав-

ший не только рассказы получившего полное признание «классика» А.Р. Беляева, но и произведения Г. Гребнева, Э. Зеликовича, М. Зуева-Ордынца. Анатолий Варшавский в сборнике «Дорога в сто парсеков» собрал повести и рассказы самых интересных на тот год советских авторов НФ. И наконец, в Лениздате вышел первый сборник серии «В мире фантастики и приключений», через десяток лет ставшей одной из самых популярных в стране. Составитель первого указан не был, что тогда было вполне обычным явлением, возможно, им была редактор Т.В. Боголепова. С 1963 года сборники составляли Евгений Брандис и Владимир Дмитревский, с этого года они и стали «явлением», в чем-то определяющим пути развития советской фантастики на протяжении четверти века!

Сборник 1959 года не совсем отвечал своему названию — приключений было больше, чем фантастики. В солидном шестисотстраничном томе с изображением сурового космонавта на ледериновом переплете «научная фантастика» занимала чуть более трети объема. «Звезда КЭЦ» и «Атолл Факаофо» классиков Беляева и Ефремова да шпионско-фантастический рассказ Георгия Мартынова «Невидимая схватка»...

Сборник 1963 года совсем другой, так ведь и времена настали другие — «золотой век» советской НФ. Только фантастика в сборнике: Ефремов, Стругацкие, Днепров, Гуревич, Варшавский, Альтов и Журавлева, Лагин, «Солярис» Лема. По сути, первый сборник «лучшего» в советской фантастике! С послесловием Брандиса и Дмитревского «Мечта и наука», в котором повышенный спрос на НФ-произведения объясняется с точки зрения «марксистско-ленинского учения» и высказываний «нашего Никиты Сергеевича» (куда деваться — таковы были правила игры). «Сборник составлен с учетом тематического многообразия советской НФ, откликающейся на все новое, что происходит в науке, и стремящейся опередить ее реальные возможности». Подчеркивали составители и то, что «в идеоло-

гической борьбе сатира — одно из самых эффективных оружий», выражая уверенность в том, что фантастический памфлет «должен занять заметное место в советской литературе».

Пожалуйста! В следующем сборнике памфлетам отдан вполне приличный объем. «НФ наших дней использует любые литературные жанры — от социальной утопии и политического памфлета до реалистического романа и психологической новеллы, от философской драмы и киносценария до сатирического обозрения и сказочной повести. Следовательно, особенности НФ характеризуются не внешними жанровыми признаками, а внутренним содержанием, идейным наполнением, целесообразностью произведения...

Облекать в художественные образы представления о будущем или «реконструировать» доисторическое прошлое, раскрывать гипотетические возможности науки и техники, показывать в осуществлении социальные, этические, эстетические идеалы, воспитывать лучшие качества нового человека, предупреждать о грядущих человечеству опасностях — таково далеко не исчерпывающее определение задач передовой материалистической НФ». Эти высказывания из предисловия Брандиса и Дмитревского иллюстрируют произведения сборника 1964 года, составленного В.И. Дмитревским. Примечателен он прежде всего двумя романами. Чуть позже, чем в «Звезде», публикуется «Непобедимый» Лема — начинает складываться замечательная традиция! Так и осталась эксклюзивной публикация «марсианского» романа Виктора Невинского «Под одним солнцем». Ошиблись в данном случае мэтры-литературоведы, ведь что они писали тогда: «Его первый роман дает право надеяться, что советская НФ приобрела еще одного одаренного серьезного писателя...»

Начав предисловие с небольшого обзора американской «сайнс фикшн», Брандис и Дмитревский делают однозначный вывод: «Американская фантастика

устремлена назад, к прошлому...» Памфлет Романа Кима эти «устремления» и разоблачает! И памфлет Шалимова, и почти памфлет Варшавского... А еще в сборнике произведения Гора, Журавлевой, Гуревича, Стругацких — тогда «имена» гарантировали качественное чтение.

Два следующих сборника вышли под «персональными» названиями, но и серийное сохранили. «Эллинский секрет» (1966) сразу попал в ряд книг, желанных для каждого любителя НФ, — ведь в нем опубликованы были «Люди как боги» Сергея Снегова и «Улитка на склоне» Стругацких! Выполнить желание было не просто, при тираже-то всего 65 000 экземпляров. Стильные иллюстрации М.А. Кулакова, хорошие рассказы советских писателей плюс Брэдбери и Хайнлайн — сборник удался на все сто! Полностью отвечая «новым» требованиям к советской фантастике, выдвинутым в предисловии составителей. Сначала они четко определили недостатки оной начала шестидесятых: «Делался упор преимущественно на идейную и научную сторону, а требование к мастерству писателя явно занижалось». Разобрав вкратце романы В. Ванюшина, А. Колпакова, В. Новикова, авторы «программной» статьи делали вывод: «Оценки и критерии не могут оставаться прежними... Лучше меньше, да лучше!»

Немало места в предисловии отдано разбору романа Снегова, «формально» также относящегося к «космическим феериям». Да только вот у этого писателя «есть запас собственных оригинально разработанных идей и крепкий литературный профессионализм... Роман буквально ошеломляет масштабностью замысла и грандиозностью изображенных в нем событий». О творчестве братьев-фантастов написано так: «Когда речь заходит о новаторских исканиях в советской фантастике, критики в первую очередь называют Аркадия и Бориса Стругацких. И пусть не каждая их новая вещь лучше предыдущей — она всегда необычна, является плодом серьезных раздумий и смелого твор-

ческого поиска». Рассматривая главы из «Улитки...», составители делали такой вывод: «Любые начинания, хотя бы вытекающие из каких-либо объективных закономерностей, не могут быть признаны прогрессивными, если в основе своей они антигуманны и аморальны». «НФ всегда злободневна, связана с волнующими проблемами современности. Она наталкивает на раздумья, будит живую мысль, тренирует воображение, развивает ум. Но при всем многообразии художественных приемов и жанровых признаков она остается литературой, а литература — это прежде всего человековедение...»

Сборник «Вахта «Арамиса» (1967) потоньше и «посуше», но и он интересен, стремясь представить фантастику во всем многообразии ее творческих направлений. Пример — сатирико-фантастическая повесть известного писателя Даниила Гранина и рассказ члена-корреспондента АН СССР М.В. Волькенштейна (псевдоним — М. Владимиров). Повесть Ольги Ларионовой дала название сборнику, включены в него рассказы Варшавского и Шалимова. «Продолжая оправдавшую себя традицию», опубликован первый перевод романа Лема «Эдем» в исполнении Дм. Брускина. Составители надеялись, что сборник «будет встречен многочисленными любителями фантастики с таким же интересом, как и предыдущие». И правильно надеялись!

Завершала книгу большая статья Брандиса и Дмитревского «Тема «предупреждения» в научной фантастике», в которой они выступили толкователями «антиутопий» и «предупреждений». Сорок пять лет назад — при минимуме другой доступной информации — читать ее было очень интересно. «В нашей фантастике тема предупреждения тесно связана с темой утверждения... Предупреждая, утверждать — вот идейно-художественный принцип, из которого исходят писатели-фантасты стран социализма!»

В сборнике «Вторжение в Персей» (1968) названия серии нигде не просматривается, но преемственность

явная. Начинается он вступлением составителей «Мир, каким мы хотим его видеть». «Это может показаться неправдоподобным, но представления о будущем, о жизни в коммунистическом обществе складываются у многих советских людей в значительной степени под воздействием прочитанных НФ-книг». Да почему ж неправдоподобным, так оно и было!

Чувствуются в статье отголоски споров о «двусмысленных» толкованиях последних на тот период повестей Стругацких, о водоразделе между «предупреждениями» в фантастике советской и за рубежом. «Советские писатели не только видят цель и сознают трудности, но и верят, что цель эта будет достигнута». Несмотря на приведенные тут же цитаты из Ленина и Ефремова, сегодня придется признать — уже тогда начались «сомнения»...

Вкратце рассмотрев пятидесятилетний путь развития советской НФ, Брандис/Дмитревский не одобряют консервативные попытки некоторых литераторов старшего поколения повернуть литературное движение вспять, в русло фантастики сороковых-пятидесятых годов. «Интеллектуальное направление в советской НФ, основателем которого является И. Ефремов, свидетельствует о ее несомненном росте и стремлении ответить на актуальные вопросы современности». К этому направлению они причисляют не только писателей «призыва 1957 года», но и Геннадия Гора (его повесть «Имя» и рассказ «Сад» включены в сборник), Александра и Сергея Абрамовых, Сергея Снегова (вторая книга романа «Люди как боги» которого занимает более половины книги). А еще есть в ней раздел «Братски ваш Герберт Уэллс...» с интересными воспоминаниями о пребывании великого фантаста в Северной столице. Несомненно, три сборника середины шестидесятых — замечательные книги как по содержанию, так и по форме!

Хотя в семисотстраничном сборнике «Тайна всех тайн» (1971) вновь появляется подзаголовок «В мире

фантастики и приключений», он иной... Времена менялись, вот даже краткого предисловия составителей в книге не оказалось. Оформление и качество бумаги — не из лучших. Содержание — совсем неплохое, но... как же без Стругацких?

Ленинградцы, составившие среди авторов сборника подавляющее большинство, «планку не сбили», но и высот новых не преодолели. Лев Успенский, тряхнув стариной, опубликовал полуфантастическую повесть «Эн-два-о плюс икс дважды», начатую еще двадцать с лишним лет назад, Георгий Мартынов — фантастико-приключенческую повесть «Кто же он?», Аскольд Шейкин — повесть «Тайна всех тайн». Кто сейчас вспомнит, в чем там дело-то было? Вопрос риторический... Роман Александра Меерова «Право вето» — дело другое, так и взаимоотношения человека и Вселенной — дело Вечности! Рассказы Варшавского, Снегова, Гора, повесть «Суд» Лема демонстрировали крепкий профессиональный уровень — всего лишь...

Смутные подозрения, «терзающие» любителей НФ тех лет, оправдались — следующий сборник Лениздата вышел только в 1977 году. Центробежные процессы в советской фантастике еще более обострились, так что произведений Стругацких в нем, естественно, не оказалось. Хорошо хоть то, что составителям удалось включить третью книгу уже знаменитого романа Снегова — «Кольцо обратного времени», давшую название всему сборнику и занявшую более трети книги. Треть предисловия составителей занимало объяснение того, что же это за произведение такое, нужно ли оно советскому читателю... «Не все воспринимают философскую глубину замысла... Роман привлекает не только динамическим действием и неиссякаемой выдумкой, но прежде всего убедительно обрисованными характерами героев...»

А начинается предисловие с «простого» вопроса: «Что такое НФ и каково ее место в общем потоке советской литературы?» При отборе произведений соста-

вители исходили из определения, сформулированного главным редактором журнала «Вопросы литературы» В.М. Озеровым: «Как часть советской литературы НФЛ должна отвечать идейно-художественным требованиям, предъявляемым ко всей нашей литературе, требованиям партийности и высокой художественности». Так что произведениям Стругацких места, естественно, не нашлось...

Из повестей сборника выделяется «Инспектор отдела полезных ископаемых» И.И. Варшавского — блестящая пародия на трафареты детектива, последнее произведение, опубликованное при жизни автора. Повести Галины Панизовской и Дмитрия Романовского — совсем другое дело, они серьезны (слишком серьезны). Не то «Курфюрст Курляндии» Вадима Шефнера — сказка, читающаяся с улыбкой, но наводящая на серьезные размышления. «Нет надобности вдаваться в разбор коротких рассказов, выполненных на достойном профессиональном уровне молодыми фантастами Ленинграда», а именно Андреем Балабухой, Феликсом Суркисом, Александром Хлебниковым, Александром Щербаковым. Да и известными прозаиком Борисом Никольским и поэтом Леонидом Агеевым тоже. Цель составителей на тот момент была выполнена: «Мы демонстрируем жанровое и тематическое многообразие современной НФ и знакомим читателей с новыми писательскими именами».

Выхода следующего сборника пришлось ждать не шесть, «всего лишь» пять лет — уже достижение. После смерти Владимира Ивановича Дмитревского (1908—1978) — прозаика, публициста, критика, соавтора и старшего друга, Брандис продолжал составительскую работу единолично. Вышедший в целлофанированном переплете (веяния времени) «Белый камень Эрдени» (1982) был «разнообразен по темам и жанрам... Но при всей несхожести творческих почерков авторы едины в стремлении подчинить фантастический замысел и условный сюжет морально-нравственной проблема-

тике, которую ставит перед нами наша сегодняшняя реальная жизнь». Это строки из предисловия составителя, человека здравомыслящего и понимающего — неладно что-то в «нашем королевстве»...

«Переориентировка фантастики с технических проблем на этические — в русле общелитературных исканий. Теперь фантастов интересует не техника сама по себе, а ее воздействие на сознание, не наука как таковая, а социальные и нравственные последствия применения изобретений и открытий... Сегодняшний уровень НФ определяют социальные и нравственные критерии... Ныне многое зависит от этики!»

Наконец-то публикуется в сборнике произведение братьев Стругацких, названных составителем «ветеранами». Стержнем книги стала повесть «Жук в муравейнике», только что удостоенная премии «Аэлита». «Экспрессивный повествовательный стиль, внутренние монологи, сказовая речь, стремительные реплики делают образы резко индивидуализированными... Герои Стругацких живут в быстро меняющемся мире, и смоделирован он так убедительно, что даже на условном фантастическом фоне кажется почти достоверным».

А в романе Георгия Бальдыша «Я убил смерть» взаимоотношения строятся в привычном психологическом плане, но на бытовом фоне развертывается также и НФ замысел. Составитель отметил, что обращение этого опытного писателя к НФ «во всех отношениях плодотворно».

Повести «Белый камень Эрдени» Геннадия Николаева и «Старуха с лорнетом» Олега Тарутина «переводят фантастическую условность в полусказочный или откровенно сказочный план». Но затрагивают серьезные проблемы и дают ненавязчивый нравственный урок.

А еще в 600-страничном сборнике есть рассказы «ветеранов» Варшавского, Шефнера, Снегова, Шалимова; а также молодых авторов и дебютантов. Такая книга тридцать лет назад могла разойтись тиражом

раз в двадцать большим стандартных 100 000 экземпляров!

Сборник «Меньше — больше» (1988) с произведениями ленинградских (в основном) писателей опять вышел лишь через шесть лет. К этому времени уже не стало Евгения Павловича Брандиса (1916—1985) — литературоведа и критика, одного из основоположников советского фантастоведения. Специалист по творчеству Жюля Верна, с середины пятидесятых ставший неутомимым исследователем и пропагандистом НФ, он составил (в сотрудничестве и единолично) около двадцати сборников НФ: кроме серии Лениздата, еще два «Альманаха НФ» (1965, 1967), два сборника англо-американской фантастики (1965), сборники «Фантастика-72», «Талисман» (1973), «Практичное изобретение» (1974), «Незримый мост» (1976), «Созвездие» (1978) и другие.

Заканчивал составление сборника 1988 года Лев Куклин, был он прежде всего поэтом, еще немного прозаиком и фантастом, никак не литературоведом, так что никаких вступлений/обзоров в книге, естественно, не было. Но вклад Куклина очевиден — хотя бы вызвавшая в тот год фурор среди любителей фантастики «Чакра Кентавра» Ольги Ларионовой, поставленная — по «принципу Штирлица» — в окончание тома. Открывала же книгу повесть другого «ветерана» — «Право на поиск» Сергея Снегова. Но больше среди авторов было тех, кого через три года почти официально назовут «четвертым поколением» советских фантастов. Повесть Андрея Столярова «Мечта Пандоры» была принята читателями на ура, рассказы Вячеслава Рыбакова, Виктора Жилина, Феликса Дымова также смотрелись на фоне фантастики тех лет свежо и интересно. Не рассматривая произведения всех шестнадцати авторов, в целом о сборнике можно сказать уже раз сказанное — книгу, представляющую «срез» лучшего в советской фантастике тех лет, тогда купил бы миллион читателей!

Не зря же отмечал в одной из своих статей известный ныне писатель Вячеслав Рыбаков: «Составленные крупными фантастоведами восемь сборников, выпущенных Лениздатом с 1963 по 1982 год... вошли в золотой фонд советской фантастики. Перечитывая их один за другим, вновь возвращаясь к предисловиям или послесловиям составителей, видишь, как развивался, следуя за развитием страны, популярнейший и интереснейший вид литературы».

Последний сборник фантастики Лениздата «Мистификация» (1990) составил Александр Шалимов. Перемены были налицо — книга вышла в мягкой обложке, а внутри не оказалось ни одного «ударного» произведения. Общий уровень был достаточно высок, ведь среди двенадцати авторов — Ларионова, Рыбаков, Столяров, Снегов, но из предыдущего ряда антологий книга явно выбивалась...

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Головачев
ГОСТИ НЕПРОШЕНЫЕ 5

Олег Бондарев
ТРАНСЛИРУЙТЕ МЕНЯ 32

Антон Первушин
ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ КРИК 94

Ярослав Веров
КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА 109

Алексей Евтушенко
ПРАВО НА КРОВЬ 130

Елена Сафронова
ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ 163

Максим Хорсун
ПОКИДАЯ «МАРРАКЕШ» 184

Александр Золотько
КОГДА-НИБУДЬ... 214

Дмитрий Казаков
ЭРОТИЧНЫЙ РОБИНЗОН 236

Константин Ситников
БРАТ МОЙ АВЕЛЬ 245

Олег Силин
СКАЗАЛА ШЕЙЛА 258

Мария Гинзбург
УБАЮКАТЬ НОЖ 272

Дарья Зарубина
ЖЗЛ 385

Ярослав Кудлач
ПРЕДЪЯВИТЕ БИЛЕТ! 398

Эдуард Шауров
БЕНЗИН 415

Владимир Марышев
ЯЧЕЙКА 447

Марина Дробкова
ВКУС ГАМБУРГСКИХ ВАФЕЛЬ 466

Вячеслав Шторм
В ЛЕСУ БЫЛО ПРЕКРАСНО 476

Майк Гелприн
ШЕСТЕРО И УМАНСКИЙ 488

Николай Калиниченко
СЕРДЦЕ ПРОХОДЧИКА 505

Игорь Вереснев
ЖИВЫЕ ПРОСТРАНСТВА 557

Сергей Чекмаев
ЛАУРЕАТ 579

Иван Ситников
МУСТАНГИ ХОДЯТ ПАРАМИ 595

Аркадий Шушпанов
ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ 608

Александр Ложкин
ИМБУНХЕ 627

Альберт Гумеров
ДВА ДНЯ ДО ЗАВТРА 651

Наталья Анискова
РАЗЛИТАЯ ВОДА 664

Виктор Колюжняк
ЕЧКО-БРЕЧКО 675

Артем Белоглазов
ЕХАЛ ГРЕКА 695

Александр Бачило
НЕ НУЖНЫ 721

Сергей Жигарев
ОБРОК 746

Юстина Южная
ЦВЕТКА 770

Татьяна Иванова
ВОЙНА ПО ФЭП 791

Елена Первушина
КОНЦЕПЦИЯ САМОУБИЙСТВА 812

Антон Фарб
ЖАТВА 830

Вадим Шарапов
ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ 843

Валерий Окулов
ДЕСЯТЬ КНИГ ОДНОГО ВЕКА
(Воспоминания как размышления) 847

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА-2013

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.
Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Подписано в печать 23.11.2012.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 5000 экз. Заказ № 8919

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-61055-6

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону, пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.
Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14 . E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2013

Тысячи лет они правят нашим миром…
Недаром в земном фольклоре существует столько легенд и мифов о полуящерах-полулюдях! В далеком прошлом на Земле высадились первые из них. С тех пор нелюди не только расплодились, но и заняли все ключевые посты, как в коммерческих, так и в государственных структурах. К сожалению, современная Россия не исключение…
Огромный корабль, предназначенный для астроинженерных работ, выполняет в глубинах космоса опасную миссию. Завербованные таинственной расой Нанимателей, земные астронавты и не подозревают на что подписались…
От грандмастера отечественной фантастики до талантливых новичков, от фантастического триллера, до юмористической фэнтези – таков диапазон повестей и рассказов в традиционном сборнике «Русская фантастика»!

ISBN 978-5-699-61055-6